

Кэндзабуро Оэ

大江健三郎

18+

Игры современников
Записки пинчраннера

Игры современников. Записки пинчраннера

Кэндзабуро Оэ

Аннотация
Кэндзабуро Оэ. Игры современников. Записки пинчраннера
Игры современников
Письмо первое. Из Мексики – обращаясь к истоку времени
Письмо второе. Существо величиной с собаку
Письмо третье. Бык-дьявол и Дух тьмы
Письмо четвертое. Блистательная пятидесятидневная война
Письмо пятое. Семья человека, описывающего мифы и предания
Письмо шестое. Лес деревни-государства-микрокосма
Записки пинчраннера
Глава I. Золотой век послевоенного бейсбола
Глава II. Нанят писатель-невидимка
Глава III. Однако все это было в прошлом
Глава IV. Мы сразу же включились в борьбу
Глава V. Чувствую, что заговорщики чуждаются меня

Глава VI. Так я встретился с могущественным господином А., то есть с Патроном
Глава VII. Всестороннее изучение Патрона
Глава VIII. Всестороннее изучение Патрона. (продолжение)
Глава IX. Двое превратившихся анализируют будущее
Глава X. Одиссея корпуса лососей
Глава XI. В токио прибывают ряженые
Глава XII. Двое превратившихся ссорятся между собой

Аннотация

Опубликованные в 1979 году «Игры современников» – одно из наиболее сложных и глубоких произведений Кэндзабуро Оэ. Роман написан в форме шести писем, которые главный герой отправляет своей сестре-близнецу. В них автор устами своего персонажа осмысливает прошлое, настоящее и будущее родной страны и пытается создать новую многообразную модель устройства японского общества, в которой место унифицирующего культа императора занимает триумвират «деревня-государство-микрокосм».

Роман «Записки пинчраннера» посвящен привычным для Оэ темам самоопределения и неуверенности японской молодежи, живущей в страхе перед опасностями ядерного века. В бейсболе (игре, ставшей для послевоенного японского поколения большим, чем просто игра) пинчраннер – это игрок, способный одной стремительной пробежкой спасти проигрывающую команду. В романе таким пинчраннером становится герой, известный

лишь как отец Мори. Мужчина посвящает жизнь борьбе с загадочным Патроном, беспринципным манипулятором, который обманом пытается заставить две юношеские группировки создать «грязную» ядерную бомбу, способную в один миг стереть Токио с лица земли.

Кэндзабуро Оэ
Игры современников. Записки пинчраннера

б и б л и о т е к а к л а с с и к и

Серия «Библиотека классики»

大江 健三郎

Kenzaburo Oe
DOJIDAI GEMU PINCHI RANNA CHOSHO

Перевод с японского *В. Гривнина*

Печатается с разрешения Yukari Oe и The Wylie Agency (UK) Ltd.

© Kenzaburo Oe, 1976, 1979
© Перевод. В. Гривнин, наследники, 2025
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Игры современников

Письмо первое
Из Мексики – обращаясь к истоку времени

1

Сестренка, это труд, к которому я готовился всю жизнь: думал — вырасту и когда-нибудь обязательно возьмусь за повествование. Работа, к которой я до сих пор не решался приступить, хотя и был твердо уверен, что если уж возьмусь, то непременно найду нужную форму и буду писать, не раздумывая. И вот теперь я собираюсь рассказывать обо всем в письмах к тебе. Передо мной твоя фотография: ты, сестренка, в джинсовых шортах и красной рубахе, узлом завязанной на талии, так что виден живот; лицо твое, с высоким чистым лбом, озарено улыбкой. К фотографии прикреплен скрепкой цветной слайд — на нем ты совершенно обнаженная. Я приколол фотографию со слайдом к деревянной панели в своей комнате в Мехико, надеясь, что они будут воодушевлять меня.

Эвакуированные к нам во время войны специалисты по небесной механике дед Апо и дед Пери,

вникнув в замысел Разрушителя и созидателей, пришли к выводу, что оба наших поселка — один в долине, другой в горах — представляют собой единое целое: деревню, государство и даже микрокосм. Не позабыв об этом и после того, как их увезли от нас, я, следуя их указаниям, с самого начала буду именно так именовать наш край.

В прежние времена, когда в деревне-государстве-микрокосме рождался ребенок, прибегали к такой уловке: дожидались появления еще одного и заносили обоих в книгу посемейных записей как одного человека. Эта уловка была проявлением внутреннего сопротивления: внешне покорившись Великой Японской империи, к ней прибегли после долгого периода, именуемого Веком свободы, — того, что последовал сразу же за основанием деревни-государства-микрокосма. Но после поражения в пятидесятидневной войне между деревней-государством-микрокосмом и Великой Японской империей от этой уловки пришлось отказаться. Даже у Разрушителя, придумавшего ее, не хватило сил ее возродить.

Вот почему, появившись на свет уже после пятидесятидневной войны, я обосновался в реальном мире, будучи зарегистрирован в книге посемейных записей один, как это принято де-

лать обычно. И все же еще до школы я, как бы перечитывая первоначальный замысел Разрушителя, обнаружил в этом мире двойника. Обнаружил тебя, сестренка, своего близнеца. Разумеется, двойник — не просто моя выдумка. В данных нам с тобой именах просматриваются козни стариков, все еще цеплявшихся за старую уловку с книгой посемейных записей. Однако, появившись на свет близнецами, но разнополыми, мы нарушили стройный замысел Разрушителя. Отнюдь не благодаря проникновению в его планы я признал тебя своим повторением. Только благодаря тебе меня осенило — словно вспыхнул огонь в душе — и я постиг значение планов Разрушителя в истории нашего края.

В маленьком городке Малинало я обнаружил, что из глубины сердца взываю к тебе — неотъемлемой частице меня самого, и поэтому, сестренка, приступил к работе, заново осознав свою миссию — описать мифы и предания нашего края. Именно тогда я, вдохновленный прикрепленным к твоей фотографии цветным слайдом, и решил рассказывать обо всем в письмах, решил писать. Дух захватывало при мысли о том, что через тебя, ставшую жрицей Разрушителя, я расскажу ему мифы и предания нашего края. Городок Мали-

налько, где я принял это решение, примостился на крутом склоне обращенной к пустыне горы, у подножия которой разбросаны возделанные поля; он ничем не отличается от большинства старинных мексиканских городков, история его была долгой и запутанной. Потрясение, выпавшее однажды на мою долю в этом городке, неожиданно воскресило во мне намерение описать в письмах к тебе мифы и предания нашего края — намерение, осуществление которого я с давних пор все откладывал и откладывал. Здесь, в четырех часах быстрой езды от Мехико, я оказался, разумеется, не потому, что на меня была возложена миссия описывать мифы и предания нашего края. Потрясение, благодаря которому я наконец обратился к предназначенной мне роли летописца, выпало на мою долю совершенно случайно. Я услыхал интересный рассказ от одного человека, выходца из Германии, получившего американское гражданство; увлекшись японским языком, он бросил на полпути изучение истории филиппино-мексиканских отношений и жил теперь в собственном доме, построенном в поселке индейцев и метисов на окраине Малиналько. Именно рассказ этого самого Альфреда Мюнцера и послужил для меня толчком.

— Чтобы посмотреть на пирамиду, сюда, в Малиналько, приехала группа туристов из Японии. Сопровождавший их японец, говоривший по-испански, человек чудаковатый, заявил, что хотел бы купить здесь гектаров сто пустоши, начиная вон оттуда, от той горы, где сейчас что-то жгут — видите, поднимается дым? — и до этой церкви при кладбище. Он даже стал расспрашивать, во сколько ему обойдутся эти сто гектаров. Зачем? Чтобы люди с его родины, предводительствуемые стариками, основали здесь новое государство. Раньше этот японец искал такую землю в пределах своей страны, а теперь разъезжает туристом и ищет ее по всему свету. Если авиакомпания «Никко» организует туристский маршрут на Марс, он с радостью присоединится к такой группе в качестве гида и будет подыскивать там территорию, необходимую для основания государства. Оказывается, эту миссию еще в детстве возложила на него родная община. Человек он, конечно, чудаковатый, и, слушая его, я с трудом сдерживал улыбку.

Альфред Мюнцер рассмеялся, как будто сбрасывая с себя непосильную ношу. Разговаривая по-японски, он громко сопел и издавал странные горловые звуки, точно раздувал кузнечные мехи.

Правда, в смехе его слышалась печаль. Смех этот: «ха-а, ха-а, ха-а» — напоминал крик койота в гулкой каменистой пустыне.

Рассказ Мюнцера, который, ни с кем из местных не общаясь, жил с женой-индианкой в Малиналько, маленьком городке, расположенном на Мексиканском нагорье и окруженном неприступными скалами, куда вела одна-единственная дорога через перевал, произвел глубокое впечатление на меня, человека, занесенного в далекие края, оторванного от тех мест, где мне надлежало быть. Поглощенный своими мыслями, я с тех пор постоянно пребывал в задумчивости. Одно отчетливо помню: как раз тогда у меня разболелась десна коренного зуба. Воспоминания того времени, начиная с впечатлений от грандиозных атмосферных явлений, событий, происшедших в Малиналько, развалин недостроенной пирамиды на вершине горы и кончая такими мелочами, как колючки кактусов, торчащих из сухой земли между черными скалами, и снующие между ними муравьи, до сих пор ассоциируются у меня с зубной болью и со словами Альфреда.

У меня такое чувство, что с того самого дня, как я добрался до Малиналько, я уже был внутренне подготовлен к потрясению, которое произвел во

мне его рассказ. Все началось, когда мы с Альфредом, поднимаясь по бесконечному склону, добрались наконец до развалин пирамиды, откуда открывался вид на обращенные к пустыне дома-утесы в глубине долины, и он, указав на церквушку — не ту, при кладбище, а на другую, — сказал с совершенно искренним возмущением, что при ее постройке «святой отец», пришедший вместе с испанскими конкистадорами, заставлял перетаскивать туда камни от пирамиды. Может быть, мраморные плиты, которые даже на расстоянии казались грубыми, неотесанными, а также покрытые лаком оконные переплеты церквушки, видневшейся далеко внизу на площади, напомнили мне стоявший посреди нашей деревни амбар для хранения воска. И я задумался о судьбе древнего сооружения, которое разрушили, чтобы добыть материал для новой постройки.

Крытое массивной испанской черепицей низкое здание за каменной оградой казалось совсем темным оттого, что сплошь заросло цветущей бугенвиллеей[1]. Дом Альфреда, как и все дома индейцев вокруг, — старое строение, украшенное резными балками, но рядом с ним, за той же ка-

[1] Примечания: 1

Многолетний цветущий кустарник. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

менной оградой, высилось еще одно необычного вида здание: современная железобетонная коробка, внутри полностью копирующая японское жилье. Таким способом Альфред отгораживался от живших в городке индейцев. Когда я там появился впервые, в небольшом дворике, зажатом между этими двумя домами, под высоченной липой стояли два грузовичка и джип — то ли их ремонтировали, то ли просто осматривали. Из-за автомобилей одновременно выглянули индеец-автомеханик и молодая жена Альфреда — сверкая черными глазами, она улыбалась, демонстрируя крепкие зубы. Ее лицо показалось мне точной копией с изображений индейских воинов, которые я видел на фресках дворца Кортеса в Куэрнаваке. Там по одной стене — отдельные эпизоды прошлого, начиная от захвата Мексики и кончая революцией, и эта современная ретроспектива заставила меня, сестренка, задуматься над явственными до боли мифами и преданиями нашего края. И вот в тот день, впервые после приезда в Малинало, я оказался во власти предчувствия того, что позже открылось мне в словах Альфреда. Моя душа, мои чувства устремились навстречу тем людям, которые за десятки тысяч километров отсюда, в нашем крае, затерявшемся

в горах Сикоку, щедрой рукой кормят чуждую им власть. Кто знает, сможет ли наш край навсегда сохранить свой нынешний облик и жить нормальной жизнью, но если деревня-государство-микрокосм окажется перед лицом гибели, то на поиски новой земли обетованной будут посланы разведчики, готовые носиться по всему свету на реактивных самолетах и даже отправиться на Марс. Слова Альфреда искрой воспламенили подготовленную предчувствием душу, и тогда постоянно улавливаемые мной биотоки, излучавшиеся нашим краем, разбудили в моей груди силы, подобно сжатой пружине рвущиеся на волю, и я уже не мог мыслить ни о чем ином, кроме как о возложенной на меня миссии. Я до конца прозрел, увидел в истинном свете нашу деревню-государство-микрокосм, и потому мир Альфреда, где я обитал, перестал для меня существовать, я погрузился в забытье. Придя в себя после этого странного обморока, я спустился в пустыню, простиравшуюся передо мной, и сел прямо на землю; рядом у ивы с искореженным суровым климатом стволом стоял побитый, весь во вмятинах, точно в синяках, джип. С сухого, растрескавшегося ствола донесся, будто завывание ветра, тонкий свист — это вылезла посмотреть на меня исхудавшая

игуана. Далеко внизу, у самого основания склона, виднелся глубокий каньон — точно земля разверзлась; в сезон дождей там клокочет, наверное, бурная река. На противоположной стороне — заросший кустарником луг, где индеец с ружьем, болтавшимся на плече, пас коров. Сразу же за лугом высились отвесные скалы.

Здесь, среди скал, я, сестренка, вновь подумал о том, что, выполняя свою миссию, должен буду четко обрисовать этот пейзаж, когда мы, ведомые Разрушителем, придем, чтобы поселиться здесь. Крутые склоны высоченных гор образуют огромную замкнутую чашу. Дно чащи — пустыня, и я сижу на пороге этой пустыни, устремив взгляд вверх. Редкий сосновый лес, растущий посреди склона, напоминает пейзажи корейских художников-бундзинов[2], а выше — точная копия альпийских лугов. Я хочу, чтобы ты поняла: даже соединяя взглядом эти отдельные, не связанные между собой куски картины, целиком охватить ее невозможно, если не пустить в ход все свое воображение. Но я, сестренка, держал в руках спасительную путеводную нить. У меня было чувство, что взгляд на пустыню с вершины горы

[2] Примечания: 2

Так называли в средневековой Японии художников-непрофессионалов.

подсказал мне выбор — в этом, собственно, и заключается обязанность разведчика нашего края с самого его рождения, — и вот свершилось, выбор сделан: место, подходящее для новой деревни-государства-микрокосма, найдено. Я пришел к этому интуитивно, интуиция подкреплялась все усиливающейся зубной болью, одолевшей меня в дороге, когда наш джип метался среди стада быков, оказавшегося на нашем пути: раздирая себе брюхо о колючую проволоку, они перескакивали через ограду, отделявшую пастбище от шоссе. Сначала только первый справа нижний коренной зуб, а потом еще и два по бокам от него стали шататься, десна распухла. Правую щеку раздуло, она сделалась в два раза толще. Оба моих приятеля-латиноамериканца, спустившиеся со мной в пустыню, удрученные зрелищем моих страданий, не в силах видеть мое перекошенное лицо, оставили меня одного и отправились в эвкалиптовую рощу у края каньона, где бил ключ. Они принадлежали к тому разряду людей, которые даже не с брезгливостью, а скорее с возмущением относятся к страданиям окружающих. Хотя, я думаю, покинув меня и оказавшись у свежего родника, они наверняка мучились угрызениями совести оттого, что бросили своего товарища.

Тем временем, сидя на сухой, потрескавшейся земле и невыносимо страдая от зубной боли, я, сестренка, наблюдал, как, переливаясь всеми цветами радуги, в пустыню спускаются с гор сумерки, и постепенно обретал душевный покой. Обретал потому, что ощущение зубной боли крепко, почти осязаемой нитью связывало меня с нашим краем, с тобой. За несколько часов до нашего появления на свет отец-настоятель местного храма замыслил, что, если родится мальчик, он вырастит из него летописца нашей деревни-государства-микрокосма. А если девочка, он сделает ее жрицей Разрушителя. Видимо, так все и будет. Раньше, сестренка, ты, кажется, этому не верила, а теперь твердо убеждена, что все произошло так, как он хотел: моя миссия — описать мифы и предания, твоя — быть жрицей. Но я уже давно думаю вот о чем: должно быть, отец-настоятель подвергал меня серьезным испытаниям для того, чтобы решить, по плечу ли мне такое дело. В конце концов, выдержав экзамен, я под руководством отца-настоятеля со спартанской последовательностью стал постигать мифы и предания деревни-государства-микрокосма. Позже отец-настоятель решил, что если я не покину наш край и не займусь серьезным изучением

истории, то не смогу выполнить возложенную на меня миссию, — вот я и поступил в Токийский университет; а это в свою очередь явилось причиной того, что я, человек, обязанный описать мифы и предания нашего края, теперь вдруг отправился читать лекции в университет Мехико. Таким образом я стал «образованным человеком», как говорят в нашем крае, вкладывая в эти слова особый смысл: мол, у нас в долине и горном поселке появилось слишком уж много этих так называемых «образованных людей», не способных на настоящее дело. Такое положение полностью противоречило изначальной воле созидателей и Разрушителя. Ты согласна со мной, сестренка? Вот почему отец-настоятель подвергал меня в деревне таким серьезным испытаниям. Ты, наверное, удивишься, но как раз зубная боль и подтвердила вновь, что именно на меня возложена эта миссия, уготованная мне еще до рождения; и ведь та же самая зубная боль разграничила наши жизненные пути: у тебя был свой, у меня — свой. В нашем крае ты обладала самыми прекрасными зубами, а я не помню такого дня в детстве, чтобы у меня они не болели. И поскольку у нас был только один зубной врач, я не мог монопольно пользоваться им. Вот мне и

приходилось самому заниматься лечением зубов. Ты часто присутствовала при этом, но тебе, сестренка, с состраданием и в то же время с интересом молча наблюдавшей за моими действиями, они представлялись не столько лечением, сколько безумным самоистязанием. А делал я вот что: острым осколком камня расковыривал черное дупло в зубе и раздирал вспухшую десну. От этого зубной нерв точно заряжался статическим электричеством огромной силы, и все завершалось тем, что я, истошно вопя, валился на землю. Потом, на глазах у тех, кто с любопытством наблюдал за мной, я снова находил острый камень и начинал ковырять им в том же месте. Боль не утихала, голову, затылок охватывал изнуряющий жар, на губах выступали кровь и пена, а лицо становилось серым, как камень, крепко стиснутый зубами. Эту процедуру я проделывал на песчаном берегу реки под пристальными взглядами моих сверстников. Тебе некого было звать на помощь, и ты молчала, а остальные ребята со всех ног бежали домой рассказывать об увиденном. Обо мне сложилось мнение, что я, хотя и напоминаю своими действиями безумца, на самом деле совсем не безумец, да и не глупец. Ты, сестренка, в детстве была молчаливой, не в пример мне,

болтуну, и поэтому я никогда не знал, как ты относишься к моим выходкам. Чего же я добивался своими действиями? Пытаясь выяснить, что представляет собой мучившая меня днем и ночью нестерпимая зубная боль, я приходил к мысли, что, когда она станет такой нестерпимой, что полностью отравит мое существование, тогда-то в меня и вольется сила, вершившая судьбами нашего края, то есть сила Разрушителя. Сила, которая спасет несчастного мальчишку, не способного ничего осуществить самостоятельно. Разумеется, сколько я ни ковырял зубы осколком камня, эта могучая сила не приходила мне на помощь. Покой, наступавший в те минуты, когда я терял сознание от непереносимой боли, я мог считать милостью, ниспосланной мне этой могучей силой, — вот единственное, что мне оставалось. И пока я валялся без сознания, ты, сестренка, охраняла мое распростертое тело…

И все-таки я не восставал против могущества Разрушителя, подчинившего себе деревню-государство-микрокосм. Что верно, то верно. Отец-настоятель прекрасно подметил мое преклонение перед этой силой и, видимо, окончательно утвердился в мысли, что я и есть тот самый человек, с появлением которого он связывал свои надежды:

человек, способный описать мифы и предания нашего края. В отличие от тебя сегодняшней ты, как мне представляется, в то время не испытывала ни малейшего почтения к Разрушителю — настолько, что отец-настоятель был даже склонен заменить тебя мной в роли его жреца.

Итак, я, человек средних лет со вспухшей десной, сидел в Малиналько на сухой, потрескавшейся земле, и карман моих брюк оттопыривал каменный топор. Это был топор индейцев, строивших пирамиду, Альфред нашел его, когда мы стояли на развалинах: пытаясь вырыть орхидею, он подобрал острый камень и неожиданно для себя обнаружил, что его очень удобно держать в руке, хотя на первый взгляд и не было похоже, что камень специально обработан. Обойдя крутую скалу, на которой высилась пирамида, и поднявшись по противоположному ее склону, мы увидели выдолбленное в скале святилище; перед входом было высечено лицо бога Земли, а на стенах — барельефы пумы, черепахи и орла. Я подумал, что в нашем крае таким сохранившимся памятником старины была лишь Дорога мертвецов…

— К моменту завоевания индейцы в этих местах недалеко ушли от забот древнего мира — они

как раз сооружали пирамиду. — Ненависть, клокотавшая в груди Альфреда, подступила к горлу, и он даже поперхнулся. — «Святой отец» уничтожил изваяния в святилище, но барельефы на стенах почему-то решил не трогать. Индейцы высекали их такими вот каменными топорами.

Далекие предки местных жителей несколько столетий назад каменными топорами выдолбили в скале огромную пещеру, вполне пригодную для жилья, и даже украсили ее изваяниями и барельефами. Размышляя об этих людях, я в мыслях унесся от пирамиды Малинало ко времени основания нашей деревни-государства-микрокосма. Это было как стремительный полет орла, высеченного там на барельефе… Нащупав в кармане грязный, мокрый, точно пульсирующий в руке камень, я как бы проник в собственное нутро и тут же вообразил себя одним из созидателей деревни-государства-микрокосма, человеком древности, последовавшим за Разрушителем. И поскольку я обнаружил в себе стремление обратиться к нашей древности, то одним этим, не написав еще ни строчки, уже приступил к выполнению возложенной на меня миссии летописца нашего края. Ты меня понимаешь? Испытывала ли ты когда-нибудь такое же чувство? Ведь тебе,

сестренка, как жрице Разрушителя был открыт путь к духовному слиянию с ним.

Каменный топор, который я достал из кармана, уже высох, и на его бесчисленных темно-серых сколах, напоминающих рваные раны, белой пылью налипла земля. Древний топор индейцев, согретый телом человека из деревни-государства-микрокосма, живущего во второй половине двадцатого века. Отыскивая центр тяжести этого увесистого куска камня, я перехватывал его и так и эдак, пока наконец не взял как нужно. Глядя на свою правую руку с зажатым в ней каменным топором, я понял, что точно так же могла выглядеть рука древнего человека.

Мне были ведомы лишь два назначения каменного топора, побывавшего в руках древнего человека: ковырять распухшую десну, вспоминая далекие дни детства, когда мы с тобой, сестренка, жили еще вместе на родине, или выкапывать из земли мелкие камешки. Если бы люди нашего края: жители горного поселка и жители долины — все, оставшиеся в живых, переселились сюда, основав в Малиналько новую деревню-государство-микрокосм, Разрушитель устроил бы празднество. И тогда переселенцы, отыскав возле пирамиды каждый по каменному топору,

начали бы копать вожделенную землю, сухую и потрескавшуюся, — вот какое, наверное, было бы это празднество.

Когда ведомые Разрушителем созидатели, основавшие деревню-государство-микрокосм, достигли нашего края, затерявшегося в горах Сикоку, путь им преградила неприступная стена, и для ее уничтожения, кроме взрывчатки Разрушителя, они располагали лишь несколькими мотыгами и лопатами. Ведь прежде они были воинами, а не крестьянами. Вот почему большинство действовало самодельными каменными топорами. Сначала, разумеется, шла в ход взрывчатка Разрушителя, а уж вся остальная работа по расчистке завалов делалась руками людей.

Здесь будет по-другому, когда в разгар упадка общины начнется создание деревни-государства-микрокосма на этой окруженной горами скудной земле Мексиканского нагорья, куда переселятся старики и молодые, мужчины и женщины, в той или иной мере превратившиеся в «образованных людей». Торжество во славу каменного топора, выдолбившего святилище в скале, которую венчают развалины пирамиды, — именно оно должно подвигнуть нас на строительство нового мира в Малинало.

Сестренка, я сейчас читаю лекции в университете Мехико и одновременно, выполняя работу, порученную мне Центром по изучению стран Азии и Северной Африки, которому подчинена моя лаборатория, привожу в порядок подаренные Центру записки японских переселенцев. Это еще одна из сторон моей деятельности ученого-историка, идущая вразрез с моим жизненным предначертанием — описать мифы и предания деревни-государства-микрокосма. Попался мне такой, например, документ. Когда Такэаки Эномото создал в 1897 году поселение в Мексике, японцы, которым не удалось захватить землю для посевов, с криками: «В Мехико! В Мехико!» — двинулись в столицу, рассчитывая на помощь. Это шествие японцев — оборванных, нечесаных, являвших собой полную противоположность конным конкистадорам, тоже направлявшимся в Мехико, — вызывало в сердцах забитых и униженных индейцев, толпившихся вдоль дорог и провожавших глазами полчища беженцев, скорее всего, сочувствие. Может быть, когда японцы прибудут сюда, чтобы основать новую деревню-государство-микрокосм, и каменными топорами начнут долбить эту скудную землю, индейцы Малиналько отнесутся к ним с симпатией?

...Приготовившись символическим жестом возвестить об основании новой деревни-государства-микрокосма, я занес над головой каменный топор, чтобы вонзить его в землю, но вдруг мне показалось, что с окружающих гор доносится голос предостережения, и я замер в ужасе. Это был, сестренка, предостерегающий голос из нашего края, лежащего далеко за морем, предостерегающий голос Разрушителя, и никого иного. Я, призванный лишь описать мифы и предания деревни-государства-микрокосма, не более, живу вдали от наших мест и связан с ними лишь тем, что временами сопровождаю в качестве гида группы туристов, прибывающие в Мексику на реактивных авиалайнерах. Так что я совершенно не гожусь на роль разведчика нового рая для себя и своих сородичей. Кроме того, если когда-нибудь в Малиналько и в самом деле будет создаваться новый мир, то только под водительством Разрушителя; да и вонзать в землю каменный топор следует только в том случае, если в груди бушует горячее сочувствие к эпохе основания нашей деревни-государства-микрокосма. В конце концов, допустимо ли вообще подобное своеволие — предвосхищать грядущие события?

Даль за каньоном от склонов гор до громоздя-

щихся вершин утонула в густом тумане. Казалось, черные и фиолетовые частицы, слившись воедино, создали почти осязаемую мглу — таким густым был этот туман, предвестник тьмы. Здесь, в Мексике, сестренка, сумерки будто и на ощупь отличаются от наших. Присмотревшись, я заметил, как они своими первыми прикосновениями просачиваются у меня где-то между кончиком носа и занесенной вверх рукой с каменным топором. Дрожа от холода, я приоткрыл рот и прижал острие каменного топора к вспухшей десне. Мне казалось, что ты, как в то далекое время, не моргая, пристально смотришь на меня. Если же говорить о самом непосредственном стимуле, побудившем меня в письмах излагать мифы и предания нашего края, то им явилось твое отсутствие, сестренка: тебя не было со мной в Малинало и ты не могла наблюдать все это, хотя в воображении я удивительно отчетливо, будто наяву, видел тебя еще совсем маленькой девочкой. Из десны фонтаном брызнул гной — ему следовало быть цвета молока с кровью, но здесь он казался черной тушью. В какой-то миг я снова погрузился в свое одиночество, но тут передо мной всплыло ничего не выражающее крестьянское лицо Альфреда Мюнцера — ни изумления,

ни осуждения, так не похоже на твою по-детски мягкую улыбку, которой ты меня возвратила к жизни, — и я закричал. Нет, не от боли.

От обиды.

2

Когда, сестренка, я со своими приятелями: аргентинцем, изучающим японскую литературу, его женой-мексиканкой, а также супругами из Чили (он — архитектор, она — киносценаристка) — сел поздно вечером за стол — такие приемы в Мексике обычное дело — и Альфред рассказал им, что я сотворил с собой, они были потрясены до крайности. Причем потрясение свое выражали экспрессивно, отчаянно жестикулируя. Это же была латиноамериканская интеллигенция. Их мучило раскаяние за то, что они обрекли страдающего зубной болью японца на тряску в джипе по каменистой дороге, а потом бросили одного в пустыне, где по стволам старых ив ползают игуаны. Но высказывать подобные мысли вслух они считали недостойным латиноамериканцев. Вдобавок мои приятели были очень раздосадованы. Мол, мы тоже не ради собственного удовольствия бродим по пустыне.

Чтобы отыскать участки, пригодные для стро-

ительства курортов, они, прихватив с собой приятелей-коллег, в любую погоду спускаются на дно каньонов. На этот раз, оставив своего попутчика-японца два часа томиться в одиночестве, они спустились в каньон, а когда вернулись, оказалось, что он сделал себе чуть ли не харакири! Да еще индейским каменным топором, оскорбив при этом чувства жены Мюнцера, потомка тех, кто в древности такими же топорами строил пирамиды!

У меня из десны хлестала кровь, однако я знал, что, если заткнуть рану, легче мне не станет — десна снова начнет распухать, как это было в далекие детские годы, когда я без конца устраивал себе такие варварские процедуры. Щека раздулась, деформировалась, а изнутри, я чувствовал, затвердела. Мой вид настроил на враждебный лад Мюнцера-младшего, рыжеволосого мальчишку, тем не менее очень похожего на индейца. Чтобы не дать ему броситься на меня, родители будто ненароком придерживали его коленями и локтями.

Возможно, сестренка, тебе интересно будет узнать, что собой представляет домашняя мексиканская еда. Мы тогда ели тортильи — маисовые лепешки с тушеной курицей. Эти тортильи, еще

горячие, лежали в соломенной корзине, прикрытые полотенцем. Мы сдабривали их перцем и макали в шоколадный соус; стараясь не касаться вспухшей десны, я заталкивал куски тортильи глубоко в рот — горнило боли — и делал вид, что с наслаждением жую. Таким нехитрым способом я пытался оправдать свое нежелание вступать в общий разговор. Грубые края тортильи, царапая больное место, терзали мои нервы, и есть было невыносимо трудно, а языком я все время ощущал привкус крови, но не мог позволить себе выплюнуть изо рта окровавленный непрожеванный кусок. Решись я вдруг на такое, это оскорбило бы жену Мюнцера, особу со странными горящими глазами: будто в каждом из них было по два зрачка, — ведь она и так-то не выказывала ко мне никаких дружеских чувств. Через некоторое время я отключился от их разговора на мало мне понятном испанском языке; меня потянуло отдохнуть в зарослях бугенвиллеи, заполонившей, похоже, весь сад. Но могли ли мои латиноамериканские приятели отпустить без провожатых этого японца, который и так уже устроил им один спектакль, изобразив, будто делает себе харакири? Они опасались, что пропахшего кровью азиата загрызут злые пастушеские собаки, и

чувствовали себя обязанными не спускать с него глаз до тех пор, пока сами не завершат поздний ужин и не отправятся в далекий Мехико.

Мои приятели искренне негодовали — необходимость сторожить меня связывала их по рукам и ногам. Они даже не пытались поговорить со мной по-английски или по-японски, хотя это было по силам любому из них. Вместо этого они пылко демонстрировали мне свой безукоризненный испанский язык, точно упрекали меня в том, что я сознательно саботирую, притворяясь, что недостаточно им владею. Разговаривая исключительно по-испански, они еще выказывали явное раздражение от присутствия человека, погруженного в свою зубную боль. Конечно, за всем этим стояло чувство вины — бросили ведь страдальца одного в дикой пустыне, когда уже спускались сумерки. Не кажется ли тебе, сестренка, что они просто не знали, что со мной делать? А мне оставалось одно — сидеть и молчать.

— Что думают, профессор, кинематографисты Японии о двенадцати тысячах футов несмонтированной пленки Эйзенштейна, мертвым грузом

лежащей в Москве?[3] — спросила чилийская сценаристка, обратив ко мне длинное лицо, которое от выпитого пива пошло белыми и красными пятнами. Скорбные нотки в ее английской речи насторожили меня и индианку, жену Мюнцера, они прозвучали как команда занять оборону.

— Несмонтированная пленка Эйзенштейна? И так много? — сказал я, выплюнув наконец в ладонь красный недожеванный комок. А что мне оставалось еще? Об этой пленке я на самом деле не имел ни малейшего представления. Я преподаю историю, сестренка, и считаю себя настоящим специалистом только в области мифов и преданий нашего края, все остальное меня не интересует.

— Двенадцать тысяч футов пленки, — повторила сценаристка, но, убедившись в моем полном невежестве по части истории кино, назвала фильм по-испански, теперь уже для жены Мюнцера: — «¡Que Viva Mexico!»

Это была заранее продуманная вежливость.

---

[3] Примечания: 3

Фильм «Да здравствует Мексика!» Эйзенштейн снимал в 1930–1932 гг. Работа над фильмом не была закончена. Отснятые материалы до конца 60-х годов хранились в США, в Музее современного искусства. После всестороннего исследования и научного описания пленка была смонтирована сорежиссером Эйзенштейна Г. В. Александровым. Фильм получил почетный приз Московского кинофестиваля, широко демонстрировался на экранах всего мира.

Услыхав слова сценаристки, жена Мюнцера вдруг вытянула вперед руку. Сидела она прямо, точно надзирательница, и ее величественный жест, конечно, не мог остаться незамеченным. Все за столом посмотрели в сторону соседней комнаты — там стояло нечто, напоминавшее скульптуру: высокая конструкция из самых разнообразных материалов.

— Жена выполнила ее по рисунку Эйзенштейна и по– дарила Альфреду! — гордо объявил чилийский архитектор, впервые за весь день прибегнув к английскому языку.

Остовом конструкции служил крест из двух длинных брусьев, к которым была прибита вырезанная из доски фигура быка, поднявшегося на дыбы. Огромная голова быка, вываленный изо рта длинный язык, и рядом, точно распятый, откинулся назад тореадор, его левая рука тянется к листу жести, обагренному кровью быка. Такова была эта «лаконичная» конструкция; в ее огромных размерах — она занимала всю стену до потолка — сказался характер человека, создавшего ее. В первую очередь бросались в глаза сделанные из папье-маше черти и скелеты на переднем плане. Но в целом это грандиозное подобие скульптуры не впечатляло…

Рассчитывая на новые вздохи восхищения, сценаристка приготовилась подробно объяснить смысл своего творения. Но сделать это она уже не успела. Неожиданно голова быка отвалилась, на ее месте образовалась черная дыра и оттуда, из-за арматуры, рыжеволосый мальчишка-индеец атаковал меня. Этот бесенок, отважно высунувшись из дыры по самую грудь, издал воинственный клич, в котором не слышалось, однако, ни злобы, ни страха, и запустил в меня огрызком манго. Снаряд, из которого торчала огромная, как черпак для воды, косточка, летел в меня, разбрызгивая сок. А запустивший его мальчишка вместе с обломками скульптуры рухнул на пол.

В комнате с оштукатуренными стенами и кирпичным полом воцарился полнейший беспорядок. Распятые на кресте бык и тореадор погребли под собой бесчисленных чертей и скелеты, а мальчишка, застряв в дыре, где прежде красовалась голова быка, болтал ногами и вопил, заливаясь слезами. Все повскакивали со стульев. Огрызок манго угодил мне прямо в лицо, сок залил глаза, косточка попала в рот — я прикусил ее зубами и, не в силах даже крикнуть от невыносимой боли, вместе со стулом повалился на пол. В самый разгар переполоха Альфред, забыв,

что он хозяин дома, что-то закричал на языке брошенной им родины и выскочил в сад. Переполошив собак, он укрылся в своем безобразном железобетонном убежище.

Жена Альфреда и служанка подхватили плачущего ребенка и унесли в глубь дома, после чего в разгромленной столовой остались только гости из Мехико. Когда я, позабыв о собственном достоинстве, стал со стонами выплевывать куски манго, попавшего мне в рот, стирать сок, заливший глаза, и наконец с трудом поднялся с пола, мои приятели и их жены, щеголяя своей латиноамериканской непринужденностью, разбились на семейные пары и уселись в обнимку на валявшихся повсюду рамах и кусках гипса. Аргентинец, изучающий японскую литературу, надул алые губы, скрытые пышными каштановыми усами, глаза у него налились кровью и стали злыми. И только его жена, не обращая никакого внимания на то, что все остальные ее как мексиканку игнорируют, устремила взор к потолку, пошарила в опрокинутой соломенной корзине, достала тортилью и начала неторопливо жевать. Архитектор и сценаристка переглянулись, а потом с сожалением уставились на разлетевшиеся по полу остатки конструкции.

— Как смеет этот немец оскорблять нас, обзывать дураками?! — возмутился аргентинец.

Только что услышанная немецкая брань нашла неожиданный отклик в моем сердце. Альфред прокричал одно из слов, входящих в выражение «корабль дураков». Я воспринял это как еще один *знак,* настигший меня в пустыне Малинало, куда, не исключено, когда-нибудь прибудут переселенцы из нашего края. Это было очень давно — в аудитории, где нам читали лекции по истории, от одного историка-искусствоведа я впервые услыхал о корабле дураков, и с тех пор в моем сознании он ассоциировался с путешествием, предпринятым в древности созидателями, ведомыми Разрушителем. И вот теперь, когда здесь, в Малинало, так далеко от деревни-государства-микрокосма, посторонний человек прокричал мне слово, перекликающееся с моими воспоминаниями о корабле дураков, оно прозвучало для меня как некий завершающий аккорд. Я имел на это все основания, правда?

Слова «корабль дураков» прозвучали для меня откровением. Так бывало со мной и в нашей долине, когда я приходил в себя после обморока и сквозь уже осознаваемую непереносимую боль вновь начинал ощущать свой зуб и десну

и эта боль, точно булавка, прикалывала меня к действительности, но мне казалось, что я проколот не простой булавкой, а длиннющей спицей. Итак, сестренка, я снова, будто в теплый бассейн, окунулся в воспоминания о корабле дураков и от счастья похрюкивал как поросенок.

В итоге мои латиноамериканские приятели отказались от попыток найти со мной общий язык и теперь полностью игнорировали меня. На обратном пути я улегся, чуть ли не упираясь головой в потолок, рядом с двумя собаками на подстилке в задней части машины, где обычно кладут багаж. Меня все время бросало из стороны в сторону, и я, скуля от зубной боли, изо всех сил упирался локтями и коленями, чтобы удержаться на месте, а собаки по бокам от меня пытались сделать то же самое, цепляясь когтями. Они все время толкали меня, но беззлобно, видимо приняв за своего.

Корабль дураков. Во время этого странного, затянувшегося возвращения в Мехико, сестренка, я не столько думал о корабле дураков, сколько, обратившись мысленно к мифам периода основания деревни-государства-микрокосма, преодолев пространство и время, плыл на корабле дураков наших созидателей. Корабль дураков — вот он

перед моими закрытыми глазами черной картиной в красной рамке. На ней еще совсем молодые созидатели с блестящими от масла волосами, стянутыми тугим узлом на темени, ведомые таким же молодым Разрушителем, — они пьют на палубе сакэ, едят что-то, напоминающее нагасакскую лапшу с овощами, а насытившись, поют песни и танцуют, прыгают в воду с носа медленно плывущего корабля и взбираются на корму. Однако, сестренка, мои фантазии не имели ничего общего с действительностью — на самом деле все, кто был на корабле, не имели возможности предаваться разгулу, как это бывает теперь на огромных лайнерах. Корабль дураков был изгнан из порта в открытое море, находившиеся на нем изгнанники перехитрили власти княжества, напрасно надеявшиеся, что, затерявшись за горизонтом, те сгинут в морской пучине; проплыв вдоль побережья, где их много раз подстерегала опасность разбиться о рифы, изгнанники достигли наконец укрытого утесами устья реки и стали подниматься по ней вверх, а когда корабль напоролся на мель, выкинули за борт всю оснастку, залатали днище и поплыли дальше, к самым верховьям. Но в конце концов течение стало настолько стремительным, что

плыть на корабле уже было невозможно, и тогда они разобрали корабль и связали плоты. Тебе, сестренка, все это прекрасно известно. Используя плоты по назначению, прямо противоположному обычному — сплавляться вниз по реке, — Разрушитель и созидатели стали подниматься на них вверх. Почему они так упорно не расставались с материалом, из которого был построен корабль? Потому что, когда их изгнали в расчете на то, что они потерпят кораблекрушение и погибнут, именно корабль дураков стал их прибежищем — спас от верной гибели и вернул к жизни. Их магические действия полностью себя оправдали еще и потому, что, сохранив материал, из которого был сделан корабль дураков, они, добравшись до горного потока, куда широкие плоты войти не могли, переделали их в некое подобие волокуш.

Изгнанники, ведомые Разрушителем, пробираясь в глубь страны, подальше от моря, то есть туда, где сплошь и рядом сидели наместники властителя, не могли позволить себе избрать дорогу, проторенную вассалами князя. Единственной дорогой для них была река. Ведомые Разрушителем, плывшие на корабле дураков с наступлением вечера шли вверх по реке, а на рассвете останавливались и прятали корабль в

зарослях тростника и бамбука. Хотя они находились в местах, далеких от селений, им все же приходилось остерегаться дровосеков, и они твердо придерживались правила — плыть только по ночам. Ночная река — совсем не то, что дневная дорога. Созидатели, ведомые Разрушителем, не располагали картой этого пути, поскольку такой карты вообще не существовало, и единственным способом не сбиться с пути во время ночных переходов было плыть вверх по реке, удаляясь от моря — проще не придумаешь. Поднимаясь к истоку реки, каждый из них, свесившись с борта и погрузив в воду руку, мог безошибочно определить верное направление. Такова река — дорога, точно указывающая правильный путь.

Работая в кабинете истории, я знакомился с разными старинными гравюрами, изображающими корабль дураков. Каждая из них соответствовала моим представлениям о людях, поднимавшихся вверх по реке, какими их рисовало мое воображение в разные периоды жизни. Одна из картин воссоздавала корабль дураков, созданный моим воображением в тот период, когда меня по-спартански воспитывал отец-настоятель. Эта картина была исполнена духа вольной пастушеской песни. Малое число людей на борту тоже вполне

соответствовало фантазии, способной возникнуть в голове ребенка. К тому же изображенную на гравюре маску, висящую на дереве-мачте, я совершенно четко отождествлял с образом Разрушителя, который создало мое незрелое детское воображение.

Корабль дураков, рисовавшийся мне после поражения в тихоокеанской войне, когда в нашей долине появились на джипах солдаты союзной армии, был похож уже на другую старинную гравюру. Люди на том корабле внешне напоминали этих солдат. На мачте гордо развевался боевой флаг. Нашел я тут и человека, который, перегнувшись через борт, опустил руку в поток, будто хотел зачерпнуть воды и напиться. Мне был ясен истинный смысл его действий. Вспоминая сопротивление, оказанное созидателями деревни-государства-микрокосма властям княжества, которые преследовали их, когда они на корабле, а потом на плотах поднимались вверх по реке, я понимал, что изгнанники должны быть вооружены. В таком случае воин, перегнувшийся через борт и опустивший руку в воду, являлся наблюдателем, следившим за тем, чтобы корабль двигался в нужном направлении. Эта работа была доверена изображенному на гравюре юноше

Разрушителем.

Однако представление о корабле дураков, сложившееся у меня, когда я уехал из деревни и, поступив в университет, стал жить в Токио, было совершенно не свойственным мне до тех пор отступничеством по отношению ко всему, что связано с основанием деревни-государства-микрокосма. В общем, я стал решительно утверждать, что никакого корабля дураков вообще не существовало.

В долине и в горном поселке в день поминовения усопших по реке пускают сделанные из дерева и бумаги кораблики с зажженными фонариками. Скорее всего, этот обычай и послужил толчком для возникновения коллективной фантазии и ни на чем не основанных гиперболических представлений об основателях деревни-государства-микрокосма — ведь таковы и все остальные мифы и предания, касающиеся нашего края. А я, сестренка, в то время сомневался даже в самом существовании Разрушителя. Позже, разумеется, я сам обратился к уготованной мне миссии — описать мифы и предания нашего края — и смог в полном смысле слова собственными руками разрушить эту гипотезу. Мне удалось выяснить, что до определенного, точно

прослеживаемого в истории нашего края периода было строжайше запрещено пускать по реке, протекавшей в долине, не только кораблики с фонариками, но и любой предмет, сделанный руками человека, чтобы в низовье реки никто не мог догадаться о людях, живущих у ее истоков. Но и после обращения в новую веру, когда я выстраивал одно за другим воспоминания о корабликах из дерева и бумаги, которые мы, дети, в день поминовения усопших пускали по ре– ке — эти суденышки с зажженными свечками-фонариками на быстринах кренились набок и разбегались в разные стороны, а в глубоких омутах сбивались в кучу, — мое представление о корабле дураков, переплетаясь с воспоминанием о тебе, какой ты бывала в ночь праздника поминовения усопших, когда отец-настоятель облачал тебя в одежду жрицы, породило в моем воображении самый блистательный образ корабля дураков. В эпоху Мэйдзи[4] в нашем крае процветало производство растительного воска, его экспортировали в Америку и Европу. Для свечек, которые горели на

[4] Примечания: 4

Так называют события 1867–1868 гг., в результате которых был ликвидирован сёгунат и власть в стране перешла номинально к императору. В исторической литературе эти события трактуются как незавершенная буржуазная революция.

плывущих вниз по реке суденышках, применялся высококачественный очищенный воск, полученный путем специальной обработки. Вот почему фонарики, зажженные на этих суденышках, и уплыв очень далеко, еще продолжали светиться.

В тот период, когда я думал, что мне пока удалось хотя бы уклониться от миссии летописца нашего края, а в конце концов я смогу и полностью от нее отделаться, избежать этой участи, то есть когда я, закончив два первых курса университета, начал специализироваться по истории, ни разу не показавшись в исторической аудитории, я неожиданно вновь столкнулся с сюжетом корабля дураков — представь себе! — и моя жизнь вернулась в предначертанное русло. Укрывшись в своей убогой комнатушке, я почувствовал, что на какое-то время оторвался от нашего края — причина, возможно, покажется тебе слишком уж ординарной — еще и потому, что примкнул тогда к некой политической группе. Я превратил свою комнату в лабораторию и с головой ушел в работу, порученную мне товарищами: изготовлял бомбы из обрезков металлических труб, и моей задачей было внести принципиальные изменения в их конструкцию. В молодости весьма основательный, я сам сформулировал главные

требования к моей работе — созданию бомб из обрезков металлических труб. Необходимо было добиться максимальной безопасности для тех, кто производил, носил и перевозил бомбы, а также для тех, кому придется пускать их в ход. Бомбы должны быть настолько безопасны, чтобы девушки, устроившиеся на временную работу воспитательницами детских садов — такие тоже были среди моих товарищей, — не испытывали мук совести, если им придется заниматься изготовлением бомб рядом с той комнатой, где играют дети.

Помимо всего прочего, наши изготовленные из труб бомбы предполагали большую разрушительную силу. Мощность взрыва не только теоретически — на бумаге, но и фактически — в деле, то есть во время партизанских боев, которые развернутся в таком огромном городе, как Токио, должна была быть максимальной.

Честно говоря, в нашей группе, куда входило много студентов физического факультета, поручать работу по конструированию и изготовлению бомб мне, человеку, специализирующемуся по истории, вряд ли было разумно. Но я тогда с наглой, ничем не подкрепленной самоуверенностью предложил план создания новой бомбы,

вызвал на спор своих соперников, наголову разбил их и в конце концов, заручившись полной поддержкой товарищей, стал во главе секретной мастерской. Задуманное нами предприятие было столь важным, что не шло ни в какое сравнение с нашими повседневными делами; если бы, скажем, у меня вдруг возникло намерение предать группу, к которой я примкнул, мне бы ничего не стоило сокрушить всю нашу организацию, и тем не менее мастерская была отдана в полное мое распоряжение. Разумеется, такое условие выдвинул я сам, а мои товарищи были убеждены, что если мне не дадут полную свободу действий, то мой талант, направленный на создание идеальных бомб из обрезков металлических труб, не сможет проявиться.

В таких условиях я спроектировал бомбу и дошел даже до создания опытного образца. В комнате, которую я снимал, хранилось столько взрывчатки, что ее хватило бы, чтобы разнести все здания в радиусе ста метров. Думаю, я мог бы гордиться тем, насколько тщательно и всесторонне была продумана конструкция, но руки у меня неумелые, не приспособленные к такой работе, и поэтому каждый день, каждое мгновение существовала реальная опасность, что наш край

лишится человека, которого на деньги, собранные отцом-настоятелем у влиятельных стариков, отправили в Токийский университет, чтобы он, получив образование, написал историю деревни-государства-микрокосма. Я и сам прекрасно знал, как легко могу взлететь на воздух — возможно, мною двигало подсознательное желание избежать таким образом уготованной мне миссии летописца нашего края. Но на последнем этапе конструирования и производства бомбы меня вдруг остановил образ корабля дураков времен созидания деревни-государства-микрокосма. Я спохватился. Тогда-то впервые — видимо, уже повзрослев — я и начал серьезно, с полным сознанием долга готовить себя к миссии человека, призванного описать мифы и предания нашего края.

И вот я, студент исторического отделения, который в тот период забыл или пытался забыть о своей миссии летописца деревни-государства-микрокосма, взяв с собой три уже готовые бомбы, отправился на мыс Восточный Идзу. На старой дороге у самой оконечности мыса я присмотрел обнаженные отливом огромные камни. Вернувшись туда поздно ночью, я увидел, что их облюбовали рыбаки. Огоньки карманных

фонариков свидетельствовали о том, что они оккупировали все камни, торчащие из воды. Войдя в прибрежные заросли бамбука, я уселся на чемодан с бомбами и стал ждать, пока рыбаки уйдут, — другого выхода у меня не было. От воды несло гнилью, временами так, что дышать было невозможно. Эта вонь, казалось, выворачивала нутро. На рассвете мимо зарослей, где я прятался, стайкой проплыли, отправляясь на лов, суденышки местных рыбаков. Они прошли мимо, и их черные контуры резко обозначились на фоне моря, кажущегося сплошной темной стеной. У меня даже голова закружилась: корабль дураков, созидатели нашего края, ведомые Разрушителем, подумал я. Созидатели плыли вверх по течению на корабле, груженном материалами и продовольствием для строительства нового мира, потом они разобрали корабль, построили плоты и поднялись еще выше по реке, затем соорудили нечто напоминающее волокуши, потащили на них свою поклажу дальше, пока не добрались наконец до огромных обломков скал и глыб черной окаменевшей земли. Эти обломки загораживали выход из долины, откуда шел невыносимо тяжелый запах, точно гнетом давивший тех, кто прибыл сюда с моря. Тогда Разрушитель взялся

взорвать эти огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли. Теперь же я как пионер новой техники взрыва, взяв на себя миссию Разрушителя, прятался в прибрежных зарослях бамбука. Да, сестренка, именно как человек, взявший на себя роль Разрушителя.

Наконец наступило утро, и я решил участь этих бомб, только что предназначавшихся для уничтожения омытых водой скал над морем; это решение перечеркнуло меня, как их создателя, и доказало, сколь неотвратима миссия человека, призванного описать мифы и предания нашего края. Привязав три свои бомбы к стволу старого бамбука, который был гораздо красивее таких же растений — использовавшихся во время праздников — в нашем крае, я сразу же отправился на родину. И вот, сестренка, через десять лет после предательства, совершенного мной в детстве по отношению к отцу-настоятелю, теперь уже сознательно, по собственной воле я решил взяться за описание мифов и преданий нашего края и сделать все, чтобы воскресить их в памяти людей.

Три мои фантастические бомбы из обрезков металлических труб, обнаруженные органами общественного порядка, надолго запомнились им — очень уж велика была их взрывная сила.

«Если наступит день, когда эта группа, изготовив в массовом количестве подобные бомбы, начнет партизанскую деятельность...» Мысль об этом стала самым страшным кошмаром для работников службы общественного порядка в нашей стране.

3

На следующий день после возвращения из Малиналько лицо у меня так опухло, что стало в два раза больше обычного, но я, отважно демонстрируя его залитому солнцем Мехико, печально брел по широченной улице Инсургентов, пока не оказался наконец перед кабинетом зубного врача — вывеска была прямо в окне седьмого этажа. Я попал к этому врачу — судя по вывеске, мексиканцу японского происхождения — совершенно случайно, но, подсознательно остановив свой выбор именно на нем, проявил, как мне кажется, признаки полной депрессии, вызванной безмерной усталостью от долгой тряски в машине, где я не сомкнул глаз, страдая от нестерпимой боли. Ведь еще отец-настоятель своей муштрой хотел вдолбить мне в голову, что я принадлежу не Японии, а лишь деревне-государству-микрокосму и, следовательно, не должен сближаться с

посторонними людьми только потому, что они по происхождению японцы. Рикардо Толедо Цурута. Судя по имени, выведенному на окне, где значилось также, что он окончил Мексиканский государственный университет, можно было предположить, что в его жилах течет лишь половина японской крови или того меньше, но мне вдруг захотелось довериться именно этому врачу, хотя он наверняка стал уже стопроцентным мексиканцем.

Поднявшись на седьмой этаж, я оказался в почти пустом помещении, напоминавшем спортивный зал, но это и была приемная зубного врача, о чем свидетельствовали ожидающие приема пациенты: на диване в углу, держась за щеку, сидела старуха, рядом старик — видимо, он ее сопровождал. Прямо-таки живая реклама. Я приблизился к ним, но, увидев, с каким смятением старуха смотрит на мою вздувшуюся щеку, совсем пал духом; садиться мне расхотелось, и я остался стоять у стены. Было девять часов пятьдесят минут, прием начинался с десяти. Передо мной была всего одна пациентка — но мог ли я надеяться, что меня примут без предварительной записи? Нельзя ли записаться прямо сейчас? Часть помещения была отделена перегородкой

из матового стекла — скорее всего, там и принимал врач, но он пока ничем себя не обнаруживал. Уж не затаились ли за стеклянной перегородкой врач с медсестрой, и не занимаются ли до начала работы чем-то предосудительным? Десять минут одиннадцатого… Действительно, из двери, за которой, казалось, никого не было, выглянула сестра-метиска. Ее появление послужило сигналом к действию. Поспешно, точно опасаясь, что ее опередят, в кабинет бросилась державшаяся за щеку старуха. Врач принял ее немедленно: из-за перегородки доносился прерываемый стонами разговор, в голосе врача слышалось спокойствие, в голосе старухи — решимость отдать себя в его руки. Всякий раз, когда раздавался слишком громкий крик, оставшийся в одиночестве старик, почему-то радостно улыбаясь, озирался по сторонам.

Отвлекшись от своей боли, я огляделся и увидел не менее десяти больных с провожатыми, молча набившихся за это время в недавно еще пустую приемную. Странные, грубые усмешки, сопровождавшие каждый крик первой пациентки, которые появлялись на смуглых, будто закопченных лицах всех этих людей, свидетельствовали о том, что клиентура у зубного врача была не самая

изысканная.

Рассматривая мексиканцев, заполнивших приемную, я сначала не обратил внимания на появление нового посетителя. Погруженный в свои мысли, я вдруг насторожился, почувствовав, что меня кто-то разглядывает, а этот невысокого роста крепкий человек уже приближался ко мне. Лет пятидесяти, но необыкновенно подвижный, он шел, громко стуча каблуками и расталкивая столпившихся в приемной людей. Крепко взяв меня под локоть — для человека, страдающего от зубной боли, его походка была слишком уж энергичной, — он стал пробираться со мной сквозь толпу. Густые усы, крупные черты лица, которые так соответствовали его большой голове, — весь облик выдавал в нем человека умственного труда. Наверное, сестренка, ведя меня за руку по приемной, он прежде всего заботился о том, как бы поскорее избавить меня от мучений. До этого момента я испытывал острую жалость к себе, а тут вдруг почувствовал всю комичность ситуации: незнакомый человек берет меня за руку, и я послушно следую за ним, расталкивая мексиканцев. Наконец мы с усатым мужчиной оказались у стеклянной двери, которую сестра-метиска приоткрыла, чтобы вызвать следующего

пациента. Не спрашивая моего согласия, мужчина обнял меня за плечи и втолкнул в кабинет. Я увидел перед собой старомодное зубоврачебное кресло — такие же еще в детстве я видел в нашей деревне. Стоявший возле кресла невысокий мексиканец японского происхождения в белом халате протестующе дернулся, точно у него был нервный тик. Симпатичный на вид врач с круглой, похожей на воробьиную, напомаженной головой, как потом оказалось, не собирался категорически мне отказывать. Робко выражая свое недовольство, он посмотрел на часы: времени мало, а у него запись — кажется, пробормотал он тихо по-испански. Обнаруживая при этом буквально детское неприятие реальности, он обращался к сестре-метиске, которая виновато смотрела на него — мол, мой недосмотр.

Во время этой сцены усатый мужчина, проявив истинное великодушие, чуть ли не насильно усадил меня в кресло. Врач был, по-видимому, человеком, неспособным достаточно энергично возражать против таких действий, не говоря уж о том, чтобы решительно воспротивиться им. В конце концов он смирился и приступил к лечению моего зуба, сморщив нос и выражая этим свое неудовольствие сестрой-метиской. Теперь,

вместо невнятного бормотания по-испански, он перешел на японский язык.

— Откройте рот.

Положив на больной зуб сиреневую прямоугольную бумажку, так же коротко бросил:

— Закройте.

Плотно стиснуть челюсти не удавалось. Бумага, проложенная между верхними и нижними зубами, несколько смягчала ощущения, но боль все равно отдавалась в темени.

— Откройте еще раз.

Тут он вдруг заинтересовался моими зубами и, покачав головой, заглянул мне глубоко в рот. Потом взял какой-то металлический инструмент.

— Болит? — Он ударил по зубу.

Я не могу утверждать, что и до этого события развивались логично. Однако, сестренка, это уже был буквально потрясающий взрыв непоследовательности. По нерву будто ударила камнедробилка. «Ой!» — завопил я, и мой крик был так неожидан, что врач отскочил в сторону. Тут же взяв себя в руки, он снова приблизился ко мне, но меня словно оглушили и ослепили одновременно: я не только не мог разобрать его слов, но и его лицо, похожее на мордочку колонка, видел точно сквозь туман. Мне помогли

подняться с кресла, и я повалился на стоявший рядом диван. Чувств, правда, не лишился, но между моим сознанием и внешним миром легла пелена, как та сиреневая бумажка, которую врач клал на мой зуб. Продолжалось это долго — все то время, пока лечили севшего в кресло после меня усатого мужчину, а потом он обнял меня за плечи, и я, словно во сне, шагая по обволакивающему облаку боли, пересек приемную и вместе с ним спустился на лифте. Так, сестренка, помимо собственной воли я получил нечто такое, чем обычная жизнь нас не балует. Я имею в виду, что незнакомый человек в чужой стране пришел мне на выручку, мало того — заплатил не только за мое лечение, но и за прописанное врачом лекарство, которое он купил для меня в аптеке на первом этаже. Полностью подчинившись ему, я покорно пошел за ним в бар, находившийся в глубине фирменного магазина «Санборн». Ссутулившись, я долго сидел там, неотрывно глядя на то, как по стакану, расширяющемуся кверху, стекают капельки воды, как они мутнеют от крупинок соли на краю, пока постепенно не начал возвращаться к действительности.

Сквозь прозрачную жидкость, чуть поблескивающую в стакане — теперь было ясно, что это

«Маргарита», — я увидел обращенную ко мне забавную физиономию. Усатый человек на глазах обретал реальность. Я наконец отвлекся от его густых усов, которые только и определяли его в моем сознании, и по-новому взглянул на его немного вытаращенные от боли и возбуждения огромные глаза под выпуклым, как панцирь черепахи, лбом, и для меня сразу же обрело смысл имя, которое выкрикнула в приемной сестра-метиска, перед тем как мы вошли в кабинет врача. Я припомнил, как она назвала его. Сеньор Карлос Лама.

Если это тот самый Карлос Лама, художник и историк искусств, выходец из Колумбии, эмигрировавший в Мексику, то я должен его знать — как-никак коллега по университету. Скорее всего, познакомились мы случайно, на приеме симпозиума, когда в толчее не разберешь, с кем общаешься. И все же его усы, как мне помнится, выглядели иначе. Я стал приглядываться к Карлосу Ламе внимательней и понял, что щека на его бульдожьем лице вспухла, поэтому усы стояли торчком. Догадавшись, что я наконец узнал его, он лукаво сверкнул глазами. Усы Карлоса, несмотря на то, что щека вспухла и отвердела как камень, зашевелились, полные губы произнесли

по-английски:

— Local, but not local color…[5]

Карлос Лама шутил не только над своим английским, но и над английским как таковым, и его нисколько не интересовало, имеют ли вообще эти странные слова какой-либо смысл. Водя одной рукой перед толстым, точно расплющенным носом, другой он протянул мне стакан с «Маргаритой». Я послушался и залпом отпил половину. Зуб болел по-прежнему, но вкус лимона и соли, кажется, взбодрил меня. И я сразу же понял, что хотел сказать Карлос на неродном ему языке. Он хотел сказать, что если уместно употребить прилагательное local, то только не в сочетании local color — «местный колорит». Предлагая выпить, он имел, наверное, в виду local anaesthetic, то есть «местную анестезию». Я отпил еще немного, а Карлос осушил стакан до дна и языком слизнул с губ крупинки соли. Следующий стакан, тут же принесенный пожилым, но необыкновенно проворным официантом, Карлос пропустил в себя одним духом, и я тоже, вздрагивая каждый раз, когда жидкость касалась больной десны, допил свой коктейль, а вслед за ним и второй. Потом

---

[5] Примечания: 5

Местный, но не местный колорит… *(англ.)*

еще и еще раз. Видимо, исходя из дневной нормы выпивки Карлоса, который был постоянным посетителем этого бара, для него уже заранее было приготовлено нужное количество стаканов с основными компонентами для «Маргариты», оставалось только долить воду.

По мере того как я пьянел, начало действовать и болеутоляющее, выпитое мной под «Маргариту», и я ждал, что вот-вот боль, мучившая меня чуть ли не сто часов, отступит хотя бы ненадолго. Изо всех сил стараясь заглушить боль, словно обезьяна вцепившуюся в челюсть, я ни на минуту не переставал сознавать, в каком ужасном состоянии мой зуб и десна, но уже предчувствовал, что пройдет еще совсем немного времени, и исчезнет не только боль, но и сознание, что вообще существуют зубы и десны. Видимо, «Маргарита» вместе с болеутоляющим подействовала и на Карлоса, но опьянение вызвало у него не апатию, как у многих, а мощный прилив энергии. Пока что, привалившись ко мне грузным телом, он наклонил свою огромную голову и ждал, что я скажу. Но, как это ни печально, я произнес по-испански, сестренка, одну-единственную фразу, хотя и вложил в нее всю свою душу:

— Gracias, Carlos![6]

И тогда, ободренный моей благодарностью, Карлос отбросил всякую сдержанность, почувствовал себя свободно и заговорил, энергично жестикулируя. Говорил он не по-испански. Но его английский, сестренка, — до этого он звучал холодно и бесстрастно — был теперь воплощением бьющей через край энергии. Именно английская речь придавала словам, клокочущим в душе этого художника и искусствоведа, некую силу, удивительным образом сплетавшую их воедино. Человек, родной язык которого в далеком прошлом был растоптан испанским, кровь предков которого смешалась с кровью испанцев, говорит на языке североамериканцев, хотя именно благодаря им в Колумбии создалось такое положение, что он был вынужден переселиться в Мексику, — ведь если он возвратится на родину, его обязательно убьют. Я не могу не передать тебе, в самых общих чертах хотя бы, смысл слов Карлоса, которые имеют прямое отношение к моему повествованию. Ты, сестренка, наверное, спросишь: так ли необходимо все, что я тебе рассказываю, для описания мифов и преданий нашего края?

---

[6] Примечания: 6
Спасибо, Карлос! *(исп.)*

Но я, глядя на твою фотографию, пишу все, что приходит мне в голову. И мне представляется, что это и есть единственно правильный метод описания мифов и преданий нашего края.

Карлос Лама начал с того, что сказал о своем весьма сочувственном отношении к моей лекции «Мексиканский мастер народной гравюры Посада глазами японца», которая была прочитана на симпозиуме, организованном нашей лабораторией, — она, дескать, и побудила его искать знакомства со мной.

В известной серии гравюр Посады глубоко разрабатывается, как я утверждал, тема бедствий, характерная в целом для всего его творчества. Таких ниспосланных природой бедствий, как наводнения, пожары, эпидемии, а также катастрофы, сверхъестественные явления, преступления, самоубийства. В этой же серии у Посады немало и всяческих уродств: например, сиамские близнецы, ребенок, у которого вместо рук ноги, женщина, производящая на свет одновременно трех младенцев и четырех зверенышей…

— Ты был прав, утверждая, что в творчестве Посады, да и вообще в народном творчестве Мексики конца прошлого века, центральное место занимает тема уродства. Я и сам в этом убедил-

ся, — сказал Карлос.

Ему не было еще двадцати лет, когда фонд Рокфеллера оплатил его поездку на учебу в Европу и он, с альбомом Босха под мышкой, сел на пароход. Обосновавшись в Германии, Карлос, который вел самую скромную жизнь, какая прилична иностранцу, с помощью Босха постигал живопись. У художников Ренессанса он обнаружил множество сюжетов о рождении уродов, и это потрясло его до глубины души. В юности Карлосу представился случай в буквальном смысле слова прикоснуться к сиамским близнецам, у которых на двоих было две головы, четыре руки, четыре ноги и только один живот. Он кожей своей ощутил волну леденящего ужаса, овладевшего отцом и матерью, которые дали жизнь этим уродам, — волну, прокатившуюся от их поселка и захлестнувшую весь район. Таким образом, он по-своему осознал, чем для народа, для каждого человека обернулось именуемое Ренессансом время религиозных войн. То есть осознал мысли, чувства, представления людей в «сегодняшнем мире, где правит вера в то, что близок Судный день», — определение Гриммельсхаузена[7] бро-

[7] Примечания: 7

Х. Я. Гриммельсхаузен (ок. 1621–1676) — немецкий писатель, автор гротескно-сатирического романа «Симплициссимус» (1669).

дячего студента, который описывал места, куда заносила его судьба.

Нет нужды доказывать, что Карлос в юношеские годы, смог приобрести этот уникальный опыт только благодаря особому стечению обстоятельств. Другими словами — только благодаря тому, что люди затерявшейся в горах Колумбии деревеньки, в которой родился и рос Карлос, жили в «сегодняшнем мире, где правит вера в то, что близок Судный день», и там время от времени действительно рождались сиамские близнецы. В семье одного из его родственников тоже родился урод. Когда Карлос прочел у Монтеня о рождении урода, он даже подумал, что речь идет о его бедном племяннике. Если ты, сестренка, возьмешь его сборничек из «Библиотеки Иванами»[8], то сможешь прочесть в нем о крохотном младенце без головы, который прирос к груди другого младенца, покрупнее, и о том, что «если их разделить, то обнаружится еще один пупок». В ночь, когда родился урод, собралась вся родня, и Карлос, еще ребенок, никак не мог заснуть на своей соломенной подстилке — ему мешали тихие разговоры взрослых. Он со страхом думал о себе,

[8] Примечания: 8

Дешевая научно-популярная серия, выпускаемая крупнейшим японским издательством «Иванами».

крохотном маковом зернышке, затерявшемся в этой деревне, в далекой провинции, в стране, именуемой Колумбией, в Южной Америке, на планете, вращающейся вокруг солнца, в одной из галактик нашей Вселенной. Но стоило ему подумать о том, что он, лежащий сейчас в амбаре, упершись лбом в каменную стену, принадлежит в то же время своей деревне, своему краю, принадлежит стране, именуемой Колумбия, и обитает в Южной Америке, а являясь жителем Земли, вращается вокруг Солнца, принадлежа галактике, является гражданином Вселенной, — и от одной этой мысли его охватило блаженство столь же невыразимое, каким был совсем недавно обуявший его страх…

— Глубокий смысл пережитого мне, ребенку, был тогда, разумеется, недоступен. Да это и естественно, правда, профессор? Но каждый раз, когда я, скитаясь по Германии, думал о своей крохотной деревеньке, затерявшейся в горах Колумбии в Южной Америке, мне казалось, что этот забытый богом угол, такой далекий от центров цивилизации, — самое подходящее место для рождения уродов. В лавчонках, где торгуют старыми игрушками, на прилавок выставляют в центре самых целых кукол, у которых все на

месте, а безруких, безногих, покореженных стараются ведь запихнуть подальше, с глаз долой, так? Есть сходство, правда? С тех пор я часто задумывался над этим. Однажды, когда мной овладело малодушие и тоска, я отправился в книжный магазин, выписывавший газеты и журналы на испанском языке, и там увидел альбом с гравюрами Посады. Он меня в буквальном смысле слова опалил! Его гравюры воплощают в себе идею «сегодняшнего мира, где правит вера в то, что близок Судный день». Об аномалиях, наблюдаемых в забытых богом уголках Мексики, еще более забытых богом, чем сама Мексика, отделенная океаном от Европы, где я жаждал сострадания и отчаивался до ожесточения, Посада говорит: вот как это случается на самом деле, вот какими они бывают — и выставляет калек и уродов на всеобщее обозрение. Увидев его гравюру «Рождение урода», я был потрясен, меня охватило чувство стыда и скорби, смешанное со страхом, и я разглядел за этими крестьянами не только мексиканцев, но и всех жителей Центральной и Южной Америки!.. Поняв это, я с головой окунулся в изучение творчества художника. В далекой гостинице в Гамбурге я работал по восемнадцать часов в сутки, а душой был в Южной Америке

— в моей стране, в моей деревне, в том самом доме, где родились сиамские близнецы, которых я увидел в детстве. Одно то, что я взялся за эту работу, через время и расстояния вновь и вновь возвращало меня в двадцатилетнюю давность, за просторы Атлантики, в ту ночь, когда я, еще ребенок, грезил наяву, заглянув в бесконечность Вселенной…

Этот колумбийский художник и искусствовед, сестренка, говорил с огромным жаром, и привела его в такое возбуждение, скорее всего, моя лекция о Посаде. А я, слушая его, неожиданно для себя понял другое — почему меня привлек Посада, что воодушевило меня в его творчестве. Подобно тому как Карлос, который, пережив ту страшную ночь, когда на свет появились чудовищные младенцы, искал отклик своим переживаниям в гамбургских изысканиях, так и я решил описать мифы и предания нашего края. Подвигнул меня на это Посада, но писать я буду о самых удивительных вещах, которые открылись мне благодаря спартанскому воспитанию отца-настоятеля.

Мы оба были так увлечены, что совсем позабыли о зубной боли. И пили одну «Маргариту» за другой. Карлос придумывал все новые и новые поводы, чтобы выпить. Прежде всего выпьем за

Посаду — Посаду, воодушевившего нас обоих! Ну и конечно, за твою работу, за которую, судя по твоим словам, ты решил приняться! За Мексику, страну, познакомившую и связавшую нас с Посадой, за ее людей! Карлос расправил плечи, на которых покоилась его огромная голова, лицо у него побагровело еще больше, он величественно поднялся — казалось, у него даже кожа при этом заскрипела.

— ¡Viva Mexico, hijos de la chingana![9] — провозгласил он торжественно и свалился на пол рядом с моим табуретом.

Я, подобно Карлосу, тоже находился под двойным воздействием и «Маргариты» и обезболивающего, поэтому был не в состоянии подхватить Карлоса. Но, помимо глубокого сочувствия к лежавшему на полу без признаков жизни колумбийскому художнику и искусствоведу, я, сестренка, испытывал и огромное воодушевление при мысли о мифах и преданиях нашего края, которые мне предстояло описать. Перед тем как мое воодушевление поглотил мрак опьянения, я увидел сверкающее огнями судно, плывущее ко мне в кромешной тьме вверх по реке. То ли это

---

[9] Примечания: 9
Да здравствует Мексика, о дети таверны! *(исп.)*

был тростниковый челн, увозящий в забытый богом уголок мира Хируко[10], рожденную уродом, то ли огромное прочное судно из папируса, на котором Тур Хейердал пересек Атлантический океан…

4

Нет необходимости повторять, сестренка, насколько важна для меня миссия летописца нашего края, к которой я начинаю внутренне готовиться, вдохновленный тобой, но, чтобы поддерживать свое существование в Мексике, я вынужден заниматься и другим делом — служить в университете на улице Тефантенек. Благодаря этой работе я теперь и обеспечиваю свое существование, подчиненное главной задаче — описать мифы и предания нашего края. В маленькой аудитории этого университета я читаю лекции, а щека у меня так распухла, что лицо сделалось треугольным — с тех пор как я стал взрослым, со мной ни разу еще не случалось такого. Боль прошла, осталось лишь неприятное ощущение, а то место, откуда был удален зуб, не вызывает у

[10] Примечания: 10

В японской мифологии — дочь богов Идзанами и Идзанаги, родившаяся без рук и ног.

меня чувства «боязни пустого пространства». Да и врач — мексиканец японского происхождения, взявшийся за систематическое лечение моих зубов, — становится все приветливее. Наверное, он только при первом нашем знакомстве (а я был тогда в ужасном состоянии) пришел в замешательство, будто столкнулся в своем кабинете с призраком того самого ублюдка японца, который преследует его в ночных кошмарах, порожденных комплексом неполноценности.

Зубной врач, скорее всего, не обратил внимания на ту статью. Зато обе студентки из моего семинара старательно собирали все сообщения в «Эль Соль» о том, как средь бела дня мертвецки напились колумбиец и японец — оба лекторы университета, где учились эти девушки. А реагировали они на случившееся по-разному — сообразно национальной и социальной принадлежности каждой из них…

Я думаю, сестренка, тебя интересует, что это за студентки. Одна из них, Рейчел, приехала из Соединенных Штатов и специализируется по исламу; не знаю, в каком штате она родилась — установить это по ее произношению я не в состоянии, но уверен, что эта дылда росла в каком-нибудь южном городке. Она частенько

проводит ночи в компаниях, где курят марихуану, а под утро с жадностью уничтожает неаппетитные объедки. Если студенты, обедающие с ней в университетском кафетерии, оставляют хлеб, она собирает его и съедает. Не полнеет только потому, что, наверное, чем-то больна. Изредка я замечал, что ее глаза на землистом лице вдруг оживали, вспыхивая каким-то странным огнем. Но сейчас, после случившегося со мной, блеск ее янтарных глаз уже не передавал никаких сложных психологических процессов — он лишь с предельной откровенностью выражал ее безмерное негодование тем, что я напился как свинья.

Другая студентка — дочь широко известного в Мексике художника, вольнослушательница Марта. Она прихрамывает и носит юбку до щиколоток; когда ходит медленно, ее недостаток не бросается в глаза, но стоит ей ускорить шаг или даже просто немного разволноваться, как она тут же начинает сильно хромать. Голубоглазая, с золотистыми волосами и тонкими бескровными губами, Марта выглядит еще совсем девочкой, хотя ей уже двадцать пять лет, — типичная вечная студентка, два года училась в Европе, слушала совершенно бесполезные для нее лекции по социологии и психологии. На ее лице

всегда написано высокомерное презрение — мол, мои умственные способности не идут ни в какое сравнение с умственными способностями других студенток из Южной Америки, и даже мне, преподававшему ей японскую культуру — почему, в конце концов, она решила изучать именно ее, ума не приложу, — она демонстрировала полное пренебрежение: кого-кого, мол, а меня на мякине не проведешь. Если посмотреть правде в глаза, она относилась ко мне с высокомерием, которое тщательно скрывала.

Однако теперь выражение лица Марты, на которую сообщение о нашей попойке, в отличие от Рейчел, произвело прямо противоположное впечатление, стало явно вызывающим. Марта и раньше почти не понимала лекций, которые я читал по-английски, не понимала и японских слов, которые я писал на доске. В душе этой девушки, ежедневно посещавшей мои занятия, тлела смутная и абсолютно безосновательная мечта стать специалистом по Японии, а также клокотала досада на свою хромоту. Обычно она не отрывала от меня глаз, точно подернутых пеленой. Но теперешняя Марта, сестренка, будто копьем пронзала меня своим острым взглядом, и в ее хрупком теле калеки, я чувствовал, пылает

пожар. Может быть, это ощущение было вызвано у меня просто тем, что я наконец избавился от мучительной зубной боли, но факт остается фактом: читая лекции этим двум студенткам — в отношении ко мне они представляли собой единство противоположностей, — я вызывал у них нездоровый интерес. Под прожекторами их взглядов, сестренка, я и сам начал сознавать, что до сих пор, читая лекции Рейчел и Марте, оставался безразличен и холоден, как мертвец. Но последние дни, потрясшие меня неожиданными колебаниями огромной амплитуды — беспрерывная, в течение недели, зубная боль, события в пустыне Малинало и, наконец, позорная попойка с колумбийским художником, — вдохнули жизнь в мое прозябание в Мехико, я возродился. Хотя все же не эти события явились для меня главным стимулом, а твое письмо с вложенным в него цветным слайдом, на котором ты изображена обнаженной. Только получив его, я принял решение приступить к делу, предопределенному мне с рождения, — описать мифы и предания нашего края.

В тот день фразу, выбранную мной из «Нихон

сёки»[11] для комментирования на лекции, я заранее написал на темно-зеленой доске: *«Идзанаги и Идзанами, стоя на небесном мосту, стали погружать свое драгоценное копье в бездну, и капли, упавшие с него, сгустились от соли и превратились в остров».*

Мои занятия проходили в рамках программы обучения японскому языку, поэтому я начинал с того, что прочитывал по-японски написанное на доске. Рейчел, которая утверждала, что прежде, чем заняться исламом, изучала китайский язык, сняла прямоугольные, похожие на игрушечные очки в светло-розовой оправе и тупо уставилась на записанный китайскими иероглифами японский текст, понять который ей было не под силу. Что же касается Марты, то она в тот день, чтобы продемонстрировать горячий интерес ко мне, начала, продираясь сквозь дебри бессмысленного для нее текста, старательно переписывать приведенную мной фразу из «Нихон сёки». Поэтому сразу же перейти к чтению я не мог. Рейчел смотрела на меня выжидательно, не понимая, почему я молчу. Наконец она догадалась, что причина заминки — поведение Марты. И я понял,

[11] Примечания: 11

«Анналы Японии» — одна из первых исторических хроник; создана в 720 г.

сестренка: так просто все это не кончится. Рейчел надула губы и стала неодобрительно посматривать на нас с Мартой, явно давая понять, что переполнявшее ее негодование вот-вот выльется в какую-нибудь язвительную реплику. А Марта, еще ниже склонив свою яйцеобразную голову с волосами цвета опавших листьев, едва-едва разбирая знакомые ей элементы иероглифов, прилежно переписывала фразу — для нее это был поистине непосильный труд. Правда, в ее усердии безошибочно угадывался какой-то тайный замысел, но мешать ей, сестренка, не хотелось. Я даже испытал к ней что-то вроде благожелательности. Когда она, сильно хромая, направилась ко мне с исписанным листком, я испугался и с жалкой улыбкой ждал, пока она подойдет. Поведение Марты было сознательным вызовом Рейчел. Янтарные глаза Рейчел потемнели и приобрели цвет крепко заваренного чая. Не успел я раскрыть рта, чтобы высказать свое мнение о написанных Мартой иероглифах — если только можно назвать их иероглифами, — как с ее детского личика исчезло выражение вечной неудачницы.

— Слова «стали погружать свое драгоценное копье в бездну» в мифе об Идзанаги и Идзанами, думаю, вас заинтересуют, — начал я. — Дело в

том, что боги стояли на небесном мосту, и под ним должна была находиться некая страна. Не является ли это указанием на космологический верх и низ, что сопоставимо с мифами западных стран?

Однако, сестренка, Рейчел сразу же уловила слабое место в моих рассуждениях и возразила.

— Если вы, профессор, оцениваете приведенные вами слова главным образом космологически, уместно ли строить гипотезы, исходя лишь из этой фразы «Нихон сёки», как будто в ней содержится абсолютная истина? — энергично перебила она меня на своем родном английском языке. — Может быть, стоит и из других мест «Нихон сёки» выбрать аналогичные примеры и рассмотреть их в связи с приведенной вами фразой? Существуют ли, профессор, подобные выражения или их варианты в других местах «Нихон сёки»? Ведь это единый, цельный текст.

В тот день, сестренка, уже в начале лекции я вынужден был признать поражение. Даже Марта всем своим видом демонстрировала солидарность с Рейчел. Не кажется ли тебе, сестренка, что работа у меня в Мексике не из легких? Студентки, разумеется, не могли понять внутреннего побуждения, заставившего меня в тот день на

лекции начать рассуждения по поводу цитаты о «веке богов», взятой из «Нихон сёки». А для меня это было совершенно естественно — в течение ста двадцати минут я читал лекцию, стараясь говорить о чем угодно, лишь бы не касаться вопроса поистине важнейшего для меня, человека, описывающего мифы и предания нашего края. На доске мне следовало написать совсем другую фразу: *«И родился у них ребенок — остров Авадзи, еще он назывался Эна — «послед». Первенец оказался неудачным. В старину его так и назвали — Авадзи».*

Я как летописец нашего края хотел рассказать о презираемом острове Авадзи: написанное другими иероглифами, это слово означает «наш позор», и существует предание, будто Эна-послед, от которого получил свое странное название остров Эна-но-сима, доводится старшим братом всем детям, рожденным на Южном Сулавеси, Бали и Суматре. Рассказать и о Хируко, которую положили в тростниковый челн и пустили вниз по реке, о чем повествует «Кодзики»[12]. И тростниковый челн, и Авадзи самым тесным образом связаны с нашим краем. Тебе, сестренка, вряд ли

[12] Примечания: 12

«Записи о делах древности», содержат мифы и предания японского народа; составлены в 712 г.

нужно об этом говорить — ты и так прекрасно это знаешь: со времени основания нашей деревни-государства-микрокосма «Авадзи» писалось то одними, то другими иероглифами, но именно так называли в разговоре наш край, если о нем заходила речь.

Иероглифы, которыми передано название нашей деревни Авадзи на официальной карте Великой Японской империи, означают «Наша мирная земля». Наша тихая спокойная земля — такое прочтение, судя по иероглифам, вполне логично, но, как мне представляется, эти иероглифы были употреблены с определенным смыслом. Жители деревни представили правительству Великой Японской империи фиктивную книгу посемейных записей, и они же использовали такие иероглифы, которые позволили скрыть от посторонних истинное название их деревни. Жители нашего края, как говорил по-спартански воспитывавший меня отец-настоятель, использовали самые разные способы для передачи слова «Авадзи». Со времени основания деревни-государства-микрокосма оно писалось самыми различными иероглифами, и многие необычные сочетания их воспринимались как шарады: пена желаний, чумизный дед, бледная смерть, темный

орел, спокойный край, непрочная бумага, кровавая пена, непонимание, нелюбовь, стремление уничтожить нас…

Я, летописец нашего края, не столько исследовал все эти названия, сколько задумчиво рассматривал их часами и пытался проникнуть в их тайный смысл. Не думаю, что и созидатели, и продолжатели их дела в Век свободы вытаскивали на свет божий все это множество иероглифов единственно с целью подыскать наиболее подходящее название для местности, где они пустили корни. Скорее, должно быть, усилия скрыть истинное название местности, где они поселились, и породили множество выдуманных названий Авадзи. И их замысел, замысел тех, кто жил в деревне-государстве-микрокосме в древности и Средние века, оказался настолько успешным, что даже я, человек, описывающий мифы и предания нашего края, не мог обнаружить путеводной нити, которая вывела бы меня к истинному написанию «Авадзи». Но почему же тогда они не пошли дальше и вообще не отказались от самого названия? Я часто думал об этом, и вдруг ответ открылся мне сенсационно просто, будто с узенькой, словно проеденной червями тропинки, петляющей в глубине моего сознания,

я вышел на широкую дорогу, ведущую в сердца людей, которые жили и умерли в нашем крае. Понимаешь, я убедился в том, что разночтения в толковании, безусловно, имели целью сбить с толку чужаков с помощью такого нагромождения вариантов, которое было бы равнозначно полному разрушению первоначально существовавшей связи между иероглифами, названием и его значением.

И в те времена, когда я был значительно моложе, чем сейчас, сестренка, и потом, когда я вновь осознал себя человеком, миссия которого заключается в описании мифов и преданий нашего края, мое воображение особенно волновали два иероглифических написания «Авадзи», означавшие «непонимание» и «нелюбовь». В отличие от всех других, сбивающих с толку и призванных затуманить смысл, эти два, наоборот, дали мне ключ к пониманию самой сути значения слова «Авадзи».

Авадзи — непонимание. Авадзи — нелюбовь. Отказавшись от изготовления бомб и бежав из города, я тоже проделал путь, пройденный созидателями, основавшими деревню-государство-микрокосм; ночь за ночью они поднимались вверх по реке, потом, добравшись на плотах,

связанных из досок разобранного корабля, до верховья, где плыть стало невозможно, двинулись дальше пешком, не удаляясь ни на шаг от берега реки. Сделал ли я это из любознательности, как человек, взявший на себя миссию описать мифы и предания нашего края, или из страха, что меня настигнут преследователи — члены группы, из которой я дезертировал, — этого, сестренка, я и сам как следует не знаю. Тем же самым путем — правда, за долгое время здесь произошли огромные перемены, — каким шли в давнее время ведомые Разрушителем созидатели, основавшие деревню-государство-микрокосм, в общем, тем же путем, что и созидатели, поднимаясь вверх по реке, я прошел тогда от морского побережья в глубь леса. В маленьком приморском городке я сошел с парохода местной линии и пешком направился через равнину у устья реки — на этой равнине, некогда загаженной черным потоком воды, хлынувшим с гор во время бурного наводнения, что случилось вскоре после того, как мы открыли этот край и обосновались в нем, теперь среди полей там и сям высятся корпуса заводов, которые еще больше загрязняют все вокруг. Шагая по асфальтированному шоссе, проложенному вдоль реки, я каждый раз, завидев какой-нибудь

химический завод или завод по производству автодеталей, обходил его стороной. Во мне жил неодолимый страх быть узнанным кем-нибудь из бывших соратников, укрывшихся здесь и работающих на каком-нибудь из этих предприятий.

Авадзи — непонимание. Авадзи — нелюбовь. Как человек, конструировавший бомбы из обрезков металлических труб, я должен был бы проявлять хладнокровие, но, бросив эту работу и сбежав, я сразу же уподобился мальчишке, готовому при малейшей опасности сломя голову припустить наутек. Чтобы вновь и вновь утверждаться в решимости окончательно порвать со своим прошлым, я — теперь об этом смешно даже говорить! — шел и вслух молился. Решимость любой ценой избежать встречи со своими бывшими товарищами не мешала мне в мыслях молить бога и о том, чтобы не напороться на преследователей, которые, возможно, до сих пор гонятся за мной. От стыда и досады я плевал под ноги, на пыльную дорогу. «Авадзи — непонимание! Авадзи — нелюбовь!» Эти слова самопроизвольно возникали во мне, и я, совсем еще мальчишка, прекрасно сознавал всю трагикомичность своего поведения.

Однако стойло мне подняться к верховьям и до-

стичь тех мест, где широкая мутная река, которая у моря из-за мощных приливов, казалось, текла вспять, а теперь сузилась и бежала навстречу чистая и быстрая, как мой молящий голос избавился от трагикомичности. Удалившись от людского жилья, я брел вдоль реки, здесь, в густом лесу, превратившейся в бурный поток, и, изо всех сил напрягая голос, вместе с окружающими меня призраками созидателей, разумеется ведомых Разрушителем, старался перекричать шум воды: «Авадзи — непонимание! Авадзи — нелюбовь!» Так, чуть ли не бегом, я продвигался вперед. Наш край притягивал меня к себе с силой, возраставшей прямо пропорционально расстоянию, отделявшему меня от моря. На десятый день своего пути от морского побережья я, уставший и измученный, исхудавший и обросший, рысцой пробежал горловину — то самое место, где огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли преградили путь созидателям.

Скалы и глыбы черной окаменевшей земли были разрушены созидателями, основавшими деревню-государство-микрокосм. И только после того, как они были сметены, перед глазами людей возник наш край. До этого созидатели плыли по реке; потом плоты, на которых двигаться

дальше вверх уже не могли, разобрали и, сделав волокуши, стали взбираться все выше в горы. Нагруженные поклажей, созидатели шли по ущелью между нависшими горными хребтами, впереди, закрывая обзор, в беспорядке громоздились вершины, но, судя по всему, проход там был. И тут перед ними стеной выросли обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли. Поскольку, только поднимаясь вверх по реке, указывающей им путь, они могли достичь новой земли обетованной, возникшая перед ними огромная черная стена, у подножия которой пробивался источник, означала конец путешествия. Край Света.

Могли ли они двинуться дальше? Вряд ли. *Стена должна быть разрушена!* Человек, так решительно провозгласивший это, с той самой минуты утвердил себя Первейшим среди первых жителей деревни-государства-микрокосма, то есть Разрушителем. Он один владел тайной взрывчатого вещества и руководил теми, кто готовил разрушение стены. Взрыв удался. После него в течение пятидесяти дней шел проливной дождь — во всех начинаниях созидателям помогали сверхъестественные силы.

Однако дальнейшие события развивались не столь благоприятно. Разрушитель, который,

устраивая взрыв, не мог укрыться в каком-нибудь безопасном месте, получил настолько тяжелые ожоги, что все его тело и даже внутренности обгорели дочерна. Что заставило Разрушителя в течение всего похода в поисках новой земли обетованной тащить с собой все для изготовления взрывчатого вещества? Необходимость быть готовым к сражению с отрядом посланных князем головорезов, которые шли по пятам беглецов. Когда черный дым от взрыва повис над долиной, сразу же хлынул дождь, и огромное наводнение в мгновение ока смыло преследователей, поднимавшихся вверх по реке.

Пока Разрушитель, весь черный, залечивал свои раны, он не мог предпринять ничего нового — во всяком случае, со взрывчатыми веществами. Превратившись в полутруп, обуглившийся, с черной повязкой на глазах он укрылся от всех. Именно в этот период жизни, обреченный на полную бездеятельность, Разрушитель и высказал мысль о том, что кто-нибудь впоследствии должен будет поведать о мифах и преданиях деревни-государства-микрокосма. Таким образом, возложенная на меня миссия летописца нашего края имеет давние корни.

— Вы, профессор, сказали, что место, куда,

завершив дела, «надолго укрылся» Идзанаги, находится в Авадзи, но я не совсем понимаю, какое отношение все это имеет к народным обычаям? — снова вмешалась Рейчел. Это был не вопрос, а скорее взрыв возмущения. — Чем вы руководствуетесь, строя ваши лекции, профессор? От сегодняшней у меня в голове полная сумятица. И выбор темы, и ее изложение, профессор, кажутся мне несколько произвольными. Хотя ваше толкование деяний Сусаноо-но Микото[13] показалось мне весьма занимательным.

Время лекции уже истекло, и Рейчел сделала свое заявление, как бы подводя итог. Я мог, конечно, все сгладить, сказав, что поднятые ею проблемы постараюсь осветить в следующий раз. Но тут, сестренка, когда я, сраженный бесцеремонностью Рейчел, на мгновение потерял дар речи, Марта пришла мне на помощь:

— А меня вот не интересует изучение мифологии! Я хочу слушать рассказы профессора о том, как японцы относятся к любви и смерти!

— При чем здесь любовь и смерть? — возмутилась Рейчел, отвергая, что было совершенно естественно, неожиданное вмешательство Мар-

---

[13] Примечания: 13

В японской мифологии — бог ветра или «равнины моря».

ты.

— А потому что любовь и смерть, особенно самоубийство влюбленных, занимают центральное место в литературе японцев! Я хочу говорить с профессором о самоубийстве влюбленных в Японии.

Рейчел побагровела и, изобразив на своем крупном обезьяньем лице презрительную улыбку, покинула аудиторию. Должно быть, подумал я, отправилась в кафетерий, который находится в том же здании, и, купив за полцены пару черствых пирожков, с явным удовольствием жует их там в ожидании, когда мы с Мартой наконец появимся в зале. Так всегда бывало в дни моих лекций.

Когда мы с Мартой медленно — я всегда жалею ее и стараюсь помочь ей скрыть хромоту — поднялись по винтовой лестнице в кафетерий, Рейчел, перед которой уже стояли две пустые тарелки, неотрывно смотрела на вход. Глаза у нее косили — издали это было особенно заметно. Мы купили по банке мангового сока и подошли к столику Рейчел. Она, демонстрируя Марте явное над ней превосходство, тут же уколола меня очередным вопросом. Марта неожиданно бросилась в контратаку. Порывшись в мешке из индейской

ткани, висевшем у нее на плече, она вынула оттуда большую бутылку текилы[14] и в стакан, из которого я собирался пить сок, плеснула немного этой прозрачной жидкости. Потом с вызовом — нарочно для Рейчел — пожала плечами, как ни в чем не бывало повернулась в мою сторону и посмотрела на меня голубыми с поволокой глазами. Я чувствовал, что текила влечет меня к себе, точно алкоголика. Но глаза всех присутствующих в кафетерии, казалось, были прикованы ко мне и моему стакану.

В затуманившихся глазах Марты по-прежнему читался призыв. Рейчел покраснела как рак, один ее косящий глаз смотрел на меня, другой — поверх моей головы. (Как мне теперь вспоминается, сестренка, в эту минуту за моей спиной возник декан факультета Азии и Северной Африки, которому я только сегодня утром давал объяснения по поводу недавней пьянки с колумбийцем.) Лицо Рейчел выражало попеременно то негодование, то печаль. Вдруг она схватила стакан с текилой и, обдав своим горячим дыханием Марту, одним духом осушила его, даже не поморщившись.

---

[14] Примечания: 14
Крепкая мексиканская водка.

5

Теперь, сестренка, я опишу тебе, что произошло между мной и Рейчел, и не ради того, чтобы просто тебя позабавить, нет — писать об этом, глядя на твою фотографию, для меня уже физическая потребность. Но прежде чем рассказать о неожиданной близости между мной и Рейчел, я опишу тебе сон, который мне приснился, когда я задремал. Даже для такого сновидца, как я, сон был необычным — он вселил в меня беспокойство.

Он начинался в аэропорту Ханэда, куда я прилетел из Мексики, когда закончился срок моего там пребывания. То ли повлияла разница во времени, то ли воспоминания о долгом заточении в тесном самолетном кресле, но, с чемоданами в руках, я шел к конторке таможенного инспектора в каком-то отрешенном состоянии, духовно и физически опустошенный, точно в беспамятстве. Таможенным инспектором был тот же японец, который стоял здесь, когда я улетал, однако… (странным казалось само по себе то, что я это сознавал!) над ним возвышались два молодых китайских солдата, до пояса упрятанные в некое подобие узкого высокого ящика. В ярко-зеленой форме, с орденами, они нагло уставились на меня.

Я потупился, стараясь не смотреть за таможенный барьер — там толпились китайские солдаты, их было великое множество. Тень черной птицы, беспорядочно машущей крыльями птицы, неожиданно вторгшейся в это крохотное пространство, перевернула мою душу. Вот оно что… Я сразу все понял. Пока я спускался по трапу самолета и нес к таможне свой багаж, люди вокруг меня перешептывались, словно перебрасывали друг другу крохотные осколки слов. Япония оккупирована китайской армией, и наша повседневная жизнь отныне определяется не нами: не только военные дела — это само собой, — но даже внешняя и внутренняя политика должна быть перестроена согласно модели, предложенной китайскими властями. Насущный вопрос — сколько ручной клади разрешено провозить беспошлинно? Об этом и шепчутся окружающие. Еще важнее другое — годятся ли паспорта? Действительны ли визы? А сам я, прислушиваясь к возмущенному и беспокойному шепоту окружающих, думал: я-то свободен. Наш край, не говоря уж о времени основания, даже в Век свободы не подчинялся внешней власти. И даже когда наш край снова оказался под властью княжества, а после его упразднения и учреждения префектур

— под властью Великой Японской империи, благодаря уловке, придуманной Разрушителем, половина наших жителей осталась вне досягаемости государственных органов. Правда, вскоре, после поражения в пятидесятидневной войне, от этой уловки пришлось отказаться, но все равно идея Разрушителя в главном не умерла. И хотя Япония оккупирована китайской армией, я, как человек нашего края, независим. Но все равно, описывая мифы и предания деревни-государства-микрокосма, я не должен прибегать к туманным выражениям, которыми изобилуют наши предания, к словам, понятным лишь людям нашего края. Я смогу описать мифы и предания нашего края только на общепринятом японском языке, который, возможно, будет полностью запрещен китайской армией. Думая об этом, я впервые ощутил, как страх и чувство бессилия, которых я не испытывал с самого детства, сковали тело, черной пеленой заволокли мою душу. Следуя приказу, отданному на китайском языке таможенным инспектором, мое тело — плоская фигурка, вырезанная из черной бумаги, — склонившись в три погибели под тяжестью чемоданов, двинулось вперед. И я сам во сне со стороны провожал взглядом эту черную фигурку…

Проснувшись, я старался истолковать смысл моих сновидений. В моем пока еще сонном, заторможенном сознании стали все яснее вырисовываться их контуры. Рядом со мной спала обнаженная Рейчел; в ней все — и размеры, и формы — выдавало англосакскую породу. Между первым стаканом в университетском кафетерии и этой постелью в отеле «Парадайз» мы обошли немало баров, всюду пили текилу и болтали без умолку, не в силах наговориться.

Превысив допустимую для себя дозу спиртного, Рейчел отказалась от английского языка и говорила об идеях Мао исключительно по-испански. У себя в стране она изучала испанский как третий иностранный, но, получив для продолжения образования стипендию университета Мехико, преисполнилась решимости говорить только на испанском языке. И даже упорно пользовалась местным его диалектом, хотя в нашей повседневной университетской жизни, разговаривая со мной, изучающим что угодно, только не испанский, предпочитала свой родной язык. Алкоголь затуманил ее сознание настолько, что она вообразила, будто человек, для которого родной язык испанский, в определенных ситуациях начинает говорить по-английски и наоборот. Даже при

моих ограниченных познаниях в испанском я без малейшего труда постигал логические построения медленно расхаживавшей вокруг меня Рейчел. Дело в том, что идеи Мао в ее интерпретации были упрощены и сведены до уровня ее собственной логики. Прислушиваясь к тому, как Рейчел излагала идеи Мао, я вдруг обнаружил, что основной силой, заставившей ее говорить по-испански, была откровенная страсть, требовавшая немедленного удовлетворения, будто речь шла об утолении голода.

Мы с ней свернули с широкой улицы Инсургентов в темный переулок и вошли в дешевый отель, явно облюбованный проститутками. Пока Рейчел принимала душ, они, ведя за собой «клиентов», трижды врывались к нам, хотя я старательно запирал дверь нашего номера, в который можно было попасть прямо из холла; и каждый раз из открытой ванной комнаты, сверкая розовым телом, высовывалась Рейчел и, как обиженный ребенок, кричала на них по-испански. На проституток ее крики не производили никакого впечатления — вдоволь насмотревшись на полуголого, в одной рубахе, японца, со скучающим видом возлежащего на кровати, они удалялись. Я каждый раз удостоверялся, что дверь на запо-

ре, но все равно полной уверенности у меня не было, и потому я, поглядывая на свое отражение в огромном зеркале на стене, лишь ухмылялся, опьяненный текилой. Все это время сквозь шум воды из ванной доносился мелодичный голос Рейчел: ее испанский язык звучал так, будто она о чем-то скорбит, на что-то жалуется, но мне кажется, сестренка, она обращалась не ко мне, а к своему прежнему другу, который обрек ее на одинокую жизнь университетского стажера на чужбине. Наконец я встал с кровати, чтобы посмотреть, почему Рейчел так долго не выходит из ванной, — она тщательно мылась, направив струю душа, от которой шел слабый пар, в промежность. «Онанизмом занимаешься?» — спросил я, усмехнувшись, хотя не сомневался, что именно этим она и занималась. Меня она, видно, оставила на закуску.

Тело у Рейчел было малоприятным. Кожа в пупырышках. Я пишу, сестренка, о ее теле и мысленно сравниваю его с твоим, таким совершенным, с твоими маслянисто сверкающими ягодицами. Я не осрамился перед ней только потому, сестренка, что мысленно представлял себе, как ты стоишь обнаженная у окна и смотришь на реку, бегущую по дну долины, на горный склон, а

я будто выглядываю из-за твоей спины, и мне это очень приятно…

Я не услышал от Рейчел вздоха сожаления, вздоха разочарования — она лишь целовала меня, без конца повторяя: хапонес, хапонес[15]. А я, полузадушенный ее могучими объятиями, думал со страхом: какими глазами посмотрю я завтра утром на эту огромную женщину, проснувшись с ней в одной постели? — и этот страх я воспринимал как наказание за равнодушие к Рейчел.

Наконец я заснул, видел сон и проснулся оттого, что он лишил меня покоя. Чтобы Рейчел, которая лежала неподвижно и, как мне казалось, даже притворялась спящей, не догадалась, что я проснулся, я, стараясь не шелохнуться, шаг за шагом возвращался к отлетевшему сну. Я пытался восстановить увиденное, уловить его смысл, но в моей еще затуманенной после текилы голове всплывало лишь тяжелое чувство, вызванное странной картиной — аэропорт Ханэда, наводненный солдатами китайской армии, и все сильнее угнетавшее меня чувство отчаяния, вызванное запретом говорить на родном языке. А не может ли такое случиться на самом деле? Ведь

---

[15] Примечания: 15
Японец *(исп.)*.

будущее тогда беспросветно, в отчаянии думал я, содрогаясь в душе. Мысль эта тяжелым камнем легла на сердце. Это отчаяние соседствовало со страхом перед выстроившимися шеренгами солдат китайской армии в форме цвета хаки.

Я стал снова погружаться в сон, но, заснув, тут же пробудился. Словно засыпал только ради еще одного, нового сна. Я и в самом деле увидел сон, необычно ясный. Он возвращал меня в детство, в годы американской оккупации, которую мы, сестренка, пережили наяву. По префектуральной дороге, направляясь в нашу долину, ехал джип оккупантов. Люди нашего края собрались у узкого прохода, ведущего в долину, — как раз в том месте, где оставались обломки огромных скал и глыб черной окаменевшей земли, взорванных созидателями. Они собрались там, привлеченные слухами, распространившимися среди жителей долины и горного поселка — «поселковых» (открыто их так не называли, но притесняли с незапамятных времен). Рядом с ними стояли дед Апо и дед Пери, хотя в действительности к моменту окончания войны их уже не было в деревне. Они вызвались переводить солдатам оккупационных войск то, что будут говорить «поселковые». Американцы вселяли в мою душу

— во сне я еще был ребенком — ужас…

Начну, сестренка, с того, что снова напомню тебе о деде Апо и деде Пери, к которым мы питали искреннюю симпатию. Это были специалисты по небесной механике, эвакуированные к нам во время войны. Им было не больше сорока, но мы называли этих двух ученых-близнецов с большими залысинами на лбу и носами, похожими на клюв бородача, дедом Апо и дедом Пери. Они сами назвали себя так, распределив между собой роли в спектакле, устроенном ими для деревенских ребятишек, чтобы объяснить, по какой орбите вращается Луна. Один из них был самой близкой точкой этой орбиты — перигеем, другой — наиболее удаленной, апогеем. Отсюда и пошло — дед Апо и дед Пери.

Дед Апо и дед Пери — во всяком случае, до того, как их увезли жандармы, — были свободны в своей деятельности, в которую местные власти на уровне директора деревенской школы или начальника полиции в соседнем городке не могли вмешиваться. Они не столько занимались исследованиями в области небесной механики, что было их специальностью, сколько с большим рвением организовывали разные игры для детей долины и горного поселка. Во время занятий,

запертые в школе, дети из окон часто наблюдали, как дед Пери и дед Апо, томясь от безделья, бродят по редкому лесу на склоне горы, возвышающейся сразу же за школой. Даже издали было видно, как они — лицом и телом точно два слепка с одной формы, — расхаживая взад и вперед, с пеной у рта ожесточенно спорят.

Какие неприятности вынудили деда Пери и деда Апо оставить свою лабораторию в Токийском университете и переехать в нашу деревню? Взрослые высказывали об этом самые невероятные предположения, а дети подхватывали и разносили их повсюду. Дед Пери и дед Апо, обладая глубокими знаниями в области небесной механики, должны были якобы рассчитать траекторию баллистических ракет, способных пересечь Тихий океан. Именно с этой целью их, дескать, и эвакуировали в далекую горную деревушку. Теперь в этой деревушке, безопасной с точки зрения воздушных налетов, они день и ночь составляют расчеты траекторий для баллистических ракет, способных пересечь Тихий океан. Даже когда, утомившись от занятий, специалисты по небесной механике выходят из дому, они продолжают обсуждать нынешнее состояние и перспективы своей работы…

О деде Апо и деде Пери мы с тобой, сестренка, знали такое, что остальным было неведомо. Посредине рабочей комнаты деда Пери и деда Апо в доме, который они снимали в нашей деревне, стояли один против другого два стола, но на них не было ни одного листка бумаги с цифрами и расчетами. Лежала обыкновенная бумага, либо писчая, либо рисовальная, и специалисты по небесной механике для нас, деревенских детей, изготовляли из нее книжки-картинки. Помнишь, сестренка, одну из таких книжек, озаглавленную «Загадочное лесное Чудо»?

Черновики этой книжки вместе с какими-то документами изъяли жандармы как вещественное доказательство в тот день, когда увезли деда Пери и деда Апо. Однако, сестренка, мы ведь знали, о чем говорилось в этой так и не появившейся на свет книжке-картинке. Выслушав пояснения деда Пери и деда Апо о том, что предполагалось описать и изобразить, мы по их просьбе пересказывали содержание по-детски, да еще и на нашем диалекте. Среди сюжетов в этой книжке были, например, такие, где на основе теории относительности выдвигалась идея о конечности Вселенной. Однако, сестренка, мы не опасались, что эта тема слишком сложна для нас. Дело в том,

что дед Пери и дед Апо не требовали, чтобы мы повторяли содержание рассказанного ими с абсолютной точностью. Они даже радовались, что наш пересказ сделан свободно, своими словами, даже с ошибками.

Однажды утром в лесу на болоте, там, где сквозь кроны деревьев проглядывало небо, жители горного поселка нашли Нечто. Оно лежало на палой листве и блестело на солнце, как кокон паука. Этот кокон был странным, необычным. Он обладал способностью воспринимать человеческую речь. Вот уж поистине загадочное живое существо! Причем фиксированной формы оно не имело и беспрерывно меняло свои очертания. Прослушав рассказ о нем деда Пери и деда Апо, мы в своем пересказе нашли для него определение, которое очень их обрадовало. Нечто напоминало воду.

Нечто, названное, естественно, Чудом, оказалось существом, прибывшим с какой-то другой планеты. Людей охватила паника. Ведь неизвестно, сколь пагубным для человека может оказаться контакт с этим. А если Чудо попадется на глаза жителям других мест, удержать их от враждебных действий по отношению к непонятному, аморфному существу не удастся. И это

в конце концов приведет к войне с неведомым миром, отправившим Чудо на нашу планету.

Люди, обнаружившие в лесу Чудо, стали рассказывать этому непонятному, аморфному существу, способному воспринимать человеческую речь, о Земле. Пользуясь самыми обыденными словами — словами из детского лексикона, — они рассказывали ему обо всем, что известно человечеству: начиная с огромной Вселенной и кончая крохотным атомом. Они пытались с помощью слов превратить это беспрестанно менявшее очертания Нечто в разумное существо…

Многие ребята, увлеченные повествованием, стали обшаривать лес, и тогда дед Пери и дед Апо нашли решение для финальной сцены в книжке «Загадочное лесное Чудо». Получив от двух специалистов по небесной механике и от нас, детей, сведения о людях, а также обо всем, что известно людям, начиная со Вселенной и кончая элементарными частицами, Чудо однажды ночью улетает на родину, к одной из планет далекой галактики. Вбирая в себя информацию, оно постоянно меняло свой облик, обретая конкретность, а перед тем, как улететь, превратилось в прозрачное сердце. И близнецам, специалистам по небесной механике, и нам, детям, стало по-

нятно, что за форму приняло Чудо, вступившее в контакт с людьми. Форму огромной слезы…

Итак, вернемся к моему сну: «поселковые» ждали приближения джипа оккупационных войск. Мой сон воскресил страх, обуявший и жителей долины, и жителей горного поселка, когда летом 1945 года до нас исподволь стали доходить слухи о возможной оккупации. Слухи породили подозрение, что «поселковые», долгие годы покорно влачившие жалкое существование, о чем свидетельствуют еще мифы и предания деревни-государства-микрокосма времен созидания, теперь расквитаются за все. И вот эти люди вознамерились тайно сообщить оккупационным войскам, что деревня-государство-микрокосм изначально независима от Великой Японской империи. Деревня-государство-микрокосм, знавшая в прошлом, в Век свободы, полную самостоятельность, в настоящее время находится под властью императора Великой Японской империи только формально, в сознании же местных жителей она по-прежнему сохраняет полную независимость. Роль деревни-государства-микрокосма в тихоокеанской войне сводилась к участию в ней в качестве союзника — она отправила своих солдат в армию Великой Японской империи. В настоя-

щее время Великая Японская империя заявила союзным державам о принятии Потсдамской декларации, что же касается деревни-государства-микрокосма, то эта независимая страна не заявила о капитуляции. Об этом они и ставят в известность. И делают это внуки тех, кто во время основания деревни-государства-микрокосма попал в плен и с тех пор подвергается жестоким притеснениям…

Пока слухи витали в воздухе, меня больше всего интересовало, как во время основания деревни-государства-микрокосма удалось захватить этих пленных. В те годы я еще не сознавал, что мне это необходимо знать как человеку, призванному описать мифы и историю нашего края; тогда еще ребенок, я просто хотел получить ответ на свой вопрос. Однако если бы слухи не имели под собой никаких оснований, то взрослые — и те, кто жил в долине, и те, кто жил в горном поселке, — да и дети тоже, ни словом бы не обмолвились о людях, подвергавшихся дискриминации. Слухи продержались дня три — пиком их стал тот момент, когда джип с оккупантами достиг долины, после чего интерес к ним быстро остыл, и уже никто не вспоминал о «поселковых». Возможно, страх побудил людей вообразить такое нежданное

предательство, а может быть, коварные замыслы действительно имели место — во всяком случае, подозрения развеялись как дым, стоило лишь солдатам оккупационных войск, широко улыбаясь, вылезти из джипа.

Размышляя о потомках тех, кто в воображении ребенка когда-то был пленником, я пришел к такой мысли. Когда созидатели, предводительствуемые Разрушителем, взорвали огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли, хлынул проливной дождь, огромные массы грязной воды, удерживавшейся ими как плотиной, клокочущим потоком устремились вниз. Бесконечный ливень, начавшийся вместе со взрывом, и устремившийся вниз поток вонючей грязной воды вызвали наводнение и затопили дорогу, по которой поднимались люди, чтобы построить новый мир, ту самую дорогу, которая шла вдоль реки. Огромное наводнение уничтожило всех, кто преследовал созидателей, и тогда в древней деревне-государстве-микрокосме воцарился мир — она превратилась в закрытую страну. Так повествует предание, рассказанное мне отцом-настоятелем, но я им не удовлетворился и призвал на помощь свое воображение, чтобы понять его скрытый смысл.

Перед самым наводнением по пятам Разрушителя и созидателей следовал передовой отряд преследователей, так? И когда шедший за передовым основной отряд был смыт наводнением, передовому не оставалось ничего иного, как сдаться в плен тем, кого он преследовал. А может быть, созидатели спасли и часть основного отряда преследователей, которым грозила верная гибель? У них был лишь один выход — сдаться в плен. Впрочем, у меня возникли и более чудовищные предположения.

Предание гласит, что за огромными обломками скал и глыбами черной окаменевшей земли Разрушитель и созидатели обнаружили обширную безлюдную долину, где и создали Новый мир. Существует объяснение того, почему эта долина, окруженная плодородными землями и густыми лесами, оставалась безлюдной. Огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли перекрыли воде выход из долины, и поэтому местность представляла собой сплошную топь, от которой исходило зловоние. Это зловоние удерживало на расстоянии и людей, и диких животных; мало того, из-за исходящих от топи отвратительных миазмов в долине не росли ни трава, ни деревья. Проливной дождь, начавшийся

после того, как огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли были взорваны, вымыл из долины все, что издавало зловоние, — на месте топи образовались плодородная равнина и сухие склоны, где следовало заново насадить деревья и посеять траву, а хлынувшая потоком грязь затопила всю пойму реки.

Из этого предания я выделил для себя важный момент, объясняющий чувство вины, которое прослеживается у созидателей во всех действиях, сопровождающих основание деревни-государства-микрокосма, а именно: интересно, как бы развивались события, если бы за огромными обломками скал и глыбами черной окаменевшей земли их встретили аборигены? Бой между вторгшимися, которые были вооружены и имели даже пушки, — то есть созидателями, ведомыми Разрушителем, — и аборигенами был бы кровопролитным и неравным. Не есть ли крайне важное в мифе упоминание о зловонии, окутавшем всю долину, скрытый намек на кровавую бойню?

Когда я, сестренка, приехал в Мексику, то часто обращал внимание на проявления чувства вины, которое испытывают живущие сейчас вместе с индейцами и метисами потомки тех, кто пере-

резал ацтеков — коренных жителей этих мест, и я всякий раз мысленно возвращался к своим призрачным видениям детства. Сон о солдатах китайской армии, схвативших меня на основе приказа о чрезвычайном положении, можно было бы истолковать как возмездие за содеянное предками, и эта догадка вселила в меня страх и отчаяние. В многозначности сна, в котором китайские оккупанты разрушили мир моего родного языка, поставив под сомнение возможность описать мифы и предания нашего края, нашла отражение и тайная надежда, вынашиваемая мной с детства: о, если бы удалось бежать от огромной ответственности за возложенную на меня работу, работу, к которой я только что приступил, — описание мифов и преданий нашего края…

6

Утром, собираясь покинуть отель, я так и не отыскал возле кровати ключ от комнаты. Однако не придал этому особого значения — в отеле, где до рассвета шныряют проститутки, а постоянно проживающих вообще, по-видимому, нет, портье вряд ли уже поднялся. А если говорить честно, я не находил в себе сил копаться в сползшем на пол грязном покрывале, в сбитых простынях и одея-

лах. Но когда мы пересекли темный холл, из-за стеклянной перегородки мужской голос потребовал сдать ключ. Рейчел отнеслась к требованию с полной серьезностью и вернулась в номер за ключом. Если близкая возмущению критическая позиция, занятая Рейчел в отношении попойки, устроенной мной и колумбийским художником, диктуется этическими нормами той местности, где она выросла, не должна ли такая девушка испытывать невыносимый стыд за то, что после ночи, проведенной с японцем, ей еще выговаривает какой-то ночной портье-мексиканец?

Однако, сестренка, когда через некоторое время Рейчел появилась с ключом и подошла к окошечку, чтобы сдать его, она с той же серьезностью извинилась перед мексиканцем и, не теряя самообладания, широким шагом подойдя ко мне, сказала:

— Чтобы у вас, профессор, не осталось плохих воспоминаний о прошлой ночи…

Весь вестибюль утопал в темно-красных, почти черных цветах и в яркой зелени бугенвиллей, и, пока мы шли по нему, я не знал, куда девать свое багровое от стыда лицо. Я не мог не признать, что такое непринужденное поведение Рейчел свидетельствовало о том, что ей присущи ка-

чества, которые ставят ее надо мной. Мы шли по широкой улице Инсургентов; я — мужчина, причем старше по возрасту, — был не в состоянии взять под защиту эту девушку-иностранку, с которой провел ночь, и всем своим поведением демонстрировал эту немощь. Зная, что Рейчел живет где-то поблизости, я все равно не проявил ни малейшего желания проводить ее и эгоистично направился в сторону своего дома, а Рейчел, приняв это как должное, пошла меня проводить.

Несколько кварталов Рейчел шагала молча, потом остановилась и, вильнув широкими бедрами, по-собачьи преданно посмотрела на меня. На маленьком жалком личике, которое так не шло к ее мощному телу, набухли синеватые жилки — казалось, вот-вот оно порозовеет от утренней прохлады. Расставшись с Рейчел, я пошел вперед, потом оглянулся — перейдя широкую улицу Инсургентов, тяжелой походкой пожилой крестьянки она вошла в переулок.

Я открыл дверь своей комнаты и окунулся в привычный запах — не просто свой собственный, а присущий любому жилищу японца; обитай здесь мексиканец, запах был бы совсем другим. Я стоял в полной темноте — шторы были задернуты — и не зажигал электричества. Терзаясь стыдом

и духовно, и физически, я не только не желал признавать за собой каких-либо достоинств, присущих человеку нашего края, но, напротив, выискивал в себе недостатки, свойственные японцу, то есть хотел осознать себя тем самым человеком, от которого исходит запах, наполняющий комнату. Привыкшие к темноте глаза стали различать очертания предметов. Я схватил со стола манго и, ногтями разодрав его, стал сосать душистую мякоть, чтобы утолить жажду.

После этого я повалился на кровать и окунулся в доносившийся с улицы в мою темную комнату шум просыпающегося Мехико. Ты даже представить себе не можешь, сестренка, какими разнообразными звуками наполнен Мехико на рассвете и какой чудовищной силы достигает шум в своей высшей точке. Там, где я живу, источник его — автобусы. За окном, совсем не заглушающим звуков, сворачивая с улицы Инсургентов, на улицу Нуэво-Леоне поднимаются автобусы. Укрыться от рева моторов в постели, естественно, невозможно. Я прекрасно помню день, когда вскоре после приезда в Мехико перебрался в эту комнату. На рассвете, разбуженный чем-то ужасным, я в панике вскочил с кровати: нужно было срочно спасаться — то ли от

землетрясения, то ли от наступления танковых бригад восставшей армии. Я бросился к окну и сквозь щель в шторе увидел всего лишь автобус, который поднимался по улице, оставляя за собой шлейф густого черного дыма. В переполненном автобусе я рассмотрел темные, точно закопченные, лица — низкорослые мексиканцы не имели ничего общего с теми, что мне встречались в университете. Только благодаря тому, что это огромное предрассветное племя вывозят на окраину, дневному племени в центре Мехико гарантировано спокойствие, думал я, взвинченный страшным грохотом, который разбил мне сон. Мне даже пришло в голову, что этим ревом мотора специально заглушают вопли рабочих, которых на рассвете набивают в автобусы и везут неизвестно куда.

Автобус, битком набитый рабочими-метисами. Картина показалась мне зловещей, она напомнила об историческом факте: при завоевании нового материка огромное число довольно тщедушных индейцев обрекали на непосильный труд, и они погибали. Ассоциация была тесно связана с моими мрачными смутными мыслями о тех, кто в период основания нашего края стал пленниками, и об их потомках — жертвах гонений.

Предание гласит, что в период основания нашего края произошло расслоение на два племени: на жителей горного поселка и жителей долины. Целью такого разделения в нашем замкнутом районе было, скорее всего, установление системы брака между этими двумя сообществами. Но было еще и третье племя — племя изгоев, выделившееся из этих племен. И если это третье племя изначально не состояло в кровном родстве с двумя другими, то именно с ним следовало заключать брачные союзы — это было бы вполне естественно. В таком случае половина жителей нашего края — полукровки, ведущие родословную от этого третьего племени. Так же как в Мексике, огромный процент населения — метисы. И таким образом, если по-новому оценить версию о существовании гонимых, не исключено, что все они окажутся метисами, которые большую часть крови унаследовали от третьего племени. Когда окончилась война, у нас еще оставалось несколько гонимых семей — в них молча тыкали пальцем, — и я помню, эти мужчины и женщины были столь немощными, истощенными, что меня просто передергивало при одном взгляде на них. Во время обследования, проведенного в средней школе после войны,

у четверых учеников обнаружили туберкулез. Все они были детьми из семей, которых тайно выделяла молва, двое из них через несколько лет умерли. Чувство вины по отношению к третьему племени подкреплялось еще одной преследовавшей меня мыслью, в которой переплетались реальность и сон.

Из нашей долины, через окружающие ее поля я вступаю в фруктовый сад и редкий смешанный лесок, а оттуда — в посаженный нашими жителями криптомериевый лес. Это воспоминание, сестренка, и сейчас еще часто возвращается ко мне. Мне вспоминается, как я поднимаюсь в гору до самой Дороги мертвецов, отделяющей непроходимый девственный лес — его почему-то называли рощей — от места нашего обитания. Когда я поехал в Тётёванку и узнал, что широкая, мощенная камнем дорога, проходящая мимо пирамиды Солнца и ведущая к пирамиде Луны, как и наша, именуется Дорогой мертвецов, я сразу же ощутил трепет сродни тому, в который меня, еще совсем ребенка, повергала тоже мощенная камнем, но узенькая, не идущая ни в какое сравнение с этой, Дорога мертвецов в нашем крае.

Это произошло в самый разгар войны. Однажды я, в полном одиночестве, добрался до Дороги

мертвецов и пошел по камням, которыми она была вымощена. То, что я предпринял, сестренка, было настоящей авантюрой, о которой ребята из долины и горного поселка только мечтали, но на которую ни один бы из них не решился. Я размеренно шагал по Дороге мертвецов, разделявшей лесные владения и владения человека. Лес был справа от меня, долина — слева, но склон порос таким густым кустарником, что увидеть ее за зеленой стеной было невозможно. А лесная даль, точно крышкой, была прикрыта густой кроной деревьев. В девственном лесу, который мы намеренно называли рощей, росли могучие деревья: толстенные стволы походили на колоннаду, увенчанную плотной крышей из густой зелени; ее пронизывал желтоватый свет. Я шел, заставляя себя не смотреть в ту сторону, но лес неумолимо, точно магнитом, притягивал мой взгляд. В поле моего зрения то и дело попадали какие-то большие черные фигуры. В конце концов мне пришло в голову, что это призраки «больших обезьян». Онемев от испуга, я припустил наутек, но не назад по Дороге мертвецов, а напролом сквозь зеленую стену слева. Кустарник на склоне оказался редким, и мое падение задержали только густые ветви старых толстых деревьев, росших

на ровной площадке утеса.

Дед Апо и дед Пери пришли на помощь к запутавшемуся в ветвях жалкому мальчишке. Они и предположить не могли, что я — из неосознанной тяги к покаянию — поднялся на Дорогу мертвецов, и лишь случайно, вынеся во двор телескоп для каких-то своих наблюдений, вдруг заметили меня на опасном крутом склоне. В страшном сне, который после того рискованного предприятия привиделся мне, спасенному дедом Апо и дедом Пери, созидатели, ведомые Разрушителем, как настоящие завоеватели двигались по Дороге мертвецов. Они убивали «больших обезьян» — коренных жителей этих мест. Истекающие кровью «большие обезьяны» прятались за стволами поваленных деревьев и скалами и обреченно ожидали смерти…

После недолгого сна я проснулся от шума, доносившегося со двора. В гараже, расположенном в первом этаже дома, сын управляющего разогревал моторы оставленных там машин. Потом я снова заснул — новый сон еще сильнее взволновал меня. Во сне, который привел меня в такое волнение, я с полутемной лестничной площадки заглядываю в приоткрытую дверь, откуда льется свет. Кто-то, стоящий там, в конусе мягкого света

с прижатым к груди пластмассовым тазиком, хотя и чувствует, что я смотрю на него из темноты, но, не колеблясь, выходит из комнаты. И тут же останавливается, пригнувшись. Маленькие круглые груди, почему-то расположенные слишком низко. А внизу живота — совсем невообразимо — то, что выдает мужчину. Хотя я убежден, что это все-таки девушка. Однако опущенное лицо в тени, и рассмотреть его не удается, голова же, смахивающая на мяч для регби, могла бы с одинаковым успехом принадлежать и юноше и девушке…

Я сразу же постиг истинный смысл увиденного сна. Действительно, переспав с Рейчел, я понимал умом, что мне следует относиться к ней с уважением, однако во мне все восставало против нашей близости. Во сне я снова пережил то, что произошло между нами, и как бы в вознаграждение передо мной явилась девушка с прекрасной грудью, но обладающая еще и тем, что является принадлежностью мужчины. Пока это странное существо, полуженщина-полумужчина, выглядывало из приоткрытой двери, я чувствовал, что полностью излечиваюсь от своей мужской слабости. Обретя наконец душевный покой, сопутствующий внутреннему подъему, я был в

прекрасном настроении. Я нажал выключатель у изголовья, встал с постели, снял со стены твою фотографию и, стараясь не захватать пальцами, долго и пристально рассматривал обнаженную фигуру…

Благодаря шуму просыпающегося Мехико мне удалось по-новому понять одно из преданий об основании нашего края. После того как были взорваны огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли и прошел проливной дождь, созидатели поделили пахотную землю, с которой было смыто все, издававшее зловоние, и начали ее обрабатывать. Пошел в рост и лес на склонах гор, до этого чахнувший от миазмов, стала складываться первичная структура деревни-государства-микрокосма, состоявшей из двух поселков: одного в долине, другого в горах. Однако в тот период в нашем крае стали раздаваться странные звуки. Звуки, напоминавшие подземный гул, то высокие, то низкие, раздавались непрерывно. Они слышались повсеместно — и в долине, и в горном поселке, — но в разных местах воспринимались по-разному. Например, в одном месте они повергали человека в тяжелое уныние, а в другом, наоборот, воодушевляли. Людям было не под силу выносить эти звуки, и

многие семьи бросали только что построенные дома и сооружали временные жилища в другом месте, но были и такие, которым непрекращающийся гул не мешал. Это происходило со всеми созидателями и их семьями.

Пока продолжался шум, напоминавший подземный гул огромной силы, первоначальный раздел земли, произведенный созидателями, и распределение работ, тесно связанных с тем, где жила та или иная семья, были полностью пересмотрены. Во время длительного путешествия созидателей в поисках нового мира прочно утвердилась абсолютная власть Разрушителя, а с другой стороны — рухнули социальные устои вассалов старого княжества. Перераспределение земли и построек, которое осуществлялось на основании лишь одного критерия — характера реакции на подземный гул, окончательно стерло прежние социальные отношения.

Окунувшись в несмолкаемый шум Мехико, я глубоко проник в суть этого предания и обнаружил в нем новые грани. Люди, сопротивляемость которых подземному гулу была слаба, сразу же покинули долину, но прижиться в горном поселке, где еще можно было выносить гул, им тоже не удалось. Тогда они перебрались еще дальше и

обосновались в девственном лесу — иного выхода у них не было. Стараясь не слишком углубляться в чащу, так, чтобы была видна Дорога мертвецов, они укрылись за поваленными деревьями и скалами и ждали, когда подземный гул прекратится. А за это время их земли были переделены, и, лишившись всего, они превратились в наемных работников жителей долины и горного поселка. Предвидя свою судьбу, они во время подземного гула, длившегося более ста дней, жили в тусклом желтоватом свете, проникавшем в девственный лес, укрываясь там, подобно истребленным некогда «большим обезьянам».

7

Я сидел, сестренка, на бетонной скамье провонявшего мочой стадиона, где проходила коррида, и пил свежее пиво. По дну чаши бродил бык. Я и какая-то американская семья сидели на самых верхних скамьях среди мексиканцев, хотя и несколько особняком, с таким видом, будто случайно оказались не там, где нам следовало находиться. Обычно туристы располагаются вблизи арены — те места отсюда, с верхотуры, кажутся уютными и привлекательными. Японцу и американской семье, которые, нарушив обы-

чай, забрели туда, где надлежит быть простым мексиканцам, окружающие не выражали явного осуждения — это было бы не в их характере, но в глубине души они злились, испытывая, видимо, неловкость от нашего присутствия. Семья американских туристов, ни на кого не обращая внимания, все время что-то требовала от гида. И этот метис тихо отвечал им увядшим, жалобным голосом. Сидевшие вокруг мексиканцы, казалось, стыдились своего жалкого соотечественника. Однако атмосфера явного раздражения, царившая среди мексиканцев, объяснялась еще и тем, что коррида не удалась. Возможно, мексиканцам, для которых мы были инородным телом, впившейся в них отвратительной занозой, было неловко за то, что под их ослепительным солнцем происходит такая вялая, анемичная коррида — бумажный матадор убивал бумажного быка.

Мальчик-американец лет десяти с лицом маленького старичка, несколько раз уточнив цену, купил кока-колу. Старательно отсчитав песо, он, явно недовольный тем, что ему недолили в бумажный стаканчик этой мутной пенящейся жидкости, отпил глоток и мрачно проворчал, что, мол, мексиканская кока-кола отвратительна на вкус. Продавец, примерно такого же роста,

как мальчик, только усатый, повернувшись к гиду, буквально вцепился в него: «Переведи, что сказал мальчишка». Гид, демонстрируя до сих пор скрываемую враждебность к своим нанимателям, перевел как есть недовольное ворчание мальчика, и продавец, раскинув руки, тут же заорал: «Кретин!», но сидевшие вокруг мексиканцы хранили гробовое молчание…

В это время все и случилось. Далеко внизу на арене произошли новые события, которые вдохнули жизнь в огромную чашу стадиона. Какой-то парень — в руках у него ничего не было — выпрыгнул на арену и, направившись к быку, до того никак не реагировавшему на действия матадора, пытавшегося раздразнить его, принялся откровенно задирать быка. Стадион наполнился радостными криками. Парень пошел прямо на быка, потом, пригнувшись, схватил его за шею и стал валить. Матадор, с бесполезной теперь шпагой в руке пытавшийся прекратить безумную схватку, выглядел секундантом быка. Наконец усилия уже порядком измотанного юноши принесли свои плоды — бык не на шутку разъярился. Со стороны, впрочем, казалось, что ничего особенного не происходит, хотя на арене развернулась борьба между человеком и быком,

в которой ставкой обеих сторон была жизнь. Публика радостно вопила. Общее возбуждение захватило и меня. В крови забурлило выпитое пиво. Я широко открыл глаза, уже привыкшие к яркому солнечному свету, и неотрывно смотрел на арену. Парень все еще висел на быке. Может, он в конце концов и повалил бы его, если бы не матадор, который, дав волю своему негодованию, попытался оторвать юношу-смельчака от бычьей шеи. Раздался возмущенный свист, явно в адрес матадора. Но и подбадриваемый криками герой уже не мог сражаться — ему мешали высыпавшие на арену матадоры.

— Давай! — возбужденные, радостные крики неслись с трибун.

Парня наконец все же оторвали от шеи быка, но он, широко расставив ноги и обретя тем самым устойчивость, яростно отбивался. Потом начал носиться по арене, убегая от охранников. Ему даже удалось перескочить через ограду, однако раньше, чем он сумел добраться по проходу до верхних скамей, охранники, бросившиеся наперерез, схватили его. Когда его потащили, он опрокинулся на спину — так его и унесли в помещение под трибунами. Публика на верхних скамьях сочувствовала парню и наблюдала за

происходящим без всякого удовольствия. Началась стихийная демонстрация в защиту героя. Несколько десятков человек перелезли через ограду, хлынули на арену и, поддерживаемые одобрительными криками, устроили там настоящую манифестацию. Ее возглавляла небольшая группа, по-видимому, родные и друзья схваченного парня, за ней следовали остальные сторонники пострадавшего. Молодая женщина — то ли его жена, то ли подруга — всем своим видом и поведением старалась показать, что любит парня: она шла, с достоинством неся свое полное тело и выставив вперед грудь. Высокие каблуки тонули в песке, тогда она резким движением сорвала туфли с ног и бросила их в ряды зрителей. Одобрительные крики с трибун все усиливались — женщину признали предводительницей. Толпа, кружившаяся водоворотом по арене, становилась больше и больше…

Вокруг клокотало бурное веселье под стать происходящему на арене, и мое внимание привлекли окружавшие меня мексиканцы. Но из-за того, что я не отрываясь смотрел на водоворот, расцвеченный солнцем во все цвета радуги, в глазах еще рябило, и я, ничего не соображая, тупо, точно слепая курица, вертел головой, пытаясь

понять, что происходит. Буквально слившись с сидевшими рядом мексиканцами, я как будто только теперь их заметил. Американская семья тоже недоуменно озиралась по сторонам. Особенно недоволен был тучный глава семьи, в рубахе с короткими рукавами и шортах. Американцы, обращаясь к гиду, стали выражать недовольство манифестантами на арене и поведением окружающих. Но мексиканцев это не только не разозлило, наоборот — развлекло, точно они присутствовали на веселом представлении. Даже гид тут не растерялся. Ободренный примером парня, безбоязненно выскочившего на арену, и теми, кто устроил манифестацию в защиту задержанного, он открыто стал на сторону зрителей. Правда, он не переводил на испанский реплики главы семьи, но, изображая покорность, отвечал на вопросы, корча при этом такие гримасы, что привел мексиканцев в неописуемый восторг.

— Что происходит? Чего они так переполошились? Дело-то выеденного яйца не стоит. Им бы негодовать, что человек, ничего не смыслящий в корриде, да к тому же еще безоружный и пьяный, прервал представление, а они вместо этого хохочут и аплодируют! Вот увели смутьяна, и можно было продолжать корриду, так нет — на арену

выскакивает бесстыжая баба, а за ней все это дурачье. Нахальное дурачье! Ну что за народ — их тут водят за нос, а они не только не протестуют, но еще вопят от радости!

Каждое слово американца встречало, казалось, полное одобрение гида. Но он проявлял его слишком энергично и кивал чересчур старательно. Подогреваемый всеобщим возбуждением, он просто провоцировал мексиканцев. А американская семья, в том числе и громогласный папаша, не понимая сути происходящего, начала выказывать явные признаки беспокойства. Они, как люди, занимающие достаточно высокую ступень социальной лестницы, всем своим видом демонстрировали оскорбленное достоинство. Однако остальные неистовствовали. Участники манифестации, усевшись тут же на арене — а кое-кто из зрителей прямо на своих местах, — решили выпить и стали доставать из кожаных сумок бутылки с вином. Демонстрация затягивалась: до тех пор пока парень оставался в руках охранников, о возобновлении корриды не могло быть и речи, поэтому зрители, за исключением американцев, решили провести время с пользой.

В конце концов все участники шествия преспокойно расселись, и лишь возглавлявшая его

женщина, вдохновляемая криками одобрения, продолжала ходить по кругу. Она была небольшого роста, но торчащая грудь и выпирающий зад были видны даже с моей верхотуры. Ее по-детски слабые, как у всех метисов, ноги дрожали, и от этого выдающиеся части тела колыхались при каждом шаге. Когда женщина конвульсивно вздернула подбородок, я увидел, что голова у нее удлиненная, как снаряд, и слишком маленькая даже для такого короткого тела. Я рассматривал ее, привстав с бетонной скамьи и подавшись вперед, и сидевший рядом мексиканец по-соседски невозмутимо протянул мне небольшой театральный бинокль. Я тоже, ничуть не смутившись, взял его у незнакомого человека. Внимательно вглядываясь в кружащую по арене женщину, я заметил на ее маленьком, удлиненном лице совершенно неожиданное для меня выражение отчаяния и ярости. Вместо того чтобы рыдать, потупившись, она шагала по арене, гордо вскинув голову и выпятив вперед грудь. И я вспомнил, сестренка, — это из той поры, когда я расставался с детством и вступал в юность, — в нашем крае одна женщина в гневе и бессилии тоже решилась на отчаянный шаг.

...В день, когда поступок тридцатилетней жен-

щины потряс жителей долины и горного поселка, я страдал от сознания вины за причастность к тем издевательствам над ее сыном, которые и довели его до самоубийства (а я и был-то всего лишь мальчишкой-подпевалой). Возбужденный и с необъяснимой силой подстегиваемый страхом — спасения от него не было, — я со своими приятелями отправился на разведку к «Могиле предводителя Суги Дзюро» — там, вооружившись пятью охотничьими ружьями, укрылась женщина. Именно так, сестренка, мне все это запомнилось, а ведь ты знаешь, что ходить туда нам, детям, было строжайше запрещено. Естественно — она ведь заявила, что перебьет всех детей и из долины, и из горного поселка — не искалечит, а именно перебьет. Я не думаю, что на самом деле дети смогли бы преодолеть устроенный взрослыми заслон в тот день, когда только что демобилизованные, еще не привыкшие к мирной жизни парни окружили место в излучине стекавшей с гор реки, называвшееся «Могилой предводителя Суги Дзюро», где укрылась эта женщина. Но после того дня дети из долины и горного поселка с ужасом и раскаянием шепотом делились друг с другом всем тем, что они якобы видели своими глазами. Я и сейчас вспоминаю

— будто и в самом деле воочию вижу, — как у «Могилы предводителя Суги Дзюро» тридцатилетняя женщина с черными провалами глазниц, с дрожащими губами — вот-вот заплачет! — после каждого выстрела резко откидывается назад. В годы войны и сразу же после нее существовал обычай: взрослые женщины из долины и горного поселка плотно укладывали волосы узлом на затылке, а в моих воспоминаниях волосы у этой женщины волнами спадают на плечи. Она стреляет беспрерывно, и первой ее жертвой становится полицейский. Дело в том, что местные жители не предупредили чужака-полицейского, что место, где он стоял, прекрасно просматривается с «Могилы предводителя Суги Дзюро». Более того, я даже думаю, что демобилизованные, которым все было нипочем, специально принесли полицейского в жертву, чтобы придать событию характер некоего ритуала.

Размышляя о «Могиле предводителя Суги Дзюро», я обратился к прошлому, сопоставил предания разных мест и пришел к выводу, что ее следовало бы назвать «Могилой предводителя Сога Дзюро». Видимо, в моем детском сознании наложились одно на другое слова «суги» и «сога». Произошло это, скорее всего, потому, что в

низине у излучины реки растут огромные суги — криптомерии, посаженные там в период основания нашего края, и рядом с ними высится это каменное надгробие.

С детских лет какое-то странное чувство вызывает у меня «Могила предводителя Суги Дзюро», по древности не уступающая мифам и преданиям нашего края, которым обучал меня отец-настоятель. У меня, разумеется, и в мыслях не было, что под этим холмом и в самом деле захоронена голова Сога Дзюро, но все же я допускаю, что каменное надгробие восходит ко времени преданий о Сога, и в таком случае не исключено, что оно было воздвигнуто коренными жителями этих мест. Если же потом созидатели, придя сюда, посадили у холма суги и прозвали это место «Могилой предводителя Суги Дзюро», то только потому, что проблема коренных обитателей долгие годы не умирала в сознании жителей долины и горного поселка.

Теперь я особенно ясно представляю себе, как отчаявшаяся, разъяренная женщина тридцати лет, вооруженная охотничьими ружьями, укрылась за «Могилой предводителя Суги Дзюро», чтобы вытащить на свет и продемонстрировать жителям нашего края все то постыдное, что та-

илось в сердцах людей. В моих воспоминаниях, которые строятся на наших общих детских впечатлениях, женщина после каждого выстрела кричала: «Я сама принадлежу к людям третьего племени». И этот крик, напоминающий клекот раненой птицы, самый страшный, какой только мог издать человек, потряс наше детское воображение, так что мы еще долго видели во сне один и тот же кошмар: из могильного холма появляется призрак… Это Суги Дзюро. Он могуч, под стать огромным суги-криптомериям, высящимся на фоне вечернего не– ба, — предводитель «огромных обезьян», обреченных на гибель, предок отчаявшейся, разъяренной женщины, связанной с ним кровными узами…

В самом начале женщина, убив полицейского, одержала победу, а потом все переменилось — демобилизованные схватили ее, изнасиловали, после чего убили. Не было другого способа остановить ее отчаянную ругань, усмирить ее ярость.

Как удалось этой женщине достать пять охотничьих ружей? Сразу же после капитуляции все жители долины и горного поселка, имевшие ружья и мечи, завернули их в промасленную бумагу, сложили в ящики, унесли в глубь леса за Дорогой мертвецов и зарыли. Доведенная до

отчаяния, женщина в лунную ночь отправилась в девственный лес, вырыла пять охотничьих ружей и патроны, все как следует вычистила, протерла и подготовила для стрельбы. Ружья и патроны она уложила в коляску, в которой возила своего ребенка, когда он был маленький, и отправилась к «Могиле предводителя Суги Дзюро».

В души детей из долины и горного поселка запали слова, которые прокричала разъяренная женщина перед тем, как ее убили. Мы, дети, действительно не смогли приблизиться к «Могиле предводителя Суги Дзюро», но в памяти у нас сохранился голос этой сражающейся женщины, громом прогремевший над долиной и горным поселком. Даже совсем несмышленые малыши запомнили ее слова и рассказывали друг другу, как явственно слышали они ее голос.

— Проклятая батарея! — Долго еще эти слова звучали в ушах, и бесконечная жалость к женщине теплилась в детских душах.

Оккупационные войска распределили по деревенским начальным школам крупногабаритные аккумуляторы, в которых в связи с окончанием войны отпала надобность, — именно о такой батарее и шла речь. В нашей начальной школе не было учителя, способного преподавать есте-

ствознание, и, как обращаться с аккумуляторами, никто не знал. Четыре армейских аккумулятора, сверкавшие металлом среди наглядных пособий в кабинете естествознания, стали для нас, ребят, предметом вожделения. Один из мальчишек пустился в рискованное предприятие: решил с помощью этого серьезного агрегата проверить «гениальную» идею. Он подсоединил аккумулятор к электроприбору, трогать который строжайше запрещалось. Я думаю, ловкостью и смекалкой мальчишка пошел в свою мать, самостоятельно зарядившую охотничьи ружья. Это произошло во время летних каникул, вскоре после полудня, когда в школьном дворе ярко светило солнце, а в кабинете естествознания, сплошь застроенном полками, царила полутьма. Я отчетливо вспоминаю: стою с ним рядом, внимательно наблюдаю за тем, как мальчишка, наклонив стриженую голову с плоским затылком, совершает руками какие-то таинственные манипуляции, не подкрепленные никакой теоретической базой. Вдруг — вспышка! В стеклянном шаре прибора возникает яркое свечение с голубым ореолом, и кажется, что силуэты собравшихся ребят и даже строгие контуры приборов засветились фосфорическим огнем…

Таким образом мальчишка с плоским затылком приобрел среди ребят из долины и горного поселка славу «электрика». Опыты велись изо дня в день. Когда же все четыре аккумулятора подсоединялись последовательно, голубой ореол вырастал и сияние заливало весь кабинет. Все ребята из долины и горного поселка каждый день приходили смотреть, что творит этот «электрик», умоляли его показать свой опыт. Однако слава его оказалась недолговечна. Заряд аккумуляторов быстро истощился. А на то, чтобы перезарядить их, у «электрика» сообразительности не хватило. И что же? Ребята, прежде считавшие «электрика» с плоским затылком непререкаемым авторитетом, не только лишили его почетного титула, но и осыпали презрительными насмешками. Не ведая, что творит, мальчишка разрядил в бесполезных забавах все аккумуляторы. Нашлись доносчики, которые сообщили учителю о том, что он делал. А учитель, сам не способный использовать аккумуляторы даже для забавы, вызвал «электрика» с матерью в школу и обвинил их в действиях, направленных против оккупационных войск. Глубокой ночью в кабинете естествознания вспыхнул пожар, здание школы наполовину сгорело. Когда же на следующее

утро стали разбирать пожарище, обнаружили черный, обгоревший труп мальчишки. Рядом все с теми же четырьмя аккумуляторами. Можно было бы предположить, что произошел обычный несчастный случай, когда он впотьмах возился с ними, пытаясь перезарядить. Однако его запястья и щиколотки были опутаны оголенным электрическим проводом. Мать отругали и начальник пожарной команды, и полицейский, а директор школы додумался даже потребовать у нее возмещения ущерба. Все это привело женщину, у которой муж погиб на фронте, в еще большее отчаяние. Видимо, директор школы в самом деле боялся, как бы на него самого не возложили ответственность за гибель имущества, подаренного оккупационными войсками. Через неделю отчаявшаяся, разъяренная вдова подняла бунт и убила полицейского, после чего погибла сама: ее изнасиловали, а потом раскроили ей череп.

…Внизу манифестация в защиту парня не прекращалась. Женщина продолжала маршировать, а остальные уселись в круг на изрытой копытами быков и политой их кровью арене и пили вино. Здесь царил воинственный разгул, сопутствующий любой коллективной пьянке. Уже давно миновало время окончания корриды, солнце,

щедро освещавшее арену, заволокли тучи. Огромная черная туча нависла прямо над нашими головами, раздался гром — вот-вот начнется ливень. Но я знал, что это ненадолго — дождь скоро пройдет, мягкие лучи солнца снова прогреют прохладный воздух, и наступит долгий ясный вечер. Если с горы смотреть на Мехико, раскинувшийся внизу, на дне огромной чаши, то можно наблюдать быструю, беспрерывную смену погоды.

Когда молния вспышкой озарит фигуру босой женщины — промокшая насквозь, она все равно не прекратит манифестации, — я вспомню о голубой вспышке в кабинете естествознания, о еще одной отчаявшейся, разъяренной женщине, и это исцелит мою душу. После зубной боли и откровения, посетившего меня в Малиналько, все в моей мексиканской жизни — и в темных глубинах подсознания, и в прозрачной яви сознания, — все до мелочей стало ассоциироваться с тем, что я испытал в нашем крае. Безусловно, это была психологическая подготовка к предназначенной мне миссии летописца нашего края. Даже метод описания мифов и преданий — я явственно представил себе мои письма к тебе, сестренка.

Издалека подкравшийся гром, тяжелые потоки ливня, мощные электрические заряды, нако-

пившиеся в черных тучах над ареной, привели в трепет сидевших внизу людей. Твоя нагота на цветном слайде, приколотом к фотографии, была таким же вызовом, как то, что происходило здесь. Твой облик встал перед моими глазами. И когда, вымокший под проливным дождем, я вместе со всеми, бессмысленно смеясь, пробирался меж бетонных скамей, я, сестренка, фактически уже мысленно начал в письме к тебе излагать мифы и предания деревни-государства-микрокосма.

8

(Часть, изъятая из первого письма перед отправкой)

Сестренка, присланный тобой слайд, на котором ты обнаженная, побудил меня взяться за описание мифов и преданий нашего края. И я в шутку поблагодарил тебя за это. Этой шуткой, может быть не совсем уместной, я пытался побороть свое физическое влечение к тебе. Но все равно мне хочется еще раз подчеркнуть, какая огромная воодушевляющая сила исходила от твоей фотографии. Вот почему, сестренка, я должен снова восстановить в памяти то, что произошло почти тридцать лет назад. Ты утверждаешь, что из-за наркотиков, которыми, безусловно, злоупо-

требляла, не помнишь, что произошло между нами в кладовой при храме у отца-настоятеля. Разумеется, каждый раз, встречаясь с тобой после долгой разлуки, я не мог не возвращаться к тому случаю (и каждый раз, сознавая, сколь это порочно, испытывал физическое влечение); так же и теперь я не могу не писать о приобретенном мной опыте в связи с тем, что тогда произошло, то есть в конечном итоге в связи с мифами и преданиями нашего края, о которых я рассказываю в письмах к тебе…

То, что произошло — а если верить тебе, сестренка, ты фактически так ничего и не почувствовала, одурманенная наркотиками, — имело непосредственное отношение к жизненному выбору, который сделал я, вымуштрованный отцом-настоятелем будущий летописец нашего края, и который сделала ты, готовившая себя в жрицы Разрушителя, причем, в соответствии с характером твоей будущей деятельности, обучение представляло собой весьма сложный процесс, не допускающий насильственных действий — ими ничего добиться невозможно. Отец-настоятель даже и не подумал появиться в кладовой, находившейся рядом с его комнатой, хотя прекрасно понимал, что от происходящего прямо зависит

успех или провал замысла, которому он посвятил всю свою жизнь. Для нас, близнецов, которых отец-настоятель по предначертанию Разрушителя стремился обратить к мифам и преданиям нашего края, последующее течение жизни, подхваченной колесом времени, с одной стороны, определялось тем, что с нами произошло, а с другой — вне всякой связи с происшедшим — заставило и тебя и меня избрать нынешнюю судьбу…

Как я тогда воспринимал случившееся? Работа, которую я, соответственно воспитанный отцом-настоятелем, с детских лет должен был считать делом всей своей жизни, состояла в том, чтобы описать мифы и предания нашего края. Нет, по собственной воле я за нее ни за что не возьмусь, хотел я решительно заявить тем, кто мне ее навязывал; и то, что произошло, было вызвано стремлением создать повод для отказа. Я чувствовал, что не только отец-настоятель обрекает меня на эту работу, но прежде всего иные силы, господствовавшие в долине и горном поселке, пытаются заставить меня исполнить эту роль; и потому, чтобы показать им: нет, эта роль не для меня, я должен был совершить нечто чудовищное. Иным способом добиться своего было невозможно. Я

был убежден, что, если решусь на такой шаг, путь назад окажется для меня отрезанным, причем мое поведение, неоднозначное по своей сути, должно быть предельно омерзительным, достойным всяческого порицания — иначе желаемого эффекта не добиться. Можно посмотреть на то, что произошло, и твоими глазами — ведь ты сама стремилась освободиться от уготованной тебе роли жрицы Разрушителя.

Как все произошло? Удалось ли мне до конца выполнить свой замысел? Нет. Случилось это потому, что ты, сестренка, одурманенная наркотиками, ловко разрушила все, что я так старательно готовил. В то время я был физически сильнее тебя. Но по части секса тягаться с тобой я не мог — хотя мы и были близнецами, я об этом еще только мечтал, и опыта у меня никакого не было, а ты уже прославилась любовными похождениями в кабаре провинциального городка… Я вспоминаю об этом, казалось бы, спокойно, но мне горько, и в горле стоит ком. Вскоре после того, что между нами произошло, я услыхал от наших ребят, что ты вынуждена была вернуться домой из того городка, потому что забеременела, сделала аборт и тебе было необходимо поправить здоровье. Если то, что говорили ребята, правда,

значит, я совершил насилие над сестрой, еще не оправившейся после аборта… А сейчас, как ты видишь, я готов выполнить поручение отца-настоятеля — описать мифы и предания нашего края. На это подвигает меня и некая сила, возникшая во мне самом. А ты, сестренка, кажется, собираешься стать жрицей Разрушителя, на что и надеялся отец-настоятель, и готова посвятить ему всю свою жизнь. Неужели же то, что произошло в тот день, благодаря твоей хитрости привело в конце концов к результатам, прямо противоположным тем, на которые рассчитывал я?..

Когда мы с тобой в жаркий летний полдень вышли из нашего дома, стоявшего в самом низком месте долины, и направились к самому высокому месту, где находился храм, в моей разгоряченной голове, покрытой капельками пота, созрел план: перехитрить отца-настоятеля и навсегда порвать и с микрокосмом, и с Разрушителем. Раскинувшаяся на пологих холмах роща окружала долину, не сливаясь с нижней кромкой девственного леса — она как бы обрамляла склоны инкрустированной полосой. Углубляясь в рощу, я все время ловил себя на абсурдной мысли, что вот-вот окажусь погребенным под разноголосым стрекотом тысяч цикад. Я с особой отчетливо-

стью запомнил это состояние потому, что на мгновение мне представилось, будто голоса цикад — не что иное, как голоса людей, живших и умерших в нашем крае. Эта идея заставила еще острее почувствовать всю мерзость того, что я собирался совершить, но во мне росло и другое чувство — безрассудно циничное. Даже сквозь неумолчный пронзительный стрекот цикад мы, переговариваясь, прекрасно слышали друг друга. Среди много раз вспоминавшихся мне мельчайших подробностей того жаркого дня наиболее отчетливо всплывает в памяти удивительная звонкость и чистота твоего голоса — может быть, оттого, что ты приняла наркотик? Мои ноздри до сих пор ощущают проникший сквозь поры вместе с потом запах наркотиков, смешанный с едва уловимым запахом крови. И этот запах крови, после того как я услышал, что ты прервала беременность, преследовал меня очень долго. Твой звонкий голос, который я слышу до сих пор, произносил слова и о самом Разрушителе, в чьи жрицы готовил тебя отец-настоятель…

Я не в силах сейчас припомнить, когда ты произнесла очень важные слова о Разрушителе — до того, что произошло между нами, или после? Я не мог точно установить этого даже в тот день,

а ночью, стоило мне задремать, просыпался от какого-то крика и вскакивал; так повторялось много раз. А сказала ты тогда, сестренка, вот что:

— Я долго не могла понять: что это за имя — Разрушитель? Мысленно я представляла себе почти не отличающиеся друг от друга иероглифы «разрушать» и «нести добро». Они так похожи, что как бы слились в моем сознании, и я догадалась, откуда взялось имя Разрушитель. Но тогда оно звучит странно — почему все-таки Разрушитель?

Говоря, сестренка, о твоем звонком, чистом голосе, я вспоминаю, как у меня разрывалось сердце: очень уж тесно твои слова связаны были с тем, что произошло в тот день, и, кроме того, в них таилась удивительная сила.

Они, сестренка, вернули меня к мысли об истоках рожденного в нашем крае говора, поразив своей детскостью. Так на меня твои слова подействовали тогда еще и потому, что в тот год я впервые покинул наш край и весь первый семестр безвыездно провел в Токио, окруженный людьми, которые говорили на каком-то другом языке, чуждом для людей нашего края. Я подумал: все жители нашего края, начиная со времен созидателей и по сей день, говорят как дети. Будто созидатели, предводительствуемые Разрушите-

лем, еще детьми пришли сюда в поисках земли обетованной и их детский говор так и застыл, нисколько не изменившись.

Кроме твоего удивительного голоса, сестренка, я до сих пор удерживаю в памяти еще нечто очень важное для меня — твое тело, каким я увидел его в тот день. Если вдуматься, это уже само по себе странно — почему я помню тебя только обнаженной, лишь с разорванными трусиками на бедрах? Значит, я видел тебя такой и после того, как это произошло. Но еще более удивительным мне кажется теперь твое тогдашнее поведение: спрятавшись от отца-настоятеля в темной кладовой, ты, по природе своей холодная и равнодушная, стояла передо мной в таком виде, не обращая на меня никакого внимания — я для тебя не существовал. Твое обнаженное тело, врезавшееся мне в память, я увидел, когда ты, сестренка, опершись о подоконник и поднявшись на цыпочки, смотрела в окно на горный склон, обращенный к долине. Я видел тебя вполоборота — у тебя были круглые, упругие ягодицы, плавно переходящие в стройные гладкие бедра. Ягодицы в меру полные, идеальной формы, отчего казалось, что ты слегка прогнулась. В твоем теле было столько гармонии, что уличить тебя в сознательном позировании

было невозможно. Совершенно круглые груди были в меру удалены и от плеч и от живота. Правую ногу ты отставила назад, бедро и икра образовывали мягкую плавную линию и казались лишенными мышц. Левая нога, чуть согнутая, пряталась за правой, и от этого левое бедро выглядело полнее, чем было на самом деле. Корпус наклонен немного влево, и в ту же сторону слегка повернута голова с пышными завитыми волосами. На фоне большого окна кладовой особенно четко вырисовывались левая рука и левая грудь.

Что же я предпринял, увидев тебя обнаженной в тот день, когда это произошло? В моей памяти всплывает лишь, что, порывая все свои связи с прошлым и будущим, я сказал тебе:

— Почему Разрушителя называли Разрушителем? Об этом я совсем не задумывался. Наверное, потому, что раньше, чем вник в значение слова «разрушитель», сам Разрушитель уже вошел в меня.

Именно тогда, стремясь разорвать цепь, приковывающую нас с тобой к Разрушителю, я и принял отчаянное решение; поэтому, как мне кажется, само по себе было странно то, что я говорил о нем. Мне, правда, смутно видится другое объяснение: Разрушителя назвали так потому, что он был

человеком, разрушившим огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли, когда отряд созидателей поднимался вверх по реке. Есть и еще одно толкование: все созидатели были заключены в гигантское яйцо, и Разрушитель, расколов изнутри скорлупу, вывел их оттуда. Кажется, я видел это во сне. Соединив все версии, я начал испытывать к Разрушителю почти благодарность — ты не зря об этом говорила.

Не помню точно, случилось ли это до нашего разговора или после него, связь событий в моей памяти нарушена, но, словно это было вчера, вижу, как я повалил тебя на голый дощатый пол и в лучах заходящего солнца, проникавших через окно вместе с неумолкаемым стрекотом цикад, мы с тобой отчаянно боремся. Сначала ты беспечно смеялась, однако потом умолкла и стала отбиваться всерьез. Хотя от постоянного употребления наркотиков ты и ослабла, твое тело, представлявшееся мне таким мягким и податливым, когда ты стояла у окна, оказалось упругим, как пружина, стоило лишь вступить с тобой в единоборство.

Я не осмеливался смотреть тебе в глаза — мне пришлось действовать вслепую. Я был смешным насильником, и все, что делал, выглядело комич-

но. Ведь в этих делах у меня не было никакого опыта.

Впоследствии я пытался скорректировать свои ощущения и объяснить комичность ситуации тем, что у меня не хватало мужества насиловать собственную сестру. Но сохранилось и другое, удивительно живое воспоминание: ты вначале сопротивлялась исполнению моего постыдного плана, но в конце концов пришла мне на помощь…

А когда все кончилось, сестренка, ты встала у окна в толстой раме и спокойно смотрела на горный склон, обращенный к долине, а я, весь сжавшись, сидел на дощатом полу и не отрывал глаз от твоего обнаженного тела. Но разве могли мы тогда мирно рассуждать о Разрушителе? После того как это произошло, ты махнула рукой, точно закончилась какая-то детская игра, будто не было ни моего насилия, ни твоего сопротивления…

Последнее, что я вспоминаю о том дне: ярко светило солнце и еще ничего не предвещало наступления сумерек, но тут неожиданно пошел дождь, который мы называем грибным. От струй дождя снаружи все стало ярким, а стены кладовой, наоборот, потускнели. Твои пышные завитые волосы, закрывавшие спину, окрасились

в густой тон. Тут я заметил, что все твое тело покрыто гусиной кожей, принес лежавшее в углу грубое одеяло и набросил его тебе на плечи — оно было старое, вытрепанное, однако все еще прочные нити основы сохранили воспоминание о первозданной мощи диких растений, из волокон которых оно было соткано. Когда я тебя укутывал, ты смотрела на меня с ненавистью и в то же время с вызовом: мол, не собираюсь ли я снова домогаться тебя. Я смутился, и вдруг ты как ни в чем не бывало спросила:

— Не напоминает ли тебе то, что ты сделал, игру в Разрушителя?

Игра в Разрушителя была популярна у детей нашего края. Начиналась она с того, что мальчишка, выбранный Разрушителем, залезал в пещеру на склоне холма, заросшего деревьями, куда обычно забираться детям было запрещено. Остальные ребята начинали безобразничать, делать то, чего никогда себе не позволяли, чего не следовало делать и что делать никому и в голову не приходило. Все это сопровождалось невероятным шумом и гамом, каждый похвалялся перед другими своей выходкой. Мне вспоминается, как самые маленькие участники игры, кружком усевшись на корточках, испражнялись на спортивной пло-

щадке, а вокруг собирались деревенские собаки и, глотая слюну, с нетерпением ждали, когда те поднимутся. Будто и собаки участвовали в игре. Чего только не вытворяли ребята — даже забирались в чужие огороды и разоряли их подчистую. А однажды, желая полакомиться, попытались прирезать свинью хозяина гостиницы. Небольшим ножом они стали отрезать ей голову, но это оказалось нелегким делом, и свинья, истекая кровью, так и поплелась по дороге за своими мучителями. Сам участвуя в этих играх, я прекрасно сознавал, насколько они отвратительны. Такие игры символизировали возрождение зла в те периоды, когда Разрушитель надолго покидал долину и горный поселок — об этом говорилось в мифах и преданиях нашего края.

Разумеется, ребята постарше не испражнялись на людях и не воровали овощей на чужих огородах. Если бы так повели себя пятнадцати-шестнадцатилетние, взрослые вряд ли безропотно взирали бы на такие забавы, хотя игра в Разрушителя и считалась общим деревенским праздником. Пятнадцати-шестнадцатилетние ребята, руководившие игрой, лишь рядились во всевозможные причудливые костюмы. Самое отчаянное, на что они решались: мальчишки

наряжались девчонками, девчонки — мальчишками, а иногда маскарад был еще более безобидным. Я тоже участвовал в игре — притворялся одноглазым. Полдня бегал по деревне, закрыв один глаз. По ходу игры под вечер из пещеры выходил мальчик, исполнявший роль Разрушителя. И тогда ребятам, которые до этого особенно изощрялись, доставалось по заслугам. Противиться наказанию не смел никто. Этим завершалась странная игра, своего рода празднество — игра в Разрушителя.

Почему же в тот день я решил совершить по отношению к тебе такой омерзительный поступок? Поступок, напоминающий игру в Разрушителя. Изнасиловав тебя и тем самым совершив кровосмешение, я пытался, сестренка, добиться того, чтобы нас с тобой просто-напросто изгнали из деревни-государства-микрокосма. Во всяком случае, именно такова была основная причина того, что я совершил. Позволительно ли летописцу нашего края быть в преступной связи со своей сестрой? Позволительно ли это жрице Разрушителя? Воспротивившись предопределению, с детских лет уготованному нам отцом-настоятелем, я хотел, сестренка, освободить тебя от судьбы жрицы Разрушителя, а себя — от миссии лето-

писца нашего края. Но выполнить свой замысел мне не удалось, наоборот, ты ясно высказала свои мысли о Разрушителе, которыми никогда до тех пор со мной не делилась. А отец-настоятель, словно с самого начала предвидя все, что произойдет, даже не вышел из своего кабинета, чтобы помешать. Когда начиналась игра в Разрушителя, все дети как бы превращались в невидимок — так и в тот день, который тоже можно считать детским праздником, взрослые из долины и горного поселка старались не смотреть нам в глаза.

Письмо второе
Существо величиной с собаку

1

Вернувшись из Мексики, я, сестренка, сразу же позвонил по междугородному телефону в храм нашей деревни. Я боялся, что телефон там не работает, но мне неожиданно ответили, однако не ты — трубку взял отец-настоятель, которого трудно даже вообразить разговаривающим по телефону. Его голос, которого я не слышал уже много лет, так меня потряс, что буквально лишил дара речи. Причиной моего смятения могло быть то, что мифы и предания нашего края я рассказываю в письмах к тебе, игнорируя отца-настоятеля, воспитавшего меня для роли летописца. Однако он, не проявляя никакого волнения по поводу моего звонка, рассказал о тебе и, между прочим, в двух словах сообщил одну удивительную вещь, о которой я уже слышал. Действительно удивительную, хотя в конечном итоге не поверить ему я не мог. Если я позволю себе ставить под сомнение твои действия и мысли — я, тот, кто в форме писем излагает тебе мифы и предания

деревни-государства-микрокосма, то я просто не смогу продолжать начатое дело. Но поначалу я отнесся к сообщению отца-настоятеля о происшедшем довольно скептически и даже произнес что-то ироническое; он, однако, не расположенный продолжать в таком тоне, прервал разговор. Положив трубку, я сразу же оказался во власти старых воспоминаний. В детстве на вопросы отца-настоятеля, обучавшего меня мифам и преданиям нашего края, я часто давал шутливые ответы, чем приводил его в замешательство. Это огорчало, но в то же время забавляло деда Апо и деда Пери, одно время присутствовавших на наших уроках. Ну а сейчас моя ирония была, как мне представляется, психологически необходима, чтоб избежать очередных «спартанских нравоучений». Я не забыл слов отца-настоятеля, которыми он ежедневно начинал свой урок: *«Итак, я начинаю свой рассказ. Было ли это на самом деле, не было ли — неизвестно, но, коль уж речь идет о старине, нужно слушать так, будто то, чего даже быть не могло, действительно было. Понятно?»* Я, сестренка, думал сначала, что эти слова принадлежат самому отцу-настоятелю, и был крайне удивлен, когда позже из сочинений

Кунио Янагиды[16] узнал, что рассказчики часто прибегают к этой традиционной фразе. Я же всегда отвечал на нее односложно и определенно: «Угу», при этом еще всяческими ужимками пытаясь сделать так, чтобы ответ звучал позабавнее.

Ты, разумеется, догадываешься, что я услышал от отца-настоятеля. Я узнал, сестренка, что высоко на склоне холма в одной из пещер ты нашла сморщенного, ссохшегося, как гриб, Разрушителя и принесла его домой. Живая сила твоих рук воскресила его. Никому из жителей долины и горного поселка, включая отца-настоятеля, ты его не показывала, но молва утверждает: он якобы уже подрос и стал величиной с собаку. Я понял, что описанные мной мифы и предания ты будешь читать, пестуя в обреченной на гибель деревне-государстве-микрокосме Разрушителя, возглавившего созидателей в самый ранний период существования нашего края. Энергия, которой я заряжаюсь от тебя, нужна мне не столько для того, чтобы писать, сколько для точного выбора направления в работе… Нашу с тобой судьбу с детства определил отец-настоятель: ты должна была стать жрицей Разрушителя, я — летопис-

[16] Примечания: 16
Кунио Янагида (1875–1962) — известный японский этнограф.

цем нашего края, основанного Разрушителем. До сих пор мы оба строили свою жизнь, всячески противясь этому предназначению, но теперь я принялся за работу, к которой готовил меня отец-настоятель. Удивительная превратность судьбы: порой мне кажется, этот курс был стратегически предопределен не кем иным, как Разрушителем. И более того — даже в те долгие годы, когда я, сестренка, будто бы совершенно забыл о своей миссии, я все равно не сомневался, что рано или поздно возьмусь за эту работу. Я думаю, что в душе всегда испытывал к этим мифам и преданиям тепло, словно изнутри меня подогревала крохотная газовая горелка.

Разве ты, сестренка, из которой отец-настоятель воспитывал жрицу Разрушителя, не испытывала то же самое? Ведь мы с тобой, близнецы, почти неразделимые лежали рядышком в утробе матери, с которой так жестоко обошелся отец-настоятель; и это странно, что впоследствии твоя жизнь, полная драматизма, оказалась так разительно не похожа на мою — жизнь стороннего наблюдателя — и ты в каждый критический момент, накануне решающих сражений, всегда обращалась к Разрушителю.

После твоей нашумевшей встречи с американ-

ским президентом у тебя обнаружили рак, и ты с борта рейсового парохода бросилась в море, залитое лунным светом. Я ни на секунду не усомнился в твоей смерти, но вдруг — письмо от тебя: ты жива! Оно прибыло перед моим отъездом из Мексики, и когда я узнал, что ты преспокойно живешь с отцом-настоятелем в храме как истинная жрица Разрушителя, никогда не оставлявшая меня мысль описать мифы и предания нашего края превратилась в непреодолимое желание. И это непреодолимое желание, сестренка, было вызвано тем, что ты как магнит притягивала меня к описанию мифов и преданий деревни-государства-микрокосма.

Инсценировав смерть и затем «воскреснув», ты, сестренка, обрела силу, которая питает и меня. А теперь и Разрушитель возродился, и вполне уместно предположить, что он просто находился в долгой спячке, а мы считали его давным-давно умершим великаном из легенд. Мне кажется, я понимаю твое стремление с его помощью вернуть к жизни нашу обреченную деревню-государство-микрокосм. В ту минуту, когда я по телефону услыхал от отца-настоятеля это поразительное известие, я ощутил прилив сил и понял, что возьмусь теперь за описание

мифов и преданий нашего края. Ты, сестренка, доказала, что веришь в реальное существование деревни-государства-микрокосма, описанной в мифах и преданиях, которые охватывают период с ее основания и до наших дней. Эта горячая вера помогла тебе возродить Разрушителя, сморщенного, ссохшегося, как гриб, и вырастить его до размеров собаки.

Покой в мое сердце вселяет то, что ты соединила свою жизнь с возрожденным тобой Разрушителем, то есть стала теперь его жрицей, и поэтому не запутаешься в рассказываемых мной мифах и преданиях, с какого бы времени, с какого бы события далекого прошлого я ни начал. Дело в том, что Разрушитель присутствует почти во всех мифах и преданиях нашего края и ты, как жрица неотступно следуя за ним, можешь, преодолевая пространство и время, сама пережить все события. Для тебя не составит труда понять до мельчайших подробностей мифы и предания нашего края, когда рядом с тобой Разрушитель.

Итак, сестренка, я думаю, соответствует действительности тот факт, что огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли, преградившие путь добравшимся наконец до верховья реки созидателям, ведомым Разрушителем, были

взорваны как раз к началу сезона дождей. Исчезло препятствие, возникшее на пути созидателей в их опасном походе в верховья реки, где они в течение многих дней искали убежища от княжеского гнева. Огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли, подобно плотине, загородили узкий проход меж гор. Их-то и взорвал Разрушитель, располагавший взрывчаткой и обладавший необходимым опытом. Предание гласит, что Разрушитель, не успев отбежать подальше от места взрыва, получил страшные ожоги и весь обуглился, как только что разрушенная им стена. Но я думаю, что все могло быть и наоборот: обожженный Разрушитель, владевший секретами врачевания, лежал весь черный, намазавшись приготовленной по его рецепту мазью. Способ приготовления черной мази от ожогов дошел и до нашего времени; правда, плантация лекарственных растений, заложенная еще Разрушителем, больше не существует. Но я еще помню, как сам пользовался травами с этой плантации. И вот не успел смолкнуть грохот взрыва, еще звучало его эхо, еще не успели упасть на землю взлетевшие в небо камни и комья земли, как хлынул проливной дождь. Причем лил он пятьдесят дней и ночей, ни на минуту не переставая и не

ослабевая. Даже в нашем крае, расположенном в самом дождливом месте Сикоку, никогда не бывает таких затяжных ливней — разве что в сезон дождей.

На долгие пятьдесят дней дождь точно водяным куполом навис над всем районом, включая и лес, где рождались мифы и предания деревни-государства-микрокосма. И все эти пятьдесят дней люди были отрезаны дождем от остального мира. Начать с того, что затяжной дождь довел до изнеможения тех, кто, преодолевая невероятные трудности, добрался до истоков реки. Люди страдали от голода, начались болезни, многие лежали пластом, и не понять было, живы они еще или уже умерли. Все это относилось, разумеется, и к обожженному Разрушителю. Все пятьдесят дней, пока беспрерывно лил дождь, Разрушитель и созидатели находились на грани гибели.

Не забывай и о том, что, доведенные до крайности, окутанные пеленой непрекращающегося дождя, они еще и страдали от невыносимого зловония. Мне кажется, сестренка, что ад — это место, источающее запах серы. Однако Разрушитель и созидатели страдали от еще более отвратительного запаха. Оказавшись в западне, где не было спасения от дождя и зловония, они чувствовали

приближение неотвратимой смерти.

В отличие от дождя зловоние не было для них чем-то неожиданным. Сначала Разрушитель и созидатели от устья реки плыли вверх на судне. Когда река стала слишком узкой, они разобрали корабль, связали плоты и двинулись на них дальше, а когда река превратилась в бурный поток, мчавшийся меж скал, сделали из плотов волокуши и потащили их сквозь густые заросли, и уже тогда обратили внимание на все усиливающийся отвратительный запах. Они понимали, что, хотя с каждым шагом вонь становится все нестерпимее, необходимо выстоять, потому что она служит ориентиром, и поднимались все выше и выше навстречу зловонию. Позже, когда река, определявшая до сих пор их маршрут, пропала, запах остался единственным указателем направления. Разрушитель и созидатели, чтобы не попасться на глаза людям, шли лишь по ночам не только в тех местах, где горная речка протекала вблизи человеческого жилья, но даже и там, где бурный поток мчался в глубоком ущелье среди лесистых гор, и, только когда вступили в девственный лес и ночные переходы оказались слишком опасны, они решили продвигаться днем. Итак, люди направились в ту сторону, откуда доносилось

особенно сильное зловоние.

— Почему именно в ту сторону? — спрашивал я.

Ответ отца-настоятеля звучал несколько таинственно:

— Если летишь к солнцу, нужно двигаться туда, где жарче, как бы ни страдал от жары.

Так они и поднимались вверх по реке, и, когда силу зловония можно было сравнить с жаром солнечного ядра, путь им преградили огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли. Задыхаясь от зловония, не видя возможности преодолеть возникшую перед ними черную стену, Разрушитель и созидатели решили, что очутились там, где свалены экскременты богов. Раньше других опомнился Разрушитель. Он заявил, что немедленно взорвет черную стену, чем вернул надежду созидателям, которые совсем пали духом, не представляя, куда идти дальше. Размышляя о причине такого мгновенного решения взорвать стену, я, сестренка, пришел к выводу, что Разрушитель вместе с созидателями, оказавшись как будто на другой планете, были уверены, что разлившееся вокруг них зловоние исходило от огромных обломков скал и глыб черной окаменевшей земли, которые они приняли

за экскременты богов. И Разрушитель, чтобы не погибли те, кого он сюда привел, решился взорвать источник этого невыносимого зловония и сразу же приступил к делу. Идея взрыва была равнозначна подрыву основ. Разрушитель посягнул на святая святых миропорядка — на экскременты богов. Поэтому вполне естественно, что Разрушитель, который от взрыва покрылся страшными ожогами и весь почернел, впоследствии занял центральное место в мифах нашего края.

Однако источником зловония оказались не огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли. Зловоние, захватившее всю территорию девственного леса, исходило от не просыхавшей с доисторических времен заболоченной низины, сток вод из которой был прегражден черной стеной, выросшей меж двух черных уступов. Там веками скапливались разлагающиеся органические вещества, и порожденные распадом миазмы сделали невозможным даже существование животных и растений. Про эту картину один житель нашего края высказался так:

— Сыро и вонюче, как в чреве.

Услыхав эти слова, я, помнится, содрогнулся от отвращения. Я воспринял их как попытку

опорочить мифы нашего края. К тому же я был захвачен идеей сопоставить бескрайнюю заболоченную низину с развороченным чревом огромного великана.

Правда, ни Разрушитель, ни созидатели не могли как следует рассмотреть источающую зловоние заболоченную низину. Единственное, что они совершенно ясно сознавали, — непереносимая вонь исходит именно оттуда. Разрушитель приказал созидателям взобраться на обступившие долину с двух сторон горы, а сам взорвал огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли, получив при этом страшные ожоги. В тот миг, как глыбы земли и камни взметнулись вверх, соперничая в грандиозности со зловонием, сливаясь с грохотом взрыва, разнесся оглушительный раскат грома, и начался ливень. Низвергавшиеся в течение пятидесяти дней потоки дождя водопадом устремились через образованный взрывом пролом в плотине, смывая с заболоченной низины все, что источало зловоние, и обнажая плодородную землю.

Нескончаемый поток черной жижи вызвал сильное наводнение в нижнем течении реки. Еще в детские годы я задумывался о бедствиях, принесенных равнине разлившейся на ней чер-

ной водой. Вода смыла всю отраву, заполнившую заболоченную низину, которая с древнейших времен удерживалась плотиной — огромными обломками скал и глыбами черной окаменевшей земли, — и бескрайняя равнина в нижнем течении реки оказалась погребена под толстым слоем грязи. В деревнях начались эпидемии, потянулись неурожайные годы. Зловонная черная жижа, низвергавшаяся вниз из-за пятидесятидневного проливного дождя, сделала бесплодными затопленные поля на равнине — мне представляется, нечто подобное можно наблюдать в низких местах, когда из угольных шахт откачивают воду. По преданию, услышанному мной от отца-настоятеля, эта вода была отравлена разлагавшимися останками животных и растений. Мор, вызванный этой черной жижей, из приморского городка в устье реки перекинулся в соседние города и достиг, как гласит предание, замковых владений того самого князя, который преследовал созидателей. Меня до глубины души потряс рассказ отца-настоятеля о том, в каких невероятных муках умирали люди во время эпидемии: их точно пожирал внутренний жар и трупы сразу чернели. Размышляя о страшных последствиях наводнения — о затопле-

нии равнины, приходишь к мысли, что это кара, ниспосланная людям свыше для искупления вины. Операция, которую я, пользуясь осколком камня, проделывал со своим больным зубом, если говорить о ее тайном смысле, тоже была карой, которой я подвергал себя, ведомый стремлением искупить вину. Может быть, сестренка, наблюдая за мной, ты совсем по-иному трактовала мои действия, когда я, вспоров острым осколком камня распухшую десну, сплевывал окрашенную кровью слюну и тут же самым жалким образом терял сознание…

Итак, сестренка, пятидесятидневный ливень принес равнине мор и разорение полей, но зато людям, взорвавшим огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли, позволил начать новую жизнь. Совместная жизнь во временном жилище, построенном в лесу, означала пятьдесят дней недоедания, она привела ко множеству болезней, но зато созидатели освободились от притеснений, которым подвергались в период обитания в призамковом городе. Проникнув в чрево мрачного леса в конце мая — начале июня, они, когда кончился дождь, стали строить новую жизнь, точно снова превратились в детей, с радостью и энтузиазмом приступили к созда-

нию деревни-государства-микрокосма.

Первым признаком обновления в те пятьдесят дней было полное выздоровление Разрушителя, который после тяжелых ожогов, весь обмазанный мазью, лежал словно черная мумия. На пятидесятый день беспрерывного ливня он, не поднимаясь, тихо, но твердо предрек:

— Завтра дождь прекратится.

Люди в своем недавно построенном временном жилище, покрытом толстым слоем плесени и уже наполовину сгнившем, были охвачены паникой, не зная, что предпринять и как выстоять в этих условиях. После того как Разрушитель произнес свои вещие слова, он, словно личинка, что, разрывая кокон, вылетает из него бабочкой, осторожно вскрыл изнутри черную корку мази, под которой оказалось совершенно здоровое тело без единого шрама от ожогов. Никаких следов перенесенной тяжелой болезни — напротив, Разрушитель олицетворял собой молодость и силу. Безапелляционно, как вождь, которому не положено возражать, он обратился к созидателям:

— Наши враги уничтожены наводнением, и, значит, никто не помешает нам завтра же начать строительные работы.

Все вокруг еще было погружено в туман, такой

густой, что созидатели, томившиеся, пока шел проливной дождь, в своем жилище, не различали даже его крышу. Однако на следующее утро, как и предсказал Разрушитель, дождь прекратился, и перед взорами созидателей открылся бескрайний простор. На месте бесплодной заболоченной низины, прежде перекрытой огромными обломками скал и глыбами черной окаменевшей земли, теперь оказалась чаша, окаймленная лесом, и по дну этой сияющей чистотой долины протекала прозрачная река — вода ее искрилась на солнце. В том месте, где были уничтожены огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли, река прорезала глубокое ущелье и с обширного плато устремлялась вниз. Таким образом, по старому руслу, вдоль которого Разрушитель и созидатели поднимались вверх, хотя фактически той реки уже не существовало, могучим потоком потекла новая река. И главное, сестренка, когда в самый разгар длившегося уже целых пятьдесят дней дождя Разрушитель неожиданно предсказал его окончание, в его слова сразу же все поверили, потому что за день до того, как дождь прекратился, непрестанно мучившее их ужасное зловоние вдруг начало ослабевать, а к вечеру вообще исчезло.

В то утро, когда прекратился дождь, Разрушитель и созидатели, будто распахнув дверь в сотворенный ими новый мир, ступили наконец в долину, где им суждено было создать деревню-государство-микрокосм. Этому месту действительно соответствовала метафора «сотворенный рай». Оно было промыто до основания. Промыто не только пятидесятидневным ливнем, но и некой могучей силой. В любом нагромождении камней существует определенная критическая точка, при малейшем прикосновении к которой гора развалится. Этот закон динамики продемонстрировали дед Апо и дед Пери, чтобы помочь мне научно осмыслить миф о зарождении нашего края: получалось, что огромная зловонная масса, с незапамятных времен скопившаяся в заболоченной низине, должна была с какого-то момента стремиться к самоуничтожению. Критической точкой заболоченной низины, находившейся пока в состоянии равновесия, способного нарушиться в любую минуту, были огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли. Взрыв уничтожил то, что источало страшное зловоние, — так возник новый мир. Как я уже говорил, тут проявилась и мощь пятидесятидневного ливня. Таким обра-

зом, взрыв оказался главной движущей силой образования нового мира — не зря дед Апо и дед Пери утверждали, что Разрушитель был гением инженерно-строительного дела.

Под его руководством созидатели приступили к строительным работам в долине, где люди могли теперь жить. Мне кажется, сестренка, что я чуть ли не сам при этом присутствовал. Разумеется, с детства мне было известно, что это лжевоспоминания, но они, прочно укоренившись, и до сих пор живут во мне как самые истинные. Ты, сестренка, наверное, помнишь картину ада на стене нашего буддийского храма, которую мы рассматривали в дни поминовения усопших. Это было то время, когда мы, еще маленькие близнецы, жили вместе, душа в душу, и, если картина ада так поразила мое воображение, думаю, и тебя она не могла оставить равнодушной. Судя по тому, как мы в то время относились друг к другу, все, что испытывала ты, я воспринимал как свои собственные ощущения, и наоборот. Надеюсь, ты понимаешь меня.

Я прекрасно помню, например, как тебя покусала дикая собака. До самого поступления в университет я временами испытывал тупую боль в паху, куда тебя укусила эта собака у Дороги

мертвецов, — рана у тебя действительно была глубокой, и от нее даже остался шрам. По твоим голым ногам текла кровь, и, чтобы не запачкать свое единственное кимоно, ты, сестренка, задрала его, оголив зад, и, такая жалкая, едва переступая, медленно спускалась в долину, а взрослые мужчины, хотя ты была еще совсем маленькой девочкой, с нездоровым интересом провожали тебя глазами. Кстати, этот интерес впоследствии породил поразительное явление — через десять лет, когда тебе исполнилось пятнадцать, ты стала предметом тайного обожания всей округи. Соседки, жившие неподалеку от нашего дома в самой низкой части долины, обработали тебе рану, и, утешая меня, твоего брата-близнеца, погладили меня по тому месту, куда тебя укусила собака. Наверное, именно поэтому я так долго ощущал там боль. А все-таки, зачем тебе, пятилетнему ребенку, понадобилось тащиться к Дороге мертвецов у кромки леса, кишевшего дикими собаками?

…Сейчас необходимо вернуться к картине ада в нашем храме. Откровенно говоря, сестренка, глядя на картину ада, испытываешь такое чувство, будто смотришь в чашу кратера. Поскольку это чаша кратера, верхней его кромкой, разумеется, должна быть голая вершина вулкана,

но на нашей картине кромку кратера окружала полоса темно-зеленого леса. И в самом центре обширного лесного простора обнажался клочок выжженной земли. На этой коричневой земле колыхались, подобно водорослям, ярко-красные и чуть розоватые языки пламени. В их отблесках метались черти и грешники, но, глядя на них, я еще не мог тогда осознать, что они разыгрывают передо мной взаимоотношения тех, кто приносит страдания, и тех, кто их испытывает, — между насильниками и их жертвами… Большеголовые черти со вздутыми мышцами, точно перерезанными шрамами, с опоясанными веревкой чреслами, гонялись за убегающими от них женщинами в красных набедренных повязках, угрожая им железными палками. Как я теперь понимаю, в детстве меня эта картина не пугала — напротив, меня покоряла привлекательность происходящего: мне казалось, будто черти и женщины дружно занимались одним общим делом. Мне даже представлялось, что они испытывают радость совместного труда. Складывалось впечатление, что багряное пламя предназначено не столько для того, чтобы наказать мертвых, сколько для того, чтобы вдохновить живых. Помнится, мою детскую душу такой ад вполне устраивал

— попасть в него было совсем не страшно…

Однажды мне попался подлинник свитка «Повествования об аде» — это произошло уже после того, как я покинул наш край. Композиционно гравюры из «Повествований об аде» имели много общего с нашей картиной, особенно в изображении ярко-красных и розоватых языков пламени, колышущихся, как водоросли; правда, в нашей картине чаша кратера была окружена темно-зеленым лесом. Вспоминая одну и глядя на другую, я вдруг прозрел. Картина ада в нашем храме изображала не ад. Она как раз и породила у меня в детстве лжевоспоминания о строительстве деревни-государства-микрокосма.

Разрушитель и созидатели, основавшие наш край, уже начиная с века мифов стремились к тому, чтобы оградить себя от внешнего мира, оставшегося за лесом, стремились убедить его в том, что их община бесследно исчезла. В течение почти всей истории нашего края это стремление оставалось незыблемым, и в какую бы эпоху ни была создана картина ада в нашем храме, видимо, она представляла собой рассказ о том, что происходило в период созидания. И все же я считаю, что люди деревни-государства-микрокосма, словно индейцы, которые двигались задом

и при этом еще заметали ветками свои следы, именно с помощью этой картины сохранили для потомства мифы и предания своего края. В противном случае как бы мог отец-настоятель собрать такое огромное количество изустно передающихся мифов и преданий нашего края? Не кажется ли тебе, что художник (я думаю, он тоже был из наших мест), которому было поручено написать картину ада для храма, где часто собирались жители долины и горного поселка, точно следуя канонам религиозной живописи, изобразил строительные работы, заложившие основу деревни-государства-микрокосма? Если это так, значит, я по-детски безотчетно — постичь это в том возрасте я был бессилен — проник во внутреннее содержание картины и сохранил в своем сердце лжевоспоминание, как если бы собственными глазами видел строительные работы в период созидания. Не достойна ли, сестренка, моя детская интуиция всяческих похвал, даже если уже тогда начали приносить свои плоды уроки отца-настоятеля, стремившегося воспитать меня летописцем нашего края, а тебя — жрицей Разрушителя?

Я вновь вспоминаю ту картину как воссоздание строительных работ в период основания

нашего края, и многое в ней наполняется конкретным содержанием. Прежде всего видишь общую панораму ада — огромную красную чашу, обрамленную темно-зеленой полосой. Это дно заболоченной низины, где огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли, образовав запруду, задержали несметное количество зловонных отложений, и склоны, на которых поднимающиеся со дна миазмы уничтожили всю растительность, а наверху — чудом уцелевший девственный лес. Я отправил тебе, сестренка, свое первое письмо, в котором начал рассказ о мифах и преданиях нашего края, когда работал преподавателем в Мехико. Однажды в своей лекции я упомянул о том, что Японский архипелаг в глубокой древности был весь покрыт лесами и только человек заставил лес отступить, освободил землю для городов и сельскохозяйственных угодий — это, мол, и есть результаты его труда. В ответ один из мексиканских студентов заметил с едва уловимой горькой усмешкой:

— У нас все наоборот. Где растет зелень — там это результат труда человека.

Во время нашего разговора я почувствовал, что такая параллель не лишена основания, и мое сердце устремилось туда, к картине ада в нашем

храме…

Разрушитель и созидатели начали расчистку заболоченной низины — правда, и ливень помог им, смыв много грязи, — а затем перешли к подготовке пашни. Заболоченной с незапамятных времен низине, на которой ничего не росло и откуда поднимались ядовитые миазмы, теперь угрожали густые заросли — такая угроза представлялась вполне реальной, и нужно было сковать мощь наступающих растений, а потом, по тщательно продуманному плану, выращивать только то, что было необходимо, — таков был следующий шаг. Не исключено даже, что созидателями владела неосознанная боязнь замкнутого пространства — они опасались, что зеленый лес, растущий по гребню, сомкнется вокруг них плотным кольцом и станет спускаться к долине. Может быть, этот страх, этот общий кошмар передался и нашему поколению.

Наконец началась уборка всего, что осталось на дне низины, основательно вычищенной пятидесятидневным ливнем, вызвавшим колоссальное наводнение. Видимо, костры, пылающие на красной земле в картине ада, как раз и свидетельствуют об этой работе. Между рядами костров, на которых сжигали все, что мешало превращению

долины в пригодное для жизни место, энергично, не покладая рук трудились мужчины и женщины: на картине ада в отблесках колеблющихся языков пламени мужчины изображены как черти с могучими мышцами и редкими жесткими волосами, а женщины, бегающие вприпрыжку, — почти обнаженными, лишь в коротких набедренных повязках. Ливень кончился, лето было в разгаре, повсюду полыхали костры — от этого в низине стояла невыносимая жара. Поэтому все работали полуобнаженными: бедра мужчин перепоясывали фундоси[17], женщины были в набедренных повязках, едва прикрывавших наготу, — и это казалось совершенно естественным. Черти и женщины из картины ада в моем представлении целиком отдались работе — ничто другое не занимает их; видимо, таким и был труд в нашем крае в период созидания.

Если, сестренка, как следует вспомнить картину ада — огромные головы чертей, их стоящие дыбом волосы, налитые мышцы, словно прорезанные шрамами, сразу же возникает облик великанов, облик созидателей. Люди, создавшие деревню-государство-микрокосм, были сложены

[17] Примечания: 17

Мужская набедренная повязка в виде скрученного жгутом куска материи.

как черти на той картине, а их мужественные простодушные лица были полны решимости созидать. Повседневный изнурительный труд вернул Разрушителя и созидателей почти к первобытному состоянию. Если бы не этот естественный ход жизни, они, следуя до того обычаям средневековых самураев, не смогли бы основать деревню-государство-микрокосм, где весь уклад был близок первобытному. Этот почти первобытный образ жизни в период созидания оказался существенно важным в дальнейшем ходе истории — более того, он был возведен в культ как воплощение основополагающей идеи деревни-государства-микрокосма. В мифах и преданиях нашего края именно этот культ, сестренка, послужил истоком революционного движения, вспыхнувшего после первой смерти Разрушителя, который, по преданию, много раз умирал и возрождался.

И еще на той картине ада в некоторых сценах воспроизводилось предание о том, чем питались созидатели, вернувшись к первобытному образу жизни. После долгого пути вверх по реке, отрезанные от внешнего мира пятидесятидневным дождем, они оказались в критическом положении: запас еды, которую они принесли с собой,

кончался, а ведь им предстояли еще и строительные работы. Чем же стали они питаться, чтобы восстановить силы? Ни на дне долины, освобожденной от зловонных наслоений, ни даже на склонах гор, поднимающихся к лесу, ничего не росло, но, как свидетельствует картина ада, красновато-коричневую чашу сверху окружал густой зеленый лес, и лето было в самом разгаре. Благодаря глубоким познаниям Разрушителя в ботанике они могли бы заняться сбором съедобных растений в окрестностях леса и в самом лесу. А Разрушитель, как оказалось, обладал достаточными знаниями, чтобы собственноручно заложить огромную плантацию лекарственных трав. Помнишь, сестренка, как мы в детстве, босиком поднимаясь вверх по быстрой реке, добрались однажды до плантации Разрушителя, пришедшей к тому времени в полное запустение? Нам тогда удалось обнаружить пусть одичавшие, но удивительные растения. Ни в долине, ни в горном поселке, видно, никто не разбирался в лекарственных травах, однако плантацию Разрушителя из суеверного страха не уничтожили, сохранили чисто символически, и она постепенно приходила в запустение. Помимо того, что выращивалось, Разрушитель научил созидате-

лей вы– капывать из земли съедобные коренья, именуемые «ячменем длинноносого лешего», что же касается жизненно важной белковой пищи, то, как гласят сказания, на помощь Разрушителю пришло одно странное природное явление. На дне долины, откуда пятидесятидневный дождь смыл зловонные наносы, кишели полчища пресноводных крабов. Их варили и приготовляли из них клецки, которые и стали основной пищей созидателей. Крабов поедали в таком количестве, что если бы собрали клешни в одном месте, из них можно было бы сложить не одну внушительную гору. А крабам все было нипочем — они по-прежнему кишмя кишели, и птицы, мелкие звери, а иногда и дикие кабаны, невесть откуда приходившие за этим лакомством, тоже становились добычей созидателей.

Ты, сестренка, помнишь, наверное, еще одну сцену из картины ада: могучие черти — просто оторопь берет! — свалив в ступу крохотных людишек, у которых голова с кулак черта, толкут их огромными деревянными пестиками. Я думаю, эта сцена изображает приготовление пищи созидателями, которые толкли мясо крабов, чтобы приготовить клецки. Хотя лица чертей, орудующих пестиками, казались грозными, атмосфера,

царившая вокруг ступы, была нам так близка и понятна, что мы, дети, смотрели на эту сцену без всякого страха. Нарисованные все той же темной и светлой киноварью, растолченные в кровавую кашу грешники напоминали груду крабов, предназначенных для клецек.

Когда в детстве я ежегодно в день поминовения усопших ходил в храм посмотреть картину ада, меня всегда занимало, где спит такое множество чертей. Глядя сверху в чашу, обрамленную темно-зеленым лесом, охватываешь взглядом весь красновато-коричневый ад, но нигде не видно жилья. Мне, по моему детскому разумению, это казалось странным. Вот если речь шла об угодивших в ад грешниках, которые подвергались мукам на полыхающей земле, у меня никаких вопросов не возникало — я был убежден, что и ночью они должны подвергаться наказанию. А вот работающие черти, закончив свой тяжелый дневной труд, думал я, должны прийти домой и лечь спать. Но найти на картине ада жилье, куда черти могли возвращаться после работы, я так и не смог. Чувство неудовлетворенности от отсутствия домов объяснялось, скорее всего, тем, что подсознательно я с детских лет отождествлял картину ада с нашей деревней в период созида-

ния. Я недоумевал — где находили себе приют люди в тот период? Значит, сестренка, и тогда созидателей я олицетворял не с грешниками, а с чертями.

В то время меня, я думаю, интересовало, как выглядели первые дома созидателей. Интерес был вызван тем, что в предании о самом древнем жилище, которое мне рассказывал отец-настоятель, говорилось: когда в долине и горном поселке начали строиться, было решено, что каждая семья должна занимать отдельный дом. Осуществлению этого решения помогло непредвиденное событие — неведомо откуда возник странный; загадочный звук, и люди, в зависимости от степени восприимчивости к этому звуку, стали выбирать новые места для жилья. Я, мне кажется, ясно представлял себе общие древние жилища, существовавшие до появления отдельных, на каждую семью, — моему воображению помог случай.

В разгар тихоокеанской войны нам удалось увидеть своими глазами пещеры, заставившие нас вспомнить о древних жилищах периода созидания. Дело в том, что в деревенскую управу из префектуры пришло указание рыть щели — укрытия на случай воздушных налетов. И тогда старики, которые до этого ни разу и словом не

обмолвились о существовании пещер, заявили, что нет необходимости попусту тратить силы на рытье противовоздушных щелей, когда в качестве убежища можно использовать пещеры, где свободно укроются все жители долины и горного поселка. Чиновник из префектуры и полицейский сами убедились в том, что старики говорят правду: высоко на склоне, на пути к Дороге мертвецов, было множество пещер — стоило разрыть слегка засыпанные землей входы, и в них действительно могло бы укрыться огромное количество людей. Некоторые из этих пещер были давно известны отчаянным ребятам из горного поселка. Да и до нас доходили слухи о пещерах, где жили страшные звери, которых мы считали дикими собаками — помнишь, одна из них еще укусила тебя; трудно сказать, были ли это тогда еще не истребленные волки или всего-навсего потомки некогда одичавших собак.

Сейчас мне приходит в голову мысль, не сомневались ли тогда и сами старики в том, что пещеры смогут служить противовоздушными укрытиями? Не исключено, что, предложив для этого пещеры, они хотели лишний раз самоутвердиться, продемонстрировав тем, кто прислал из префектуры приказ о рытье щелей: люди долины

и горного поселка по традиции все еще имеют тайны от властей; мы, дескать, отличаемся от всех вас. Эту попытку выразить протест активно поддержали дед Апо и дед Пери, авторитеты в области небесной механики. Их специальностью были, разумеется, небесные тела, но в то время они были заняты точным определением веса земли. Оба ученых подтвердили, что хотя пещеры вырыты в глубокой древности, они достаточно надежны, чтобы укрыть на длительное время большое число людей; нужно лишь укрепить досками входы и несколько их благоустроить. И чиновнику из префектуры не оставалось ничего иного, как убраться восвояси. Думаю, дед Апо и дед Пери имели при этом в виду и малую вероятность воздушных налетов на такой отдаленный горный район, как наш. Но так или иначе, в то время когда признаки упадка деревни-государства-микрокосма становились все очевиднее, жителям долины и горного поселка при острой нехватке рабочих рук удалось, к счастью, избежать напрасной траты сил на рытье противовоздушных щелей.

А нам, детям, был дан повод для новых фантазий…

Постоянно обдумывая мифы и предания нашего

края, я предположил, что Разрушитель и созидатели, приступая к строительству нового мира, поначалу жили сообща в этих пещерах. Если это предположение верно, то горные пещеры вполне могли сойти за жилье для чертей из картины ада; но, как не трудно убедиться, сверху — а именно так изображен ад на картине — действительно их заметить невозможно. Разумеется, мне, тогда еще ребенку, находившемуся под огромным влиянием мифов и преданий нашего края, было трудно позволить себе ассоциировать Разрушителя и созидателей с чертями…

2

Еще из письма, полученного мной в Мексике, я узнал, сестренка, что ты в конце концов взяла на себя роль жрицы Разрушителя, даже сама отыскала его, крохотного и сморщенного, как гриб, в пещере, где он впал в спячку, вернула к жизни и вырастила до размеров собаки. А теперь, держа его на коленях, ты читаешь мое первое письмо о мифах и преданиях нашего края — представляя себе это, я испытываю огромный подъем. Мифы и предания деревни-государства-микрокосма, созданные Разрушителем, в то время великаном, ты, его·жрица, читаешь, держа на коленях того са-

мого Разрушителя, но теперь величиной с собаку. Я вспоминаю это как очередное подтверждение слияния начала и конца, крайних точек огромного исторического периода. Так прочитывать мифы и предания нашего края — это касается и тебя, и Разрушителя, признавшего тебя своей жрицей, — совсем не означает ставить точку на истории нашего края. Недавно от молодого человека, выходца из наших мест, одного из немногих родившихся в последние двадцать лет, когда в нашем крае уже почти никто не рождается, что явно свидетельствует о полном упадке, я узнал кое-что о Разрушителе и о тебе. Этот юноша живет в огромном Токио и руководит крохотной театральной труппой. Он пытается совершенно по-иному, чем я, утвердить реальность существования деревни-государства-микрокосма: юноша задумал пьесу, основанную на бытующих у нас сказаниях.

Судя по его рассказу, ты, сестренка, нашла в пещере пребывавшего там в долгой спячке Разрушителя величиной с гриб, направлял же твои поиски отец-настоятель. Собственно, отец-настоятель был чужаком, присланным в наш храм Мисима-дзиндзя, но, завоевав доверие стариков долины и горного поселка, он проявил большой

интерес к местным сказаниям и на свой страх и риск стал заниматься их изучением до тех пор, пока я не избрал в качестве главной цели всей своей жизни описание мифов и преданий деревни-государства-микрокосма. Именно он в наши детские и юношеские годы муштровал меня, готовя к миссии летописца, а тебя — в жрицы Разрушителя. Ты, разумеется, упорно сопротивлялась, но после долгих скитаний на чужбине неожиданно, восстав из небытия, вернулась в деревню, и тогда отец-настоятель употребил все свое влияние, чтобы ты все-таки стала жрицей. Наш земляк рассказал мне, что отец-настоятель после тщательного изучения сказаний смог точно указать место, где пребывает в спячке Разрушитель. На горном склоне недалеко от Дороги мертвецов, в глубине одной из пещер, вход в которую во время войны был открыт, а потом снова засыпан.

Молодой человек, от которого я услышал об этом, кажется, сам сомневался в достоверности рассказанного, но в то же время — это было видно по нему — находил удовольствие в распространении слухов. Он, кстати, поведал мне и несколько более реалистичную версию. Это уж совсем нечто несусветное: будто сидевший у тебя на коленях

Разрушитель, которого ты вырастила до размеров собаки, — кстати, его никто не видел, — на самом деле твой ребенок. Но, сестренка, с тех пор как ты вернулась в деревню, тебя никто не видел с мужчиной. Кроме того, после возвращения ты ни разу оттуда не уезжала. И, что самое главное, сообщивший мне это юноша — один из немногих, кто родился там за последние двадцать лет. Он убежден, что слухи о том, будто ты тайно родила ребенка, совершенно необоснованны.

Наш земляк, передавая мне эти слухи, как человек искусства, дал им свое объяснение, драматически сгустив при этом краски. Он, мол, хотел бы верить, что Разрушитель действительно найден в пещере, где, ссохшись до размеров гриба, пребывал в спячке. А отец-настоятель каким-то ему одному ведомым способом заключил его в твою утробу, и ты разрешилась от бремени — так на свет появился возрожденный Разрушитель. Не исключено, что отец-настоятель вложил его в тебя, «как вкладывают саблю в сая»…

Я был потрясен таким предположением! Оно привело меня в неописуемое волнение, однако больше всего меня поразило слово «сая»: оно ведь означает «ножны», но точно так же звучит и слово «влагалище». Еще в детстве эти иероглифы

приводили меня в трепет, щеки начинали гореть. И не только когда я видел их — достаточно было услышать «сая». Мне в то время это слово казалось самым прекрасным, потому что оно ассоциировалось с чем-то запретным, с женщиной…

Твои ножны! Представить их себе отчетливо я, разумеется, не мог, но чувствовал, сколь прекрасны они. Я видел их даже в своих снах. Это бесконечно волновало меня. И теперь я очень ясно представил себе, как крохотный младенец уютно расположился в твоих ножнах…

Ты извлекаешь из пещеры маленького и сморщенного, как гриб, Разрушителя, пребывавшего в спячке. Вымытого, его помещают в твои ножны. Туда, где сохраняются определенные температура и влажность, необходимые для развития плода. Когда похожее на гриб крохотное сморщенное существо округлилось, стало мягким и начало самостоятельно двигаться, ты вынула его из ножен и искупала. Потом завернула в марлю и прижала к груди. Вот он уже тот самый Разрушитель, которого ты вырастила до размеров собаки и посадила к себе на колени.

Соединив оба слуха и дав им свое толкование, молодой человек высказал такую мысль: стоило Разрушителю, проспавшему сто пятьдесят или да-

же двести лет, очнуться, как вся предшествующая долгая жизнь и сама эта спячка представились ему единым бесконечным сном, промчавшимся как один миг. Обладает ли испытавший это Разрушитель — хотя, возродившись, он и физически и духовно стал прежним — достаточными жизненными силами, чтобы активно начать новую жизнь? То есть способен ли он вновь сделать то же, что совершил в период основания деревни-государства-микрокосма? Впрочем, все равно я с восторгом приму его возрождение, даже если опасения юноши оправдаются, и возрожденный Разрушитель до конца дней будет в полном бездействии нежиться у тебя на коленях…

3

Слова о спячке и возрождении напомнили мне еще об одном чужаке по прозвищу Сверлильщик — поговаривали, что он инопланетянин, присланный к нам с каким-то особым заданием. Он был женат на нашей деревенской женщине — я отчетливо помню, как мы, ребята, старались не смотреть на нее, такая она была хмурая, неприветливая. Ты, сестренка, наверное, тоже помнишь хозяина крохотной металлоремонтной мастерской и его мрачную жену?

Женой Сверлильщика была девушка из старинного рода, уходящего своими корнями во времена основания деревни-государства-микрокосма; она жила с кем-то из родственников — то ли с матерью, то ли с сестрой, — когда они взяли в свою семью Сверлильщика, приехавшего из приморского городка в устье реки. Однако я не припомню, чтобы рядом с обширным помещением с земляным полом, тянущимся по всему фасаду их огромного дома в центре деревни — обычная для нашего края планировка, — видели кого-нибудь, кроме самой этой женщины, сидевшей у хибати[18]. Правда, мне всегда казалось, что за перегородкой кто-то притаился. Я отчетливо помню все до мелочей, потому что довольно часто наведывался к Сверлильщику, хотя жена его меня постоянно гоняла, как и любого деревенского мальчишку.

Ты тоже, сестренка, часто ходила туда со мной. Вообще в доме Сверлильщика постоянно толпились дети. Ничего удивительного: в самом старом доме нашей долины, как бы бросая вызов ветхости, громоздился новейший токарный станок. У нас его считали сверлильным, отсюда и

---

[18] Примечания: 18
Переносная жаровня в японском доме.

прозвище владельца — Сверлильщик.

Сверлильный станок. Этим словом все сказано. Уродливое сооружение, подавляющее своей тяжестью и законченностью. Эта махина занимала все помещение с земляным полом, и под ее тяжестью дом постепенно оседал.

Прозвище Сверлильщик как нельзя более точно подходило владельцу мастерской: и лицо, и фигура, и то, чем он занимался, — все обличало в нем грубость и неотесанность, и в той атмосфере, которая царила в нашей долине, он представлял собой инородное тело. Он работал на токарном станке, установленном в доме, принадлежавшем старинному роду. Его руки, перепачканные маслом, казались продолжением станка, он никогда не поднимал черного от копоти лица и, когда бы мы ни пришли, молча работал, не давая себе ни минуты передышки. Со временем Сверлильщик сделал свою мастерскую процветающим предприятием и даже смог открыть небольшой завод в том самом городке, откуда приехал к нам. Каждый день, задолго до рассвета, Сверлильщик, склонившись к рулю черного тарахтящего мотоцикла, покидал деревню, а вечером с таким же тарахтением возвращался домой. На своем токарном станке он теперь работал лишь поздно

ночью или по выходным дням, а в будни, когда он отсутствовал, в общей комнате их старого дома, который под тяжестью станка кренился все сильнее, весь день в одиночестве с отсутствующим видом сидела его жена. Она склонялась в ту же сторону, куда кренился дом.

Мы, дети, хотя этого никто из нас вслух не произносил, тоже были почти убеждены, что Сверлильщик — инопланетянин. Однажды я увидел о нем сон, почти правдоподобный. Сверлильщик в черной замасленной спецовке сидел на пороге, скрестив ноги. Рядом, поджав под себя ноги, сидела жена и разговаривала с деревенскими стариками. А Сверлильщик, страдая от вынужденного безделья, время от времени бросал взгляды на кучу металлической стружки у токарного станка. Жена его, тоже обычно неразговорчивая, тут, поддерживая беседу, задумчиво цедила слово за словом. Она говорила, и при этом ее лицо с крупными чертами — сразу было видно, что принадлежит она к старинному роду, — искажалось страданием.

— Муж мой, это всем известно, не совсем обычный человек. Он изо дня в день жалуется, что наша жизнь ему не в радость, одно сплошное мучение. И для меня наше супружество тоже

мука. Ведь ребенок, которого я ношу под сердцем, унаследует и качества мужа, и мои; легко ли будет ему жить — что на какой-нибудь далекой планете, что на нашей Земле? Вот о чем я думаю. А еще больше я боюсь — вдруг ребеночек не будет похож ни на мужа, ни на меня…

Долго еще я оставался во власти этого сна. Меня преследовала мысль, сестренка, что организм инопланетянина в земных условиях естественно подвергается тяжелым испытаниям и невероятным нагрузкам. И с этим инопланетянином, Сверлильщиком, должна была вести супружескую жизнь — эти слова возникли в моем сне сами собой — его бледная, изможденная жена, земная женщина. С этой женщиной — теплой, податливой, земной, — с обитательницей нашей планеты, ведет супружескую жизнь инопланетянин. Нет, он не скользкий и мягкий, как осьминог, он владелец грохочущего и лязгающего металлического агрегата. Супружеский союз машины и человека. В глухой деревушке на краю земли грустная, слабая женщина носит под сердцем существо, представляющее собой новый биологический вид — продукт скрещивания пришельца и человека. Женщина действительно проявляет огромное мужество: ведь не исключено, что она

породит чудовище — металлическую трубу с мягкими мясистыми наростами на концах…

Скорее всего, сам облик Сверлильщика и его лихая езда на черном мотоцикле позволили ребятам заподозрить в нем инопланетянина. Подозрение, можно сказать, стало подтверждаться, когда он задумал соорудить с помощью токарного станка и газосварочного аппарата контейнер для спячки. Мы, мальчишки, пробирались в дом Сверлильщика затем, чтобы, во-первых, лишний раз полюбоваться токарным станком и, во-вторых, посмотреть, как продвигается сооружение контейнера.

Этот контейнер Сверлильщик сооружал уже очень давно, не обращая внимания на насмешки жителей долины и горного поселка. Он, сестренка, представлял собой кабину на одного человека, решившего погрузиться в спячку. Ты должна помнить эту штуку, мне кажется, ее забыть невозможно. Если подумать, сколько ночей трудился Сверлильщик над своим изобретением, может показаться странным, что оно так и осталось незаконченным — из мастерской в его старом доме контейнер перекочевал под дырявый навес и от дождей весь покрылся бурой ржавчиной. Контейнер для спячки — удивительное соору-

жение, в котором уживались небрежность и аккуратность. Топорная, брошенная на полпути работа, да к тому же еще сделанная кое-как. И в то же время отдельные детали кабины были выполнены с невероятной тщательностью. Две эти взаимоисключающие особенности были присущи агрегату, который с таким упорством сооружался Сверлильщиком.

Необыкновенно тщательно были выполнены детали, которые требовали использования возможностей токарного станка и различных к нему приспособлений. А все остальное делалось наспех, кое-как — даже нам, детям, это сразу бросалось в глаза. Особенно грешили небрежностью те части, где нужно было применять газовую сварку. Контейнер для спячки — давняя мечта Сверлильщика — должен был представлять собой полую металлическую глыбу, едва умещавшуюся в комнате в четыре с половиной дзё[19], с надежно застекленным иллюминатором, отверстием для вентиляции и неким подобием люка, как на подводной лодке. Немногословный Сверлильщик ни с кем не делился своими замыслами, но нам удалось кое-что выведать из сетований его

[19] Примечания: 19
Мера площади, 1,5 кв. м.

жены, постоянно жаловавшейся соседям: мол, муж заранее решил себя обезопасить — случись что, где раздобудешь такое огромное количество металла?

Каждому, кому был знаком первоначальный замысел и кому удалось увидеть в натуре то, что было уже сделано, мог представить себе этот стальной стручок в законченном виде. И, глядя на него уже по-новому, начинал понимать, что эта ржавая штуковина — не просто груда сваренного металла. Кабина была сварена кое-как: будто чуть ли не веревками связали между собой какие-то металлические листы, куски газовых баллонов и металлических бочек. Что же касается иллюминатора с прочным стеклом, то, судя по всему, делать он его в конце концов отказался…

Учитывая назначение контейнера, иллюминатор противоречил бы основному замыслу, и отказ от него означал, что в ходе работы над первоначальным проектом были сделаны необходимые коррективы. К чему свет, если Сверлильщик сооружает контейнер для спячки? Более того, иллюминатор будет только мешать — не заснешь. А пробудившись от спячки, надо будет сразу же выйти наружу — опять-таки, зачем свет? По первоначальному замыслу контейнер для спячки

должен был представлять собой полую тяжеленную глыбу металла, чтобы его не могли украсть вместе со спящим хозяином. Тяжеленный — не сдвинуть с места, прочный — не взломать. Поместить его в надлежащем месте, тщательно закрыв изнутри точно подогнанную на токарном станке крышку люка, и можно спокойно погрузиться в спячку…

Все же почему Сверлильщик был так увлечен именно идеей сооружения контейнера для спячки? Судя по жалобам его жены, все объясняется тем, что Сверлильщик боялся рака, особенно рака желудка.

— Моя единственная радость в жизни — вкусно поесть, — говорил он, — а ведь при раке желудка умирают от голода.

В сочетании с контейнером для спячки и без того ужасно звучащее слово «рак» указывало уже на нечто большее, чем просто на навязчивую идею. Во всей Японии не было человека, способного спасти от рака. Не забывай, что все это происходило в разгар войны, поэтому я и говорю «во всей Японии» — в то время говорить «во всем мире» не имело смысла. И Сверлильщик решил искать спасения в спячке, пока не появится человек, которому будет под силу избавить его от рака

или отвести от него призрак голодной смерти. Забравшись в стальной стручок, в свой контейнер, он погрузится в сон. И грядущие поколения из года в год будут любоваться нашей деревенской достопримечательностью — стальной глыбой, слишком тяжелой, чтобы ее украсть, и слишком прочной, чтобы разрушить. В какую-то минуту какого-то дня какого-то года Сверлильщик проснется. Открыв изнутри люк и высунув голову, он обнаружит, что хоть и находится на том же самом месте, где много лет назад был установлен его контейнер, но сама деревня уже совсем не та. Перед ним — пейзаж далекого будущего. И грядет уже человек, которому под силу избавить его от навязчивого ужаса заболеть раком. Возможно, то будет пришелец из Космоса… Может быть, именно эта его фантазия и вселила в нас, детей, уверенность, что Сверлильщик и сам инопланетянин.

Одержимый одной тайной мыслью, сестренка, я прокрадывался в его мастерскую в доме, покосившемся под тяжестью станка, и замирал там в оцепенении. Весь во власти корыстной мечты, в которой стыдно было признаться даже тебе, я преисполнился желания обратиться с просьбой к Сверлильщику, который вообще не замечал

посторонних, особенно детей. Что это была за мечта? Я хотел, чтобы Сверлильщик, когда настанет час, взял и меня в свою кабину — разумеется, вместе с тобой, сестренка!

Как сладостна была для меня мечта оказаться с тобой в темном стручке и погрузиться в долгую спячку! Это было бы похоже на возвращение в утробу матери, где мы, близнецы, покоились до рождения. В конце этого путешествия мы бы проснулись в той самой деревне, где жили, но уже в совсем непохожем на нынешний мире будущего. Случись такое, и ко времени нашего пробуждения оказалось бы, что товарищи наших игр — они-то, безусловно, но и те, кто был намного моложе нас и даже еще не родившиеся, когда мы забрались в стручок, то– же — превратились в древних стариков, а некоторых уже нет в живых; поэтому, чем сладостней была моя мечта, тем более корыстной и постыдной казалась она мне. Я не оставлял мысли просить Сверлильщика только потому, что мной подсознательно владел страх ничуть не меньший, чем страх Сверлильщика заболеть раком, — была причина, заставлявшая меня бежать из той действительности, где я обитал, в мир будущего. Я боялся, что отец-настоятель безжалостной муштрой будет и

впредь готовить из меня летописца нашего края. Я был убежден, что иным путем мне не удастся избежать этой миссии.

Я мечтал, сестренка, о том, чтобы забраться в контейнер для спячки и отправиться в мир будущего, где никто не помнит мифов и преданий деревни-государства-микрокосма, жить с тобой вдвоем и тогда уже спокойно заняться своим делом, не опасаясь, что кто-нибудь скажет: «Нет, это не так, такого никогда не было!» Ты была бы единственной читательницей мифов и преданий деревни-государства-микрокосма и, читая их, приобщилась бы к Разрушителю, чего так добивается от тебя отец-настоятель…

Если вдуматься, сестренка, то, может быть, сейчас как никогда я близок к осуществлению своей мечты, увлекавшей меня в контейнер для спячки, который так и не был достроен Сверлильщиком. Потому что в письмах, адресованных тебе одной, начал описывать мифы и предания нашего края, а ты читаешь их, держа на коленях Разрушителя — существо величиной с собаку, — и таким способом готовишь себя в его жрицы.

Разрушитель все больше восстанавливает свои силы, и, может быть, следуя его воле, ты станешь вслух читать ему мои письма? Но я этого совсем

не боюсь! Если он скажет: «Нет, это не так, такого никогда не было!», то уже само отрицание описанных мной мифов и преданий будет способствовать выявлению истины. С детских лет я боялся, что, описывая мифы и предания нашего края, я допущу множество ошибок и неточностей, которые погубят истинные мифы и предания деревни-государства-микрокосма. Мной владел смутный страх, что большинство из них просто невозможно передать словами. Если бы по поводу написанного мной Разрушитель сказал бы: «Нет, это не так, такого никогда не было!», разве это не означало бы, сестренка, что для воссоздания мифов и преданий нашего края я совершаю важное и нужное дело?

4

Ты, сестренка, предполагаешь, что возраст Разрушителя, взращенного тобой до размеров собаки, примерно пятьсот лет. В том, что ты определяешь его столь приблизительно, сказывается еще с детства отличавшая тебя склонность создавать для людей неразрешимые проблемы: тебе и в голову не пришло позаботиться о том, чтобы придать правдоподобие тому факту — честно говоря, совершенно немыслимому, — что ему так

много лет. В основе твоего предположения лежит глубокая вера в воскрешение Разрушителя. В одном из преданий сказано, что он жил долго и, даже достигнув столетнего возраста, продолжал расти, в конце концов став великаном. Превратившийся в великана Разрушитель, говорилось в предании, мог, ухватившись за верхушку, легко перемахнуть через любимый нами огромный тополь, который рос на утесе, возвышавшемся над долиной. Наряду с преданием о том, что Разрушитель жил вечно и рос вечно, существовали и другие, утверждавшие, что он неоднократно умирал, причем каждый раз его смерти сопутствовали самые неожиданные события. В одной из легенд говорилось даже о его убийстве. Там сказано, что Разрушитель много раз умирал, а однажды был убит, но если считать его смертью спячку, во время которой он высох и сморщился, как гриб, а потом был возвращен тобой к жизни, то, пожалуй, можно согласиться, что ему и в самом деле лет пятьсот. Теперь я все больше убеждаюсь, что каждая смерть Разрушителя была своего рода спячкой. От последней он пробудился благодаря твоему могуществу и вновь полон жизненных сил. Если это действительно была спячка, нет никаких оснований сомневаться в

том, что в своей долгой жизни, в которой за каждой смертью следовало воскрешение, он достиг пятисотлетнего возраста.

Теперь, сестренка, я перейду к своему последнему сну о Разрушителе, порожденному дошедшими до меня слухами. Я думаю, что он отразил мое стремление самому разобраться в смысле возрождений Разрушителя. Правда, мой сон можно истолковать и как обыкновенную чисто мужскую ревность к тебе, все-таки ставшей его жрицей.

Во сне я все понял. Разрушитель пребывал в спячке, сморщенный и высохший, как гриб, но тело его спало не одинаково и, возвращаясь к жизни, просыпалось тоже по частям. Даже пробудившись, я по-прежнему испытывал чувство, что благодаря сну мне все стало ясно. С точки зрения логики сон вполне соответствовал легенде, согласно которой Разрушитель, став великаном, был убит и расчленен на триста частей. Ради чего же Разрушитель принял такую муку? Чтобы понять это, достаточно вспомнить, как сажают в поле разрезанный на куски картофель…

Среди самых разных легенд о Разрушителе та, которая повествует о первой его смерти, как ни странно, восходит ко времени, когда созидате-

ли только вступили в наш край. Разрушитель, проявив незаурядный талант подрывника, в сложных условиях, не располагая запальным шнуром достаточной длины, взорвал огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли, преграждавшие созидателям путь. И не успел еще рассеяться окутавший всю округу дым, как начался проливной дождь, продолжавшийся пятьдесят дней, а жизнь Разрушителя оказалась под угрозой. Покрыв все свое обожженное тело специальной мазью, Разрушитель лежал, похожий на черную мумию, в течение всех пятидесяти дней, пока шел дождь, но в одной из легенд говорилось, что на самом деле это лежал его почерневший труп.

В легенде о первой смерти Разрушителя рассказывается и о его первом воскрешении. Видимо, это незначительно измененный вариант легенды о его выздоровлении, в которой говорится, что почерневший, точно прокопченный, Разрушитель остался незахороненным из-за непрекращающегося дождя и, не разлагаясь, высох. Потом дождь кончился, и в один прекрасный день, когда последние остатки зловония исчезли бесследно, из почерневшего трупа, точно бабочка из кокона тутового шелкопряда, появился новый Разруши-

тель и заявил: «Ну что ж, давайте примемся за создание нового мира». Принеся себя в жертву, а через пятьдесят дней воскреснув, он утвердил свою неограниченную власть…

Легенда, повествующая о следующей смерти Разрушителя, касается событий, происходивших уже после того, как созидатели, основав наш край, трудились в течение ста лет. Важно в ней именно то, что с момента создания деревни-государства-микрокосма прошло уже сто лет. К тому времени политический строй, созданный революцией, начал деформироваться, и в результате возникло движение за возврат к старине, то есть к тому, что было изначально.

Эта легенда, среди всех других, которые мы в детстве слушали, как сказки, была нам особенно близка и понятна, и ты, сестренка, должна помнить ее хотя бы частично. Ну, например, историю о таинственном звуке и переселении. Это произошло через сто лет после основания нашего края. Тогда все его жители — полуобнаженные: мужчины в фундоси, больше напоминавших веревку, едва прикрывающую срам, и женщины в коротких набедренных повязках — работали радостно, не покладая рук. А спустя сто лет жили они уже не в общих пещерах — каждая семья по-

строила себе собственный дом. И тут вдруг снова раздался звук, напомнивший подземный гул; такой уже возникал однажды в период созидания, заставив тогда людей рассеяться по долине и горному поселку.

На сей раз звук был чудовищен, под стать лишь тому зловонию, которое уничтожило все живое во времена, когда наша земля еще была болотом. Сказочный зачин этой легенды гласит: «Это случилось сразу же после смерти Разрушителя». *Сразу же после смерти…* Немаловажная подробность, несмотря на то, что упоминается она как бы вскользь. Возник ли на самом деле этот таинственный звук — не имеет значения, важно другое: историческое событие, лежавшее в основе легенды, имело, видимо, политический характер, относясь к тому периоду, когда являвшийся вождем Разрушитель умер и место на вершине власти освободилось.

Сразу же после его смерти — а если хочешь, сестренка, можно сказать и так: сразу же после того, как он, сжавшись до размеров гриба, впал в спячку, — в долине и горном поселке стал раздаваться звук — не тот, подобный подземному гулу, как в период созидания, а другой, чем-то завораживающий, напоминающий легкий перезвон.

Вначале он был едва различим, и людям казалось, что это звенит у них в ушах. Но потом, сообразив, что источник его — та самая горная впадина, жители долины и горного поселка, число которых за сто лет значительно возросло, поняли: от этого назойливого звука уже никуда не денешься. И только тогда начали осознавать, что странный звук преследует их уже несколько дней.

Как я уже говорил, сестренка, вначале звук казался вполне приятным; более того, многие даже считали, что он поднимает дух, внутренне раскрепощает человека. Этот таинственный звук, как и ливень в период созидания, длился пятьдесят дней и поначалу вселял в людей бодрость — почти все испытывали чувство подъема. Между тем звук, который ни с чем невозможно было спутать, становился все громче и резче. Чтобы я мог представить себе этот звук, отец-настоятель привел в пример шум водоворота у выхода из узкого пролива. Он попытался сопоставить явления, происходившие в воздушном пространстве, с характерными для водной стихии. Гул самого разного тона — высокий и низкий, сильный и слабый, — который можно было слышать в любой точке долины и горного поселка, он сравнивал с бесчисленными водоворотами, возникающими

на море. Действительно, если бы возможно было с высоты понаблюдать за сложным движением воздушных течений над нашей долиной как за узким морским проливом, то можно было бы заметить, как появляются и исчезают крупные и мелкие воздушные воронки.

Подобно тому, как за пределами тех участков моря, где возникают водовороты, нет и намека на них, исчезал и этот звук, стоило выйти за пределы долины, зажатой между двумя горами, поднимающимися к лесу. Для этого достаточно было миновать место, где в прошлом громоздились огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли. Долина и горный поселок как бы образовали трубу, и звук — то высокий, то низкий, то сильный, то слабый — слышался лишь внутри этого пространства, рассказывал отец-настоятель. Окруженные невидимой звучащей стеной, люди, то есть живущие в долине и горном поселке после смерти Разрушителя созидатели, которым уже перевалило за сто лет, их дети и внуки теряли разум, не находя себе места от не умолкавшего ни на миг гула. А в последние двадцать дней из тех пятидесяти, пока раздавался таинственный звук, у них ни днем ни ночью не было ни минуты покоя…

Этот таинственный звук, который, как правило, шел на одной ноте, в зависимости от местонахождения человека меняя лишь свой тембр и насыщенность, заставлял жителей долины и горного поселка испытывать страдания, хотя одновременно и вызывал у них чувство, близкое к эйфории. Это очень важно подчеркнуть. Первыми испытали на себе его воздействие дети. Все пятьдесят дней, пока нарастал таинственный звук, они пребывали в состоянии крайнего возбуждения, которое потом сменилось полным изнеможением. В период гула и переселения, а также в последовавший за ним период возврата к старине расплодились посредственности, каких еще не видывала деревня-государство-микрокосм с момента своего основания, говорил отец-настоятель и пояснял: причина заключалась, возможно, в том, что дети, которым предстояло стать строителями будущего, чересчур возбужденные таинственным звуком, повредились в уме. Однако в том факте, что все время, пока раздавался таинственный звук, подростки и дети в отличие от взрослых, которым он доставлял страдания, наслаждались гулом, можно было увидеть перст судьбы. Нигде в долине и горном поселке дети нисколько не страдали от таинственного звука,

какого бы характера он ни был, и это облегчило переселение взрослых.

Переселение заключалось в том, что человек вынужден был бросить свой дом, свое поле и искать себе место как бы по указке таинственного звука. В зависимости от способности переносить тот или иной его тембр, человек избирал наиболее благоприятное для себя место. Бывали случаи, когда муж и жена вынуждены были направляться в разные стороны. Однако дети, неподвластные этому звуку, оказывались свободными в выборе, с кем из родителей поселиться.

Сложнее дело обстояло с подростками старше пятнадцати лет, которых таинственный звук приводил не только в состояние эйфории. После первых сорока восьми часов они начали испытывать почти чувственное наслаждение, но в нем уже пробивались ростки страдания. Наслаждение и муку они познали одновременно. Столкнувшись с гудением, они уже не могли сдержать импульсивных порывов, причем таинственный звук не направлял их действий, а лишь вызывал их.

Подростки и дети, возглавляемые семнадцати-восемнадцатилетними юнцами, охваченные возбуждением от таинственного звука, устраи-

вали шествия по всей долине, вмешивались в споры взрослых, которым предстояло переселение, и одновременно с поразительной энергией помогали им как можно лучше его осуществить. В результате молодежь захватила руководство переселением и, пока люди, невыносимо страдая от гула, в раздражении искали себе место жительства, подвергала преследованию тех, кто пытался остаться на старом месте и сохранить семью. Разрушителя с ними не было. А старики, которым уже перевалило за сто и которые участвовали некогда в основании деревни-государства-микрокосма, хотя и были еще вполне крепкими, не смогли воспользоваться своим авторитетом, опытом и умом, чтобы воспротивиться наглому произволу молодежи и детей.

Переселение вызвало огромные перемены, коснувшиеся всех сторон социальной жизни деревни-государства-микрокосма. Оно явилось второй революцией. Пятидесятидневный таинственный звук дал ей импульс, двинул вперед, предотвратил движение вспять, не допустил противодействия и наконец привел к завершению. Эта революция ознаменовала вековой рубеж в истории нашего края.

Изначально переселение представлялось

временной эвакуацией, которую каждый осуществлял по собственному почину: это была естественная реакция людей, изнемогавших от таинственного звука. Гул, раздававшийся в долине, в зависимости от места оказывался разной высоты и силы. Тембр и насыщенность звука прямо зависели от индивидуальности каждого, кто его слышал. Человек, который был не в состоянии переносить гул и не смыкал ночами глаз в пункте А, перебравшись в пункт Б, нисколько не страдал. Это правило распространялось на всех взрослых, в равной степени и на мужчин, и на женщин. Чтобы не расставаться со своей землей, со своим домом, ну и, естественно, чтобы не разлучаться с семьей, многие шли на муки. Они терпели таинственный звук из последних сил, потому что знали — стоит решиться на переселение, и никогда уж им не вернуться в родные места. Но в конце концов и те, кто все еще старался пересилить себя, тоже исчерпали свои возможности. Разъезжаясь, муж и жена руководствовались лишь своими ощущениями, направляясь в ту сторону, где страдания от таинственного звука казались меньше. Бывало, муж тянул за собой жену в одну сторону, а ей надо было, расставшись с ним, идти совсем в другом направлении.

В возникавшие из-за этого столкновения между супругами вмешивались юноши и подростки — жену насильно отрывали от мужа и переселяли в место, которое ей указывал таинственный звук. За детьми при этом оставалось право решать, с кем отправиться — с отцом или матерью.

Разумеется, в начальный период переселения люди покидали свои дома, чтобы подыскать временное жилье, где бы их не донимал таинственный звук. Но когда переселились все жители долины и горного поселка, ситуация коренным образом изменилась. Люди постепенно уверовали в то, что на переселение их обрекла некая сверхъестественная сила (возможно, это Разрушитель, сам недавно укрывшийся где-то), что, даже если таинственный звук исчезнет и кто-либо захочет вернуться назад, гудение может возникнуть вновь, принеся неисчислимые бедствия. И надо сказать, что молодежь и подростки отдали много сил тому, чтобы переселение было увековечено.

Все же у меня возникает определенное сомнение: по-моему, не так уж много семей по своей воле бросили землю и дома и переселились в другие места, вынуждаемые к этому одним лишь гулом. Переселение первых семей носило скорее

символический характер. И мне даже приходит на ум мысль, что именно подростки и дети, руководимые семнадцати-восемнадцатилетними юнцами, организовали движение за насильственное переселение всех жителей долины и горного поселка. Хотя вряд ли это начинание было бы успешным, если бы не чудовищные муки, выпавшие на долю жителей нашего края. Нашлись люди, которые не пожелали подчиниться и отказались от переселения. Они стойко переносили страдания, вызванные таинственным звуком, и одновременно боролись против насилия молодежи — перед их мужеством и стойкостью можно преклоняться. Согласно преданию, пять семей сопротивлялись до конца. Но юнцы из долины и горного поселка, врываясь в дома этих семей, пытавшихся противостоять таинственному звуку, разрушали их и поджигали. Огромная семья одного из стариков созидателей, когда в дом ворвались головорезы, среди которых были даже его внуки, сражалась, пока не погибла в огне. В другом предании сказано, что дом подожгли уже после того, как все члены семьи покончили жизнь самоубийством. Созидатели, основавшие деревню-государство-микрокосм, были легендарными героями, сестренка, которые сто с лишним

лет работали не покладая рук и превратились в великанов под стать Разрушителю. Подростки же и дети, руководимые семнадцати-восемнадцатилетними юнцами, закидывали их камнями, избивали палками, поджигали дома и целиком уничтожали семьи. Остальные взрослые жители долины и горного поселка не могли вмешаться и прекратить избиение. Под непрекращающийся таинственный гул вся долина была залита кровью.

Неужели в тот период не оказалось людей, которые, чтобы избавиться и от таинственного звука, и от распоясавшихся подростков, совершавших насильственное переселение, попытались бы через лес бежать во внешний мир? Если бы хоть одному человеку из нашего края удалось бежать и рассказать о происходящем властям княжества, в долину тут же были бы посланы войска, и деревня-государство-микрокосм прекратила бы свое существование. Именно поэтому жители долины и горного поселка и мысли не допускали о том, чтобы укрыться за лесом, куда не доносился таинственный гул. Это была слишком опасная мысль, и если бы она возникла хотя бы у одного, то оказалась бы гибельной для всей общины — ведь она могла захватить всех, а это было рав-

носительно самоубийству. Вот почему даже в той обстановке, когда деревню-государство-микрокосм изнутри раздирали противоречия, жители ее в одном только оставались солидарны — не допускать такой мысли.

Правда, незадолго до того, как прекратился таинственный звук, произошло еще одно событие: огромная семья — старик созидатель, его сыновья, дочери, зятья, невестки и их дети, которых вернули домой, убедив отказаться от участия в движении молодежи, — попыталась бежать через лес. Однако случилось непредвиденное — заболел кто-то из детей, и они вынуждены были повернуть назад. На обратном пути в лесу их схватили подростки, руководимые семнадцати-восемнадцатилетними юнцами, и всех мужчин перебили. Старик, убитый с изощренной жестокостью, — как все созидатели, он дожил до ста лет и был великаном под стать Разрушителю, — его крепкие сыновья и зятья представляли мощную боевую силу. Значит, битва с преследователями, завязавшаяся в лесу недалеко от Дороги мертвецов, была неимоверно тяжелой. Как гласит легенда, вместе с молодежью, подростками и детьми, развернувшими движение за обязательное переселение, в кровавой битве с этой семьей

участвовали все мужчины нашего края, защищая интересы деревни-государства-микрокосма. Я думаю, сестренка, что исторический акт истребления мужской половины этого огромного рода послужил тому, что существовавшая в нашем крае с незапамятных времен мощенная камнем дорога получила название Дороги мертвецов.

Преследователи обвинили эту семью во главе со стариком созидателем в том, что она собиралась бежать в княжество, из-под власти которого наши предки когда-то с таким трудом уходили; но дочери старика, оставшиеся в живых, все-таки покинули долину, непригодную теперь для жизни из-за таинственного гула, и расчистили себе новый участок земли в девственном лесу. Их пощадили, я думаю, из рачительности, ради воспроизводства населения — женщины были необходимы для того, чтобы не прекратилось существование деревни-государства-микрокосма. Но и оказавшись в унизительном положении пленниц, они продолжали отстаивать правоту зверски замученного созидателя. Они изо всех сил сопротивлялись настойчивым попыткам учинить им промывание мозгов в период движения за возврат к старине, наступивший после того, как умолк таинственный гул. Мне представ-

ляется, что именно такое упорное сопротивление женщин затруднило реабилитацию старика. А одна из дочерей убитого дошла даже до того, что вступила в спор с руководителем движения за возврат к старине, заявив:

— Разрушитель в свое время ушел оттуда, где жить стало невыносимо, и отправился на новое место. Люди во всем брали с него пример. Почему же созидатели не могут поступать так же, как поступил он?

Утверждать такое значило сделать авторитет Разрушителя понятием относительным, поставить созидателей на одну доску с ним. К тому же тот факт, что свое намерение они осуществили сразу же после того, как уверовали в смерть Разрушителя, послужил неопровержимым свидетельством преступного характера их замысла, который можно было расценить как мятеж. Люди, воспылав негодованием, начали тщательное расследование, чтобы выяснить, каким образом созидатели и их семьи в период таинственного гула осуществляли свои грязные махинации, стремясь усыпить бдительность окружающих. Упоминания об этом можно найти в мифах и преданиях нашего края. Не только созидатель и его семья, но и все когда-либо уличенные в

предательстве даже после реабилитации в этих мифах и преданиях описываются как сказочные злодеи, а то и просто кретины.

Женщины из рода убитого старика, начиная со старшей дочери, уже старухи, и кончая четырнадцати-пятнадцатилетними дочерьми дочерей их дочерей, без конца позволяли себе крамольные высказывания в адрес новых правителей, пришедших к власти после появления таинственного звука. Горькая и унизительная жизнь в плену после убийства мужчин не сломила их духа. Они продолжали безжалостно критиковать деревню-государство-микрокосм, в которой жили на положении пленниц.

Ты, сестренка, помнишь, наверное, что в нашем крае сказания частенько заканчивают словами: «И всё тут!» Главное при этом — воспроизвести манеру определенного человека, пародируя его голос, жесты, вложить в подражание некую отрицательную оценку. Мол, он сказал то-то и то-то — и всё тут! Это всегда вызывает смех у слушателей… Женщины из той семьи, где убили старика — главу дома — и всех остальных мужчин, часто употребляли это выражение. Да и предания нашего края до сих пор сохранили их манеру приговаривать: «И всё тут!» Оставшись

без кормильцев, женщины не утратили мужество, дерзость и всегда давали отпор тем, кто издевался над ними, осуждая за то, что, уцелев, они стали женами убийц.

— Какая разница? — говорили они. — Мы вышли замуж по принуждению, вас же погнал с насиженных мест от прежних мужей этот несносный гул. Значит, никакой! И всё тут!

Вот как бесстрашно, сестренка, эти несломленные пленницы нападали на ту, что была женой Разрушителя в последние годы, а когда после периода таинственного гула началось движение за возврат к старине, осуществляла общее руководство движением, пользуясь неограниченной властью:

— Когда все страдали от невыносимого гула, лишь она одна легко переносила его и исподтишка натравливала на людей несмышленых мальчишек, заставляя их совершать страшные дела! Если этот ужасный гул и впрямь производил разгневанный дух Разрушителя, то в первую очередь он должен был обрушиться именно на нее, а она просто заткнула уши!

5

Когда я слушал рассказ отца-настоятеля о таинственном звуке, пытаясь построить в своем воображении картину вызванной им революции, которая вылилась в переселение и последовавшее затем движение за возврат к старине, меня особенно заинтересовали эти слова. Детским сердцем своим я тогда догадался, почему никому, кроме одной незаурядной женщины, не пришло в голову воспользоваться затычками для ушей. Таинственный звук был как бы завещан, оставлен в наследство ушедшим Разрушителем — сказать «навязан его разгневанным духом» было бы неверно, — вот почему никто не затыкал уши, боясь тем самым нарушить его волю. У людей нашего края, которые жили, постоянно чувствуя над собой власть Разрушителя, распространявшуюся на все людские дела и на все природные явления, возникновение таинственного гула разбудило суеверный страх перед долиной, удержавший их от применения крамольного, с их точки зрения, средства — затычек для ушей.

Таинственный гул, в течение пятидесяти дней висевший над долиной, был, разумеется, явлением сверхъестественным. Долгое время люди

вынуждены были страдать от этого в принципе невероятного явления. Они, и в первую очередь дожившие до ста лет созидатели, потеряли ощущение явственности происходящего вокруг, дошли до того, что усомнились в реальности пережитого ими за долгую жизнь. Состарившись и утратив силы, созидатели, с тех пор как Разрушитель их оставил, годились лишь на то, чтобы спать и видеть удивительные сны. И чтобы не прерывать приятных сновидений, они спали с утра до ночи. О своих снах старики предпочитали не распространяться, но, похоже, эти сны опровергали весь их жизненный опыт. И вот в то время, как у созидателей под влиянием снов расплывались воспоминания о прежних свершениях, у молодежи под воздействием таинственного гула возникало желание конкретно переосмыслить мифы периода созидания.

Незамолкающий таинственный гул убедил даже тех, кто сам не прошел через это, в достоверности событий столетней давности, а именно взрыва и последовавшего за ним ливня, не прекращавшегося пятьдесят дней, с которых начинаются мифы периода созидания. Так закладывалась духовная основа движения за возврат к старине, последовавшего за таинственным гулом.

Люди, по-новому переосмыслив мифы, уловили в гуле некое значение; именно поэтому идея заткнуть уши даже не могла у них возникнуть. А использование затычек для ушей, благодаря которым одна женщина в нашем крае освободилась от гудения, произвело на всех ошеломляющее впечатление. В память об этом одно дерево даже получило название «дерево затычек». Я сам в детстве затыкал уши его плодами. И ведь мы, дети, в самом деле верили, что огромное дерево выросло именно на том месте, где эта женщина тайком закопала уже ненужные ей затычки. Теперь я знаю, что в ботаническом атласе его называют тис. Тис приносит красные мясистые плоды с темно-коричневыми косточками. Они мягкие и плотно входят в уши. Ты, сестренка, тоже, наверное, нередко засовывала эти красные плоды глубоко в уши.

Теперь я хочу рассказать о женщине, воспользовавшейся затычками для ушей в период таинственного гула, — отсюда, собственно, и пошла легенда о дереве затычек. Если не принимать в расчет более поздних возрождений Разрушителя, исчезнувшего незадолго до появления таинственного звука, она была его последней женой. В самый разгар событий эта женщина руково-

дила подростками и детьми, которые требовали обязательного переселения, — именно в этом ее обвиняла одна из дочерей погибшего созидателя. А во время развернувшегося потом движения за возврат к старине она сбросила с себя маску и в качестве преемницы Разрушителя возглавила новое руководство. В легендах ее называли Узницей. В детстве я еще не понимал смысл этого имени — так ведь называют человека, которого куда-то заперли, — но, оказывается, ее так назвали не без оснований. Руководительница, хитроумно прибегнувшая к затычкам, не только подавляла всякий протест против реформаторского движения, то есть против переселения в период таинственного гула, но и возглавила движение за возврат к старине, призванное довести до логического конца революционные начинания, однако в дальнейшем она лишилась своего поста и была заключена в одну из пещер.

Верно истолковать имя Узница значительно позже мне помог свиток «Повесть в картинках об Обусумасабуро». Там есть такие строки: *«В старину там, где кончается Токайдоский тракт, жил в своем поместье даймё*[20] *Дайскэ Мусаси.*

---

[20] Примечания: 20
Титул главы феодального княжества.

У него было два сына, Ёсимидзиро и Обусумасабуро, оба отличные воины». Старший брат взял в жены красавицу, придворную даму, а за младшего *«посватали самую невзрачную и некрасивую дочь Сиро Кумэты. Ростом она была целых семь сяку*[21]*, волосы у нее вились и доходили до самых пят. На лице торчал огромный нос. А изо рта с опущенными углами слова вылетали так быстро, что разобрать их было невозможно».*

На свитке, в точном соответствии с этим описанием, было изображено крупное женское лицо. Но первое, что бросалось в глаза в этой похожей на итальянку женщине с огромным носом, вытаращенными глазами и курчавыми волосами, — это не уродство, а живой и глубокий ум. Лицо ее, казалось мне, способно вызвать симпатию, и я думал, что именно такой могла быть Узница, о которой рассказывает легенда. Узница была женой Разрушителя, который за сто лет с начала созидания вырос в великана. Она тоже, должно быть, еще в период таинственного гула стала великаншей, а во время движения за обновление захватила власть и таким образом превратилась в сверхгиганта. Поэтому, лишен-

[21] Примечания: 21
Мера длины, 30 см.

ная власти и приговоренная к заключению, Узница не смогла войти в пещеру во весь рост — ей пришлось ползти на четвереньках. Проведя не один десяток лет в заключении, Узница все сжималась и в конце концов достигла размеров обычного человека, даже меньше — ребенка, и лишь лицо осталось по-прежнему большим, и «на лице торчал огромный нос»; вместо одежды она куталась в свои длинные курчавые волосы — точно большеголовая гусеница. Почему Узница ассоциировалась у меня с уродиной, изображенной на свитке? Узница была тоже невообразимо безобразна, догадался я.

Мою фантазию питало изображение безобразной женщины со свитка «Повести в картинках об Обусумасабуро», но, сестренка, слово «безобразный», когда речь идет о крайне безобразной женщине, помимо того смысла, который мы вкладываем в него, имеет еще целый ряд скрытых значений. Одно из них — «бесподобный, незаурядный». Узница ни талантом, ни силой воли не уступала мужчинам, и это сразу бросалось в глаза, стоило лишь увидеть ее неординарное лицо и ее богатырское тело.

Кстати, я вспомнил, сестренка, как однажды тебе понадобилось заглянуть в словарь старых

слов, и ты пришла в наш дом, стоявший в самом низком месте долины, где я готовился к экзаменам. Перебирая страницы своими пухлыми и мягкими, как брюшко пчелы, лишь на концах сужающимися пальцами, так соответствующими твоему облику, сказала:

— Я всегда думала: зачем нужны эти словари? К чему пользоваться словами, которых не знаешь? Не лучше ли употреблять те, значение которых помнишь?

Тогда я спросил тебя: а что делать, если, к примеру, не знакомо значение кем-то употребленного слова?

— Такое слово, я думаю, нужно воспринимать как шум ветра или журчание воды, — ответила ты.

Но вернемся к Узнице. Все же почему эту безобразную женщину жители нашей долины, пусть на короткое время, наделили столь огромной властью, почему так почитали ее? В разгар движения за возврат к старине власть руководства, центральное место в котором занимала Узница, была абсолютной.

Движение за возврат к старине, возглавляемое Узницей, предусматривало меры, призванные не допустить после исчезновения гула постепенной

реставрации порядков, существовавших до переселения; другими словами — стало тормозом для реакции. Возвращаясь к периоду возникновения таинственного гула, можно с полным основанием утверждать, что Узница со своими подручными во время переселения манипулировала подростками и детьми, оставаясь в тени, а связанными с переселением реформами руководила уже открыто. Правда, политические акции, приведшие к движению за возврат к старине, значительно вышли за рамки, очерченные руководством, главное место в котором занимала Узница.

Деревня-государство-микрокосм была основана созидателями, ведомыми Разрушителем. Она повторяла модель первобытного общества. Люди работали не покладая рук — мужчины в фундоси, женщины в коротких набедренных повязках. Собственного жилища никто не имел. Вся земля находилась в общем владении. Что касается женщин — отец-настоятель открыто об этом не говорил, но я сам выяснил из разных преданий, — то, видимо, несколько мужчин делили между собой и подруг. Когда Разрушитель и созидатели поднимались к верховьям реки, женщин среди них было очень мало. Но мужчины не теряли времени даром, и их немногочисленные

спутницы постоянно беременели. Разумеется, сказался и сексуальный голод, но главную роль сыграло стремление приумножить потомство.

Однако за сто мирных лет, минувших со дня основания деревни-государства-микрокосма, община, задуманная как первобытная, постепенно превратилась в сборище разобщенных людей, жизнь которых регулировалась законами частной собственности. При этом следует помнить, что наш край был полностью изолирован от внешнего мира, находившегося за горами и в низовье реки. И в этом заключалась его специфика. В изменившихся условиях, пользуясь отсутствием Разрушителя — бессменного лидера со времен созидания, руководители во главе с Узницей создали в деревне-государстве-микрокосме кризисную ситуацию. Эту кризисную ситуацию и символизирует в легендах таинственный гул — по-моему, его можно трактовать именно так. Но я лишь описываю мифы и историю нашего края, и в мою задачу не входит заниматься подобными интерпретациями.

Переселение в период таинственного гула означало полную перестройку системы частной собственности и семьи, устоявшихся за прошедшие сто лет. Не считаясь с желаниями

и жизненными планами людей, в зависимости лишь от чисто физиологического фактора — реакции на высоту и силу звука — разбивали семьи, людей лишали земли и домов, которыми они владели более века. Через это испытание прошли все взрослые жители деревни-государства-микрокосма. В период реформ лишь одна Узница, заткнув уши, избежала воздействия невыносимого таинственного звука, более того — негласно руководила переселением. Я не хотел бы рассматривать действия Узницы как отказ от повиновения Разрушителю, изъявившему свою волю таинственным звуком, как неподчинение приказу самой долины; я склонен видеть в них попытку, заткнув уши, оставить без внимания обращенный лично к ней посыл и использовать преимущества своего положения для того, чтобы переселение, предпринятое под воздействием таинственного гула, направить на реставрацию изначального уклада деревни-государства-микрокосма, деформировавшегося за сто лет.

Узница отдавала все силы тому, чтобы реформами закрепить переселение, которое в дальнейшем совершенно естественным образом переросло в движение за возврат к старине. Это движение должно рассматриваться как период,

когда агитация, развернутая руководителями во главе с Узницей, подвигла жителей долины и горного поселка на самые глупые и никчемные предприятия со времени созидания. Волна безумств словно захлестнула всю долину, хотя в происходившем можно было усмотреть и нечто сродни огромному празднеству. А справедливо ли подвергать критике все, что делали, что совершали люди, возбужденные праздником, после того как возбуждение угасло? Из множества акций в период движения за возврат к старине, осуществлявшегося под руководством Узницы, как о самой величайшей глупости легенды сообщают о том, что были сожжены все дома в долине и горном поселке. Это был безрассуднейший поступок, но существуют аргументы и в его пользу. Я уверен, сестренка, что в этой связи тебе приходят на память наши праздники урожая, когда разукрашенную колесницу провозят по долине и горному поселку, а потом сжигают, что становится кульминацией праздника. И если на празднике урожая такое действо можно считать оправданным, то разве могло обойтись без огня столь великое празднество, каким было движение за возврат к старине? Когда я думаю о зрелище, которое представлял собой устроен-

ный по указке Узницы и охвативший все дома в долине и горном поселке пожар, передо мной встают образы чертей и грешников в море огня на картине ада, изображенного как бы с высоты птичьего полета. Взметнувшиеся вверх яркие языки пламени, точно колеблемая подводным течением морская трава, а в их отблесках — черти в фундоси и женщины в коротких набедренных повязках.

Движение за возврат к старине имело целью смыть всю мерзость, накопившуюся за сто лет, и вернуть деревню-государство-микрокосм к первозданной жизни периода созидания. Прежде всего вспомнили об одежде, которую носили сто лет назад, — это был самый простой путь к осуществлению задуманного. Люди сбросили с себя одежды, ставшие привычными за сто лет; теперь и мужчины, и женщины обнажились до пояса: мужчины вернулись к фундоси, напоминавшим скрученную веревку, а женщины — к коротким набедренным повязкам. Земли, оставленные прежними владельцами, согнанными с них во время таинственного гула, постановили не раздавать никому, а обрабатывать сообща, и люди, объединившись в группы, вновь приступили к работе на заброшенных пустошах, где

не показывались целых пятьдесят дней, начали возделывать поля и приводить в порядок ирригационную систему. Межи, разделяющие мелкие участки, были распаханы и все поля соединены в одно.

Питались из общего котла, так же коллективно воспитывали детей. Это позволяло всем мужчинам и женщинам сообща трудиться в поле. Совершенно естественно, что юношей волновали обнаженные до пояса девушки, работавшие вместе с ними. К тому же в результате переселения в период таинственного гула все жены предали забвению незыблемость моральных устоев, забыли о своем долге супружеской верности и беспрекословного подчинения мужу.

В преданиях, повествующих о движении за возврат к старине, когда среди молодежи повсеместно наблюдался полный отказ от моральных принципов, распущенность молодежи олицетворяет один лишь образ Узницы. В преданиях, разумеется, полно фантастических вымыслов, но тем не менее, сестренка, я думаю, они верно передают атмосферу всеобщего попрания морали, царившего в период движения за возврат к старине. Все те годы, пока Узница руководила этим движением, ежедневно после ужина она

собирала молодых парней и уходила с ними на обрабатываемое поле. Она утверждала, что таинственный гул истощил землю и необходимо совершить обряд, который возвратит ей плодородие. Узница ложилась прямо на землю, сбросив набедренную повязку — единственное в то время одеяние женщин нашего края. Ее возвышавшееся горой тело, тело великанши, которое благодаря полученной власти стало расти еще быстрее, несмотря на возраст — ей перевалило за сто, — выглядело молодым, пышущим здоровьем и влекло к себе юношей. И двадцать юношей, прильнув к огромной женщине, раскинувшейся на голой земле, один за другим взрывались страстью, а потом, обессилев, еще долго любовались звездами, рассыпанными по небосводу.

Однажды я обнаружил в коллекции отца-настоятеля небольшую карикатуру, изображающую эту так называемую «деятельность» Узницы в ночное время. Узницу я помню совершенно четко — она напоминала ведьму на свитке, но лицо ее рассмотреть было невозможно. Его облепили крохотные человечки. Белое пышное тело тоже было сплошь облеплено маленькими черными фигурками ликующих мужчин. Все в этой непристойной картинке, разумеется, гротескно,

но то, что совместная жизнь и работа юношей и девушек долины и горного поселка вызывала у них влечение, вполне закономерно. Возможно, оргии, устраивавшиеся Узницей и юношами, были в самом деле необходимы для того, чтобы вернуть истощенной земле плодородие. Ведь за сто лет со времени основания нашего края земля оскудела. Ты, сестренка, помнишь, наверное, танец кагура, обычно исполнявшийся в храме Мисима-дзиндзя: мы, дети, вертелись вокруг танцовщицы в маске, изображавшей великаншу (она еще набивала под одежду хворост). Я думаю, этот танец символизирует празднества-оргии Узницы и юношей. Не исключено, правда, что танец кагура был возрожден, а может быть даже и создан отцом-настоятелем, который хотя и был чужим в нашем крае, но увлекся изучением мифов и преданий деревни-государства-микрокосма. Не ограничившись танцем кагура, он внес много нового и в наши народные обычаи, посвятив свою жизнь исследованию мифов и преданий нашего края.

Ну вот, сестренка, как говорится: все хорошо, что хорошо кончается. Между отцом-настоятелем и тобой установились мирные, нормальные отношения, отец-настоятель и ты, ставшая

жрицей Разрушителя, теперь живете вместе в храме — что может быть прекраснее этого! Наконец-то отец-настоятель вкушает плоды многолетних стараний, которым посвятил себя: ты с его помощью нашла в пещере и возродила к жизни Разрушителя, сжавшегося до размеров гриба, а я в результате его безжалостной муштры обратился к мифам и преданиям деревни-государства-микрокосма.

Самый серьезный отход от основополагающих принципов движения за возврат к старине, возглавляемого Узницей, заключался не только в абсолютизации авторитета укрывшегося Разрушителя, но и в том, что у молодежи культивировалось полнейшее пренебрежение к старикам, основавшим вместе с ним деревню-государство-микрокосм и до сих пор, несмотря на возраст, продолжавшим упорно трудиться. Первым случаем было убийство одного из созидателей, который во время таинственного гула пытался бежать через лес, но из-за болезни ребенка вынужден был повернуть назад. Наряду с такой тенденцией, все настойчивее проявлявшейся у молодежи, можно было наблюдать, как все более жалкой становилась дальнейшая судьба стариков созидателей — особенно когда

сожгли дома в долине и горном поселке, что явилось одновременно и кульминацией движения за возврат к старине, и началом его деградации. Старики, которым перевалило за сто, стали исчезать один за другим, причем не впадая в спячку, не естественной и даже не насильственной смертью, а каким-то крайне странным образом.

Сперва было замечено, что созидатели, которые — хотя каждому из них было уже больше ста лет — до этого все время росли, превращаясь в могучих великанов, вдруг прямо на глазах стали уменьшаться до размеров карлика. Это случилось в конце периода таинственного гула. Однако, и превращаясь в карликов, они не могли остаться в стороне от движения за возврат к старине, охватившего долину и горный поселок. Но вскоре, участвуя в коллективном труде наравне с молодежью, созидатели, уже постаревшие и растерявшие прежнюю силу, от изнурительной работы начали попросту сохнуть. И вот эти несчастные люди, работавшие на полях, в период движения за возврат к старине один за другим стали исчезать буквально на глазах у родственников, которые хоть и видели, что с созидателями происходят какие-то странные превращения, но не поднимали голоса, боясь вступиться за

них в страхе перед публичным осуждением, и только с болью наблюдали, как созидатели, грустно поникнув головой, слабели, а очертания их тел становились расплывчатыми, растворяясь в воздухе, словно луч прожектора в тумане. И родственники отводили взгляд, чтобы не видеть, как почитаемый глава дома уходит в небытие, а когда решались взглянуть, прозрачной фигуры уже рядом не было… Созидатели один за другим исчезали, а молодежь, увлеченная движением за возврат к старине, и не вспоминала о них, считая рассказы о своих современниках-созидателях, которые продолжали расти, даже когда им переваливало за сто, и превращались в великанов, пустыми фантазиями. Родственникам стариков, тосковавшим сначала по исчезнувшим, в конце концов начинало казаться, что сама их грусть призрачна — ведь грустят они о призраках.

В отличие от созидателей, которые превратились из великанов в карликов, а потом и вовсе растаяли как туман, Узница все то время, пока активно руководила движением за возврат к старине, продолжала расти и отличалась завидным здоровьем. Разгадку этому дают те, кто после провала движения за возврат к старине развенчивал утратившую власть Узницу. Они утверждают,

что Узница, несмотря на столетний возраст, становилась все более могучей великаншей и могла забавляться с двадцатью юношами только благодаря тайному снадобью южных варваров[22], которое доставляли для нее из Нагасаки торговцы, преодолевая горы, окружающие территорию княжества, по узкой тропе, названной Дорогой соли. И вот еще что говорят: когда жители долины и горного поселка обходились лишь одними фундоси и набедренными повязками, Узница, укрывшись в дальних комнатах, надевала на себя заморские одежды и украшения — все из того же Нагасаки — и кружила головы юнцам, которым покровительствовало руководство. Помнишь, сестренка, в детстве, когда кто-нибудь выряжался, мы всегда говорили: «Смотри, точно Узница...»

В легенде о разоблачении Узницы наиболее знаменательным представлялось мне то, что наш край, который с момента созидания описывался в мифах и преданиях как место, полностью изолированное от внешнего мира и связанное с ним лишь Дорогой соли, в период движения за возврат к старине открыл через горные перева-

---

[22] Примечания: 22
Южными варварами в Японии называли португальцев и испанцев.

лы торговый путь в районы, находившиеся вне влияния старого княжества. Этот путь, как мне представлялось, и позволил заложить основы нашего дальнейшего развития: в период Мэйдзи производившийся у нас растительный воск вывозить в Европу и Америку, а накопленный капитал употребить на строительство огромного амбара для его хранения. Узница первой открыла торговый путь, старательно охраняя при этом независимость нашего края, и именно она проявила себя самым что ни на есть прозорливым экономистом, предугадавшим будущее деревни-государства-микрокосма.

Поджог домов, знаменовавший кульминацию движения за возврат к старине и повлекший за собой стремительный спад и наступление реакции, в преданиях совершенно не оправдывается и рассматривается как преступление, совершенное Узницей и другими руководителями. Но я, сестренка, описывая мифы и предания нашего края, буквально горю желанием защитить ее. По мере того как движение за возврат к старине набирало силу, в процессе коллективного труда все настойчивее осуществлялось освобождение от индивидуалистской замкнутости, поскольку именно это считалось главным условием возвра-

та к принципам периода созидания. В ажиотаже участники движения сожгли все дома в долине и горном поселке, представив это как ритуал освобождения от крайнего индивидуализма. Чтобы зарево пожара не привлекло внимание людей за лесом, дома поджигались днем, в ясную солнечную погоду. Вся подготовительная работа была с блеском выполнена под непосредственным руководством Узницы. Коллективный труд, которому с энтузиазмом, даже с праздничным воодушевлением предались среди языков пламени полуобнаженные люди в фундоси и набедренных повязках, являл собой возврат к периоду основания деревни-государства-микрокосма и был точной копией картины ада.

Я все чаще прихожу к мысли, что, может быть, огромный пожар, равно как и празднества-оргии, устраиваемые Узницей, способствовал возрождению истощенной за сто лет земли, которую когда-то ливень, освободив от зловония, превратил из болота в плодородную долину. Во всяком случае, несомненно, что замысел этого ритуального действа созрел в голове Узницы. Поджоги домов явились поворотным пунктом — вскоре она была лишена власти, развенчана и в довершение заключена в пещеру, причем ей пришлось,

извиваясь угрем, втиснуть туда свое огромное тело, а за время заточения она исхудала, превратилась в карлицу ростом с маленького ребенка, и, хотя теперь решетка, закрывавшая вход, уже не могла помешать ей покинуть пещеру, она даже не пыталась бежать и просидела там несколько десятилетий. Думая о долгих годах, проведенных ею в заточении, я прихожу к такому выводу: она, видимо, была уверена, что после движения за возврат к старине ее пребывание в пещере в том же самом ритуальном смысле необходимо для деревни-государства-микрокосма. Благодаря этой догадке я, сестренка, наконец-то понял, почему такой истинный великан, как Разрушитель, перед тем как исчезнуть, избрал своей спутницей Узницу — женщину со столь дурной репутацией.

6

В период движения за возврат к старине, в дни тяжелой совместной работы тела созидателей-великанов постепенно сжимались, становились почти прозрачными — сквозь них можно было даже смотреть, — пока, все больше теряя свои очертания, совсем не растаяли. И сразу же эти старики, прожившие здесь более ста лет с момента основания нашего края и являвшиеся

главной опорой долины и горного поселка, в восприятии молодежи превратились в призраков, еще недавно бродивших рядом. Как я уже писал, сестренка, этим жалким старикам, всеми забытым и гонимым, в последние годы их долгой жизни являлись сновидения. Сны эти не миновали ни одного созидателя, и были они печальнее печали, помноженной на печаль, в которой они пребывали в самые последние годы вплоть до исчезновения. Созидатели все время видели сны, хотя и разные по содержанию, но «решенные в одном ключе». Почему же старики, обычно такие неразговорчивые, пересказывали свои сны? Они делились друг с другом — вот какой сон я видел! — только ради того, чтобы сон оставался сном, то есть ради того, чтобы не допустить вторжение сна в реальную жизнь. Сны созидателей имели одинаковое направление, но резко отличались по содержанию — ведь каждый видел во сне свою собственную жизнь. Но жизнь во сне отличалась от той, которую они прожили на самом деле. Ведомые Разрушителем, они бесконечно долго двигались вверх по реке, взорвали огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли и в низине, откуда ливень смыл все, что источало зловоние, основали де-

ревню-государство-микрокосм. Последовавшее затем столетие виделось им во сне совсем другим, отличным от того, которое они прожили на самом деле. В жизни, являвшейся им во сне, они были вполне удовлетворены положением самых низких по званию самураев князя, их не притесняли за требования реформ и они, не покидая призамкового города, уже не предпринимали новых попыток переворота, предпочтя мирную тихую жизнь. Безмятежно и бессмысленно влачили они свое существование во сне. В период движения за возврат к старине старики, которым перевалило за сто лет, забравшись в ук– ромный уголок, умудрялись за короткие перерывы во время коллективных работ вздремнуть так, что даже по нескольку раз видели сны об этой своей другой жизни. А когда наступало время снова браться за работу и неумолимые руководители расталкивали их, старики, как обиженные дети, потихоньку делились друг с другом:

— Выходит, мы сами и не думали уходить оттуда вслед за Разрушителем?

И тогда они все умолкали, и каждый задумывался, пытаясь ухватить возникшую в тайниках души, ускользавшую мысль. На мозги, исправно служившие более ста лет, снежным обвалом

обрушилась старость — теперь они смутно помнили о том, что испытали в жизни, и, наоборот, привидевшееся во сне прошлое в их восприятии обрастало реальными деталями. Похоже, в конце концов старики уверовали, что пригрезившаяся им во сне жизнь как раз и есть та, которую они прожили в действительности, а настоящую, почти выветрившуюся из их памяти, стали воспринимать как плод фантазии. Существование же Разрушителя представлялось им самым призрачным из всех призрачных видений, не имеющих ничего общего с действительностью. Это их убеждение все росло, и, когда жизнь в сновидениях перевесила реальную, не только дух и чувства стариков, но и их тела перешли в жизнь, увиденную ими во сне. Так, мне кажется, и вышло, что они покинули землю и растворились в небесном пространстве. Я уже писал, сестренка, что молодежь, работавшая рядом с созидателями, тут же забывала о бесследно исчезавших стариках, словно это были не люди, а какие-то бесплотные тени.

Одной из причин, почему, решив посвятить свою жизнь описанию мифов и истории нашего края, я все оттягивал начало этой работы, было, мне кажется, то, что всякий раз, думая о стоящих

на пороге исчезновения стариках, которые в сновидениях погрузились в прошлое и полностью отрешились от реальной жизни, я сам испытывал страх, тоску и отчаяние, владевшие ими.

7

Незадолго до начала таинственного гула Разрушитель исчез — в легендах нет даже намека на то, что он умер. Еще одно предание о смерти Разрушителя — оно по сути своей противоречит легендам, в которых говорится о его естественной смерти или погружении в спячку, — рассказывает, что после того, как смерть отняла у него всех соратников периода созидания, он построил себе прочный амбар и надолго укрылся в нем, а позже, став обузой для жителей долины, был убит и разрезан на мелкие кусочки.

Разрушитель — вот человек, который для того, чтобы как можно дольше быть диктатором, якобы во имя спасения деревни-государства-микрокосма, созданной главным образом благодаря его неимоверным усилиям, замыслил стать бессмертным и ради этого пошел на возвращение молодости. Он обновил все внутренние органы и даже клетки своего организма. Причем все жители нашего края тоже желали бессмертия

Разрушителю, но сами к бессмертию не стремились и безропотно соглашались на то, чтобы этой привилегией он обладал единолично.

Каждую ночь я — тогда мне было лет восемнадцать, — одержимый страхом смерти, видел кошмарные сны, в искаженном виде отражавшие мои растревоженные мысли. В этих кошмарах Разрушитель протягивал мне пузырек с лекарством для обновления внутренних органов и клеток. Он требовал, чтобы я принял лекарство прямо на его глазах. Мне, страшащемуся бессмертия еще больше, чем самой смерти, не хотелось вызвать гнев диктатора, но я все равно отказывался от лекарства. Разрушитель хмурился, в его глазах сверкал гнев. «Ты обязан описать мифы и предания деревни-государства-микрокосма! Выпей это лекарство, и ты тоже обретешь бессмертие!» — требовал он. Окружавшие нас люди с воспаленными глазами внимательно следили за тем, как Разрушитель принуждает меня выпить снадобье…

В преданиях нашего края говорилось о Разрушителе как о специалисте в области лингвистики. Достоверно известно, что он приказал одному из юношей создать новый оригинальный язык для нашего края. Это стало делом всей его жизни. Из-

бранный Разрушителем юноша, освобожденный от всяких работ и взятый на содержание деревни-государства-микрокосма, посвятил себя научным изысканиям. Занимался он этим до глубокой старости, однако нового языка так и не создал. Отчаявшись, он расклеил однажды в лунную ночь по всей деревне листки с изобретенными им самим географическими названиями, после чего исчез. Видимо, ушел в лес и умер там со стыда. Но эти изобретенные им слова остались в нашем диалекте. Я изучал их на уроках отца-настоятеля. Поскольку первая попытка создать новый язык провалилась, по приказу Разрушителя позже была предпринята еще одна.

В общем, Разрушитель представал передо мной в самых разных, противоречивых обликах.

Вернусь к рассказу о страшной смерти Разрушителя. В легенде, о которой я вспомнил, сказано, что в последние годы жизни, превратившись в тирана, внушающего окружающим только страх, он жил в одиночестве, не любимый никем, даже своими близкими. Ему давно перевалило за сто, и он, чтобы тренировать свое великанское тело, ежедневно, едва забрезжит рассвет, выходил из дому и поднимался на высоченный утес, обращенный к долине.

Разрушитель бегал там, топая так громко, что людям, спавшим в еще темных комнатах, казалось, будто в небе грохочет гром. Он разбегался перед высоченным тополем, росшим на самом краю горного кряжа, потом хватался за огромную ветвь и, перемахнув через тополь, опускался на утес — грохот при этом был такой, точно случилось землетрясение. Эти спортивные упражнения великана леденили души людей, живших в долине. А разве и сегодня снова превратившийся в великана Разрушитель не обрушивается на долину обвалом огромных камней, ломая на своем пути ветви тополей, вырывая с корнем деревья? Однако воспрепятствовать тренировкам Разрушителя, которые доставляли окружающим беспокойство, было немыслимо. Ведь к тому времени никто из долины и горного поселка не находил в себе смелости заговорить с ним. Разрушитель после физических упражнений на рассвете внимательно озирал окрестности, чтобы выяснить, не вторгся ли враг извне, не нарушен ли порядок в долине и горном поселке, а потом, словно потеряв всякий интерес к тому, что касается повседневной жизни людей, пересекал Дорогу мертвецов, углублялся в девственный лес и долго бродил по нему, возвращаясь в долину

уже затемно. Женщины по очереди готовили ему еду, несли ее к Дороге мертвецов и ставили у горного источника на огромный плоский камень, который мы, сестренка, называли в детстве «столовой Разрушителя». Еды приносили неимоверное количество — ведь она предназначалась для великана, который постоянно занимался физическими упражнениями. Приготовление еды тяжелым бременем лежало на плечах женщин долины и горного поселка. В последние годы жизни Разрушитель относился ко всему с полным безразличием. Начать с того, что он забыл человеческий язык, зато освоил тот, на котором говорила окружающая природа, — это был язык лесов и гор. Не забывай, сестренка, что Разрушитель был специалистом в области лингвистики.

В поисках контакта с Разрушителем, отдавшим предпочтение языку лесов и гор, покрывающих весь наш край — обращенный к долине горный кряж и склоны гор, которые замыкали горную впадину, — люди не стали переучивать его языку долины и горного поселка, а пошли по пути, который показался им проще, — сами освоили язык окружающей их природы. Неужели же они добровольно взвалили на себя это бремя? А может быть, наоборот: поскольку Разрушитель

проявлял теперь полное безразличие к людям, то и они ответили ему тем же, прекратив с ним всякое общение? С тех пор прошло уже очень много лет, и отец-настоятель — человек хоть и пришлый, но всю свою жизнь отдавший сбору мифов и преданий деревни-государства-микрокосма, — однажды глубокой ночью поднялся к Дороге мертвецов и стал ходить по ней взад и вперед, издавая рев — так он пытался приобщиться к языку Разрушителя. Я думаю, что именно посредством этого рева ему удалось установить контакт с Разрушителем, пребывавшим в пещере в состоянии спячки и сжавшимся до размеров гриба, и с твоей помощью — ведь тебя он с детства прочил в жрицы Разрушителя — вернуть его к жизни.

Неужели же в тот период, когда Разрушитель стал игнорировать язык нашего края, созданный под его собственным руководством, и постепенно прекратил всякое общение с людьми, созидатели не попытались выступить посредниками между ним и жителями долины и горного поселка? Старики, которым тоже перевалило за сто, превратившиеся в великанов под стать Разрушителю, фактически были лишены возможности что-либо изменить. Некоторые легенды утверждают, что еще до того, как обозначился полный

разрыв Разрушителя с людьми, старики все до единого уже исчезли из нашей долины. Может быть, сам Разрушитель на исходе своего богатырского века порвал с соратниками, с которыми вместе начинал строить новый мир, и постепенно расправился с ними? Созидателям уже перевалило за сто, но они еще были полны сил, как и подобает великанам. Они могли выдержать все, даже каторжный труд. И их водворили в те самые пещеры в горах, чуть ниже Дороги мертвецов. Надсмотрщиком над ними мог стать лишь тот, кто ни в чем не уступал созидателям-великанам, то есть только Разрушитель. Это подтверждается тем, что Разрушитель, ежедневно с рассветом поднявшись в горы, углублялся в лес — так он до заката мог следить за работой созидателей.

В преданиях говорится, что приготовление еды, которую изо дня в день нужно было приносить в «столовую Разрушителя» у Дороги мертвецов, изнуряло женщин долины и горного поселка, и в конце концов они проникли к нему неприязнью; но ведь если бы им пришлось готовить еду лишь для одного Разрушителя, это не было бы столь обременительно. Скорее всего, они обязаны были готовить еду и для созидателей, обреченных на каторжный труд.

Разумеется, готовить еду для всех созидателей было нелегко, но если бы их труд приносил жителям долины и горного поселка хоть какую-то пользу, то женщины, несмотря на полное изнурение, не испытывали бы к Разрушителю такой неприязни и даже отвращения. А то ведь работа, которой он заставил заниматься созидателей, в глазах жителей долины и горного поселка была совершенно бессмысленной. Вот как относились они к работе, которую великаны-созидатели смогли завершить только благодаря тому, что трудились без устали с утра до ночи.

Вспомни, сестренка, — что создано в нашем крае? Кроме Дороги мертвецов ты не назовешь ничего. Той самой Дороги мертвецов, что построена под руководством Разрушителя основателями нового мира. Созидатели хотя и не разделяли идеи Разрушителя строить Дорогу мертвецов — они ненавидели тирана, захватившего власть, — но тем не менее послушно исполняли его волю.

Те, кто, не помышляя о сопротивлении, подчинились власти тирана, в один прекрасный день узнали, что тиран бессмертен или, уж во всяком случае, проживет дольше, чем любой из них. Как тут было не прийти в отчаяние? Под надзором Разрушителя, сосредоточившего в своих

руках абсолютную власть, созидатели оказались вынужденными строить Дорогу мертвецов — назначение ее было известно одному Разрушителю. Ожесточение и ненависть к нему жителей долины и горного поселка, которые влачили жалкое существование, жертвуя всем во имя продления жизни созидателей, объяснялись главным образом безнадежностью их положения.

Дорога мертвецов — дорога в никуда. Даже если она предназначалась для прогулок, добраться до нее из долины было не так-то просто. Дорога мертвецов. Хотя название это было дано ей еще в древние времена, ни одна легенда не объясняет, почему ее назвали именно так. Дорога мертвецов. Если рассматривать ее с чисто эстетической точки зрения, она была совершенна — воплощение прочности и надежности. В детстве ни в долине, ни в горном поселке я, пожалуй, не видел ничего прекраснее. К тому времени амбар для хранения воска, построенный в самом центре долины, когда наш край процветал, являясь главным производителем воска в стране, тоже стал примечательным памятником культуры. Один из наших братьев после войны там танцевал, нарядившись женщиной, — подмостки и дорога

цветов[23], которые привели его к огромному успеху и определили всю его дальнейшую жизнь, были сооружены в этом самом амбаре. В нем же располагалась очень удобная по своему местоположению — теперь разрушенная — уборная: сквозь щели в ее потолке подростки с вожделением подглядывали за тобой, любуясь твоими цвета сливочного масла ягодицами, такими блестящими и округлыми. Так вот, даже по сравнению с этим амбаром для хранения воска, игравшим столь важную роль в моей духовной и эмоциональной жизни в детские годы, Дорога мертвецов представлялась мне намного совершеннее. В детстве я ставил ее в один ряд с огромными обломками скал и глыбами черной окаменевшей земли, взорванными в период созидания нашего края. Дорога мертвецов была выложена камнями, отесанными руками людей, но она являла собой воплощение совершенства, как сама природа, и так же, как простиравшийся за нею девственный лес, олицетворяла незыблемость, рассчитанную на всю бесконечность времени.

Ты, сестренка, наверное, помнишь лекцию о Дороге мертвецов, которую прочли в большой

[23] Примечания: 23

В театре кабуки так называется помост, проходящий через зрительный зал, по которому актеры выходят на сцену.

аудитории нашей школы дед Апо и дед Пери, стремительно сменяя друг друга у классной доски, точно игроки в парном пинг-понге. Во время войны никаких развлечений не было, и поэтому их лекция вызвала огромный интерес — люди толпились даже в коридоре; но после окончания и старики, и дети — все раскритиковали их сообщение. Дед Апо и дед Пери, эвакуировавшись к нам, узнали от детей о Дороге мертвецов и буквально лишились покоя — так она их заинтересовала. Применив свои специальные знания по небесной механике, они произвели топографическую съемку. Открытие свое они сделали сначала чисто интуитивно, и оно подтвердилось научными изысканиями. Они даже не сомневались, что жители долины и горного поселка единодушно согласятся с ними — таков был склад характера у этих близнецов, специалистов по небесной механике.

Результаты обследования Дороги мертвецов, проведенного дедом Апо и дедом Пери, были подробно доложены собравшимся. Излагая их сообщение, я буду основываться не на своем детском восприятии, а на записках, составленных отцом-настоятелем, который пришел послушать их лекцию. Дорога мертвецов, проходящая по

нижней кромке леса, окружающего горную впадину, огромным эллипсом разделяет ее склоны на две части. Она внезапно начинается в некой произвольно выбранной точке и так же внезапно обрывается, причем в начале и в конце камни уложены особенно тщательно: потрачено немало усилий, чтобы предотвратить разрушение — ясно, что укрепление дороги с двух концов планировалось с самого начала. Ширина ее выложенного камнем полотна кое-где менялась, но, везде точно следуя естественному рельефу местности, она по всему горному склону была проложена строго горизонтально. Такая работа могла быть выполнена только при высочайшем уровне специальных знаний и технического мастерства. Однако люди, участвовавшие в строительстве дороги, прокладывали ее только по кромке девственного леса, будто утаивая от посторонних свои знания, и никаких следов аналогичных сооружений в этих местах нет. Почему? С какой целью прокладывалась дорога?

Поскольку сообщение деда Апо и деда Пери не раскрыло тайну, которая интересовала жителей долины и горного поселка, они обрушили на докладчиков поток вопросов, и оба специалиста по небесной механике превратились в объект для

насмешек. И лишь меня одного взбудоражили слова, обращенные к нам близнецами-учеными, вызвав прилив энергии. В основе такой реакции лежало подтверждение учеными того факта, что Дорога мертвецов была вымощена идеально. Этот факт, обнаруженный учеными, дал импульс моему воображению. В ту ночь в нашем доме, стоявшем в самом низком месте долины, намного ниже Дороги мертвецов, я весь в поту валялся на своей узкой кровати, представляя, как с небесной высоты прямо на горную впадину смотрит некое громадное существо. В полнолуние и в такое время года, когда деревья, растущие над Дорогой мертвецов, еще не заслоняют ее своей пышной кроной, эта совершенно горизонтальная дорога отражает лунный свет и кажется сверкающей рекой. Может быть, она служила ориентиром для пришельцев из космоса? Во всяком случае, мучась бессонницей, я представлял в своих мечтаниях именно это. Я представлял себе соратников Разрушителя, которых он запер в пещерах, а потом обрек на каторжный труд и заставил завершить строительство выложенной камнем дороги, затеянное по его собственному, тщательно продуманному замыслу. А в тот день, когда эти великаны, которым перевалило за сто, заверши-

ли работу, он построил их в шеренги и отправил маршировать по идеально ровной дороге. К полуночи тела созидателей начали стремительно сокращаться, терять очертания, превращаться в бесплотных призраков и в конце концов, став совершенно прозрачными, растворились в воздухе. Не послужила ли Дорога мертвецов для созидателей, которым не дано было умереть собственной смертью, своего рода взлетной полосой, откуда они взмыли в тихое безмятежное небытие?

Можно ли утверждать, что, сгоняя созидателей на каторжный труд, Разрушитель не рассчитывал именно на это? Отчаяние народа, сообразившего, что человек, который тиранит их, бессмертен, было беспредельным, но и самого тирана, узурпировавшего власть, может быть, мучили кошмары оттого, что его прежние соратники, которых он запер в пещерах, тоже бессмертны. Разве я не прав, сестренка? Даже если ты, став по воле отца-настоятеля жрицей Разрушителя, все еще не одобряешь того, что я называю его тираном.

8

В ходе движения за возврат к старине были сожжены не только дома и амбары столетней постройки. Огонь с подожженных строений

перекинулся на приусадебные сады и рощи на склонах холмов за деревней. Девственный лес уберегла от пожара Дорога мертвецов. И поскольку она не была достаточно широкой, чтобы служить противопожарной полосой, люди уверовали в ее магическую силу. В наше время все, даже дети, были убеждены, что Дорога мертвецов действительно обладает магической силой. Огонь, спаливший всю растительность на склонах холмов от долины до самого леса, возродил плодородную землю, истощенную столетней пахотой, и на этом же огне перегорел энтузиазм участников движения за возврат к старине. В очень короткий срок руководители движения были смещены, а Узница заключена в пещеру, и ее деяния в период неограниченной власти разоблачены. Но неужели же все завоевания этого носившего революционный характер движения были сметены противотечением реакции? Пытаясь выяснить это в преданиях, я, сестренка, наткнулся на легенду, раскрывающую тайну укрывшегося Разрушителя. Это поистине удивительное предание. Пожалуй, оно смахивает даже на сказку; ты, сестренка, тоже должна была его слышать. В период реакции, наступившей после того, как прекратилось движение за возврат к

старине, снова стали строить индивидуальные дома, многие семьи воссоединились, и за ними признали право на личную собственность. Однако далеко не все в деревне-государстве-микрокосме вернулось в прежнее русло. Земля была переделена между новыми лидерами, свергшими Узницу и остальных руководителей. Размещение индивидуальных домов, выбор занятия — все это решалось в соответствии с новыми установками, и в каждом случае отдельно. В так называемый период реакции основной заботой людей было приведение в порядок пахотных земель, изрытых и опустошенных в ходе движения за возврат к старине.

Главным пунктом стало обобществление площади в центре долины — классическое выражение реорганизации, призванной в новой форме обозначить направление революции, именовавшейся прежде движением за возврат к старине. Огражденная площадь, включая то место, где до сих пор стоит амбар для хранения воска, была объявлена центром долины — в прежние времена вся эта общественная земля служила местом сушки очищенного воска. Здесь же был построен огромный амбар, который можно рассматривать как прототип амбара для хранения воска.

Зачем же построили этот огромный амбар? Может быть, поскольку в ходе движения за возврат к старине были сожжены все индивидуальные дома, амбар, пока их не отстроили, служил для совместного жилья? Но разве люди, пережившие безумие движения за возврат к старине, не испытывали неприязни к идее совместного проживания в период реакции? Видимо, рассматривая амбар как временное пристанище, они пошли на то, чтобы жить вместе, но зато воссоединившимися семьями. Эти люди объединились по собственной, а не по коллективной воле, господствовавшей во время движения за возврат к старине, они собрались и построили на площади, являющейся общественной собственностью, огромный амбар. Позже в этом амбаре после долгого отсутствия поселился Разрушитель, которого все считали давно умершим.

Впервые услыхав от отца-настоятеля эту легенду о Разрушителе, я воспринял ее, сестренка, как нечто совершенно естественное, чем вызвал его недоумение. Но в детстве со мной такое случалось нередко — я постоянно вбивал себе что-нибудь в голову. Еще когда мне было лет пять, я выходил на деревенскую улицу и босиком, пачкая ноги в пыли, играл в классы, убедив себя, что мальчик,

умерший, когда ему было столько же лет, сколько мне, наконец вернулся и снова играет со мной. Чтобы не вызывать недоумений, я с горестным видом опускал голову — как-никак ребенок умер, — но при этом стоило мне заиграться, и он, живой и невредимый, снова оказывался рядом со мной. В годы, когда меня обучал отец-настоятель, такое случалось со мной нередко.

9

Прошло много времени с тех пор, сестренка, как в амбаре, на земле, являвшейся общественной собственностью, снова поселился Разрушитель, и вот появились люди, которые вознамерились убить его, и убить так, чтобы он уже никогда больше не возродился. Им, видимо, стало невмоготу терпеть тяжелые притеснения со стороны бессмертного. Немало людей выступало с таким страшным требованием. В конце концов Разрушитель в самом деле был убит, и для того, чтобы он не возрождался снова, а если бы возродился, то не великаном, а как некая субстанция, растворенная в обитателях этой отрезанной от мира горной впадины, жители долины и горного поселка разрезали тело мертвого великана, разделили на всех, и каждый, начиная со стариков и кончая

младенцами, съел по кусочку.

Я бы хотел, сестренка, чтобы ты еще раз вспомнила окаймленную лесом пылающую чашу, изображенную на картине ада. Там есть сцена, выполненная в обратной перспективе, где черти с огромными ножами и бамбуковыми палочками в руках режут мясо на кухонной доске. На всех картинах ада, кроме той, которую я видел в нашем храме, есть подобные сцены, но там возле кухонной доски свалены головы многочисленных грешников. Иногда грешники, ожидая своей очереди, сидят на корточках рядом с чертями, исполняющими роль мясников. И лишь на картине ада в нашем храме не видно ни единого печального грешника — там около кухонной доски лежит лишь одна отсеченная голова. Но зато на доске черти режут огромный кусок мяса! Я думаю, эта сцена соответствует легенде, в которой рассказывается о том дне, когда Разрушителя убили и тело его разрезали на столько частей, сколько жителей было в нашем крае — каждый съел по куску.

В легенде об убийстве Разрушителя на сцене появляется человек по прозвищу Сиримэ — когда план убийства Разрушителя, одобренный всеми жителями долины и горного поселка, приобрел

конкретные очертания и должен был вот-вот осуществиться, он сам был убит опередившим его Разрушителем. Те, кто пересказывал эту легенду, объясняли, что прозвище «Сиримэ» восходит не к выражению «сиримэ ни какэру» — «смотреть свысока», а к другому «сиримэ», означающему «задоглазый». Мы, дети, и в самом деле ради забавы часто рисовали на земле человека, у которого между ягодицами торчал глаз. И представь себе, сестренка, лет пять назад я воочию увидал человека, которого рисовал в детстве. Однажды, поплавав в бассейне нашего клуба, я шел в сауну. Оттуда мне навстречу как раз выходил мужчина. У горячей двери он чуть посторонился, уступая дорогу, и тут из его тощего зада на меня уставился глаз. Этот сам по себе абсолютно ничего не выражающий глаз делал зад мужчины похожим на лицо, и на этом лице-заднице словно застыла вульгарная и злая улыбка. Меня взяла оторопь. Я вдруг поверил, что передо мной Сиримэ-задоглазый.

Думаю, сестренка, что в мифах и преданиях нашего края, повествующих об убийстве Разрушителя — самом отвратительном, мерзком злодеянии, — в упоминании о ничего не выражающем глазе, выглядывающем из улыбающегося

зада человека, совершившего это преступление, заложен некоторый заряд комизма. Все объясняется до смешного просто: человек, разработавший план убийства Разрушителя, страдал геморроем, отчего из его улыбающегося зада и выглядывал глаз; наверное, и мужчина, с которым я встретился в бассейне, был болен тем же. Последние годы Разрушителя, который, несмотря на свой столетний возраст, был вполне крепким — все были уверены, что он и в самом деле бессмертен, — пришлись на период, когда движение за возврат к старине еще не началось и никто не ходил обнаженным; один только Задоглазый не носил даже фундоси, и его улыбающийся зад, из которого выглядывал глаз, был весь на виду — я отчетливо представляю себе, как Сиримэ шествует по деревенской улице. Задоглазый был, по-моему, деревенским дурачком, которых мы в детстве немало повидали в нашей долине. Если учесть, что он стоял на самой низкой ступени деревенской общины, то нетрудно понять, почему еще до того, как выполнить свою мерзкую роль, Задоглазый сам был убит им же придуманным способом.

Однако, что все-таки заставило людей такое серьезное дело, как убийство Разрушителя, по-

ручить деревенскому дурачку? А то, сестренка, что в отличие от Разрушителя, стоявшего над всеми в нашем крае, Задоглазый был человеком, которому не нашлось места даже в самых низших слоях общины, что делало его совершенно независимым, и, таким образом, эти двое противостояли друг другу как два полюса. В детстве мы считали деревенского дурачка жалким, ничтожным созданием, но, в общем-то, подобное представление было так или иначе связано с тем, что Разрушителя уже давным-давно не было с нами. Ведь если высшие сферы лишаются выдающегося человека, не может не измениться и характер тех, кто принадлежит к низшим слоям. Не явилось ли исчезновение из наших мест самых заурядных деревенских дурачков симптомом, даже доказательством от обратного, упадка деревни-государства-микрокосма? Разумеется, теперь, когда Разрушитель возродился после долгой спячки, должен появиться и противостоящий ему деревенский дурачок. А может быть, именно мы с тобой — такие несовременные: я, посвятивший себя описанию мифов и преданий нашего края, и ты, выполняющая роль жрицы Разрушителя, — и являемся этими деревенскими дурачками?..

Я предполагаю, что и Задоглазый, будучи человеком, который, как бы сталкивая высшее и низшее начала, противопоставил себя Разрушителю, должен был тоже приближаться к столетнему возрасту и быть великаном, оставаясь при этом деревенским дурачком. Лет тридцать назад заезжий учитель, работавший в нашей школе, так объяснял встречающееся в «Описании земли и нравов в древности» выражение «мушиные хлопоты»: это когда мухи бестолково летают взад и вперед. И вдруг класс, который как раз жужжал, точно мушиный рой, разом притих — учитель даже растерялся, не поняв, что произошло. Дело же было в том, что мы, еще совсем дети, вспомнили «мушиные хлопоты» вокруг Задоглазого, и у каждого из нас тревожно сжалось сердце. Вокруг Задоглазого, вечно грязного деревенского дурачка, всегда роились мухи, и, когда он шел по деревне, казалось, плывет серое мушиное облако. Ничего удивительного — он, должно быть, источал ужасную вонь. В исходившем от него зловонии был и некий символический смысл. Задоглазый источал смрад болотистой низины, омытой пятидесятидневным ливнем, разразившимся после того, как Разрушитель взорвал огромные обломки скал и глыбы черной

окаменевшей земли. Если бы то зловоние не было уничтожено, новый мир в нашей долине никогда не возник бы. Разрушитель был вождем, который, вступив в единоборство со зловонием, создал деревню-государство-микрокосм, но остатки зловония все эти годы таились в долине как некая темная сила и наконец, олицетворенные Задоглазым, снова выступили против Разрушителя.

Когда Разрушитель уничтожил зловоние, скопившееся в болотистой низине, и создал деревню-государство-микрокосм, он был еще молодым. А в конце своей жизни (по крайней мере в конце одной из своих жизней) ему снова выпало сражаться со зловонием, на сей раз принявшим человеческий облик. Скопища мух облепляли смердевшего Задоглазого, и всякий раз, когда они слетали с его улыбающегося зада, оттуда, точно насмехаясь над людьми, выглядывал лишенный всякого выражения глаз. Деревенский дурачок, одного роста с Разрушителем, был единственным великаном, способным противостоять ему. И люди замыслили его руками — руками самого отвратительного в долине и горном поселке существа — избавиться от того, кто, будучи бессмертным, столько лет продолжал их тиранить, от человека, который, обрекая себя на одиноче-

ство деспота, заперся в амбаре и никого к себе не допускал.

Еще в ходе разработки этого отвратительного плана, который должен был осуществить Задоглазый, жители долины и горного поселка знали о предстоящем убийстве. И на заключительном этапе подготовки все, начиная со стариков и кончая детьми, окунулись в гнетущую атмосферу позора — ведь фактически каждый из них становился соучастником преступления. Однако могли ли они в действительности покончить с Разрушителем? Чем призрачней казалась такая возможность, тем невыносимее было терпеть бесконечное владычество Разрушителя — именно поэтому коллективное стремление избавиться от него крепло день ото дня. Началась массовая истерия: поголовно все жители долины и горного поселка были охвачены одним желанием — как можно скорее убить Разрушителя, чтобы самим не оказаться его жертвами. Причем тут же поползли страшные слухи, будто замысел их стал известен Разрушителю и тот готовит такое ужасное возмездие, какого они и представить себе не могут. Провал плана уничтожения Разрушителя и тяжелое положение, в котором оказались в результате жители долины и горного поселка,

привели к тому, что вся ненависть обрушилась на Задоглазого, который медлил с осуществлением плана…

В конце концов его вынудили перейти к решительным действиям. Не сделай он этого, его самого бы растерзали, хотя, откровенно говоря, он был в любом случае обречен — ведь он покушался на жизнь самого Разрушителя. Таким образом, Задоглазый как слепое орудие зла приступил к последнему этапу осуществления плана. В предпринятых действиях сказался весь характер Задоглазого: он по своему обыкновению все сделал шиворот-навыворот, но при этом точно попал в цель. Какая сила способна уничтожить Разрушителя, мог знать лишь сам Разрушитель, поскольку в деревне-государстве-микрокосме он был приравнен к богу. К нему и направился Задоглазый со своим вопросом…

Источая зловоние, весь облепленный мухами, с третьим глазом, бесстрастно глядевшим из улыбающегося зада, деревенский дурачок среди суматохи, поднятой жителями долины, которые, испугавшись содеянного, помчались к Разрушителю доносить о готовящемся убийстве, преспокойно направился к Разрушителю, укрывавшемуся в огромном амбаре и не желавшему

никого видеть. Задоглазый со скрипом распахнул давно не растворявшиеся двери и закричал во тьму:

— Хозяин, я хочу вас кое о чем спросить!

Разрушитель встретил его радушно, как старого приятеля. Он любезно сообщил Задоглазому, что убийство можно легко осуществить, если сделать крепкий отвар из трав, которые он сам много лет выращивает на своей плантации, и даже научил, как выбрать необходимые ядовитые растения. Задоглазый направился вверх по реке, которая начиналась в лесу и протекала по долине, добрался вместе с облепившим его сонмищем мух до плантации и целый день собирал указанные ему травы. Пока он там махал серпом, мухи, облеплявшие его тело, надышались ядовитых испарений и все до единой попадали на землю. Взвалив на плечи скошенную траву, Задоглазый возвратился в долину и в огромном котле сделал ядовитый отвар. Однако никто не знал, достаточно ли он крепок, чтобы отравить Разрушителя! Может быть, Разрушитель просто разыграл Задоглазого? Чтобы убедиться в эффективности отвара, Задоглазого, тоже великана, заставили испробовать его на себе.

Убитого фактически с общего согласия жителей

нашего края Задоглазого, словно погребальным саваном прикрытого опять налетевшими мухами, унесли в девственный лес за Дорогой мертвецов и там бросили. А ядовитый отвар влили в пищу, которую женщины долины и горного поселка ежедневно относили укрывшемуся в амбаре Разрушителю, он съел ее и умер. Вот почему святое для жителей нашего края место — заложенная Разрушителем плантация, обеспечивающая всех лекарствами, — было предано проклятью жителями долины и горного поселка как источник яда, которым был отравлен Разрушитель.

10

Тело Разрушителя было роздано по кусочку и съедено всеми жителями нашего края; отец-настоятель всякий раз, когда рассказывал мне, как поедали Разрушителя, восклицал восторженно:

— Это было волнующее зрелище!

Слыша, с каким жаром он это говорил, трудно было ему не поверить. Но главным, что, на мой взгляд, делало зрелище таким волнующим, были отнюдь не действия тех, кто добровольно взялся за столь ответственное дело: разрезать тело Разрушителя на мелкие кусочки и раздать

их всем жителям долины и горного поселка. Для меня волнующим было само огромное тело Разрушителя — огромная глыба сочащегося кровью мяса, нарезанная на мелкие кусочки: по числу жителей нашего края.

В торжественном поедании Разрушителя приняли участие все жители долины и горного поселка. Грудным младенцам мясо растирали в кашицу. Беззубые старики жевали его деснами и, размягчив, проглатывали. Правда, когда необъятную тушу этого великана разделили между всеми жителями, каждому перепало не так уж много. В теплый солнечный полдень люди покинули свои дома и, выстроившись вдоль дороги, не спеша поедали доставшиеся им куски, наблюдая за тем, как едят соседи. В одной из легенд сообщается, что, стараясь продлить несказанную радость, вызванную уничтожением бессмертного тирана, они нарочно долго, со смаком пережевывали мясо, точно жевательную резинку. В этой ритуальной трапезе, безусловно, проявилась первобытная вера в то, что через плоть и кровь Разрушителя можно овладеть частицей могущества великана.

В другой легенде, впрочем, сказано, что люди скорбели о своем убитом вожде, воспетом в

мифах и преданиях, и съели его будто бы лишь потому, что стыдились совершенного убийства. Даже собаки, прибежавшие подлизывать кровь, капавшую с губ поедавших мясо Разрушителя, поджимали хвосты и жалобно выли — так велика была скорбь, в которую погрузился весь наш край. И каждый, поедая мясо отравленного Разрушителя, хотел одного — тоже умереть от яда…

Однако независимо от того, были ли люди охвачены радостью или подавлены стыдом и скорбью, то, что они пережили, явилось для них, несомненно, встряской. Но вскоре после того, как съели Разрушителя, жителей долины охватило чувство глубокой апатии. Правда, сейчас проследить причинную связь явлений, вызвавших апатию и утерю аппетита, невозможно, но тогда все были убеждены: причина кроется в том, что люди ели мясо Разрушителя — ведь случилось это и в самом деле после того, как каждый съел свою порцию. Все жители долины и горного поселка вдруг стали есть в десять раз меньше. Отвращение к пище продолжалось три года. В таком замкнутом сообществе, как наш край, подобное положение не могло тут же не сказаться на укладе жизни. Поскольку теперь достаточно было производить всего одну десятую тех про-

дуктов питания, которые производились прежде, требовалось значительно меньше затрат труда. А поскольку люди стали потреблять мало пищи, снизились и их физические возможности. Они теперь почти не работали и целые дни проводили в горьких раздумьях о трагической участи забытой всеми деревни-государства-микрокосма, окруженной девственным лесом, который отрезал ее от внешнего мира. Не только старики, что было бы естественно, но и люди в расцвете сил, в том числе молодежь, и даже дети тысячу дней носили траур по Разрушителю. Все это неизбежно привело к тому, что силы природы вернули облагороженный человеком край в состояние полного запустения. Первобытный лес, перешагнув Дорогу мертвецов, повел наступление на долину: одичали некогда ухоженные посадки на склонах, пашня заросла кустарником. Оросительная система пришла в негодность. Корни растений разрушали выложенные камнем дороги. Порой даже казалось, что вновь вернулось зловоние, источавшееся болотистой низиной до того, как были взорваны огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли.

Однако когда положение в долине и горном поселке дошло до критической точки, люди

неожиданно пробудились. Толчком к пробуждению, сестренка, явился сон, привидевшийся одновременно всем. Этот сон точно указал каждому, что следует делать. В нем содержался приказ Разрушителя. На сей раз он уже не был в облике великана. Отравленный и от этого одряхлевший, уменьшившийся до размеров обыкновенного человека, Разрушитель каждому указал работу по индивидуальным способностям и наиболее эффективный способ ее выполнения. Обессилевший и истощенный до предела, Разрушитель в течение одной ночи явился всем жителям долины и горного поселка. На следующий день еще не взошло солнце, а люди, преодолев апатию, уже работали не покладая рук.

— Это было волнующее зрелище! — теми же самыми словами говорил об этом отец-настоятель.

Группа мужчин из увиденного сна узнала, что все они должны совместно заниматься одинаковым делом. Еще затемно они согласованно приступили к работе: взялись ремонтировать огромную плотину на реке, в том месте, где она, преодолев узкую горловину — там еще и поныне громоздятся остатки взорванных Разрушителем скал и глыб черной окаменевшей земли, — широко разливается, образуя мелководье. Именно

там Разрушитель развел речную рыбу, чтобы обеспечить необходимое количество белка в питании, — под плотиной, преграждавшей путь всему, что плыло по реке и могло в низовье обнаружить существование нашего края. За три года заброшенная плотина пришла в полную негодность и нуждалась в срочном ремонте. Расчистка шлюзов позволила рыбе подняться вверх по реке, и теперь на мелководье рыбы было столько, что женщины и дети ловили ее бамбуковыми корзинами. Отдавая все силы работе, люди, к которым после ночного явления Разрушителя снова вернулся аппетит, с жадностью набросились на рыбу. Они и сами теперь были потрясены тем, что позволили себе забросить плотину на целых три года, проявив такое преступное безразличие к главному — мерам предосторожности, которые обеспечивали безопасность нашего края, то есть к сокрытию от внешнего мира следов своего существования.

Сбросив с себя оцепенение, люди поразились еще одному факту: девственный лес, мощно шагнув за Дорогу мертвецов, захватил сельскохозяйственные угодья и даже проник на территорию самой деревни-государства-микрокосма. Протерев глаза, которые в течение трех

лет пустых грез и праздности изо дня в день были бессмысленно устремлены в полутьму, они увидели, что лес одолел уже и их собственные жилища. Дома были оплетены лианами, балки подгнили, между ними проглядывали побеги каких-то невиданных растений. Вода в колодцах зацвела, некоторые и вовсе пересохли.

Ко всем этим бедам прибавилась, сестренка, еще одна неприятность: хурма, груша, каштан, слива, еще с периода основания нашего края прекрасно плодоносившие благодаря заботам Разрушителя, утратили свои прежние качества, стали давать мелкие, сморщенные, почти несъедобные плоды и в конце концов одичали. Может быть, не в такой степени, как с плодовыми деревьями, но нечто подобное происходило с рисом и другими зерновыми. Собаки, отвыкшие кормиться возле людей, довольствовались чем попало, постепенно дичали и переселялись ближе к опушке леса. От них, наверное, и пошли те самые дикие собаки, которые до сих пор обитают в наших местах, — помнишь, сестренка, в детстве одна укусила тебя у Дороги мертвецов?

Противясь наступавшей разрухе, люди, следуя указаниям Разрушителя, полученным во сне, сообща взялись за работу. Здесь в легендах возника-

ет полная путаница: в некоторых коллективный труд, призванный возродить деревню-государство-микрокосм, переселение и движение за возврат к старине накладываются друг на друга и рассматриваются как единый процесс. Для того чтобы возродить нашу долину, пришедшую в запустение, люди, следуя указаниям Разрушителя, явившегося им во сне, приступили к коллективным работам. Это начинание сопровождалось, конечно же, и перестройкой человеческих отношений, как это было в период переселения. Для того чтобы заставить лес снова отступить за Дорогу мертвецов, необходимо было устраивать огромные палы. Каждый раз, когда вырабатывался новый план — это тоже делалось по указанию являвшегося во снах Разрушителя, — естественно, выдвигался и новый лидер, действовавший от его имени, как это делала в свое время Узница.

В ходе работ по восстановлению деревни-государства-микрокосма формировалось, разумеется, и новое руководство, а предыдущие лидеры подвергались критике за перегибы и произвол, и их либо заключали в пещеру, как Узницу, либо ссылали в лес. На каждом этапе новых потрясений к руководству приходили все более консервативные люди, которые исправляли

ошибки, допущенные в ходе предыдущих реформ, и созидательная работа возобновлялась. Отстраивались разрушенные индивидуальные дома, был огражден участок общественного пользования в наиболее удобном месте долины, где соорудили огромный амбар. Прошло немало времени, и в нем вновь поселился великан Разрушитель — только в этом огромном здании он и мог поместиться. И хотя его новому воцарению предшествовало долгое отсутствие, он, кажется, даже не вспоминал о том периоде, когда его не было в долине. А жители долины и горного поселка о том, что было время, когда Разрушитель отсутствовал, тоже помнили лишь по мифам и преданиям, слышанным от отцов и дедов.

11

После того как отец-настоятель выгнал жену из деревни, в нашем доме, стоявшем в самой низкой части долины, так что во время наводнений река мутным бурлящим потоком подступала прямо к крыше, остались без присмотра пятеро детей: два старших брата, мы с тобой, близнецы, и младший брат. А отец-настоятель уединился в храме Мисима-дзиндзя, возвышавшемся над долиной, и там, завалив себя материалами и документами

о мифах и преданиях нашего края, занимался исследованиями, доверенными ему, чужаку, нашими стариками. Мне он определил роль летописца, человека, который должен описать изученные им мифы и предания, а тебя решил сделать жрицей Разрушителя.

Среди материалов, собранных отцом-настоятелем, в детстве у меня наибольший интерес вызывали свитки — повествования в картинках, и он, зная об этом, каждый раз, призвав меня к себе для очередной порции нравоучений, заодно подсовывал эти повествования.

Иногда необходимость, продиктованная исследованиями, заставляла его перерисовывать картинки из плохо сохранившихся свитков. Среди многого, что я у него видел тогда, была копия одного такого свитка. В то время он, используя разведенную черную тушь и немного красной, перерисовывал на длинную полосу рисовой бумаги картинки, рассказывающие о жизни Разрушителя. До сих пор я считал, что он их перерисовывал, но я не помню, были ли у него оригиналы, и не исключено, что свиток представлял собой творение самого отца-настоятеля, который, питая страсть к рисованию, случалось, даже сам раскрашивал в праздники ритуальные стяги. Но с другой сто-

роны, он испытывал такое благоговение перед мифами и преданиями деревни-государства-микрокосма, что, мне кажется, не смог бы изображать сюжет, хоть сколько-нибудь не соответствующий легенде. И если он создал свиток сам, то лишь побуждаемый стремлением, опираясь на результаты своих многолетних исследований, запечатлеть жизнь и деяния Разрушителя. В начале свитка изображались огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли — первое, что увидели поднявшиеся вверх по реке Разрушитель и созидатели. Внизу горошинками были рассыпаны люди, и, в точном соответствии с легендой, там же стояли волокуши с тяжелой поклажей, сделанные из досок того корабля, на котором они отправились в путь.

На свитке, открывающемся этой сценой, были запечатлены различные эпизоды из жизни Разрушителя. В них — будь то бег по горам вокруг долины, физические упражнения, когда он, ухватившись за ветвь тополя, перелетал через дерево, или рыбалка у запруды — Разрушитель представал то великаном, то обычным человеком, но так или иначе весь свиток был посвящен его деяниям. Однако во второй части свитка возникают загадочные превращения. Разрушитель, изоб-

раженный в первой части глубоким стариком — там ему можно дать несколько сотен лет, — постепенно молодеет и становится цветущим юношей. А в конце повествования он изображен уже младенцем в бамбуковой люльке…

Думая о спящем в пещере Разрушителе, которого ты теперь вырастила до размеров собаки, я представляю, как он — на свитке младенец в бамбуковой люльке, — не прекращая развития вспять, в конце концов превращается в семя. Место вокруг пещеры, где он пребывал в спячке, густо заросло папоротником — мы, дети, рвали его для новогоднего праздника. Может быть, семя, в которое превратился Разрушитель, в густых зарослях сохранилось для будущей жизни, как семена самого папоротника? И, возможно, то, что выглядело сморщенным грибом, представляло собой лишь оболочку для сохранения спящего семени? Потом прошло много времени, семя попало в твои «ножны», где и произошло возрождение Разрушителя.

Теперь, сестренка, благодаря тебе он возродился, он вырос до размеров собаки, и его стремительный рост уже никому не удастся остановить. И если это первый симптом возрождения нашего края, пришедшего в крайний упадок, я тем

более готов целиком отдаться описанию мифов и преданий деревни-государства-микрокосма, чтобы ты стала еще более безупречной жрицей Разрушителя.

Письмо третье
Бык-дьявол и Дух тьмы

1

В этом письме, сестренка, я хочу рассказать о себе, о своих связях с людьми, называющими себя театральными деятелями, о физической тренировке, которой я занимался. Разумеется, поскольку это письмо обращено к тебе, оно будет касаться мифов и преданий нашего края. Совершенно случайно меня познакомили с юношей, уроженцем наших мест, и он мне кое-что сообщил о тебе: будто бы ты теперь живешь вместе с Разрушителем, которого возродила и вырастила до размеров собаки. О себе он рассказал, что руководит небольшой театральной труппой и хочет поставить спектакль, основанный на мифах и преданиях деревни-государства-микрокосма. В детстве он слышал обо мне как о человеке, который хотя и не выполнил еще возложенную на него миссию, но должен когда-нибудь заняться описанием мифов и преданий нашего края, и поэтому решил просить моей помощи. Тут он сунул мне под нос в качестве приманки отпеча-

танный ксилографическим способом фолиант, содержание которого имело отношение к истории деревни-государства-микрокосма. Это была, сестренка, хроника восстания, вспыхнувшего в нашем крае, — такую книгу, помнится, я собственными глазами видел в кабинете отца-настоятеля. Довольно старая, но не представляющая особой ценности книга под названием «Повествование о борцах за народное дело в Авадзи». Сначала, как бы поддразнивая юношу, я заявил:

— Вы, наверное, взяли ее из дома или у соседей — во всяком случае, у кого-то, принадлежащего к древнему роду. А вам не говорили, что ее написал не участник восстания, а человек из призамкового города, посланный на его подавление? Что это, по-видимому, какой-нибудь самурай низкого звания?

— Нет, ничего об этом не слышал, — ответил юноша. — Как-то мы обсуждали в долине проблемы театра, и одна девушка принесла эту книгу. Она сказала, что нашла ее среди вещей, оставшихся от деда. Ее дом смотрит прямо на мост через реку — он находится как раз над дамбой, укрепляющей берег…

— Это еще ни о чем не говорит, ведь до того, как соорудили дамбу, не было, естественно, никакого

моста, — сказал я и подумал, сестренка, что мы с ним действительно люди разных поколений.

— А если «Повествование о борцах за народное дело в Авадзи» написал посторонний человек, выходит, оно не имеет никакой ценности для понимания истории нашего края?

— Во всяком случае, Мэйскэ Камэи, который в самом деле примкнул к восстанию в Авадзи и был, возможно, даже одним из его главарей, решительно настаивал, что написанное в книге — сплошной вымысел. Ему нужно было оправдать себя, вот он и принялся «разоблачать», оспаривать достоверность «Повествования о борцах за народное дело в Авадзи».

— Но ведь у Мэйскэ Камэи репутация человека самого ненадежного, самого подозрительного за все время существования нашего края. Так стоит ли придавать его разоблачениям большее значение, чем «Повествованию о борцах за народное дело в Авадзи»? К тому же Мэйскэ Камэи изображен в нем скорее как герой.

— В том-то и проблема. Его считали самым легковесным человеком со времени основания нашего края, но исходили-то при этом вовсе не из его действий в период подготовки и во время самого восстания. После разгрома восстания власти

княжества преследовали Мэйскэ как зачинщика и главаря. Ему пришлось бежать сначала в Киото, потом в Осаку. Сам побег еще не вызвал осуждения. Скорее всего, к так называемым «подозрительным» действиям Мэйскэ вынудило то, что только его одного власти продолжали упорно преследовать. Именно это преследование и легло в сюжет «Повествования о борцах за народное дело в Авадзи». Сочинение распространялось в столице княжества в период пребывания Мэйскэ Камэи в Киото, причем в нем он представал в качестве единственного главаря и зачинщика. Из чего следовало, что власти княжества просто не могли не преследовать его. Одновременно с выходом книги стали распространяться слухи о том, что Мэйскэ ведет разгульную жизнь в Киото, транжиря деньги, собранные на восстание. Скорее всего, власти княжества распространяли их намеренно. Чтобы опровергнуть слухи, Мэйскэ, захватив свои записки, то есть те самые разоблачения, возвратился в княжество. Причем не тайно, а открыто, вызывающе. И тут возник вопрос — не стояли ли за ним силы значительно более могущественные, чем власти княжества?

Не успел начаться наш разговор, как юноша полностью переключился на мифы и предания

деревни-государства-микрокосма. Беседовали мы о Мэйскэ Камэи не у меня дома и не в моем университетском кабинете, а по дороге к складскому помещению, которое молодой режиссер снимал для репетиций своей труппы. Наконец мы добрались до склада, вошли через приоткрытые двери и оказались в обществе двух актеров и одной актрисы — вот и вся труппа. Режиссеру и в голову не пришло представить меня. Может быть, у нового поколения так принято? Он застыл у дверей и посмотрел на актеров и актрису, стоявших у противоположной стены, — вот, мол, привел. Как бы отвечая на его взгляд, они взяли лежавшие у стены складные стулья — каждый по одному, — водрузили их себе на головы и уселись на корточки. Размалеванное, как у куклы, лицо актрисы удивительно не гармонировало с ее мощными кривыми ногами; она поддерживала стул руками, напрягая мышцы и раздвинув колени, отчего ее ноги казались еще более кривыми, и громко сопела, раздувая ноздри. Так же комично выглядели и мужчины: один — высоченный и худой, другой — маленький, толстенький. Сопя еще громче, чем актриса, и ни разу не моргнув, актеры выжидательно смотрели на нас с режиссером, так, словно это не они, а мы вели себя

вызывающе странно.

Я наблюдал за происходящим, полагая, что актеры продолжают прерванную нашим приходом репетицию, но вдруг — для меня самого это было неожиданно — сердце в груди у меня сжалось, и я задрожал от вскипевшего во мне гнева. Негодование заставило меня в мгновение ока мысленно перенестись в прошлое, и я увидел себя на представлении о восстании, показанном у нас до войны, и снова ощутил то самое возмущение, которое охватило тогда всех жителей нашей долины. Негодование было столь велико, что мне впору было закричать от возмущения, как это сделали тридцать пять лет назад все жители долины и горного поселка…

— Пойдемте выпьем чайку. Я огорчен, что вы так рассердились, — успокаивал меня режиссер. — Я много раз наблюдал, как остро реагируют люди на выходки моих актеров, но редко кто по-настоящему сердится. Бывало, конечно, всякое…

Сидя в закусочной, расположенной в том же помещении, но выходившей на другую улицу, я спросил у режиссера так, будто мы с ним ровесники:

— Сколько вам лет? Вы выглядите очень молодо.

— Двадцать, но это само по себе не имеет никакого значения, — ответил он. — Важно другое. Как я уже говорил, я один из последних, кто родился в нашей деревне.

Мне оставалось лишь наблюдать за его наигранными манерами, в которых сочетались продуманная твердость и ребячество, когда он подносил огонь к сигарете, зажатой в слишком красных губах на типично актерском лице с большим, выдающимся вперед носом.

— Однажды я обратил внимание на то, что в округе нет ни одного мальчишки моложе меня и, значит, никто больше не рождается. Мне даже стало как-то не по себе. Я принялся рассказывать разные небылицы о каких-то особых обстоятельствах, с которыми связано мое рождение, и среди своих товарищей — все они были старше — прослыл отпетым вруном. Например, я утверждал, что по случаю моего рождения в нашем доме собрались все старики долины и горного поселка — только что родившись, я, мол, видел это собственными глазами. Потребность рассказывать подобные небылицы была, как мне сейчас представляется, вполне естественной, и если вспомнить, что жители нашей долины и горного поселка считали себя одним родом, то именно

я, и никто другой, стал последним отпрыском этого одряхлевшего рода. В день, когда прекратился долгий ливень, Разрушитель произнес, обращаясь к созидателям, вместе с которыми он поднялся от моря вверх по реке: ну что ж, начнем строительство нового мира. Моя миссия иная, прямо противоположная — своим рождением я возвестил: ну что ж, нами закончится наш новый мир. Даже когда я был еще совсем маленьким ребенком, стоило мне подумать об этом, и на душе становилось мерзко. Смерть страшна всем, но еще страшнее она для меня — последнего человека, родившегося в нашем крае, — одна мысль о ней заставляет сжиматься сердце. Я думаю, именно это побудило меня связать жизнь с театром. Если я родился последним и после меня уже никто не появится на свет, то прежде, чем наш край перестанет существовать, нужно, решил я, хотя бы на сцене бережно воссоздать все, что там происходило…

— Перед войной один человек уже брался за пьесу о восстании, которое поднял Мэйскэ Камэи. Пьесу написал и поставил учитель — он был не из наших мест, актерами были школьники старших классов. Спектакль вызвал негодование всех жителей долины и горного поселка. Я был еще

совсем маленьким, но и для меня она прозвучала как гром. Всеобщее возмущение было так велико, что я до сих пор помню атмосферу негодования, охватившего сидевших вокруг меня взрослых. Мэйскэ Камэи, как человек легковесный, нередко подвергался насмешкам, в нашем крае об этом знали даже дети, но в пьесе он предстал одной из самых выдающихся личностей со времен созидания, уступая разве что Разрушителю. За ним признавался огромный вклад в общее дело, который независимо от того, возглавлял ли он восстание, давал основание претендовать на роль героя, тем более что Мэйскэ оказался главной жертвой гонений. Именно это было основной причиной, вызвавшей возмущение зрителей. Бежав после разгрома восстания в Осаку, Мэйскэ по дороге туда укрылся в монастыре на горе Авадзи, в провинции Сануки — не знаю, связано ли это название с названием деревни Авадзи, которое пишется, правда, другими иероглифами. Там он стал исповедовать аскетизм. Потом вернулся во владения князя и забрал из дома все деньги. Это были деньги, вырученные за землю, которую по его указанию заложили родные. Мэйскэ был лишен привязанности к земле, в период феодализма свойственной всем крестьянам,

для которых земля была святой. Забрав деньги, он снова покинул княжество и, добравшись до Киото, организовал движение против нынешних его властей. Деньги он передал регенту, покровительствовавшему монастырю, где его приучали к аскетической жизни, — поступок нелепый сам по себе, хотя и он имел под собой вполне конкретные основания. Мэйскэ надеялся получить у императора документ, удостоверяющий, что наш край возник из поместья, дарованного императором еще в период позднего Хэйана[24], и таким образом, с давних пор непосредственно подчинен императору, а власть княжества на нашу деревню не распространяется. Не знаю, был ли пожалован такой документ, но только впоследствии Мэйскэ развивал идею, что, поскольку Авадзи непосредственно подчинена императору и все ее жители — вассалы самого императора, власти княжества ничего ему, Мэйскэ, сделать не могут, более того, даже обязаны взять его к себе на службу. Вооруженный этой идеей и мечами, он вернулся во владения князя, но сразу же был арестован. Его действия, продемонстрировавшие всем, что наша долина и горный поселок отли-

[24] Примечания: 24
Период с 794 по 1192 г.

чаются от остального мира, и были причиной того, что Мэйскэ Камэи многие годы подвергался осуждению. Хотя он и пытался закамуфлировать свое предательство вполне правдоподобным объяснением, будто мы непосредственно подчиняемся императору.

— В результате получилось, что Мэйскэ Камэи отдал под власть императора наш край, который фактически был независимым. Может быть, за это его и ругают?

Выходит, он совершил предательство по отношению к нашей истории.

— Вот видите, а разве вы забыли о существующем уж многие-многие годы запрете раскрывать перед внешним миром мифы и предания нашего края? Может быть, ваше нынешнее решение инсценировать их связано с тем, что гибель нашего края, вы считаете, освобождает вас от этого запрета?

— Почему же, я прекрасно знаю о запрете. Старики против, и поэтому вряд ли мне удастся открыто говорить со сцены о мифах и преданиях нашего края, но я просто мечтаю представить их в виде пьесы и вывести в ней Мэйскэ Камэи. Вообразите, на сцене — берег реки, полная тьма, и актеры с лицами, выкрашенными черной

краской, произносят свои монологи так тихо, что даже стоящие рядом почти не слышат их. Вот как я мыслю себе эту постановку. У меня была идея реабилитировать Мэйскэ Камэи. Даже если он действительно хотел спрятаться за спину императора, он смотрел на него релятивистски, как на объект, который можно использовать в своих целях, а наш край он возводил в абсолют. Я сформулировал свои мысли уже после того, как приехал в Токио, но еще в детстве мне хотелось сделать что-нибудь для Мэйскэ. Я никогда не участвовал в играх ребят — все были старше меня, — когда они ловили и мучили речных черепах, называя их при этом Мэйскэ. Ссорясь с кем-нибудь из своих товарищей, никогда не обзывал его «тупой черепахой» только потому, что фамилия «Камэи» пишется иероглифом «черепаха».

— Почему вы с детства так привязаны к Мэйскэ Камэи?

— Потому что я принадлежу к его роду. Я потомок человека, имевшего самую дурную репутацию за все время существования нашего края.

Я заметил, сестренка, как на покрасневших скулах двадцатилетнего режиссера обозначились морщинки, каким сосредоточенным и задумчи-

вым стал его взгляд. Видимо, в глубине души он был горд и вместе с тем испытывал некоторую неловкость оттого, что принадлежал к роду Мэйскэ Камэи, хотя до сих пор он об этом умалчивал. Глядя на его лицо, я вспомнил один портрет. Написанный красками на доске и вставленный в раму, он находился за решетчатыми створками в темном углу алтаря в нашем родном доме, который быстро разрушается, поскольку в нем никто не живет — ведь ты, сестренка, возвратившись в деревню, поселилась с отцом-настоятелем в храме. Портрет называли «Мэйскэ-сан». Я попытался мысленно сравнить его с лицом юноши и сразу обратил внимание на то, что у юноши такой же характерный, крупный с горбинкой нос, как и у Мэйскэ на портрете.

— Не знаю, застали ли вы это, но в мои детские годы во всех домах стоял алтарь, и в нем был выставлен Мэйскэ-сан, ему поклонялись. Называли его Духом тьмы.

— Мне это известно, хотя мы и принадлежим к разным поколениям. Уже давно долина и горный поселок стали приходить в упадок, и в домах теперь никто ничего не меняет. Что же касается Мэйскэ-сан, то в нашей семье отмечали даже столетие Мэйскэ, умершего в тюрьме за три года

до Реставрации. А в день его рождения каждый год зажигают лампаду. Но хотя мы делаем это, Мэйскэ-сан — наше местное божество, а Мэйскэ Камэи — историческая личность, и, мне кажется, не следует их путать.

— Я думаю, в вашем доме тоже был Мэйскэ-сан — ведь и у вас за решетчатыми дверцами в глубине алтаря стоял написанный на доске портрет мужчины с волосами, стянутыми пучком на макушке. Я уверен, что этот Мэйскэ-сан вызывал у вас такое любопытство, что вы часто доставали портрет и разглядывали его.

— Вы хотите сказать, что я похож на него?

— Совершенно верно, — сознался я. — Наш дом — дом чужака, да и вообще необычный, а в последние годы в нем жили одни дети; но даже у нас, насколько я помню, портрет Мэйскэ-сан стал культовой вещью, хотя чтобы ему молились — такого не бывало. Но когда сестра, узнав, что у нее рак, покончила с собой — об этом даже газеты писали — и я вернулся в деревню приводить в порядок дела, что вообще-то не имело никакого смысла, я видел, как соседи приходят к нам, зажигают лампаду перед Мэйскэ-сан и совершают жертвоприношения. За те пять дней, которые я провел в нашем доме, я убедился, что соседские

старухи причислили Мэйскэ-сан к святым.

Я был уверен, сестренка, что юноше прекрасно известно о твоем нашумевшем самоубийстве — ты ведь была человеком знаменитым. Но режиссер промолчал — он обладал завидным самообладанием. Почему он это сделал, не знаю — то ли из деликатности, то ли не хотел отклоняться от темы нашего разговора.

— Мэйскэ-сан действительно обладал качествами, необходимыми, чтобы стать местным кумиром, но не надо связывать это с тем, что он отдал наш край под власть императора, — только и сказал юноша рассудительно.

— Вы совершенно правы. Именно потому, что Мэйскэ-сан представляет силы тьмы, противостоящие потомку Богини солнца — императору, соседские старухи молились ему, когда девушка из нашей деревни, страшась рака, бросилась в море. Я думаю, жители долины зажигали лампаду перед Мэйскэ-сан и совершали жертвоприношения совсем не ради того, чтобы молить эту темную, злую силу: да упокоится несчастная, которая, заболев раком, в отчаянии совершила такой страшный грех, как самоубийство, да оставит блуждающий дух ее нашу бренную землю. Своей молитвой эти старухи, вырастившие меня,

стремились оказать мне поддержку в моем горе. Они руководствовались, мне кажется, таким соображением: рак как противоестественное явление в природе вынуждает их обращаться не к своему исконному алтарю, а к Духу тьмы. Потому-то, я думаю, это была молитва во спасение души моей сестры, бросившейся в море с парохода. Может быть, Мэйскэ-сан как раз и есть один из тех духов, которые откликаются на такую молитву?

— Вы говорите, что на самом деле видели все это в детстве, но мне хотелось бы спросить вас вот о чем: как ставилась пьеса о Мэйскэ Камэи учениками средней школы, если им приходилось употреблять массу старинных выражений, совершенно им не понятных? Может быть, вы помните хотя бы что-нибудь из того текста?

— Конечно, кое-что помню. Однако, как мне кажется, я помню не то, что услышал тогда со сцены, а те остроты, приписываемые самому Мэйскэ Камэи, что употреблялись подвыпившими взрослыми. У меня они смешались с впечатлением от спектакля, и теперь я убежден, что в самом деле слышал их со сцены. Во всяком случае, я прекрасно помню, например, такую фразу: «Раз в три тысячи лет и человеку приваливает счастье!» Ее выкрикивал человек в походной накидке защит-

ного цвета с императорским гербом-хризантемой и в каске с символом Японии — красным восходящим солнцем. При этом он размахивал военным веером с тем же красным солнцем. Я отчетливо помню эту сцену.

— Походная накидка защитного цвета с императорским гербом-хризантемой! — с наивным простодушием, свойственным его возрасту, обрадовался режиссер. — Актового зала у школьников не было, и все, наверное, происходило на крохотной сцене. Пусть актеры еще совсем дети, но накидки с хризантемой, восходящее солнце — все это должно было произвести неизгладимое впечатление.

— К тому же Мэйскэ слева и справа сопровождали по двое слуг, которых он нанял в Киото, так что на сцене было полно народу. Какую роль выполняли слуги? Они представляли оркестр. Выкрики Мэйскэ оркестр сопровождал бешеной барабанной дробью, ударами гонга, игрой флейт. В точном соответствии с рассказами о том, что происходило на самом деле, — именно в таком виде, с такой же бравадой, с такими слугами вступил Мэйскэ в пределы княжества. Пока громыхал оркестр, парнишка с наклеенными огромными усами, исполнявший роль Мэйскэ, перекрикивая

невероятный шум, который издавали музыканты, без конца повторял: «Раз в три тысячи лет и человеку приваливает счастье!» А в это время пятеро ребят, похожих на черных птиц, стоя на коленях перед сценой, сооруженной из преподавательских кафедр, ждали нужного момента, чтобы наброситься на Мэйскэ и его свиту. Повалив их, они развернули огромное черно-белое полотнище, как саваном накрыли Мэйскэ и его товарищей и уволокли в сторону. Завернутые в полотнище актеры лежали неподвижно и безмолвно — ведь они изображали мертвых. Я перепугался. У моей сестры — мы с ней близнецы — начались судороги. Сидевшие рядом женщины повернулись к нам и, успокаивая, помнится, говорили: «Это же представление, обыкновенное представление, снимут с них покрывало, и все они снова живые!» Но все равно и у меня, и у сестры поднялась температура, и нас сразу же отвели домой. Мы уже тогда почувствовали, что все в долине и горном поселке кипели негодованием. Во всяком случае, на следующий день я был уверен в этом, и сейчас тоже уверен.

— Вы говорите о негодовании — внешне оно вполне распознаваемо, но в чем оно проявилось? Против кого оно было обращено? Скорее всего

против учителя, написавшего и поставившего пьесу?..

— Как только закончился спектакль — а солнце еще стояло высоко, — учитель бежал из деревни. Участвовавших в представлении школьников родители для вида поколотили, и те не высовывали носа из дому. Дело не ограничилось тем, что родители наказали своих детей, — все жители вышли на улицу и громко выражали свое недовольство. Деревенский полицейский никак не мог с ними справиться и запросил помощи из городка, расположенного в низовье реки. Он, видимо, вспомнил предания о восстании, происшедшем восемьдесят лет назад, и испугался, что вспыхнет новый взрыв возмущения, а там уж и до смуты недалеко. Жители долины и горного поселка продолжали толпиться на улице даже после захода солнца, хотя прибывшие на подмогу полицейские пытались разогнать их по домам. Специально для полицейских они громко кричали: «Походная накидка с хризантемой достойна благоговения! Показывать пьесу о таком человеке, как Мэйскэ, — позор!» Их возмущенные выкрики, надо полагать, свидетельствовали о крайнем почтении к гербу-хризантеме и к абсолютной императорской власти — у полицейских в об-

щем-то не было никаких оснований пресекать подобные действия. Однако когда полицейские стали спрашивать у кричавших людей, не их ли дети участвовали в представлении, те начинали юлить: мол, ребята были наряжены и не поймешь, чьи они. А когда полицейские стали проявлять настойчивость, жители деревни поворачивались и уходили, горланя: «Военная накидка с хризантемой достойна благоговения! Показывать пьесу о таком человеке, как Мэйскэ, — позор!» Но все равно у них и в мыслях не было, воспользовавшись этим предлогом, уничтожить имеющееся в каждом доме изображение Мэйскэ-сан — напротив, в ту ночь великого гнева повсюду вспыхнули лампадки перед Духом тьмы.

— В таком случае можно предположить, что это была демонстрация, призванная на волне всеобщего возмущения стимулировать силы тьмы, которые представлял Мэйскэ-сан. Благодаря спектаклю, разыгранному детьми, всколыхнулось и выплеснулось наружу то, что люди до сих пор таили в себе. Вам не известно, что представлял собой сбежавший учитель? Не знаю, сознательно или бессознательно, но он, мне кажется, уловил провоцирующую роль театрального искусства.

В день нашего первого разговора, безропотно

следуя за режиссером, который прекрасно ориентировался в здешних закоулках: «Лучше всего выйти на улицу с той стороны, где закусочная», я снова оказался в репетиционном зале. Актеры ждали нашего возвращения. На этот раз они, ловко балансируя, стояли на стульях вниз головой, задрав ноги и разведя их в стороны, — своими позами они демонстрировали нечто прямо противоположное тому, что изобразили при первом моем появлении. Почему бы мне, сестренка, не поладить с ними?

Так я установил контакт с маленькой театральной труппой, руководимой двадцатилетним режиссером.

2

Второй наш разговор, сестренка, состоялся во время тренировки, проходившей прямо на улице. Режиссер, который считал главным для овладения театральным искусством физические упражнения, что мне стало ясно с первого дня нашего знакомства, взялся тренировать человека, призванного описать мифы и предания деревни-государства-микрокосма. А за это я должен был давать ему советы относительно пьесы, над которой он работал. В общем, натянув на себя

тренировочный костюм и надев спортивные туфли, одолженные у режиссера, я последовал за ним — ничего иного мне не оставалось. С холмов, подступающих к равнине Мусаси, мы спускались к каналу, начинавшемуся от реки Тамагава. Пробираясь между густыми зарослями высокой травы, еще ярко-зеленой и нежной, между островками кустов, юноша, точно юркий танк, шел впереди, упруго ступая. Тяжело дыша и без конца спотыкаясь, я следовал за ним в туфлях на толстой резиновой подошве, в которых чувствовал себя крайне неуютно. Подойдя к каналу, он так же ловко, рассчитанным движением протиснул свое тренированное тело между металлическими прутьями, ограждавшими автомобильную стоянку от прогулочной дорожки на берегу. Замедлив шаг, юноша дал мне возможность догнать его, и мы пошли с ним рядом вдоль канала. Он все время посматривал чуть вправо и вверх. Я тоже не мог не повернуть голову в ту сторону — в его действиях было явное приглашение поступить так же. На холме, сверкая яркой зеленой листвой, виднелся ухоженный лес, кое-где высоко в небо взмывали над ним огромные стволы сосен и дзелькв.

— В вашем детстве, наверно, еще росли дере-

вья-великаны из тех, которые сажал Разрушитель, — сказал юноша ровным голосом, ничуть не задохнувшись. — И плантация лекарственных растений еще существовала…

— Когда я учился в начальной школе, мы с сестрой и товарищами ходили на плантацию — там еще что-то росло. Иногда находили кое-какие травы, правда совершенно одичавшие. Кстати, есть и легенда о периоде созидания, в которой говорится, что в верховьях горной речки Разрушитель распахал участок, заложил плантацию и систематически со знанием дела ухаживал за ней, обеспечивая жителей долины и горного поселка лекарствами.

— А я слышал, будто Мэйскэ Камэи уничтожил эту плантацию.

— Нет, это не так. Плантацию уничтожили люди, которых подстрекали власти княжества. И произошло это во время репрессий после восстания Мэйскэ Камэи — это абсолютно точно. Когда восстание было подавлено, пришлые люди из княжества уничтожили плантацию под тем предлогом, что отвары ядовитых трав с нашей плантации сливают в реку, а этой водой пользуются жители призамкового города. Взвесив все, я пришел к неожиданному выводу: может

быть, именно Мэйскэ Камэи был тем человеком, который привел в порядок давно уже запущенную плантацию лекарственных растений. В своих тюремных записках он оставил подробную классификацию трав, еще росших на плантации, заложенной Разрушителем. Вы, я думаю, видели бумаги Мэйскэ, в которых были и эти заметки?

— Во время войны то ли дед, то ли отец, стыдясь своего предка, по-своему распорядились его бумагами. Поэтому в нашем доме ничего не осталось. Плантацию лекарственных растений я и мои товарищи тоже знаем лишь понаслышке, мы туда ни разу не ходили. А деревья-великаны, особенно сосны, еще до того, как я пошел в школу, были поражены жуками-короедами и все засохли. Возможно, гибель этих сосен-великанов явилась предвестником гибели нашего края.

— И эти великаны были срублены как отжившие свой век?

— Из города, который находится в устье реки, прибыл отряд лесорубов, они приехали на огромном военном грузовике. Я не знал оккупации, но лесорубы ворвались к нам именно как оккупанты и растоптали мое детское сердце. Мы с ребятами тогда подумали: хорошо бы взрослым создать партизанский отряд и оказать сопро-

тивление лесорубам, чтобы защитить сосны. А тут в результате несчастного случая двое лесорубов погибли, и, хотя все знали, что валили они деревья-великаны в очень опасном месте, что произошел несчастный случай, — все равно поползли слухи, будто их убили в горах местные люди. То ли в отместку за эту болтовню, то ли поверив распространявшимся слухам и желая отплатить за гибель товарищей, но лесорубы, закончив намеченную работу, не ограничились соснами, пораженными жуками-короедами, а стали валить подряд все деревья-великаны, посаженные еще Разрушителем. Может возникнуть вопрос: почему же им позволили рубить совершенно здоровые деревья? Мне кажется, к тому времени у жителей долины и горного поселка уже не оставалось сил и энергии, чтобы предусмотреть такой вариант, не говоря уж о том, чтобы воспрепятствовать действиям лесорубов.

«Паршивые чужаки срубили деревья-великаны, посаженные еще Разрушителем!» — думал я, и сердце у меня леденело. Я, сестренка, конечно, знал об этом событии, происшедшем совсем недавно, но, слушая рассказ юноши, будто своими глазами увидел, как падают на землю деревья-великаны, вздымая облака пыли — точно своей

кровью залили весь наш край…

— Когда раньше мне без конца твердили, что я один из последних детей в нашем крае, я пропускал эти слова мимо ушей, полагая, что, может быть, это и не так. Да и всякий раз меня коробило оттого, что моя мать — последняя, родившая ребенка в нашей деревне, и я решительно отвергал подобные утверждения, считая их заведомой ложью. Так во всем мире говорят, мол, отныне у нас дети перестанут рождаться, — горячо спорил я с отцом. А мать, будто в глубине души стыдилась самое себя, выходя за порог дома, не поднимала глаз, ни с кем не останавливалась поговорить и старалась как можно скорее вернуться назад. До поры до времени я, правда, не отдавал себе полностью отчета в том, что являюсь одним из последних детей в нашем крае. Однако после того, как были вырублены деревья-великаны, я забеспокоился: если повергнута такая мощь, то мне не остается ничего другого, как поверить, что я один из последних сыновей нашего края. Ужасное, постыдное чувство — не иначе и мать испытывала то же, выходя на улицу. Я почти лишился сна, а когда удавалось заснуть, мне снилось, что я последний ребенок на Земле.

— Зато теперь вы превратились в человека

жизнерадостного, полноценного. Чтобы стать таким, вам пришлось, наверное, многое преодолеть в себе. Действительно, как это, должно быть, ужасно сознавать, что ты последний ребенок общины, в которой живешь.

Режиссер повернул ко мне голову рассчитанным, отрепетированным движением и посмотрел на меня как на недоумка. Я, задыхаясь, едва поспевал за ним. Видимо, его задело то, в какой форме я выразил свое сочувствие. Но все же ему хотелось, сестренка, спросить меня еще о чем-то.

— Вы знаете точно, как долго длился Век свободы, последовавший за периодом созидания? Мне хотелось узнать об этом, и я многих расспрашивал, но никто из стариков не сказал ничего определенного. Одни говорят, что Век свободы длился тысячу лет, другие — что это вообще нечто полумифическое и реальным временем его не измерить. От некоторых я даже слышал, что он тянулся примерно двести лет, до Мэйдзи. Хотя и существует версия, что Век свободы не более чем миф, все равно деревья-великаны, поваленные военизированным отрядом лесорубов в темных спецовках, несомненно, нужно считать отголоском этого Века, не задаваясь вопросом, сажал ли их на самом деле Разрушитель…

Выслушав юношу, я рассказал ему историю Века свободы, начиная с основания деревни-государства-микрокосма и кончая временем, когда наш край снова оказался под властью княжества. Даже если рассказанная мной история и включает в себя элементы мифологии, не следует пренебрегать ими в угоду историческим фактам, поскольку они мифологически достоверны. При этом в полной мере выявились результаты полученного мной от отца-настоятеля воспитания, которое впоследствии я совершенствовал в себе уже собственными силами. Для меня, сестренка, это была попытка сделать, так сказать, черновой набросок труда всей моей жизни, труда человека, призванного описать мифы и предания нашего края. Задыхаясь от быстрой продолжительной ходьбы, я рассказывал подробно и обстоятельно.

При основании деревни-государства-микрокосма созидатели, предводительствуемые Разрушителем, изо всех сил старались скрыть от внешнего мира следы своей деятельности, вследствие чего по источникам, сохранившимся за пределами нашего края, невозможно определить исторические рамки тех событий. Даже если бы такая попытка была предпринята, она фактически оказалась бы бессмысленной с точки

зрения понимания хода времени, которое со дня основания отрезанной от внешнего мира деревни-государства-микрокосма стало подчиняться иным законам — законам свободного течения. Созидатели нашего края, ведомые Разрушителем, были изгнаны и, погрузившись на корабль, уплыли из маленького княжества на Сикоку после создания системы бакуфу[25], если оперировать хронологическими ориентирами внешнего мира. В таком случае ошибочно утверждать, что Век свободы длился тысячу лет. Власти княжества надеялись, что, выйдя в море, созидатели потерпят кораблекрушение, но их надеждам не суждено было сбыться: судно осталось невредимым и, войдя в устье одной из рек, поднялось по ней вверх; когда же течение стало таким быстрым, что на судне его преодолеть уже было невозможно, беглецы разобрали корабль и связали плоты; река сужалась все больше, и тогда плоты были превращены в волокуши, их загрузили всяким скарбом и так добрались до истоков. Бросить останки судна они не могли — ведь оно было как бы символом их восхождения вверх по реке.

Вверх, к истокам, их вела надежда, что там

---

[25] Примечания: 25
Военное правление, сёгунат.

они обретут полную независимость от внешнего мира. Для созидателей, ведомых Разрушителем, путь к истокам реки означал путь к истокам времени. Разрушитель и созидатели, в полнейшем безмолвии ночами поднимавшиеся вверх по реке от позднего Средневековья к раннему и наконец к древности, с поразительной стремительностью раскручивали назад движение времени. Когда же они взорвали огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли, преграждавшие путь воде, а начавшийся ливень смыл все, что издавало страшное зловоние, им открылась новая земля обетованная, и они, уже как люди древнего мира, оказались свидетелями великих свершений Природы. В землю, впервые с сотворения ставшую плодородной, они вонзили свои мотыги, засеяли ее, дождались первых всходов — они действительно делали все, что делали люди древнего мира.

В этом качестве они, воплощенная молодость человечества — а ведь каждый из них действительно был молод, — занялись созидательным трудом. Об их молодости говорит хотя бы то, что даже Разрушитель, их вождь, отправился в путь, когда ему не было и двадцати. Существуют две легенды. В одной сказано, что Разрушитель

и его соратники, еще в княжестве проявившие себя специалистами в самых разных областях, ко времени изгнания не могли быть такими уж молодыми. Следовательно, поднимаясь вверх по реке к глубокой древности, они одновременно возвращали себе молодость. В другой легенде говорится следующее: несмотря на молодость, Разрушитель и его товарищи достигли больших успехов в науке и технике и все свои силы употребили на подготовку политических реформ, что привело их к столкновению с консерваторами, в котором они потерпели поражение. Тогда эти незаурядные люди, которым было по двадцать, а то и меньше, погрузились на корабль и отправились на поиски земель, открывавших возможность создать такое будущее, каким оно виделось им. Но и та и другая легенды утверждают, что основавшие деревню-государство-микрокосм созидатели, главное место среди которых занимал Разрушитель, в обретенной ими новой земле обетованной жили более ста лет.

Обе легенды повествуют об этом как о чем-то несомненном, утверждая, что созидателям, ведомым Разрушителем, долголетие было совершенно необходимо, чтобы успеть воплотить в жизнь их идею и завершить работу, начатую в

период основания нашего края. Другой характерной чертой легенд о долголетии созидателей является утверждение, будто бы всю свою жизнь они продолжали расти, пока не превратились в великанов. В первую очередь это касалось Разрушителя, который не переставал расти, когда ему перевалило за сто. Зубы у него на протяжении всей жизни менялись пять раз. У акулы зубы растут рядами от самого горла, и, когда передние стираются, их восполняют все новые и новые ряды. Но у Разрушителя строение зубов было еще рациональнее, чем у акулы. Созидатели, следуя примеру Разрушителя, из года в год росли — кто больше, кто меньше, — и их физическая сила увеличивалась пропорционально размеру тела. Далее перевалив за сто, они оставались цветущими, не являя ни малейших признаков увядания. Не будь они по сложению и силе великанами, им не удалось бы выполнить все тяжелые работы, и в первую очередь — насадить леса, согласно замыслу руководившего созидателями Разрушителя. Считалось, что роща деревьев-великанов, сохранившаяся по эту сторону девственного леса, была остатком насаждений, сделанных в период созидания и в Век свободы. Молодой режиссер, один из последних сынов нашего края, был сви-

детелем уничтожения этих деревьев-великанов, и, значит, он еще видел те самые посаженные созидателями деревья, которые на протяжении веков воодушевляли людей, творивших мифы и предания деревни-государства-микрокосма.

К посадкам на склоне, обращенном к долине, Разрушитель, руководивший созидателями, приступил со знанием дела и весьма рационально. Вокруг долины он высадил широкой полосой деревья, сок которых шел на изготовление растительного воска, экспортировавшегося даже в Европу и Америку, что способствовало обогащению деревни-государства-микрокосма. Поскольку густые заросли деревьев, из сока которых производили воск, плотным кольцом окружали долину, внешний враг, задумавший вторгнуться в нее, всегда должен был помнить о том, как легко угореть в ядовитых испарениях этих зарослей. В то же время в семьях, которые из поколения в поколение занимались сбором сока, даже дети знали, как уберечься от этой опасности.

Осуществляя свою идею насаждения лесов, Разрушитель для собственного удовольствия посадил на краю вдающегося в долину горного кряжа один-единственный тополь. Тополь

пустил корни у огромного утеса, предотвращающего выветривание горного кряжа. С любого места долины можно было увидеть этот утес и на нем тополь. С тех пор как тополь превратился в великана, мох на утесе никогда не высыхал. Густая крона гигантского дерева не пропускала лучи солнца. Ствол его был могуч, ветви переплетались в бескрайней вышине, образуя шатер, и, даже когда вся листва опадала, увидеть небо, стоя под деревом, было невозможно. С Дороги мертвецов, проходившей над горным кряжем, бросалось в глаза, что ствол тополя примерно на высоте десяти метров изгибается и идет горизонтально в сторону от долины. С более же низкой точки казалось, что тополь-великан на этой высоте обломан. Форма этого дерева и огромный утес под ним подтверждали достоверность легенд о гимнастических забавах Разрушителя.

Когда идея Разрушителя насадить новые леса была осуществлена, этот замкнувшийся в себе предводитель завел правило по утрам подниматься на огромный утес и осматривать все вокруг — не вторгся ли внешний враг, не случилось ли чего-либо непредвиденного в долине. Он делал это постоянно — и в ясную погоду, и в дождь. Даже ураган не мог помешать ему.

Посаженным им деревьям тоже ведь не страшны были ни палящий зной, ни дождь, ни буря. А после внимательного осмотра всей горной впадины, окруженной девственным лесом, Разрушитель приступал к физическим упражнениям. Он пробегал по горному кряжу в сторону долины, перепрыгивал через тополь и на обе ноги приземлялся на утесе. За многие годы посаженный им тополь вырос и превратился в великана. Разрушителю требовался все больший разбег для мощного прыжка, чтобы преодолеть высоту, и он делал это так энергично, что, перелетев через тополь, уже не мог приземлиться тут же, на утесе, а долго еще парил в вышине наподобие планера. Это его не устраивало, и тогда он несколько изменил свои ежедневные физические упражнения. До прыжка он делал все как раньше — топал по твердой земле в зарослях рододендронов с такой силой, что подземный гул разносился по всей долине, но в следующее мгновение, чего не делал прежде, хватался за макушку огромного тополя и, перемахнув через него, приземлялся прямо на утесе. Новое упражнение Разрушителя было менее опасно для жителей долины, но тополь-великан весь искривился.

Когда я дошел до этого места, сестренка, режис-

сер задумчиво посмотрел на меня и остановил движением руки. Он пригнулся, как бегун на старте — я думаю, таким он представлял себе Разрушителя, — и припустил со всех ног. Впереди был металлический барьер из труб, ограждавший тротуар на перекрестке улиц, по которому мчались автомашины. Он понесся к нему вприпрыжку, схватился за трубу обеими руками и, перевернувшись, прочно встал на ноги! Потом как ни в чем не бывало быстро возвратился ко мне.

— Неужели Разрушитель действительно мог так сделать? — спросил режиссер, тяжело дыша.

— Конечно, мог, — добродушно подтвердил я, испытывая к юноше глубокую симпатию.

Всякий раз, когда эвакуированные дети, которых становилось все больше, выражали сомнение в легенде о тополе или даже потешались над ней, ребята нашей долины упорно твердили:

— Конечно, мог…

3

И вот, сестренка, в ходе такого взаимного обучения, когда один преподавал физическую культуру, а другой — мифологию и предания нашего края, режиссер однажды заявил мне, что

хоть я и не добился успехов, на которые он рассчитывал, но кое-какие приемы все же усвоил, что же касается моей походки, то она, поскольку я все еще испытываю комплекс неполноценности, приобретенный в детстве, мешает его системе тренировок. Задумавшись над его словами, я пришел к выводу, что медлительность и странная неуверенность, которыми действительно отличалась моя походка, берут начало еще в том времени, когда я пребывал в страхе и растерянности, не зная, как взяться за выполнение навязанной мне отцом-настоятелем миссии летописца нашего края. И стоило мне признать справедливость его слов, как режиссер, проявив свойственную его возрасту откровенность, которую обычно прятал за стремлением подать себя, сказал:

— А я, наоборот, с тех пор как осознал весь ужас своего положения — представляете, что значит быть последним ребенком долины и горного поселка, — я стал особенно серьезно относиться к движению тела, и это был первый решительный шаг. Я подумал вот о чем: моя участь досталась мне не по собственной воле, но я хочу каким-то образом изменить это положение, хотя знаю, что сделать это почти невозможно. Единственное,

чего бы мне хотелось достичь: вести себя так, будто я сам пожелал себе такой доли — быть одним из последних детей нашего края. Вот так-то. Эти мысли заставили меня обратиться к театру, чтобы перекроить себя. Да и всю жизнь изменить до мельчайших ее частностей. Возьмем, например, походку — я сознательно расчленяю ее на части и подгоняю под свой новый облик.

Мы с режиссером были тогда в куртках с капюшонами, стянутыми чуть ли не у самого носа, и поэтому, разговаривая, все время вертели головами, чтобы видеть, что делается по сторонам, особенно когда, лавируя между машинами, переходили мост. Мне теперь ясно, что даже этому я учился у режиссера. Договорившись тренировать меня, он уже не делал никаких поблажек, и мы ходили в любую погоду, даже если моросил дождь. Когда мы перешли мост, маршрут был мной почти освоен, и обратно мы уже возвращались вдоль канала. Впоследствии на этом месте я каждый раз ловил себя на одной и той же мысли: следуя по течению, обретаешь свободу, чего не бывает, когда идешь против течения. Мне пришло на ум, что, может быть, этим же объясняются и те трудности, которые испытали созидатели, предводительствуемые Разрушителем, когда

сначала на судне, а потом на плотах поднимались вверх по реке. Единственным ориентиром в походе созидателей от устья реки к ее истокам служило течение реки — иначе бы им не узнать, как попасть в глубь девственного леса, и, может быть, именно поэтому молодые люди, продвигавшиеся против течения, прочно соединили с рекой свои судьбы…

— Когда вы покинули долину, с рекой и рыбой дела обстояли уже совсем плохо?

— С рекой и рыбой? По сравнению с тем, что говорят легенды о Веке свободы, теперь все пришло в упадок, так что с рекой и рыбой, естественно, тоже ничего хорошего не произошло.

— Зачем же сравнивать с Веком свободы? Достаточно сравнить со временем моего детства — когда я последний раз приезжал в долину, река была уже крайне запущена и походила скорее на сточную канаву. В Век свободы, о котором вы говорите, природа благоденствовала, а река имела колоссальное значение, так как давала в избытке рыбу — главный источник белка. Когда черный поток хлынул из заболоченной низины к устью реки, протекавшей по долине, вся рыба погибла, что же касается нашего края, то Разрушитель, разбиравшийся и в рыбе, подметил, что

у нас резко возросло количество гольца и кижуча. Он сам занялся этим источником питания. Большая запруда — так до сих пор называют в долине ограниченный горловиной участок реки; Разрушитель, использовав выход скальной породы в русле реки, построил там высоченную плотину и одно время жил вблизи нее в маленькой лачуге. Река благодаря плотине набрала силу, по ней стали подниматься вверх даже угри — за их размножением и ловом Разрушитель следил особенно ревностно. Лов был строго регламентирован. В водостоке рядом с плотиной он поместил специальное приспособление для лова угрей — все было рассчитано самым тщательным образом. Угри, видимо, шли не столько в пищу, сколько для приготовления лекарств. С какого-то времени началось и разведение карпа. Все это осуществлялось в соответствии с идеями Разрушителя. Большая запруда действовала в течение многих лет даже после окончания Века свободы, но разрушение плотины во время пятидесятидневной войны привело всю систему в негодность. Запруда обмелела, и никто уже не захотел восстанавливать ее. Плотина у Большой запруды, какой мы с вами знаем ее, — это все, что осталось после разрушения. Однако сейчас

дело обстоит гораздо хуже, чем было в годы моего детства. Теперь река превратилась в грязную сточную канаву, и виноваты в этом, как мне кажется, жители долины и горного поселка, которые стали совсем по-другому относиться и к реке, и к рыбе.

— Когда я учился в школе, рыба в реке еще водилась, но такая вонючая, что есть ее было невозможно.

— А все потому, что по реке разбрасывают потроха морской рыбы для подкормки. Спрашивается, зачем это нужно? Когда я вернулся в деревню, все дно реки было сплошь усеяно рыбьими головами и костями. Ребятня вылавливала только мальков, которых тут же выпускала в реку. Ничего общего с той рыбой, которую мы ловили в детстве. А ведь когда-то в нашем крае губить без надобности рыбу было строжайше запрещено. Разбрасывая по реке потроха для подкормки совершенно бесполезных мальков, жители долины тем самым загрязняли ее, что означало нарушение еще одного запрета, существовавшего с Века свободы. В прошлом не разрешалось спускать вниз по течению ничего, что могло бы выдать существование жизни в долине. Со времени основания нашего края на протяжении всего Века

свободы Разрушитель требовал строжайшего соблюдения этого правила как совершенно необходимого условия для обеспечения безопасности нашего сообщества. Плотина тоже служила некой заставой, не пропускавшей вниз отбросы. Тот факт, что Разрушитель, утром поднявшись в горы к тополю-великану, осматривал долину, а ночь проводил в своей маленькой лачуге, построенной около Большой запруды, свидетельствовал не только о его разносторонности как специалиста по лесоводству и по рыбному промыслу, но и, в некотором символическом смысле, о привлечении им себе в союзники сверхъестественных сил леса и реки. И вот теперь жители долины и горного поселка полностью загубили все, что оставил после себя Разрушитель. Тополь срублен, река загажена…

— Вы, кажется, и меня осуждаете за это. Но мы, дети, и сами чувствовали угрызения совести оттого, что ловим рыбу на выброс, совершенно несъедобную, и поэтому почти перестали удить. А из-за того, что разбросанные по реке рыбьи кости впивались в ноги, мы и от купанья отказались. Но в общем, виной всему то, что старики нашего края были уже не в силах бороться с загрязнением реки.

— Если бы старики по-прежнему обладали необходимой энергией и авторитетом в деревенской общине, они бы изгнали из нашего края или хотя бы наказали тех, кто так явно нарушает запрет.

Наша беседа, сестренка, естественно, привела к разговору о Сигэхару Харе — человеке, нарушившем запрет деревни-государства-микрокосма. К разговору о человеке, известном под именем Бык-дьявол. Сейчас мне кажется, что режиссер и без меня знал все, что я мог рассказать ему о Сигэхару Харе. Кстати, он заинтересовался разницей в восприятии Сигэхару Хары — Быка-дьявола — людьми его и моего поколений. Разница в его и моем восприятии определялась неодинаковым пониманием обычаев, благодаря которым Хару стали называть Быком-дьяволом. Я был поражен, узнав, что режиссер ни разу в жизни не видел Быка-дьявола во время праздника урожая в нашем крае. Когда праздник достигал своего апогея, из храма по ступенькам сбегал, будто его подгоняли, черный бык, такой огромный, что справиться с ним мог бы, пожалуй, лишь Разрушитель. Вырвавшись на волю, Бык-дьявол до самого вечера бушевал в долине и горном поселке. Он принимал угрожающие позы, топал ногами, казалось — во

всяком случае, так казалось детям, — что на наш край обрушился страшный ураган. Разумеется, Бык-дьявол, с громким топотом носившийся по долине, был всего лишь пугалом — бамбуковым каркасом под выкрашенным черной тушью полотном, куда забиралось до двадцати человек. Его огромная голова торчала на длинном бамбуковом шесте, и свирепая морда, вызывающе ярко раскрашенная в красный, зеленый и черный цвета, не оставляла сомнений в том, что в Быке-дьяволе укрылись юноши долины и горного поселка. Однако каждый раз с приближением праздника дети, предвкушая леденящее кровь зрелище, рассказывали друг другу всякие небылицы. Такую, например: когда-то якобы Бык-дьявол растоптал пятерых школьников. Полицейские и жандармы начали следствие, однако по просьбе семей, чьи дети отдали свои жизни во имя праздника, дело замяли. В другой раз Бык-дьявол расшвырял, а укрывавшиеся в нем подростки еще и изнасиловали девочек, которые, оберегая свои нарядные кимоно, не спрятались на рисовом поле, как остальные, от несшегося на них чудовища. Это дело тоже замяли — ведь истинным насильником, которого следовало наказать, был Бык-дьявол.

— Обряды, связанные с Быком-дьяволом, на-

сколько мне известно, существуют во многих окрестных городках и деревнях. Однако, хотя они во многом сходны между собой, обычная символика Быка-дьявола резко отличается от той, какую он приобрел у нас. Бык-дьявол нашего края самобытен, и мне кажется, что его намеренно делают похожим на других именно ради того, чтобы скрыть эту самобытность. Поэтому он совершает множество злых поступков, но его действия воспринимаются с благоговением.

— Хорошо бы пояснить, какое значение вкладываете вы в слово «самобытность». Быка-дьявола мы хотим вывести в нашей пьесе. Мне же самому видеть его не приходилось, я знаю о нем лишь понаслышке, так что у меня могут быть совершенно превратные представления. Я как-то слышал, что в давние времена праздник Быка-дьявола традиционно справляли коренные жители нашего края еще до того, как там поселились наши предки. Это верно? Покорив их, созидатели присвоили себе все, что им принадлежало, даже праздники. И еще я слышал, что Бык-дьявол как бы олицетворял обиду покоренных — именно поэтому в день праздника Бык-дьявол преследовал детей и внуков созидателей. Но если так было в самом деле, почему же семьи пострадавших, да и сами

жертвы Быка-дьявола чтили его как святыню вместо того, чтобы привлечь к ответственности безобразников? Здесь как-то не сходятся концы с концами.

Этот юноша, сестренка, меня озадачил — ему удалось постичь ход мыслей коренных жителей нашего края, а я бился над этим многие годы, но он так и остался для меня загадкой. Я не знал, что сказать. Ответить на его вопрос было нелегко. Однако он и сам не особенно настаивал.

— Почему вместо того, чтобы называть Хару столь многозначным именем, как Бык-дьявол, не выбрали для него другого, точнее выражающего его сущность? Например, Доносчик, Предатель…

Сигэхару Хара, сестренка, действительно обратился к правителям Великой Японской империи, замышляя снова подчинить ей деревню-государство-микрокосм, где в то время благодаря уловке с книгой посемейных записей половина жителей была независима — ведь те, кто не зарегистрирован в книге, вообще как бы не существуют; поэтому люди были совершенно правы, осуждая его замысел как донос или даже предательство. Конечно, политические идеи, которыми руководствовался Хара, преломлялись самым причудливым образом и были столь

неоднозначны, что и подобрать ему подходящее прозвище было трудно. Возможно, в то время ни в долине, ни в горном поселке прямо не говорили об идеях Сигэхару Хары. Ни сам Хара, ни его противники. Но поскольку его политические взгляды были совершенно ясны окружающим, деревня-государство-микрокосм действительно жила в невероятном напряжении.

По словам отца-настоятеля, который пользовался летосчислением не по годам правления императоров, принятым в Японии, или, вернее, в Великой Японской империи, а предпочитал шестидесятилетний цикл, политические взгляды Сигэхару Хары проявились в начале лета года Собаки[26]. Значит, это произошло, когда Сигэхару Хара, помощник деревенского старосты, испытал тяжелые душевные страдания в связи с арестом замешанных в деле о великой измене[27]. А когда в следующем году, то есть в год Свиньи, было объявлено о казни двенадцати человек во

---

[26] Примечания: 26

Имеется в виду 1910 г.

[27] Примечания: 27

Так в японской официальной историографии называется дело, сфабрикованное против выдающегося деятеля японского рабочего движения Сюсуя Котоку. Обвиненный в подготовке покушения на императора, он и его товарищи были в декабре 1910 г. приговорены к смертной казни.

главе с Сюсуем Котоку, страдания Сигэхару Хары достигли апогея. К этому времени он впал в такое состояние, что уже не похож был на нормального человека, испытывающего страдания, а скорее напоминал безумца, для которого страдание — норма, а редкие проблески разума сопряжены с тоской. Он недвусмысленно проявил свое отношение к обвиняемым по делу о великой измене, особенно к двенадцати казненным. Узнав из газет, что приговор приведен в исполнение, Хара тут же пошел на почту и подал длинную телеграмму протеста. В адрес его величества императора Великой Японской империи. В это же время японским посольствам за границей были вручены протесты социалистов ряда стран в связи с казнью Котоку. Этот факт весьма важен для понимания того, что представляла собой деревня-государство-микрокосм: телеграмму Хары, сестренка, вполне можно ставить в один ряд с международными протестами. Разумеется, «международная телеграмма», поданная внутри страны, была задержана начальником почты — родственником Хары. Отличаясь мягким характером, Хара не протестовал и не стал настаивать. Вместо этого он вылепил двенадцать глиняных фигурок, отправился на утес и поставил их

у корней тополя-великана, чтобы отслужить панихиду. Начальник почты, который после телеграммы в адрес императора неотступно следил за Харой, перебил все фигурки и увел его домой. Но снова усадить его за рабочий стол в сельской управе, где до этого Хара прилежно трудился, не удалось. Запершись в своем доме, Хара снова вылепил двенадцать фигурок и поставил их на алтаре в большой комнате с земляным полом. Портрет Мэйскэ-сан он оттуда убрал.

Поведение Хары доказывало, что он искренне горевал о казненных. Однако его последующие действия были прямо противоположны. Под вечер на деревенской улице обычно собираются поболтать пять-шесть человек — в детстве я видел такие сценки ежедневно, и Хара часто принимал в них участие; теперь же он, полностью игнорируя свои прежние высказывания и глубоко убежденный в своей правоте, стал нападать на Котоку и его соратников. Причем всем было ясно, что Хара просто старается скрыть зреющий у него замысел. Душевные муки помутили его разум — он с одержимостью маньяка обрушился на уловку с ведением книги посемейных записей, давно изобретенную деревней-государством-микрокосмом, не желавшей, чтобы на нее

распространялась власть правительства Мэйдзи. Критика, высказанная Харой, поставила под угрозу сохранение тайны нашего края. Вмешиваясь в разговоры, Хара выкрикивал короткие, полные горечи слова: «Ужас, ужас!.. Беда! Огромная беда!.. Эти люди нас погубят!»

— На школьных соревнованиях по бейсболу стою я как-то во второй базе. Вдруг без сигнала тренера врывается туда еще один игрок. Никуда не денешься — нужно мчаться в третью базу, чтобы опередить его. И тогда все, кто следил за игрой, начали кричать: «Беда! Огромная беда!.. Эти люди нас погубят!..» Мне думается, эти выкрики, воспринимаемые как обрывки какой-то песни, пожалуй, и в самом деле принадлежат Сигэхару Харе…

— Такие выкрики с давних пор обычны в нашем крае, но Сигэхару Хара, воскресив их, вложил в них новый смысл. И, мне кажется, только благодаря Харе они дожили до последнего поколения жителей нашей долины и горного поселка.

— Однако интересно, к кому были обращены крики Хары «Ужас, ужас!..», которые мы иногда вспоминаем?

— Скорее всего, он боялся, что дело о великой измене может послужить искрой и в нашем

крае, отделенном от родины Котоку одним-единственным горным хребтом, вспыхнет антигосударственный мятеж. Этот страх и заставлял его кричать: «Ужас, ужас!.. Беда! Огромная беда!.. Эти люди нас погубят!» Бурно выражая свое отчаяние, Хара намекал на главное, о чем умалчивал: пока власти не дознались, нужно по собственному почину отказаться от уловки с двойным ведением книги посемейных записей. Однако Быком-дьяволом он был прозван уже после того, как этот темный страх и злоба полностью им завладели…

4

Наш разговор в тот дождливый день, сестренка, воодушевил режиссера, и у него родилась идея спектакля. Вместо замышлявшейся раньше, но практически неосуществимой постановки, охватывавшей все мифы и предания деревни-государства-микрокосма, он решил для начала создать пьесу, в которой главным действующим лицом был Бык-дьявол. Я написал первый вариант и вручил ему. Потом стал посещать репетиции. Многое меня просто обескураживало, и не только потому, что до сих пор я не имел такого опыта. Члены театральной труппы — двое актеров и актриса — в первый же день потрясли меня,

окунув в самую гущу всеобщего возмущения, вспыхнувшего в нашем крае в давние времена. Облик актеров в тот день — поскольку это была репетиция, то, что было надето на них, можно назвать лишь неким подобием сценических костюмов — был таков: высокий и худой — в выцветшем трико и вытертом купальном халате, под которым виднелась задравшаяся до шеи нижняя рубаха; другой, плотный и коренастый, — в коротком кимоно с подвязанными рукавами, надетом прямо на голое тело, и в темно-синих матерчатых туфлях. А маленькая актриса обтянула свои кривые ноги черным трико и надела огромную голову Быка-дьявола, о чем в моих ремарках вообще не сказано ни слова!

Эта голова из выкрашенного черной тушью папье-маше, такая огромная, что и взрослому мужчине трудно было бы таскать ее на плечах, напоминала не столько бычью, сколько почерневшую голову гигантского барана. Огромная голова Быка-дьявола накрывала девушку до самой груди, и я, посмотрев на актрису, которая, ухватившись за края маски, с трудом удерживала ее, начал сомневаться, правильно ли прочел режиссер мою пьесу. В ремарках я объяснял, что главное действующее лицо — Сигэхару Хара, по-

трясенный делом о великой измене, и, по моему замыслу, его образ должны воплощать три персонажа, появляющиеся на сцене в человеческом облике, а не в обличье Быка-дьявола.

Персонаж А., именуемый Первым Харой, — это как бы внутренний голос бывшего помощника деревенского старосты, лишившегося покоя в связи со смертным приговором Котоку. Настоящий Хара не открывает жителям долины и горного поселка, небольшими группами собирающимся на деревенской улице, то, что подсказывает ему внутренний голос, то есть свою главную мысль, которую надо скрывать. Но иногда он голосом, исполненным муки, выкрикивает: «Ужас, ужас!.. Беда! Огромная беда!.. Эти люди нас погубят!» Персонаж, который через пятьдесят лет как реквием по Харе произносит эти слова, и есть Первый Хара. Персонаж Б. — Второй Хара — вскрывает уловку с двойным ведением книги посемейных записей.

Обличает хитрость, на которую пошла деревня-государство-микрокосм, чтобы не оказаться во власти правительства Мэйдзи. В жизни именно этому Харе из горного поселка противостоял Первый — Хара из долины. Наконец, персонаж В. — Третий Хара, бывший помощник деревен-

ского старосты, обезумевший от выпавших на его долю душевных мук. Рассказывают, что потерявший рассудок Хара подходил чуть ли не к каждому жителю деревни и горного поселка и пугал похожим на лошадиное ржание криком «б-р-р-р!». Целый день, с утра до вечера бегая по деревне, он ничего другого не произносил.

— Ну что ж, начнем с крика «б-р-р-р!», — заявил режиссер на репетиции, обращаясь к Третьему Харе. — На сегодня этим и ограничимся. Кричите же «б-р-р-р!» так, чтобы крик проник в тело и душу.

Будучи человеком непосвященным, я ждал, что закричит один Третий Хара. Но ошибся. Не умолкая ни на секунду, «б-р-р-р!» завопили все трое. Голоса двух актеров и актрисы были не такими уж сильными. Они кричали «б-р-р-р!», словно отрабатывая дыхание. Тело высокого актера — кожа да кости — после каждого «б-р-р-р!» вибрировало, напоминая механизм, который долго и безжалостно эксплуатировали. Но по сравнению с плотным и коренастым товарищем он с гораздо большим эффектом использовал свою внутреннюю энергию. В то время как коренастый обливался потом, худой оставался сухим, точно просяная лепешка. Актриса, по-видимому,

недостаточно тренировавшаяся по методу, изобретенному режиссером, все-таки приспособилась носить маску из папье-маше, хотя ей было уже не до криков «б-р-р-р!» — она тяжело дышала, ее кривые ноги дрожали. Но режиссер сознательно принял позу, призванную продемонстрировать полное хладнокровие — выпрямившись и вскинув голову, он невозмутимо смотрел на актеров, не подавая знака сделать перерыв.

Что означает это бесконечное повторение «б-р-р-р!», сестренка? — ломал я себе голову и злился, стоя рядом с актерами. Действительно, исполнителю обезумевшего Третьего Хары стоило потренироваться, чтобы его угрожающее «б-р-р-р!» звучало убедительно. Но для чего делали это двое других? Причем даже актер, игравший того Хару, который, сойдя с ума, долгие годы доставлял беспокойство всей долине. А ведь для него в пьесе я специально приготовил характерное выражение: «Не нужно, ну зачем же так!», почерпнутое мной в одной из легенд.

Следует помнить, что в преданиях о Сигэхару Харе слова «Не нужно, ну зачем же так!» Второго Хары как бы противостоят угрожающему крику «б-р-р-р?» Третьего. Эти слова точно отражают облик антиподов. Хара из долины и Хара из горного

поселка, благодаря известной уловке зарегистрированные в книге посемейных записей как один человек, не всегда являлись антиподами; раньше по своему характеру он были схожи как близнецы. Оба спокойные, мягкие, внешне очень приятные. Но когда один из них, потрясенный казнью Котоку, с криком: «Ужас, ужас!.. Беда! Огромная беда!.. Эти люди нас погубят!» — начал метаться по деревенской улице, и судьба его так катастрофически переменилась, для другого тоже настало время душевных страданий.

В дальнейшем, когда Хара из долины, терзаясь тем, что должен похоронить в себе все планы, в которых воплотились его политические идеи, обрушивался на каждого встречного с угрожающим «б-р-р-р!», Хара из горного поселка уже тоже оказался неспособным продолжать тихую крестьянскую жизнь. Он забросил принадлежавшее ему поле и стал тенью бродить за своим бе– зумным собратом. И каждый раз, когда Хара из долины яростно выкрикивал «б-р-р-р!», он с грустным видом подходил к нему и начинал свое миротворческое: «Не нужно, ну зачем же так!», а потом провожал его домой. Я, сестренка, попытался представить себе слова, которыми Хара из горного поселка увещевал безумца, и воспроиз-

вел их в пьесе: «Не нужно, ну зачем же так! К чему пугать своих товарищей? Их даже разозлить этими словами не удастся! Тебя знают как человека очень мягкого и потому начнут жалеть. Зачем ты ходишь за ними по пятам, зачем угрожаешь? Глаза у тебя налиты кровью. Не нужно, ну зачем же так! Хватит на сегодня, от тебя уже достаточно натерпелись все, начиная со стариков и кончая детьми. Не нужно, ну зачем же так! Возвращайся домой и сядь тихонько, успокойся! Ладно? Если будешь вести себя смирно, никто не станет на тебя сердиться! Зачем ты так надрываешь свое сердце? Даже если всех жителей нашего края казнят, как тех обвиняемых по делу о великой измене, все равно не нужно так убиваться. А то, что произошло, — это ведь там, за лесом, в чужом мире!.. Ну посмотри вокруг — кто еще, кроме тебя, так переживает? Вот и не нужно никого пугать, никому не нужно угрожать своим «б-р-р-р!». Хватит, уже поздно, и ветер стал холодным. Не нужно, ну зачем же так!»

Я, сестренка, по сюжету заставил Хару, пока он еще не сошел с ума и не стал отождествлять себя с Быком-дьяволом, а испытывал лишь душевные муки, рассказать о том, почему казнь Котоку вызвала у него такое потрясение, что он

перечеркнул свою жизнь, до того момента тихую и спокойную:

«Наша уловка с книгой посемейных записей была ошибкой! Взрослые, втянутые в эту неприятную историю, их дети и даже внуки пошли по опасному пути. Выдумали невесть что, а накажут всех жителей нашего края, всех до одного! Никому не избежать кары! Как же вы можете спокойно работать, спокойно есть, весело смеяться — «ха-ха-ха»? Как вы можете спокойно спать, не мучаясь кошмарами? Пусть я родился и живу в этом крае, но все равно не побоюсь сообщить его превосходительству верховному главнокомандующему о нашей измене!»

Мой текст отображал сущность Сигэхару Хары, сошедшего с ума и превратившегося в человека, самовыражение которого ограничилось громким криком «б-р-р-р!», а в уста Хары из горного поселка я вложил слова, в которых содержалось не столько утешение, сколько угроза, порожденная растерянностью:

«Не нужно, ну зачем же так! Зачем ты преследуешь людей, таскаешься за ними и пугаешь своим «б-р-р-р!» — тебя ведь все равно никто не слушает! Пока они только удивляются и смеются над тобой, а скоро начнут ругать. Сколько ты их

ни пугай, они только разозлятся — вот и все! И в долине и в горном поселке ты уже всем надоел. Кроме больных, которые лежат дома, всех и каждого ты уже пугал своим «б-р-р-р!». И не раз! А кое-кто поговаривает, что пора как следует разобраться, почему ты кричишь «б-р-р-р!». Я очень боюсь этого. Слушая тебя, самому хочется завопить «б-р-р-р!» и траве и деревьям. Скоро люди скажут: бывший помощник старосты деревни Сигэхару Хара только и делает, что кричит «б-р-р-р!», не иначе он вот-вот сбежит отсюда, поедет в Токио и донесет его императорскому величеству о нашей уловке с книгой посемейных записей! И тогда прибудут к нам жандармы и всех жителей долины арестуют как изменников! Не нужно, ну зачем же так! Это бесконечное «б-р-р-р!» уже опротивело — так думают сейчас все, кто слышит твои крики, понял? Прежде чем тебе удастся донести, тебя схватят и утопят в реке, так и знай. А тогда и мне несдобровать — мы с тобой навеки связаны книгой посемейных записей. Не нужно, ну зачем же так!»

Однако, сестренка, мой текст по-прежнему игнорировался. Изнемогавшие от усталости актеры продолжали отрабатывать свое «б-р-р-р!». Этот крик воспроизводился без конца не потому, что

был почерпнут из преданий о деревне-государстве-микрокосме, — он скорее явился плодом самоуверенных построений молодого режиссера, истинное содержание которых оставалось для меня совершенно недоступным… Видимо, для него главным при постановке любой пьесы были физические упражнения.

5

Таким образом, сестренка, я сумел установить более близкие отношения с маленькой актерской труппой. И мне — таковы уж превратности судьбы, — чтобы помочь в постановке пьесы, пришлось, как историку, прочесть им лекцию о мифах и преданиях деревни-государства-микрокосма, в первую очередь о периоде окончания Века свободы, связанном с именем Мэйскэ Камэи. Но у меня не было уверенности, что молодым членам труппы действительно интересна такая лекция. Среди слушателей лишь кривоногая актриса проявила неожиданное рвение. Пытаясь выяснить местонахождение общества по изучению истории родного края, она даже написала письмо в муниципалитет Авадзи, куда наша деревня после слияния с городком вошла на правах одного из районов. Днем актриса рабо-

тала библиотекарем-стажером в одном женском университете, и, схитрив, она послала письмо в фирменном конверте своего учреждения. Благодаря этому ей удалось получить брошюры о нашем крае. Причем в последней из них была специальная подборка статей — знала ли ты, сестренка, что такие у нас выпускаются? — под общим заголовком: «Жаль, что в Авадзи исчезают деревни». Я просмотрел небольшую брошюрку, которую мне показала актриса. Разумеется, как летописец деревни-государства-микрокосма я в ней не обнаружил для себя ничего нового — необычным показался лишь один факт. И само то, сестренка, что я еще никогда не встречался с таким волнующим открытием, вернее, с таким фактом, глубоко потрясло меня! А было там вот что: историк нашего края из городка в устье реки утверждал, что район Авадзи прежде назывался Камэ — Кувшин. Один самурай низкого звания за недостойное поведение в призамковом городе был сослан некогда в Авадзи. В архивах его старинного рода сохранился дневник, который он вел в ссылке, — там-то и приводится название Камэ. Упомянув об этом, историк нашего края пошел дальше и высказал предположение, что и наша деревня, возможно, именовалась Кам-

эмура, поскольку горная впадина Авадзи формой напоминает погребальную урну — своего рода сосуд, кувшин. Я стал расспрашивать об этом у режиссера, но он тоже название Камэмура слышал впервые.

— Действительно, название Камэмура можно было бы вывести из формы погребальной урны — наша долина, если смотреть на нее с Дороги мертвецов, в самом деле напоминает кувшин камэ, — задумчиво сказал он, а лицо его выразило растерянность. — Но когда речь заходит о погребальной урне, скорее всего, намекают на царство теней. Можно ли место, где живешь, называть страной мертвецов? Такое название отдает дешевым цинизмом. И тем не менее, думая о себе, родившемся в период гибели нашего края, я убеждаюсь, что это циничное пророчество по прошествии веков действительно сбылось… Горько признавать, но факт.

— Нет, это было, скорее всего, уничижительное название, данное нашему краю внешним миром. Самурай писал свой дневник, находясь в ссылке именно в нашей деревне, и, вероятнее всего, ощущая себя человеком, брошенным, хоть и временно, в преисподнюю, в своем дневнике использовал название Камэмура как наиболее

соответствующее его душевному состоянию. Но поскольку оно не было придумано этим самураем, меня интересует другое — с каких пор это древнее название стало употребляться в деревнях, расположенных в устье реки? Судя по времени писания дневника, цитируемого историком нашего края, примерно за двадцать лет до заключения в тюрьму Мэйскэ Камэи наименование Камэмура уже существовало. Далее, из призамкового города прислали к нам ссыльного самурая, и, следовательно, к тому моменту Век свободы, пришедший на смену эпохе созидания, уже канул в прошлое. Конец Веку свободы положило не воссоединение потомков беглых вассалов с прежними сюзеренами, а то, что потаенная деревня, которая благодаря своему географическому положению с древних времен сохраняла независимость от внешнего мира, была обнаружена и вновь оказалась под властью княжества. Во всяком случае, так утверждали наши отцы и деды. И не исключено, что название Камэмура было дано нашей деревне внешним миром после того, как она снова попалась на глаза чужакам. Я даже думаю, что историк прав, связывая это старинное название с погребальной урной, и вполне возможно, что наш край в древние времена именно так и на-

зывался. Значит, когда созидатели пришли туда, поднимаясь вверх по реке, эта горная впадина уже именовалась Камэ, и у жителей деревень в низовьях реки погребальная урна служила как бы метафорой для обозначения гиблого, по их понятиям, места. Это название перекликалось с легендами о зловонной низине. Да, может, и сами созидатели, ведомые Разрушителем, считали, что только в таком гиблом месте, напоминающем царство теней, можно, отгородившись от внешнего мира, построить новый мир, и потому так решительно вступили в него. Их расчеты полностью оправдались. Созданное там сообщество оказалось способным долгие годы сохранять идеалы Века свободы и существовало, не подвергаясь внешней агрессии.

Я, сестренка, почувствовал соблазн попытаться по– новому интерпретировать режиссеру легенды о деревне-государстве-микрокосме, исходя из метафорического значения слова «камэ», но он, поглощенный делами своей труппы, не поддался искушению, и я вынужден был читать лекцию о мифах и преданиях нашего края двум актерам и актрисе, для которых мой рассказ оказался почти откровением.

— Век свободы — это период со времени осно-

вания нашего края до возвращения под власть старого княжества, в течение которого удавалось сохранять независимость прежде всего в политической и экономической областях. Руководители, стремясь добиться полной независимости и в сфере культуры, как гласит легенда, даже поручили одному человеку создать язык для нашего края. Хотя Век свободы действительно был веком процветания во всех областях, но надеяться, что земля начнет богато плодоносить сразу же после основания нашего края, не приходилось, тем не менее человек, которому поручили создать язык, свободный и от влияния языка Ямато[28], и от китайских заимствований, был обеспечен всем необходимым. Его на всю жизнь освободили от физической работы. С его точки зрения, это было, конечно, вполне правомерно. Ведь он совершал немыслимо огромный труд — в одиночку создавал новый язык. В период созидания все люди нашего края, и в первую очередь тот, кого именовали Разрушителем, обладали физической силой великанов. Не будь они столь могучи, горстке людей, бежавших в глубину гор, никогда бы не удалось основать новый мир. Соответствен-

[28] Примечания: 28
Древнее название Японии.

ным образом и человек, которому дали все для создания языка нового мира, должен был, как мне представляется, обладать недюжинными умственными способностями.

На этих словах, сестренка, я вдруг запнулся, точно задохнувшись от чудовищной догадки — как будто кто-то сзади ледяными руками сдавил горло. Прозрение пришло извне, с неизвестным мне прежде названием Камэмура, оно и натолкнуло меня на поразительную мысль: выходит, с самого основания деревня-государство-микрокосм являлась объектом пристального внимания живших вокруг людей и они всегда знали о ее существовании. Эта мысль захватила меня. Режиссер, по чьей инициативе я читал лекцию, в тот день, устроившись за спинами актеров, сам потихоньку обдумывал метафору Камэмура и ни разу мне не возразил.

— Доказательством выдающихся данных и возможностей созидателей может служить хотя бы то, что, когда пришел к концу Век свободы и были восстановлены официальные отношения с внешним миром, эта затерявшаяся в горах долина стала главным в стране производителем растительного воска, а после Реставрации Мэйдзи даже смогла наладить вывоз его в Европу и Аме-

рику. Прежде всего была насажена плантация, дававшая большое количество сока, а несколько позже изобретен и оригинальный способ получения рафинированного воска. Быстрое развитие производства, сначала базировавшегося на традиционных методах, позволило позже построить большой современный очистительный завод. Люди, заложившие основу этого производства и развившие его, должны были обладать незаурядными способностями... Разумеется, тот человек, которому было поручено создать язык, обеспеченный всем необходимым для своего существования, с головой ушел в изыскания, но успеха не добился. С каждым годом все болезненнее осознавая свою беспомощность, он оказался неспособным вновь включиться в труд, которым занимались члены деревенской общины, и даже в праздники стеснялся показываться на улице. В конце концов он превратился в безумного затворника. Соседских женщин, носивших ему еду, он никогда не удостаивал разговора. Между ними установились отношения, какие могут возникнуть между человеком, приготавливающим моти[29], и крохотными, ничтожными пичужка-

[29] Примечания: 29
Рисовые лепешки.

ми, подбирающими крошки. Так продолжалось многие годы, и все это время он жил в полном одиночестве, отгородившись от жителей долины, но не нарушая общих для всех правил. Как и остальные созидатели, он прожил более ста лет. А перед смертью обошел всю долину и весь горный поселок и везде оставил листки бумаги, на которых черной тушью были написаны придуманные им слова. Их было великое множество, и большинство из них, естественно, сейчас забыто, но географических названий, говорят, немало сохранилось до наших дней. Сделав свое дело, старик языковед укрылся в лесу и там умер.

— Истинный гений умирает непонятым! Но так же, как растворенное в жидкости вещество в результате электролиза выпадает в осадок, так и гений рано или поздно выявляет свое истинное лицо! — вдруг негромко, но все же несколько театрально воскликнул худой актер, казалось взволнованный рассказом об этом созидателе.

— Растворенное в жидкости вещество? Выпадает в осадок в результате электролиза? Все это настолько неточно и неопределенно, что лучше бы уж ты помолчал! — возразил ему коренастый. — Не надо умничать. Постыдился бы! Он еще, видите ли, сравнивает: «...так же, как...»

От твоей болтовни у меня голова разболелась. Глупость все это!

— Да и твои разглагольствования выеденного яйца не стоят. Ты утверждаешь, будто бы все, что я говорю, глупость, но скажи — что именно? Если тебе это удастся, тогда и нападай на меня. Тогда хоть твои нападки будут основательными, ха-ха! Но, как это ни печально, тебе нечего сказать! Нечего! Ха-ха!

Рыжие огоньки заплясали в близко посаженных глазах длинноносого худого актера, говорившего все с той же театральной декларативностью. В стычке он явно победил. Так успешно начавший было нападение коренастый сцепил лежавшие на столе загорелые руки и, признав свое поражение, неожиданно уронил на них голову.

— Я слышала, будто род созидателя, пытавшегося создать новый язык в период основания нашего края, существует до сих пор. Это верно? И еще говорят, что его потомки — по наследству, что ли, — имеют большие способности к языку, — вмешалась актриса, словно стараясь не отставать от товарищей. — Ну а что нового появилось в языке?.. Я не хочу сказать, будто язык остался прежним только потому, что созидатель,

занимавшийся созданием нового языка, сошел с ума. Я имела в виду другое: то, что потомки этого ученого-языковеда могли унаследовать его талант. А спрашивать о потомках тоже не очень-то хорошо, правда? Такой вопрос могут посчитать обидным — вот чего я боюсь.

На этот вопрос смущенной молодой актрисы, которая от собственной смелости совсем растерялась, худой актер, продолжая размалевывать свое лошадиное лицо, отреагировал неким подобием улыбки, а коренастый, уткнувшись лицом в стол, сжал голову ладонями и стал раскачиваться, всем своим видом демонстрируя, что разговор ему в тягость. Им обоим как будто было стыдно передо мной за то, что ляпнула их подруга. Тогда, сестренка, я понял, что эта пародия на дискуссию была средством самозащиты: они хотели удержать от вступления в разговор актрису, точно знали, что от их своенравной подруги можно ждать чего угодно. Но актриса — ей было лет восемнадцать — все же в знак протеста вопрос мне задала, и ее кукольное лицо при этом так напряглось, что даже глаза стали косить. Пришлось ответить:

— Среди потомков этого рода много педагогов. Можно сказать, что их профессия так или иначе связана с языком. Ведь в нашем крае нет,

разумеется, настоящих языковедов, нет даже профессиональных писателей или актеров. Вот почему в последние годы жизни созидателя, занимавшегося созданием нового языка, считали выжившим из ума отшельником. Правда, на заре юности он, хотя и был весь в науке, все же успел жениться, и у него народились дети, потомки которых — наши современники: дети и внуки его детей. И если в конце концов он все-таки сошел с ума, то не в результате дурной наследственности, а из-за того, что слишком строго с себя спрашивал. Мне часто приходит в голову: а вдруг и я его потомок? Особенно после того, как я осознал, что это мне предназначено описать мифы и предания нашего края…

Тут на них напустился молчавший до этого режиссер:

— Вы то произвольно меняете тему беседы, то бессознательно предвосхищаете ее. Если это делается не ради подготовки к другим дискуссиям такого рода, вам лучше заткнуться и навострить уши. Иначе никто вам больше лекции читать не будет!

Актеры надулись — коренастый открыто, а худой едва заметно, — выразив этим свое отношение к словам режиссера. Актриса же, точно

опьянев от его решительного тона, стала еще сильнее косить.

Мне было ясно, сестренка, что замечание режиссера касалось и меня, и тогда я вернулся в заранее подготовленную колею, продолжив свою лекцию о мифах и преданиях нашего края. Однако я не мог не обратить внимания на то, что читать ее людям, не разделяющим твоих чувств к деревне-государству-микрокосму, рассказывать о длительном мире Века свободы — пустая трата слов. Осознание этого как раз и явилось основным стимулом, заставившим меня в письмах, обращенных именно к тебе, рассказывать мифы и предания деревни-государства-микрокосма.

Век свободы в нашем крае. Идея, владевшая созидателями, ведомыми Разрушителем, была претворена в жизнь в течение длительного периода, когда наш край был отрезан от внешнего мира, оставшегося за лесом. Уговор между созидателями деревни-государства-микрокосма. Уговор между людьми и природой, уговор столетних великанов-созидателей с долиной и горным по– селком и, наконец, с лесом, который означал для них нечто большее, чем обычное явление природы. Все это имело место в Век свободы. А вот последующая история деревни-государства-мик-

рокосма менее значительна, и донести до людей, не являющихся жителями нашего края, мои мысли о реализации всех этих договоренностей, представляющих собой наше самое дорогое общее достояние, чрезвычайно трудно. Дело в том, что люди не из долины, скорее всего, воспримут Век свободы как период застоя и будут считать, что только в самом его конце благодаря установлению связей с внешним миром, находящимся за лесом, и начала разворачиваться настоящая история деревни-государства-микрокосма. Не знаю, поймут ли они, сестренка, если возразить им, сказав: после Века свободы наш край пришел в полный упадок и нет ничего удивительного в том факте, что там перестали рождаться дети. Боюсь, это лишь создало бы у них впечатление, в корне не соответствующее действительности, будто мы, как больной, безропотно признавший свою болезнь неизлечимой, спокойно и покорно говорим о близкой смерти.

Но я говорил о другом: о том, что в Век свободы, не считая лишь самых последних его лет, в наш край не проник извне ни один человек. Может, на самом деле никто не проник, а может, просто принято было так считать — ведь причин для возникновения недоуменных вопросов более чем

достаточно: вспомним хотя бы торговый путь по Дороге соли, свидетельствующий о том, что сношения с миром, лежащим за лесом, никогда не прекращались. Однако, стремясь как можно глубже проникнуть в мировоззрение жителей деревни-государства-микрокосма, я сам, следуя за преданиями как человек, призванный описать все это, не выказываю ни малейших сомнений в том, что извне не проник никто. Более того, я считаю вполне естественным, что и раньше даже не пытался усомниться в этом… Продолжая свой рассказ в таком ключе, сестренка, я вдруг ощутил, что нарисованная мной картина начинает заволакиваться грозовыми тучами, и Век свободы, много лет казавшийся мне таким близким и светлым, стал вдруг мрачнеть на глазах. А все потому, что в мое сознание бесцеремонно вторглось слово «Камэмура», ассоциировавшееся с погребальной урной. Разумеется, об этом я в своей лекции ничего не сказал!

Было бы абсурдно предполагать, что ни в период основания деревни-государства-микрокосма, ни в долгий Век свободы люди из внешнего мира, хотя и отгороженные огромным непроходимым лесом, но зато связанные с жителями долины рекой, не знали о существовании нашего края

— земли обетованной в кувшинообразной горной впадине. Даже представляя себе, как сопротивлялась река созидателям, когда они, преодолевая неимоверные трудности и лишения, поднимались к ее верховьям, невозможно предположить, что в течение столетий ни один человек не попытался проделать тот же путь. Здесь мыслимо лишь одно объяснение: внешний мир считал жителей нашего края людьми, еще при жизни удалившимися в царство теней, и, зная о том, что эти отвратительные существа продолжают обитать в этом отвратительном месте, держался от них подальше, как от покойников, захороненных в огромной братской могиле — горной впадине, напоминающей погребальную урну. А если так, то вполне естественно, что их потомки, рожденные «в царстве теней», жили в мире и покое, никем не тревожимые.

По-новому взглянув на мифы и предания нашего края, я увидел созидателей в совершенно ином свете. В противовес яркой, полной радости картине ада в нашем храме теперь на них как бы опустилась мрачная тень подземного царства. Их долголетие, перешагнувшее за сто лет, стало представляться мне вечным проклятьем — как нескончаемые муки грешников на той картине.

Да, только теперь эта картина исполнилась для меня смысла, но какое же гадкое чувство она вызывала!..

Если пойти дальше, получится, что отношения между внешним миром и деревней-государством-микрокосмом, начало которым было положено агрессией, завязались потому, что жители внешнего мира с течением времени окончательно избавились от превратного убеждения в том, что по всем коренным вопросам жизни и смерти люди нашего края придерживаются совершенно иных взглядов, ничего общего не имеющих с их собственными. Горная впадина в форме кувшина — царство смерти, внешний мир — царство жизни. Два мира, разделенные непроходимым лесом и соединенные труднопреодолимой рекой. Эта космологическая картина для людей, не живущих в долине, теперь уже непостижима. А если посмотреть с другой стороны, то ведь и жители деревни-государства-микрокосма стали утрачивать это реальное космологическое восприятие, и именно потому они оказались сейчас в критическом положении, столкнувшись с угрозой вымирания… Однако, сестренка, все это только мои мысли, словами же я выразил вот что:

— Если в наш край тем или иным путем при-

ходил человек из-за леса, то он подпадал под действие строгого закона, неукоснительно соблюдавшегося в течение всего Века свободы: его включали в общину и ассимилировали. Достаточно взглянуть на систему брака в Век свободы, чтобы понять: новая кровь, поступавшая извне, весьма ценилась. Когда созидатели заложили фундамент нового мира, они сами похоронили себя в замкнутом пространстве, и поэтому Разрушитель разделил всех людей нашего края на два племени — племя долины и племя горного поселка, что, разумеется, упрощало проблему. Он ввел порядок, согласно которому браки совершались только между этими двумя племенами. Этот порядок и породил уловку с двойным ведением книги посемейных записей, придуманную, чтобы обмануть правительство Мэйдзи.

О третьем племени, сестренка, я ничего рассказывать не стал. Всякий раз, пытаясь поведать посторонним о деревне-государстве-микрокосме, я убеждался в том, что рассказ не движется вперед, если что-то не сократить, а что-то не пригладить. Осознав это, я усомнился в своих возможностях описать мифы и предания нашего края, хотя отец-настоятель, по-спартански воспитывая меня, дал мне все необходимые знания.

Эти сомнения породили страх, что я так и не смогу выполнить свою миссию. Именно поэтому, сестренка, я, прибегнув к твоей помощи, хочу попытаться в письмах рассказать о мифах и преданиях деревни-государства-микрокосма.

— В Век свободы люди нашего края изо всех сил старались не допустить контактов с внешним миром, но им и в голову не приходило, подобно личинкам муравьиного льва, которые, притаившись в вырытых ямках, поджидают свою жертву, убивать всякого, кто попадал в горную впадину извне. Нельзя, однако, утверждать, что ни один из пришельцев не был убит. Сохранились даже легенды, кровожадно повествующие о некоторых случаях. В конце концов из-за леса в долину проникли вооруженные до зубов войска, и Веку свободы пришел конец. Не будет ошибкой утверждать, что после этого история нашего края вступила в новую фазу, однако еще и сейчас все до одного жители долины самым важным в мифах и преданиях нашего края считают то, что в них обрисованы черты характера, присущие их предкам в период созидания и в Век свободы. Это чувствуется и поныне. И все же следует сказать, что люди, жившие в Век свободы, только столкнувшись с пришедшим извне отрядом

агрессоров, сумели понять, сколь высока была ценность гибнувшего Века свободы. Пережитое осталось в них психологической травмой, и жители нашей долины осознали, что прощаются с самым лучшим периодом своей истории. Душевное состояние людей, живших в последний период Века свободы, оказало огромное влияние на тех, кто родился позже.

— Коль уж край у вас такой особенный, то один из последних, кто появился там на свет, должен ощущать это особенно остро, — задумчиво произнесла актриса, у которой глаза косили теперь еще сильнее.

Режиссер — именно к нему относились эти полные восхищения слова — хмуро молчал, но худой актер вдруг приободрился и, не в силах сдержаться, заявил:

— Даже если он откажется продолжать лекцию, которую в очередной раз прервали, это уже само по себе будет для нас, несомненно, хорошим уроком театрального мастерства. Как бы маленький этюд, показывающий, как не через молчание, а через безудержную болтовню передать ощущение остановившегося времени, противоположное тому, которое соответствует выражению «забыть о времени».

— И заодно разобраться с помощью комедийных приемов в той мешанине, которая царит в твоей дурной башке.

Я рассказываю, сестренка, об этой перепалке, и ты, наверное, думаешь, что моим отношениям с актерами этой маленькой театральной труппы был нанесен смертельный удар? Нет, они сделали все, чтобы не довести до этого, так же как при первой нашей встрече, когда я на них страшно разозлился. Худой сморщил длинный нос и изобразил улыбку, коренастый поднял лицо, на котором остались красные следы от пальцев, актриса до предела скосила глаза, и все трое приготовились к каким-то совместным действиям.

— Рассказывай дальше! Не увиливай! Начал, так говори — жалко тебе, что ли?! — закричали они хором.

6

Лекция, сестренка, продолжалась, и я принялся рассказывать о том, что во второй половине Века свободы по Дороге соли, проходившей через лес и спускавшейся в долину, к нам стали прибывать чужеземные купцы. Дорога была проложена, чтобы посылать людей во внешний мир для покупки там прежде всего остро необходимой

соли, а также товаров, которые невозможно было производить в долине. Еще и сейчас, хотя от нее сохранились лишь отдельные участки, она существует как настоящая дорога, а не какая-нибудь звериная тропа. Извиваясь змеей, она взбирается на самую вершину горного хребта острова Сикоку. Каждый, кто шел по ней, направляясь во внешний мир, наверняка воображал себе, будто он медленно, петляя, выбирается из преисподней.

Рассказывая все это, сестренка, я вспомнил, что с некоторых участков этой дороги, зигзагом ползущей вверх через лес, можно увидеть всю горную впадину, как я теперь понимаю — действительно напоминающую кувшин, и мне вдруг стало не по себе, словно я подглядел, как на свет божий вытаскивают нечто постыдное. Как будто воочию увидел огромную погребальную урну, доверху заваленную телами грешников…

Чужеземные купцы по Дороге соли стали прибывать регулярно, растительный воск, ходовой товар в этой торговле, шел в обмен на то, что они привозили. Купцы, доставлявшие самые разнообразные товары, увозили огромное количество высококачественного воска. В народных сказаниях об источнике добычи воска всегда

фигурирует дракон, лежащий на дне болота, где скопился древесный сок, а таких болот в долине сколько угодно; эти яркие сказания, сдобренные изрядной порцией личных переживаний повествователя, ходили по деревням за хребтом Сикоку. Купцов становилось все больше, и, несмотря на то, что походы по Дороге соли были сопряжены с серьезными опасностями, связанными и с географическим расположением долины, и с ее политическими особенностями, посещения долины участились. Купцы продолжали регулярно вывозить воск в обмен на различные товары, и в конце концов стали доставлять даже то, что не входило в число предметов первой необходимости. Даже оружие! В давние времена созидатели были самураями и пришли в эту горную впадину вооруженные. Об этом свидетельствует хотя бы то, что огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли были взорваны порохом. Значит, в то время они располагали и огнестрельным оружием. Но с периода созидания до Века свободы прошло много лет. И вот теперь — старики это предчувствовали — вновь наступил решающий момент. Они разработали и стали осуществлять план перевооружения деревни-государства-микрокосма. Насколько

им это удалось, продемонстрировали события, вспыхнувшие, когда заканчивался Век свободы и наступала следующая эпоха…

Чужеземные купцы нередко приходили в долину в сопровождении бродячих актеров. Иногда это бывала целая труппа. Но их спектакли вызывали смятение в умах молодежи, привыкшей к полной изоляции. И тогда старики деревни-государства-микрокосма были вынуждены запретить театральные зрелища. Однажды, как рассказывал, основываясь на легенде, отец-настоятель, пришедшая в долину в Век свободы труппа показала спектакль «Все о восстании Мэйскэ Камэи», но и он, конечно, не мог не обратить внимания на анахроничность приведенного им факта. Но, считая, что анахронизм, укрепившийся в коллективной памяти как норма, по-своему оправдан, с точки зрения понимания мифов и преданий нашего края, отец-настоятель посчитал нужным рассказать мне о нем, ничего не меняя.

Единственное, что разрешалось исполнять актерам, были танцы. Музыка и танцы чужеземных женщин приводили в неописуемое волнение молодежь нашего края. И вот однажды, когда купцы, навьючив на носильщиков груз воска, вместе с актерами покинули долину, обнару-

жилось исчезновение пяти юношей. Почти все парни в долине и горном поселке, оттирая друг друга — доходило даже до стычек, — рвались в погоню за беглецами. Наконец нескольким было разрешено пойти в обход, чтобы встретить их по другую сторону горного перевала. А из тех, кому не повезло, еще не остывших, старики организовали группу преследования. Им удалось еще до перевала нагнать купцов, за которыми следовали актрисы и тяжело груженные носильщики. Отряд преследования вручил купцам письмо старейшин, в котором они предлагали выкуп за пятерых актрис, приглянувшихся юнцам, сбежавшим из деревни-государства-микрокосма. Купцам, заботившимся о будущем торговли воском, не оставалось ничего иного, как согласиться. Ведь в случившемся были виноваты они сами. После чего пять актрис, отдав своим товарищам музыкальные инструменты и костюмы, в сопровождении избравших их юношей снова спустились на дно глубокого ущелья, в мир, именуемый кувшином…

Но вот наступает заключительный период Века свободы, предзнаменованием которого стало появление в нашей долине чужих людей. Этот период стремительного движения Века свободы

к своей гибели начался так: из-за того же самого горного перевала, откуда прибывали купцы, появились самураи соседнего княжества, которые, покинув его и направляясь в Киото и Осаку, обнаружили поселение в долине, где сделали первый привал. Долина, в которой была расположена деревня-государство-микрокосм, лежала в стороне от дороги, ведущей от противоположных отрогов горного хребта до приморского города, откуда Разрушитель и созидатели начали подниматься вверх по реке. Двигаясь по дороге через перевал, самураи в каком-то месте свернули на узкую, чуть ли не звериную тропу, и после долгих блужданий по девственному лесу перед ними открылась потайная тропинка, которая и привела их в нашу долину. Тот факт, что самураи, замыслившие дойти до Киото и Осаки и с этой целью перебравшиеся через горный хребет Сикоку, появились в деревне-государстве-микрокосме, означает, что они заранее сознательно выбрали нашу долину в качестве перевалочного пункта. Скорее всего, они получили необходимую информацию от торговцев воском. По мнению стариков, появление самураев означало, что, проведав о нашем крае, за ними могут пойти и другие. Отсюда последовал вывод: для защиты деревни-государства-мик-

рокосма нужно прибегнуть к самому простому средству — устраивать засады и убивать всех до одного.

Подобные случаи могли иметь и другое объяснение: совершив в княжестве нечто такое, что вынуждало их бежать оттуда и искать убежища, самураи после долгих блужданий случайно попадали в долину и, таким образом, оказывались в западне. Если предположить такой вариант, то не исключена, пожалуй, и возможность сделки с ними: надо принимать их, даже оказывать им материальную помощь, а за это требовать содействия в предотвращении угрозы, нависшей над деревней-государством-микрокосмом. В предвидении деликатного характера ситуаций, которые могли здесь возникнуть, искали человека, обладающего дипломатическими способностями для осуществления этого плана. Таким талантом обладал Мэйскэ Камэи, которому и поручили это дело, хотя ему тогда не исполнилось еще и шестнадцати.

Дипломатическая команда деревни-государства-микрокосма, состоявшая из стариков и возглавленная Мэйскэ Камэи, занялась подготовкой к встрече прибывавших самураев — надо было исключить возможность контакта их с жителями

долины и горного поселка. Молодежи, заранее вооруженной и обученной для сформирования боевого отряда, в случае, если самураи проявят агрессивность, было строжайше запрещено показываться им на глаза. Жителей предупредили, чтобы они не распространялись без надобности о богатствах, накопленных этой заброшенной захолустной деревенькой. Дипломатической команде вменялось в обязанность проявлять щедрость по отношению к приходившим из-за гор беглецам из княжества. Беженцам оказывался теплый прием: в долине им предоставляли кров до тех пор, пока они были в опасности, пока над ними висела угроза преследований, их даже снабжали деньгами, необходимыми для проживания в Киото и Осаке. После Реставрации Мэйдзи производившийся в нашем крае растительный воск завоевал внутренний рынок, а в дальнейшем его стали даже вывозить за границу; особых высот достигло искусство очистки воска. Как утверждают, большую роль в расцвете торговли сыграло посредничество людей, которые некогда попали в наш край из-за гор и нашли у нас защиту и помощь, а впоследствии стали влиятельными лицами в правительстве Мэйдзи.

Дипломатическая команда деревни-государ-

ства-микрокосма имела возможность правильно оценивать политическую обстановку за пределами ее закрытого мирка не только благодаря информации, полученной от купцов, которые приходили из-за горы в долину, но, как мне кажется, еще и потому, что деревня довольно активно стала посылать молодежь во внешний мир на учебу. Может быть, Мэйскэ Камэи, на которого, несмотря на молодость, возложили столь ответственную роль, и был самой выдающейся фигурой среди молодых людей, получивших образование? Я думаю, что учеба за пределами деревни в юности, поднятое им в зрелом возрасте восстание, последовавшее затем бегство в Киото и Осаку и его деятельность там — все эти события тесно связаны между собой. Да, целый ряд безрассудных поступков привел Мэйскэ в тюрьму, где он и умер, но, если мои предположения верны, идея сбросить иго господства княжества путем установления связей с центральной властью не лишена смысла в контексте формирования личности Мэйскэ Камэи.

Дипломатическая команда, состоявшая из Мэйскэ Камэи и помогавших ему стариков, случалось, принимала суровые меры в отношении подозрительных лиц, которые под видом бегле-

цов из княжества проникали в долину с весьма неопределенными, с точки зрения политической, намерениями. Они выдавали себя за сторонников революционного движения в Киото и Осаке, но вполне могли оказаться тайными осведомителями и донести властям княжества об укрывшейся в горах деревне, поэтому с точки зрения самообороны подобные меры были крайне необходимы. За их осуществление отвечал молодежный боевой отряд, обученный обращению с новым оружием. В одном из сказаний, содержащем намек на такого рода события, рассказывается о том, что произошло в построенном на обобществленной земле огромном амбаре, в котором когда-то жил укрывшийся от людей Разрушитель. Однажды в долине появилось десять вооруженных самураев, которые, захватив в качестве заложников ходивших за ними по пятам детей, забаррикадировались в амбаре. Это была неприступная маленькая крепость, взять ее штурмом не представлялось возможным хотя бы потому, что когда-то здесь жил одинокий властелин — Разрушитель; поджечь амбар или разрушить тоже было нельзя — в нем хранились запасы зерна на случай неурожая. Помимо такой чисто практической ценности, амбар имел и другую — он рассматривался как

символ нашего края. Какую же избрали тактику, чтобы уничтожить преступников, не повредив амбара? Главаря вооруженных негодяев, которые вместе с заложниками заперлись в амбаре, уговорили жениться на местной девушке, и во время свадебной церемонии закололи и его самого, и всех его сообщников. Девушка, согласившаяся послужить приманкой и стать невестой главаря, присутствовала на этой кровавой резне; она потом прожила долгую жизнь, и в детстве я еще знал людей, которые помнили ее старухой. Когда ей пришлось стать невестой, она была еще совсем девочкой; во время церемонии, запутавшись в своем свадебном наряде, она оступилась, упала и сломала ногу, на всю жизнь оставшись калекой. Замуж она так и не вышла и жила тем, что выполняла всякую черную работу в соседних домах; взрослые вспоминали об этой старухе с теплотой, будто история ее произошла совсем недавно.

Если сопоставить поэтическую легенду, слышанную мной в детстве, с историческими фактами последнего периода Века свободы, эпизод приобретает вполне реальные черты. Скорее всего, эти бандиты вначале покинули княжество, увлеченные идеями революционного движения в Киото и Осаке, и попали в долину, спасаясь

от преследователей. А встретив там радушный прием, раздумали отправляться в Киото и Осаку и превратились в обыкновенных нахлебников. Несмотря на предостережения стариков, дети привязались к ним и в конце концов угодили в заложники. Может быть, главарь бандитов был обманут такой на первый взгляд нехитрой, примитивной уловкой, как псевдосвадьба, потому что молодому самураю, мечтавшему получить право навсегда остаться в деревне, трудно было противиться столь заманчивому предложению. Это был основанный на точном психологическом расчете и полностью себя оправдавший тактический ход еще совсем молодого Мэйскэ Камэи, которому на первых порах, пока гости-самураи не проявили свою бандитскую сущность, было поручено ублажать их.

Однако самое выдающееся деяние Мэйскэ Камэи, которое потребовало от него и умения правильно оценивать обстановку, и незаурядных дипломатических способностей, было совершено в период крупнейшего кризиса, пережитого нашим краем в конце Века свободы. Кризис начался с того, что весь наш край был захвачен восставшими крестьянами с низовий реки, которые до этого, зная о существовании деревни-государства-

микрокосма, называли нашу деревню Камэмура и считали ее запретной зоной, куда им нет хода.

В этом восстании — первом из трех восстаний, вспыхнувших в период Реставрации Мэйдзи, роль Мэйскэ Камэи была прямо противоположна той, которую он играл в следующем, втором, когда сам как зачинщик подвергся жестокому преследованию со стороны властей княжества. В первом же он выступал посредником, миротворцем, что ли, между восставшими и княжеством и не вел против властей никакой борьбы. Но было бы неверным упрощением представлять все таким образом, будто во время первого восстания он стоял на стороне властей княжества и способствовал его подавлению. Если бы так было на самом деле, те же самые крестьяне не отвели бы Мэйскэ столь важную роль в следующем восстании (правда, произошло оно через тридцать лет). Во время первого восстания Мэйскэ выступил как человек, который сумел сбалансировать чрезвычайно сложное соотношение сил между восставшими крестьянами и княжеством, а также привести к общему знаменателю взаимодействие сторон с соседними княжествами, лежащими за горным хребтом. Так оценивали его крестьяне. Доверяли ему и власти княжества. Поскольку во втором

восстании Мэйскэ Камэи участвовал уже полностью на стороне крестьян, не помышляя о сделке с властями княжества, он не мог не подвергнуться упорным преследованиям с их стороны.

Мэйскэ Камэи сыграл двоякую роль в обоих восстаниях, охвативших обширный бассейн реки, берущей начало в нашей долине. И тот факт, что даже третье восстание, вспыхнувшее уже после его смерти в тюрьме, то есть после Реставрации Мэйдзи, — так называемое «восстание против кровавого налога»[30] — тоже связывают с Мэйскэ Камэи, свидетельствует о том, что крестьяне, определяя стратегию и тактику борьбы и прикидывая, как вести себя на этот раз, принимали в расчет двойственное его поведение в предыдущих восстаниях.

Первое восстание было настолько неожиданным, словно, проснувшись однажды, жители деревни-государства-микрокосма вдруг обнаружили, что за ночь снег укрыл всю долину. Противиться ему они оказались бессильны. Это было самое невероятное событие за все долгое существование нашего края с момента его основания, но люди осознали, что произошло, только

---

[30] Примечания: 30

Кровавым налогом называли воинскую повинность.

когда стихия крестьянского бунта, поднимаясь навстречу течению реки, уже захлестнула долину. К тому моменту это было даже не восстание, а неукротимое вторжение огромной армии, хотя и состоявшей из крестьянских отрядов, вооруженных самым примитивным оружием. Отец-настоятель считает, что в долину пришло не менее тысячи человек. Их было во много раз больше, чем жителей деревни-государства-микрокосма, и устоять против такого мощного напора было невозможно. Если бы только деревня посмела отказаться кормить эту армию, она тут же была бы разграблена и сожжена.

В противоположность беглецам, которые стремились примкнуть к революционному движению в Киото и Осаке, повстанцы замышляли укрыться на территории соседнего княжества. Они предполагали возвести там временные укрепления и через местных правителей начать переговоры со своими властями, требовавшими их возвращения на родину. В зависимости от того, удастся осуществить этот план или нет, они предполагали либо продолжать крестьянскую войну там, где прежде жили, либо осесть в соседнем княжестве. Наш край был выбран в качестве перевалочного пункта. Восставшие крестьяне

— это более чем тысячное войско — поднялись вверх по реке. По той самой реке, одолевать которую стало еще труднее после того, как ведомые Разрушителем созидатели взрывом разрушили преграждавшую путь черную окаменевшую стену и мощный ливень смыл из долины всю грязь. Поднявшись по бездорожью, по которому за весь Век свободы, начавшийся в период созидания и теперь неуклонно катившийся к своему концу, как утверждают легенды, не прошел ни один человек, восставшие вторглись в наш край и заполонили долину и горный поселок.

Вряд ли можно предположить, что вторжение восставших в нашу долину произошло случайно, что спрятавшуюся в горах деревню они обнаружили неожиданно для себя, направляясь в соседнее княжество. Повстанцы спустились в долину стройными колоннами. Ни одного случая стихийно возникшего мародерства не было. Отец-настоятель показывал мне уцелевший кусок свитка, посвященного событиям тех дней. Вероятно, весь свиток целиком представлял собой единую по содержанию картину, но от нее сохранилась лишь сцена пирушки на обращенном к долине горном утесе, где рос тополь-великан и Разрушитель когда-то закалял свое могучее

тело, продолжавшее расти и после того, как патриарху перевалило за сто. Среди участников пирушки находился совсем еще юный Мэйскэ Камэи. Старики нашего края угощали гостей — руководителей повстанцев. Хозяева и гости беззаботно пили сакэ, рассевшись вокруг огромного ящика с едой, разнообразными закусками и сладостями. Внизу раскинулась долина; девушки и женщины несли еду и сакэ участникам восстания, обосновавшимся в только что построенных времянках, — в общем, повсюду царило праздничное оживление.

Если в связи с этой картиной всеобщего мира и согласия — притом, что в глубине души люди, несомненно, испытывали невероятное напряжение — вспомнить пришедшее извне название нашей деревни «Камэмура» (еще недавно я не знал его), то, сестренка, можно без всякого сомнения утверждать: предводителям восстания уже давно было известно, что у истоков реки пряталась деревня, располагающая огромными богатствами. Чужаки дали ей название Камэмура, бывшее метафорой для царства теней, и старались держаться от нее подальше, как от проклятого места. Когда им стало невмоготу жить по-старому, они, сначала поколебав вековые

устои, решили затем сокрушить их до основания. Начали с того, что вполне обдуманно направили армию восставших в проклятое место — царство теней, расположенное в кувшинообразной долине.

Для крестьян — а их было больше тысячи, — которые сумели одним махом уничтожить изоляцию от внешнего мира, существовавшую с периода основания деревни-государства-микрокосма в течение всего Века свободы, а затем решительно перевалили через горы и спустились в это метафорическое царство теней, совершенное ими являлось неким ритуальным действом, крайней мерой — на такой шаг идут, когда выбора уже нет. Другими словами, для них находиться в кувшинообразной долине — в царстве теней, посещать которое было строжайше запрещено предками, а также наслаждаться едой и пить изготовленное там сакэ значило осквернять себя, совершать страшный грех.

Однако как жители долины и горного поселка, так и восставшие крестьяне, судя по изображению на свитке, предавались веселью, и повстанцы на целых три дня задержались на выбранном ими перевалочном пункте. Им надо было, дождаться высланных вперед людей, которым поручили

выяснить, не откажется ли соседнее княжество принять восставших, когда они одолеют горный хребет. И вдруг на третий день на самой высокой точке крутой горной дороги наблюдатели заметили отряд преследователей — человек пятьдесят, вооруженных винтовками. Не успела весть об этом дойти до предводителей повстанцев, как командиры отряда уже спускались вниз.

В тот момент, когда самураи — командиры отряда преследования — направлялись по дороге в долину, раздался ружейный залп, и вдоль всего противоположного склона ее поднялись голубоватые облачка порохового дыма, точно обозначившие местоположение стрелков. Командиры отряда преследования и предводители повстанцев в страхе бросились на землю — позор для обеих враждующих сторон! Смятение было вызвано тем, что ни те, ни другие не были причастны к ружейному залпу. Обе стороны неверно его истолковали, решив, что идет пристрелка с целью припугнуть противника. В действительности же стреляли те, кто продолжал дело, начатое специалистом по взрывчатке — Разрушителем, некогда взорвавшим огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли. Это были юноши из боевого отряда деревни-государ-

ства-микрокосма. Из долины, занятой армией повстанцев, они потихоньку ускользнули в лес, чтобы в нужный момент по приказу Мэйскэ Камэи и стариков атаковать. Едва на дороге появились самураи княжества, Мэйскэ отдал приказ открыть огонь. Он пошел на это, чтобы запугать враждующие стороны до того, как выступит в качестве посредника на их переговорах.

Вторично наш край упоминается как участник событий, связанных с внешним миром, благодаря тому, что Мэйскэ Камэи, дождавшись, когда противники оправились от потрясения, вызванного ружейной пальбой, предложил выступить посредником между ними. Мэйскэ и старики вышли навстречу представителям властей княжества и проводили их в амбар, стоявший на общей земле. Там уже дожидались руководители повстанцев. Обе стороны при посредничестве Мэйскэ Камэи и стариков провели успешные переговоры. Восставшие прекрасно понимали невыгодность своего положения: хотя числом они и превосходили противника, на горном перевале, куда можно было подняться лишь по крутому склону цепочкой по одному человеку, их поджидал отряд, вооруженный пятьюдесятью винтовками. А представители княжества со своей стороны

тоже знали, что если восставшие, укрывшись в долине, решат оказать упорное сопротивление, подавить его силами отряда преследования будет практически невозможно.

В таких условиях заключение перемирия, предложенного Мэйскэ Камэи и стариками, создавало предпосылку для договоренности о самороспуске повстанческого отряда и возвращении крестьян в свои деревни, а также о том, что власти со своей стороны не допустят их преследования как возмездия за содеянное. Правда, руководители восстания все же кое-какое наказание понесли. Но и княжество вместе с тем негласно приняло требования восставших, и, таким образом, можно утверждать, что обещание пойти на уступки было им выполнено. Кроме того, в порядке компенсации оно установило свою власть над богатой деревней, производившей огромное количество высококачественного растительного воска. Так закончился Век свободы деревни-государства-микрокосма.

7

Сестренка, тот факт, что оценка деятельности Мэйскэ Камэи в нашем крае настолько гибка, что нередко себя же опровергает, можно уяснить

хотя бы из того, как он улаживал проблемы, связанные с первым крестьянским восстанием. Он спас наш край от угрозы превратиться в поле битвы между восставшими крестьянами, которых насчитывалось более тысячи человек, и отрядом преследования, посланным княжеством. Однако его действия в результате привели к окончанию Века свободы. И с тех пор резкой критике со стороны деревни-государства-микрокосма подвергался и плюралистический смысл его поступков, и плюрализм, лежавший в основе его человеческих качеств. Постепенно отрицательная трактовка его образа получала все больше распространение, и в конце концов для жителей нашего края он превратился в Мэйскэ-сан — Духа тьмы. Власти княжества тоже чувствовали, что Мэйскэ Камэи человек, с которым нужно держать ухо востро: об этом рассказывается в одной из легенд.

Однажды, когда из княжества впервые после восстания прибыли, чтобы ознакомиться с положением дел в долине, важные сановники, Мэйскэ Камэи приказал в разных местах на горных склонах, окружающих деревню, подготовить все необходимое для устройства фейерверка. Мэйскэ объяснял, что фейерверк призван про-

демонстрировать покорность представителям княжества, но на самом деле предпринял это с единственной целью — скрыть те места, откуда были произведены ружейные залпы перед встречей предводителей восстания и командиров отряда преследования. Во время фейерверка, преследовавшего эту тайную цель, Мэйскэ Камэи, тогда еще юноша, простодушно радовался невообразимому шуму, который он произвел…

— Значит, вот так вы оцениваете плюралистичность Мэйскэ Камэи… У ребят из моей театральной труппы такая трактовка, несомненно, вызовет интерес, и они ее обязательно обыграют. Но поскольку, как говорят, я нахожусь в кровном родстве с ним, мне положительная оценка деятельности Мэйскэ Камэи представляется сомнительной.

Когда режиссер, серьезно, казалось бы, взвесив мои слова, заявил это, у меня, сестренка, буквально дух захватило от возмущения; а он, будто сознательно наслаждаясь произведенным эффектом, продолжал спокойно вышагивать по дорожке, проложенной вдоль канала.

— Я тоже не считаю, что на этапе улаживания проблем, порожденных первым восстанием, полностью раскрылся сложный, скрытный ха-

рактер Мэйскэ Камэи. Однако, как я говорил вам и актерам, никто не станет отрицать его роль во втором восстании и оспаривать его самобытность, наложившую отпечаток даже на третье восстание, вспыхнувшее после его смерти и названное «восстанием против кровавого налога». Проявив себя незаурядным дипломатом, Мэйскэ, играя на публику, применял собственную стратегию и тактику, тем самым устраивая борющимся крестьянам основательнейшую встряску — не часто такое в жизни испытаешь.

— Но, может быть, в Мэйскэ Камэи просто скрывался некий стихийный талант — о чем, кстати, говорит употребленное вами не особенно лестное выражение «играя на публику»? Мне, хоть я и театральный деятель, все равно не хотелось бы в оценке его исходить только из того, что этот лидер восставших, «играя на публику», проявил себя блестящим режиссером. Его посредничество, которое привело к окончанию Века свободы, уже само по себе, как вы говорили, достойно осуждения. Я бы назвал его действия пораженческими.

— Если у нашего края и была возможность еще немного продлить Век свободы и сохранить полную изоляцию, то она заключалась лишь в том, чтобы позволить отряду преследования, поджи-

давшему восставших на границе с княжеством, перестрелять эту тысячу крестьян, а потом приказать боевому отряду нашей деревни истребить и преследователей. Но было ли это выполнимо? Мэйскэ Камэи, совершенно верно рассчитав: нет, невыполнимо, принял единственно правильное решение — покончить с Веком свободы. И вы называете это пораженчеством? Отдав наш край под власть княжества, Мэйскэ в конце концов пришел к тому, что сам поднял против него мятеж. Хотя и понимал, что никаких перспектив у него нет. Если же пойти дальше и увязать его действия с последующим ходом событий, которые привели к третьему восстанию, то можно с полным основанием утверждать, что Мэйскэ Камэи обладал исключительной политической прозорливостью. Что же касается того, как закончился Век свободы, то разве не проявились и в этом выдающиеся дипломатические способности Мэйскэ Камэи, благодаря которым наш край, на много лет ушедший из-под власти княжества, снова влился в него, не понеся никакой ответственности за свое прошлое? Всякий раз, когда Мэйскэ Камэи выступал против властей, действия его были крутыми и решительными. Вы, должно быть, видели хранящуюся в школе

«круглую циновку с воззванием»?

— Я тоже вспомнил о ней после того, как узнал недавно, что нашу деревню называли Камэмура. Мэйскэ Камэи, несомненно, было известно это название, и, я думаю, его метафорический смысл он воспринимал так же, как все остальные жители долины. Именно поэтому циновка не была круглой, хотя и называлась так. Она совсем не походила на те, что рассылались во время восстаний в других местах. Я обратил внимание — она имела форму кувшина! На циновках обычно по кругу писали названия деревень, которые призывали примкнуть к восстанию. Может быть, таким способом хотели подчеркнуть, что ответственность между всеми участниками распределяется поровну? Однако на воззвании Мэйскэ Камэи в центре, окруженная названиями других деревень, стояла четкая надпись: «Деревня Авадзи». Не зря, видно, власти больше всех преследовали именно Мэйскэ Камэи. Я долго недоумевал — к чему такая бравада? И только метафора — погребальная урна — подсказала мне догадку: названия восставших деревень повторяли на циновке контур кувшина, внутри которого помещалось название нашего края. Как бы взывая к потусторонним, темным силам, Мэйскэ хотел подбодрить отчаявшихся, за-

битых крестьян. Придя к такому выводу, я решил прочесть показания человека, у которого вызрел этот замысел. Но они оказались такими жалкими и беспомощными: «Это еще неизвестно, входил ли я формально в число руководителей восстания — я действительно отправился на их сборище, но когда пришел, совет уже начался…» И подобные жалкие оправдания повторялись без конца.

— Вы говорите, что его показания жалкие и беспомощные, но мне представляется, именно такими они и должны были быть, если вспомнить, в какой момент его жизни они писались. Позднее в тюрьме он писал решительно и открыто, в стиле прямо противоположном. Писал он и тайные письма, обращенные к нашей деревне, в которых призывал людей вооружиться и поднять восстание. Он умер в тюрьме, так и не выполнив своих намерений, но в письме к родным — к вашим предкам — клятвенно заверял, что, если умрет в тюрьме и тело его перестанет существовать, душа все равно навсегда останется в нашем крае и никогда не поднимется на небеса. Действительно, совсем не абсурдно звучит утверждение, что витающая над землей душа Мэйскэ руководила третьим восстанием, и, таким образом, все три восстания обрели смысл…

Чтобы нейтрализовать первое восстание, власти княжества удовлетворили кое-какие требования крестьян, однако на то, чтобы произвести коренные реформы в своей политике, ради чего и было поднято восстание, они не пошли. Даже наоборот — люди, сочувственно относившиеся к повстанцам, утратили после него всякое влияние. А глава княжества, стоявший на их стороне, вынужден был отойти от дел и поселиться в Эдо[31]. Мэйскэ Камэи в период, когда глава княжества находился у власти, был приглашен в замок и развлекал всех анекдотами из жизни деревни-государства-микрокосма. Вот одна из историй, которую Мэйскэ преподносил как совершенно достоверную:

— Наши предки, бежавшие из княжества и тайно поселившиеся в долине, были людьми цивилизованными, но, готовя себя к долгой жизни в отрыве от внешнего мира, они сознательно пошли на культурную деградацию. Если бы так продолжалось и дальше, мы бы уже вернулись назад к обезьянам. И нельзя забывать, что в цивилизованный мир мы возвратились благодаря великодушию княжества. Помощь пришла во-

[31] Примечания: 31
Старое название Токио.

время — еще немного, и было бы уже слишком поздно. Беседуя с вашей светлостью и вашими приближенными высокого ранга, мы с огромным трудом подбираем слова, которые были бы вам понятны. В нашем крае, населенном людьми, культурно деградировавшими, был взят курс на максимальное упрощение языка, даже назначен специальный языковед, работавший в этой области. Словарный состав был упрощен и сокращен до минимума. Например, собака называлась «ван», обезьяна — «нья», все, что летает в небе, — «поппо», все, что плавает в воде, — «тотто». В случае успешного завершения работы по упрощению языка и сокращению количества слов в нем должны были остаться лишь слова, доступные трехлетним детям, и наш язык превратился бы в самый примитивный в мире. К этому дело и шло. Действительно, зачем крестьянам, живущим в горной глуши, масса слов, да к тому же еще и сложных?

Новые власти, заставившие главу княжества уйти на покой и уехать в Эдо, установили новый налог, названный «подворовые обязательства». Для нашего края это была самая страшная из всех когда-либо взимавшихся податей. В течение многих лет независимая от властей княжества

деревня-государство-микрокосм накопила большое богатство, и в соответствии с новым налогом теперь каждый двор обязан был выплачивать столько, сколько платили сто дворов в обычных деревнях. Это было бы равносильно смертному приговору, если бы не уловка с книгой посемейных записей. В период тех горьких испытаний Мэйскэ Камэи и все остальные жители долины были солидарны в своих политических воззрениях.

Противясь новой политике насилия, главным в которой стали «подворовые обязательства», они начали готовить второе восстание. По своему замыслу оно повторяло первое, но Мэйскэ Камэи, можно сказать, придал ему новое направление. Так, по плану первого восстания предполагалось подняться вверх по реке и, используя наш край как плацдарм, сосредоточить там все силы, а потом сообща двинуться через перевал. Операция должна была осуществляться молниеносно, до того, как отряд преследования займет позиции на границе княжества. Мэйскэ решил коренным образом изменить план. Вынеся его на обсуждение совета, готовившего операцию, Мэйскэ снова доказал, сколь нешаблонно он мыслит.

Поскольку в первом восстании крестьяне, под-

нимаясь вверх по реке, потерпели поражение, во втором им следовало бы избрать другой курс и двинуться в обратную сторону. То есть пойти вниз по течению реки. Человеческий разум не в силах заранее предсказать успех или провал восстания. Когда человек сталкивается с чем-то, выходящим за пределы рационального постижения, он начинает опытным путем перебирать противоположности: небо — земля, левое — правое, верх — низ, добро — зло, свет — тьма. Иначе говоря, он пытается одно заменить другим: если сначала небо, то потом земля, если сначала верх, то потом низ — и так далее. Лишь этим способом ему удастся нащупать решение — сделать то, что не по силам человеческому разуму. С помощью таких доводов Мэйскэ Камэи удалось одержать верх в дискуссии.

Добившись принятия предложенной им стратегии, Мэйскэ оперативно разработал вплоть до мельчайших деталей новую тактику и применил ее. Поскольку скрупулезная подготовка восстания на этом этапе осуществлялась под неусыпным надзором Мэйскэ Камэи, вопрос о его непосредственном участии в самом восстании не имеет первостепенного значения. Крестьян, вошедших в совет восстания, называли ударной

группой. Им предписывалось размахивать над головой специально изготовленными флажками со словом «страдания», которое было, однако, начертано совсем не теми иероглифами, какими оно пишется обычно, а лишь звучащими так же, но обозначающими «малое восходящее солнце». Даже присутствуя на переговорах с властями княжества, каждый из членов ударной группы должен был только кричать: «Нас не проведешь, нас не проведешь!», и ни слова больше. Скандировать надлежало до тех пор, пока не будет вырвано обещание об отмене дополнительного налога.

Итак, восставшие, руководимые Мэйскэ Камэи, направились на этот раз вниз по реке. Позже жители деревень, расположенных в низовьях, обвинили их в том, что все их действия объяснялись стремлением уберечь свою деревню от разорения. Благодаря изменению стратегии и применению новой тактики, предполагавшей участие в восстании целых семей, которые несли свой скарб за спиной в соломенных мешках, восстание набрало огромную силу, и в него включились все жители окрестных деревень.

Спускаясь вниз по реке, восставшие направлялись в княжество, соседствовавшее с тем, под властью которого они находились. Обращение за

покровительством к находившемуся по другую сторону горного хребта небольшому княжеству, глава которого к тому же состоял в родственных отношениях с их князем, делало вполне реальной возможность переговоров с властями. В конце пути при переправе через реку случилось несчастье, и восставшие недосчитались многих своих товарищей. Тем не менее число повстанцев, обратившихся за покровительством к соседнему княжеству, достигало восемнадцати тысяч. В беседе между представителем властей и Мэйскэ Камэи, происходившей в присутствии высших сановников, повстанцы выдвинули новое требование: либо передать восставшие деревни соседнему княжеству, либо сделать крестьян, бросивших свою землю, его подданными; кроме того, была высказана просьба вернуть бывшего главу княжества, который ушел на покой и поселился в Эдо. Таким образом восстание затронуло интересы третьих сторон, что заставило центральное правительство выступить посредником между властями и восставшими.

— Восставшие победили, добившись обещания выполнить выдвинутые ими требования, крестьяне и их семьи благополучно вернулись в свои деревни. Итак, Мэйскэ Камэи добился пол-

ной победы. Вы говорили даже, что располагаете материалами, характеризующими его как выдающегося руководителя восстания. Почему же тогда ему пришлось, спасаясь от преследования, покинуть княжество, а позже написать слезное покаяние: мол, за восстание меня не в чем укорить, но все равно виновным называют лишь меня одного. Там содержатся и жалкие сетования на то, что кто-то намеренно распространяет порочащие его слухи, утверждая, будто он, присвоив деньги, собранные на нужды восстания, безбедно живет в Киото. Само по себе покаяние тоже было своего рода попыткой опротестовать приговор, но оно его не удовлетворило, и тогда ему пришла в голову странная мысль. Он решил обратиться к императору, с тем чтобы тот признал его независимость от властей княжества, и открыто вернуться в наш край. Объявив во всеуслышанье, что теперь они бессильны что-либо с ним сделать, Мэйскэ гордо прошествовал по владениям князя в сопровождении оркестра. Я думаю, центральное место в идеях Мэйскэ занимала опять-таки судьба нашего края, который он был готов защищать до конца. Благодаря его усилиям наш край был поглощен княжеством с минимальными потерями, и опять-таки только

благодаря его стараниям избежал опустошения во время второго восстания — но разве все это стоит Века свободы?! Мэйскэ подвергался резкой критике как человек, который положил конец Веку свободы, и в то же время, как мне представляется, именно он глубоко задумывался над истинным смыслом того, что представлял собой наш край с периода созидания до Века свободы. Как главный дипломат нашего края, он, видимо, безмерно страдал от того, что не мог быть откровенен с посторонними. Именно поэтому Мэйскэ, почти уверенный в том, что его посадят в тюрьму, вернулся из изгнания во владения княжества в сопровождении нанятого им оркестра, высоко подняв над головой собственноручно написанное воззвание. Действия Мэйскэ были направлены в первую очередь на то, чтобы потребовать возврата нашего края в прежнее русло, которое определяло его путь, начиная с момента основания и в течение всего Века свободы. Разве это не так? Опираясь на авторитет императорского дома, Мэйскэ подчеркивал неправомерность господства княжества над нашим краем, требовал независимости. Именно ради этого он и провел свою демонстрацию в сопровождении небольшого оркестра у стен замка — резиден-

ции главы княжества. Таким образом, Мэйскэ Камэи объявил внешнему миру, что существует необычное, имеющее свою собственную историю сообщество — наш край; это, кстати, и явилось главной причиной столь резкого его осуждения. Перед самой смертью он написал письмо, в котором приказал боевому отряду, взяв ружья, спрятанные в пещере, вызволить его из тюрьмы. Правда, при жизни письмо до его товарищей так и не дошло. А после смерти все написанное им — а это была довольно объемистая рукопись — передали вашей семье. Рассказывая мне об этом, отец-настоятель говорил, что рукопись была тенью, последним явлением настоящего Мэйскэ Камэи. Ведь из предания явствует, что он сошел с ума. Изображение Мэйскэ-сан, помещенное в алтаре, производит страшное впечатление, потому что это облик человека, потерявшего рассудок. Но я-то уверен, что он до конца своих дней сохранял ясный ум. Побывав в Киото, Мэйскэ безошибочно предугадал приближение Реставрации Мэйдзи. Предвидя огромные потрясения, которые должны были привести к упразднению не только княжества, но и самого правительства бакуфу, он обдумывал, как вернуть наш край в независимый мир Века свободы. И начал с того,

что призвал боевой отряд взяться за оружие и вызволить своего руководителя. Он понимал — сейчас или никогда. Но письмо его не попало на волю — он так и умер в тюрьме. Всего за три года до Реставрации Мэйдзи.

— Вы, я надеюсь, не станете утверждать, что даже Реставрация и та была осуществлена в соответствии с замыслом Мэйскэ?

— Но зато третье восстание, вспыхнувшее через четыре года после Реставрации, полностью продемонстрировало жизненность стратегии и тактики покойного Мэйскэ. Документы, переданные вашим предкам после его смерти в тюрьме, были с величайшим вниманием изучены новыми властями княжества и во многом определили их идеи. В том, что люди нашего края поклонялись Мэйскэ Камэи, превратив его в Духа тьмы — Мэйскэ-сан, явно сказывается двойственное к нему отношение: память увековечили, но заручившись негласным дозволением властей. Разве не так? Третье, так называемое «восстание против кровавого налога», внешне полностью выполнило поставленные задачи: посланец властей был доведен до самоубийства. Все документы, касающиеся «кровавого налога», которым облагались подворья, были сожжены. Но благодаря восста-

нию возникла и уловка с книгой посемейных записей, представлявшая собой тайный заговор, в который были посвящены только жители нашего края. Этот метод борьбы был выработан не кем иным, как Мэйскэ. Таким образом, он, уж во всяком случае частично, вернул независимость, которой обладал наш край с периода основания до конца Века свободы. Пусть эта независимость была наполовину скрыта от посторонних глаз, но он совершил, как мне представляется, большое дело. Нашелся, правда, человек — тот же Сигэхару Хара, — которого настолько потряс огромный смысл, заключенный в этой уловке, что он превратился в Быка-дьявола; но, по-моему, существование системы, основанной на идеях Мэйскэ Камэи, наоборот, воодушевляет. Я появился на свет вскоре после пятидесятидневной войны, уничтожившей уловку с книгой посемейных записей, но, родившись близнецами, мы с сестрой как бы продлили жизнь этой уловки. Я даже думаю, что именно уловка явилась главным стержнем, определившим характер всей моей жизни. Родившись близнецами, мы с сестрой продолжили традицию.

8

И вот, сестренка, в благодарность за мою пьесу и ту лекцию, которую я прочел молодому режиссеру и его актерам, они пригласили меня на вечеринку, устроенную на складе — в репетиционном зале. Вечеринка началась в три часа ночи. Столь позднее время объяснялось тем, что актеры, желая подготовить все как следует, нанялись подработать.

Что за подработка, можно было сразу догадаться по их нарядам; к тому же они пришли с едой и пивом. Актриса — одетая военной медсестрой, с толстым слоем грима на лице; актеры — в военной форме сухопутных войск императорской армии. В общем, они сыграли роли официантов в кабаре для американских солдат. Причем не просто официантов: помимо этого, они устроили целое представление, за что получили дополнительную плату. Довольные и возбужденные, они рассказывали, как пели военные песни и танцевали. Их представление должно было изображать военный оркестр, нанятый когда-то Мэйскэ Камэи. Это была своеобразная репетиция будущей постановки и в то же время — способ подработать, чтобы покрыть расходы на угощение; актеры ни

за что не взялись бы за работу, не связанную с пьесой, которую предполагалось поставить. Они буквально потрясли посетителей кабаре, заканчивая каждую свою песню отрепетированным возгласом «б-р-р-р!». На нашей вечеринке они тоже время от времени поднимались и, замерев, выкрикивали свое «б-р-р-р! б-р-р-р!», напоминавшее конское ржание. И актеры, и актриса были на подъеме, а режиссер говорил с какой-то удивительно спокойной уверенностью. Не могу удержаться, чтобы не передать тебе, сестренка, его слова:

— Пока мы подготовили одно «б-р-р-р!», но в дальнейшем предполагаем вывести в пьесе не только Сигэхару Хару и Мэйскэ Камэи, но всех персонажей, фигурирующих в мифах и преданиях нашего края. Подготовив такую пьесу, мы вернемся в долину и на сцене амбара для хранения воска поставим ее. Она будет идти долго, целую неделю. Могли бы вы придумать для меня более достойное занятие? Для меня, последнего рожденного в долине ребенка, как бы символизирующего гибель нашей долины и горного поселка?

Может быть, сестренка, я все выдумал, но этот юноша, в жилах которого, несомненно, текла

кровь Мэйскэ Камэи, заразил меня своим необыкновенным энтузиазмом по поводу пьесы, которую он мечтал поставить, и навел меня, человека, призванного описать мифы и предания деревни-государства-микрокосма, на мысль, которая прежде не приходила мне в голову. Мысль, что не только его верные друзья, но и я присоединился к их хору, выкрикивая «б-р-р-р! б-р-р-р! б-р-р-р!».

— Я бы очень хотел, чтобы на представление, которое мы устроим в долине, ваша сестра взяла с собой Разрушителя, выросшего до размеров собаки. Может быть, и Мэйскэ Камэи — одна из ипостасей Разрушителя, возродившегося в то трудное для деревни-государства-микрокосма время.

Письмо четвертое
Блистательная пятидесятидневная война

1

Как ты знаешь, сестренка, отец-настоятель так и не сделал нашу мать, в прошлом актрису бродячей труппы, своей законной женой. По ночам, устав от изучения легенд деревни-государства-микрокосма, он, напившись до потери сознания, с громким криком дотаскивал свое огромное тело из храма Мисима-дзиндзя, стоявшего в самом высоком месте долины, до нашего дома в низине, которую в сильный дождь заливало грязной водой. Рождавшихся детей — нас, близнецов, а также младшего и старших братьев — сообща воспитывали женщины, жившие по соседству. Так было и в то время, когда мать — человек, не приспособленный к такой жизни, — еще находилась в долине. А после того, как отец-настоятель изгнал ее, мы уже полностью превратились в общих детей растивших нас деревенских женщин. Поскольку отец-настоятель был одержим идеей сделать меня летописцем нашего края,

а тебя — жрицей Разрушителя, поручить наше воспитание общине деревни-государства-микрокосма он считал самым правильным делом, соответствующим его планам. Однако то, что из всех детей отца-настоятеля и матери только нас с тобой женщины считали по-настоящему своими детьми и к нам относились лучше, чем к остальным, имеет корни, уходящие в историю. Мне, как летописцу нашего края, не следовало бы самому вторгаться в нее, но, сестренка, в данном случае придется пойти на это. Дело в том, что письмо, которое ты сейчас читаешь, держа на коленях Разрушителя, выращенного до размеров собаки, посвящено тотальной войне между нашей деревней-государством-микрокосмом и Великой Японской империей. Способ регистрации в книге посемейных записей, который применили для нас, близнецов, кое-что добавляет к скудным сведениям об этой войне, не упоминающейся в истории внешнего мира.

Самым удивительным в этом способе было то, что для нас, близнецов — мы действительно родились в один и тот же год, месяц и день, отличались только полом, — подобрали почти одинаковые имена. Цуюми и Цуюки. И это не было простой случайностью. Деревня-государство-микрокосм

пятьдесят дней вела тотальную войну с Великой Японской империей и вначале одерживала победу за победой, но в конце ее потерпела сокрушительное поражение и за последующие сорок лет пришла в полный упадок. Этой записью старики деревни-государства-микрокосма, воспользовавшись рождением близнецов — первых детей, появившихся после войны, — как бы возродили старую уловку с книгой посемейных записей и отомстили победившей Великой Японской империи.

Разумеется, мщение носило не более чем символический характер — после поражения в тотальной войне, унесшей жизни боеспособной молодежи нашего края, от настоящего мщения пришлось отказаться. Единственное, что старики смогли сделать, — дать нам почти одинаковые имена, будто родилась не разнополая двойня, а один человек; но если вспомнить основную причину пятидесятидневной войны, эта уловка оказалась в самом деле прекрасно придуманным ходом. Я имею в виду уловку с двойным ведением книги посемейных записей деревней-государством-микрокосмом после «восстания против кровавого налога» в первые годы Мэйдзи. Суть уловки сводилась к тому, что двух разных людей

регистрировали в книге как одного человека, и благодаря этому количество людей в нашем крае, попавшем под власть Великой Японской империи, сокращалось наполовину. Правда, и от этой уловки пришлось отказаться в результате поражения в тотальной войне, но сразу же после ее окончания она была возрождена, хотя и чисто символически.

Если бы все, кто появлялся на свет в нашей деревне после нас с тобой, сестренка, были близнецами — жаль, что на самом деле это неосуществимо, — то, давая новорожденным почти одинаковые имена, независимо от того, как часто бы это случалось, мы могли бы символически исполнить завещание Мэйскэ Камэи: записывать в книге двоих как одного человека. Это формально означало бы, что один из них не существует. Правда, мы были единственными близнецами в нашей долине, родившимися после пятидесятидневной войны; впоследствии близнецы у нас вообще перестали появляться. Более того, резко упала рождаемость, и на сегодняшний день сложилось невероятное положение: за последние двадцать лет ни в долине, ни в горном поселке вообще не родился ни один ребенок!

Отец-настоятель, возмущаясь, говорил, что

близнецы перестали рождаться, поскольку молодые женщины на– шего края внутренне покорились Великой Японской империи. Они не хотят зачинать и рожать близнецов, чтобы старики деревни не использовали их для символического сопротивления Великой Японской империи. Отец-настоятель часто повторял это, и я, сестренка, тогда еще совсем ребенок, был твердо убежден: зачинать близнецов или не близнецов можно по собственному желанию.

Скорее всего поэтому я и усматривал глубокий смысл в существовании нас с тобой, близнецов, — столь редкого явления в долине и горном поселке. Как мне представляется, сестренка, мое эмоциональное становление во многом определялось тем, что мы — близнецы. Символическая отместка Великой Японской империи — единственное, что смогли сделать старики после поражения в пятидесятидневной войне, — тоже благотворно повлияла на мое формирование.

Вспомни, как ты, сестренка, каждое утро, чуть подкрасившись, отправлялась к отцу-настоятелю и в течение часа отрешенно восседала в храме, постигая искусство жрицы Разрушителя, а потом, так и не смыв с лица косметику, играла с деревенскими детьми — ты уже в те годы выделялась

среди них. А я, тоже подвергаясь ежедневной муштре, задолго до того, как стал осознавать это, примирился с ролью твоего партнера, всегда остающегося в тени. Я был твердо убежден, что будущему летописцу нашего края блеск и слава ни к чему. Конечно, я отличался от тебя и от братьев, сверх всякой меры проявивших свою индивидуальность. Все наши братья были со странностями, видимо, потому, что зачинались они отцом-настоятелем в невменяемом состоянии, когда он, напившись до чертиков, с яростными воплями бросался на нашу мать, и переполнявшая его злоба извергалась вместе с семенем — так утверждали женщины долины. Меня же одного он приблизил к себе и стал ежедневно давать уроки, чтобы научить описывать мифы и предания нашего края. В остальном я был самым обыкновенным ребенком. Мучась страшной зубной болью, я не раз острым осколком камня пропарывал вспухшую десну и, сплюнув кровавую слюну, терял сознание. А когда покинул долину, обо мне там даже не вспоминали, разве что как о твоей половине — мы ведь с тобой близнецы.

Так уже в детстве я не сознавал себя человеком, действующим в конкретных исторических

условиях, а жил скорее для того, чтобы описать мифы и предания, которым обучал меня отец-настоятель. Я говорил, что виной тому были уроки отца-настоятеля, но еще большую роль здесь сыграл символический акт стариков, зарегистрировавших нас с тобой, близнецов, в книге посемейных записей с почти одинаковыми именами.

Сестренка, с детских лет ты верховодила не только девочками, но и всеми мальчишками. Разумеется, это было до того, как ты откололась от сверстников. Поэтому вначале и я входил в твое окружение, но потом мне стало казаться, что взгляды, которые бросали на тебя мои товарищи, говоря сегодняшним языком, слишком откровенны. Они видели в тебе нечто светлое, а себя считали твоей противоположностью — темным началом. Однажды я присоединился к компании подростков, которые, оторвав доску в полу на втором этаже амбара для хранения воска, как раз над уборной, с вожделением смотрели на твой сверкающий, совершенной формы круглый зад цвета сливочного масла.

До сих пор, а мне уже больше сорока, эта сцена продолжает будоражить меня. Поскольку мы, сестренка, представляем собой неразрывные

части одного целого, я никак не могу решиться на брак с какой-либо женщиной, хотя близок был со многими. Удовольствия от близости с ними я не получал никогда, никогда с ними не забывался — может быть, потому, что они были как из другого теста. Я не мог слиться с ними. Когда мне приходилось словами объяснять, чего я добиваюсь, женщина сразу же становилась мне чужой. Женщина должна чутко реагировать, непроизвольно откликаться на мои действия, и мы должны двигаться к одной заветной цели. Каждый раз, вступая в новую связь, я наполовину бессознательно пытался с предельной деликатностью настроить партнершу именно на это. Понимая, что с первого раза добиться гармонии невозможно, я все же надеялся, что в один прекрасный день наши тела сольются в нужной позе и я наконец испытаю блаженство.

Одна гордячка, тоже, как и я, с исторического факультета, с которой мы некоторое время жили вместе, однажды вняла моему зову, и ее обычно сопротивляющееся тело вдруг легко пошло мне навстречу. Правда, то, что мы делали, показалось ей таким постыдным, что она даже начала всхлипывать. Но я чувствовал, как наши пылающие тела превращались в одно целое. Казалось, я на-

слаждаюсь за двоих, и в тот миг, сестренка, мне почудилось, что она — вторая ты…

Прочитав это отступление, вклинившееся в мифы и предания нашего края, ты, сестренка, держа на коленях Разрушителя, выращенного до размера собаки, наверное, беззаботно расхохоталась. Однако, рассматривая, так сказать, через призму чувственности символическое значение нашей регистрации в книге посемейных записей, я думаю, что характер моего вожделения тоже не лишен определенного смысла. Потому что главной силой, заставляющей меня описывать мифы и предания нашего края, является властное влечение к тебе, и с этим ничего не поделаешь. Для тебя это, разумеется, не новость, и именно поэтому, когда я был в Мексике, ты, будто в насмешку, прислала мне цветной слайд, на котором изображена обнаженной. А в письме подробно рассказала, что сфотографировалась после того, как приняла ванну, а потом полдня ходила голой. Эта восхитительная фотография — о такой я мог только мечтать — перенесла долгое путешествие по Центральной Америке и осталась в целости и сохранности. Да и в твоей бесшабашной жизни, сестренка, тебя оберегала символика того, что в книгу посемейных записей старики внесли нас,

близнецов, как одного человека, — разве не так?

Сопротивление стариков нашего края после поражения в пятидесятидневной войне, о котором повествуют легенды, выразилось лишь в попытке сохранить уловку с ведением книги посемейных записей. Старики полностью поддержали Великую Японскую империю в стремлении вычеркнуть из истории правду о пятидесятидневной войне. Если бы не это, разве могло бы случиться так, что никто из жителей долины и горного поселка, будто люди начисто забыли пережитое, ни словом не обмолвился о пятидесятидневной войне — самом героическом, самом трагическом событии со времени основания деревни-государства-микрокосма?

Великая Японская империя, противник деревни-государства-микрокосма, естественно, прилагала все усилия к тому, чтобы скрыть правду о пятидесятидневной войне, уничтожить доказательства того, что она имела место, и с этой целью были строго запрещены всякие упоминания о ней. В первую очередь этот запрет относился к потерпевшей поражение деревне-государству-микрокосму, но не только — цензура распространялась также на все селения в бассейне реки, протекающей по долине, и

на приморский городок. Особенно решительные меры были приняты в отношении офицеров и солдат, непосредственно участвовавших в боевых действиях. После войны они были переброшены в Маньчжурию и Китай, а позже — в страны Южных морей. Ни один из участников пятидесятидневной войны до конца боевых действий на Тихом океане не вернулся на родину. Более десяти лет сражаясь на фронтах, офицеры и солдаты — участники пятидесятидневной войны, скитаясь вдали от родины, постоянно воскрешали в памяти ту, другую войну, однако не решались сказать о ней ни единого слова. Я думаю, что и после капитуляции среди солдат и офицеров, не сложивших оружия, или среди тех, кто еще небольшими группами скрывался в джунглях на затерянных в океане островках, были и участники пятидесятидневной войны. Но Великая Японская империя так долго и упорно преследовала этих солдат и офицеров, что они в конце концов прониклись неописуемым страхом и были одержимы лишь одним желанием — бежать от собственной страны подальше. Во время пятидесятидневной войны недостаток сведений о деревне-государстве-микрокосме и слепая переоценка боевой мощи привели к тому, что армия

Великой Японской империи во всех сражениях несла огромные потери. Даже одно участие в боевых операциях тех офицеров и солдат, которым удалось выжить в этой войне, определило их дальнейшую судьбу — им предстояли долгие годы страданий. И уже после того, как в результате капитуляции в тихоокеанской войне заклятие Великой Японской империи было с них снято, они, демобилизовавшись, все равно продолжали хранить молчание о пятидесятидневной войне. Здесь, безусловно, сказался суровый долголетний запрет, но была и другая причина: жестокие репрессии, которым они подвергли жителей деревни-государства-микрокосма в конце пятидесятидневной войны, несмываемым пятном лежали на совести каждого из них.

В начале пятидесятидневной войны войска деревни-государства-микрокосма, устроив с помощью запруды наводнение, одержали блестящую победу, но эта операция, замысел которой был навеян мифами периода созидания, нанесла ущерб не только войскам Великой Японской империи: затопив огромный район в нижнем течении реки, она причинила неслыханные убытки. Однако власти страны заткнули всем рты, чтобы скрыть истинные размеры бедствия,

и всячески препятствовали распространению сведений о наводнении. Не сообщалось, конечно, о том, сестренка, что между сезоном дождей и началом лета в тот год, когда вспыхнула пятидесятидневная война, в наш край, поднявшись вверх по реке, вступили войска; не сообщалось и о том, что наводнением уничтожены поля в огромном бассейне реки. Полиция в городах и деревнях пыталась успокоить пострадавших от наводнения жителей, уверяя, что ущерб от затопления не столь уж велик: настоящего наводнения, мол, фактически не было — и люди, распускающие заведомо ложные слухи, будут сурово наказаны. Однако ущерб, нанесенный наводнением, по своим размерам превосходил любой из случаев, зарегистрированных в этом районе, так что вспомнили и о зловонном потопе, о котором упоминают древние сказания. Наводнение было вызвано освобождением огромного количества воды, которую сдерживала плотина. Провела эту военную операцию армия деревни-государства-микрокосма, тщательно готовившаяся к пятидесятидневной войне. Однако эта операция, в результате которой устремившийся вниз поток разом смыл целую роту армии Великой Японской империи, уничтожив всех тяжело снаряженных

офицеров и солдат, была построена на весьма зыбких расчетах и вполне могла закончиться провалом. Решение о ее проведении было подсказано Разрушителем, который явился во сне старикам. Отец-настоятель, чужак, участвовавший в пятидесятидневной войне в несколько необычном качестве, так рассказывал об этом.

В начале мая на рассвете все старики долины и горного поселка увидели один и тот же сон, из которого явствовало, что давно уже отсутствовавший Разрушитель вернулся в амбар для хранения воска. Поднявшись утром, старики тут же направились к амбару, крепко заперли его, запретили детям входить туда, а женщинам приказали носить на жертвенный алтарь еду для Разрушителя. Эти символические действия соединили сон и действительность.

На следующую ночь во сне, опять посетившем всех стариков одновременно, Разрушитель, которого узнал каждый — стройный великан, высящийся подобно утесу, — стоя к ним спиной, покачал огромной головой, теряющейся во мраке, и отдал такой приказ:

— Через полтора месяца губернатор префектуры, ссылаясь на параграф, гласящий: «В чрезвычайных обстоятельствах, когда возникает

потребность в присутствии войск или необходимы военные приготовления с целью обороны, разрешено просить командира дивизии или командира бригады прислать подкрепление», обратится с просьбой о вмешательстве армии для наведения порядка. Чтобы встретить ее во всеоружии, нужно камнями и землей завалить горловину — самое узкое место долины — и всю ее заполнить водой! Используйте бульдозер, чтобы закончить работу за двадцать дней, а то начнется сезон дождей, и тогда уж ничего сделать не удастся!

Со следующего утра начались земляные работы, на которые вышли все жители долины и горного поселка. В этих работах, явившихся исходной точкой операции, был максимально использован огромный, мощный бульдозер французского производства. Нужно, наверное, объяснить, сестренка, каким образом он попал в наш край. Почему в нашу крохотную, заброшенную деревеньку был завезен из Франции самый совершенный в мире огромный, мощный бульдозер? Дело в том, что, готовясь к войне с регулярной армией Великой Японской империи, вместе с этим бульдозером, используя его как прикрытие, старики тайно ввезли оружие и бо-

еприпасы. Из чего, кстати, следует, что в случае провала задуманной операции по затоплению долины направленная для наведения порядка рота, получившая на солдата всего по шестьдесят патронов, при ружейной перестрелке, которая неизбежно возникла бы у горловины, сразу же разгромить отряд деревни-государства-микрокосма не смогла бы.

На какие же деньги осуществляла деревня-государство-микрокосм свои прямые и тайные закупки? Торговля растительным воском в последние годы перед Реставрацией Мэйдзи способствовала возрождению нашего края, истощенного тремя восстаниями, и накоплению капитала. Тогда же удалось установить прямые экономические связи с Европой и Америкой. Однако ко времени пятидесятидневной войны вывоз растительного воска отошел в далекое прошлое, и его производство пришло в полный упадок. Где же в таком случае удалось деревне-государству-микрокосму раздобыть средства на приобретение всего того, что могло понадобиться в критический момент? При отмене эмбарго на золото и при последующем возобновлении запрета на вывоз золота, осуществленном Великой Японской империей, старики, вложив весь капитал, находившийся в

распоряжении деревни-государства-микрокосма, совершали долларовые сделки и получали огромные прибыли. Один из стариков нашего края, специально для этого выехавший в Нью-Йорк, ловко использовав снятие запрета на вывоз золота, успешно осуществлял спекуляцию вплоть до дня возобновления запрета, точно предсказанного ему во сне Разрушителем. Слушая рассказ отца-настоятеля, я никак не мог совместить сложившийся у меня патриархальный облик Разрушителя с обликом современного человека, руководящего спекуляцией долларами. Это был прекрасный пример того, как посредством психологического механизма сна осуществляется слияние воедино древности и современности. Если вдуматься в то, что спекуляция долларами, ставшая возможной благодаря осведомленности по поводу конъюнктуры рынка, позволила создать прочную экономическую базу для ведения пятидесятидневной войны, начавшейся примерно через пять лет, то станет ясно: действительно, это идея Разрушителя, представлявшая собой одно из звеньев плана войны.

Могучий бульдозер направился к тому месту у выхода из горной впадины, где когда-то громоздились огромные обломки скал и глыбы черной

окаменевшей земли, к самому узкому участку, именуемому теперь горловиной, и стал подрывать с двух сторон нависшие над долиной скалы. Однако до окончания подготовительных земляных работ полностью перекрывать реку запрудой было нельзя. Иначе жители в деревнях и городах, расположенных в нижнем течении, сразу же догадались бы, что в верховьях происходит что-то неладное, да и под напором воды воздвигаемая плотина была бы смыта. Тогда женщинам и детям долины и горного поселка поручили очень важную для осуществления всего плана работу, которая была им под силу. Они рубили в лесу бамбук и, состыковывая стволы, изготовляли трубы длиной в тридцать метров. Потом собирали их в связки по десять штук, которые бондари, проявляя удивительную сноровку, стягивали обручами. Разумеется, состыковка длинных труб тоже осуществлялась под руководством бондарей. Пятьсот таких труб уложили на дне реки в самой узкой части долины, где прежде была Большая запруда, устроенная Разрушителем. И пока бульдозер не засыпал горловину землей и плотина не была завершена, воды реки стремительно неслись по бамбуковым трубам. В детстве, сестренка, я слышал рассказ о том, что эти трубы,

использовавшиеся в пятидесятидневной войне, до сих пор лежат на дне глубокого омута ниже по течению. Ребята по секрету говорили мне, что в них живут сотни угрей. Они, правда, даже не пытались искать эти бесчисленные скопища угрей и ограничивали свои экспедиции районом Большой запруды. Лишь таинственные отголоски пятидесятидневной войны сохранились в легендах, которые ходили среди ребят.

Пока женщины и дети делали порученное им дело, стремительно продвигались вперед и земляные работы. Там, где при основании деревни-государства-микрокосма вход в долину преграждали огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли, была сооружена прочная плотина, не уступавшая по высоте той, что была здесь в давние времена. Так называемая горловина, где находилась конечная остановка автобуса, идущего в нашу деревню — сейчас эта дорога пришла в негодность, — во время пятидесятидневной войны выглядела совсем иначе. Рельеф горловины, образовавшийся в результате взрыва, устроенного Разрушителем в период созидания, был полностью изменен другим взрывом, когда в самом начале пятидесятидневной войны взлетела на воздух плотина, а после окон-

чания военных действий командующий армией Великой Японской империи, якобы уверившись, что горловина препятствует осуществлению надзора над горной впадиной, тоже с помощью взрывов расширил ее еще больше.

По сравнению со взрывом и ликвидацией его последствий — а это было грандиозное предприятие, сравнимое с передвижкой гор, — сама пятидесятидневная война представляется незначительной военной операцией. Ради чего же изнуренных войной офицеров и солдат уже после того, как деревня-государство-микрокосм погибла в результате войны, обрекли на такой адский труд? Возможно, чтобы с помпой возвестить: войска действительно вошли в эту укрытую в горах долину и были расквартированы там, но лишь для того, чтобы, готовясь к войне в Китае, которая вот-вот должна была начаться, провести в горной впадине, своим рельефом напоминающей будущий театр военных действий, большие маневры — настолько грандиозные по своим масштабам, что даже изменился рельеф местности. Но, может быть, командир роты, которому это было поручено, бросая измученных войной офицеров и солдат на выполнение такой огромной и фактически бессмысленной работы, руководство-

вался еще какими-то соображениями, имевшими магический смысл? Люди, живущие в долине, придерживались антигосударственных взглядов, что было выше разумения верноподданных слуг Великой Японской империи; и все эти люди: старики и молодежь, мужчины и женщины — оказывали сопротивление. Так вот, чтобы предотвратить повторение столь ненормального явления в будущем, необходимо было извести гнездящийся в горной впадине дух непокорства… Ради этого, мол, и было все совершено.

Теперь я задумываюсь вот над чем: не оказала ли и в самом деле магического действия их разрушительная работа, порожденная темным страхом, сродни тому, который движет людьми, когда они забрасывают камнями уже убитую змею? Со времени поражения в пятидесятидневной войне и по сегодняшний день продолжается упадок нашего края. И упадок этот привел к тому, что за последние двадцать лет в долине и горном поселке не родился ни один ребенок.

Жители деревни засыпали то место, где с двух сторон почти вплотную подступали друг к другу скалистые склоны, поросшие дикой азалией, — таким оно было до того, как его взорвали во время пятидесятидневной войны, — и, не перекрывая

наглухо реку, использовав бамбуковые трубы, поставили похожую на клин плотину, которая ни в чем не уступала громоздившимся здесь в древние времена огромным обломкам скал и глыбам окаменевшей земли. Когда бульдозер начал срывать склоны, чтобы засыпать горловину и заложить основание плотины, работала вся деревня: старики и дети, мужчины и женщины. В критические моменты истории нашего края всегда прибегали к совместному труду… Люди плечом к плечу, сплотившись, перетаскивали в мешках землю для сооружения плотины. Эта огромная работа, на которую были мобилизованы все жители долины, не прекращалась ни днем, ни ночью. Плотина между двумя склонами росла. Но тут наступил сезон дождей. Зарядил ливень, который не прекращался три недели. Затяжной дождь принес с собой неизвестно откуда взявшееся зловоние, окутавшее долину. Сползавшая с дамбы земля забила отверстия уложенных на дне бамбуковых труб, сток воды прекратился, и долина начала превращаться в огромную запруду. Но работа по укреплению насыпи и наращиванию плотины продвигалась вперед, и труд ни у кого не вызывал недовольства. После окончания Века свободы ничто, кроме двух восстаний, так крепко

не сплачивало людей деревни-государства-микрокосма, как угроза войны.

Силой, столь прочно объединившей волю людей, стал приказ Разрушителя, полученный стариками в их снах. Здесь нужно сказать еще и о том, что сама подготовка к пятидесятидневной войне дала возможность жителям долины наконец-то испытать на себе то, о чем повествует миф об основании нашего края Разрушителем и созидателями. Ясно, что предания об основании деревни-государства-микрокосма до этого воспринимались людьми лишь как мифы. А теперь каждый день совместного труда все больше убеждал их в том, что мобилизующая сила мифов весьма велика и что все они к тому же в своей деятельности исходят из реального опыта Разрушителя и созидателей. Можно с полной уверенностью утверждать, что, готовясь к пятидесятидневной войне, жители долины и горного поселка слили воедино личные и коллективные интересы и воплотили в жизнь то, о чем поведали мифы об основании деревни-государства-микрокосма.

Миф утверждает, что узкий вход в долину между двумя склонами гор был некогда завален огромными обломками скал и глыбами черной

окаменевшей земли, преградившими Разрушителю и созидателям дальнейший путь вверх по реке. Значит, можно снова перекрыть горловину высокой и широкой плотиной, и тогда она, как в давние времена, отгородит горную впадину от тех, кто будет подступать к ней снизу. А потом, в ливень, можно и взорвать ее. Именно так поступил Разрушитель, когда он основал новый мир — деревню-государство-микрокосм. Сопоставляя реальность с мифами, можно прийти к выводу, что коллективный труд людей в подготовке к пятидесятидневной войне не означал одного лишь отчаянного сопротивления вторгшейся армии Великой Японской империи. Это было величайшее предприятие, которое вполне можно поставить в один ряд с основанием деревни-государства-микрокосма. Такую мысль подтверждает мифологическая метафора — огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли.

И еще дождь. Сразу после взрыва, произведенного Разрушителем, — еще не успело улечься облако пыли над огромными обломками скал и глыбами черной окаменевшей земли — он хлынул вдруг и на пятьдесят дней затопил, парализовал созидателей. Тот ливень смыл из заболоченной низины все, что издавало зловоние, и

обнажил плодородную землю. И вот теперь снова припустил дождь, беспрерывно поливая занятых коллективным трудом людей. Он и заставил их понять значение дождя, о котором рассказывал миф. Тот дождь явился главной силой, позволившей созидателям основать наш край, поэтому люди верили, что и нынешний ливень будет им в помощь, и радостно работали под проливным дождем, не жалея сил ради сохранения и укрепления плотины.

Когда горловина, на дне которой лежали функционировавшие до последнего момента бамбуковые трубы, была полностью засыпана, кипящий водоворотами мутный поток стал поглощать долину. Первым ушел под воду наш дом, находившийся в самом низком месте, — там жила еще не родившая нас с тобой, близнецов, мать, добрая и приветливая со всеми, хотя отец-настоятель и не признавал ее своей законной женой. Матери с двумя сыновьями пришлось спасаться в храме Мисима-дзиндзя, стоявшем в самой высокой точке долины. Все время, пока шла подготовка к пятидесятидневной войне, мать, которую отец-настоятель по-прежнему третировал, находилась с ним под одной крышей. Вот тогда-то и были зачаты мы с тобой. Произошло

это не из-за возникшего вновь между матерью и отцом-настоятелем взаимного влечения, а скорее всего, на волне всеобщего чувства единения, сплотившего жителей долины и горного поселка, двигавшихся навстречу войне…

Как только долина, которую заволокло дождем, словно паром из кипящего котла, до краев заполнилась водой, неведомо откуда появилась и невыносимая вонь. Прямая ассоциация с мифом о страшном зловонии, с которым столкнулись в то давнее время Разрушитель и созидатели. А когда с помощью динамита, заложенного в нескольких местах, земляная плотина была взорвана и переполнявшая долину вода мутным потоком хлынула вниз, это своеобразное наступательное оружие в борьбе с армией Великой Японской империи было подкреплено еще более мощным — невыносимым зловонием. Страшное зловоние, в давние мифические времена уничтожившее все живое в заболоченной низине, выход из которой завалили огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли, люди образно связали со зловонием, возникшим оттого, что в результате сооружения огромной плотины в долине скопилось несметное количество воды, и поверили во вмешательство сверхъестественных сил,

которые помогут уберечь наш край, вступивший на путь войны. Быстро накопившаяся в долине-запруде вода была наступательным средством, таившим в себе и огромную губительную силу.

На высоченной, только что отстроенной клинообразной стене плотины, заменившей огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли, о которых говорилось в мифе, можно было увидеть выведенные дегтем большущие иероглифы: «Мы не поклоняемся чужим богам», «Непокорные японцы». Вряд ли эта надпись была сделана людьми Великой Японской империи для того, чтобы унизить тех, кто, укрывшись за плотиной, замуровал себя в долине. Ведь плотина тщательно охранялась боевым отрядом нашего края. Я думаю, сестренка, деревня-государство-микрокосм хотела, чтобы эти слова были восприняты так, будто она первой объявила войну. Даже после окончания Века свободы деревня-государство-микрокосм одним из основополагающих принципов считала необходимость скрывать от внешнего мира свою истинную сущность. Внешний мир так никогда и не узнал настоящего названия нашей земли обетованной. Слово «Авадзи» было вымышленным, вот почему я, человек, призванный описать мифы и преда-

ния нашего края, позволяю себе называть наш край только именем, придуманным дедом Апо и дедом Пери: деревня-государство-микрокосм.

Однако с началом тотальной войны с Великой Японской империей жители деревни-государства-микрокосма захотели продемонстрировать: мы коренным образом отличаемся от вас, мы совсем другие люди. Может быть, старики написали огромными иероглифами «Мы не поклоняемся чужим богам» и «Непокорные японцы», потому что, обратившись к тем временам, когда еще наш край не был под гнетом империи, перефразировали выражение «Непокорные корейцы» — так называли во время Великого землетрясения в Канто корейцев, против которых как против врагов нации выступила армия Великой Японской империи якобы для наведения порядка. Офицеры и солдаты армии Великой Японской империи, начавшие поход против деревни-государства-микрокосма, развязали войну тоже для наведения порядка, пролив в результате немало своей и чужой крови.

Пришел день начала войны, предсказанный Разрушителем в тех снах, которые увидели старики. Мутная вода, заполнившая всю долину и бешено клокотавшая у перемычки, поднялась до

критического уровня — плотина уже еле сдерживала ее. Отряд разведчиков, которые без сна и отдыха вели наблюдение, выдвинувшись вперед так далеко, что в любую минуту он мог быть смыт бушующим потоком, если бы плотину прорвало, вернулся в долину и донес о приближении армии Великой Японской империи. И так же, как в те давние времена, когда были взорваны огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли, на этот раз тоже был взорван заложенный в плотину динамит, и огромная масса черной зловонной воды бешено устремилась вниз. Солдаты и офицеры сводной роты армии Великой Японской империи, двигавшиеся по дороге вдоль реки, были мгновенно смыты потоком и захлебнулись в нем. Следующей операцией, предпринятой армией Великой Японской империи, стал розыск и кремация погибших при строжайшем соблюдении приказа о неразглашении. Освободившись от воды, долина освободилась и от зловония, и жители нашего края, воспрянув духом, преисполнились решимости вести войну до победного конца.

2

Солдаты сводной роты, офицеры, лошади были смыты черным зловонным потоком в первый день пятидесятидневной войны. В один миг словно по мановению волшебной палочки вся рота исчезла. Рота, приписанная к полку, дислоцированному в бывшем призамковом городе княжества, который в прошлом осаждали восставшие крестьяне из соседних деревень, спокойно совершала марш, словно повторяя путь, проделанный Разрушителем и созидателями, по проложенной вдоль реки дороге — еще крепкой, не размокшей, несмотря на затяжные дожди, невольно напоминавшие о событиях давних времен. Почему командир роты воспринимал реку, поднявшуюся на три метра выше обычного уровня и подступившую к самой дороге, как покладистое ручное животное? В чем-то его можно, пожалуй, оправдать: командиру роты и в голову не могло прийти, что в сердцах жителей затерявшейся в горах деревушки, на подавление которой была брошена его сводная рота, еще жив мятежный дух. Но разве ему не ведома была колоссальная мощь дождя, нависшего над лесом и сплотившего в одно целое обитателей земли

обетованной? Почему же он нисколько не встревожился? Большинство солдат, совершавших марш по дороге, проложенной в девственном лесу, конечно, испытывали страх перед мощью этого дождя, точно окутавшего весь мир. Почему же тогда они не сказали своему командиру: «С мощью, которую черпает у леса этот непрекращающийся дождь, даже всей императорской армии не совладать!» Когда же вдруг на дорогу обрушились грохот и тьма и они увидели, что на них из-за леса несется бешеный мутный поток, было уже поздно: их сбила с ног, поволокла вниз какая-то дьявольская сила, и они погибли, захлебнувшись в грязи. Черный поток мчал их, вырывая с корнем деревья, заглушая своим ревом крики гибнущих людей и ржанье лошадей…

Черная вода, устремившаяся вниз после взрыва плотины, превратившей долину деревни-государства-микрокосма в запруду, не только смыла солдат сводной роты, но и нанесла городам и деревням в низовьях реки ущерб значительно больший, чем обычное наводнение. Огромные страдания выпали на долю маленьких детей. В городах и деревнях, затопленных черной водой, вспыхнули эпидемии. Врачи назвали болезнь «местным отравлением» — это был страшный

недуг, с которым им еще никогда не приходилось сталкиваться. Бывали случаи, когда в больницу срочно доставляли детей, у которых несколько дней держалась высокая температура, все считали это осложнением после простуды, а они вдруг переставали мочиться, и даже промывание почек не давало никакого результата. Если кто и выживал, то долго не мог оправиться от болезни — казалось, организм всеми силами противился процессу выздоровления. Ко всему прочему в течение следующего года рождались уроды. После поражения в пятидесятидневной войне деревня-государство-микрокосм стала приходить в упадок, но в граничащих с ней городах и деревнях Великой Японской империи дела пошатнулись. Поскольку любые сообщения о войне, начавшейся с потопа, были строжайше запрещены, никто открыто о ней не говорил; некоторые даже утверждали, что и самого этого черного потопа вообще не было, но разве мог кто-либо забыть о черной зловонной воде, которая отравила землю, да и самих людей, в низовьях реки и повлекла за собой многолетние неурожаи и болезни? И если смотреть сейчас с расстояния, из наших дней, то все, что происходило тогда в долине, в городах и деревнях, складывается в картину общего упадка,

вызванного этим потопом…

Вторую военную операцию армии — розыск погибших офицеров и солдат сводной роты, смытых черным потоком, было приказано осуществить быстро и в полной тайне. На розыск бросили офицеров и солдат первого батальона. Поиски останков, как я уже говорил, явились вторым этапом пятидесятидневной войны. Трупы кремировали по мере обнаружения. Отец-настоятель говорил, что эффективности поисков содействовала черная зловонная вода. Это не он сам придумал, по-видимому, такое мнение распространилось среди многих. В детстве я часто слышал слово «дутик». Когда у самой воды находили черный вздувшийся труп крысы, всегда говорили: смотри, дутик. Мы еще в детстве обратили внимание на то, что это слово в нашем крае употреблялось, если речь заходила о погибших в черном потоке офицерах и солдатах.

Слово «дутик» произошло, разумеется, от слова «раздуваться», «вспухать», которое можно встретить в свитке «Стихи о девяти состояниях». Оно обозначает ту стадию разложения, когда тело покойного вспухает и чернеет. Однако люди нашего края, употребляя слово «дутик», не имели в виду просто одну из стадий разложения трупа.

Они использовали его специально для обозначения останков офицеров и солдат, погибших в черном потопе в самом начале пятидесятидневной войны. Объясняется это тем, что тела, найденные после наводнения, отличались от обычных утопленников — они были черными и вздутыми. Находить черные страшные трупы офицеров и солдат, если только они не были погребены в грязи, особого труда не составляло. Жители долины перешептывались, что, мол, черная вода окрасила тела офицеров и солдат в черный цвет и невероятно раздула их — они стали похожи на трупы лошадей, а те в свою очередь — на бегемотов. В результате широкомасштабной операции трупы были собраны и сожжены под открытым небом, однако в списках личного состава офицеры и солдаты сводной роты не значились погибшими. Все они якобы воевали на самых разных фронтах — в Китае, Юго-Восточной Азии, и, когда подходил срок, их повышали в чинах. Это продолжалось пять, десять лет, вплоть до окончания войны на Тихом океане. Долгие годы делами погибших офицеров и солдат сводной роты занимался один офицер штаба полка. Разрабатывая операцию за своим рабочим столом в уединенном кабинете, он на-

шел возможность сделать так, чтобы офицеры и солдаты сводной роты погибли вторично, но теперь уже официально, в Китае, в Юго-Восточной Азии, на Алеутских островах, на Окинаве, на транспортных судах, курсирующих в разных районах. Каждому из утонувших в черном потоке он избирал достойную смерть, составляя на них по всей форме извещения о гибели. Эту задачу навсегда закрепили за находчивым офицером.

Мне, человеку, не служившему в армии, трудно понять, какое место занимала его должность в армейской системе. Но я думаю, сестренка, что она связана с функциями оперативного отдела штаба. Это, можно сказать, штабная работа, сущность которой состоит в том, чтобы разрабатывать эффективные действия с дальним прицелом и следить за ходом их исполнения. Даже если эта кабинетная операция сводилась лишь к тому, чтобы погибших офицеров и солдат «похоронить» заново, осуществление ее представлялось делом совсем не простым. Например, пятерым было определено погибнуть в боях на острове Лейте. Следовательно, погибших офицеров и солдат, по-прежнему значащихся в списках личного состава, нужно было своевременно перевести в перебрасываемую туда четырнадцатую армию.

При этом вся подготовительная работа пошла бы насмарку, если бы офицер не предвидел, что на острове Лейте армию Великой Японской империи ждут долгие бесперспективные бои, в которых она понесет огромные потери, и включение в число погибших солдат-стариков не покажется противоестественным. Таким образом, работа по планированию подобной операции была связана с риском, что в армии тебя осудят как пораженца.

Самым страшным кошмаром в жизни офицера, повседневные обязанности которого сводились к тому, чтобы мертвых солдат и офицеров бросать одного за другим в новые бои и убивать вторично, а после этого посылать извещения о гибели, была такая мысль: вдруг война закончится раньше, чем все погибшие офицеры и солдаты, которые находились в его ведении, будут снова убиты? Но благодаря стараниям этого служаки, обладавшего богатым воображением, офицеры и солдаты сводной роты, уничтоженной в самом начале пятидесятидневной войны, после долгих «скитаний» по фронтам все до единого попали в списки погибших. Так офицер более десяти лет не покладая рук работал с покойниками — переводил из одной армии в другую, сообщал семьям об

их новом месте службы. Чтобы поддерживать переписку, он должен был читать письма родных, адресованные погибшим, которых они считали живыми, хорошо знать, что делается у каждого дома. В результате этот неженатый штабной офицер превратился в человека, имеющего сто семей. По природе своей человек порядочный, он старался писать от имени своих подопечных как можно реже, а когда оставить без ответа письмо, в котором сообщалось о смерти кого-нибудь из родных, было невозможно, посылал коротенькие, как телеграммы, открытки, а потом старался как можно скорее найти повод официально «похоронить» покойного солдата.

Можно себе вообразить дальнейшую судьбу офицера, когда он, многие годы прожив жизнью человека, которому мертвецы ближе живых, завершил свой безмерно печальный, бессмысленный труд и в конце концов вообще лишился службы в связи с капитуляцией. Судя по характеру работы, требовавшей строжайшей тайны, он, не исключено, был убежден, что, «похоронив» последнего солдата, вынужден будет послать извещение о смерти самому себе. Однако к тому времени, когда офицер выполнил возложенную на него задачу, Великая Японская империя рух-

нула, и система армейской иерархии вместе с ней. Он уцелел и скрылся. А что, если бы его деятельность и местопребывание стали известны и семьи офицеров и солдат сводной роты, заподозрив неладное, пришли бы к нему узнать правду о смерти своих родных? Ведь опасаться жандармерии уже не приходилось. Интересно, что бы он ответил им теперь, когда за его спиной не стоит бюрократическая машина армии Великой Японской империи, готовая прийти ему на помощь в любую минуту? Волна покатилась бы от одной семьи погибшего к другой, и ему не избежать бы настойчивых расспросов об офицерах и солдатах сводной роты, уничтоженной черным потопом.

Интересно, сестренка, где укрылся сейчас этот офицер? А я думаю вот что: если тебе вместе с Разрушителем, которого ты уже вырастила до размеров собаки, удастся спасти деревню-государство-микрокосм от упадка, то не надумает ли этот теперь уже совсем дряхлый офицер, отдавший полжизни тому, чтобы однажды погибших офицеров и солдат похоронить вторично, искать спасения в нашем крае? Ведь именно наш край — то место, где нет никого, кто бы мог его призвать к ответу. Ни одного родственника офицеров и солдат погибшей роты. И если этот одряхлевший

отставной офицер появится там, он попросит, чтобы ему сдали один из опустевших домов и позволили навсегда поселиться в возрожденной деревне-государстве-микрокосме.

Первым из деревни-государства-микрокосма, кто погиб в пятидесятидневной войне, был старик по прозвищу Человек, не слезающий с дерева. Говорят, главной причиной бед человечества явилось то, что обезьяна слезла с дерева. А этот старик перелезал с дерева на дерево, сидел на ветвях, спал в оборудованном им дупле. Человек, не слезающий с дерева, жил на подачки жителей долины и горного поселка — как известно, обычно милостыню подают, глядя на просящего сверху вниз, и только Человеку, не слезающему с дерева, ее чуть ли не преподносили, обратив взор вверх. Он постоянно жил на деревьях, упорно не желая слезать на землю, а когда ему все же приходилось спускаться, избегал ходить по земле ногами, как это делают все, и легко передвигался на руках. Что же касается его нелепой, жалкой смерти, то непосредственной ее причиной как раз и была необычность его поведения — жизнь на деревьях и передвижение по земле вниз головой.

Рассказ о Человеке, не слезающем с дерева, дошел до нас как легенда. Нечто вроде детской

сказки, никак не связанной с пятидесятидневной войной. Жил на свете старик по прозвищу Человек, не слезающий с дерева, который поселился не в долине, не в горном поселке, а на деревьях в ближнем лесу. Чужаки, спутав старика с обезьяной, подстрелили его, он упал вниз и легко побежал на руках; за ним погнались, приняв за какого-то неведомого зверя, догнали и забили насмерть. На него обрушился град ударов, но он, превозмогая боль, из последних сил старался удержаться на руках, и ноги его коснулись земли тогда, когда жизнь отлетела от него. Пересказывая эту легенду, дети не имели ни малейшего представления о том, что это за чужаки подстрелили Человека, не слезающего с дерева, а когда тот свалился и побежал, догнали его и убили. Ведь сам факт пятидесятидневной войны самым тщательным образом скрывался.

В детстве и юности у меня действительно были странные представления о Человеке, не слезающем с дерева. Как же это так — подстрелить, а потом забить до смерти безобидного старика, который много лет жил на деревьях, а до людского жилья за подаянием добирался на руках. Наверное, чужаки пришли в лес, чтобы стрелять белок-летяг, и виной всему обычное недоразу-

мение. Да и могло ли в самом деле случиться такое, чтобы стали догонять и избивать до смерти бегущего на руках человека? Если же действительно какие-то пришельцы преступили закон, то жители нашего края из одной лишь привязанности к деревенскому дурачку, жившему на деревьях и кормившемуся подаяниями, — а они ее, несомненно, к нему питали, — должны были бы сурово покарать этих чужаков.

Именно поэтому определение отцом-настоятелем роли, которую сыграла гибель Человека, не слезающего с дерева, в истории пятидесятидневной войны, показалось мне весьма убедительным. После черного потопа по дороге, покрытой такой вонючей грязью, что ее и дорогой не назовешь, преодолевая неимоверные трудности, поднялась новая рота армии Великой Японской империи. Если поход и гибель сводной роты считать первым этапом операции, а поиски в бассейне реки почерневших, вздувшихся трупов — вторым, то этот марш можно назвать третьим этапом. К тому времени армия Великой Японской империи уже понесла большие потери, и участвовавшие в новой операции офицеры и солдаты были порядком измотаны, тогда как деревня-государство-микрокосм сумела полностью

сохранить свои боевые силы. Следуя приказу Разрушителя, люди в течение полутора месяцев, предшествовавших войне, не покладая рук возводили плотину, и эта коллективная подготовка к решительным военным действиям способствовала подъему боевого духа. Для начала жители нашего края взорвали земляную плотину и, как в праздник фейерверку, радовались взметнувшемуся вверх мощному фонтану воды. Они ведь не видели почерневшие и вздувшиеся трупы, а то, что произошло, считали блестящим началом войны и верили в столь же блестящую победу.

В отличие от них офицеры и солдаты армии Великой Японской империи, осуществлявшие теперь третий этап операции, шли, охваченные ужасом: к едва сдерживаемому гневу и усталости примешивались воспоминания о вздувшихся трупах и страх перед новым потопом. К тому же им был неведом истинный смысл совершаемой операции. Да и вряд ли сам командир роты смог бы растолковать его своим офицерам и солдатам. Поход не имел целью атаковать вражескую армию далеко за пределами страны. Это была операция, предпринятая ради того, чтобы заставить одуматься прибегшую к уловке с двойным ведением книги посемейных записей общину, ко-

торая находилась в границах Великой Японской империи, однако подчинялась ей лишь наполовину. Но разве трудно вместо этого признать от имени его величества императора — верховного главнокомандующего, что эта необычная община действительно находится в ее границах? На этот раз рота была брошена не на восстановление общественного спокойствия: не на усмирение крестьянских беспорядков или подавление забастовки шахтеров. Задачей этой военной акции было лишь занятие затерявшейся в горах долины. В начале операции, казалось бы простой, не сложнее обычных учений, погибла сводная рота. Посланная вслед вторая рота была даже лишена возможности использовать в качестве тягловой силы лошадей и, борясь с непролазной грязью, с трудом продвигалась по уничтоженной потопом дороге.

И тут обессилевшие, да к тому же еще охваченные гневом и страхом солдаты, шагавшие днем и ночью, неожиданно наткнулись на Человека, не слезающего с дерева. Голый, лишь бедра повязаны какой-то рванью, всклокоченные волосы, мускулистые руки и ноги… Увидев его, такого, на ветвях, солдаты решили, что это обезьяна, — в этом не было ничего удивительного. Вот они и

подстрелили Человека, не слезающего с дерева. Легко представить себе, как, распаленные злобой, они погнались за этим странным существом, которое, получив ранение, свалилось с дерева, но попыталось, встав на руки, бежать, и забили его до смерти. В усталых головах солдат, испытавших к тому же еще и страх, никак не укладывалось, что перед ними самый обыкновенный человек. Они и не подумали, что в лесах Сикоку не бывает таких огромных диких животных. Но когда забитый ими до смерти зверь рухнул в грязь, они обнаружили, что это пожилой мужчина, худой, но зато с развитой мускулатурой, необходимой для обезьяньей жизни на деревьях. Солдаты не могли простить себе содеянное.

Жители долины были потрясены зверским убийством Человека, не слезающего с дерева. До того как вспыхнула пятидесятидневная война, старик не был членом деревенской общины. Давным-давно приспособив себе под жилье дупло на толстенной ветви дзельквы в девственном лесу за Дорогой мертвецов, он покидал «сферу своего жизненного пространства» только для того, чтобы добыть себе еду. Когда у него возникала в этом нужда, он становился на руки, пересекал дорогу, подходил к садам, росшим вокруг деревенских

домов, и оказывался среди людей. Тем не менее, с тех пор как этот старик, из-за мизантропии покинувший деревню, поселился на деревьях, он не перебросился с ними ни единым словом. Дети издевались над ним, бывало, даже бросали в него камни.

Однако, когда этого человека, жившего за пределами долины, подстрелили и забили до смерти солдаты армии Великой Японской империи, вся община — деревня-государство-микрокосм — почувствовала себя оскорбленной. До этого момента пятидесятидневная война по своей сути была войной между командованием армии Великой Японской империи и руководителями деревни-государства-микрокосма. Повинуясь приказу Разрушителя, данному старикам во сне, люди просто перешли на военное положение и вели себя соответственно обстоятельствам, не более. Но когда был зверски убит Человек, не слезающий с дерева, пятидесятидневная война стала войной для жителей долины и горного поселка, горевших праведным гневом.

Действительно, почему Человек, не слезающий с дерева, — деревенский дурачок — попался на глаза солдатам армии Великой Японской империи, направлявшимся в долину? Дело в том,

что к тому времени он вернулся в деревенскую общину и принял участие в пятидесятидневной войне. Его даже посылали в разведку. Операция по сооружению запруды в самом начале пятидесятидневной войны поменяла местами центр и периферию того района, где обитали жители долины, и Человек, не слезающий с дерева, который до этого жил вдалеке от деревенской общины, оказался в центре событий.

По мере осуществления плана строительства земляной плотины и превращения долины в заполненную черной водой запруду люди стали покидать ее и перебираться в горный поселок. Необходимо обратить внимание на то, что при переселении обветшавший амбар для хранения воска был разобран и перевезен на школьный двор в горном поселке. Эта огромная работа в напряженные предвоенные дни, шедшая параллельно со строительством плотины, означала стремление людей не допустить затопления жилища, в котором обитал Разрушитель. После пятидесятидневной войны амбар, где мы в детстве с вожделением подглядывали за тобой, сестренка, был возвращен на прежнее место. Когда вслед за первой, погибшей, новая рота начала подниматься вверх по реке для восстановления

общественного спокойствия, люди, перейдя Дорогу мертвецов, скрылись в девственном лесу. Другими словами, жители деревни-государства-микрокосма переместились туда, где жил Человек, не слезающий с дерева, до сих пор находившийся вне пределов деревенской общины.

К жизни в девственном лесу он был приспособлен лучше всех. И потому неудивительно, что оперативный совет старейшин почтительно пригласил его на свое заседание. Восстановив свой общественный статус, Человек, не слезающий с дерева, принял участие в пятидесятидневной войне. Его специфические навыки позволили ему возглавить отряд разведчиков: прячась в лесу, они стали спускаться вниз по реке. И вот тогда-то его заметили и подстрелили люди в военной форме. Упав на землю, Человек, не слезающий с дерева, пытался убежать на руках, но вооруженные солдаты догнали его и забили до смерти. После осмотра трупа солдаты Великой Японской империи совершили нечто вроде обряда погребения, а оставшиеся незамеченными разведчики, запомнив место, вернулись назад, и деревня-государство-микрокосм направила туда взвод, чтобы выкопать тело. Решено было освободить Человека, не слезающего с дерева, от

ненавистной ему земли. Тело его обмыли и кремировали, а прах поместили в дупло огромной дзельквы, в котором он жил, обосновавшись в лесу после того, как затосковал. Чтобы почтить память первого, кто погиб героической смертью в пятидесятидневной войне, в дупле этом был установлен жертвенный алтарь, перенесенный в амбар для хранения воска с тех пор, как Разрушитель снова объявился во снах стариков.

Глубоко потрясенная гибелью первой сводной роты, вторая экспедиционная рота, даже в полку отличавшаяся образцовой сплоченностью и преданностью офицеров и солдат своему командиру, вконец измотанная морально и физически, увязая в непролазной грязи, что осталась после потопа, уничтожившего их боевых товарищей, и не встретив никакого сопротивления, если не считать инцидента, в результате которого был убит посланный в разведку Человек, не слезающий с дерева, без боя вошла в нашу долину. Солдаты были покрыты толстым слоем черной грязи — после того как сошла вода, долина представляла собой болото, под ногой человека извергавшее черные фонтанчики. В этой грязи — стоило сойти с дороги, как люди проваливались по колено, — роились мириады мух. Точно из

засады вылетали они навстречу марширующей роте из залепленных грязью домов. Стоило взмахнуть рукой, как они сбивались в черную тучу и начинали с громким гудением кружить. Но постепенно туча рассеивалась и исчезала. В долине роту встретили только эти мухи — как призраки погибших; офицеры и солдаты не увидели ни одной живой души. Даже ни одной собаки.

В полдень, когда рота в поисках партизан прочесала долину и взводы наконец промаршировали, не встретив сопротивления, к горному поселку, во двор начальной школы, где разместился оперативный штаб, и доложили о завершении операции, запыленные и грязные офицеры и солдаты, страдавшие от невыносимой жары и влажности, выглядели вконец измотанными. Казалось, они до сих пор никак не могут взять в толк, что это и есть настоящая война и незачем изводить себя мыслью, что им приходится участвовать в какой-то жалкой военной игре, которая даже на учения не тянет. Преодолевая немыслимые трудности, они пришли сюда по утопающей в грязи дороге. В постоянном напряжении от страха, что на них тоже может обрушиться потоп, они шли, изнемогая от жары и влажности, а теперь расположились лагерем в долине, сплошь покры-

той слоем липкой грязи. По пути сюда они своими глазами увидели следы потопа, уничтожившего первую сводную роту, оценили огромный ущерб, нанесенный городам и деревням в низовьях реки. Но что за слухи поползли по роте, будто потоп был устроен окопавшейся здесь армией мятежников? Может быть, сначала и жители долины были уничтожены этим наводнением — вот и не видно ни живой души? Тогда, значит, солдаты, снова страдая от невероятной жары и влажности, по грязи, которая, кажется, никогда не высохнет, совершат обратный марш и ни с чем вернутся назад. А вдруг первая рота была послана сюда, чтобы откопать эту утонувшую в грязи деревню и сделать пригодной для житья? Не говоря о солдатах, даже офицеры, усталые и негодующие, уселись прямо на земле, не обращая внимания на вонь и грязь. В начале операции, поднимаясь вдоль реки в глубь леса, они не представляли, что их ждет впереди, но теперь чувствовали — в конечном пункте похода их подстерегало нечто крайне для них нежелательное.

Лишь один командир роты, капитан, пользовавшийся большим уважением среди офицеров и солдат — в предании о пятидесятидневной войне его называют Безымянным капитаном, — на-

пряженно обдумывал новую операцию, которую предстояло провести. Попытка солдат выгрести грязь из учительской в начальной школе, где временно разместился штаб роты, не удалась — отмыть ее как следует они не сумели, потому что вода в реке все еще была черная. Капитан предчувствовал, что в военной операции, которую младшие офицеры и солдаты считали несерьезной, встретятся еще огромные трудности, что самое страшное впереди.

Сам капитан, до того как его рота без боя вошла в долину, еще думал: не был ли потоп, уничтоживший первую роту, обычным стихийным бедствием? Такое огромное наводнение вряд ли могло быть делом рук человеческих, предполагал он. Однако теперь, увидев, что происходит в оккупированной долине, этот офицер, отличавшийся незаурядным военным талантом, должен был признать, что его предположения, идущие вразрез с догадками подчиненных, совершенно не оправдались. Обследуя долину, он выяснил ее геоморфологические особенности, понял принцип возведения плотины и восстановил картину наводнения. Больше всего потрясло капитана, пытавшегося осмыслить увиденное, то, что в долине, превращенной в запруду, где

набралось воды на целый потоп, он не увидел не только ни одного утопленника из местных — это еще куда ни шло! — но даже ни одной утопшей коровы или собаки. Нынешний противник капитана укрылся в засаде, поджидая, когда на горной дороге появится сводная рота под командованием его боевого товарища, и обрушил на него потоки воды и грязи из превращенной в запруду долины. Взорвав плотину, он скрылся, захватив с собой не только всю скотину, но даже собак. Итак, противником, с которым капитану предстояло сражаться, командовали люди достаточно опытные — то, что они осуществили, свидетельствовало об этом со всей определенностью. Жители деревни, покинувшие долину, судя по донесениям армейской разведки, нигде поблизости не обнаружены. Однако на пути следования роте попался человек, который, подобно обезьяне, перебирался с дерева на дерево, а когда его ранили, пытался убежать. Подчиненные считали, что это какой-то безумец, сбежавший в лес. Ну а что, если он с дерева наблюдал за продвижением роты? Главные силы, пославшие его в разведку, то есть отряды, сформированные из местных жителей, покинувших свои дома и скрывшихся в горах, готовятся к решающему

сражению. Они прячутся, естественно, в лесной чаще, окружающей долину. И если рота капитана попытается их атаковать, легко ли ей будет противостоять действиям партизан, прекрасно знакомых с рельефом местности и занявших выгодные позиции, с которых удобно наблюдать за всеми передвижениями в долине?

Нынешняя кампания неизбежно затянется, должен был твердо сказать себе капитан. К тому же в этой войне нужно во что бы то ни стало ограничить боевые операции узкой полосой леса, окружающего долину, и всячески избегать того, чтобы информация о войне попадала к кому-либо еще, кроме высшего командования армии. А когда она окончится, необходимо внушить и своим подчиненным, и жителям долины, нашему бывшему противнику, что никакой войны вообще не было, что все это пропаганда подстрекателей из Китая и стран Южных морей, призванная развалить наш тыл. Но где это видано, чтобы вся ответственность за исход войны, сопряженной со столь огромными трудностями, была возложена на одного человека?

Предаваясь этим мрачным мыслям, капитан тем не менее не позволил себе усомниться в полученном приказе или отказаться от его

выполнения. Больше всего его боевой дух воспламеняло честолюбивое стремление одержать победу в схватке с командующим вражеской армии, который так умело руководит действиями необученных жителей долины — стариков и молодых, мужчин и женщин. А этим командующим вражеской армии был не кто иной, как Разрушитель, который появлялся лишь в снах — сначала только стариков, а потом и всех остальных жителей долины.

Действительно, капитан не имел иных честолюбивых замыслов, кроме как достойно сразиться с тем, кто руководил боевыми действиями противника, — даже если им и был Разрушитель, появлявшийся и отдававший приказания во снах. Дело в том, что уже с самого начала капитан оставил надежду выжить в этой кампании, которая грозила перерасти в затяжную войну, то есть после того, как он в длительном сражении очистит Великую Японскую империю от врагов внутренних. Имена погибших солдат и офицеров сводной роты, разгромленной из-за непредусмотрительности командования, были скрыты, но в дальнейшем эти анонимные жертвы, формально переброшенные на фронты Китая и Юго-Восточной Азии, обретут наконец право на

смерть. Чтобы избежать распространения слухов о войне, происходящей внутри страны, офицеры и солдаты командуемой им роты тоже будут сразу же отправлены в Китай, где их начнут перебрасывать с одного участка фронта на другой. Но было бы неверно ставить капитана, который вынужден взять на себя всю ответственность не только за нынешнюю операцию, но и за первую, поскольку командир сводной роты погиб, в один ряд с остальными офицерами и солдатами, обреченными на молчание. Окончание войны — вот время его смерти, и погибнуть раньше, чем она будет завершена, ему не позволено. Ведь содержание приказа, полученного от командования, известно ему одному.

Таким образом, командир роты, с одной стороны, руководил операцией, с другой — разрабатывал способ исчезнуть к концу войны из всех списков личного состава, словно он вообще не служил в армии Великой Японской империи. И действительно, когда военная операция была закончена, он таинственным образом исчез, как если бы это его подчиненные потерпели поражение. А бывшие его офицеры и солдаты — примерно в то же время, когда офицеров и солдат уничтоженной первой сводной роты на

бумаге перебросили на фронты Китая и стран Южных морей, — были высланы из Японии. Им было строжайше запрещено даже вспоминать о пятидесятидневной войне или называть имя своего бывшего командира, к которому они относились с таким большим уважением. Именно по этой причине безжалостно муштровавший меня отец-настоятель, рассказывая легенды о пятидесятидневной войне, вынужден был называть этого командира Безымянным капитаном.

В ходе пятидесятидневной войны Безымянный капитан отдавал все свои силы руководству операцией, направленной против Разрушителя, бросившего ему вызов теми снами, что увидели жители долины и горного поселка. Одержав в конце концов победу, он вынудил сдаться уцелевших, которые укрылись в девственном лесу. После этого он выстроил у Дороги мертвецов старых и молодых, мужчин и женщин и устроил судилище, используя книгу посемейных записей, которую принесли ему старики нашего края. Это было судилище, безжалостно вскрывшее уловку с двойным ведением книги посемейных записей. Последовательно придерживаясь принципа: одна запись — один человек, Безымянный капитан неукоснительно выполнил тайный приказ на-

правившей его сюда страны. Он круто обошелся с теми, кто значился в книге посемейных записей под одним именем. Независимо от того, кто это был — старый или молодой, мужчина или женщина, принцип был общий: каждого второго из жителей деревни казнили. Таков был результат этого кровавого судилища. Но будь капитан хоть чуточку гуманнее, он бы без труда додумался, что, заведя просто-напросто новую книгу посемейных записей, удалось бы достичь того же, что было достигнуто путем убийств. Существует точка зрения, что Безымянный капитан, не колеблясь, устроил жестокую расправу и совершил казнь в отместку за то, что, несмотря на все угрозы, потерпевшие поражение не захотели выдать человека, командовавшего ими в пятидесятидневной войне. Безымянного капитана, которого все больше утомляла и изматывала война, даже средь бела дня стали посещать видения: ему казалось, что он беседовал с самим командующим армии долины. Есть люди, которые усматривают в этом симптомы тяжелой душевной болезни и считают, что подтверждением ее была и устроенная им жестокая расправа, завершившая пятидесятидневную войну, и полное уничтожение горловины — самой узкой части долины, и

последовавшая вскоре его смерть…

3

Книга посемейных записей, послужившая основанием для жестокой расправы, устроенной Безымянным капитаном, как я уже говорил, вместе с домашним скарбом была унесена стариками, когда все жители долины и горного поселка укрылись в девственном лесу за Дорогой мертвецов. Если старики собирались и после поражения в пятидесятидневной войне скрывать от властей уловку с двойным ведением книги посемейных записей, то не было необходимости уничтожать ее — достаточно было оставить книгу в затопленной деревенской управе, когда долина была превращена в запруду. Может быть, это и ввело в заблуждение Безымянного капитана, неукоснительно выполнявшего свой долг в пятидесятидневной войне. Собрав оставшихся в живых людей нашего края, он стал зачитывать одно за другим имена из посемейных записей и обнаружил, что благодаря уловке два человека значились в ней как один. Одному из них он разрешал пересечь Дорогу мертвецов и спуститься в долину. Судилище длилось долго, но вот наконец он захлопнул книгу, широко расставил локти и,

опершись обеими руками на рукоять меча, стоявшего между ног, вперился взглядом, будто перед ним бестелесные призраки, в стариков и молодых, мужчин и женщин, молча сгрудившихся на противоположной стороне Дороги мертвецов.

— Этих людей не существует, — объявил он.

Когда началась пятидесятидневная война, старики не только унесли с собой в лес и сохранили, несмотря на трудности, которые им пришлось пережить в ходе боев, книгу посемейных записей, но и потерпев поражение, постарались как можно скорее вручить ее армии Великой Японской империи. Почему же они с такой беспечной легкостью отдали в руки властей книгу, вскрывавшую суть двойной организации нашей деревни-государства-микрокосма? Неужели им не хватило воображения, чтобы предусмотреть последствия? Пусть офицеры и солдаты, находившиеся в подчинении у Безымянного капитана, не были поставлены об этом в известность, но старики-то знали, что цель наступающей армии Великой Японской империи — положить конец уловке с двойным ведением книги посемейных записей и подчинить центральной власти половину скрытых жителей долины. Почему же они пошли на это? Ведь должны были они предпола-

гать, что в случае поражения придет расплата?

Неужели старики, стоявшие во главе деревни-государства-микрокосма, не могли избрать другой путь: оставить книгу посемейных записей в затопленной долине, не вступая в войну, пересечь всей общиной Дорогу мертвецов, пройти сквозь девственный лес и затеряться в каком-нибудь большом городе, сославшись на то, что книга посемейных записей давным-давно утеряна? Разве не могли они на худой конец объявить об окончательной ликвидации деревни-государства-микрокосма, просуществовавшей многие годы со дня ее основания созидателями под предводительством Разрушителя?

Однако старики нашего края избрали прямо противоположный путь. Если взглянуть на происшедшее с их позиций, то можно считать, сестренка, что они действовали по указанию Разрушителя, явившегося им во сне. Жители долины и горного поселка вели пятидесятидневную войну как раз во имя того, чтобы, объявив Великой Японской империи об уловке с двойным ведением книги посемейных записей, доказать тем самым ее армии, что деревня-государство-микрокосм существует на самом деле. Доказать, что деревня-государство-микрокосм существует

как антигосударственное образование, которое, хотя и находится в границах Великой Японской империи, не может быть стерто с лица земли иначе как путем уничтожения половины жителей, не признающих над собой ее власти. Чтобы продемонстрировать это, люди, выполняя полученные во сне указания Разрушителя, вступили в единоборство с Великой Японской империей. И капитулировали не потому, что силы их иссякли, а чтобы дать возможность укрывшимся в девственном лесу выразить протест в адрес обезумевшего Безымянного капитана, действия которого были равносильны военному преступлению. Передача книги посемейных записей явилась полной достоинства демонстрацией того, что деревня-государство-микрокосм существовала. Так они рассматривали акт капитуляции.

Судилище было учинено Безымянным капитаном потому, что он попался на эту удочку, но его дальнейшие действия показали, что он был верен себе в неуклонном следовании избранным принципам. Как человек, которому доверено проведение второй экспедиции, организованной командованием полка, он понимал, что нет другого способа исполнить свой воинский долг перед верховным главнокомандующим — его

величеством императором (чего и ждал от него полк), — как сразиться насмерть с командиром противника, сильным врагом, заставить его капитулировать и тем самым отомстить за поражение в начале войны, а потом, выполнив свою миссию, исчезнуть, оставшись в памяти людей Безымянным капитаном. Пятидесятидневная война была войной двух командиров, в которой отчетливо проявлялась символическая экзистенция Разрушителя, существовавшего лишь в сновидениях, и Безымянного капитана, который вел ее, преследуя одну-единственную цель — самоуничтожение. В пятидесятидневной войне, сестренка, участвовали самые обыкновенные люди: одних вел командир, являвшийся лишь во снах, других — командир, обреченный на небытие, но я думаю, что именно эти двое сыграли значительно более важную роль, чем все непосредственные участники войны, вместе взятые.

Как человек, описывающий мифы и предания деревни-государства-микрокосма, я считаю естественной такую концепцию войны, при которой и в облике Разрушителя, являвшегося лишь во снах, и в облике Безымянного капитана, обреченного на небытие, в течение пятидесяти дней военных действий явно прослеживались

сходные черты. Это было, так сказать, сходство антиподов — они дополняли друг друга, как лицо и изнанка. Например, Разрушитель руководил военными операциями, являясь людям во снах. Безымянный капитан тоже только во снах узнавал о дальнейшем ходе событий. Правда, этот замкнутый бесстрашный человек никогда никому не рассказывал о том, что, как только он засыпал, ему тут же начинали сниться сны, поэтому можно лишь догадываться, что это были за сны. Более того, даже бодрствуя, средь бела дня, Безымянный капитан вел себя так, будто его наяву посещали видения, чем приводил в ужас своих подчиненных. И лишь когда пятидесятидневная война вступила в свою последнюю фазу, военный врач однажды сказал:

— Едва мы вступили в долину, командира роты, как ни трудно в это поверить, средь бела дня стали посещать видения.

В первый день оккупации офицеры и солдаты, без боя занявшие долину, еще хранившую следы длительного затопления, ждали результатов военного совета, который заседал в учительской начальной школы, слоняясь по спортивной площадке, где с утра стояла невыносимая жара и духота. Всю долину покрывала черная зловонная

грязь, и, несмотря на яркое солнце, не было никаких признаков, что земля подсыхает: вокруг — ни одного местечка, где можно было бы присесть. Унтер-офицеры и солдаты, утомленные ожиданием, переполненные злостью и негодованием, стояли понурившись, и лишь одно примиряло их с происходящим: осталась позади угроза нового потопа и отступил страх быть обстрелянными из темных, густых зарослей леса — все, что держало их в постоянном напряжении, пока они поднимались вверх по реке. Им было невдомек, что операция все еще продолжается и конца ей не видно. Унтер-офицеры и солдаты, с ног до головы покрытые грязью, все еще ощущали тяжелый запах вздувшихся трупов боевых товарищей, которых они пять дней назад разыскивали и перетаскивали на себе; из памяти их не выветрилась трагическая гибель первой сводной роты, но они все равно не сомневались, что вот-вот из штаба выйдут офицеры и объявят: мы проводили крупные маневры, во второй половине дня возвращаемся в распоряжение полка. И тем не менее особой радости от предполагаемого возвращения по той же вонючей грязи они не испытывали.

Однако в двенадцать часов из штаба появились мрачные, озадаченные офицеры и огласили при-

каз: в течение десяти дней оставаться в долине с целью поддержания общественного спокойствия, для чего реквизировать жилье и подготовить его к размещению роты. Причем расселяться предписывалось не в горном поселке, не пострадавшем от наводнения, — реквизировать дома надлежало только в долине. Это был своего рода способ вернуть в жилое состояние дома, особенно пострадавшие от воды и грязи. Младшие офицеры и солдаты роты, заняв сохранившиеся дома — а их, в общем-то, оставалось немного, — фактически все жилье, которое поддавалось ремонту, привели в порядок. И что касается настороженно двойственного отношения к военным, которое проявляли жители нашей долины в годы войны на Тихом океане, то в основе его, как мне кажется, лежала наряду с неприязнью и немалая доля сарказма по поводу того, что боевые товарищи убитых офицеров и солдат во время пятидесятидневной войны ремонтировали перепачканные грязью дома после наводнения, устроенного для разгрома армии, к которой принадлежали эти офицеры и солдаты.

Грязь еще не успела засохнуть, и убрать ее особого труда не составило. Но отмыть дома дочиста оказалось делом нелегким, так же как и

при подготовке помещения для штаба роты. У каждого дома стояли колодцы, однако ни одним невозможно было пользоваться — все они словно иссякли. И не просто иссякли — положение оказалось намного хуже: колодцы были забиты черной вонючей грязью. По дну долины протекала река. Еще одна небольшая речушка начиналась в лесу. Но и в той, и в другой вода была черная от грязи — брать из них воду было все равно что черпать ее из сточной канавы. И все же солдатам удалось водой из реки частично отмыть дома снаружи и изнутри, хотя на стенах и полах осталось множество въевшихся вонючих пятен.

Уже на этом этапе штаб роты пришел к выводу, что обеспечение питьевой водой будет делом нелегким. Послали специальный отряд, который должен был спуститься по дороге вдоль реки, чтобы доставить воду из какой-либо деревни, избежавшей затопления. Офицерам и солдатам строжайше приказали пить только из своих фляг, но приказ был излишним — вся вода, обнаруженная в тот день в долине, была черной и вонючей. Безымянный капитан, уверенный, что война будет затяжной, кроме этого специального отряда, сформировал еще два для поиска источника питьевой воды и приказал прочесать склоны гор,

окружающих долину, до кромки девственного леса с целью выяснения — загрязнены ли берущие там начало ручьи? Кроме того, он приказал выяснить причину загрязнения и установить, станет ли через какое-то время вода снова чистой и пригодной для питья. Перед отправкой отрядов Безымянный капитан вызвал к себе их командиров для напутствия:

— Начинается тотальная война. Появление во всей долине грязной и вонючей воды, как и недавний потоп, не может быть делом рук человека — слишком велики масштабы; в этом противоестественном явлении, как и в затоплении долины, возможно, повинны какие-то сверхъестественные могущественные силы. Будьте осторожны.

Солдаты этих отрядов, освобожденные от грязной работы, покинули деревню в приподнятом настроении, так не соответствовавшем опасности, о которой говорил командир роты. Миновав место чуть ниже горловины, где почти сходились гранитные утесы, они вышли туда, где сливались две реки, и вдоль леса, отбрасывавшего прохладную тень, двинулись каждый по своему склону. Подниматься вверх по реке было нелегко, но, когда оба отряда, преодолев все трудности,

вернулись вечером в долину, выяснилось, что один из них обнаружил в девственном лесу кристально чистую воду. Это оказался небольшой ручеек, вытекавший из родника. Но чуть ниже по течению вода в нем почему-то становилась мутной и черной. Значит, если подвести к роднику трубы из бамбука, которого в долине сколько угодно, удастся обеспечить роту чистой питьевой водой. Этот родник, сестренка, находится там, где река, протекавшая по девственному лесу, а потом вдруг нырнувшая под землю, снова появляется на поверхности; считалось, что Разрушитель, живя в лесу, пил именно из него. Мы тоже часто утоляли жажду из этого родника, зачерпывая воду ладонями…

Пятеро солдат, не теряя времени, с бидонами в руках отправились вверх по темнеющей в сумерках горной тропе, чтобы принести в долину воду. Может быть, радость оттого, что найден чистый источник, заставила Безымянного капитана позабыть об осторожности и он не учел, сколь опасны любые действия после наступления темноты? Или жажда свежей, чистой воды притупила его бдительность и он не позаботился о безопасности подчиненных? Через два часа солдаты вернулись в долину — каждый с двумя бидонами в руках,

но зато без оружия. К тому же их осталось только четверо. Они рассказали, что попали в засаду: их окружил вооруженный отряд, человек пятьдесят; командира группы повесили у самого родника, а остальных обезоружили. Унтер-офицера вздернули на огромном старом, точно израненном вязе с ободранной корой. Это убийство явилось как бы вызовом в адрес противника. Безымянный капитан сразу же догадался, что убийство — акт возмездия за того странного человека, похожего на обезьяну, которого подстрелили на дереве, когда рота направлялась в долину. Теперь уже не для одного Безымянного капитана, но и для всех остальных офицеров и солдат война стала реальностью.

Сестренка, когда муштровавший меня отец-настоятель рассказал о первом столкновении в нашей долине во время пятидесятидневной войны, я не испытывал никакого сочувствия к повешенному на огромном вязе унтер-офицеру. Ведь он, подумал я, один из тех, кто подстрелил Человека, не слезающего с дерева. Правда, поднимаясь с приятелями к Дороге мертвецов, чтобы попить холодной родниковой воды, я всякий раз испытывал страх, от которого перехватывало горло и теснило грудь, стоило мне взглянуть на

израненный ствол вяза. Казненный, говорят, был повешен так низко, что его голые ноги, с которых стащили ботинки, почти касались земли, но я почему-то смотрел только на самые высокие ветви, по которым сновали облезлые белки. Мне даже казалось, что призрак Человека, не слезающего с дерева, растворенный в зелени пронизанной солнцем листвы, внимательно наблюдает за нами…

Когда я думал об этом столкновении, меня тревожило другое: судьба четырех солдат, которым оставили жизнь, но зато отняли у них оружие, гранаты и патроны, и которым пришлось вернуться в роту лишь с наполненными водой бидонами из-под керосина. Получив в школе милитаристское воспитание, шедшее вразрез со спартанским духом, в котором воспитывал меня отец-настоятель, я знал, что командир имел полное право расстрелять этих четырех бедняг, у которых отняли боевое оружие, и эта мысль была для меня мучительна.

В легенде, которую мне рассказывал отец-настоятель, ничего не говорится о судьбе этих солдат. Но из нее явствует, что бойцы патрульного отряда нашего края, выбрав из пятерых старшего по званию, совершили акт возмездия за зверское

убийство Человека, не слезающего с дерева, после чего самым суровым образом предостерегли оставшихся четырех:

— Единственный родник «живой воды», из которого можно брать питьевую воду, принадлежит нашей долине, и при желании нам ничего не стоило отравить его. Нам хорошо известны травы для приготовления яда. Но мы не сделали этого и оставили источник нетронутым только потому, что, при всей нашей ненависти к армии Великой Японской империи, такой поступок был бы непростителен по отношению к простым солдатам. Однако, если в этой войне ваши войска преступят границы общечеловеческой морали, мы будем беспощадны.

Отпущенные после этого предостережения четверо солдат набрали из родника вожделенной воды и, стараясь не пролить ни капли, стали осторожно спускаться вниз по темной горной тропинке. Посреди дороги они остановились и, выбрав ровное место, где можно было составить бидоны, разделились по двое и начали палками дубасить друг друга. После этого продолжили путь. Они прибегли к таким странным действиям, чтобы иметь основания доложить: на них напал вооруженный отряд местных жителей,

которому не удалось захватить их без боя — все четверо сражались, не щадя жизни; но в конце концов унтер-офицер был убит, а их обезоружили. Солдаты постарались приукрасить случившееся невероятными подробностями. Мол, настигшие их мятежники, а их было больше пятидесяти человек, имели на вооружении какое-то неведомое сверхсовременное оружие, которое они производят, наверное, на заводе, упрятанном в глубине леса. Что касается сведений о заводе, то, разумеется, ими снабдил их командир патрульного отряда, и сделал он это намеренно, считая передачу такой информации важной психологической операцией. Все вышло точно по его плану: Безымянный капитан и пятеро офицеров его штаба были буквально потрясены. Командование роты вместо того, чтобы наказать обесчещенных солдат, бросило все силы на немедленное укрепление позиций и пересмотр всей системы обороны.

Значит, в глубине леса находится военный завод, и на нем производится невиданное сверхсовременное оружие. Ты, сестренка, тоже прекрасно знаешь, что это не была простая выдумка. Разрушитель отдал во снах множество приказаний, одно из которых и в самом деле

послужило поводом для создания завода. Он, конечно, не отличался масштабами и к тому же был, так сказать, перерабатывающим — на нем разбирали готовые механизмы и из деталей собирали новые, совсем не похожие на первоначальные, то есть создавали новое оружие. В общем, это был весьма оригинальный завод. И выражение «неведомое сверхсовременное оружие», употребленное четырьмя обесчещенными воинами Великой Японской империи, самым точным образом передает его внешний вид — тут солдаты были совершенно правы. Поскольку это были либо реконструированные на лесном заводе механизмы, не являвшиеся первоначально оружием, либо игрушечные пистолеты и автоматы, они действительно могли показаться новейшими образцами, которых не знала военная промышленность ни одной страны мира. Механизмы и игрушки, которые шли на детали для производства оружия, ввиду все возрастающего недоверия международной общественности к Великой Японской империи, переживавшей волну милитаристского угара, ввозились не по государственным каналам, а частным образом: за исключением игрушечного оружия немецкого производства, это был в основном металлический

лом, собранный за рубежом и внутри страны.

Таким образом, оружейный завод, где высились горы этого хлама, был похож на международный приемный пункт утиля. Однако сердцем завода был станок, закупленный в Германии на прибыль, полученную от долларовой спекуляции после отмены эмбарго на золото. Этот станок, сестренка, ассоциировался у меня с тем, на котором работал Сверлильщик: он производил на нас огромное впечатление в годы войны на Тихом океане. Я не думаю, что легендарный инженер, трудившийся не покладая рук на этом заводе во время пятидесятидневной войны, и Сверлильщик, о котором среди ребят ходили слухи, будто он инопланетянин, — это один и тот же человек, но все же такая мысль порой приходила мне в голову. Когда на очередном уроке отец-настоятель дошел до этого места в легенде о пятидесятидневной войне, я закричал:

— Я видел этот станок! Он стоял в доме Сверлильщика.

Отец-настоятель удивленно глянул на меня своими глазами, глубоко посаженными у носа, похожего на клюв хищной птицы, и, досадливо хмыкнув, сказал:

— И я еще учу этого мальчишку?!

Разумеется, станок, являвшийся сердцем военного завода во время пятидесятидневной войны, не мог работать у нас в долине и после поражения. Он был полностью уничтожен армией Великой Японской империи. И только спустя лет десять пришлый человек — Сверлильщик, войдя затем в старинную семью из нашей деревни, привез с собой никудышный токарный станок, не шедший ни в какое сравнение с тем мощным, новейшей конструкции. Когда под тяжестью станка, от которого пошло его прозвище, перекосился весь дом самой уважаемой в долине семьи, старики не сказали ни слова только потому, наверное, что помнили еще о станке, неплохо послужившем в дни пятидесятидневной войны. Может быть, по той же причине и отец-настоятель раздраженно хмыкнул?

Завод в лесу, руководимый знающим инженером, был приспособлен к тому, чтобы на нем могли работать даже женщины и дети. Их разбивали на небольшие группы, и первым делом ставили отбирать игрушечные винтовки и пистолеты немецкого производства, из которых собиралось настоящее оружие. После этого каждая из групп обсуждала с инженером, сидевшим на бревне около станка, как лучше переделать

эти игрушки, чтобы получилось боевое оружие. Инженер, знаток своего дела, давал квалифицированные рекомендации. Дальнейшая работа требовала огромного терпения, успех же ее не всегда был гарантирован. Дети и женщины сидели на корточках на складе материалов, похожем на свалку утиля, и, точно в игрушки играя, подбирали детали для переделки оружия немецкого производства. Эту работу дети часто выполняли гораздо успешнее и эффективнее взрослых. Правда, когда все нужные детали удавалось найти и создавалось оружие, внешне вполне отвечавшее своему назначению, пускать его в ход порой бывало рискованно. Завод, на котором в создании оружия участвовали даже дети и женщины, день ото дня работал все успешнее, склад оружия беспрерывно пополнялся. И когда бойцы патрульного отряда схватили пятерых солдат армии Великой Японской империи, пришедших за водой, унтер-офицера повесили, а четырех остальных обезоружили и отправили обратно в долину, те не покривили душой, докладывая в штабе роты, что ни разу в жизни не видели такого оружия, каким был вооружен местный отряд. Их утверждения о сверхсовременности этого оружия не были преувеличением, хотя судили

они только по внешнему виду, не представляя себе его боевых возможностей.

Что же касается настоящего оружия, то огромную роль в достижении паритета военной мощи обеих армий во время пятидесятидневной войны сыграли капканы, реконструированные на лесном заводе. Я называю это оружие капканами, но они были не совсем обычными. Из Европы ввезли большое количество искусно сделанных мощных капканов, предназначенных для крупного зверя. С помощью станка инженер приспособил их для охоты на человека. Расчет, сестренка, был жестокий, но в то же время рациональный. При охоте на зверя капкан должен зажать его лапу и удержать, а при охоте на человека удерживать жертву нет никакой необходимости. Каждый капкан снабдили остро отточенным ножом, и стоило человеку попасть в него, как ногу отхватывало напрочь. Эти страшные капканы оказались особенно эффективными в начальный период войны, когда разведка армии Вели– кой Японской империи прочесывала лес в поисках укрывшихся там людей. Для жителей долины и горного поселка установка капканов в нужных местах не составляла никакого труда, поскольку они прекрасно знали, какой тропой пойдут чу-

жаки, миновав Дорогу мертвецов. Возможности капканов проявились с особой силой на склоне, спускающемся к долине от Дороги мертвецов. В ночь, когда было получено донесение разоруженных солдат, к роднику отправили тридцать человек, чтобы вернуть отобранное оружие и принести труп повешенного. Чудовищные потери, которые понес этот отряд от капканов, — вот главное, что заставило Безымянного капитана отказаться впредь от ночных операций.

В течение всей пятидесятидневной войны партизанские отряды деревни-государства-микрокосма в ночное время господствовали не только в лесу, что совершенно естественно, но и в долине. Господство их в долине приводило к тому, что офицерам и солдатам приходилось всю ночь сидеть, запершись в грязных домах; правда, нападений на штаб роты в ночное время партизаны деревни-государства-микрокосма не предпринимали. Бойцы нашего края совершенно явно ограничивали себя в действиях. Но тот факт, что они не совершали ночных налетов, которые поставили бы армию Великой Японской империи в безвыходное положение, по глубокому убеждению Безымянного капитана, свидетельствовал об одном: война фактически развивается по сце-

нарию, предложенному жителями долины.

Метод ведения войны, избранный партизанами деревни-государства-микрокосма — взять хотя бы то, что они позволили армии Великой Японской империи пользоваться питьевой водой, не отравив ее, — зиждился на высоких моральных принципах. Однако, ни в коем случае не отступая от этой тактики, партизанский отряд иногда применял обманные маневры, просто чтобы посмеяться над противником. Классическим примером такого маневра легенды называют операцию «Волк». Ее вдохновителем был корейский волк, которого купил в Сеуле и, вернувшись в деревню, много лет держал у себя дома один любитель животных. К началу пятидесятидневной войны корейский волк был уже очень стар и не покидал деревянной клетки — эта предосторожность была необходима, чтобы уберечь его от задиристых собак. Парни из нашего патрульного отряда, как следует поморив голодом волка, которого хозяин забрал с собой в лес, тайком отвели его обратно в деревню и оставили в дальнем углу дома, где ночевали вражеские солдаты. На следующее утро солдаты забили рыскавшего в поисках пищи зверя, приняв его за бродячего пса, случайно попавшего в долину, однако врач,

осмотрев труп, установил, что это никакая не собака, а волк. Новый приказ Безымянного капитана сводился к следующему: в Японии волки и шакалы считались полностью уничтоженными, но, поскольку в лесу, покрывающем горную цепь Сикоку, обнаружен самый настоящий волк, это утверждение следует считать опровергнутым, а посему ночные операции строго запретить.

Впрочем, в одной из легенд, услышанных мной в детстве, операция «Волк» толковалась иначе. Она непосредственно связывалась со стаей некогда одичавших собак, которых мы называли шакалами, — такая собака, как ты, наверное, помнишь, сестренка, недалеко от Дороги мертвецов до крови покусала тебя. В этой легенде привезенный из Кореи волк тоже участвует в осуществлении одного из звеньев продуманного Разрушителем плана подготовки к пятидесятидневной войне, но тут корейский волк использовался как производитель — его у нас в долине часто спаривали с собаками. Такие полуволки-полусобаки, одичав, жили в пещерах. Собравшись в стаю, они кружили в окрестностях, не спуская глаз с врагов, вторгшихся в жизненную сферу людей долины и соответственно их жизненную сферу тоже. И вот вожак стаи, корей-

ский волк, вдохновитель их атак и набегов, напал на дом, в котором ночевали солдаты. Его убили, и это привело к войне между стаей собак и армией Великой Японской империи… В этой легенде об операции «Волк» упоминаются и те самые опасные капканы — снабженные не обычными зубьями, а острыми как бритва серповидными ножами, которые напрочь отхватывали ногу. От них, мол, шел запах человека, столь ненавистный одичавшим собакам. Собаки — одичавшее потомство корейского волка; партизаны — не поклоняющиеся чужим богам, непокорные японцы, стрелявшие из густых зарослей… Неужто же солдаты очертя голову пошли бы во тьму, где их поджидали эти омерзительные враги, даже если бы Безымянный капитан не запретил самым решительным образом ночные вылазки?

После полуночи в тот день, когда рота Безымянного капитана обосновалась в долине, прибыл и саперный взвод, задержавшийся потому, что ему пришлось ремонтировать электрическую и телефонную линию вдоль реки. Его прибытие означало, что в оккупированной долине снова появился свет и заработал телефон. В штабе, расположенном в здании начальной школы, ярко загорелись лампочки. Солдаты, с наступлением

темноты пребывавшие в страхе, увидев ярко горящие лампы, подняли радостный крик, который разнесся по долине и долетел до девственного леса. Будто восстановление электросети и телефонной связи утверждало их господство над дикими аборигенами этого края. И офицеры не пресекли вопиющего нарушения воинской дисциплины.

Безымянный капитан поднял трубку, чтобы позвонить в штаб полка. Но, прижав ее крепко к уху, услышал вдруг предостерегающий голос:

— Вы начали бессмысленную войну! Оставьте нас в покое и завтра же утром убирайтесь из долины!

Это был голос старика. Чувствовалось, что он мудр и осторожен, но в то же время готов к решительным действиям. Безымянному капитану очень хотелось убедить себя в том, что с ним разговаривал необразованный да к тому же еще и помешанный человек, но все же он не мог отделаться от тягостного ощущения, что слышал голос самого главного их командира. После этого телефон умолк, а когда Безымянный капитан напустился на офицера саперного взвода за нерадивость, погасло и электричество. И почти одновременно раздался мощный взрыв,

который возвестил солдатам армии Великой Японской империи, вступившим в долину, что линии электрической и телефонной связи взлетели на воздух.

Передача по телефону воли руководства партизанского отряда была осуществлена вскоре после того, как саперный взвод прибыл в долину, с помощью аппаратуры телефонного подслушивания, установленной инженером лесного оружейного завода, а последовавший затем взрыв — с помощью им же созданного взрывного устройства. Предупреждение Безымянному капитану сделал, разумеется, один из стариков, но мы, дети, были убеждены, что не кто иной, как Разрушитель, являвшийся в снах и руководивший пятидесятидневной войной, проник в телефонную трубку и разговаривал с Безымянным капитаном. А отец-настоятель утверждал, что телефонный разговор просто пригрезился Безымянному капитану, который видел сны наяву. Значит, Разрушитель проник в сон вражеского командира. Безымянный капитан, сестренка, устроив после капитуляции деревни-государства-микрокосма судилище, лично опрашивал всех стариков и установил, что ни у кого из них голос не похож на тот, который обращался к нему по те-

лефону. И его охватило отчаяние: он подозревал, что истинный руководитель пятидесятидневной войны, пройдя через девственный лес, скрылся в далеком городе, но капитулировавшие держат это в секрете…

4

На следующее утро после вступления в долину Безымянный капитан, несмотря на то что накануне допоздна не сомкнул глаз, встал спозаранку и в сопровождении пятерых офицеров и унтер-офицеров, прихватив для охраны солдат, поднялся на возвышающийся над долиной утес. В символическом смысле этого действия можно увидеть параллель с легендой о том, как Разрушитель, превратившись в великана, каждое утро обозревал отсюда долину, высматривая, не вторгся ли внешний враг. Утес, видно, обладал некими геоморфологическими свойствами, которые привлекали к нему людей, обладавших верховной властью в долине. Повернувшись спиной к тополю-великану и топча мох, покрывавший утес, Безымянный капитан взирал на расстилавшуюся далеко внизу долину. Особенно заинтересовал его рельеф горловины. План разрушить горловину — вход в эту мешкообраз-

ную впадину, — осуществленный Безымянным капитаном после пятидесятидневной войны, видимо, родился у него еще во время того утреннего осмотра. Потом он поднял голову и, словно упиваясь горным воздухом, оглядел девственный лес. Поворачиваясь, он запечатлевал в памяти панораму в целом. Некоторые утверждали, что, кружась вокруг собственной оси, он мелко переступал, точно капризный ребенок, от нетерпения топающий ногами.

Однако, сестренка, разве не должен был молча топтавшийся на одном месте Безымянный капитан, как профессиональный военный, сдерживать себя, чтобы не показывать, какие чувства вскипают в его сердце? В ярких лучах утреннего летнего солнца вечнозеленые растения поражали пышностью, деревья трепетали ярко-зелеными нежными листочками, так контрастирующими с их могучими стволами. Если смотреть с утеса, чуть откинув голову, то можно увидеть, как в непроглядную даль уходят волны леса, и нет им конца. Даже удивительно, что в этом море девственного леса был вырублен участок и понастроено жилье для людей. Разумеется, сестренка, если говорить о нашем крае, то лишь потому, что нашлось такое место, созидатели,

ведомые Разрушителем, и смогли обрести землю обетованную, а с другой стороны, только благодаря руководству Разрушителя стало возможным создание здесь деревни-государства-микрокосма.

В этот необозримый девственный лес и ушли жители долины и горного поселка, забрав с собой всю живность, вплоть до собак. Совершив перед этим невиданное предательство — соорудив огромную плотину, не остановившись даже перед тем, чтобы утопить долину, они устроили чудовищную самоубийственную акцию — наводнение, которое уничтожило роту армии Великой Японской империи. И сколько ни старался Безымянный капитан проникнуть взглядом в девственный лес, он не мог даже представить себе, где там могут обитать живые люди, а ведь там был укрыт — ни много ни мало — завод сверхсовременного оружия. Поздно ночью вернувшиеся в долину саперы доложили, что видели в горах огонь, но мы с тобой, сестренка, понимаем: это кремировали тело Человека, не слезающего с дерева, а обнаружить прячущихся в лесу мятежников невозможно даже днем, при ярком свете солнца. Но Безымянному капитану надлежало выполнить свой долг — вытащить из этого необъятного девственного леса старых и

молодых мужчин и женщин и устроить проверку книги посемейных записей.

Безымянному капитану неудержимо захотелось закричать, обратившись к лесу:

— Эй, выходите! Все, кто прячется, выходите, да побыстрей! Зачем вы затеяли это бессмысленное дело?

Правда, ему не удалось еще понять, в чем состоит их план сопротивления, зачем и почему старики и дети, мужчины и женщины, даже скот и собаки попрятались в лесу. Безымянный капитан, заняв со своей ротой долину, казалось бы, весьма активно осуществлял наступательную операцию, но на самом деле в этой войне он пока что только оборонялся. Рота, которой командовал его однокашник по школе пехотных офицеров, в самом начале боевых действий была уничтожена. После этого повесили одного унтер-офицера из его роты, а четверых солдат разоружили. Солдаты, посланные на усмирение партизан, так и не смогли обнаружить противника, но многие из них были тяжело ранены, попав в расставленные капканы. Пятерым напрочь отрезало стопу, и их пришлось отправить в тыл. Рота, понесшая такие серьезные потери, теперь уже сама не захочет отказаться от продолжения войны. Операция,

которую ведет Безымянный капитан, командуя своей ротой, должна завершиться беспощадной битвой, даже если противником окажется гражданское население. Но все равно война эта будет для него оборонительной.

Возможно, я повторяюсь, но подобный характер войны объяснялся тем, что Безымянный капитан блуждал как в потемках: он не мог взять в толк, во имя чего сражающиеся с ним мятежники оказывают сопротивление. Действительно, жители долины и горного поселка, замыслив урезать наполовину бремя налогов и воинской повинности, со времени пересмотра поземельного налога прибегли к уловке с двойным ведением книги посемейных записей — на двоих делалась одна запись. Они долгие годы пользовались этим по-детски наивным изобретением, и до сих пор никто не обнаружил их хитрости. Но теперь во имя престижа, во имя интересов Великой Японской империи, особенно ввиду сложившихся чрезвычайных обстоятельств, бунтарству следовало положить конец. Именно такая миссия была возложена на армию, посланную для восстановления общественного спокойствия. И все же никому вначале в голову не могло прийти, что армии будет оказано сопротивление и оно

положит начало тотальной войне. Рота должна была вступить в деревню и, утвердив тем самым господство над местными жителями, заставить их осознать, что саботаж предусмотренного законом ведения книги посемейных записей представляет собой антигосударственную акцию. После этого предполагалось прибытие соответствующих чиновников префектурального управления для проверки книги и внесения в нее необходимых исправлений. Затем полиция должна была заняться выявлением и наказанием виновных. Таким представлялся ход проведения операции. Ожидалось, что при ее осуществлении роль посредников возьмут на себя прежде всего деревенский полицейский, школьные учителя, а также настоятели буддийского и синтоистского храмов. Но началось все с того, что сводная рота, посланная для восстановления общественного спокойствия, была уничтожена наводнением, преднамеренно устроенным жителями долины. Затем, когда в долину вошла вторая рота, все жители деревни, скрывшись в девственном лесу, ясно продемонстрировали непреклонную решимость вести войну. А как же те посредники, на которых возлагалась вся надежда? Если они не справятся, то императорская армия должна будет

начать изнурительную борьбу с укрывшимся в лесу партизанским отрядом, которому ничего не стоит ее уничтожить — в их распоряжении и капканы, и одичавшие собаки, и в довершение какое-то невиданное, сверхсовременное оружие. Обдумывая это, Безымянный капитан, стоя на утесе, топтался на месте — разве его поведение не было естественным?..

Ну а как же, сестренка, вели себя тогда те, кто должен был выступить посредниками между армией Великой Японской империи и мятежниками, называвшими себя «не поклоняющимися чужим богам непокорными японцами»? Роль посредников предназначалась чужакам — тем, которые хоть и жили в долине и горном поселке, фактически не принадлежали нашему краю. Поскольку настоятель буддийского храма появился в долине в незапамятные времена — во всяком случае, когда произошло первое восстание Мэйскэ Камэи, он уже жил там — и участвовал в уловке с двойным ведением книги посемейных записей, его считали человеком, принявшим сторону деревни-государства-микрокосма; но, по мнению прихожан, в пятидесятидневной войне он все же остался в стороне: отправлял заупокойную службу, вместе с врачом и данти-

стом лечил раненых — в общем, делал то, чем обычно занимается Красный Крест. Деревенский полицейский в тот день, когда старикам пришло первое предостережение Разрушителя о пятидесятидневной войне, куда-то исчез и с тех пор ни разу не появлялся. Он либо убежал, тоже увидев во сне Разрушителя, либо его убрали старики. Таким образом, среди тех, кого армия Великой Японской империи наметила в качестве посредников, а долина считала «враждебными элементами», главное место занимали учителя, выходцы из других мест, а также отец-настоятель, наделенный особыми полномочиями. «Враждебные элементы» во время пятидесятидневной войны содержались в концентрационном лагере, среди девственного леса. Но это не означает, что все они были посажены за колючую проволоку и изолированы от жителей нашей долины. Их расселили среди людей, живших в палатках. Эти палатки, выпускавшиеся в Германии для молодежного туризма, были заблаговременно ввезены в достаточном количестве, не меньше одной на семью, и заранее выкрашены желтовато-зеленой краской — именно в такой цвет, каким под лучами солнца, пробивавшегося сквозь крону огромных деревьев девственного леса, окраши-

вались кусты и травы.

Лагерь, где поселились люди нашего края, был достаточно мобильным: по указанию патрульного отряда, наблюдавшего за передвижением войск неприятеля в долине, палаточный городок мог быстро передислоцироваться. Исключение составлял лишь оружейный завод, который не мог обойтись без стационарной постройки, где был установлен станок. На каждую семью ставилась одна, а иногда и две палатки, и всякий раз, когда в военных действиях наступала передышка, дети возвращались в палатки родителей и семья собиралась у уютного домашнего очага. В другое время все дети жили в школьном лагере. Он находился на противоположном конце леса, у самого его края, далеко от долины и горного поселка, где шла война. Школьный лагерь, кроме того, служил базой, куда доставляли продовольствие и лекарства и откуда в больницу соседней префектуры транспортировали раненых и больных, когда в передвижном лесном госпитале не могли оказать необходимой помощи. Впоследствии разведка донесла об этом Безымянному капитану — правда, сведения были весьма смутные, и он не попросил штаб полка развернуть военные действия со стороны соседней префектуры в на-

правлении девственного леса. Прежде всего, он опасался, что такое расширение фронта приведет к тому, что общественности станет известно о войне, которая была ограничена пока пределами долины, спрятавшейся глубоко в горах; кроме того, военная этика подсказывала Безымянному капитану, что вовлекать детей в орбиту военных действий не следует. Правда, насчет проявления высоких моральных качеств Безымянного капитана, сестренка, люди говорили и другое: он, мол, принял это решение, готовясь еще к одной войне, ночной, — к встрече во сне один на один с Разрушителем — и не хотел оказаться беззащитным…

Итак, отправив детей в школьный лагерь и расселив в палатках супружеские пары преклонного возраста, удалось создать прочный тыл. Кроме того, в лесном лагере были разбиты палатки, в которых жили молодые парни — бойцы партизанского отряда, затем палатки для девушек, занятых на подсобных работах, и, наконец, палатка оперативного штаба, состоявшего из стариков. В самом начале войны Безымянный капитан лишь в редких случаях посылал солдат в глубину леса, поэтому в перемещении лагеря особой необходимости не возникало. Но тем не менее лагерь был хорошо приспособлен к быстрой передисло-

кации в условиях меняющейся обстановки.

Учителя начальной школы из числа «враждебных элементов» жили рядом с детьми. Под неусыпным наблюдением своих коллег, уроженцев нашего края, они находились в лагере учителей, расположенном так, чтобы легко можно было следить за лагерем учеников, и занимались преподаванием, как и в мирное время. Если бы «враждебные элементы» задумали коллективный побег, то остальные учителя, уроженцы нашего края, которых было намного меньше, вряд ли смогли бы помешать этому. Правда, они были вооружены, но на глазах учеников стрелять в своих коллег-учителей, пусть даже и чужаков, конечно, не решились бы. А учителя-чужаки, если и ориентировались в наших местах, вряд ли имели достаточные навыки, чтобы преодолеть чащу девственного леса. Но не это являлось причиной того, что учителя из числа «враждебных элементов» даже не помышляли о подобном коллективном побеге. Ведь вместо того, чтобы устремиться в лес, им было бы проще спуститься в долину под защиту армии Великой Японской империи. Их не остановило бы даже то, что район от школьного лагеря до Дороги мертвецов находился под постоянным наблюдением

патрульного отряда нашего края и у кромки леса им угрожали капканы и собаки.

Размышляя об этом, сестренка, я считаю, что должна была существовать какая-то другая, позитивная причина, удерживавшая этих чужаков от попытки бежать из школьного лагеря. Старики нашего края не настаивали на том, чтобы они сражались на стороне деревни-государства-микрокосма. И по собственной воле они не стали бы этого делать. Но, по-видимому, чужаки не питали доверия к стране, которая, посчитав врагами жителей далекой горной деревни, отправила для расправы над ними целую роту. Питая недоверие к Великой Японской империи, они не порицали ее открыто, но, видимо, приняли решение выразить свой протест тем, что будут работать в школьном лагере, расположенном в девственном лесу. Коллеги, уроженцы долины и горного поселка, заботясь об их дальнейшей судьбе и стараясь оградить учителей-чужаков от возможных преследований со стороны Великой Японской империи за измену и сотрудничество с врагом, делали вид, будто насильно принуждают их заниматься преподаванием.

Основанием для моего предположения служило поведение одного человека, чужака, который

встал на сторону деревни-государства-микрокосма и с огромным энтузиазмом отнесся к пятидесятидневной войне. Это был пожилой вдовец и единственный — хотя специального диплома он не имел — преподаватель малочисленного старшего класса. Всех своих учеников он целенаправленно обучал лишь земледелию и счетоводству — остальные предметы игнорировал. Его учебная программа по земледелию не имела ничего общего с привычной земледельческой практикой нашего края. Он говорил, что крестьянскому труду, которым им придется заниматься, можно прекрасно научиться у родителей. Преподаватель организовал научное общество, призванное улучшить сорта сельскохозяйственных культур и породу скота и усовершенствовать ирригационные сооружения; в общество он привлек отцов и старших братьев своих учеников. На небольшом опытном участке он выращивал новые сорта и, не допуская туда учащихся, давал советы их родителям и старшим братьям. Он знакомил их с основами молочного хозяйства, с европейскими методами садоводства, обучал единственному, что было непосредственно связано с жизнью наших мест, — оригинальному способу производства

растительного воска, заложившего основы богатства и процветания нашего края в последние годы перед Реставрацией Мэйдзи, создал артель, занимавшуюся промышленным производством воска. Во время войны она, разумеется, развалилась. Он рассказывал ученикам об изготовлении сыра, о выращивании яблонь, а заодно и обучал предмету, не связанному с крестьянской жизнью, — способу рафинирования воска путем сливания его по каплям в воду, производству его в товарных количествах, организации системы сбыта.

Подобные уроки создали ему среди учеников репутацию зануды. Между тем горе-учитель, которого никто всерьез не принимал, восторженно поддержал выработанную в самом начале пятидесятидневной войны тактику превращения долины в запруду. Особый энтузиазм он стал проявлять с того момента, как началось сооружение плотины; когда же все жители ушли в лес, а юноши и взрослые мужчины начали партизанские действия, и вовсе превратился в слепого апологета войны.

— Я даже представить себе не мог, что вы способны на такое! — восхищался горе-учитель.

Сильно заикаясь, что раздражало тех, кто его

слушал, — это, кстати, была одна из причин его непопулярности в классе, — он уговаривал стариков доверить ему хоть какую-нибудь работу, лишь бы она была на пользу войне. Однако, вспоминая, как сложилась судьба пожилого горе-учителя после окончания пятидесятидневной войны, можно заключить, что люди нашего края не позволяли ему участвовать не только в сражениях, но даже в их подготовке. Тогда горе-учитель, самодовольно ухмыляясь про себя — мол, никому и в голову не пришло бы, что мне удастся сделать такое! — приступил к осуществлению собственного плана. Когда-то для обеспечения повышенного курса обучения учеников старших классов он подготовил специальный учебник: «Руководство по международной торговой корреспонденции». И теперь, взяв за основу представленный в пособиях стиль торговой переписки на китайском, английском, французском, немецком и испанском языках, он, адресуясь к угнетенным народам, населяющим те районы, где говорят на этих языках, составил обращение, в котором рассказал о пятидесятидневной войне и призвал к совместной борьбе.

Старики долины и горного поселка, теперь военачальники укрывшейся в девственном лесу

армии деревни-государства-микрокосма, как я уже говорил, заботясь о послевоенной судьбе «враждебных элементов», не только не позволили им участвовать в пятидесятидневной войне, но даже избегали прямого общения с ними. Отец-настоятель, выполняя роль посредника, выслушивал протесты, которые бурно выражали «враждебные элементы», и передавал им ответы военачальников. Именно отец-настоятель вручил старикам план распространения обращения, предложенный горе-учителем, желавшим внести посильный вклад в пятидесятидневную войну, а затем, передав ему официальный ответ, убеждал его отказаться от этой затеи. Мне рассказывал это сам отец-настоятель, когда обучал меня мифам и преданиям нашего края. Сам он высоко оценил идею горе-учителя. Это была, конечно, не американская Хартия независимости: по тону — более спокойное, по стилю — лишенное намека на индивидуальность, сухое и деловое; такие письма как раз и пишут фразами из учебника по торговой корреспонденции. А в целом разослать угнетенным народам мира призыв к солидарности — превосходная идея. В первую очередь следовало бы направить обращение в Китай, коммунистической армии, которая готовится

к войне с армией Великой Японской империи. Письмо, предназначенное Соединенным Штатам — вождям индейцев. Среди них есть люди, которые уже многие годы лелеют мечту объединиться со своими азиатскими собратьями, представителями желтой расы, и свергнуть господство белых. Если говорить о нашей стране, то представители желтой расы, наиболее подходящие для осуществления их мечты, — это не верноподданные слуги Великой Японской империи, а только мы, «не поклоняющиеся чужим богам непокорные японцы», укрывшиеся в девственном лесу. Дело в том, что подданные Великой Японской империи никогда не признают индейцев своими братьями. Таким образом, говорил отец-настоятель горе-учителю, идея направить обращение, рассказывающее о войне в лесу и долине и призывающее к солидарности, именно за границу, по существу, абсолютно верна. Но здесь следует подумать о послевоенных проблемах. Эта война, после чудовищных, жестоких испытаний, скорее всего, окончится поражением нашего края. Старики из оперативного штаба полны решимости активно сражаться до тех пор, пока не наступит это заранее предусмотренное поражение. В результате его община нашего края распадется,

но земля и люди не прекратят существования. В самобытной истории нашего края это всего лишь эпизод. Что в таком случае не для нас с вами — чужаков, а для тех, кто здесь родился и вырос, означало бы распространение по всему миру подобного открытого письма, полностью перечеркивающего основополагающий принцип нашего края: сохранение в тайне от внешнего мира существования здесь независимой общины? Фактически оно означало бы нарушение главного принципа, на котором зиждется вся история нашего края.

Горе-учитель считал отца-настоятеля вдохновителем своей работы по исследованию производства рафинированного воска и, рассказывая ему о полученных результатах, в свою очередь многое узнавал о самобытности деревни-государства-микрокосма. Поэтому одобрительный отзыв отца-настоятеля в адрес его идеи составить по образцам торговой корреспонденции обращение, рассказывающее о войне, вполне его удовлетворил. Вот один из примеров деятельности отца-настоятеля во время пятидесятидневной войны.

Я думаю, что, кроме того, он, несомненно, сотрудничал, хотя и тайно, со стариками в раз-

работке военных операций. Как мог оставаться в стороне отец-настоятель, если, всю свою жизнь изучая мифы и предания деревни-государства-микрокосма, он столкнулся с событиями современной истории, с предельной остротой обнажившими ее проблемы. Однако, так же как и старики, он предвидел, что пятидесятидневная война закончится для нас поражением, и, чтобы после войны не лишиться должности настоятеля храма, ему необходимо было сохранять видимость нейтралитета по отношению к «враждебным элементам».

В забытой богом начальной школе нашей долины всегда были преподаватели со странностями. Вот и во время пятидесятидневной войны тоже работал один такой чудаковатый учитель физкультуры. На фотографии, где снят выпускной класс нашего, сестренка, старшего брата, можно его увидеть — стиснувший зубы маленький человечек с темным лицом. Больше всего он, помнится, гордился тем, что когда-то участвовал во всеяпонском соревновании бегунов на длинные дистанции среди педагогических училищ. У нас он всегда выходил на старт, напялив форму участника юношеских соревнований по марафону, и стартовал первым, высоко вскидывая ноги,

видимо, чтобы продемонстрировать безукоризненную технику, но из-за больного желудка на полпути сходил с дистанции, так и не перебежав долину.

— Это только бестолочи расходуют силы понапрасну, — ворчал он, а босые юнцы с повязанными вокруг головы скрученными жгутом платками бежали, не чуя под собой ног, и оставляли его далеко позади.

Тем не менее он организовал специальный молодежный отряд и даже раздобыл для его членов старую военную форму. Ребят, с утра до вечера трудившихся в поле, он собирал после работы на школьном дворе и устраивал маршировки. Разумеется, члены специального отряда выходили маршировать вовсе не из преданности учителю физкультуры. Когда по велению Разрушителя жители долины начали сообща сооружать плотину, учителю физкультуры ни слова об этом не сказали, и он никак не мог понять, что происходит вокруг. А когда вся деревня как один человек ушла в лес, специальный оперативный отряд чуть ли не силой уволок его в лесной лагерь, несмотря на протесты, которые он выражал с детской непосредственностью:

— Не делайте глупостей! Что вы такое заду-

мали?!

Предполагалось, что вместе с остальными педагогами он будет вести занятия в лесном школьном лагере. Однако учитель физкультуры, узнав, что жители ушли в лес, спасаясь от вступившей в долину армии Великой Японской империи, так и не смог осознать происходящего и только без конца обеспокоенно повторял свое: «Не делайте глупостей! Что вы такое задумали?!» Убедить его, чтобы он продолжил занятия с детьми, не удалось. Опасались даже, что он убежит из лагеря и примкнет к армии Великой Японской империи. Все это привело к пустой трате сил, более необходимых для ведения военных операций; к учителю физкультуры, возмущенно выкрикивавшему: «Не делайте глупостей! Что вы такое задумали?», пришлось приставить подростков.

В начале пятидесятидневной войны поведение учителя физкультуры особых опасений не вызывало. Не имея представления о ходе войны, он воспринимал происходящее как позорное бегство жителей долины и горного поселка, спасающихся от облав, неизвестно по какой причине учиненных армией Великой Японской империи. Но однажды он заметил, что подростки, сменявшие друг друга в карауле, вооружены винтовками с

выбитой на них хризантемой — гербом императора. Он поинтересовался, что это значит, и те, не в силах скрыть радость, похвастались своими боевыми успехами:

— Оружие, захваченное нами у врага. Старики решили — кто отбирал, тот и вправе себе оставить.

В ответ учитель физкультуры, побагровев, дрожащим от отчаяния голосом пролепетал, заикаясь:

— Не делайте глупостей!

В ту ночь он пытался бежать, но был ранен карауливши ми его подростками, которые спали с ним в одной палатке. Старики из оперативного штаба уже не могли оставить без внимания поступок этого «враждебного элемента». Его взяли под стражу, а старики устроили совет. Решение военного трибунала, сестренка, довел до сведения учителя физкультуры все тот же отец-настоятель. Он пришел к нему в палатку, служившую гауптвахтой, и сообщил, что существуют два пути его освобождения: либо, соблюдая нейтралитет, тот снова приступит к работе в школьном лагере, либо пусть сдается сам армии Великой Японской империи, оккупировавшей долину. Учитель физкультуры выбрал, конечно, второе. Было решено

через пару дней за Дорогой мертвецов отпустить его на все четыре стороны. Однако, поскольку это был не первый день войны, потребовалось бы еще доказать, что он не воевал против армии Великой Японской империи. Отец-настоятель посоветовал ему объявить армии Великой Японской империи, что он бежал, захватив с собой одну из отобранных винтовок. Старики, скорее всего, не откажутся подарить ему ее на прощание.

На рассвете того дня, когда его отпустили, партизанский отряд напал на солдат армии Великой Японской империи, охранявших сооружение из бамбуковых труб, по которым в долину поступала вода. Это были те самые одетые в старую военную форму юнцы, которые проходили специальную подготовку под руководством учителя физкультуры. И поэтому, как только он в той же самой форме, да еще с офицерскими погонами, размахивая винтовкой, принадлежавшей прежде армии Великой Японской империи, понесся по склону, хорошо просматриваемому с опушки девственного леса, готовые к нападению солдаты дали по нему дружный залп.

Первым решительным действием Безымянного капитана стала операция «Охота в горах», которая проводилась в лесу за Дорогой мертвецов,

но старики из штаба устроили ему достойную встречу. Бойцы патрульного отряда, с раннего утра наблюдавшие за происходящим в долине, по оживлению среди высыпавших из домов офицеров и солдат армии Великой Японской империи догадались, что замышляется крупная операция. Через хорошо организованную систему связи был дан приказ подготовить к передислокации все палатки в глубине леса. Когда действительно началось наступление и цепь противника, рассыпавшись по всему склону, стала подниматься вверх, женщины, дети и часть бойцов с палатками и утварью на плечах ушли в том же направлении, в котором наступала армия, но значительно оторвавшись от нее.

Чтобы задержать наступающего противника, на пути продвижения армии Великой Японской империи был выставлен диверсионный отряд, состоявший из команд по три человека. Отряд был сформирован из членов пожарной дружины нашего края, которые были к тому же опытными охотниками. Случалось, что из какой-нибудь деревни в нижнем течении реки в горы проникал бандит. Тогда члены пожарной дружины под командой деревенского полицейского, хотя им это бывало и не по душе (а в случае, если пропа-

дал ребенок, то с большой охотой), отправлялись в горный лес. Дети в нашей долине часто пропадали потому, что Разрушитель накрывал их таинственной тенью. Помнишь, сестренка, как ты еще совсем девочкой ушла к Дороге мертвецов и тебя покусала дикая собака, а некоторые женщины объясняли это тем, что ты заблудилась, когда тебя накрыл огромной тенью Разрушитель. Или тот случай со мной в лесу, после которого меня прозвали хвастуном…

Диверсионный отряд, состоявший из ветеранов, имеющих опыт охоты в девственном лесу, был разбит на команды по три человека, которые именовали себя правофланговым, центровым и левофланговым и располагались в двух с половиной метрах друг от друга. Засады были устроены покомандно в наиболее опасных местах, где они сами во время охоты сталкивались с немалыми трудностями. Солдаты наступали, поднимаясь по склону цепью с промежутками в пять метров. Местность была пересеченной, и наибольшую опасность представляли те участки, где солдат пропадал из поля зрения своих товарищей справа и слева. Поэтому засады устроили так, чтобы эти опасные места — поваленные деревья, обломки скал, рытвины — оказались под прицелом. Когда

одна из наступающих групп приближалась к такому месту и тот или иной солдат оказывался изолированным, центровой брал его на прицел и убивал. Для этого было достаточно одного, в крайнем случае двух выстрелов из охотничьего ружья. После чего центровой тут же отходил назад и прятался в чаще. Товарищи подбегали к убитому справа и слева, и сразу же правофланговый стрелял в правого, а левофланговый — в левого. Обоих убивали, как правило, с первого же выстрела. В результате в цепи наступавших образовывался разрыв в двадцать метров, и поддерживать между собой связь они уже не могли, сколько ни перекликались. Пользуясь возникавшей неразберихой, сидевшие в засаде правофланговый и левофланговый тоже отходили назад. Такая тактика обороны, как ты понимаешь, сестренка, принесла отряду боевой успех: все команды, за исключением одной, убили по три человека.

Таким образом, боевые порядки наступающих нарушились, а Безымянный капитан, который не предусмотрел возможности такого исхода, не смог перестроить своих солдат. У офицеров и солдат армии Великой Японской империи было настроение как на больших весенних или осенних маневрах, они будто зайца шли травить.

Если бы диверсионный отряд продолжал свои действия в девственном лесу, офицеры и солдаты, охваченные паникой, врассыпную обратились бы в бегство. И тогда психологически Безымянному капитану была бы нанесена, безусловно, еще более глубокая травма. Как командир роты он был бы обязан созвать военный трибунал и предать суду всех, кто сорвал операцию «Охота в горах». Но в таком случае пришлось бы привлечь к ответственности и само командование, спланировавшее и осуществлявшее ее.

В результате оплошности, допущенной одной из команд диверсионного отряда, боец команды был ранен и взят в плен. Если бы этого не случилось, Безымянный капитан вынужден был бы признать свое полное поражение. Но и без того из-за неудачи этой операции военная кампания армии Великой Японской империи, едва развернувшись, снова застопорилась.

5

Итак, Безымянный капитан имел повод свернуть операцию, которая, как известно, закончилась полным его поражением. Этим поводом послужила оплошность одной из команд диверсионного отряда, до сих пор действовавших

наверняка и без потерь. Произошла непредвиденная заминка: центровой и левофланговый несколько растерялись из-за действий правофлангового, допустившего оплошность. Сами они с большим трудом сохранили выдержку, но спасти товарища уже не смогли и только в ярости обливались холодным потом. На первом этапе атаки эта диверсионная команда преуспела не меньше других. Она устроила засаду за огромной, как танк, скалой, густо увитой диким виноградом. Только здесь, у скалы, где отступили деревья-великаны, проглядывало небо, и благодаря пробивавшимся солнечным лучам куст особенно пышно разросся. Это, сестренка, был знаменитый куст дикого винограда, хорошо известный нам в детстве: именно с него я каждый год собирал для тебя ягоды — ты еще так их любила! Рискуя заблудиться, я добирался до этого одинокого куста, куда даже птицы не залетали. И при этом все время вспоминал рассказы о пятидесятидневной войне…

Команда, укрывшаяся в засаде за огромной скалой, определила, что поднимающиеся по склону солдаты противника, скорее всего, будут обходить ее справа, если смотреть с их стороны. Слева скала примыкала к небольшой возвышен-

ности, и поэтому логично было предположить, что они попытаются обогнуть ее именно справа, где родник пробил узкую расщелину. Расстояние между солдатом, находившимся перед скалой, и его товарищем справа сократилось, а солдат, поднимавшийся слева, оказался в одиночестве. Центровой его застрелил и тут же отступил в глубь леса. К убитому подбежал солдат, шедший левее, — его сразу же снял выстрелом левофланговый, но тут появились сразу двое солдат, огибавших скалу справа. Правофланговый застрелил одного из них и попытался отступить. Однако другой солдат, черт бы его побрал, оказался парнем отважным и сломя голову ринулся за ним. Убегая, правофланговый поскользнулся и сорвался вниз со склона, потом стал снова взбираться вверх и вдруг потерял ориентацию. Он взбежал на скалу, опять спустился с нее и оказался в долине, прямо в расположении вражеских войск. За ним по пятам мчался отважный солдат, которому жить явно надоело. Обезумевший от погони правофланговый ворвался в гущу наступавших солдат второго эшелона и был захвачен в плен. При этом он успел получить еще три ранения и потому, когда его приволокли в штаб и Безымянный капитан устроил ему допрос с при-

страстием, испустил дух. Безымянному капитану так и не удалось выудить сведения у первого захваченного пленного и скорректировать ход операции. Польза от него была только та, что, представив захват партизана блистательным успехом, Безымянный капитан смог приостановить операцию.

Правофланговый, доставленный в качестве пленного в штаб и умерший при обстоятельствах, которые не могли даже вообразить себе разведчики нашего края, в мирное время был хозяином мелочной лавки, торговавшей сакэ и соей, по прозвищу Живодер. Поскольку он был убит в самом начале пятидесятидневной войны, то есть исчез из долины до нашего с тобой, сестренка, рождения, значит, это лишь мое воображение убедило меня в том, будто я своими глазами видел, как он в охотничьей шапке и спортивных брюках разъезжал на велосипеде с огромным ящиком, прикрепленным спереди, а велосипед тащила на красных стеганых постромках огромная собака. Но собаку эту я действительно не раз гладил, запустив руку в густую теплую шерсть на ее спине. Наверное, сестренка, и тебе приходилось это делать.

Пес ненамного пережил Живодера — дождался

того дня, когда во время войны на Тихом океане всех собак в долине и горном поселке по приказу властей отловили с целью заготовки меха для армии. В тот день ветер далеко разносил запах крови убиваемых собак, и люди нашей долины будто заново пережили ужасающую резню, которой завершилась пятидесятидневная война. С утра дети увели своих собак в лес (а я, не имея собственной, спасал собаку Живодера) и спрятали там среди одичавших, но из этого ничего не вышло — привыкшие к своему дому, они вернулись вслед за нами; от собачьей крови река едва не вышла из берегов.

Живодер был торговцем, ездившим из долины в горный поселок и обратно на велосипеде, который таскал огромный пес с короткой рыжей шерстью. Иногда со скуки, утомившись однообразием дороги, по которой ему приходилось ездить изо дня в день, он мог сказать, например, случайной девочке, у какого-нибудь амбара в горном поселке рвавшей космеи и ромашки:

— Тебя сюда взяли на воспитание из долины. А хочешь, отвезу к родной мамаше?

За это его осуждали. Сорокалетний Живодер не пользовался уважением ни у соседей, ни даже в собственной семье, и в прозвище, которое он

получил за то, что заставлял таскать велосипед своего пса — пусть он ростом с теленка, но все же слабее человека, — явно сквозила презрительная насмешка над ним.

С того дня как Живодер во время операции «Охота в горах» был тяжело ранен, попал в плен и умер в лагере противника, начались странные явления. Они производили сильное впечатление на людей нашего края, укрывшихся в глубине леса во время пятидесятидневной войны и сражавшихся с врагом, так как свидетельствовали о том, что Живодер был человеком сентиментальным, испытывавшим к своей семье и собаке любовь гораздо более глубокую, чем можно было предположить. В тот вечер, когда женщины, дети и старики, прятавшиеся в лесу от наступающих войск противника, собирались вернуться на место старого лагеря, семью Живодера посетил его призрак. Я употребляю слово «призрак» в том значении, какое раскрывается в легендах. А значение это такое: тело человека умирает и душа, расставшись с ним, улетает с земли — как раз в этот момент призрак умершего и является своим близким. Пес, которого Живодер нещадно эксплуатировал — стоило его освободить от постромок, как он без сил валился на землю, — уставившись

туда, где сквозь листву пробивались багряные лучи солнца, завыл, словно изнемогая от тоски по хозяину. Жена Живодера, согбенная под тяжестью палатки и домашнего скарба, и маленькие детишки, подняв головы, увидели, что в редкой траве в тени могучего дерева с горестным видом застыл Живодер. В охотничьей шляпе, чуть наклонившись вперед, он, точно расплывчатое изображение в эпидиаскопе, парил, не касаясь земли прочными ботинками, которые сам сшил, чтобы удобно было крутить педали велосипеда.

— Чудно́, чего здесь отец делает? Вроде бы смотрит на нас, а вроде бы и нет. И не подходит. Может, это мы сон видим? — сказала жена Живодера, не столько обращаясь к детям, сколько разговаривая сама с собой — только повернувшись в их сторону.

Еле различимая фигура постепенно теряла очертания, пока не исчезла совсем. Призрак Живодера появлялся и исчезал в тот вечер много раз, пока они добирались до места, где был разбит лагерь. Жена Живодера набралась смелости и пошла к старикам в штаб, руководивший боевыми действиями. Тогда отец-настоятель, опираясь на свои знания, почерпнутые из мифов и преданий нашего края, гораздо более доскональные, чем у

стариков, объяснил ей, что означает появление призрака.

Живодер героически сражался, пока не попал в плен, докладывали его боевые товарищи по диверсионному отряду; но прежде, чем его схватили, он, наверное, был тяжело ранен и, как это ни печально, сейчас, видимо, уже мертв, хотя разведке нашей ничего об этом не известно. Скорее всего, душа Живодера из сострадания к родным и собаке, которые не знают о его смерти и продолжают ждать, решила сообщить им, что он умер и ждать его возвращения бессмысленно. Кроме того, Живодер хотел, чтобы семья отслужила молебен за упокой его души. Потому-то он и явился своим близким, но, опасаясь, что напугает их своей явственностью, предстал едва различимым. Он, должно быть, показывался несколько раз, пока не убедился, что они догадались о его смерти. В прошлом неоднократно бывали случаи, когда душа умершего являлась вновь и вновь. Существует немало прецедентов, которые научили нас правильно на это реагировать. Необходимо подать знак душе покойного: «Все понятно, теперь мы узнали о твоей смерти», но при этом демонстрировать это слишком явно тоже недопустимо — ведь существует табу на все,

что касается границы между жизнью и смертью. Любая опрометчивость может лишить покоя душу умершего. Поэтому в данном случае наиболее естественным было бы вести себя так, будто призрака не видишь, но при этом постараться умиротворить душу Живодера, дав ему понять, что догадываешься о его смерти. Если призрак и на другой день появится, нужно спокойно и обстоятельно повторить все снова. И вести себя так надлежит до тех пор, пока душа Живодера не обретет покоя и не проследует по естественному пути, предначертанному всякому человеку после смерти…

— Я думаю, мы ни одним движением не должны показывать, что видим отца! — решительно заявила жена Живодера, печально опустив голову. — Если мы откликнемся, он такой человек, что позовет к себе нас всех, даже собаку. Уж я-то знаю! А если мы покажем, что так быстро забыли о покойном, он, пожалуй, обозлится и накличет беду на нас или на собаку! Нужно показать ему, что мы постепенно начинаем верить в его смерть.

По ночам призрак Живодера ни семью, ни собаку не пугал — то ли не желая нагонять лишнего страху, то ли понимая, что в такое время, да еще

со сна, едва различимое привидение заметить трудно. И лишь днем призрак Живодера, его семья и собака сосуществовали рядом, как это было до его смерти. Чтобы не втягивать в эту историю соседей по лагерю, а также заботясь о добром имени Живодера и щадя чувства этого человека, при жизни интровертивного, его жена поставила палатку поодаль от всех остальных. Собаку она посадила на цепь — когда появлялся призрак, та его облаивала, но подбежать к нему не смела. Стоило показаться призраку, как его жена обращалась к детям и собаке с такими словами:

— Что с нашим отцом? Может, он уже умер? Если умер, мы будем молиться, чтобы путь его в иной мир был спокойным. Через лет двадцать-тридцать я тоже отправлюсь туда, к нему.

Вскоре на оружейном заводе ей сделали дощечку, на которой она написала имя покойного. За накрытым столом женщина всегда оставляла для него место, постоянно молилась за упокой его души — так она старалась умиротворить призрак Живодера, плававший в желтовато-зеленых сумерках девственного леса. Призрак в охотничьей шляпе и спортивных брюках, касаясь палой листвы ботинками, столь удобными для велосипедной езды, с каждым днем становился

все прозрачнее, появлялся все реже и наконец вовсе исчез.

Пока шла эта дипломатическая игра между призраком Живодера и его женой, пятидесятидневная война продолжалась — шли ожесточенные бои. Безымянный капитан, вынужденный скрывать поражение в операции «Охота в горах», пытался убедить подчиненных в том, что единственный пленный, хоть и тяжело раненный, был еще в силах сообщить ряд ценных сведений, из которых удалось выяснить истинное положение дел в армии мятежников, и это позволяет рассчитывать на успех операции в дальнейшем. С этой целью Живодера в течение пяти дней после смерти выдавали за живого, и, возможно, именно потому, что смерть его утаивалась вражеской армией и душа не находила успокоения, витая между небом и землей, призрак постоянно появлялся перед семьей и собакой.

Продолжая таким образом обманывать подчиненных и армию мятежников, укрывшуюся в лесной чаще, Безымянный капитан тем не менее, как инициатор этой военной операции, должен был признать, что все его действия до сих пор были ошибочны и бессмысленны. Нагромождение ошибок особенно отчетливо проявилось в

грандиозной операции «Охота в горах» во время всеобщего наступления. В тот день армия Великой Японской империи потеряла двенадцать человек убитыми, а мятежники недосчитались всего одного пожилого бойца, который, потеряв голову, ворвался в боевые порядки противника. И если бы армия Великой Японской империи самым решительным образом не изменила характер боевых действий, она бы потерпела полное поражение. Но вместе с тем осознание необходимости изменения тактики, ставшее неизбежным в результате цепи поражений, привело к моральному разложению среди солдат.

Безымянный капитан, основываясь на сведениях, якобы полученных на допросе Живодера, отдал приказ пяти взводам начать наступление. При этом он объяснил командирам взводов, что обнаружение позиций противника или даже встреча с ним не являются первостепенной задачей новой операции. Цель ее заключается не столько в уничтожении отдельных мятежников или даже целых групп, сколько в том, чтобы осуществить, так сказать, географическое покорение всего района девственного леса, где они базируются. Внешне все было представлено так, будто этот замысел родился при допросе пленного, на

самом же деле он строился на идее, которая владела Безымянным капитаном с того момента, как его рота вступила в долину. Безымянный капитан исходил из того, что даже профессиональный военный должен преодолевать чисто военные схемы, должен вникать в самую сущность противника. И в условиях, когда даже преданные подчиненные постепенно теряли веру в командира, подозревая, что он постоянно, даже средь бела дня, видит сны, Безымянный капитан сосредоточенно обдумывал последние события, стараясь постичь суть пятидесятидневной войны.

«Географическое покорение» всей территории девственного леса, где укрылись жители горной впадины, чтобы сохранить в неприкосновенности мифы и предания деревни-государства-микрокосма… Хотя Безымянному капитану ничего не было известно об этих мифах и преданиях, он тем не менее путем рассуждений пришел к совершенно правильному выводу, что мятежники — старые и молодые, мужчины и женщины, — которые, побросав дома в долине и горном поселке, бежали в лес и, создав там опорную базу, оказывают ожесточенное сопротивление, наделяют девственный лес особой силой. Если бы не существовало какой-то маниакальной

веры в девственный лес, то разве вспыхнул бы в этой ничем не примечательной, забытой богом деревушке мятеж против Великой Японской империи, разве сражались бы так упорно укрывшиеся в лесу люди? Такая вера, разумеется, не что иное, как глупая выдумка безмозглых туземцев. Но если не развеять их выдумку, старые и молодые, мужчины и женщины будут продолжать сопротивление, скрываясь в лесу до тех пор, пока всех их не перебьют. Этого, разумеется, нельзя было допустить. Но армия Великой Японской империи могла быть поставлена в тупик, не зная, как вести себя перед лицом отчаянного сопротивления этих фанатичных, одержимых суеверием людей. Следовательно, необходимо немедленно покончить с таким абсурдным, отчаянным положением.

Как следует поступить? Прежде всего доказать действиями армии Великой Японской империи, что окружающий долину лес — обыкновенный пограничный район, обозначенный на карте, и абсолютизировать его как нечто сверхъестественное — глупейшая выдумка, предрассудок. Географическое покорение! На карте масштаба 1:50 000 обозначен весь этот район — и девственный лес, окружающий долину, и даже

территория, расположенная за ним. Девственный лес не находится в каком-то привилегированном положении перед остальными районами. Однако эти олухи, считая огромный девственный лес, обозначенный на карте масштаба 1:50 000, землей обетованной, убеждены, что, скрываясь в лесу, могут противостоять армии Великой Японской империи. Опираясь на свою слепую веру, они воображают, будто их район может независимо, на равных сосуществовать с Великой Японской империей…

Тактика, придуманная Безымянным капитаном для опровержения этой иллюзии, состояла в следующем: солдаты пяти взводов, возглавляемые офицером с компасом в руках, построившись колонной, направляются в девственный лес. Точно следуя курсу, обозначенному ярко-красной прямой линией, прочерченной Безымянным капитаном на карте масштаба 1:50 000, они проникают в глубь леса и тем же путем возвращаются в долину. На следующий день на карте будет прочерчена красная линия с отклонением на двадцать градусов от первой. Колонна солдат, сформированная из тех же пяти взводов, снова пройдет по ней, строго придерживаясь курса, через лес и вернется обратно. Повторив эту опера-

цию восемнадцать раз, армия Великой Японской империи развеет в прах миф о таинственной силе девственного леса, в которую верят эти фанатики, считая, что необъятный, как море, лес может стать базой в партизанской войне. Вот что такое географическое покорение района, прикрывающего с тыла долину и горный поселок.

Как видно из этого, идеи операций Безымянного капитана, начавшихся сражением у родника в день вступления роты в долину, не возникали спонтанно, а скорее представляли собой реакцию на изменения обстановки. Поэтому можно предположить, что и операция географического покорения объясняется тем, что Безымянный капитан подпал под влияние магической силы, исходившей от окружающего долину девственного леса. Само географическое покорение стало необходимым ему как символ очищения от скверны, психологически угнетавшей его. Если бы осуществленная им как одно из средств такой психотерапии тактическая операция, при которой офицеры и солдаты пяти взводов строго по стрелке компаса прочесывали девственный лес, принесла еще реальные результаты и как военная акция, это означало бы, что ему удалось одним выстрелом убить двух зайцев.

В первый день операции, задуманной Безымянным капитаном с целью географического покорения, старики из оперативного штаба не сообразили, какие задачи ставит марш офицеров и солдат пяти взводов, но поняли, что он имеет некую географическую направленность. Более того, можно сказать, что старики восприняли сигнал, посланный из-за линии фронта Безымянным капитаном, который поднял подчиненных на эту демонстративную акцию. А среди них были люди, которые когда-то помогали проводить топографические съемки при составлении карты этого района. И тогда в оперативном штабе, находящемся в глубине леса, провели на своей карте такую же прямую линию, какую провел на карте масштаба 1:50 000 остававшийся в долине Безымянный капитан. На третий день операции географического покорения старики установили, что солдат каждый раз отклоняется на двадцать градусов, но не стали саркастически усмехаться, а лишь задумчиво покачали головами. Выходило, что на последующие более чем десять дней армия нашего края получила передышку, словно заранее предупрежденная о том, как предполагает противник проводить свою операцию. Постепенно задуманный Безымянным капита-

ном план географического покорения по карте масштаба 1:50 000 полностью вырисовался перед стариками из оперативного штаба, и они без труда перечеркнули его символическое значение. Дело в том, что для них, да и для всех остальных жителей нашего края, карта масштаба 1:50 000, составленная Великой Японской империей и воспроизводившая очертания долины и окружающего ее девственного леса, все-таки не являлась картой деревни-государства-микрокосма, обладавшей самобытными мифами и преданиями.

И тогда старики перенесли лагерь вместе со штабом в безопасное место вдали от маршрутов вторжения в лес армии Великой Японской империи, после чего собрали молодежь. Показав карту, на которой красным карандашом были прочерчены радиально расходящиеся от долины линии, они объяснили им, каким маршрутом будет следовать день за днем армия Великой Японской империи, растолковав заодно, что карта масштаба 1:50 000 не является достоверной картой деревни-государства-микрокосма. Таким образом, действия противника дают прекрасную возможность партизанам нашего края устроить маневры, призванные поднять ее боевой дух.

— Чужаки, которые пришли к нам, чтобы

произвести топографические съемки для составления карты, ничего не знали о нашем крае! Какую деревню ни возьми — везде есть горы и реки, высокие места и низкие. И при любой топографической съемке всегда можно провести необходимые линии — так думают эти люди! Наша земля в глазах топографов выглядела лишь затейливым переплетением этих линий! Возможно ли, чтобы карта, составленная такими топографами, была настоящей картой нашего края? Какой смысл обозначать синтоистский храм на карте, по которой невозможно установить, где находится тополь Разрушителя? Представьте себе такую карту: топограф, приехав в наш край и увидев здесь разлегшегося быка, там — пролетающую птицу, нанес их на бумагу с помощью соответствующих значков! Когда-нибудь от вас, молодых, мы должны получить настоящую карту нашего края!

Таким образом, задуманная Безымянным капитаном операция географического покорения в конечном итоге не смогла оказать психологическое воздействие на деревню-государство-микрокосм. И все же в этом последовательном прочесывании леса по радиальным маршрутам с отклонением каждый раз в двадцать граду-

сов, хотя и продуманном весьма поверхностно, наспех, ему сопутствовала, как ни странно, большая удача. Безымянный капитан день за днем направлял солдат в девственный лес, и однажды — можно сказать, совершенно случайно — возглавлявший колонну офицер в мокром от пота кителе с прижатым к груди компасом набрел на то место, где находился оружейный завод. Разумеется, для армии Великой Японской империи это была нежданная удача. Причем командование армии деревни-государства-микрокосма с самого начала операции географического покорения предполагало такую возможность. Когда старики и отец-настоятель уяснили логику и методику операции Безымянного капитана, они сразу же поняли, сколь ошибочен, с их точки зрения, ее расчет, но, предвидя, что механическая методичность операции может привести к неожиданным результатам и даже поставить их в затруднительное положение, побеспокоились о том, чтобы эвакуировать лесной завод.

— Нельзя допустить, чтобы завод со всем оборудованием был обнаружен и уничтожен. Поэтому нужно что-то предпринять, — убеждали инженера старики.

Сначала инженер не хотел всерьез думать ни

о чем, кроме токарного станка, о который опирался перепачканными маслом руками. Это, считал он, разведывательное прочесывание девственного леса проводится по весьма приблизительному плану, и вряд ли так хорошо замаскированный завод будет обнаружен. Если же его обнаружат, то по чистой случайности, и, следовательно, перевод завода в другое место лишен всякого смысла. Такова была позиция инженера. Поскольку колонна двигалась от долины по радиусам, вероятность обнаружения завода настолько уменьшалась, что эвакуировать его в глубь девственного леса было нецелесообразно. Инженер это прекрасно понимал. К тому же ему нечем было удлинить проложенный под землей кабель, подключенный к линии электропередачи, а без электроэнергии оружейный завод работать не мог. Значит, оставалось надеяться на то, что вражеский отряд не обнаружит завода, и с еще большим энтузиазмом выпускать и ремонтировать остро необходимое оружие.

Нечеловеческие усилия, которые приходилось затрачивать инженеру с самого начала войны, видимо, так его измучили, что он ко всему, кроме своей профессиональной работы на станке, уже относился с полным равнодушием. Однако

упрямые старики не так-то просто отказывались от своих планов. Они решили повлиять на инженера, собрав необходимые для этого научно обоснованные доказательства в пользу того, сколь велика вероятность обнаружения завода. Все-таки инженер и по своему характеру, и по образу жизни — человек науки. Здесь тоже, сестренка, отец-настоятель сыграл чрезвычайно важную роль. Именно он в день, когда Безымянный капитан начал свою операцию географического покорения, предложил старикам прочертить прямые линии на карте масштаба 1:50 000, которой они располагали. Отец-настоятель, анализировавший ход пятидесятидневной войны, понял, что человеку, командовавшему противником, свойственно методично доводить начатое до конца — черта характера сродни обыкновенному упрямству. И тогда он стал доказывать старикам, что путем точных расчетов можно установить, пройдет ли маршрут войск противника по территории оружейного завода. Получив согласие стариков, отец-настоятель провел на карте масштаба 1:50 000 радиальные линии с отклонением в двадцать градусов, после чего перенес их на реальную местность, в лес, и, читая следы, оставшиеся после ряда мар-

шей, проведенных бойцами Великой Японской империи, вычислил дальнейший их курс. Ему помогали люди, имевшие опыт землемерной работы. Я думаю, сестренка, правильно сказать о нем так: отец-настоятель, не жалевший труда для фундаментального постижения самых разных наук, необходимого при изучении мифов и преданий деревни-государства-микрокосма, располагал также изрядными сведениями по топографической съемке. Произведя точные расчеты, он определил, что один из маршрутов вражеских войск точно пройдет по территории оружейного завода. Он сразу же установил, что в ходе ежедневного прочесывания противником девственного леса через два дня курс колонны будет пролегать именно через завод. Но хотя необходимые познания у отца-настоятеля и были, техникой топографических съемок на местности он не владел, поэтому работа отняла много времени. Познакомившись с полученными данными, инженер, как человек науки, не мог не убедиться в их правильности, и с его согласия немедленно была начата подготовка к эвакуации завода.

Эвакуация завода и материалов в более безопасное место, где не ожидалось продвижения войск противника, началась сразу же, как только

было принято решение, но времени уже почти не оставалось — судя по радиально расходящимся из центра долины маршрутам, по которым двигались вражеские солдаты, их отделяло от завода всего сорок градусов. К тому же с наступлением темноты эвакуационная команда приостанавливала работу, точно так же как и вражеский отряд прекращал движение. В тот день, едва дождавшись рассвета, эвакуационная команда приступила к работе, а пять взводов, следуя за офицером с компасом в руках, углубились в девственный лес, вырубая преграждавший им путь кустарник. На фоне начавшей чуть светлеть темной зелени замелькали фигуры в хаки, со склона доносился топот сапог по камням, хруст валежника. Дети, помогавшие эвакуационной команде, держались стойко. Если бы кто-нибудь из них испугался и заплакал, вражеская армия послала бы на голос разведчиков, и возможно, сразу же обнаружила бы стариков и молодежь, мужчин и женщин нашего края, собравшихся в то утро около оружейного завода.

Когда вражеская колонна скрылась в девственном лесу, молодые парни и взрослые мужчины, составлявшие ударную силу нашего края, приступили к перевозке токарного станка. В том, что

работу начали так поздно, было и свое преимущество: если армия Великой Японской империи считает прочесанный район безопасным, то вот он — граница проходит совсем рядом. Инженер, вначале весьма скептически относившийся к идее эвакуации, когда было решено осуществить ее, тоже работал всю ночь не покладая рук и соорудил приспособление для перевозки токарного станка. В лесу было много упавших деревьев, но он срубил огромный кипарис — хотя и засохший, но не гнилой, а только ставший еще крепче, — выдолбил его наподобие лодки и превратил в прочную «повозку Ашуры»[32]. Все плотники долины и горного поселка помогали ему. «Повозка Ашуры» после окончания пятидесятидневной войны еще долго валялась у Дороги мертвецов. Я много раз взбирался на это толстенное могучее бревно. Играя в одиночестве, я воскрешал в памяти то, чему учился на уроках отца-настоятеля, и, хотя прекрасно знал легенду о «повозке Ашуры» в пятидесятидневной войне, мне все равно казалось, что это та самая волокуша, сделанная из разобранного судна, на котором ведомые Разрушителем созидатели поднимались вверх по реке.

---

[32] Примечания: 32

Ашура — один из демонов в буддизме, олицетворяющий воинственность.

Во всяком случае, я был уверен, что именно Разрушитель во сне подал инженеру идею «повозки Ашуры» — этого древнего транспортного средства. В детские годы я связывал в своих фантазиях «повозку Ашуры», использованную для транспортировки станка в период пятидесятидневной войны, и волокушу созидателей, поднимавшихся вверх по реке, и такая параллель имела под собой мифологическую основу.

Команда, отобранная из самых сильных мужчин и молодых парней, погрузила токарный станок на «повозку Ашуры» и поволокла его через лес. Другая команда прокладывала подземный кабель туда, где было решено построить новый оружейный завод. В перевозку рабочего инструмента, заготовок и материалов, напоминавших подобранный на свалке утиль, включились все, вплоть до женщин и детей. Колонна солдат продвигалась в глубину девственного леса на такое расстояние, чтобы дотемна удалось вернуться в долину, — это было учтено, и, прежде чем она повернула назад, работа была полностью завершена. Но тут люди обратили внимание на след от груженной тяжелым станком «повозки Ашуры», пересекавший узкую, похожую на звериную тропу, протоптанную колонной солдат. След от

волокуши, конечно, замаскировали — на это были брошены все, кто только мог принять участие в работе, но, по правде говоря, старики, предложившие эвакуировать завод, да и большинство взрослых понимали, сколь велика опасность создавшегося положения. От отчаяния у них буквально опустились руки.

И тогда наступил черед детей. Те самые дети, которые только что, помогая эвакуировать завод, забавлялись игрушечным оружием немецкого производства, теперь превратились в маленьких бойцов, по-настоящему участвующих в сражении. Прежде всего один из мальчиков заявил старикам:

— Мы на опушке леса часто играем в лабиринт. Играют две команды: одна догоняет, а другая уходит от преследования, маскируя настоящие следы и делая ложные. Преследователи, которые идут по этим ложным следам, в конце концов попадают в лабиринт, устроенный другой командой, и выбраться из него бывает очень трудно. В общем, игра состоит в том, чтобы одурачивать преследователей. Мы разобьемся на несколько групп и таким же точно способом сделаем лабиринт, а вокруг колеи, оставленной «повозкой Ашуры», понаделаем ложных следов, обрывая

подорожник. Так одурачим врагов, что они век не выберутся из леса…

Получив согласие стариков, ребята отобрали особенно изобретательных в устройстве лабиринта, сформировали из них команду и приступили к делу. Еще до наступления темноты, когда солдаты армии Великой Японской империи повернули назад, ребята сделали все, как обещали. Офицер, возглавлявший строй, обнаружил, что протоптанную ими прямую тропу пересекает колея, оставленная «повозкой Ашуры», и приказал солдатам, пока не стемнело, не мешкая разведать окрестности. Но они, проплутав в устроенном ребятами лабиринте, вернулись ни с чем. Тогда офицер решил, что колея — это ловушка, специально устроенная, чтобы они заблудились в лесу, и, снова построив солдат, направился в долину. А оружейный завод, переведенный на новое место, на следующий же день начал бесперебойно работать.

В тот день, когда проводилась эвакуация завода, учителя, вернувшись в школьный лагерь с детьми, помогавшими взрослым, обнаружили, что несколько школьников отсутствуют. Причем пропали именно те, кто участвовал в устройстве лабиринта… На другой же день в обширном

районе девственного леса были организованы поиски, но найти детей не смогли. Разведчики, спустившиеся ночью в долину, установили, что никто из ребят в плен не угодил. Оставалось предположить одно — они плутают по замкнутому кругу в ими же самими устроенном лабиринте и не могут выйти из него. Все дети в школьном лагере были убеждены, что их товарищи, заблудившиеся в лесу, не погибли. В легендах говорится, что с того момента, как дети попали в замкнутый круг лабиринта, они освободились от оков времени, текущего за его пределами, и каждый из них превратился в вечного странника, бредущего по девственному лесу. Может быть, сестренка, эти дети, бесконечно плутающие в собственном лабиринте, и породили страх, который вызывала Дорога мертвецов даже у ребят нашего поколения? Операция географического покорения, придуманная Безымянным капитаном, вместо того чтобы развеять веру в магическую силу девственного леса, наоборот, укрепила ее…

6

Рассказ о детях, заблудившихся в устроенном ими же лабиринте и не сумевших из него выбраться, врезался в мою память как леген-

да, услышанная уже не от отца-настоятеля, а от сверстников. Он тоже был не лишен фантастичности, но, как мне кажется, во многом реалистичен, что свойственно детскому воображению. Рассказ такой: дети, которые сделали чересчур сложный лабиринт и сами не смогли из него выбраться, были не столь беспомощны, чтобы умереть там от жажды и голода. Несмотря на возраст, они обладали достаточным опытом, чтобы выжить в девственном лесу. Именно он и позволил им создать такой сложный лабиринт, где они сами и заблудились. Для того, кто надумает из-за укрытия активно сражаться с противником, такой лабиринт, из которого и сам не можешь выбраться, представляет собой неприступную крепость, и действительно, пока шла пятидесятидневная война, дети укрывались там, являя собой воплощение непоколебимого боевого духа.

Они спокойно жили, питаясь грибами, плодами деревьев, луковицами лилий, пресноводными крабами, личинками пчел, утоляя жажду чистой родниковой водой, и с нетерпением ждали случая, чтобы заманить в лабиринт и взять в плен офицеров и солдат армии Великой Японской империи. Кое-кто утверждал, что и на самом деле в

лабиринт забрело несколько солдат противника. Так эти отважные ребята до конца войны сражались в лабиринте, используя его как мощную крепость.

Когда война окончилась, всем капитулировавшим жителям долины и горного поселка было приказано собраться у Дороги мертвецов, и Безымянный капитан, воспользовавшись книгой посемейных записей, учинил над ними судилище. Оно состояло в том, что из двух человек, значившихся в книге как один, Безымянный капитан признавал тоже лишь одного и лишь ему разрешал спуститься в долину. Правда, нужно иметь в виду, что за это время кое-кто умер от болезней и несчастных случаев, но к моменту судилища в книге посемейных записей это отражено не было, и, разумеется, уже далеко не каждый второй лишался возможности спуститься в долину. Кроме того, пятидесятидневная война, особенно в конце, унесла много солдат нашего края. Что же касается детей, то умерших в младенчестве, хоть они до поры до времени и числились в живых, было немного. В боях дети тоже погибали редко — ведь они, как правило, в них не участвовали. И поэтому каждый раз, когда на судилище Безымянный капитан выкли-

кал имена детей, в лесу, как правило, оставался один из двоих — якобы не существующий ни в долине, ни в горном поселке. Все оставшиеся в лесу дети были потом зверски убиты, об этой кровавой резне рассказывает легенда. Однако мы, считая эту чудовищную легенду недостоверной, тайно пересказывали другую. Будто бы укрывшиеся в лабиринте дети, которые сами же его устроили, вышли оттуда целыми и невредимыми. Поскольку в пятидесятидневной войне мы потерпели поражение, бойцы нашего края, когда она окончилась, были уничтожены вершившей суд армией Великой Японской империи — здесь уж ничего поделать было невозможно. Но разве могли старики допустить такое варварство — избиение половины детей? Неужели же они сознательно шли на борьбу до полного самоуничтожения, пока не полягут все до одного — старые и молодые, мужчины и женщины? Но даже если, решившись на капитуляцию, они не могли предвидеть последствий — почему же тогда Разрушитель, который, появляясь в их снах, руководил всем ходом пятидесятидневной войны, оказался неспособным предсказать или предотвратить случившееся? Вот как легенда, которая передавалась детьми, объясняла то, что

произошло на последнем этапе пятидесятидневной войны. В школьном лагере в глубине леса неожиданно появился никому не известный, но располагавший к доверию человек огромного роста, прямо великан, который собрал половину детей в отряд. Привели мужчину в школьный лагерь дети, заблудившиеся в устроенном ими лабиринте. Отряд, состоявший из детей всех возрастов, был уведен им в глубь леса: совсем маленьких старшие несли на спине, других вели за руку; шли они молча, чтобы не обнаружить себя. И только после этого была принята капитуляция, означавшая окончание пятидесятидневной войны. Поэтому на своем жестоком судилище Безымянный капитан не смог покарать ни одного ребенка…

Ты, сестренка, жрица Разрушителя и, видимо, поняла тайный смысл этой легенды. Располагавший к доверию великан, который появился в школьном лагере перед самым поражением в пятидесятидневной войне и собрал в отряд детей всех возрастов, вычеркнув их таким образом из книги посемейной записи, был не кто иной, как Разрушитель, перешедший из мира снов в мир реальности. Разумеется, в легенде так прямо имя Разрушителя не называлось. Рассказывая эту

фантастическую легенду, дети говорили:

— Он был похож на Дзёфуку-сан!

Уже много позже я узнал, что Дзёфуку — имя китайца из «Легенд Страны восходящего солнца», который переправил триста юношей и девушек на восточные острова. Великана, который в конце пятидесятидневной войны увел с собой в глубину леса половину детей деревни-государства-микрокосма, люди называли Дзёфуку в честь того, кто когда-то повел на строительство нового мира юношей и девушек, и дети, не зная еще тогда самой легенды, тоже называли его Дзёфуку-сан. Того самого великана, которому отцы и матери вверили своих детей, находившихся в школьном лагере. Не слишком ли опрометчиво поступили они, доверив судьбы стольких детей совершенно неизвестному, постороннему человеку, лишь потому, что он им напомнил Дзёфуку-сан? Задумываясь над этим, приходишь к единственному объяснению: люди поверили, что Разрушитель, в течение всей пятидесятидневной войны отдававший им приказы в снах, наконец решил объявиться в реальном мире. Такое истолкование этого события проливает свет еще на одну легенду, относящуюся к мифу об основании нашего края. Легенду, в которой говорилось, что

те, кто вместе с Разрушителем поднялись вверх по реке и добрались до долины, загороженной огромными обломками скал и глыбами черной окаменевшей земли, все до одного были молоды. Именно потому, что созидатели были такими молодыми, каждый из них после того, как они поселились в долине и в горном поселке, смог прожить более ста лет. Люди, сомневающиеся в том, как эти юноши и девушки, еще почти дети, пусть даже и под руководством Разрушителя, могли освоить землю обетованную, будут сомневаться и в том, смогли ли дети, которых в конце пятидесятидневной войны увел располагавший к доверию великан, где-то создать новый мир, и поэтому все пересказывают лишь канву легенды, не вдаваясь в ее суть.

Как и предсказала топографическая съемка, проведенная отцом-настоятелем, армия Великой Японской империи, осуществлявшая в девственном лесу операцию географического покорения, через два дня вышла на оружейный завод. Для Безымянного капитана и офицеров оперативного штаба обнаружение завода было не просто эпизодом в операции географического покорения, а самой крупной военной победой с момента вступления в долину. Они ликовали. Ра-

достное возбуждение передалось всем солдатам роты, квартировавшей в долине. Безымянный капитан, как лицо ответственное, изо всех сил сдерживался, чтобы не броситься сломя голову в опасный лес, где его могла поджидать засада, но остальные офицеры немедленно отправились обследовать оружейный завод. Станок с завода был, как известно, вывезен, оружие, которое там изготовлялось и ремонтировалось, и материалы унесены. Обнаружив во временном строении только потеки машинного масла на деревянном полу да груды металлической стружки и всякого хлама, который даже детей не заинтересовал бы, офицеры после длительного совещания пришли к выводу, что это и в самом деле оружейный завод мятежников. След от «повозки Ашуры» навел их на мысль, что с завода вывезли тяжелый станок, и было принято решение проследить, куда он ведет. Поскольку это происходило в лесу — в зоне действий противника, офицеры, предполагая возможность контрудара, отправили на поиски увезенного станка отряд преследования из трех взводов отборных солдат. Обратившись к ним с напутствием, Безымянный капитан подробно изложил им ситуацию, однако весьма сомнительно, что солдаты правильно поняли его указания,

сводившиеся к тому, что нельзя недооценивать реальной силы, которой располагают в лесу люди, из поколения в поколение живущие в этом районе. И Безымянный капитан оказался прав: отряд преследования сразу же был сбит с толку ложными следами, старательно проложенными детьми нашего края, боевой порядок распался, солдаты разбрелись в разные стороны в поисках настоящей дороги, по которой провезли тяжелый станок, и в конце концов оказались в лабиринте, устроенном детьми. А когда они попали в западню и стали блуждать по бесконечным тропинкам лабиринта, выбраться из которого не могли, бойцы диверсионного отряда, устроившие засады на деревьях, в зарослях кустарника и за обломками скал, атаковали их. Солдаты были застигнуты врасплох. Из-за укрытий в них полетели безжалостные стрелы, от которых не было спасения. Заглушая свист летящих стрел, с макушек огромных деревьев, оттуда, где солнечные лучи рассеивались в листве, доносился стрекот бесчисленных цикад. Сидевшие в засаде стреляли по врагам, как только те появлялись в узких просветах между ветвями. Стреляли в солдат армии Великой Японской империи — их убивали среди безмолвия, наполненного лишь голоса-

ми цикад. Всего погибло двенадцать человек, и столько же было тяжело ранено. В итоге солдаты так и не смогли обнаружить, куда эвакуирован оружейный завод.

Луки, которые использовали укрывшиеся в засаде, были сделаны по образцу, купленному в немецком магазине спортивных товаров. Следуя указаниям Разрушителя, полученным во сне стариками, деревенские кузнецы выковывали их из листовой стали — без всяких украшений, свойственных обычно спортивному оружию, и небольшого размера, чтобы легко было пользоваться в густом лесу. Стрелами служили заостренные велосипедные спицы. Люди, получившие во сне необходимые знания от Разрушителя, вырывали корни лекарственных растений на пришедшей в запустение плантации и ядом, который из них вываривали, смазывали кончики стрел. Бывали, правда, случаи, когда раненые солдаты, обезумев от страха, не разбирая дороги, кидались напролом и вдруг неожиданно вырывались из устроенного детьми лабиринта, но все равно они страдали от последствий отравления и долго не могли избавиться от язв. Яд, указанный Разрушителем, вызывал шок, как от удара электрическим током, и потерю сознания.

Из маленького лука убить врага наповал было, разумеется, невозможно. Поэтому бойцы диверсионного отряда, выскочив из засады, бросались на солдата, терявшего сознание, как только отравленная стрела пронзала грудь, и серпом перерезали ему горло. Так они расправлялись с врагом.

В детстве, сестренка, меня часто преследовали кошмарные сны, вызванные легендами о пятидесятидневной войне, которые рассказывал отец-настоятель. Я отчетливо представлял себе солдат, которые, долго проблуждав в устроенном детьми лабиринте и так и не найдя из него выхода, в конце концов были убиты спрятавшимися в засаде бойцами. Я вспоминаю два таких кошмара. В одном я как боец диверсионного отряда со стальным луком на плече и с серпом в руке бросаюсь на врага. Под деревьями, тонущими в желтовато-зеленом свете сумерек, точно на дне реки, лежит, раскинув руки, солдат в военной форме цвета хаки с красными знаками различия. Он без сознания. Нужно перерезать горло этому солдату, на лице которого застыло изумление — так быстро подействовал яд. И в ту секунду, когда я подбегаю к нему, меня охватывает неописуемый ужас. Другой сон был проще, но еще

страшнее. Я не могу найти выхода из искусно сооруженного мной самим лабиринта, и вдруг передо мной появляется заблудившийся солдат, пронзенный стрелой, и начинается наша бесконечная погоня друг за другом.

Чтобы компенсировать потери и ущерб, понесенные тремя взводами, отправленными на поиски станка, было решено провести беспроигрышную операцию, объектом которой являлось найденное в девственном лесу пустое здание, по всем признакам служившее еще совсем недавно оружейным заводом. Операцию по устрашению так и не обнаруженных офицерами и солдатами армии Великой Японской империи мятежников, которые наверняка, укрывшись в чаще, наблюдали за ними. Тщательно осмотрев здание, офицеры спустились в долину и после совещания с Безымянным капитаном решили перейти к действиям. Безымянный капитан, казнивший себя за досадную оплошность, которая привела к такому серьезному провалу, теперь перестраховывался: он искал способ обратить по возможности минусы в плюсы. Будучи человеком нерешительного склада, он явно не годился в командиры. Но, обуреваемый честолюбивыми замыслами, решил воспользоваться возможностью, чтобы придать

некую особую значимость операции географического покорения, до сих пор не давшей никаких ощутимых результатов. И офицеры возвратились в девственный лес, однако на сей раз с ними вместе шел Безымянный капитан, вооружившийся картой масштаба 1:50 000, компасом и угломером. Снова выверив прямую линию от командного пункта до оружейного завода, он приказал — как бы кичась степенью ее прямизны — прорубить до строения, где раньше находился завод, просеку длиной сто и шириной два с половиной метра.

Представлял ли себе в ту минуту Безымянный капитан, какое варварство он совершает? Люди нашей долины считают, что, повалив на их глазах деревья-великаны в девственном лесу, куда раньше не проникали лучи солнца, и обнажив полосу длиной в сто метров и шириной в два с половиной, Безымянный капитан совершил самую варварскую, самую кощунственную акцию за всю пятидесятидневную войну. Я в детстве тоже проникся этим настроением, когда дед Апо и дед Пери показали мне книжку с картинками, изображавшими, как возникает и развивается лес. Я думаю, ты, сестренка, тоже должна помнить эту толстую квадратную книгу. На первой странице был нарисован лесной пожар — прорезающие

тьму багряные языки пламени заставляли сердце сжиматься от ужаса. Первыми после пожара в лесу появляются побеги мисканта и сосны, но особенно бурно разрастается шафран. Потом он погибает, заглушенный мискантом, над которым поднимают голову молодые сосенки. Когда сосновый лес становится густым, новые сосны уже не растут, и на смену им приходят молодые дубки и каштаны, которым тень не страшна… И вот теперь чужаки-солдаты вырубили эти столетние могучие дубы и каштаны на полосе длиной сто и шириной два с половиной метра. Представив себе эту картину, я подумал, что человек в противоположность растениям есть воплощение зла.

Каков был стратегический план Безымянного капитана, который отдал приказ повалить деревья-великаны в стометровой полосе, от командного пункта до оружейного завода, и даже расчистить ее от поваленных деревьев и огромных камней? Офицеры и солдаты роты трудились не покладая рук, и менее чем за три дня огромная работа была завершена. В ходе ее всей роте стало известно о тяжелых потерях, понесенных тремя взводами, посланными на поиски токарного станка, и это заставило солдат, охваченных страхом и злобой, судорожно уско-

рить темп работы. А мятежники — и старики, и малые дети, — спрятавшись поодаль, наблюдали за тем, как безжалостно валят деревья-великаны. Происходившее на их глазах окончательно убедило всех без исключения — старых и молодых, мужчин и женщин — в том, что они не могли не сражаться с Великой Японской империей, просто не имели права поступить иначе. Они ощутили это безотчетно и одновременно, будто в одно и то же мгновение дрогнуло сердце у каждого жителя деревни-государства-микрокосма. Осознание увиденного заставило их перейти к решительным действиям против солдат, бессмысленно вырубавших просеку длиной сто и шириной два с половиной метра.

После того как стометровая полоса девственного леса была расчищена, Безымянный капитан приказал затащить на гору и установить в противоположном от оружейного завода конце просеки полевую пушку тридцать восьмого калибра! Это тоже была нелегкая работа, но наблюдавшие за ней люди нашей долины видели, что солдаты трудятся весело, с энтузиазмом. На четвертый день ровно в двенадцать полевая пушка тридцать восьмого калибра была втиснута меж сочащихся соком пней от спиленных великанов и наведена

прямо на оружейный завод. Потом, когда подготовка к демонстративно устрашающему обстрелу была завершена, вперед, чтобы отдать команду, вышел Безымянный капитан, до этого момента прятавшийся среди солдат — он опасался выстрела из засады. Заранее предвкушая, какой будет произведен фурор, он высоко поднял руку в белоснежной перчатке. Полевое оружие тридцать восьмого калибра с грохотом извергло пламя.

Пролетев по стометровой просеке, прорубленной в девственном лесу, снаряд угодил прямо в оружейный завод. Деревянное строение рухнуло и загорелось, взвились огромные языки пламени. Офицеры и солдаты армии Великой Японской империи отметили свою великую победу криками радости. Но что вдруг увидели возбужденные бессмысленным кощунством офицеры и солдаты, прокричав троекратное «банзай»? Наконец-то они увидели не попадавшихся им прежде на глаза (до сих пор любая встреча с ними стоила солдатам жизни!), прятавшихся в лесу мятежников — из чащи вышло сразу более ста человек. Крики радости перешли в хохот. Сизый дым от орудийного выстрела поднимался в голубую высь. Офицеры и солдаты армии Великой Японской империи, радостно улыбаясь, наблюдали, как из чащи по-

явились люди с брезентовыми ведрами в руках и начали тушить горящие развалины здания и деревья вокруг него. Точно барсуки, выгнанные из нор пламенем горящего завода, а может быть, и взрывом артиллерийского снаряда, они мелькали между деревьями с брезентовыми ведрами, доверху наполненными водой. Длилось это совсем недолго. Увидев мятежников, Безымянный капитан сразу же сообразил, в чем дело, и с помолодевшим лицом отдал какой-то приказ своему помощнику, но люди с брезентовыми ведрами в руках, потушив пожар, не мешкая скрылись за деревьями. Проявив полное безразличие к офицерам и солдатам армии Великой Японской империи, занявшим позицию в ста метрах от них, они, точно подземный родник, время от времени выбивающийся на поверхность, неожиданно возникнув из чащи леса, так же неожиданно растаяли в глубине его…

Был ли это приказ перестрелять всех тушивших пожар безоружных людей, имевших в руках только ведра, — ведь это те, кто поднял мятеж против Великой Японской империи и, укрывшись в лесу, сражается против нее, — теперь уже не выяснить. Но когда ликующие солдаты с хохотом бросились по стометровой просеке, из девственного леса

с обеих сторон раздались залпы. Первые пять-шесть человек были убиты, те, кто бежал сзади, спотыкались о них и тоже падали, как сметенные с доски шахматные фигуры. В панике солдаты открыли беспорядочную стрельбу по мелькавшим между деревьями людям. Началась перестрелка.

У отряда деревни-государства-микрокосма стрелкового оружия было мало, поэтому первый залп большого урона не нанес. А вот таких, кто не участвовал в сражении, а только вышел тушить пожар с брезентовыми ведрами, было очень много, и быстро укрыться в глубине леса они не успели. Пули солдат, которые, беспрерывно стреляя, бросились за ними в погоню, сражали пожарников одного за другим. Солдаты, вначале с хохотом гнавшиеся за ними, все больше свирепели и в конце концов стали штыками добивать раненых, пытавшихся уйти от преследователей. Это был настоящий ад, особенно после того, как в офицеров, окруживших полевую пушку тридцать восьмого калибра, бросили гранату, изготовленную на разрушенном этой пушкой оружейном заводе. Если бы бросили несколько гранат, все офицеры, и в первую очередь Безымянный капитан, были бы уничтожены. Но бросили всего лишь одну. Объясняется это тактикой стратеги-

ческого самоограничения, принятой стариками нашего края, стремившимися уберечь лес от пожара.

Сестренка, когда жители долины и горного поселка, которые до сих пор вели пятидесятидневную войну, не показываясь на глаза противнику, начали вдруг открыто тушить пожар, это вызвало у солдат бурное веселье. Им было смешно смотреть, как между деревьями мечутся безоружные люди с брезентовыми ведрами. Лишь Безымянный капитан, глядя на происходящее, был печален. Видимо, в эти минуты он осознал, насколько ниже по своим нравственным качествам подчиненные ему офицеры и солдаты в сравнении с бунтовщиками из леса. Наблюдая за ходом вспыхнувшего кровавого сражения, он понял, что оно идет по плану, разработанному мятежниками, а подчиненные ему солдаты лишь беспорядочно отвечают им. Безымянный капитан сознавал, сколь невыгодно для него такое сопоставление. Это заставляло его значительно острее чувствовать позор из-за потерь, понесенных войсками, которыми он командовал. Этот непереносимый позор, сестренка, толкнул Безымянного капитана на совершенно безумный поступок, который можно было охарактеризо-

вать как подлость, как низость, полярную той нравственной высоте, что отличала людей нашего края. Сжечь дотла весь девственный лес, чтобы уничтожить прячущихся в нем мятежников… Решившись прибегнуть к этому крайнему средству, Безымянный капитан, сгорая от стыда, понурив голову неуверенным шагом двинулся вперед…

7

Отец-настоятель, рассказывая о пятидесятидневной войне, все же не выставлял Безымянного капитана самым жестоким варваром из варваров, вторгшимся в наш край. Характер этого человека был так противоречив, что засевший в нем варвар не мог уничтожить ростки стыда, пробивающиеся сквозь поры его совести. Стоило Безымянному капитану заснуть, как ему тут же являлся Разрушитель и устремлял свой взор на комок позора, который, словно орден, висел у него на груди под кителем. И даже средь бела дня в те минуты, когда Безымянный капитан, руководя операциями, погружался в сновидения, Разрушитель не отрывал своего сурового взгляда от этого места на его затянутой в китель груди. Средь бела дня терзаемый неотступными видениями, Безымянный капитан, даже бодрствуя,

шарил по груди руками, будто искал этот комок позора. Чтобы успокоить подчиненных, которых смущало его поведение, он сшил мешочек из куска лилового шелка, в который обычно заворачивал свой боевой меч, набил ватой и прикрепил к кителю. Правда, никому из подчиненных и в голову не могло прийти, что мешочек из лилового шелка был не орденом, изготовленным Безымянным капитаном, чтобы потешить свое самолюбие, а символом позора, разросшегося у него в груди подобно раку и в конце концов вырвавшегося наружу. Если бы присутствующие на ежедневных оперативных совещаниях офицеры догадались, что означает этот лиловый мешочек, авторитет Безымянного капитана окончательно бы упал в их глазах. Однако рота проникалась все более глубоким доверием к Безымянному капитану, который так энергично осуществлял руководство в этой кампании, притом, что даже средь бела дня его посещали видения.

В тот день, когда между людьми нашего края, вовремя потушившими лесной пожар, вызванный артиллерийским обстрелом оружейного завода, и армией Великой Японской империи завязался жаркий бой, Безымянный капитан, обратившись ко всем офицерам и солдатам роты,

строго приказал, чтобы в дальнейшем воду из родника не использовали для питья. Солдатам, доставлявшим провиант, было дано строжайшее указание обеспечить снабжение питьевой водой. Безымянному капитану, чудом избежавшему гибели от ручной гранаты, эта мысль была подсказана Разрушителем в тот момент, когда он, спускаясь в долину, на мгновение смежил веки. Разрушитель предупредил, что конфликт вступил в такую фазу, когда единственный источник питьевой воды для вражеских войск будет отравлен. Солдаты, нарушившие приказ Безымянного капитана и выпившие воду из бамбуковой трубы, проложенной от родника, свалились в сильном жару — проницательность командира роты глубоко потрясла его подчиненных.

Если бы контакты с Разрушителем во время сновидений, посещавших Безымянного капитана средь бела дня, всегда так же помогали осуществлению операций, которые он проводил, то они стали бы действенным фактором успеха. Однако Разрушитель, часто демонстрировавший в мифах и преданиях нашего края многозначность слов и поступков, не мог в снах, которые видел средь бела дня захватчик деревни-государства-микрокосма, выполнять лишь роль благодетеля.

Солдаты и так перетаскивали продовольствие на своих плечах от поселка, куда грузовики довозили его по отремонтированной после наводнения дороге, а тут еще — доставка питьевой воды, что очень сильно осложнило снабжение отряда. На перевалочной базе не оказалось подходящих емкостей. А когда наконец с большим трудом набрали разномастную посуду и наполнили ее водой, то выяснилось, что не хватает людей. Тогда солдаты с водой, в которой больше всего нуждалась рота, были отправлены вперед, а доставку продовольствия возложили на мобилизованное гражданское население. Для охраны носильщиков, на которых в лесу могли напасть мятежники, был выделен специальный конвой. Вереница носильщиков (большинство из них — крестьяне) медленно поднималась по разрушенной потопом горной дороге; ночь застала их примерно в четырех ри[33] от долины, занятой армией Великой Японской империи. Конвой — унтер-офицер и два солдата — нетерпеливо подгонял носильщиков, но с тяжелым грузом за плечами двигаться быстрее те не хотели. А охрана не решалась сказать, что опасается нападения партизан, скрывающих-

[33] Примечания: 33
Линейная мера, 3,9 км.

ся в лесу. Уже давно ходили слухи, что в одной из долин далеко в горах партизаны готовятся к действиям. Двигаясь по ночной дороге, охрана обратила внимание на странную перемену, происшедшую среди крестьян-носильщиков. Несмотря на тяжелую поклажу, они неожиданно оживились, словно почувствовав интерес к работе, совсем недавно вызывавшей у них отвращение. Мало того, охране показалось, что число носильщиков увеличилось. Перепуганные унтер-офицер и солдаты бросились наутек. Так огромное количество продовольствия оказалось в лагере в глубине девственного леса.

Можно ли считать, что дневные видения Безымянного капитана были вызваны переутомлением или ослаблением непреклонной воли, отличавшей его прежде? Ему действительно приходилось в своих снах и ночью и днем встречаться с Разрушителем — это была его обязанность, гораздо более важная, чем руководство военной операцией. Военный врач настоятельно рекомендовал ему сильнейшее снотворное, которое должно было избавить его хотя бы от ночных кошмаров, но командир роты решительно отказался от лекарства. Чтобы не мешать сновидениям посещать его, он со времени вступления

в долину не взял в рот ни капли спиртного. Если бы вдруг Разрушитель перестал являться ему в снах, с ним, наверное, произошло бы то же, что с воздушным змеем, у которого оборвали нить. Когда случались события, суть которых никакими силами не могли осмыслить ни его рота, ни партизаны нашего края, Безымянный капитан и в ночных снах, и в дневных видениях обращался за объяснениями к Разрушителю. В своих решениях Безымянный капитан руководствовался не результатами изматывающих ежедневных сражений, а указаниями, полученными во сне от Разрушителя.

Солдаты перебили и ранили многих, кто после артиллерийского обстрела оружейного завода вышел из леса тушить пожар, и, преследуя уцелевших мятежников, обнаружили нечто совсем уж неожиданное — ряды огромных выгребных ям. Сказать «обнаружили» не совсем точно: стремительно мчавшиеся солдаты просто провалились туда. Ямы были вырыты в таком месте, где девственный лес как бы вклинивался в долину. Внутри они были обмазаны глиной, добытой где-то в глубине леса; прямоугольной формы, очень глубокие и длинные, площадью в

пять циновок-татами[34]. Угодив туда, солдаты с головой погружались в зловонную жижу. Всего выгребных ям было шесть. Безымянный капитан как человек, разработавший план географического покорения с помощью карты масштабом 1:50 000, точно установил главную особенность местонахождения выгребных ям по отношению к долине. Вырубив деревья по опушке девственного леса и таким образом открыв обзор, можно было убедиться, что от каждого места, где находится огромная выгребная яма, начинается склон, спускающийся к долине. Чем глубже девственный лес, тем больше там встречается всевозможных лощин, оврагов, заболоченных низин. Но выгребные ямы рыли, предусмотрительно выбрав наиболее близко подступающие к долине участки леса. И столь же предусмотрительно их обмазывали внутри привезенной издалека глиной. Почему все же выгребные ямы, для которых обычно выбирают укромные уголки, вырыты почти на виду, у самой опушки девственного леса? Угодившие в ямы солдаты рассвирепели, решив, что им специально устроили эту вонючую ловушку, а их товарищи вместе с теми, кто эту ловушку

---

[34] Примечания: 34

Татами имеет строго фиксированный размер — 1,5 кв. м.

подстроил, еще и насмехались над ними. И лишь один Безымянный капитан задумался: зачем мятежники из долины потратили столько сил на такую пустую, малоэффективную проделку?

В сопровождении охраны он обследовал окрестности, но не обнаружил поблизости никаких следов крупной базы мятежников, где было бы сконцентрировано множество людей. Наоборот, произведенная разведка задала ему новую загадку. По всей видимости, содержимое выгребных ям, вырытых в соответствии с неким планом, доставлялось откуда-то из другого места. Неясно только, с какой целью надо было затрачивать столько тяжелого труда. Безымянный капитан спросил об этом во сне у Разрушителя, и, лишь когда тот в обычной своей манере раскрыл Безымянному капитану замысел, все стало ясно.

— После окончания пятидесятидневной войны люди долины и горного поселка должны будут восстановить пахотные земли, сначала залитые водой при сооружении запруды, а потом заброшенные. Это огромная и совсем не простая работа. Поднять сельское хозяйство, не привнеся ничего нового, чрезвычайно трудно. Когда-то я предпринял попытку превратить полосу земли между девственным лесом и долиной, где сейчас

растет малоценный смешанный лес, в фруктовый сад, высадив там персики, груши, виноград. Спустив по специально прорытым канавам содержимое выгребных ям, которые сейчас, пока люди ведут войну в девственном лесу, наполнятся до краев, мы получим прекрасное удобрение для фруктового сада.

Безымянный капитан не мог не подумать о том, что его подчиненные, живя в долине, расточительно спускают в реку содержимое переполненных выгребных ям. И он снова испытал стыд перед теми, кто продолжал мятеж под руководством Разрушителя, следуя его указаниям, полученным во сне. Однако это чувство стыда не разделил с ним никто из его подчиненных. К тому же он сознавал, что все разработанные им планы военных операций провалились один за другим, и в результате он оказался в безвыходном положении. Солдаты Великой Японской империи заняли долину и начали ее покорение, но насколько же они уступают в нравственном отношении мятежникам, с которыми сражаются! Да к тому же войне конца не видно. У Безымянного капитана, ни на минуту не забывавшего об этом, были причины терзаться приступами мучительного стыда и торопить окончание войны.

Нацепив на грудь мешочек из лилового шелка, Безымянный капитан ясно осознал, что на нем лежит печать позора, но тем не менее не отказался от мысли покорить безмозглых жителей долины и, отгоняя видения, готовые одолеть его средь бела дня, стоило на миг остановиться, без конца кружил по школьному двору, где располагался штаб, и непрерывно размахивал руками, словно отбиваясь от Разрушителя, угрожавшего ему из сна, и при этом топал ногами еще решительнее, чем на утесе в первое утро после вступления в долину, а наши люди, переговариваясь между собой, тайком подглядывали за ним. Это были те пожарники, которые сражались с огнем, спасая девственный лес; тяжело раненные во время нападения солдат армии Великой Японской империи, они были размещены в одном из школьных классов. Раны их были настолько тяжелыми, что скрыться в лесу они не смогли. Военный врач оказывал им помощь наравне с ранеными солдатами, без всякой дискриминации, но все равно треть из них не выжила. Самоотверженность, с какой военный врач ухаживал за пленными, была незримо связана с чувством стыда, который испытывал Безымянный капитан. Разумеется, попавшие в плен прежде всего подверглись суро-

вому допросу, хотя, казалось, начинать следовало бы с лечения ран. Допрос был учинен самим Безымянным капитаном. Пытались ли пленные, лежавшие на покрытом циновками полу, выразить протест молчанием? Ничуть. Напротив, они говорили так много и охотно, что Безымянному капитану приходилось прерывать их из опасения, что у них начинается горячка. Офицеры негодовали; ну что за говор у этих крестьян из захолустной деревушки! Но, сестренка, негодование офицеров свидетельствовало лишь о том, что эти кадровые военные, выходцы из провинциальных городков, не ведали о существовании искусных вралей, единственная цель которых — позабавить, скрасить жизнь людям в забытом богом уголке. Пленные получили прекрасную аудиторию и, чтобы разогнать тоску, накопившуюся за долгое время пребывания в девственном лесу, трещали без умолку, хоть и страдали от ран. Каждый из них говорил свое, и сопоставить, сравнить их показания не представлялось никакой возможности. И использовать их показания в нынешней кампании тоже было невозможно. Понимая это, Безымянный капитан и подчиненные ему офицеры все больше распалялись и наконец, не в силах больше сдерживать ярость, обруши-

ли свой гнев на раненых, лежавших на полу. А пленные, хоть и обессилели от жара, говорили не умолкая, да так искренно, что было ясно — они сами твердо верят в свои рассказы.

Один из них, пересыпая речь случайно пришедшими на ум китайскими и корейскими словами, утверждал, что из долины освободительная война уже перекинулась в Китай и Корею, где действуют сражающиеся с японцами партизаны, что уже создан единый фронт и в самом скором времени сюда прибудет подкрепление. Он даже настаивал, что является ответственным за связь с этими заморскими районами, а теперь, мол, попав в плен, беспокоится, все ли пройдет гладко с приемом подкрепления. Правда, один учитель предлагал штабу партизанского отряда отправить составленное им обращение к международным антиимпериалистическим силам — такой факт действительно имел место.

Другой пленный показал, что открытые в девственном лесу полезные ископаемые отправляются на обогатительные фабрики Германии, а изготовленные там из этого сырья бомбы нового типа в разобранном виде ввозятся уже под видом металлических игрушек. Сборка бомб производится на оружейном заводе, укрытом в

лесу. Жители долины так самоотверженно тушили здание завода только из опасения, что, если огонь доберется до оставшейся там взрывчатки, половина леса взлетит на воздух.

Разумеется, не все показания пленных носили характер бравады. Был один пленный, который говорил об условиях заключения мира между партизанами, укрывшимися в девственном лесу, и армией Великой Японской империи. Человек этот служил начальником почты в деревне и был известен как большой книголюб — он, сестренка, оправился от ран и в годы нашего детства все еще заведовал почтовым отделением. За основу он предложил Безымянному капитану при заключении мирного договора руководствоваться выпущенной издательством «Иванами» работой Канта «К вечному миру», с которой внимательно ознакомились старики. Впоследствии, сестренка, я понял, что эта работа Канта служила отцу-настоятелю главным пособием в моем обучении. Начальник почты настаивал на том, что в основу мирного договора должны быть положены следующие принципы: ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основание для будущей войны; ни одно самостоятельное государство

(большое или малое — это безразлично) не должно быть приобретено другим государством ни по наследству, ни в обмен, ни куплей, ни в виде дара; постоянные армии должны со временем полностью исчезнуть; государственные деньги не должны использоваться для внешнеполитических дел; ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и правление других государств; ни одно государство во время войны с другими не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем состоянии мира, как, например, засылка убийц из-за угла, отравителей, нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене в государстве неприятеля и т. д.

Я думаю, Безымянный капитан принадлежал к людям, терпеливо выслушивающим собеседника, даже если приходится скрывать презрение к нему, но от признаний пленных он вышел из себя и, чтобы прервать наконец разглагольствования начальника почты, излагающего принципы заключения мирного договора, основывающиеся на высказываниях Канта, так бешено затопал тяжелыми военными ботинками, что заходил

ходуном пол в классе, где лежали при смерти тяжело раненные. Как кадровый военный, он, конечно, сразу же понял, что означает для него мир, в результате которого будет полностью ликвидирована регулярная армия. Но все же, сестренка, я очень рад, что начальник почты смог открыто высказать идею установления вечного мира для нашего края как для независимого государства, выступившего против Великой Японской империи, причем не только для него одного. Хотя идея была заимствована у Канта, но разве не прекрасно сказано: «Государственные деньги не должны использоваться для внешнеполитических дел». Ведь это был прямой намек на то, что в войне с затерявшейся в горах мятежной деревней расходуются государственные средства Великой Японской империи.

Безымянный капитан слушал эти странные рассуждения, и ярость переполняла его. Но настал момент, когда он уже не мог сдерживать туго скрученную пружину ярости — ведь все эти разглагольствования исходили от тяжело раненных, большинство которых не сегодня завтра испустят дух. Именно поэтому он поручил вести дальнейший допрос подчиненным, а сам, невзирая на солнцепек, вышел на школьный

двор и стал кружить по нему. Он посмотрел вокруг — со всех сторон к долине подступал бескрайний девственный лес. И, видимо, подумал: куда ни повернись, отовсюду на него смотрит Разрушитель. Вот он и кружил, опустив голову, но не успел сделать и нескольких кругов, как вдруг душа его устремилась ввысь, да так стремительно, что почва едва не ушла из-под ног, и он предстал перед Разрушителем, явившимся в неожиданно посетившем его средь бела дня видении. И тогда Безымянный капитан сообразил, что все без исключения признания военнопленных — обыкновенная издевка, подсказанная им не кем иным, как Разрушителем. А значит, исход этой кампании, которую Безымянный капитан осуществляет ради усмирения посланных Разрушителем бунтовщиков, покрыт полным мраком. И только одному Разрушителю дано приподнять над ним завесу.

Безымянный капитан, не стесняясь не только подчиненных — это бы еще ладно, — но и пленных, которые внимательно следили за ним, чтобы потом рассказать обо всем жителям долины и горного поселка, в ярости и бессилии бешено топал ногами. Со злобой глянув на свою тощую грудь, где болтался прикрепленный к

кителю лиловый комок, он, снова окунувшись в бездну стыда, все-таки решил: «Сожгу дотла лес этих кретинов, чтобы не осталось ни деревца, ни травинки!»

Однако, запугивая Разрушителя (который, безусловно, сразу же понял скрытый смысл его поступков!), распаляя себя для свершения очередного кощунства, уже готовый отдать приказ подчиненным, Безымянный капитан в последнюю минуту сдержался.

Не только Разрушитель, являвшийся ему в сновидениях, но и мятежники из девственного леса загнали его в тупик. Командование полка, пославшее его роту для наведения порядка в долине, выражало недовольство затянувшейся и малоэффективной операцией. На Безымянного капитана обрушивалась безудержная лавина приказов, которые отдавались от имени верховного главнокомандующего армии Великой Японской империи его величества императора. Топая ногами, он терзался мыслью, что, не спалив девственный лес, не сможет победоносно завершить пятидесятидневную войну и его ярость, отягощенная позором, не найдет выхода. Так почему же тогда он отложил осуществление своего плана?

Может быть, Безымянный капитан опасался, что приказ поджечь девственный лес вызовет недовольство подчиненных? Действительно, солдаты могут не захотеть марать руки и совесть участием в операции, имеющей целью уничтожение всех жителей, включая женщин и детей, хотя эти остолопы — местные жители, — восстав против Великой Японской империи, укрылись в лесу и отвечают контратаками на каждое наступление. И пусть даже мятежники будут перебиты все до одного, в этом нет ничего страшного, но ради безжалостного, поголовного истребления противника сжечь могучий бескрайний лес — нет, они не захотят участвовать в операции, которая на долгие годы ляжет грязным, несмываемым пятном на их совести, перечеркнет все, что здесь было предпринято армией Великой Японской империи. Если рота воспротивится его приказу, то он как безумец, постоянно грезящий наяву, будет отстранен от командования, а отсюда один шаг до того, чтобы на него надели смирительную рубаху и посадили под замок. Неужели же Безымянный капитан терял время в бесконечных колебаниях только потому, что предвидел позор, непереносимый для кадрового военного?

Однако, сколько бы он ни откладывал выполне-

ние своего плана, поджог девственного леса был тем единственным актом, которым можно было бросить вызов руководившему армией мятежников Разрушителю, являвшемуся Безымянному капитану в сновидениях ночью и даже днем, когда он бодрствовал. Поэтому было совершенно ясно, что рано или поздно он будет вынужден пойти на этот шаг. Разве остальные офицеры роты не разделяли с Безымянным капитаном предчувствия, что решительное сражение не за горами? Солдаты, поначалу считавшие пятидесятидневную войну пустой забавой и именно поэтому разозленные трудностями, с которыми им пришлось столкнуться, теперь уже все до одного прониклись убеждением, что война должна быть доведена до победного конца. Неужели в день, когда Безымянный капитан, преодолев чувство жгучего стыда, все же примет окончательное решение спалить девственный лес, все офицеры и солдаты не устремятся в горы к девственному лесу, высоко подняв над головой горящие факелы, словно отправляясь на священную войну?

Пятеро из пленных, получившие пулевые и штыковые ранения в бою у оружейного завода, на третью ночь были при смерти. Всю ночь в классе вокруг умирающих сидели, склонившись, члены

их семей — и старики, и дети. Я уже говорил, что с наступлением темноты могущество укрывшихся в девственном лесу распространялось и на долину. Поэтому у школы, где содержались пленные и размещался штаб роты, не могли не стоять охранявшие ее часовые. Но родственники просочились сквозь охрану, как вода через щель, и молча, сложив руки на коленях, сидели вокруг циновок, на которых лежали умирающие. Было как раз полнолуние, всю долину освещала огромная луна (в такие ночи, если смотреть на долину с высоты, кажется, будто она выплывает из безбрежного моря девственного леса), и, чтобы в ее свете лучше были видны лица раненых, их пододвинули к самому окну. В брезентовых ведрах, наполненных прозрачной родниковой водой, которую принесли для умирающих из девственного леса, отражался лунный диск.

Почему старики из лесного штаба решились отправить в долину семьи умирающих пленных, пренебрегая огромной опасностью, связанной с пересечением передовой линии противника? Видимо, уроком послужил печальный опыт семьи Живодера, когда лишь после его смерти стало известно, как он был привязан к жене и детям. Старики заботились о том, чтобы помочь ду-

шам пяти умирающих от боевых ран побыстрее возвратиться в девственный лес. Но еще более важной причиной было желание дать умирающим попить перед смертью родниковой воды из леса. Часовые, обнаружив наутро пять семей, горестно сидевших у изголовий покойников, сначала удивились, потом стали смеяться и в конце концов возмутились, причем самое сильное негодование вызвало у них то, что пленным принесли родниковую воду, которая для самих солдат была недоступна.

В отношении покойных и оказавшихся рядом с ними членов их семей Безымянный капитан распорядился следующим образом: пленных похоронить на лугу рядом со спортивной площадкой, где уже были погребены мятежники, погибшие в бою при артиллерийском обстреле оружейного завода; провести немедленное расследование и выяснить у семей умерших, как им удалось проникнуть в охраняемое помещение и какие преступные действия против армии Великой Японской империи были совершены при этом. (Согласно донесению, четверо солдат, охранявших школу, бесследно исчезли. Как оказалось, они были взяты в плен партизанами, сопровождавшими семьи умирающих, и уведе-

ны в девственный лес, но вскоре их отпустили — во второй половине дня они сами вернулись в расположение роты.) После окончания расследования решено было проявить великодушие к семьям умерших и считать их первыми из тех, кто добровольно покинул укрывшихся в лесу мятежников и сдался армии Великой Японской империи. Распоряжение Безымянного капитана о снисходительном обращении со сдавшимися указывало на первые признаки изменения его взглядов на ход военной кампании. В допросах родственников умерших принял участие и Безымянный капитан. По его личному указанию их, можно сказать, непомерные требования были приняты. Разумеется, непомерными их считали Безымянный капитан и подчиненные ему офицеры, с точки же зрения семей умерших, эти требования были вполне естественными и законными. Они хотели лишь проводить своих близких до места погребения рядом со спортивной площадкой и оставаться там до конца церемонии. Под равнодушными взглядами солдат, отдыхавших в тени школьного здания, под руководством унтер-офицера выделенные солдаты вынесли завернутые в циновки тела умерших. Огромная яма для погребения была уже вырыта.

За солдатами шли члены семей, без охраны, как люди, добровольно сдавшиеся в плен, — старики и молодые женщины с грудными детьми на руках и цеплявшиеся за матерей детишки постарше, процессию замыкали подростки, с интересом рассматривавшие солдат. Семьи — каждую из них вел за собой ее глава, старик, — держали себя с большим достоинством, как это принято в долине, двигались свободно и непринужденно, что совсем не соответствовало их положению сдавшихся в плен — они торжественно совершали погребальный обряд, к которому в долине испокон веку относились с огромным уважением…

Это произошло, когда процессия появилась в центре спортивной площадки. Видимо, по знаку наблюдавших из леса вдруг раздалась траурная музыка, и вся долина погрузилась в скорбные звуки. Сестренка, я хочу напомнить тебе о тех временах, когда здесь раздавался таинственный гул, о котором рассказывают мифы и предания деревни-государства-микрокосма. Рельеф горной впадины имеет такое строение, что служит прекрасным резонатором, многократно усиливающим звук. Военный оркестр укрывшихся в лесу мятежников руководствовался указаниями Разрушителя, полученными стариками во сне, и

прекрасно знал, где нужно расположиться, чтобы был достигнут максимальный акустический эффект. К тому же в нашем крае хранились ввезенные из Германии музыкальные инструменты, в том числе и шумовые. Не исключено, что Разрушитель, прибегнув к музыке, провозглашал наступление заключительного этапа пятидесятидневной войны.

Эта громоподобная траурная музыка, судя по словам· отца-настоятеля, рассказывавшего мне легенды о пятидесятидневной войне, не была характерна для традиционного погребального обряда в нашем крае. Звуки напоминали обычные для этих мест удары храмового гонга; раздавалась нестройная мелодия, которую выводили фагот, горн и труба, к ним присоединялись отбивающие ритм барабан и цимбалы — никогда прежде в долине и в горном поселке не слышали такой музыки. Однако семьи умерших — даже дети, не говоря уже о стариках, — не выказали никакого удивления или беспокойства оттого, что вдруг раздались эти мощные звуки. Наоборот, они зашагали еще торжественней, словно музыка тронула их сердца, охваченные грустью и печалью. А офицеры и солдаты армии Великой Японской империи, уверенные, что оглушительный грохот

в этом крае традиционно сопровождает погребальную процессию, вели себя невозмутимо.

Однако Безымянный капитан, наблюдая из окна класса, где находился штаб, за похоронной процессией, уловил что-то подозрительное в этом грохоте, точно толстой крышкой накрывшем долину. Гоня прочь сон, готовый сморить его даже в такой момент, он вышел на улицу и погрузился в стихию мощных звуков. Погребение пяти умерших уже закончилось. Родственники покойных, даже не взглянув на солдат, засыпавших братскую могилу, и на унтер-офицера, руководившего их работой, стали подниматься по дороге, ведущей к лесу от дальнего конца спортивной площадки. Безымянный капитан пришел в бешенство.

— Удержать их! Разве можно позволить людям, которые сдались в плен, так просто уйти обратно в расположение противника?! — закричал он, но из-за непрестанного грохота солдаты не расслышали его приказа. Да и сам он не мог решиться даже на предупредительный выстрел из пистолета, видя, как медленно, понурившись, бредут эти люди, завершив по обычаю обряд погребения. Чтобы снова не затопать ногами и не унизиться перед своими подчиненными, Безымянный ка-

питан поспешил скрыться в штабе…

То, что произошло, было последней каплей, переполнившей чашу его терпения и заставившей его решиться на крайность — совершить позорный акт, о котором уже говорилось. Мощный грохот, как бы в издевку продолжавшийся и после того, как похороны закончились, подсказал солдатам, что их с самого начала дурачили. И с тех пор офицеры и солдаты армии Великой Японской империи, которые, вступив в долину, поначалу вели эту войну неохотно, из-под палки, преисполнившись негодования, в каждой новой операции стали проявлять невиданную жестокость. А Безымянный капитан, полностью избавившись от сновидений средь бела дня, снова расстелил на столе карту масштаба 1:50 000 и стал выбирать места, откуда лучше всего поджечь девственный лес, чтобы наконец его уничтожить.

8

Офицеры и солдаты армии Великой Японской империи самым достойным образом похоронили врагов, скончавшихся в плену от ранений, полученных в сражении, в котором обе стороны потеряли немало боевых товарищей. При этом они совершенно спокойно отнеслись к прокаты-

вавшимся по долине мощным звукам, приняв их за обыкновенную траурную музыку. И никто из них с места не тронулся, чтобы помешать присутствовавшим на похоронах родственникам умерших спокойно вернуться в девственный лес. А ведь то были мятежники, им разрешили присутствовать на похоронах только потому, что посчитали их добровольно сдавшимися в плен. После того как они скрылись в лесу, траурная музыка продолжала греметь до глубокой ночи, и это уже становилось действительно похожим на издевательство. У офицеров и солдат она вызвала одно и то же чувство — глубокое негодование. И вдруг мощные звуки оборвались, словно музыканты пресытились. Мертвая тишина звенела в ушах офицеров и солдат, страдавших от бессонницы. Эта самая тяжелая ночь за все время пятидесятидневной войны была пограничной: в последний раз вернулась жара уходящего лета и на следующий день наступило первое утро осени. Грязные, все в поту, солдаты лежали без сна, устремив горящие глаза во тьму, с ненавистью думая о том, что эта такая трудная война, которую они ведут в долине, ничего не принесла, кроме неоправданных жертв, что местных жителей не только не удалось расположить к себе, но,

напротив, они превратились в злейших врагов, которые расставляют хитроумные ловушки и отравляют родники. Все уже знали о готовящемся поджоге девственного леса — для этого подвезли огромное количество бензина. Объединявшее их чувство негодования и ненависти как бы переливалось прямо в душу Безымянного капитана — офицеры и солдаты догадывались, что рано утром последует приказ поджечь девственный лес. Уставившись во тьму налитыми кровью глазами, они уже видели мечущихся в огне полуобнаженных женщин, уже предвкушали, как насилуют и убивают их. Похоть и жажда крови обуяли солдат в последнюю ночь пятидесятидневной войны, которая до сих пор ничем их не побаловала, но в ту минуту они не могли знать, что эти кровавые мечты осуществятся полностью много позже, когда война забросит их в Китай и в страны Южных морей…

Людей нашего края, укрывшихся в девственном лесу, в ту последнюю ночь нещадно жаркого, долгого лета, тоже охватило общее чувство, вернее, общее предчувствие, что завтра война достигнет своей кульминации. Причем это предчувствие заключало в себе одновременно и острую напряженность, и спокойную, фило-

софскую созерцательность. Лежа в палатках, разбитых в самом низком месте мира, объятого ветвями деревьев-великанов девственного леса, и слушая его глухие, протяжные стоны, шорохи, скрипы, они размышляли о жизни еще более долгой, чем жизнь Разрушителя. За день до гибели деревни-государства-микрокосма их вновь посетили общие воспоминания, восходящие ко времени основания нашего края. Я часто рисовал в своем воображении картину: среди деревьев-великанов девственного леса лежит вооруженный Разрушитель, вобрав в себя всех жителей деревни-государства-микрокосма, каждого с его душой и плотью…

Никто не следил за жителями долины и горного поселка, проводившими последнюю ночь пятидесятидневной войны в палатках, разбитых в разных местах девственного леса, за исключением «враждебных элементов». Значит, будь у них решимость, они могли, сговорившись между собой, все вместе спуститься с гор и сдаться армии Великой Японской империи. А если кто-то из них опасался, что в темноте при встрече с армией противника их примут за нападающих, то достаточно было добраться до смешанного леса чуть ниже Дороги мертвецов и на рассвете

сойти в долину. Никто из жителей нашего края не собирался погибать завтра геройской смертью, но раз они и сдаваться врагу не собирались, то им следовало двинуться вдоль Дороги мертвецов — пусть этот путь и связан с большими трудностями — и, обогнув долину, по просеке спуститься к поселениям в нижнем течении реки. Жителям нашего края это было по силам. Вполне возможно, что в определенные моменты некоторые семьи, объединившись, замышляли бунт против стариков, чтобы принудить их к капитуляции перед вражеской армией. Но в последнюю ночь ничего подобного не произошло.

В ночь окончания пятидесятидневной войны старики во сне провели оперативное совещание с Разрушителем. А когда на следующее утро, пробудившись, они вышли, вдыхая пахнущий осенью свежий лесной воздух, то выглядели вдруг постаревшими (ведь каждому из них уже давно перевалило за сто) — столь напряженным было их ночное совещание! К утру необходимость продолжать дискуссии уже отпала. Безымянный капитан был готов поджечь девственный лес. Старики, которым это стало ясно еще на совещании с Разрушителем, решили пойти на безоговорочную капитуляцию и тем самым прекратить пятиде-

сятидневную войну. Была сформирована группа парламентариев для ведения переговоров о капитуляции, в которую вошли отец-настоятель и чужаки-учителя; с белым флагом в руках они пересекли Дорогу мертвецов. Офицеры и солдаты армии Великой Японской империи, ежась на свежем осеннем ветру, уже построились и ждали приказа двинуться в девственный лес. Группа парламентариев была встречена Безымянным капитаном, которому разведка донесла о приближении людей с белым флагом. В условиях резко изменившейся обстановки Безымянный капитан стал обдумывать свой собственный план окончания пятидесятидневной войны.

Выслушав заявление вышедших из леса мятежников о безоговорочной капитуляции, он вновь преисполнился спокойствия и уверенности в себе и сразу же содрал прикрепленный к кителю лиловый мешочек. Мгновенно преобразившись в непреклонного кадрового военного, он выстроил у Дороги мертвецов всех обезоруженных противников и стал по врученной ему книге посемейных записей отбирать людей, которым разрешал спуститься в долину. Лично принимая капитуляцию противника, Безымянный капитан скрупулезно выполнил свой долг, чем восстановил полное

доверие и уважение к себе подчиненных. Правда, некоторые заметили нервозность, от которой страдало врожденное достоинство Безымянного капитана: когда подходил сдаваться кто-нибудь из стариков, он, оторвавшись от книги посемейных записей, внимательно смотрел ему в глаза, заставлял дважды назвать имя и вслушивался в голос. Безымянный капитан, вне всякого сомнения, пытался угадать, кто из них командующий вражеской армией, то есть Разрушитель, с которым он сражался изо всех сил в своих ночных и дневных сновидениях. А когда наконец те, кто значился в книге посемейных записей, признав поражение, спустились в долину и у обочины ждали своей участи лишь формально не числившиеся на этом свете, Безымянный капитан после безуспешных попыток отыскать среди них Разрушителя отдал приказ уничтожить всех — стариков и детей, мужчин и женщин.

Оставшиеся в живых жители долины и горного поселка избегали говорить об этой варварской резне, чтобы не воскрешать в памяти свой ужасный позор. От отца-настоятеля я слышал о происшедшем лишь какие-то таинственные полунамеки. Что же касается офицеров и солдат армии Великой Японской империи, то и они,

разумеется, хранили полное молчание. Зверская расправа с жителями долины, правда о которой тщательно замалчивалась, как кульминация пятидесятидневной войны, по своей жестокости равнозначна всей этой войне, ее мрачная тень окутала весь период упадка деревни-государства-микрокосма, начавшийся с момента безоговорочной капитуляции…

Зато и поныне видны результаты саперных работ — одного из наиболее выдающихся деяний Безымянного капитана, который после окончания войны задержал роту в долине и заставил ее работать до тех пор, пока не был полностью изменен рельеф горловины. В ходе этой акции были уничтожены последние следы огромных обломков скал и глыб черной окаменевшей земли, взорванных Разрушителем в период основания нашего края. Жителей городов и деревень в нижнем течении реки удалось убедить в том, что только для проведения этих грандиозных саперных работ рота больше двух месяцев была расквартирована в забытой богом деревушке, и что во время самого мощного взрыва Безымянного капитана разнесло на мелкие кусочки — не больше капель росы…

Такой была трагико-романтическая история

об окончании пятидесятидневной войны, поведанная отцом-настоятелем, по-спартански воспитывавшим меня. Люди один за другим проходили через «пропускной пункт» мимо Безымянного капитана, стоявшего с раскрытой книгой посемейных записей в руках, и, получив его разрешение, спускались в долину, взвалив на плечи домашний скарб и палатки, долгое время служившие им в лесном лагере. Они переходили Дорогу мертвецов и направлялись вниз по склону, сплошь заросшему тронутым багрянцем лесом. А в затененном густой зеленью овражке, так контрастирующем со склоном, залитым ярким солнцем, остались безвинные жертвы уловки с двойным ведением книги посемейных записей.

В пятидесятидневной войне погибло немало людей нашего края, и, когда недосчитывались обоих значившихся в книге посемейных записей, на место кого-либо из них подставляли его сверстника, которому выпало остаться на обочине. Семьи без звука принимали новых членов. Никто из жителей деревни-государства-микрокосма не воспротивился новой хитрости стариков, а Безымянный капитан, зная о ней, тоже дал свое молчаливое согласие. Видимо, он рассудил, что

поскольку назавтра же после безоговорочной капитуляции и армия, и народ должны дружно провозгласить: никакой пятидесятидневной войны вовсе и не было; то одними жестокостями ничего не добьешься. При этом наблюдалось странное явление. Нельзя сказать, что те, кто значился в книге посемейных записей без двойника, и люди, внесенные в нее вместо погибших, были чем-то лучше оставшихся в овражке. Наоборот, именно те, кто остался стоять в овражке девственного леса, оказались носителями высоких человеческих достоинств — старики и дети, мужчины и женщины, все без исключения. Деревня-государство-микрокосм, основанная созидателями под предводительством Разрушителя, долгие годы процветавшая, созидая новый мир, открывшая Век свободы, пережившая пересмотр мэйдзийским правительством поземельного налога после реорганизации княжеств, давшая свободу половине своих жителей благодаря уловке с двойным ведением книги посемейных записей, теперь гибла. И в первую очередь гибли люди, в которых воплотилось духовное начало деревни-государства-микрокосма…

Наконец Безымянный капитан захлопнул книгу посемейных записей и, повернувшись к

людям, что сгрудились в овражке тонувшего в вечерней тьме девственного леса, объявил:

— Вы, подняв мятеж против Великой Японской империи, развязали гражданскую войну. Измена государству — тяжкое преступление, которое должно быть искуплено. От имени военного трибунала приговариваю всех вас к смертной казни!

В ответ кто-то выкрикнул вдруг из толпы:

— Если нас нет в книге посемейных записей вашей Великой Японской империи, значит, по-вашему, мы и не рождались! Как же можно казнить тех, кто не родился? В ту минуту, как вы нас убьете, для Великой Японской империи наше существование станет историческим фактом!

Все стоявшие в овражке старики и дети, мужчины и женщины были повешены на ветвях деревьев-великанов девственного леса. После того как при свете взошедшей луны солдаты убедились, что ни один человек не избежал наказания, кто-то заметил исчезновение Безымянного капитана. Его стали искать, и вдруг он обнаружился — раздетый, неузнаваемый — среди повешенных: то ли ошиблись, когда казнили мятежников, то ли повесился сам, инсценировав ошибку при исполнении приговора. Ошибкой было и уничтожение

горловины после безоговорочной капитуляции деревни-государства-микрокосма подчиненными Безымянного капитана, которые считали, что исполняют волю командира. На самом деле он ничего подобного не задумывал — так говорится в мифах и преданиях.

Письмо пятое
Семья человека, описывающего мифы и предания

1

Сестренка, хотя отец-настоятель не был уроженцем ни долины, ни горного поселка, но он, открыв для себя самобытность мифов и преданий деревни-государства-микрокосма, всю свою жизнь посвятил их сбору и реконструкции. Мало того, нас с тобой — близнецов, родившихся уже после окончания пятидесятидневной войны, — он хотел превратить, так сказать, в подопытных кроликов, чтобы с нашей помощью убедиться в правильности своих исследований. Отдав всего себя мифам и преданиям нашего края, он старался увлечь и меня своими интересами, и хотя в детстве я всячески противился ежедневным занятиям, но, как видишь, теперь я сам подробно все излагаю в виде писем к тебе. А ты, словно проникнув в сокровенную суть мифов нашего края, живешь под одной крышей с Разрушителем, которого тебе уже удалось вырастить до размеров собаки. Да, ведь ты и маленькой девочкой,

подкрашенная румянами, все дни проводила в храме, готовя себя к миссии жрицы еще не явившегося Разрушителя. Нужно сказать, что замысел отца-настоятеля, решившего превратить меня в летописца деревни-государства-микрокосма, а тебя — в жрицу Разрушителя, удался полностью. По правде говоря, в детские годы, хотя отец-настоятель и занимался моим воспитанием, меня не оставляла мысль, что я сын человека, пришедшего в наш край из чужих мест. Повзрослев, я уже твердо знал, что буду описывать мифы и предания нашего края, но, видимо, такое намерение возникло у меня после долгих колебаний, и потребовалось немало времени, прежде чем я решился взяться за эту работу. И лишь когда я наконец нашел для себя способ описывать мифы и предания в форме писем к тебе, пестующей возрожденного Разрушителя, мне удалось преодолеть все свои сомнения. А теперь, сестренка, я иду дальше и хочу проследить, как мифы и предания деревни-государства-микрокосма отразились в наших судьбах — судьбах близнецов, детей отца-настоятеля и бродячей актрисы. Это, сестренка, позволит нам увидеть себя самих в свете мифов и преданий деревни-государства-микрокосма.

Соседи так говорили об унаследованных от отца-настоятеля и бродячей актрисы внешних приметах, отличавших нас с тобой, родившихся в доме, который стоял в самом низком месте долины: «Что это за дети, что у них за выпученные глаза — того и гляди на лоб вылезут!» Правда, это их мнение шло вразрез с привычными критериями красоты. Наш младший брат, которого жители долины и горного поселка почтительно называли Цуютомэ-сан и которому мир профессионального бейсбола представлялся сказочным, мечтал о славе выдающегося игрока. Его кумиром был Разрушитель, который распространил свое влияние даже на него, человека, думавшего только о спорте и ни о чем другом. Когда мечта брата сбылась и он был принят в бейсбольную команду Кансая, спортивная газета поместила его фотографию с подписью: «Новый игрок с такими красивыми глазами, несомненно, станет новой звездой». Но, разумеется, до настоящего игрока ему было далеко, и вскоре в заметках о звездах бейсбола уже иронически прохаживались на его счет: «Он сидит, прикрыв ресницами большие черные глаза, на самом конце скамейки запасных».

Эти прекрасные глаза брат унаследовал от

матери — бродячей актрисы, так и не ставшей законной женой отца-настоятеля и в конце концов изгнанной им из нашего края (отец мечтал ради своих исследований сочетаться браком с девушкой, в жилах которой течет кровь созидателей). Наша мать снова отправилась скитаться с бродячей труппой по дорогам и умерла во время этих скитаний, но всегда, я уверен, помнила своих пятерых детей, оставшихся в долине. Только исполняя волю нашей матери, ее сводная сестра, тоже бродячая актриса, накопив небольшую сумму денег, пришла в долину и до самой смерти помогала нам. Мать и ее сводная сестра были в молодости неразлучны, все у них было общим, но тем не менее нужна была удивительная самоотверженность и благородство, чтобы, отказав себе во всем, выполнить волю сестры. Я никогда не забуду эту необщительную женщину в круглых очках в металлической оправе, которая так много сделала для нас (особенно для одного) в последние годы своей жизни.

Из ее рассказов и рассказов других женщин я узнал о странном событии, происшедшем утром, когда мать покидала нашу долину. В том месте, которое по-прежнему называлось горловиной, хотя после пятидесятидневной войны там все

изменилось, мать, бредущая в сопровождении молодых почитателей, вызвавшихся довезти до границы тележку с ее вещами, повстречала трех женщин из горного поселка. Дело было на рассвете — значит, они специально поджидали ее. У этих несчастных женщин тяжело болели дети. Вот что они придумали: попросить мать, чтобы она избавила их детей от порчи. Мать, которая была вынуждена покинуть долину из-за постыдных слухов, будто ее навещают молодые люди, сразу же согласилась и разыграла такую сценку: как будто схватила руками эту порчу и спрятала под кимоно между ляжками — подол у нее в то время был подвернут, чтобы легче было идти. Потом повернулась к юношам, тащившим тележку, и, наградив их улыбкой, стала боком мелкими шажками спускаться к реке.

Вот точно так же, улыбаясь, и пятнадцать лет назад накануне осеннего праздника урожая наша мать твердым шагом вошла в долину, поворачивая из стороны в сторону лицо, скрытое под толстым слоем грима. На следующий же день на сцене, сколоченной за оградой храма Мисима-дзиндзя, она исполнила танец, сопровождая его пением и декламацией, — она все делала сама. Произвело ли это впечатление на людей нашего

края, судить не берусь — когда ее окончательно изгнали из долины, мне было всего три года; но никто не возражал, когда эта бродячая актриса, отправившаяся было дальше, в деревню в нижнем течении реки, вскоре вернулась к ним и поселилась в долине. Может быть, потому, что догадывались об отношениях, которые связали ее с отцом-настоятелем после возвращения в долину? Обосновавшись здесь, она, похоже, жила на собственные средства, не рассчитывая на помощь отца-настоятеля. На всех праздниках, происходивших в нашей округе, и даже на семейных торжествах она выступала с песнями и танцами — ведь мать была единственной профессиональной актрисой в нашем крае. Дальше больше — ее стали приглашать, когда надо было готовить праздничное угощение, да так и пошло: вскоре уже и в ее собственном уютном и приветливом доме, стоявшем в самом низком месте долины, повелось подносить молодым людям еду и выпивку. Эта женщина ни при каких обстоятельствах не падала духом.

Однажды глубокой ночью отец-настоятель, напившись до бесчувствия, пришел в дом бродячей актрисы и, не стесняясь окружающих, вопил, что из храма, воздвигнутого в самом высоком месте

долины, он как в ад спустился в дом, стоящий в самом низком ее месте. Может быть, таким способом, то есть отождествляя себя с созидателями, превратившимися в великанов из мифов и преданий нашего края, изучению которых он посвятил всю свою жизнь, отец-настоятель подбадривал себя? Хотя прямого отношения к основателям деревни-государства-микрокосма не имел — разве что тоже отличался могучим телосложением…

Храм Мисима-дзиндзя был построен княжеством по окончании Века свободы вопреки воле нашей долины. Деревне-государству-микрокосму хватало одного Разрушителя, в которого верили как в бога-покровителя, — необходимости в других богах не было. После Реставрации Мэйдзи во вновь созданный синтоистский храм ведомство по вопросам религии Великой Японской империи направило своего священника. Так попал в наш край чужак — отец-настоятель, но вскоре именно он, а не кто-нибудь другой глубоко заинтересовался мифами и преданиями деревни-государства-микрокосма. И всю свою жизнь посвятил их изучению. Постепенно он завоевал доверие стариков нашего края, хотя в долине и горном поселке мифы и предания с давних времен свято оберегались и тот, кто осме-

ливался поведать их внешнему миру, считался предателем деревни-государства-микрокосма. Отец-настоятель с полным уважением отнесся к этим принципам, поэтому он так и не обнародовал результаты своей работы, отчего он как исследователь всю жизнь испытывал тоску неудовлетворенности.

Вначале я не испытывал к нему сыновних чувств и, встречаясь на дороге с отцом-настоятелем, который на необычайно могучих плечах величественно нес крупную голову, отмечал лишь какую-то чрезмерную агрессивность в его лице. Может быть, в этой агрессивности и находила выход пожиравшая его тоска? Если сейчас вспомнить, каким отец-настоятель виделся мне тридцать лет назад — еще во цвете лет, он уже тогда казался стариком, — то можно сказать, что больше всего походил он на громадного бульдога, хотя, впрочем, для его лица и это сравнение слишком банальное. Черты лица, каждая в отдельности, были даже привлекательны, но вместе — резкие, жесткие — производили отталкивающее впечатление. Густые длинные брови, огромные глаза навыкате, а под ними — набухшие мешки. Мясистый нос, напоминающий формой клюв, большой рот, прикрытый сизой

бородой — каждый волос толщиной с соломину. Рот казался темной, бездонной ямой. Думаю, не только я, его сын, но и другие дети нашей долины во сне вздрагивали от страха, когда он глубокой ночью оглашал деревню пьяными воплями.

Я вспоминаю детские ночные кошмары, навеянные образом человека, которого даже язык не поворачивался назвать просто отцом, а только полностью: отец-настоятель — как чужого. Когда он шел по улице, издавая истошные крики, его глаза сверкали во тьме голубым огнем, точно фосфоресцировали. Таким он и представал мне в страшных снах. Его дедом, а значит, нашим прадедом был русский, неведомо как заброшенный в маленький городок на западном побережье острова Хонсю. Отец-настоятель, с воем навещавший дом в самом низком месте долины, и бродячая актриса — хозяйка этого до– ма — произвели на свет пятерых детей и каждому подобрали такое имя, чтобы в него входил иероглиф, который читается «цую», означает «роса» и употребляется для обозначения России. Старший был назван Цуюити, второй — Цуюдзиро, мы с сестрой, близнецы, получили почти одинаковые имена Цуюми и Цуюки, младший — Цуютомэ. Даже на небольшой торговой улочке,

протянувшейся у нас в долине вдоль реки, среди обычных рекламных щитов типа «Глазные капли для студентов» и «Лучший рыбий жир» бросался в глаза щит с надписью «Корабль завоевателей России». Видимо, этот образ являлся крайним выражением культивировавшегося в то время враждебного отношения к России. Сознательно протестуя, отец-настоятель и дал такие имена своим детям. Но я думаю, сестренка, не потому, что в нем заговорила четверть русской крови, а потому, что таким образом он отрекался от трех четвертей японской. Это отречение уходило корнями еще и в безысходную тоску, не покидавшую бульдожьего лица отца-настоятеля, которое так пугало меня в детстве. Однако, углубившись в мифы и предания деревни-государства-микрокосма, отец-настоятель смог обратить эту тоску на пользу. Жизнь исследователя, которую он вел в храме, вряд ли была для него лишь безысходно тоскливой. Главным образом потому, что деревня-государство-микрокосм представляла собой сообщество, которое начиная с периода созидания, в Век свободы, разумеется, и даже после упразднения княжеств, наполовину подчиняясь Великой Японской империи, жило идеей отрицания внешнего мира. Она твердо и неуклонно

придерживалась этой идеи, по крайней мере до пятидесятидневной войны, то есть до того, как армия Великой Японской империи вторглась в ее пределы и разгромила ее. Совмещая в себе несовместимое — меланхолию и пылкость, отец-настоятель увлеченно занимался исследованиями, но, когда он днем шел по улице, на лице у него была написана такая безысходная тоска, что дети даже пугались, а по ночам он напивался и оглашал окрестности дикими воплями. Всепоглощающая меланхолия не оставляла отца-настоятеля, как мне кажется, сестренка, хоть она и отступала ненадолго при обучении меня мифам и преданиям деревни-государства-микрокосма и при воспитании из тебя жрицы Разрушителя.

В мою память врезалось лишь, как старший брат, которого прозвали Солдат Цуюити, стоя среди новобранцев, машет бумажным флажком с восходящим солнцем. А то, как он, похожий на русского и лицом, и телосложением, шел во главе колонны и как отец-настоятель, в тот день пьяный с самого утра, отслужил странный молебен, я, несомненно, сам придумал, наслушавшись разных историй от взрослых. Во всяком случае, то, что отец-настоятель, провожая на фронт старшего сына, которому он до этого никогда не

выказывал родственных чувств, пьянствовал в течение нескольких дней, похоже на правду. Однако старики, любившие этого чужака, который с таким пылом изучал мифы и предания деревни-государства-микрокосма, не должны были допустить, чтобы он показался на люди мертвецки пьяным. Случись так, мог бы разразиться скандал — тем более что он столь непристойным образом провожал родного сына на фронт, — и тогда приславшие его в наш храм религиозные власти, несомненно, могли отозвать такого священника.

Солдат Цуюити, каким я помню его — похожим на русского и лицом, и телосложением, — не имел ничего общего с тем человеком, фотографии которого появились в газетах и еженедельниках в связи с его самостоятельной боевой акцией, предпринятой через четверть века после капитуляции Японии. На этих фотографиях у Солдата Цуюити лицо японца, хотя действительно несколько необычное. Правда, на черно-белом снимке определить цвет глаз невозможно. Еще учась в начальной школе, я слышал, что в детстве у Солдата Цуюити были удивительные ярко-голубые глаза, хотя в его жилах текла всего одна восьмая русской крови. Можно утверждать, что

он унаследовал их от отца-настоятеля, но в противоположность отцу, глаза которого наводили тоску на окружающих, его взгляд отличался мягкостью и приветливостью, свойственными матери. Однако из-за своих голубых глаз Солдат Цуюити во время обучения новобранцев подвергался издевательствам, что привело его к нервному потрясению, и на протяжении четверти века после окончания войны он находился в психиатрической лечебнице, продолжая считать себя призывником, проходящим военную подготовку. В данном ему прозвище — Солдат Цуюити — проявилась прозорливость людей нашего края, которых чутье никогда не подводило. Какое-то время отец-настоятель очень переживал из-за того, что Солдат Цуюити попал в психиатрическую лечебницу, и нам, детям, говорили, будто старший брат погиб.

Оказалось, что Солдат Цуюити не только жив, но и объявился в реальном мире, облаченный в военную форму армии Великой Японской империи, упраздненную уже двадцать пять лет назад, да еще предпринял отчаянную боевую акцию. Честно говоря, я при этом известии испытал лишь удивление, не более. То же, наверное, можно сказать и о тебе, сестренка. Я пытался

понять смысл поступков моего старшего брата, но по одним лишь газетным статьям обрисовать себе выступление Солдата Цуюити было очень трудно. В день, когда Солдат Цуюити приступил к своей акции, он проснулся утром в дешевой ночлежке Ямадани, и в его сознании, проспавшем четверть века, шевельнулась мысль, что он находится в наряде и слышит сигнал побудки. Как во время давних учений, когда его нещадно избивали, он перекинул через плечо винтовку, прицепил к поясу штык и флягу, надел ранец и противогаз. Все это снаряжение Солдат Цуюити купил в каких-то лавках в районе Уэно. Винтовка, разумеется, была ненастоящая. Нет, прежде чем нацепить на себя все это снаряжение, он должен был уложить в ранец плащ-палатку, сигнальные флажки, ложку, а сверху — шинель. Свернуть шинель вчетверо и скатать ее как следует было для него, наверное, делом нелегким. Уже после его самостоятельной боевой акции обнаружилось, что привязанная к ранцу шинель и обмотки были изорваны в клочья. Откуда Солдат Цуюити узнал, где можно достать необходимое снаряжение? Будучи пациентом лечебницы, он одновременно работал там садовником, и его, наверное, надоумил, где все достать, уже много лет

находившийся на излечении приятель — маньяк, помешанный на военном снаряжении. Но как он раздобыл деньги на снаряжение? Меня раздражало, что никто не мог толком ответить на этот вопрос, и в результате я предпринял собственное расследование, выяснив некоторые тщательно скрываемые факты.

Ко времени выступления Солдата Цуюити наша семья, за исключением отца-настоятеля, жившего затворником в храме Мисима-дзиндзя, разбрелась по белу свету. Надеяться на помощь отца-настоятеля Солдат Цуюити не мог, да у него даже в мыслях не было обращаться к нему. В течение четверти века он жил взаперти, это верно, но, покидая лечебницу, служившую ему кровом все эти годы, Солдат Цуюити получил деньги. Это было жалованье, причитавшееся ему за долгое время работы садовником. Почему же ему выплатили эти деньги? Ведь работа садовника — одно из средств психотерапии, а оплачивать пребывание в лечебнице он не имел возможности. После того как Солдат Цуюити много лет проработал садовником, молодой врач, случайно обративший на него внимание, заключил, что дальнейшее его пребывание в лечебнице бессмысленно. Правда, я думаю, что в этом заключении был

какой-то тайный умысел, но, так или иначе, Солдат Цуюити получил деньги и обрел свободу. И вот человек, который в течение четверти века добросовестно, но бездумно выполнял работу садовника, вполне доброжелательный ко всем, никогда не проявлявший агрессивности, сразу же накупил на все деньги военного снаряжения и в одиночестве приступил к осуществлению боевой акции, привлекшей всеобщее внимание.

Столь же внезапную, но тщательно подготовленную демонстрацию устроил и другой наш старший брат, прозванный Актриса Цую, за двадцать пять лет до выступления Солдата Цуюити — осенью, вскоре после того, как Великая Японская империя прекратила свое существование. Местом демонстрации послужила сцена в амбаре для хранения воска, который во время пятидесятидневной войны был разобран, а потом восстановлен. Актрисе Цую неожиданно для всех удалось выступить на представлении, организованном нашей молодежью — демобилизованной, а потому и празднично настроенной. Представление началось с мелодекламации и комической сценки, оказавшейся гораздо лучше предыдущего номера. Потом, в перерыве, после танцев под модные довоенные песенки и перед

основной пьесой, на сцену вышел наш брат, который никогда раньше не участвовал даже в мальчишеских играх — недаром сверстники считали его замкнутым и нерешительным.

Выступление его открыл детский оркестр горного поселка, обычно исполнявший ритуальные мелодии во время праздника урожая. Под звуки музыки наш брат, которого с этого дня и до самой смерти все называли Актриса Цую, облаченный в какой-то странный наряд, в глубине сцены корчился, точно в судорогах. Не обращая внимания на его бессмысленные движения, дети, игравшие в храмовом оркестре, справа и слева от него безучастно дули в флейты и били в барабан — очевидно, и отец-настоятель, имевший влияние на родителей этих детей, участвовал в подготовке представления. Вспоминая сейчас об этом, я, сестренка, прихожу к выводу, что и странный наряд Актрисы Цую был придуман отцом-настоятелем, лучшим знатоком мифов и преданий нашего края. В какой-то момент Актриса Цую, дрожа всем телом, вышел к самому краю сцены. Лицо он спрятал от яркого света ламп под круглой деревянной маской, в три раза большей, чем его собственная голова. Мне, сидевшему среди зрителей, маска казалась страшной и безобразной.

Ее наискось пересекали, точно раны, багровые трещины, а там, где они сходились, торчал нос, будто клюв хищной птицы. Глубоко вырезанный красный рот тянулся до ушей — правда, самих ушей не было. Но отвратительнее всего выглядели обведенные белой краской два круглых отверстия, напоминавшие глаза сома. Хрупкое тело, с трудом удерживающее эту чудовищно огромную голову, было задрапировано таким же черным куском материи, каким затягивают каркас Быка-дьявола…

В противоположность глубокому родственному чувству, которое я питал к тебе, братья были мне почти безразличны, но все равно я как брат Актрисы Цую готов был провалиться сквозь землю, когда зрители стали осыпать руганью и насмешками представшего на сцене танцора, трясущегося в своем черном одеянии с огромной багровой маской на голове. До меня долетали возмущенные выкрики: «Настоящий Мэйскэ-сан!», «Угорел он, что ли? Не иначе угорел!». Храмовый оркестр продолжал играть, несмотря на вопли, волнами обрушивавшиеся на брата. И тут на сцене появилась миловидная женщина в очках с патефоном в руках. Это была сводная сестра нашей матери, изгнанной отцом-настоятелем;

жители долины, питая к ней дружеские чувства, ласково называли ее Канэ-тян. Она присела на корточки, выставив вперед одно колено, и покрутила ручку патефона — раздались звуки хабанеры.

Вдруг — словно взорвался надутый бумажный пакет — багровая маска разлетелась на мелкие кусочки. И одновременно, точно вспыхнуло яркое пламя, раскрылся огромный прекрасный цветок. Тут же брат распахнул свое черное одеяние — под ним оказалось хрупкое, почти девичье, тело, облаченное в кимоно с непомерно длинными рукавами. Залитое светом очаровательное лицо, появившееся на фоне расколовшейся по трещинам маски, с внутренней стороны выкрашенной золотой, зеленой и красной красками, показалось набившимся в амбар восхищенным зрителям прекрасным цветком. Актриса Цую, словно опьяненный бешеным успехом, стал гордо отплясывать в ритме хабанеры под восторженные крики. Зрители безумствовали, пластинку с хабанерой ставили вновь и вновь, танец продолжался без конца, кимоно, с самого начала надетое кое-как, совсем распахнулось,

оби[35] поползло вверх, живот оголился. Он не обращал на это никакого внимания и продолжал самозабвенно плясать, пока не предстал перед зрителями совершенно обнаженным…

Добившись потрясающего успеха своим выступлением, Актриса Цую стал кумиром для молодых парней и с тех пор пользовался у них большей популярностью, чем все девушки долины и горного поселка, вместе взятые. Но, как ни странно, он стал одновременно предметом обожания у девушек, хотя он же сам оттеснил их на второй план. Однако его отношения с отцом-настоятелем, до представления исподволь поддерживавшим сына, резко ухудшились, достигнув критической точки. Произошло это из-за полного несоответствия результата первоначальному замыслу выступления: отец-настоятель хотел, чтобы его сын показал свои танцевальные способности под аккомпанемент храмового оркестра, но в ходе представления все смешалось, и он продемонстрировал свой талант по сценарию Канэ-тян с ее хабанерой. В результате успех выпал на долю Канэ-тян. Отец-настоятель в наказание запретил Актрисе Цую жить с нами, своими

---

[35] Примечания: 35
Широкий пояс в виде длинного куска материи.

братьями и сестрой, в доме, расположенном в самом низком месте долины. Он мотивировал это тем, что пребывание под одной с ним крышей может оказать на нас дурное влияние и мы тоже перестанем слушаться отца, но, как мне кажется, необходимости в столь крутой мере не было. Актриса Цую, ставший кумиром молодежи долины и горного поселка, поселился у Канэ-тян, которая, взяв его в приемные сыновья и пообещав завещать ему все свое имущество, тенью следовала за ним до последних дней его жизни, прошедшей под знаком того неожиданного артистического дебюта.

2

Во времена всеобщей бедности после окончания тихоокеанской войны обладание одним-единственным резиновым мячом обеспечивало мальчишке привилегии, гарантирующие ему полное повиновение сверстников. Если во время игры мяч вдруг лопался, тот, кто находился под его магической властью, впадал в такое отчаяние, как будто, будучи в космосе, обнаружил пробоину в корабле, и стремглав мчался в велосипедную мастерскую заклеивать его. Так могло ли обладание вожделенным мячом не сказаться

на характере такого мальчишки? Судьбу нашего младшего брата, сестренка, которому родители дали имя Цуютомэ, в надежде, что он будет последним ребенком в семье (мол, остановимся на этом Цую — ведь «томэ» и означает «остановка»), и которого товарищи по играм почтительно называли Цуютомэ-сан, в полном смысле этого слова определил резиновый мяч: всю свою жизнь он посвятил тому, чтобы не упустить представившегося ему в детстве шанса. Родившись уже после того, как отец-настоятель начал охладевать к нашей матери, он был ребенком, которому никто не уделял внимания, и, думаю, только безоглядная преданность обретенному идолу — резиновому мячу — свидетельствовала о том, что в жилах его течет кровь отца-настоятеля.

Вспоминаю один эпизод, в котором я сам участвовал и в котором Цуютомэ-сан, в детском мирке нашей долины завоевавший славу отчаянного бейсболиста, проявил унаследованную от отца-настоятеля склонность к общению с людьми, в чем-то превосходящими его. Это случилось через три года после окончания войны, когда положение лидера среди товарищей Цуютомэ-сан обеспечивало не столько обладание бесценным сокровищем — резиновым мячом, сколько выда-

ющийся талант бейсболиста. На правах старшего брата я входил в возглавляемую им школьную команду, но всего лишь как заурядный запасной игрок. А Цуютомэ-сан был абсолютным властелином команды, ее главным пинчером, первым битчиком, каковым он сам себя назначил, чтобы иметь возможность почаще отбивать мяч, и к тому же еще выполнял обязанности менеджера и тренера. Методику Цуютомэ-сан тщательно продумал; образцом служили довоенные школьные команды, проводившие систематические тренировки. Сведения о них он почерпнул в старом справочнике «Лучшие школьные бейсбольные команды», который ему удалось где-то раздобыть, и его заветной мечтой было добиться того, чтобы наша команда тоже вошла в число лучших. Он никогда не разделял мнение игроков, утверждавших, что, мол, сегодня школьники по своей физической подготовке уступают довоенным. Школьные площадки теперь были меньше, инвентарь — непрочный, его хватало лишь на одну игру, и, чтобы основной состав и запасные, которыми он пополнялся, могли тренироваться эффективно, численность команды приходилось ограничивать. Я как раз и являлся таким жалким запасным, и главной моей функцией было

следить за тем, чтобы мяч не потерялся в траве за площадкой.

После тайфунов, которые часто обрушивались на наш край в течение ряда послевоенных лет, взбесившаяся река с ревом мчалась по долине, а наш дом, стоявший в самом низком ее месте, почти до притолоки уходил под воду, и нам приходилось спасаться у соседей. Но когда дождь прекращался, и небо между горными склонами покрывалось сверкающими перистыми облаками, Цуютомэ-сан, даже если дело шло к вечеру, собирал свою бейсбольную команду. Размокшая от дождя спортивная площадка для тренировок не годилась. Тогда он приказывал членам команды совершать длительную пробежку по едва заметной тропе, по которой в Век свободы деревни-государства-микрокосма в долину, перевалив через гору, из соседнего княжества спускались за воском купцы. Это была очень трудная пробежка — нужно было стремительно мчаться в гору. И основные игроки, и запасные, растянувшиеся по склону цепочкой, один за другим сходили с дистанции, и лишь задававший товарищам темп Цуютомэ-сан не прекращал стремительного бега, хотя ноги его все время скользили на каменистой тропе, по которой после дождя еще

долго неслись потоки воды. А я, запыхавшись, с трудом поспевал за ним и, прекрасно понимая, что прекратившие бег просто выдохлись, все равно считал их трусами. Ведь никто из них не владел такой ценной вещью, как карманный фонарик, — значит, чтобы потом не спускаться в темноте на ощупь, они хотели как можно скорее, еще засветло, закончить тренировку — вот и всё.

По этой причине я, не превосходя выносливостью никого из товарищей по команде, упорно бежал за Цуютомэ-сан, хотя всегда далеко отставал от него. Цуютомэ-сан, который в то время физически был значительно крепче меня и в команде вел себя как диктатор, не признавал авторитета старшего брата и, естественно, не нуждался в моем покровительстве. Однако в тот день, зная, какая рана нанесена чувствам Цуютомэ-сан, я принял случившееся очень близко к сердцу. Каждый раз, когда вода в реке поднималась, вокруг нашего дома, утопшего по самую крышу, плавали нечистоты, вымытые из выгребных ям других домов выше по реке. Наши приятели приходили полюбоваться на это зрелище. Цуютомэ-сан считал для себя невыносимым унижением то, что его дом облеплен нечистотами. Я не воспринимал это так болезненно, хотя и разделял его

чувства. В тот день старшеклассники, не захотев продолжать пробежку, возглавляемую Цуютомэ-сан, расположились внизу и распевали песню. Я убежден, что она достигла и ушей Цуютомэ-сан:

Поглядите, как чистюля лихо отбивает мяч!

А ведь все прекрасно знают – дом его в дерьме…

Хоть плачь!..

Когда я, оставшись единственным попутчиком Цуютомэ-сан, весь в грязи, обессиленный, догнал его наконец, он, точно больная собака, корчился в судорогах, стоя на четвереньках в глинистой жиже на светлом, открытом взгорке, который с тех пор, когда сюда еще подступал девственный лес, скрывая тайную тропу, приводившую в долину торговцев воском, совершенно преобразился благодаря посадкам. Стоя внизу, я ошеломленно смотрел, как он корчился в конвульсиях, будто не замечая меня, и прекрасно понимал: ничего с ним не случилось, он не заболел, только притворяется. Брат натужно кряхтел и все время устремлял свои черные глаза с длинными ресницами к небу. Я, проследив за его взглядом, тоже посмотрел на небо. Бескрайнее — из долины такого не уви-

дишь, оно было затянуто перистыми облаками. В полдень они выглядят полупрозрачными, а в тот момент казалось, что у каждого внутри плотная темная сердцевина, и лишь тонкие края, хотя солнце все равно сквозь них не проглядывает, были окрашены темным багрянцем. Стоя на четвереньках, Цуютомэ-сан продолжал кряхтеть и не отрывал глаз от плывущих по бескрайнему небу облаков с багряными краями и темной сердцевиной. Я интуитивно почувствовал, что его конвульсивные движения — это молитва, которую он возносит вселенскому Разрушителю. Подсказала интуиция еще не вышедшего из детского возраста будущего летописца, которого обучают мифам и преданиям нашего края…

Такую же молитву, несмотря на протесты судьи, ровно через пятнадцать лет вознес, обратившись к морю, Цуютомэ-сан на бейсбольной площадке в Канэдзоно, где игра, в которой он впервые в жизни участвовал как профессионал, складывалась столь напряженно, что пришлось назначить дополнительное время. Радиокомментатор объявил, что новый игрок молится богу войны, как это делал мастер кикбоксинга[36] из

---

[36] Примечания: 36
Вид бокса, в котором разрешены также и удары ногами.

Бангкока; когда мне рассказали об этом, я сразу же нарисовал в своем воображении пылающую зарю над Канэдзоно. Пусть ему нужен был только небольшой перевес в игре, все равно Цуютомэ-сан искал вселенской поддержки, согласовывая свои действия с Разрушителем. Тогда-то я и вспомнил, как Цуютомэ-сан после тайфуна стоял вместе со мной на крохотном островке в море деревьев под вечерним небом, сплошь затянутым перистыми облаками, и, повернувшись ко мне, ожидал восход луны. Я только тогда обнаружил, что ему присуща удивительная душевная тонкость, которую трудно было предположить у предводителя одержимых бейсболом мальчишек.

Хотя Цуютомэ-сан и должен был заметить, что я тоже поднялся на взгорок, он все то время, пока горящее вечерним закатом небо теряло багрянец и превращалось в бескрайнее и темное, продолжал делать вид, будто в одиночестве смотрит на Разрушителя, точно огромный воздушный змей плывущего в вышине. А когда стемнело окончательно и горизонт точно заволокло черным занавесом, он, словно испугавшись обступившего его со всех сторон черного леса, подбежал ко мне, сидевшему в ожидании на большом камне. Подбежал быстро, вприпрыжку. Детское лицо

младшего брата выражало страх — вдруг я уже ушел, не дождавшись его? Однако сказал он вот что:

— Ну, ты чего тут делаешь? Опять, что ли, в лапы к лешему угодил? Давай побыстрей спускаться — того и гляди дикие собаки нападут!

Я был всего на два года старше, а все-таки — старше! Но я пропустил мимо ушей эти ехидные слова и стал убеждать брата, что спускаться в темноте по скользкой от воды горной тропе опасно. Нужно подождать хотя бы, пока взойдет луна, а лучше дождаться рассвета. Цуютомэ-сан состроил кислую мину и продолжал дразнить меня:

— Тебе-то что! Ты у нас одержим лешим, а я дольше не могу сидеть в лесу!

Эти слова, сестренка, просто возмутили меня. И все же я заставил Цуютомэ-сан дождаться, когда луна осветит опушку девственного леса. Но луна почему-то долго не выходила, и он, запуганный, как все дети долины, рассказами о лешем и, опасаясь, как бы я, сидя на камне, не уснул — ведь про меня болтали, что мне-то уж заночевать одному в лесу ничего не стоит, — без умолку тараторил. Живя под одной крышей, мы фактически были чужими друг другу, и теперь он пытался как-то расположить меня к себе.

Цуютомэ-сан, сестренка, вел себя очень странно — он все время говорил о смерти. И хвастался, что совсем не боится ее. Десять миллионов лет семя, из которого он произрос, покоилось во тьме. Потом снова десять миллионов лет во тьме же будет покоиться его пепел, а в промежутке он живет вот так, как сейчас. То, что он существует, можно даже считать чем-то невероятным. Ведь могло случиться так, что покоящееся во тьме семя высохло бы, не вспыхнув искоркой жизни между первым и последующим десятками миллионов лет.

Воспользовавшись против обыкновения авторитетом старшего, я возразил: грядущий мрак страшен для живого именно потому, что между двумя этими периодами жизнь все же вспыхивает. И он, даже не споря со мной, воскликнул с нескрываемой завистью:

— Разрушитель прожил несколько сотен лет. Вот это здорово!

Взошедшая луна осветила непроходимую чащу девственного леса, олицетворявшего тот самый мрак, что простирался на десятки миллионов лет. Огромный провал долины позволил мне, летописцу нашего края, вновь постичь неповторимость Века свободы, последовавшего за

периодом созидания, — длительного периода полной изоляции от внешнего мира…

За короткое время, пока Цуютомэ-сан был профессиональным бейсболистом, корреспондент спортивной газеты с единственной целью посмеяться над новой звездой опубликовал взятое у него интервью. Бейсболист Цуютомэ-сан рассказывает, писал он, что у него на родине живут самые настоящие великаны и его, совсем маленького, да еще родившегося недоношенным, эти огромные люди, когда шли в лес, засовывали в нагрудный карман своей рабочей одежды на манер авторучки. Я понял тогда, что Цуютомэ-сан, как и все остальные дети нашего края, находится под впечатлением сказки, которая восходит к преданию о созидателях и Разрушителе, превратившихся в великанов. Тогда-то я и осознал впервые не столько кровную, сколько духовную связь тех, кто воспитан на этой общей фантазии, господствовавшей в деревне-государстве-микрокосме.

Я бы хотел, сестренка, отвлечься и поговорить о те– бе — твоя судьба так схожа с судьбой Цуютомэ-сан. Ваша жизнь подобна колебаниям маятника между полюсами счастья и горя. Я уверен, что ты сама думаешь так же. Похожее на мое имя

Цуюми ты сразу же после войны переделала на Роми — это была твоя собственная выдумка, и с той минуты я осознал, что между нами разверзлась бездонная пропасть, а для долины и горного поселка имя Роми-тян исполнилось блеска и притягательности. Твоя женская сила проявилась в том самом амбаре для хранения воска, где Актриса Цую обворожил молодых людей со сцены, но ты привлекла ребят помоложе, и не со сцены, а из уборной. Дверь там запиралась, и в твои планы, разумеется, не входило устраивать для них спектакль. Обучаясь искусству служения Разрушителю, ты должна была изо дня в день, чуть подкрасившись, отрешенно восседать в храме Мисима-дзиндзя, находившемся в самом высоком месте долины, и, как только освобождалась от этой обязанности, вприпрыжку бежала к амбару в уборную, где, не ведая того, выставляла напоказ свое соблазнительное тело.

Уборная находилась около входа в амбар, напротив сцены. Доски на потолке частично сгнили, частично разошлись, и сквозь образовавшиеся дыры можно было обозревать, что происходит внизу. Опасаясь, как бы маленькие мальчишки не провалились, ребята постарше соорудили вокруг дыр баррикаду из досок и циновок. Лишь

избранным разрешалось входить в это помещение и подсматривать. С особым нетерпением они ждали демонстрации кинофильмов — в такие вечера ты обязательно заходила в уборную. «Разведчики», сидевшие в конце зала, смотрели не столько на экран, сколько на твою спину, освещенную лучом кинопроектора. Как только ты делала движение, чтобы встать, они тут же сигнализировали об этом, и «привилегированные», толкаясь в темноте, молча бежали к дыре.

Это стало традиционным развлечением во время киносеансов, и ты, сестренка, превратилась в легендарную героиню уборной в амбаре. Интересно, в чем была причина, почему именно твой зад покорил сердца юнцов долины и горного поселка? Правда, они подсматривали за всем, что происходит в женской уборной, — это верно. Но девушки, проведав, что за ними наблюдают, тушили свет, а женщины постарше поднимали такой крик, что мальчишки разбегались. И вдруг ты, сестренка, однажды вечером во время сеанса войдя в уборную, специально зажгла лампочку, которая теперь всегда была потушена. А когда удостоверилась, что над твоей головой притаились мальчишки, не прикрыв оттопыренного зада плиссированной юбкой школьного платья с

матросским воротником, задрала голову и стала смотреть вверх, и на твоем лице появилась озорная улыбка — вот-вот расхохочешься. Именно этим движением и улыбкой, сестренка (вроде бы ничего особенного!), ты покорила сердца подсматривавших за тобой ребят! Твое движение и улыбка были столь неожиданны и поразительны, что передать словами невозможно — во всяком случае, ни одному из мальчишек сделать этого не удалось. Так ты еще школьницей стала кумиром молодежи долины и горного поселка.

После одного случая, происшедшего в конце войны, у меня появилась склонность к мрачной задумчивости. Я, как говорили, «угодил в лапы к лешему», но это неверно — просто у меня были некоторые странности, я не походил на остальных ребят и в то же время ничем особенным от них не отличался. Подростки, верховодившие мальчишками, не признавали во мне никаких достоинств. Я вызывал у них интерес лишь как твой брат — один только раз мне разрешили приблизиться к дыре. В тот вечер демонстрировался документальный фильм о новом мировом достижении баскетболиста Кохаси. Меня позвали «разведчики», и я, с трудом пробравшись по узкому проходу, оказался в кругу избранных,

которые, тесно прижавшись друг к другу, обступили тускло светящийся прямоугольник. Здесь собрались самые отъявленные сорванцы. Они неотрывно смотрели вниз, дрожа от возбуждения. Стоя среди них, я тоже посмотрел на твой зад, маслянисто поблескивавший в слабом свете. Высоко задрав его, ты непринужденно повернула голову и с улыбкой взглянула на нас, еле сдерживая смех…

У Цуютомэ-сан, добившегося выдающихся успехов в бейсболе, появился настоящий покровитель Кони-тян, подобно тому как Актриса Цую, прославившийся своим танцем, обрел Канэ-тян, беспредельно ему преданную. Если подумать, то и мы с тобой, близнецы, остались в живых только благодаря заботе, которую проявляли к нам взрослые, не являющиеся членами нашей семьи. Может быть, именно поэтому у тебя и был такой соблазнительный, упругий зад. Отец-настоятель взял на себя лишь самые минимальные материальные заботы о своих детях; сейчас я даже с удивлением думаю: как нам вообще удалось выжить? Меня он обучал мифам и преданиям деревни-государства-микрокосма, тебя готовил в жрицы Разрушителя, но фактически мы были общими детьми наших соседей.

После войны отец-настоятель довел себя изучением мифов и преданий до мистических галлюцинаций и, охваченный тяжелой депрессией, тщетно пытался угнаться за мыслями, вихрем проносившимися в его голове. Так что было бы неразумно ожидать, что он, поселившись отдельно от детей, будет проявлять интерес к их жизни. Можно, пожалуй, сказать, что самостоятельная боевая акция Солдата Цуюити, старшего сына отца-настоятеля, была порождена той энергией, которая высвобождалась, когда утонувшая в темном водовороте отцовского сознания мысль, наткнувшись на неприступную преграду, отталкивалась от нее и фонтанировала вверх. Сначала письма, в которых отец-настоятель изливал свою меланхолию — переписка, правда, была односторонней, — приходили Солдату Цуюити, брошенному на произвол судьбы в психиатрической лечебнице и работавшему там садовником, раза два-три в год. А по-настоящему одиноким, оторванным от родины Солдат Цуюити почувствовал себя после того, как отец-настоятель, впав в еще более глубокую депрессию, вообще перестал ему писать — это случилось до того, как он покинул лечебницу и совершил свою отчаянную акцию. Я вспоминаю, что отец-настоятель

даже до болезни никогда открыто не проявлял нежности к братьям, жившим отдельно от нас, но к нам, обитавшим в самом низком месте в долине, испытывал некоторую привязанность.

Кони-тян начал покровительствовать Цуютомэ-сан в его бейсбольной жизни, полной трагических и комических моментов, но в целом скорее драматической, и, покинув вместе с ним долину, стал его менеджером в бейсбольных скитаниях по странам Тихого океана. Не кто иной, как отец-настоятель, способствовал дружбе Цуютомэ-сан с сыном владельца рыбной лавки, где одновременно отпускали обеды на дом. В самом начале войны в Китае Кони-тян, наследник владельца рыбной лавки, тогда еще совсем ребенок, помогал отцу-настоятелю, целыми днями занятому изучением мифов и преданий нашего края, в его исследованиях. Владелец рыбной лавки не мог похвалиться родословной: она у него не прослеживалась не только со времени основания нашего края или с Века свободы, но даже с эпохи упразднения княжества. Этот факт совершенно четко был установлен благодаря трудам отца-настоятеля. И хотя в родном доме Кони-тян не было никаких старых документов, он оказался самым подходящим человеком для

их розысков. Кони-тян был воплощением общительности, он обладал редким талантом — ему доверяли без всякой опаски. Этим воспользовался отец-настоятель, поручив ему добывать в семьях, родословная которых восходила к глубокой древности, различные документы. То, что старики долины предоставили отцу-настоятелю в этом полную свободу действий, подтверждает, какого признания он добился, приняв вместе со всеми участие в пятидесятидневной войне. Но хорошо, что юный Кони-тян вызвался добывать хранившиеся в больших коробках от чая старинные документы, которые доставались ему без всяких затруднений, — у отца-настоятеля вряд ли хватило бы духу ходить по домам и уговаривать владельцев позволить ему ознакомиться с ними. А у Кони-тян с самого детства это было в характере — бескорыстно помогать таким чудаковатым людям, как отец-настоятель, не думая ни о какой выгоде для себя.

Благодаря старинным документам отец-настоятель выяснил, что после окончания Века свободы, в эпоху правления княжества, Мэйскэ Камэи был приглашен в призамковый город отнюдь не для того, чтобы рассказывать истории о деградации нашего края, многие годы отре-

занного, как утверждали легенды, от внешнего мира. Привлеченный рассказами скупщиков воска, молодой Мэйскэ Камэи тайно отправился учиться в Киото и Осаку, что позволило ему подробно ознакомиться с тамошним политическим положением — именно это привлекло к нему внимание приближенных молодого князя, сторонников просвещенного правления. Хотя решение было запоздалым, но княжество, получив императорский указ об усиленной охране Киото, решило исполнить свой долг и верно послужить императору. Мэйскэ удалось свести сторонников просвещенного правления с одним из высших императорских сановников, исполнявшим роль посредника. А в период реакции, когда сторонники просвещенного правления лишились власти и князь вынужден был как частное лицо удалиться в Эдо, Мэйскэ, подняв восстание против новых властей и потерпев поражение, предпринял попытку отдать деревню-государство-микрокосм в непосредственное подчинение императору, для чего решил снова использовать свои связи с тем самым императорским сановником. В результате он оказался в тюрьме и оставался там даже после того, как в княжестве вновь одержали верх сторонники верного служения императору. В тот

год, когда Мэйскэ умер в тюрьме, приближенные князя из партии просвещенного правления, снова пришедшей к власти, воспользовавшись оставленной Мэйскэ докладной запиской, направились в Нагасаки и приобрели пароход. Обвиненные в растрате слишком большой суммы казенных денег, они совершили харакири, но если бы Мэйскэ не умер в тюрьме, он бы встал на сторону приближенных князя, попавших в безвыходное положение, и вместе с ними отправился бы на том пароходе в Южную Америку, чтобы найти подходящее место для основания нового мира, — так, не без оснований, рассуждал отец-настоятель. Действительно, в то время когда партия просвещенного правления еще не потеряла своего влияния, а Мэйскэ был на свободе, они вместе оборудовали причал для швартовки судов. В результате изысканий отца-настоятеля был установлен даже такой факт: благодаря завязавшимся тогда же отношениям с местными рыбаками наследники умершего в тюрьме Мэйскэ получили право поставлять в долину и горный поселок сушеную рыбу.

Эта гипотеза, возникшая в ходе исторических исследований отца-настоятеля, превращала Кони-тян из обыкновенного лавочника в неко-

его, так сказать, идеального владельца рыбной лавки. Лет семнадцати Кони-тян отправился в Корею и, вступив в армию, стал жандармом. После капитуляции он сразу же демобилизовался и занялся спекуляцией рыбой и мясом, распространив сферу своей деятельности на весь район Киото — Осака — Кобэ. По совету отца-настоятеля Кони-тян в короткие сроки развернул торговлю на обширной территории этого процветающего района. То было единственное успешное предприятие за всю его жизнь. И знаешь, сестренка, жители долины потом говорили, что деньги, благодаря которым Кони-тян помог Цуютомэ-сан утвердиться в мире бейсбола, были накоплены им как раз в тот период, когда, преодолев узкие рамки местной торговли, он успешно занимался спекуляцией.

В отличие от образа легендарной личности, какой представлялся Кони-тян, когда служил жандармом и позже, сделавшись преуспевающим спекулянтом в Киото, Осаке, Кобэ, живой, реальный Кони-тян в своей повседневной жизни в долине был до смешного непоследовательным, импульсивным человеком, способным на самые неожиданные поступки. Кони-тян снимал комнату у одинокой учительницы средней школы,

которая держала писчебумажную лавку. Иногда, когда он бывал свободен, учительница просила его посидеть в лавке вместо нее. Однажды под вечер Кони-тян подошел к дому и остановился на веранде у входа в комнату с земляным полом. Не сказав ни слова учительнице, которая, сидя у жаровни, вопросительно смотрела на него, он неожиданно подпрыгнул. Мужчина довольно крупный, он подпрыгнул так высоко, что сильно поранил голову о гвоздь, торчавший в притолоке, и рухнул без памяти на пол.

Его отец, владелец рыбной лавки, — ему сразу же сообщили о случившемся, — увидев окровавленного сына, который лежал без сознания, недоуменно посмотрел на учительницу, сидевшую у жаровни в той же позе.

— Нужно же было так прыгать! — только и сказала она.

Глубокой ночью Кони-тян, несмотря на рану, куда-то исчез, и пожарным дружинникам пришлось тщательно обшарить всю долину. Они вообще любили громко оповещать деревню обо всех новостях, и на этот раз тоже ходили из конца в конец, беспрерывно выкрикивая:

— Кони-тян, где ты? Кони-тян, выходи!

В конце концов его обнаружили у реки, беру-

щей начало в девственном лесу, — он остужал свою рану, окунув голову в воду…

Происшествие с Кони-тян превратилось в анекдот, который до сих пор рассказывают в долине и горном поселке, но, сестренка, если вспомнить, что родниковая вода из леса утоляла жажду еще созидателей деревни-государства-микрокосма, то поведение непосредственного, импульсивного Кони-тян, дурацким поступком чуть не лишившего себя жизни, было какими-то невидимыми нитями связано с Разрушителем, который наверняка и посоветовал ему обратиться к истокам нашего края — к родниковой воде. Родство душ неразрывно связало Кони-тян с Цуютомэ-сан.

3

Сестренка, как друг семьи, ты была приглашена на церемонию вступления в должность американского президента и — неофициально, конечно, — попросила об оказании помощи движению за отделение нашего края от Японии и признание его полной независимости. Президент ответил, что с этим следовало обращаться в период оккупации. Специальный корреспондент крупной и влиятельной японской газеты, переводивший ваш разговор по дороге в зал

приемов Белого дома, не сообщил об этом ни слова, хотя мог бы обеспечить своей газете сенсационный материал. Корреспондент, видимо, воспринял как национальный позор то, что его соотечественница заговорила с президентом о таком невероятном деле. Однако, поскольку в своей просьбе ты опиралась на мифы и предания деревни-государства-микрокосма, расценивать этот поступок как признак не– благоразумия или невоспитанности, безусловно, не следовало.

Я абсолютно уверен, что в основе твоего горячего стремления отыскать способ, который бы позволил возродить наш пришедший в упадок край, лежало и то, что в тебе течет кровь отца-настоятеля, и то, что ты была воспитана им как жрица Разрушителя. Даже меня, твоего брата-близнеца, человека, взявшего на себя исполнение заветной, но так и не сбывшейся мечты отца-настоятеля — чужака, стремившегося найти свое место в мифах и преданиях деревни-государства-микрокосма, ты, сестренка, в то время изумляла. Почему именно тебя пригласил американский президент? Это давняя история, относящаяся к тому периоду, когда он переживал тяжелое разочарование, провалившись на президентских выборах. Он посетил тогда Японию как советник

транснациональной корпорации по производству прохладительных напитков, и именно ты, сестренка, привела девушек из ночного клуба с Гинзы на интимную вечеринку, устроенную в гостинице. Однако почему все-таки случилось так, что, заняв наконец столь высокое положение, он пригласил хозяйку той памятной вечеринки на самое значительное для него торжество — церемонию вступления в должность президента? Кое-кто утверждал, что приглашения потребовала ты, шантажируя его магнитофонной записью, сделанной в тот вечер. Но мне нет необходимости уточнять это, рассказывая в письмах к тебе о мифах и преданиях деревни-государства-микрокосма. Ясно одно — в тяжелый для кандидата на пост президента период ты со своими девушками из ночного клуба произвела на него неизгладимое впечатление. В противном случае, как мне представляется, даже если такая магнитофонная запись и существовала, она вряд ли вынудила бы президента пригласить тебя.

Сестренка, твоя интимная жизнь, высшим достижением которой стала связь с американским президентом, началась давно, в нашем доме, он стоял в самом низком месте долины и потому часто страдал от наводнений, но зато земля вокруг

стала плодородной и на ней разрослись дикие вишни, китайские сливы и финиковые пальмы. Через полгода после того, как ты впервые гордо выставила на всеобщее обозрение в уборной с дырками в потолке свой маслянисто блестевший зад, в нашем доме было устроено нечто вроде салона, который стали посещать домогавшиеся тебя юнцы. После того как Актриса Цую перешел жить к Канэ-тян, в доме остались ты, я и Цуютомэ-сан, но ты, игнорируя нас с братом, устроила в доме увеселительное заведение. После ужина мы с Цуютомэ-сан выходили на улицу, поднимались по лестнице на второй этаж, служивший кладовой, — после захода солнца мы даже не могли пользоваться находившейся в доме уборной, а ты по собственному усмотрению распоряжалась первым этажом, правда не очень обширным. Снизу до нас доносился шум, и, хотя слова разобрать было трудно, я, чтобы не слышать этих порой веселых, порой мрачных голосов, забивался в самый дальний угол и читал — что мне еще оставалось делать? Цуютомэ-сан, для которого единственной радостью на свете был бейсбол, прежде чем подняться на второй этаж, часа два размахивал во дворе битой, а потом, даже не перемолвившись со мной и словом, мгновенно засыпал, чтобы

восстановить силы перед утренней тренировкой. Это, конечно, не значит, что он не питал к тебе, сестренка, братских чувств. Утверждая свою диктаторскую власть в бейсбольной команде, он не в пример мне, человеку никчемному, занимал по отношению к тем, кто распускал слухи о твоем поведении, непреклонную позицию и при случае мог даже поколотить. Откровенно говоря, сестренка, он боролся не столько за твою честь, сколько за свое достоинство.

Однажды на школьной спортивной площадке, где обычно допоздна тренировалась бейсбольная команда, Цуютомэ-сан как следует отдубасил одного парня из горного поселка, который был значительно старше. Этот парень уже окончил школу и, болтаясь без дела, верховодил такими же, как он, шалопаями. Ребята из горного поселка и ребята из долины, в основном игроки бейсбольной команды, оспаривали лидерство, и этот парень давно намеревался свести счеты с Цуютомэ-сан, возглавлявшим бейсбольную команду. Собираясь затеять драку, он в сопровождении подростков из горного поселка спустился в долину, однако вынужден был дожидаться окончания тренировочного матча. Цуютомэ-сан и после того, как игра заканчивалась, никогда сразу же

не распускал ребят. Да и они сами не хотели расходиться и, пока не становилось так темно, что выкрашенный известью мяч невозможно было различить, без конца колотили по нему битой.

Парень из горного поселка и подростки, которыми он верховодил, сидели на корточках в густой траве, обрамлявшей спортивную площадку, и сгоняя, как комаров, с колен кузнечиков, словно борцы сумо, распаляли себя перед схваткой с противником, который все еще продолжал отрабатывать удары битой. Наконец Цуютомэ-сан объявил об окончании тренировки. Решающий бой между Цуютомэ-сан и парнем из горного поселка договорились устроить в присутствии остальных ребят. Следя за мелькавшей в темноте спортивной формой брата, я побежал по высокой траве и, когда добрался до дальнего конца площадки, увидел парня из горного поселка распростертым у ног Цуютомэ-сан. А он, широко раскрыв злые, влажно блестевшие черные глаза, стоял в сгущавшейся тьме, сжимая в руках бейсбольную биту — она, несомненно, и была оружием, повергшим наземь его противника. Окружившие их ребята из бейсбольной команды и горного поселка, забыв, как только что распаляли себя, судя по всему, осуждали по-

ступок Цуютомэ-сан, использовавшего в качестве оружия биту, — ведь это, в конце концов, обыкновенная мальчишеская драка, почти игра. Я долго не мог опомниться, сестренка, — так мне стыдно было тогда за брата.

А все произошло потому, что парень из горного поселка, дождавшись конца тренировки, поднялся из высокой травы, где он сидел вместе со своими товарищами, и, приблизившись к Цуютомэ-сан, крикнул ему в лицо:

— Цуютомэ-сан, я все равно пересплю с твоей сестричкой!

Перед тем как стукнуть обидчика по уху битой, Цуютомэ-сан заявил ему: «Моя сестра может спать с кем угодно — я и слова не скажу, но если ты или кто-нибудь из твоих соплеменников придет к ней — убью!»

В то время мне уже была известна не совсем понятная легенда о так называемом «третьем племени» деревни-государства-микрокосма, и все-таки своим намеком еще больше, чем внезапным приступом бешенства, Цуютомэ-сан вызвал у меня чувство отвращения.

Но что бы ни говорил Цуютомэ-сан, пытаясь унизить противника, ты, сестренка, по-моему, не отказывала ни одному из парней, посещавших

твое заведение. Твоя нагота их так восхищала, что они постоянно твердили:

— С таким телом не стыдно показаться и генералу Макартуру!

И действительно, сестренка, появившись перед кандидатом в президенты почти обнаженной, ты одарила его своей благосклонностью.

Хотя очень скоро стало известно, что «салон», устроенный в доме в самом низком месте долины, сулит удовольствия любому юнцу, без всякой дискриминации, Кони-тян ни разу не посетил его. Он ведь верховодил подростками нашей долины, и трудно поверить, что те не подпускали его к тебе, а прыжок перед учительницей показывает, какая страсть переполняла его здоровое тело. Днем с бамбуковой корзиной, полной мелкой рыбешки, он, спустившись по узкой тропинке, змеившейся по склону, часто появлялся у нашего дома. Но по отношению к твоему ночному салону он проявлял завидную стойкость. Ради чего? Может быть, ради Цуютомэ-сан, в воспитательных целях? Он строго следил за тем, как Цуютомэ-сан тренируется по утрам, как размахивает битой на сон грядущий, и пораньше отправлял его в постель, чтобы беречь силы. Каждый раз, когда Кони-тян возвращался из городка в нижнем те-

чении реки, где продавал рыбу, он пробовал на Цуютомэ-сан новые методы тренировок, почерпнутые из купленных им бейсбольных журналов. Отчасти эти занятия воплощали и буддийское учение «поиска истины» в духе идей Тэцудзи Каваками. Кони-тян, человек импульсивный, обучая Цуютомэ-сан, старался укрепить заодно и свое тело. Благодаря совместным тренировкам между ними возникла такая прочная привязанность, какой не бывает даже у родных.

Не ограничиваясь наставлениями Кони-тян, Цуютомэ-сан искал и собственные методы оттачивания мастерства. Я до сих пор помню, сестренка, как он для отработки прыгучести на заднем дворе возле колодца посадил подсолнухи. Пока семечки не проросли, он прыгал через грядку, стараясь не затоптать их. Вскоре пошли крохотные побеги. Но к тому времени прыгать через них ему надоело, и он перешел к другим способам тренировки, а когда снова вспомнил про подсолнухи, казалось, они так вымахали, что перепрыгнуть через них уже невозможно. Но и после того, как подсолнухи расцвели и их головки вздымались на такую высоту, что Цуютомэ-сан приходилось задирать голову, он топтался вокруг, поводя плечами и слегка под-

прыгивая, точно собирался перескочить через двухметровых великанов. В такие минуты рядом с Цуютомэ-сан возбужденно вертелся Кони-тян с багровым лицом, на котором выдавались загоревшие до черноты скулы. Приходя посмотреть на тренировку, Кони-тян иногда приносил почти заледеневшие персики, которые он держал в огромном холодильнике своей рыбной лавки, и Цуютомэ-сан, чтобы не застудить правую руку — главную при ударе битой, — брал их левой и спокойно отправлял в рот, а я, наблюдая за ним со второго этажа, до дрожи ему завидовал.

Разумеется, далеко не всегда самостоятельные тренировки Цуютомэ-сан носили характер глупых причуд, к примеру, как эти прыжки через подсолнухи. Чтобы укрепить мышцы ног и таза, он постоянно носил под брюками металлические кольца, которые по заказу Кони-тян выковал для него кузнец. Он отказывался снимать их даже на уроках физкультуры, но поскольку, тяжелые и громоздкие, они все же не мешали ему бегать и прыгать лучше всех своих одноклассников, учитель физкультуры смотрел на эту причуду сквозь пальцы. Правда, не во время соревнований по футболу и борьбе сумо, когда металлические оковы могли нанести травму игрокам. Вообще-то

Цуютомэ-сан не проявлял никакого интереса к другим видам спорта, кроме бейсбола и общеукрепляющих упражнений, поэтому, когда учитель физкультуры давал ему волю, он мог скакать без устали, как заяц, — оковы ему не мешали.

В дождливые дни, исключавшие возможность тренировок, Цуютомэ-сан из обращенного к реке крохотного чердачного оконца в нашей низкой каморке следил за полетом птиц над лесом, подсчитывая, сколько взмахов крыльями в секунду они делают, — это тоже было для него тренировкой. Он мог заниматься этим весь день. Даже у крохотных пичужек — воробьев или овсянок — он научился четко различать взмахи крыльев. Это умение должно было помочь ясно, вплоть до швов, видеть и точно отбивать твердый мяч, по которому в настоящих соревнованиях ему еще никогда бить не приходилось. Так Кони-тян делал из него классного игрока. Глаза брата под длинными ресницами, когда он, вырабатывая быстроту реакции, пристально следил за полетом птиц, казались мне удивительно красивыми.

Цуютомэ-сан натер деревянный пол нашего маленького дома воском, который по крохам насобирал в амбаре. Ему, видите ли, надо было

каждую минуту своей жизни использовать для укрепления мышц ног и таза, но для нас, живших вместе с ним, это было тяжким испытанием. Помнится, ты много раз скользила на зеркальном полу, сестренка, и, с трудом сохраняя равновесие, часто говорила:

— Я не падаю только потому, что цепляюсь за мужчину.

Пытаясь заглянуть в душу Цуютомэ-сан, тогда еще совсем юного фанатика бейсбола, я начинаю думать, что, натерев пол, он намеревался хоть чем-то досадить всем, кто домогался его сестры. И совсем не укрепление ног и поясницы хождением по скользкому полу было главной побудительной причиной. Но тебе, сестренка, было наплевать и на молча страдавшего младшего брата, и на меня — ты уже тогда встала на путь, который свел тебя с кандидатом в американские президенты. И, поступив в кабаре маленького провинциального городка, ты сделала первый шаг в этом направлении.

4

Газеты и еженедельники поместили множество сообщений о самостоятельном выступлении Солдата Цуюити. Именно оттуда я почерпнул

большую часть сведений о случившемся, но кое-что удалось обнаружить и самому. Спустя три года после случившегося из статьи, помещенной в одном лингвистическом журнале, я понял, что поступок Солдата Цуюити имеет и другую сторону — идейную. Статья была написана эсперантистом, который, щеголяя своей эрудицией, писал о возникшей у него в связи с изучением эсперанто идее. Вкратце она сводилась к следующему. Человек, который недавно собирался взять штурмом Токио, захватив дворец и вступив в переговоры с императором, привлек к себе внимание репортеров. В течение последних двадцати пяти лет он находился в психиатрической лечебнице. После нескольких возмущенных выкриков перед дворцом (а в его больном воображении — после рукопашного боя с оказавшими сопротивление войсками) он был взят в плен японской армией — это тоже в его больном воображении. Его снова водворили в психиатрическую лечебницу, где через несколько недель он умер от истощения. Возможно, его семья посчитает случившееся трагическим следствием преждевременной выписки душевнобольного из лечебницы. Но, пишет эсперантист, меня не покидает вот какая мысль. Во время задержания душевнобольной

выкрикивал какие-то непонятные слова. При этом он отчаянно жестикулировал, будто произносил речь. Репортеры частично записали его выкрики слоговой азбукой катакана — они напоминали набор слов, которые при изучении языка начинающие часто выносят на поля учебника для лучшего запоминания. Может быть, это прозвучит как разгадка преступления в детективном романе, но вот что выяснилось: в психиатрической лечебнице, где провел двадцать пять лет этот человек, в течение долгого времени находился на излечении известный ученый, один из основателей школы эсперанто в нашей стране…

Прочитав статью, я отправился в лечебницу, в которой полжизни провел Солдат Цуюити, чтобы побольше узнать о нем; даже придумал ход, который бы помог мне навести подробные справки, однако моя затея полностью провалилась. Я был братом Солдата Цуюити — это верно, но, сестренка, ведь наша семья целых двадцать пять лет не интересовалась его судьбой. Поэтому я был не вправе предъявлять слишком уж настойчивые требования к закрытой лечебнице. Правда, мне удалось встретиться с бывшим полицейским, допрашивавшим Солдата Цуюити. Именно он передал мне фотокопию записанной азбукой

катакана речи Солдата Цуюити, которая дала пищу репортажам в газетах и еженедельниках. Этой удачей я был обязан другому нашему брату — Актрисе Цую, который выступал с концертом в театре на Симбаси.

Итак, Актриса Цую выступал в театре на Симбаси. Нельзя не поразиться, представив, какой трудный путь пришлось ему проделать после дебюта с полуимпровизированным танцем на сцене амбара для хранения воска. И вот Актриса Цую сумел дать сольный концерт в театре на Симбаси, правда, единственный, к тому же дневной, и зал был заполнен лишь на треть — главным образом приглашенными. Не дожидаясь конца, я пошел за кулисы: в гримерной, в круглых металлических очках, похожая на старую немку, сидела Канэ-тян, как и в тот день, когда она старательно крутила ручку патефона, опираясь коленом о край сцены в амбаре для хранения воска, но ей теперь было под семьдесят. Мне стало как-то не по себе — действительно ли я нахожусь в гримерной театра на Симбаси или сижу в амбаре у нас на родине?..

На этот раз Канэ-тян не пришлось помогать в ведении концерта. Гримировал Актрису Цую профессионал, связь с участвовавшими в концерте

известными молодыми актерами театра кабуки, музыкантами, осветителями и рабочими сцены осуществлял один из работников компании, субсидировавшей выступления Актрисы Цую, у которого был бар с мальчиками в южной части Осаки. Поэтому Канэ-тян только любовалась, не отрывая глаз, Актрисой Цую, обнаженным до пояса, пока его готовили перед зеркалом к следующему номеру. Хотя для Актрисы Цую присутствие Канэ-тян было совершенно необходимо, он, с нескрываемой враждебностью глядя на ее отраженное в зеркале исхудавшее, с огромными глазами лицо под слоем белил и румян, все время что-то недовольно ворчал.

Во время выступления приглашенные зрители добросовестно смотрели на сцену и не переговаривались между собой, но, когда танец достиг кульминационного момента, из центра зала, где сидела молодежь, раздался женский смех — ха-ха-ха! Его подхватили другие зрители, хохот охватил весь зад, а в таких условиях выступать совершенно невозможно, жаловался потом Актриса Цую. Конечно, сестренка, этой женщиной была ты. В то время ты содержала ночной клуб на Гиндзе, и женщины, подхватившие твой смех, работали у тебя.

Когда, похныкав и посетовав на свою горькую судьбу, Актриса Цую наконец собрался с духом и, спотыкаясь, вышел из гримерной, я непроизвольно прыснул. У меня и в мыслях не было смеяться над ним, просто, вспомнив твой маслянисто блестевший зад, освещенный тусклой лампочкой без абажура в уборной амбара для хранения воска, я порадовался твоему неиссякаемому жизнелюбию. Но все же мой смех был невесел, и я должен был объяснить Канэ-тян, взглянувшей на меня сквозь металлические очки и нахмурившей редкие брови так, что между ними пролегли глубокие складки, почему я оказался в гримерной. Мой замысел был такой: я как младший брат Солдата Цуюити выясняю все обстоятельства, а бывший полицейский — первый, кто общался с ним после той самостоятельной акции, — поскольку он приглашен на концерт, скорее всего, зайдет в гримерную поздороваться и поблагодарить за приглашение, и пусть Актриса Цую нас познакомит. Канэ-тян наконец узнала меня и, проникшись доверием, заговорила со мной по-родственному.

— Еще когда мы жили в долине, я надеялась, что он обязательно будет выступать в театре кабуки, здесь же все выглядит так убого, — посе-

товала она…

В тот день бывший полицейский, а ныне владелец частного такси, появившись в гримерной, чтобы выразить восхищение танцами Актрисы Цую, передал мне фотокопию речи, которую произнес Солдат Цуюити. Глядя на этот листок, исписанный катаканой, я обнаружил, что в тексте встречаются слова, которые даже мне почему-то казались понятными. Тогда я, скомпоновав их по собственному разумению, отправил текст эсперантисту, написавшему статью о Солдате Цуюити. Он ответил, что в составленном мной тексте немало ошибок, но первоисточником — ему это удалось точно установить — является одно из стихотворений покойного поэта Сабуро Ито, писавшего на эсперанто. Так мне удалось выяснить, что чувствовал Солдат Цуюити, решившись на столь отчаянный поступок.

Profunde mi nun spiras

Profunde mi nun spiras,
brakojn etendas liberaj,
Senkonscie cirkaŭmiras
ke pasis tagoj efemeraj.

Revenas rememor,

pri daurinta labor...

Ĝi neniel glate iris;
Korpon, nervon ĝi konsumis,
Kaj ofte gale mi elspiris,
sed fine, unu taskon mi plenumis.

Nun agrable laca,
kaj kviete paca...

Sentas mi la koron plena,
plena de ĝoj, espero,
post la longa peno,
al nova task', al nova afero!

Вздохнув глубоко

Вздохнув глубоко,
Свободно раскинул руки,
Посмотрел вокруг и поразился —
Дни промелькнули как мгновенье.

Перебираю в памяти
Вереницу трудов бесконечных...

Нелегко приходилось: работа
Перемалывала тело и нервы,

Порой перехватывало дыхание от усталости,

И все же выполнена задача.

И разливаются по телу приятная усталость,

Покой и блаженство…

Сердце мое переполнено,

Переполнено радостью и надеждой:

После долгой изнурительной работы —

Новые дела! Новые проблемы!

Эсперантист, довольный тем, что его предположение, высказанное в статье, подтвердилось, написал в ответ, что подготовит новую работу для лингвистического журнала по поводу сделанного открытия. Но бывший полицейский, а ныне владелец частного такси, которому он сообщил о своем намерении, категорически возразил против публикации статьи, основывающейся на его записках. Он показал их брату покойного только потому, что посчитал бредом безумца. Но поскольку выяснилось, что в них был заложен совершенно определенный смысл, он боится, как бы ему не предъявили обвинение в халатном отношении к служебным обязанностям. Если

вдуматься, сестренка, бывший полицейский был, пожалуй, прав. Раньше как человек психически здоровый он имел все основания считать эту странную запись лишенной всякого смысла, теперь же получалось, что единственно по невежеству оценил речь как бред безумца. Кроме того, именно он постарался снова упрятать Солдата Цуюити в психиатрическую лечебницу, где тот вскоре умер от истощения. Мне оставалось только переписать стихи Сабуро Ито (Солдат Цуюити скорее декламировал, чем произносил речь), сделать подстрочник и послать отцу-настоятелю и Актрисе Цую — на этом мое расследование и закончилось. Ни тот, ни другой никакого интереса к идейной подоплеке выступления Солдата Цуюити не проявили…

Цуютомэ-сан по возрасту следовало бы года два-три назад окончить колледж, но он, с головой уйдя в бейсбол, все еще учился в портовом городке, расположенном в устье вытекавшей из долины и впадавшей в море реки, по которой созидатели деревни-государства-микрокосма поднялись вверх. Возраст уже не позволял ему участвовать в школьных соревнованиях, но тренировался он без устали, черпая теоретические и практические построения из бейсбольных журна-

лов. Это принесло свои плоды: его команда всегда занимала первое-второе места в префектуре. Видимо, именно тогда Цуютомэ-сан единственный раз в жизни мог идентифицировать себя в том небольшом социуме, к которому принадлежал.

Разумеется, Цуютомэ-сан пользовался таким авторитетом среди бейсболистов колледжа, потому что мяч мог отбивать без устали. И удар у него был неповторимый. Его мячи летели с такой бешеной скоростью, что никто из школьников не в состоянии был отбить их, и ему приходилось отходить назад от установленного места метра на два.

Пока Цуютомэ-сан числился в колледже портового города или, правильнее сказать, в его бейсбольной команде, жизнь его состояла из бесконечных поездок на велосипеде, отнимавших три часа в один конец. Причем беспрерывными упражнениями Цуютомэ-сан так укрепил мускулатуру ног, что даже обратный путь в гору он покрывал за то же время. Это говорит о его сверхчеловеческой воле и выносливости. В городской газете появилась статейка, в которой рассказывалась трогательная история о прилежном юноше, вовремя не получившем образования, так как ему пришлось работать, и теперь, чтобы ездить

в колледж, он шесть часов в день проводит на велосипеде. Конечно, Цуютомэ-сан задержался с поступлением в колледж не потому, что ему пришлось после средней школы несколько лет работать, а потому, что целиком посвятил себя бейсболу. Все эти годы он, встав рано утром и надев бейсбольный картуз, делал гимнастику, бегал, тренировал глаза, следя за полетом птиц, бросал камни через реку, энергично орудуя лопатой, копал землю. Когда после занятий в колледже начиналась тренировка бейсбольной команды, он, хотя и не числился ее тренером, командирским тоном давал указания игрокам, объясняя, что и как следует делать, а когда тренировка заканчивалась, таким же командирским тоном выгонял их с площадки, сам же до темноты бросал бейсбольный мяч.

Во всей долине и горном поселке единственным преданным ему человеком был Кони-тян. Почему же тогда Цуютомэ-сан, к которому окружающие относились так высокомерно и пренебрежительно, даже поступив в колледж, не снял комнату в портовом городке, а упорно ездил туда на велосипеде, тратя на дорогу шесть часов в день? Скорее всего, потому, что человеческое общение он воспринимал только сквозь призму игры в бейсбол,

допускающей бесконечное число случайностей, и вне этой сферы влиться в общество не мог — потому-то он и не решался обосноваться в чужом городе. Возможно, была еще одна причина, связанная с тем, что мне удалось наблюдать под пламенеющим небом после очередного тайфуна: Цуютомэ-сан унаследовал от отца-настоятеля какую-то неодолимую тягу к Разрушителю. Иначе говоря, он прочно укоренился в деревне-государстве-микрокосме и, может быть, поэтому долго не решался порвать узы, связывавшие его с долиной и горным поселком.

Несмотря на все это, Цуютомэ-сан, в конце концов вырвавшись из родного гнезда, покинул наш край, по инерции промчался над городами нашей страны, пересек Тихий океан и приземлился в Сан-Франциско. Менеджером в его бейсбольных скитаниях был давно соединивший с ним свою судьбу Кони-тян, который бросил отца и рыбную лавку. В то время еще нельзя было разъезжать свободно. Какие связи пришлось пустить в ход Кони-тян, чтобы добиться разрешения? Видимо, он смог упросить члена парламента от наших мест помочь им. А если к этому прибавить, что покупку двух авиабилетов и расходы на жизнь в Америке взял на себя опять же Кони-тян, то

нет ничего удивительного, что предпринятая авантюра повлекла теперь уже явный разлад с отцом, который еще в тот раз, когда Кони-тян, подпрыгнув, разбил в кровь голову, практически махнул рукой на своего непутевого сына. Поездка в Америку Цуютомэ-сан и Кони-тян была в штыки принята отцом Кони-тян, торговцем рыбой, который считал, что даже для такого непоследовательного человека, как его сын, тратить деньги на совершенно бессмысленную затею — верх авантюризма.

На что же конкретно рассчитывали они, отправляясь в Америку? В характере Кони-тян, склонного к неожиданным поступкам, полностью отсутствовала предусмотрительность, расчетливость. А построения Цуютомэ-сан, для которого критерием всего являлась игра в бейсбол и тренировка, были нереалистичны и далеки от правильной оценки обстановки. Они полетели в Америку, вдохновленные мыслью, что отправляются на родину бейсбола. Через несколько дней из статьи в одной американской газете, издающейся на японском языке, я узнал об их фантастическом плане. В ней говорилось: «В последнее время к нам стали прибывать из Японии довольно странные люди. Недавно, на-

пример, появились двое, и, сколько их ни гнали с тренировочной площадки бейсбольного клуба «Сан-Франциско доджерс», они не успокоились, пока не наняли кетчера[37] для тренировок. Эти двое — самые странные из всех, кто к нам приезжал, — один еще совсем юноша, другой — средних лет, по-английски они не говорят и объясняются жестами. Когда корреспондент заговорил с ними по-японски, питчер[38] игнорировал его, как если бы к нему обратились на совершенно незнакомом языке, а тот, который постарше, оживился и с горячностью заявил, что питчер, которого он сопровождает, — настоящий гений, и если бы ему представился случай продемонстрировать свои способности, то его немедленно приняли бы в клуб «Сан-Франциско доджерс». Интересно, в своем ли уме этот человек, которому совершенно неведомы визовые ограничения на пребывание в Америке? Может быть, он просто шутит? Корреспондент на этот вопрос ответить не смог».

Сестренка, я совершенно убежден, что слова «приняли бы в клуб» действительно принадлежат Кони-тян. Это очень похоже на Кони-тян,

---

[37] Примечания: 37
Игрок в бейсбол, который ловит мяч *(англ.)*.

[38] Примечания: 38
Игрок в бейсбол, подающий мяч *(англ.)*.

который как менеджер Цуютомэ-сан ездил с ним по стране, без конца пытаясь пристроить его в какой-нибудь профессиональный клуб. Путешествуя из Коти в Миядзаки, а оттуда на Окинаву, он беспрерывно слал телеграммы отцу, торговцу рыбой в нашей долине: *Цуютомэ имеет прекрасные перспективы… Цуютомэ стоит перед выбором — «Хансин» или «Токю»… Команда развалилась, прежние перспективы сохранились, решаем, куда податься… Цуютомэ вступает в команду «Драгонс», начали переговоры с менеджером, жди радостных вестей.*

Но радостных вестей отец так и не дождался. Выведенный из себя насмешками почтальона, он договорился, что будет сам раз в неделю ходить на почту за телеграммами Кони-тян.

— Все от того чертова прыжка! — горестно вздыхал старик, и его слова «чертов прыжок» стали в нашем крае расхожим выражением, когда говорили о человеке импульсивном.

Стараясь устроить Цуютомэ-сан в профессиональный бейсбол, Кони-тян часто совершал глупости, хотя действовал всегда очень обдуманно. Когда они вернулись из первой поездки в Америку и оба в картузах клуба «Сан-Франциско доджерс» вышли из самолета в аэропорту Ханэда,

они первым делом разослали во все профессиональные бейсбольные клубы и спортивные газеты фотографию, на которой Цуютомэ-сан что-то обсуждал с тренером этого клуба. Снимок был сделан в душевой: тренер «Сан-Франциско доджерс» положил ему руку на голое плечо, но у Цуютомэ-сан на повернутом в профиль совсем еще мальчишеском лице с опущенными глазами радости, как мне кажется, не видно. Поездка с целью устройства Цуютомэ-сан затянулась, и Кони-тян, начавший испытывать денежные затруднения, как-то по пути в клуб «Тайгерс» случайно заглянул в бар Актрисы Цую, который не только помог деньгами, но еще и сказал, когда речь зашла о той фотографии:

— Если у парня серьезные намерения играть в бейсбол, нужно проявить упорство! За пределами нашей долины мир жесток!

Кони-тян понимающе кивнул.

5

Солдат Цуюити, проснувшись перед рассветом в дешевой ночлежке в Ямадани и обнаружив, что рядом с ним спят и остальные солдаты хозяйственной команды, поворачиваясь к каждой из пяти кроватей, прокричал «подъем», за что один

из тех, кого он посчитал однополчанином, избил его. Однако это еще больше убедило его в реальности существования хозяйственной команды, порожденной его больным воображением. Люди, с которыми он провел эту ночь, говорили потом корреспондентам газет и еженедельников: «Может, он и чокнутый, но не дурак».

Солдат Цуюити, стараясь не шуметь, натянул на себя военную форму.

Был уже октябрь, но шинель он оставил скатанной и вместе с палаткой, флажком и саперной лопатой привязал ее к вещевому мешку. Какое-то время понадобилось для того, чтобы намотать обмотки, повесить через плечо меч, противогаз и вещевой мешок, прицепить флягу, надеть фуражку, и, когда он с ботинками в левой руке и винтовкой — в правой выходил из комнаты, все, кто ночевал вместе с ним, уже проснулись и подбадривали его пением военного марша: «Заслышав звук трубы, в поход тебя зовущей, клянись, что возвратишься с победою, солдат. Вернись или погибни, но подвиг совершив…»

Солдат Цуюити на городской электричке доехал до вокзала Токио, а там станционный служащий объяснил ему: через вокзал можно пройти, купив перронный билет. Что он и сделал. И этот служа-

щий, и оказавшийся рядом железнодорожный полицейский решили, что Солдат Цуюити вырядился так для рекламы какого-то кинофильма. С субъективной точки зрения Солдату Цуюити повезло: благодаря этому заблуждению никто ему не помешал, во всяком случае на первом этапе, когда он при полном параде начал задуманную им военную операцию. Выйдя из вокзала у Маруноути, он сразу увидел цель своей боевой акции — рощу, окружающую императорский дворец, и решил, прежде чем перейти ко второму этапу, уточнить время, но оказалось, что часы, которые ему через четверть века вернула психиатрическая лечебница, стоят. Тогда он возвратился на вокзал и взглянул на огромные электрические часы — они показывали ровно полдень. Первый этап операции так затянулся потому, что сначала он перепутал электрички, а потом долго блуждал по вокзалу в поисках нужного выхода. Поскольку наряд его сразу бросался в глаза, свидетелей, готовых дать показания о действиях Солдата Цуюити, оказалось множество — полиция даже не сумела всех опросить.

Не меньше очевидцев наблюдало и за тем, как Солдат Цуюити вышел из вокзала и начал марш к цели своей военной операции. Большинство

из них с почтением относились к исчезнувшей с лица земли четверть века назад форме армии Великой Японской империи, которую теперь невозможно было увидеть ни в кино, ни по телевидению. Однако Солдату Цуюити эта военная форма вовсе не представлялась отжившей. В общем, не такой это был человек, чтоб обыватели огромного Токио, к какому бы слою общества они ни принадлежали, прошли мимо него со снисходительной улыбкой. А Солдату Цуюити эти люди, безусловно, представлялись не просто гражданским населением вражеской страны. Более двадцати пяти лет его держали под замком именно ради того, чтобы обеспечить покой этим обывателям. Не потому ли, заточенный в психиатрическую лечебницу, он отказывался говорить на языке страны, с которой находился в состоянии войны, то есть на японском, и, чтобы полностью порвать с ним, похоронил свой языковой космос под эсперанто? Хотя все его познания в эсперанто сводились к одному-единственному стихотворению. Сестренка, ты со мной должна согласиться, что это стихотворение по своему содержанию, по емкости вполне вмещает всю человеческую жизнь.

Случайные экскурсанты сфотографировали

Солдата Цуюити, взиравшего на рощу вокруг императорского дворца со ступенек главного входа вокзала Токио. Я видел эти фотографии в еженедельнике. Солдат Цуюити — пожилой человек в военной форме, в правой руке винтовка с примкнутым штыком, левая у пояса, растерянный взгляд устремлен вперед — на него невозможно смотреть без жалости. Другой снимок, помещенный в том же еженедельнике, запечатлел Солдата Цуюити, когда он с угрожающим видом подбегает к человеку, фотографирующему его из машины. Винтовка, которую он держит наперевес, как на учениях, не настоящая, но ее штыком легко можно ранить и даже убить. Еще на одной фотографии, несколько смазанной — опасаясь нападения, снимавший тронул машину с места, — Солдат Цуюити уже не выглядит тихим садовником, пациентом психиатрической лечебницы. Половину снимка занимает раздираемая криком пасть. Нос сморщен, глаза вытаращены. Зубов осталось всего два-три. Широко раскрыв похожий на черную пещеру рот — он, несомненно, боялся зубного врача в психиатрической лечебнице, — Солдат Цуюити, видимо, издавал воинственный клич, с каким бросаются в атаку. Обратив в бегство людей, вызвавших его ярость,

он снова вернулся к выполнению задуманной военной операции — перешел в наступление на рощу императорского дворца. Но когда Солдат Цуюити пересек привокзальную площадь и оказался у огромного здания, внезапно произошла непредвиденная стычка. Столкнувшись с тремя американцами-хиппи, выходившими из метро, он взял их в плен. Сейчас трудно предположить, за кого он принял этих хиппи, которые только через три часа обрели свободу. Но пока Солдат Цуюити их караулил, они, превратившись в пленных, не теряли времени. Обычно эти хиппи мастерили на продажу украшения из тонкой проволоки, а потому и тут, когда он запретил им двигаться с места, они расстелили одеяло на ступеньках выхода из метро и открыли торговлю. Девица продавала, а двое парней, устроившись рядом, мастерили. Солдат Цуюити, стоя рядом со своими пленными, глаз не сводил с брошей. Одна большая с зеленым нефритом так ему понравилась, что он даже присел на корточки, чтоб разглядеть получше. Когда через три часа он освободил пленных, девица отдала ему эту брошь на память. Он спрятал ее в вещевой мешок — может быть, собирался подарить тебе, сестренка, считая, что ты все еще живешь в долине?

Освободив пленных, он снова двинулся к роще императорского дворца. Уже начинали сгущаться сумерки, и Солдат Цуюити, наверное, растерялся, обнаружив, что время за стенами психиатрической лечебницы бежит так быстро. Добравшись наконец до дворцового парка и шагая вдоль выложенного каменными плитами рва, он заметил, что кое-где кладка разобрана для ремонта, а на каждой плите нанесен какой-то условный знак. Солдат Цуюити стал внимательно изучать знаки, видимо приняв их за шифр. Рядом стоял огромный грузовик, груженный камнями величиной с голову ребенка. Через минуту дизель затарахтел, и грузовик начал сваливать камни в яму за спиной Солдата Цуюити. Его точно ветром сдуло. На какое-то время он пропал из поля зрения наблюдателей. Может быть, укрылся, спасаясь от атаки несметных вражеских войск, возникших в его больном воображении?

Снова его увидели на площади перед императорским дворцом в полночь: разбив палатку среди зелени, он завершал подготовку к первой с начала боевой операции ночевке. Не снимая формы, он расположился в палатке. Вскоре на «поле боя» появилась парочка, решившая позабавиться под открытым небом. Ему это не

понравилось, и он прикладом винтовки двинул мужчину по голому заду. Появление Солдата Цуюити обратило их в бегство, но ему тут же пришлось отражать неожиданное нападение из засады — подглядывавшие за парочкой парни разозлились, что он лишил их такого зрелища. Он мужественно сражался со своими многочисленными противниками — постарше и совсем еще юнцами. Его били, пинали ногами, но, поскольку он был вооружен почти как настоящий солдат, врагу тоже досталось. В это время один из нападавших, у которого для подглядывания был припасен карманный фонарь, осветил сражавшегося мужчину, и все увидели, что это пожилой, худой человек в военной форме. Хотя он тяжело дышал, нападавшие поняли: сражаться он будет до конца. Только тогда они покинули поле боя и разбежались в разные стороны.

На следующее утро Солдат Цуюити, сочтя, что находится на переднем крае, начал от своей палатки ползком продвигаться вперед, и к полудню недоумевающая дворцовая охрана решила все-таки задержать его. Увидев, что к нему направляются двое полицейских, он ловко проскользнул между ними и влетел в ворота дворца. К винтовке, которой он размахивал, был при-

креплен белый флаг — ясно, что Солдат Цуюити решил вступить в переговоры с императором…

К тому времени, когда Солдат Цуюити приступил к осуществлению своей военной операции, Кони-тян отказался от бейсбольных скитаний с Цуютомэ-сан, вернулся в долину и, помирившись с отцом, занялся семейным делом — торговлей рыбой. Раньше Кони-тян отличался мощным телосложением, теперь же, после долгих странствий, увял и уже совсем не походил на того непоследовательного, импульсивного человека, который когда-то так высоко подпрыгнул, что разбил себе голову о притолоку. Он превратился в обыкновенного обывателя, увлекся собиранием старинных монет и откуда только мог выписывал каталоги, чем вызывал недовольство состарившегося отца. Начав новую жизнь, Кони-тян пришел на собрание, устроенное стариками долины и горного поселка, чтобы обсудить инцидент с Солдатом Цуюити, и высказал свои соображения. Его выступление оказалось таким же необычным, как все его поведение в прошлом, и послужило поводом для пересудов — он процитировал стихотворение, а уж этого никто от него не ожидал:

В нашей судьбе

Горше всего
Утром проснуться,
Сна до конца
Не увидев.

— Солдат Цуюити пытался претворить в жизнь сон, преследовавший его в психиатрической лечебнице все двадцать пять лет. Это был единственный в его жизни взлет, который прервали в самом начале, вернув его в психиатрическую лечебницу. Случившееся еще горше, чем разбитые мечты Цуютомэ-сан посвятить себя бейсболу. Хорошо ли, что люди нашей долины не увидят продолжение сна Солдата Цуюити? Мне кажется, сон должен был завершиться так. Солдат Цуюити, вернувшись в август 1945 года, захотел побеседовать с императором об условиях окончания войны. В результате поражения Япония лишилась Маньчжурии, Тайваня, Кореи, Окинавы и северных территорий. Если это было вполне правомерно, то почему бы, воспользовавшись окончанием войны, не вернуть независимость и нашему краю, который был полностью самостоятельным государством до конца Века свободы, а до поражения в пятидесятидневной войне хотя бы наполовину сохранял свою независимость?

И что же удивительного, если именно такие переговоры он собирался вести с императором? Я считаю, что именно теперь наш край, воплощая мечту Солдата Цуюити, должен потребовать от японского правительства независимости. Кстати, я думаю, и Гавайи тоже должны стать независимыми от Америки. Он, безусловно, мечтал, чтобы после осуществления его замысла Япония установила паритетные отношения с нашим краем. И еще он хотел, чтобы были сохранены специфические черты нашего края, отличающие его от остальной Японии, и чтобы в конституцию было внесено точно оговоренное положение о репатриации. Первым репатриантом нашего края, получившего независимость, и должен был стать Солдат Цуюити, снова упрятанный японскими властями в психиатрическую лечебницу…

Выступление Кони-тян нисколько не взволновало стариков долины и горного поселка. После долгих бейсбольных скитаний он нашел себе тихую пристань в нашем крае и — люди это сразу же поняли — утратил прежний пыл, заставивший его некогда совершить свой знаменитый прыжок. Однако, сестренка, отец-настоятель, достигший возраста, приближающегося к возрасту Разрушителя и его товарищей периода созидания,

в горестном молчании спустился из храма в долину и принес в рыбную лавку горсть старых монет, продемонстрировав тем самым свою признательность Кони-тян. Тот самый отец-настоятель, который даже не поблагодарил Кони-тян за самоотверженные усилия, приведшие к заключению контракта между Цуютомэ-сан и профессиональным бейсбольным клубом.

6

Совершенно случайно, сестренка, мне пришлось стать свидетелем того, что произошло в спортивном лагере на Гавайях, когда Цуютомэ-сан и Кони-тян достигли наивысшего взлета в своей бейсбольной карьере, вступив в клуб «Кэйхан сэнэтарс». В тот год я, стажер факультета восточных языков Гавайского университета, жил в общежитии. О том, что «Кэйхан сэнэтарс» организовал спортивный лагерь на Гавайях, я, кажется, прочел в газете «Гавайи таймс», оставленной кем-то в холле университета. Сообщение меня нисколько не заинтересовало — я ведь не думал, что это связано с Цуютомэ-сан. Вдруг получаю телеграмму из гавайского аэропорта, мчусь туда на «фольксвагене», позаимствованном у приятеля из Шри-Ланки, и сразу же вижу

Цуютомэ-сан, могучего — сплошные мускулы, но из-за многолетнего переутомления, а теперь еще и оттого, что не выспался в самолете, мрачного и агрессивного — ну копия отец-настоятель. Рядом с ним — Кони-тян, загорелый, похожий на гавайца японского происхождения, тоже измотанный бейсбольными скитаниями. Всем своим поведением они демонстрировали, что великодушно прощают мне долгое ожидание в аэропорту, и, похоже, не испытывали ни малейшего сомнения, что я их безусловно помещу на недельку в своей комнате. Поселить их в общежитии, учитывая мое скромное положение стажера, было рискованно — это являлось нарушением правил, — но другого выхода не было. В моей комнате по обеим сторонам окна, выходившего во двор, стояло по кровати и оставалось еще достаточно места, чтобы одному из нас улечься на полу. Перекусив в университетском кафетерии, Кони-тян блаженствовал с баночкой пива в руке, чего нельзя было сказать о Цуютомэ-сан, который сидел, опустив глаза, прикрытые длинными густыми ресницами. Впрочем, и он, кажется, тоже остался доволен кафетерием: поел — и немало! — прекрасной китайской еды, приготовленной на гавайский лад, залпом выпил большой стакан кока-колы

и, наверное, решил, что теперь сможет каждый день так питаться.

Однако в первую же ночь произошло досадное происшествие. Потом я часто вспоминал, сестренка, случившийся у Цуютомэ-сан эмоциональный приступ, связав его с дальнейшей судьбой брата. Разбуженный среди ночи какими-то звуками, я увидел, что Кони-тян, выбравшись из спального мешка на полу, успокаивает трясущегося от страха на своей кровати Цуютомэ-сан. За темным окном слышался свист, будто завывание ветра, — звук, к которому я давно привык (а первое время он и меня пугал по ночам). Это был оглушительный гомон сотен птиц. Во дворе росла целая роща индийских смоковниц с грубой, точно шкура слона, корой и черными дуплами на месте сгнивших сучьев. В густой кроне деревьев среди гладких и мясистых листьев скрывались гнезда птиц, там их было множество, и каждый раз, когда проносился ночной ливень, они поднимали невообразимый крик. Я вспомнил, что, боясь духоты, оставил открытой форточку, и, поднявшись с постели, пошел закрывать ее, чтобы в комнату не долетали птичьи голоса. Потом я увидел, как Цуютомэ-сан, закинув на правое плечо простыню, величественно возлежит на

кровати — ну точно останки патриарха, — а Кони-тян, стоя на коленях, прижимается к нему головой. Я что-то сказал им и снова улегся; и во тьме снова представил полные слез огромные черные глаза лежавшего навзничь Цуютомэ-сан и подрагивающие плечи застигнутого врасплох Кони-тян. Я никак не мог снова заснуть, до меня все время доносился их шепот. Он досаждал мне больше, чем неумолкаемый гомон птичьей стаи за окном. Цуютомэ-сан хныкал странным для его возраста детским плачущим голосом: «Птичий гомон среди ночи в долине и горном поселке всегда предвещал беду». Кони-тян, как ни старался, успокоить его не мог. Он пытался убедить Цуютомэ-сан, что птичьи крики ночью хоть и предвещают что-то, но вовсе не обязательно беду, а просто резкое изменение судьбы. И надо, мол, радоваться, что птичий гомон предвещает нам изменение судьбы как раз в ту ночь, когда мы после многолетних бейсбольных скитаний приехали на Гавайи, имея совершенно четкий план… Они еще долго шептались, стараясь, чтобы я их не слышал. Наконец ливень прекратился и птицы угомонились, но разговор не смолкал, и в конце концов, измученный, я уснул с надеждой, что все у них образуется. На следующее утро, когда я

проснулся, Цуютомэ-сан увлеченно тренировался среди тех самых огромных индийских смоковниц, на которых кричали птицы, так напугавшие его прошлой ночью, а рядом стоял, держа в руках поднос с завтраком, Кони-тян, и они весело что-то обсуждали.

Громкие крики сотен птиц глубокой ночью, когда пронесся гавайский ливень. Какое из двух ожиданий сбудется? Но так или иначе, на Гавайях наступление Кони-тян на профессиональный бейсбол оказалось успешным. Это был успех, базировавшийся на глубоко продуманном и смелом плане Кони-тян, который на первый взгляд казался совсем никчемным человеком — ведь это он совершил тот самый знаменитый прыжок. И тем не менее он сумел все заранее рассчитать и подробно рассказал во время той ночной беседы Цуютомэ-сан о своем замысле. Основной игрок клуба «Кэйхан сэнэтарс», которому в прошлом сезоне удалось впервые за много лет вырваться вперед, теперь перед сборами в спортивном лагере на Гавайях уже утратил свою лучшую форму, что стало ясно во время летних соревнований. Но тренер не решался убрать из команды героя минувшего сезона. Тогда и возникла необходимость в предстоящем сезоне, особенно на время летних

игр, заиметь игрока, который станет его преемником и обеспечит успех команде. По мнению Кони-тян, решившего воспользоваться благоприятным моментом, Цуютомэ-сан являлся именно таким питчером; он был уверен, что благодатное тепло Гавайев еще больше закалит тело и дух его подопечного. А в спортивном лагере найдется сколько угодно возможностей продемонстрировать силу и ловкость.

Однако Кони-тян и Цуютомэ-сан не разрешали даже приближаться к тренировочной площадке спортивного лагеря клуба, и им приходилась утверждать себя пока лишь на пляже Вайкики, где игроки после тренировок грелись на солнышке. Однажды Цуютомэ-сан, удерживаясь только тремя пальцами — большим, указательным и средним, взобрался на могучие воздушные корни дерева на улице перед отелем, где менеджер «Кэйхан сэнэтарс» пил пиво с тренерами. Поднялся страшный переполох, и, если бы не собравшиеся вокруг туристы из Америки, подбадривавшие Цуютомэ-сан восторженными возгласами и удерживавшие полицейского, его бы арестовали. Как-то игроки «Сэнэтарс» отправились на автобусе в центр города, и Цуютомэ-сан побежал вслед. А Кони-тян помчался за ними на такси. И пока

игроки вместо того, чтобы наслаждаться щедрым гавайским солнцем, сидели и смотрели порнофильмы в душном, темном зале, Цуютомэ-сан и Кони-тян, сгорая от стыда, прятались в последнем ряду. Кони-тян предпринимал все это, чтобы сблизиться с малознакомым тренером и привлечь его внимание к Цуютомэ-сан в надежде, что тому устроят экзамен.

Итак, Цуютомэ-сан и Кони-тян развили бешеную деятельность, но через неделю, убедившись, что никаких конкретных результатов добиться не удастся, они уехали, и я потерял их из виду — от них не было никаких известий. И вдруг, просматривая в холле университета японскую газету, я увидел статью, в которой говорилось, что Цуютомэ-сан принят в команду «Кэйхан сэнэтарс». Значит, Кони-тян верно истолковал ночной крик птиц, гнездившихся на индийских смоковницах. Но если вспомнить весь тот сезон, когда Цуютомэ-сан после долгих бейсбольных скитаний стал наконец профессиональным игроком, то можно, пожалуй, признать, что и он был прав, испугавшись ночного крика сотен черных птиц, сидевших на таких же черных огромных деревьях с дуплами на месте сгнивших сучьев, и приняв его за предзнаменование грядущих бед.

В спортивной газете появилась язвительная статья о «новичке с красивыми глазами» — так назвали Цуютомэ-сан, вступившего в «Сэнэтарс», — в которой говорилось, что пока его предшественник по инерции, то есть с начала сезона и до наступления лета, демонстрировал стабильную игру, он на поле не появлялся. Но еще до открытия бейсбольной площадки в парке Канэдзоно к соревнованиям колледжей Цуютомэ-сан наконец вышел с командой на поле. Его сопернику приходилось особенно трудно в жаркие дни, когда Канэдзоно задыхался от вечернего безветрия. Он допускал ошибку за ошибкой, благодаря чему у Цуютомэ-сан появилась возможность вступить в игру. Идея менеджера состояла в том, чтобы использовать его для обеспечения победы команды, если все остальные средства будут исчерпаны.

Первое, что сделал Цуютомэ-сан, игнорируя кетчера, переступающего с ноги на ногу в ожидании броска, медленно встал на четвереньки, обратившись к морю, иначе говоря, к Разрушителю, и стал бить поклоны, тряся головой, словно подавившаяся костью собака. Он не прекратил этого и после того, как главный судья громко сделал замечание, а кетчер, вспомнив

о своих обязанностях, кинулся к нему — в это время комментатор рассказывал всей стране о странном происшествии, а трибуны содрогались от возмущенных выкриков и хохота. Вскочив, Цуютомэ-сан бросил кетчеру несколько мячей — такова была его тактика в игре. Каждый раз, когда игра начиналась вновь и кетчер подавал ему знак, Цуютомэ-сан отрицательно мотал головой — так повторялось много раз под неистовое гиканье зрителей. Он, видимо, был тверд в своем решении игнорировать сигналы кетчера. В этом, наверно, и заключалась суть его бесконечных тренировок, начатых еще в детстве, — в результате он стал человеком, не способным подчиняться чьим бы то ни было указаниям. Он показал какой-то сверхъестественный бейсбол, который можно увидеть только в художественных фильмах о спорте. Даже сам бросок Цуютомэ-сан был специфическим — всем телом, сжатым, как пружина, он вдруг откинулся в сторону и завертелся волчком. Потом, в какой-то момент — в какой, заметить было совершенно невозможно, — из руки его вырвался мяч, и кетчер, не устояв, упал точно подкошенный. Сам Цуютомэ-сан и все остальные игроки его команды потеряли мяч из виду, противники же перебегали из базы в

базу; в результате «Кэйхан сэнэтарс» потерпел сокрушительное поражение…

Как реагировал Кони-тян на столь трагический дебют Цуютомэ-сан? Добившись после почти десятилетних бейсбольных скитаний вступления Цуютомэ-сан в команду «Сэнэтарс», он отказался от дальнейших совместных мытарств и вернулся в долину. Как, должно быть, вспыхивали от гордости и радости выступающие скулы Кони-тян, когда перед Цуютомэ-сан, в которого никто, кроме него, не верил, открылась широкая дорога. Я понял все это еще на Гавайях и поэтому искренне радовался за него. И вдруг, сестренка, как только состоялось официальное зачисление в команду, Кони-тян бросает своего товарища, более того, возвращается в долину. Этот Кони-тян даже внешне ничем уже не напоминал того человека, который совершил знаменитый прыжок. Будто освободившись от дьявольского наваждения, он превратился в спокойного, молчаливого человека и, рано состарившись, своим поведением и манерами уподобился отцу, владельцу рыбной лавки. Теперь он не любил, когда расспрашивали о том, как Цуютомэ-сан удалось вступить в «Сэнэтарс», да и вообще у него пропал всякий интерес к бейсболу. Видимо, попав в команду,

Цуютомэ-сан проявил неблагодарность, чем глубоко обидел Кони-тян. Но даже после того, как Цуютомэ-сан, потерпев сокрушительный провал, был сразу же отчислен из команды, куда-то исчез и не подавал о себе никаких известий, Кони-тян ни словом не обмолвился об их разладе и никому не позволял совать нос в их дела.

Как раз тогда, сестренка, ты открыла ночной клуб на Гиндзе и стала опекать Цуютомэ-сан, который вынужден был теперь самостоятельно крутиться в мире бейсбола, лишившись покровительства Кони-тян. Без твоей поддержки Цуютомэ-сан, который был лет на десять старше своих товарищей — восходящих спортивных звезд — и придерживался устаревшей философии бейсбола, никогда бы не смог ни с кем ужиться, а во время тренировок не был бы даже в состоянии обеспечить себя кетчером, способным брать его мячи, и, страдая от беспомощности, стоял бы в сторонке, опустив глаза, прикрытые густыми ресницами. Однако, сестренка, ты сделала свой ночной клуб родным домом для игроков «Сэнэтарс», посещавших его всякий раз, когда матч проходил в Токио. И это примиряло с Цуютомэ-сан бывших товарищей — его терпели как твоего брата, хоть и считали человеком со

странностями. А он все еще мнил себя восходящей звездой и рассуждал исключительно о теории бейсбола, способствовавшей повышению его мастерства в броске, тайна которого была известна ему одному; а если над тренировочной площадкой, где шла беседа, пролетала сорока или домашний голубь, он внимательно следил за взмахами их крыльев, и это совсем его успокаивало. Ты же, сестренка, спала то с лучшим питчером, то с менеджером команды, провоцируя ревность. Не хочу утверждать, что только в результате этого, но все же не без твоего участия было подготовлено самое драматическое событие в жизни Цуютомэ-сан, которое случилось однажды тихим летним вечером в парке Канэдзоно.

Заразительно смеясь, ты слушала по радио трансляцию того матча, когда Цуютомэ, выйдя на площадку и помолившись, совершил странный с точки зрения техники бросок, и так же весело ты смеялась, узнав, что его команда потерпела поражение. После ухода Цуютомэ-сан из «Сэнэтарс» в твоем клубе перестали появляться основные его игроки, но молодежь, как и прежде, здесь встречали радушно — мне кажется, ты переспала со всеми. В интимных отношениях с тобой перебывало, конечно, очень много людей, среди них даже

кандидат в президенты Соединенных Штатов — правда, уже после поражения на выборах, — но я не думаю, что эти молодые люди могли оставить хоть какой-то след в твоем сердце. Судя по словам переводчика — специального корреспондента одной газеты, — касавшимся событий, предшествовавших сообщению о твоем, сестренка, самоубийстве, в которое я сначала тоже поверил, во время встречи с новым президентом, видимо переживавшим последний взлет в своей жизни, у тебя уже наблюдались симптомы психической неуравновешенности. Анализируя случившееся, он именно этим объяснил твое эксцентричное поведение после поездки в Америку, повлекшее за собой самоубийство, о котором широко писали газеты. Психическая неуравновешенность объяснялась распутством, присущим тебе чуть ли не с детства. Специальный корреспондент, переводя президенту Соединенных Штатов требования, с которыми ты обратилась к нему, передал лишь их общий смысл, сводившийся к следующему: «Япония не является государством одной нации, как это принято считать. Если постараться откопать погребенные в ней «государства», то сразу же обнаружится существование независимых отдельных сообществ, которых окажется

гораздо больше, чем штатов в Америке. Почему бы президенту Соединенных Штатов не установить дипломатические отношения с каждым из этих самостоятельных, но входящих в территориальную сферу Японии государств? Разве не должна внешняя политика Америки состоять в том, чтобы оказывать помощь малым угнетенным народам? Хочу, чтобы вы обратили внимание прежде всего на наш край. Хочу, чтобы вы оказали ему помощь в отделении от Японии и достижении полной независимости».

Не могу представить себе, чтобы ты была способна сказать это. Уверен, что ты сразу же со своим обычным заразительным смехом отвергла бы такой перевод. Эта беседа, я думаю, и президентом была воспринята как обычная шутка. В голове переводчика — специального корреспондента — причудливо смешались программы идеологов движения за независимость Рюкю и айнских националистов, поэтому никто не смог правильно понять твой призыв к американскому президенту, имевший целью возродить пришедшую в упадок деревню-государство-микрокосм. Более того, он был представлен, сестренка, как доказательство твоей психической неуравновешенности. Специальный корреспондент,

разумеется, утверждает, что и помимо самой беседы, которую ему пришлось переводить, в твоем поведении во время пребывания в Америке тоже было немало странностей. Со следующего дня после встречи с президентом ты примерно неделю оставалась в отеле, не общаясь ни с кем даже по телефону. А через неделю, обессиленная, жалкая, встретилась с тем самым специальным корреспондентом и в ту же ночь без всяких объяснений села в самолет и улетела.

Вернувшись в Японию, ты, сестренка, заявила постоянным посетителям своего ночного клуба, что тщательный медицинский осмотр, которому ты подверглась по совету президента во время пребывания в Америке, обнаружил у тебя рак, и поэтому ты закрываешь клуб. Но не прошло и месяца, как ты вновь открыла его, полностью переоборудовав. Переоборудование заключалось в том, что главное место в интерьере заняли огромные цветные фотографии различных органов человеческого тела, пораженных раком. Специальные стеклянные панели, нарочито яркие, были предельно красочны. Просто фантастически выглядели, например, панели, на которых жирной ярко-красной краской изображался процесс перерождения клеток. Наверное, в том, что

твой, сестренка, переоборудованный клуб стал столь процветающим заведением, была какая-то особая причина, кроме той, что его многочисленные постоянные посетители приходили, чтобы проститься с тобой, умирающей от рака. Я думаю, у тебя появилась и новая клиентура. Сдерживая с помощью лекарств развитие болезни, зашедшей настолько далеко, что операция стала невозможна, ты, как и прежде, с веселым смехом встречала гостей, и они, не видя оснований стесняться, непринужденно рассказывали о заболевших раком родных и знакомых, о том, как они сами боятся заболеть. Видимо, яркие цветные фотографии на стенах и внутренних перегородках утешали их как конкретное подтверждение бренности жизни.

Однако, сестренка, через некоторое время ты снова закрыла свой новый клуб, на самом гребне его успеха, и, направляясь в наш край, уехала на Сикоку. Так же, как это было, когда нашу мать, бродячую актрису, изгоняли из долины, тебя сопровождали почитатели — их было очень много. В Осаке вы шумной компанией ввалились в бар Актрисы Цую. Поздно ночью ты села со своими провожатыми на паром в Уно, а через час после этого исчезла. На палубе валялась твоя одежда,

не только верхняя, но даже белье. Получив из полиции извещение о твоем самоубийстве, я представил круглые, блестящие цвета сливочного масла ягодицы, обращенные к луне над морем, и разносимый ветром твой веселый смех — ха-ха-ха…

7

Когда ты, сестренка, приехала к Актрисе Цую, чтобы попрощаться, то сразу заметила, что он чем-то расстроен. У Канэ-тян лицо было так обтянуто желтой кожей, что почти проглядывался костяк, а накладные волосы торчали в разные стороны, как пучки травы; она с жалостью смотрела на тебя из-за круглых очков в металлической оправе. Пока Актриса Цую со старомодной любезностью обслуживал твоих спутников, Канэ-тян отозвала тебя в полутемную комнатку за перегородкой и стала рассказывать о том, в каком отчаянном положении он оказался. Он расстался со стариком президентом компании легких металлов и слаботочных приборов, который покровительствовал ему и даже устроил его концерт в театре на Симбаси. Это не значит, что Актриса Цую надоел своему покровителю или сам охладел к нему. Канэ-тян сказала, что они

расстались, питая друг к другу глубокую привязанность. Я потом и сам слышал от Канэ-тян: ты, обычно все высмеивающая, на этот раз, узнав о случившемся, покраснела, готовая расплакаться. И вот теперь Актриса Цую из кожи лезет вон, чтобы угодить своему новому другу, приезжающему время от времени из Токио. «Я тоже готова все сделать, лишь бы ему было хорошо», — разоткровенничалась Канэ-тян, посвятившая жизнь Актрисе Цую.

Итак, появился новый друг, из-за которого Актриса Цую и Канэ-тян оказались в критической ситуации. Непосредственным поводом сближения с ним послужил говор, отличавший жителей нашего края, который они упорно сохраняли даже после отъезда из долины. Фирма прежнего покровителя Актрисы Цую заключила договор об экспорте в Румынию оборудования для завода слаботочной аппаратуры, и по этому случаю в одном из осакских отелей был устроен прием·для прибывших в Японию румынских специалистов. Актриса Цую показал сценку из восстановленной Канэ-тян по памяти программы его матери, с которой та выступала, когда была бродячей актрисой. Среди тех, кто с интересом следил за его игрой, находился бывший дипломат, тесно

связанный с Румынией и другими странами Восточной Европы. Теперь он, как руководитель одной организации, близкой к министерству иностранных дел, негласно способствовал заключению контракта на импорт оборудования для завода слаботочной аппаратуры. На следующих парламентских выборах он предполагал выставить свою кандидатуру, и компания легких металлов и слаботочной аппаратуры обещала ему содействие. Обрадованный тем, что столь нужный человек заинтересовался спектаклем, старик президент фирмы познакомил его с Актрисой Цую. Бывший дипломат был очарован его говором.

И вот однажды новый знакомый Актрисы Цую и Канэ-тян — Сэнсэй[39], как они его называли, — появился в их баре. Потом, придя к ним домой, он задержался дольше, чем позволяли приличия. Когда же Сэнсэй опомнился, то положение уже было затруднительным: он оказался не в силах членораздельно объяснить семье и сотрудникам полуправительственной и получастной организации, руководителем которой он состоял, где пропадал целую неделю. Это могло катастрофи-

[39] Примечания: 39

Букв.: «учитель» — почтительное обращение к ученому, врачу, преподавателю и т. д.

чески отразиться на его карьере. Однако Сэнсэй в этой тяжелой ситуации проявил решительность. Актриса Цую тоже изо всех сил помогал ему выйти из создавшегося положения. Сэнсэй использовал все средства, чтобы обезопасить себя. Из дома Актрисы Цую он отдавал бесчисленные распоряжения в Токио, даже вел телефонные разговоры по международным линиям. По телефону он говорил на языке, принятом в том кругу, к которому принадлежал, то есть на нормальном японском, а положив трубку и обращаясь к Актрисе Цую и Канэ-тян, сразу же окунался в языковую стихию нашего края, с которым расстался лет тридцать назад.

В детстве, сестренка, я слышал рассказ об одном талантливом юноше, который сразу же после пятидесятидневной войны бежал из долины и, успешно выдержав экзамены, поступил в Токийский императорский университет. Впоследствии он сделал блестящую карьеру, но хранил в глубокой тайне, что происходит родом из нашего края. На судилище, устроенном Безымянным капитаном после поражения в пятидесятидневной войне, старики выдали его за погибшего юношу, внесенного в книгу посемейных записей, благодаря чему он остался жив. Значит, в горном поселке

до сих пор живет его прежний «дублер» — человек, с которым когда-то они делили одно имя в книге посемейных записей. Сам он получил образование, попал в министерство иностранных дел и сделал блестящую карьеру под чужим именем. Представляешь, если бы вдруг обнаружилось, что это не тот человек, который указан в книге посемейных записей, и что во время пятидесятидневной войны он, член диверсионного отряда, убивал солдат Великой Японской империи? Всю жизнь его кошмаром преследовал страх — как бы не раскрылось, что он из нашего края…

Вначале Актриса Цую, разумеется, не мог даже вообразить, что перед ним тот самый человек. Просто он подумал, что на его пути встретился человек, которому по неизвестной причине приглянулся он сам и его говор. Такое с ним уже случалось не однажды, и поэтому ему в голову не пришло поинтересоваться у прежнего покровителя, познакомившего их, о чем-то, кроме занятий и положения в обществе нового знакомого.

Однако не кто иной, как сам Сэнсэй, навел Актрису Цую на мысль о мифах, связанных с пятидесятидневной войной. Он, покоренный говором Актрисы Цую и Канэ-тян, сразу же догадался, что оба они родом из тех мест, которые

он покинул. Именно поэтому во время одной из задушевных бесед с Актрисой Цую он спросил, не слышал ли тот предания о крае, открытом великаном по имени Разрушитель. И наступило мгновение, избежать которого было невозможно. По взволнованному ответу пока еще ничего не подозревающего Актрисы Цую Сэнсэй понял, что его новый друг родом из той самой долины. К тому же оказалось, что Сэнсэй в ходе пятидесятидневной войны был очень близок с его отцом, величественным настоятелем храма. Как только выяснилось и это обстоятельство, Актриса Цую и Канэ-тян, к своей великой радости, догадались, что их новый знакомый Сэнсэй, к которому они прониклись глубоким уважением, как раз и есть тот самый талантливый юноша, покинувший наш край. Они пришли в неописуемое волнение. Восхищенно глядя на Сэнсэя, они, перебивая друг друга, с энтузиазмом, не свойственным нынешней молодежи нашего края, восклицали: «Вот это здорово! Ну и поразятся же все!» — а сам герой прямо на глазах стал мрачнеть, даже как-то одеревенел. Теперь напуганные и растерянные Актриса Цую и Канэ-тян начали причитать: «Ну чего случилось-то?.. Ух ты, совсем вы того!» Их причитания повергли Сэнсэя в полное уныние.

У него было чувство, будто он, уже уверовавший, что преодолел все, что терзало его душу до преклонного возраста, вдруг проглочен чудовищем из старого ночного кошмара, леденившего его сердце все время, пока он, порвав с родиной и бежав от воспоминаний о пятидесятидневной войне в большой город, все выше поднимался по служебной лестнице. Сколько ни причитали над ним Актриса Цую и Канэ-тян, Сэнсэй, почти сползши с постели на пол и охватив руками колени, сидел не шевелясь с застывшим лицом. Воображаю себе, в какое смятение были повергнуты Актриса Цую и Канэ-тян, которые, жалея этого пораженного ужасом пожилого человека, не представляя себе, как помочь ему, в конце концов отступились.

Воскресший кошмар, страх перед грядущей бедой сразили наповал кандидата в члены парламента: он покрылся холодным потом и застыл в молчании на целые сутки. Все это время Актриса Цую, вместе с Канэ-тян заботливо ухаживавший за больным, не мог понять, что его так тревожит, какие мысли овладели им, но позднее по его поступкам догадался, в чем причина потрясения. Случившееся не испортило отношений между оправившимся наконец от тяжелого шока Сэнс-

эем и Актрисой Цую. Наоборот, они еще сильнее привязались друг к другу, хотя в этом и не было никакой необходимости. Актриса Цую решительно освободился от опеки своего прежнего покровителя и стал жить ожиданием встреч с Сэнсэем, который приезжал в Осаку один-два раза в месяц. Вот в каком положении застала ты Актрису Цую и Канэ-тян, когда перед смертью пришла проститься с ними.

Уже в ту ночь, когда Сэнсэем вновь овладел старый кошмар, Актриса Цую принял решение круто изменить судьбу. Канэ-тян рассказывала потом, что на него очень повлияло твое, сестренка, самоубийство. Во всяком случае, отговорить Актрису Цую от задуманного ей не удалось — он поехал в Марокко, и там в ужасных, антисанитарных условиях его оскопили. После недельных страданий он скончался. Кремировали его на родине.

Цуютомэ-сан, изгнанный из «Кэйхан сэнэтарс», исчез и после долгих скитаний объявился на Хоккайдо, где решил заняться охотой на медведей без огнестрельного оружия, используя лишь мелкие камни. Набрав подходящих по размеру камней и сложив их в плетеную сумку, он отправился в горы к самой кромке снегов, а там настоящие охотники с ружьями, спутав Цуютомэ-сан с мед-

ведем, подстрелили его. Можно было, конечно, подать на них в суд и потребовать возмещения ущерба, но отец-настоятель, единственный из всех его родных, оставшихся в долине, не имел для этого душевных сил и даже не позвонил мне, чтобы сообщить о случившемся.

8

Сестренка, исключая меня, человека, занимающего позицию стороннего наблюдателя и посвятившего свою жизнь описанию мифов и преданий деревни-государства-микрокосма, все остальные дети, рожденные отцом-настоятелем и нашей матерью — бродячей актрисой, приближались к своей безвременной кончине, преодолевая бесчисленные беды и страдания. Но в твоей жизни, сестренка, однажды произошел резкий поворот. Ты вдруг вернулась из небытия, а я ведь было поверил в твою смерть. Какая безмерная радость охватила меня, когда я узнал в Мексике о воскрешении той самой сестренки, которая, сидя в уборной, при свете тусклой лампочки демонстрировала вожделевшим ее юнцам свои круглые, блестящие, цвета сливочного масла ягодицы.

Получив известие о твоем самоубийстве после

того, как, заболев раком, ты выяснила, что надежды на выздоровление нет, я ни на минуту не усомнился в его достоверности, но позже, поразмыслив, решил, сестренка, что самоубийство от отчаяния не вяжется с твоим характером. Почему все же сначала я поверил, что ты покончила с собой, бросившись с парохода? Услыхав о том, что ты натворила, я сразу же вспомнил — ты всегда могла непринужденно, с веселым смехом совершить самый рискованный поступок, вот в чем дело.

А твоя гибель, сестренка, и твое возвращение к жизни произошли вот при каких обстоятельствах. Приглашенная на церемонию вступления в должность нового американского президента, ты вовсе не ради того, чтобы пройти тщательное медицинское обследование, некоторое время укрывалась в Вашингтоне. Скорее всего, тебя допрашивали в ЦРУ. Допрос был учинен с целью запугать тебя и добиться молчания — твоя болтовня о безудержном разгуле президента в Токио в тяжелый для него период унизительного поражения на президентских выборах просочилась в прессу и могла подорвать его авторитет. Тебя допрашивали целую неделю, но и после того, как отпустили, ты в самолете, на

котором летела на родину, и в таможне аэропорта Ханэда все время чувствовала, что за тобой неотступно следует агент. А что, если ЦРУ дало указание этому прилепившемуся к тебе агенту ликвидировать свидетеля? Опасаясь этого, ты и решила устроить грандиозный спектакль, прикинувшись неизлечимо больной. Человеку, сопровождаемому верными почитателями, глубокой ночью инсценировать исчезновение с парохода особого труда, конечно, не составляло. Итак, ты исчезла, бросив на палубе, освещенной лунным светом, всю одежду, вплоть до белья, и своими блестящими ягодицами послала последний привет сопровождавшим тебя друзьям. Вычеркнув себя из книги посемейных записей, ты продолжала жить и таким образом возродила давнюю уловку с двойным ведением этой книги. После долгих лет изнурительной ночной работы ты наконец обрела покой в рыбацком поселке на берегу Внутреннего японского моря и стала вести здоровую жизнь. Агент ЦРУ, питая большое сомнение в твоем самоубийстве, решил во что бы то ни стало разыскать тебя, и, хотя случившееся было для него полной неожиданностью, тебе пришлось затратить немало усилий, чтобы исчезнуть, рассеяться как туман. Но вскоре

твой приятель президент был вынужден уйти со своего поста в связи с политическим скандалом. Необходимость жить затворницей отпала, и ты явилась в ближайшее отделение полиции. После утомительной процедуры, включавшей даже медицинскую экспертизу, тебе было разрешено возвратиться в родные места к отцу-настоятелю, который выступил твоим поручителем.

Сестренка, чтобы скрасить старость отцу-настоятелю, находившемуся в глубокой депрессии и почти не покидавшему дома, ты стала каждый день брать его с собой на прогулку. Вы гуляли по мощенной камнем дороге, на которой даже днем почти не было прохожих. Иногда вы поднимались по склону, поросшему редкими деревьями, к Дороге мертвецов. Наклонившись к тугому на ухо, давно не бритому, не чесанному отцу-настоятелю, ты весело болтала, и твой заразительный смех разносился по долине. Так, сестренка, ты заставляла отца-настоятеля двигаться, и тем самым возродила его физически и духовно и в самой себе почувствовала человека, возродившегося благодаря прикосновению к мощи нашего края. Месяцев через шесть после твоего возвращения в долину стали поговаривать, что ты собираешься навсегда там обосноваться. Кто-то разузнал, что

ты послала телеграмму Канэ-тян, которая осталась теперь одна на всем свете, приглашая ее поселиться вместе с тобой. В длинной телеграмме ты сообщала, что будущей весной предполагаешь произвести на свет новую жизнь и тебе необходима помощь. Это случилось в конце лета. Если рождение ребенка должно произойти весной, значит, ты зачала его уже после возвращения в долину. В долине и горном поселке много лет не было беременных женщин, кто же отец младенца, который должен появиться на свет? Сейчас там не найти ни одного человека, способного стать отцом. К тому же тебя не видели ни с одним мужчиной, кроме отца-настоятеля. И после возвращения в долину ты ни разу оттуда не выезжала.

Однажды, сестренка, ты повела отца-настоятеля в местную парикмахерскую. Старая парикмахерша старательно стригла и брила лохматого, обросшего бородой отца-настоятеля, восседавшего в дорогом, шикарном кресле — старомодное, оно свидетельствовало о былом процветании долины. Пока его стригли и брили, у парикмахерской столпились старики, под вечер всегда собиравшиеся у лавок. В резиновых сапогах, на которых поблескивала рыбья чешуя, вытянув

вдоль тела мокрые красные руки, стоял среди них и состарившийся Кони-тян, теперь уже не ездивший каждое утро на побережье и торговавший в своей лавке одной только соленой и мороженой рыбой. Собравшиеся, скорее всего, хотели посмотреть вблизи на твой вздувшийся живот и убедиться, что ты беременна. Но по мере того, как парикмахерша делала свое дело, их внимание переключалось на богатое кресло и на самого отца-настоятеля в огромных старомодных очках. Его остриженная голова покоилась на толстой, еще совсем молодой шее, чисто выбритые щеки и подбородок очень шли к серьезным глазам и внушительному носу, выражение лица было полно достоинства. Весь вид отца-настоятеля, которому перевалило за восемьдесят, свидетельствовал о силе, будто этот человек сохранил вечную молодость.

Когда старики, заглядывавшие в парикмахерскую через окно с выбитыми стеклами, прониклись нелепым подозрением, что не кто иной, как отец-настоятель, так умело скрывавший до сих пор кипевшие в нем жизненные силы, и есть виновник твоей беременности, Кони-тян, решительно перехватив инициативу, сказал:

— Помните, как вы все негодовали, когда на-

стоятель, которого тревожила судьба нашего гибнущего края, поднимался к Дороге мертвецов, плача от горя? Он и вправду по ночам отправлялся в лес и у Дороги мертвецов громко кричал, и это было сродни тому, что он делал в молодые годы, спускаясь в долину, чтобы производить на свет детей. Настоятель взывал у Дороги мертвецов, чтобы наш умирающий край воспрянул, чтобы возродилась жизнь в долине и горном поселке. Может быть, там и зачала новую жизнь его воскресшая дочь…

Кони-тян говорил так спокойно и уверенно — это был уже совсем не тот человек, который совершил свой знаменитый прыжок, — будто теперь убедился: долина и горный поселок снова оживут. А убедившись в этом, исполнился решимости на следующее же утро отправиться к побережью, чтобы снова закупить там свежую рыбу.

Письмо шестое
Лес деревни-государства-микрокосма

1

Сестренка, я пишу свое последнее письмо, посвященное мифам и преданиям нашего края, хотя прекрасно знаю, что посылать его тебе не имеет никакого смысла. Но я все равно пишу, взывая к тебе, и меня подбадривает надежда, что ты будешь читать его вместе с Разрушителем, который вырос до размеров большой собаки и уже сидит рядом с тобой. Ты, сестренка, вернулась к жизни через несколько лет после того, как бросилась с парохода в волны Внутреннего японского моря (об этом тогда писали во многих газетах). А теперь ты скрываешься вместе с Разрушителем, и усомниться, что ты жива, для меня, сестренка, равносильно тому, что признать: ни тебя, ни Разрушителя вообще никогда не существовало. Но тогда и мое существование — летописца нашего края — станет нереальным…

Сестренка, я получил известие о смерти отца-настоятеля. Сейчас в долине и горном поселке, кажется, не осталось ни начальной, ни средней

школ, ни сельскохозяйственного кооператива, сохранилась лишь сельская управа — теперь отделение муниципалитета того городка, что расположен в устье реки. Мне оттуда позвонила девушка. Она сообщила о смерти отца-настоятеля не только по обязанности, но и движимая чувством человеческого сострадания, обыкновенного сочувствия к тебе, которой придется покинуть долину, — у тебя же нет никакого права жить в храме после смерти отца-настоятеля. А ведь ты не раз обижала ее своим раскатистым хохотом.

Узнав о смерти отца-настоятеля, я решил было сразу же отправиться в долину, чтобы забрать его бумаги. Но мне по телефону сказали: «Ваша сестра взяла все оставшиеся после него вещи и уехала. В храме лишь одна пачка бумаг». Я отправил деньги и получил небольшой сверток. Раскрыв его, я обнаружил, сестренка, свои письма, в которых излагал, обращаясь к тебе, мифы и предания деревни-государства-микрокосма. И больше ничего. Не было даже записочки от тебя… Я был в полном недоумении, но потом сообразил: человеком, который аккуратно собрал все вещи, была не ты, а сам отец-настоятель, сделавший это в предчувствии скорой смерти. Он прожил такую

долгую жизнь, что имел достаточно времени распорядиться своим имуществом. Как отец-настоятель поступил со своими собственными материалами о мифах и преданиях нашего края, я никогда не узнаю…

Может быть, я занимаюсь самообольщением в надежде обрести покой, но, когда я думаю об отце-настоятеле, которому лишь однажды в годы войны раскрыл свое сердце, а потом уже ни разу не пытался сделать это, мне, сестренка, приходит в голову мысль, что мои письма к тебе, в которых рассказывались мифы и предания деревни-государства-микрокосма, вполне его удовлетворили и свои материалы он посчитал лишними. В таком случае следует признать, что он преуспел в моем воспитании в детские годы, а если прибавить сюда, сколь успешно он обучил тебя всему необходимому, чтобы стать жрицей Разрушителя, то, я думаю, у него не было причин в последние годы жизни предаваться меланхолии. Возможно, мое предположение выглядит безосновательным и ты весело посмеешься над ним, но мне кажется, что письма, которые я посылаю тебе, явно испещрены пометками отца-настоятеля. Вспоминая детские годы, я как будто вижу перед собой этого дорогого мне человека, красно-синим

карандашом оставлявшего черточки и кружочки на полях книг, которые он читал. На меня его привычка так повлияла, что я до сих пор, держа в руках книгу, не расстаюсь с цветным карандашом. Глядя на свои письма, вернувшиеся ко мне, я вижу множество стертых пометок, сделанных красно-синим карандашом. Стереть цветной карандаш так, чтобы не осталось никаких следов, очень трудно.

Сестренка, та страница, где я заметил стертые пометки, посвящена событию, о котором в письме к тебе трудно писать откровенно. Там говорилось, что ты, следуя указаниям отца-настоятеля, в одной из пещер на склоне у Дороги мертвецов отыскала похожего на гриб Разрушителя в состоянии глубокой спячки, вынесла его оттуда и возродила к жизни. Я внимательно изучил листок и не обнаружил ни одного вопросительного знака по поводу столь важных, но в то же время несколько сомнительных сведений, касающихся тебя. Значит, отец-настоятель одобрил их как соответствующие мифам и преданиям деревни-государства-микрокосма. И таким образом, сестренка, приветствуя тебя, ставшую настоящей жрицей, я могу утверждать совершенно объективно, что благодаря отцу-на-

стоятелю, который с каким-то необъяснимым самоотречением занимался изучением легенд, ты действительно нашла пребывавшее в спячке существо, напоминающее гриб, и вынесла его из пещеры. Более того, возрожденный Разрушитель вырос вначале до размеров небольшой, а потом и крупной собаки, и даже если отец-настоятель сам в этом не убедился, он, исполнив свое жизненное предназначение, умер с сознанием исполненного долга.

Теме возрождения Разрушителя я придавал первостепенное значение, когда в форме писем рассказывал о мифах и преданиях нашего края. Находясь в Мексике, где на каждом шагу обнаруживаешь следы погибшей цивилизации, я получил письмо от тебя, побывавшей в Стране мрака. В нем ты со свойственной тебе практичностью, избегая всяких рассуждений о смерти и возрождении, писала, что вернулась домой, живешь вместе с отцом-настоятелем и рассчитываешь на мою материальную помощь. Получив от меня деньги, ты в ответ на просьбу прислать свою последнюю фотографию отправила мне слайд, на котором снята обнаженной. Этот откровенно бесстыдный снимок, с которого, казалось, выплескивался твой беззаботный смех, вооду-

шевлял меня в одинокой жизни в Мексике. И я в письмах к тебе, поселившейся в нашем крае, стал рассказывать о мифах и преданиях деревни-государства-микрокосма. Я сообщил также, что, закончив преподавание в Мексике, возвращаюсь на родину и намерен поехать в наш край, чтобы встретиться с тобой, воскресшей из мертвых.

Однако деловым тоном, лишенным даже намека на обычную беззаботность, ты ответила, что некоторое время не хотела бы встречаться со мной и у отца-настоятеля по этому поводу тоже есть свои соображения. Он считает, что, если я возвращусь в долину и увижусь с тобой, то рассказ в письмах к тебе о мифах и преданиях нашего края превратится во что-то нарочитое, фальшивое. Этот довод, который действительно трудно опровергнуть, был продиктован волей отца-настоятеля — я сразу же это почувствовал. Когда, возвратившись на родину, я позвонил в храм, к телефону подошел сам отец-настоятель и передал мне от твоего имени, что в данный момент ты успешно возрождаешь к жизни Разрушителя и до тех пор, пока тебе не будет доподлинно известно, хочет ли Разрушитель, выросший до размеров собаки, встречаться с посторонними, никому, в том числе и самому отцу-настоятелю, показать

его не сможешь…

Так ты стала еще более ревностной жрицей Разрушителя, чем мог рассчитывать отец-настоятель, и тем самым создала благоприятнейшие условия для изложения мифов и преданий нашего края в письмах к тебе. Ты стала посредником и помогла мне понять, что представлял собой Разрушитель, возникая в самых различных мифологических и исторических ситуациях, начиная с момента основания деревни-государства-микрокосма. Почему же я осмелился в обращенных к тебе письмах, повествующих о мифах и преданиях нашего края, усомниться в правдивости рассказа о Разрушителе, возрожденном из существа, напоминающего гриб, и выросшем до размеров собаки? Прежде всего я должен был иметь основания воодушевлять себя как летописца деревни-государства-микрокосма. И я воодушевлялся каждый раз, представляя себе, как ты с возрожденным Разрушителем на коленях читаешь мои письма о мифах и преданиях нашего края.

И все же если бы ты, сестренка, не скрылась в неизвестном направлении, я бы, наверное, тоже не заговорил о возникшем у меня подозрении. Оно возникло не в то время, когда в письмах я

начал рассказывать тебе о мифах и преданиях, а еще когда ради заработка я читал в университете лекции по истории. Я допускал, что за те несколько лет, что ты пряталась от людей, распустив слухи о самоубийстве, ты из-за постоянного страха перед агентами ЦРУ повредилась рассудком. И потому отец-настоятель, укрыв тебя в храме, препятствовал нашей встрече и вынудил меня писать письма, а в тот раз, говоря со мной по телефону, категорически запретил приезжать в долину. Может быть, из-за душевного расстройства ты во всем случившемся винишь себя?

Если это так, значит, твое положение еще более прискорбно, и я надеюсь, что письма, которые я пишу тебе как человек, верящий в призрачное существо, которое не оставляет тебя в твоем затворничестве, порадуют и тебя, и это призрачное существо — Разрушителя, выросшего до размеров собаки. Жрицы, выступая посредниками между нашим и потусторонним мирами, часто превращаются в кликуш, и, представив тебя, сестренка, потерявшей рассудок, я смог наконец начать живо описывать тебе мифы и предания нашего края. Итак, сестренка, ты полностью выполнила роль жрицы, посредницы, способствовавшей воссозданию этих мифов и преданий.

Если посмотреть с моих позиций на возложенную на меня миссию летописца нашего края, то лишь в контакте с тобой, в определенном смысле действительно ставшей жрицей Разрушителя, я смог приступить к ее выполнению. Она заключалась в воспроизведении самых разных преданий, которые в детстве рассказывал мне отец-настоятель. Естественно, что, читая мои письма к тебе, он некоторые места подчеркивал, некоторые помечал кружочками двухцветным красно-синим карандашом, однако потом старательно стирал собственные пометки ластиком, а не замазывал тушью и никаких изменений не вносил. И сейчас, продолжая писать тебе, я стараюсь представить, о чем мог думать отец-настоятель, с красно-синим карандашом в руке читая мои письма. «Я пытался красно-синим карандашом отделить основную линию в описанных им мифах и преданиях от побочных, но, поразмыслив, пришел к выводу, что это абсолютно бессмысленно. Поэтому я и стер свои пометки. Ведь он еще в детстве любил подурачиться, и, даже, когда мне казалось, что он слушает с интересом, хотя и не отделяет в сюжете повествования главного от второстепенного, я все же не был уверен, что он серьезно воспринимает действительно важное. Передавая ему

мифы и предания нашего края, я иногда сбивался, и кончалось тем, что мы оба хохотали…»

Сестренка, я на самом деле вспоминаю выражение лица отца-настоятеля, когда он во время наших занятий вдруг начинал беспричинно смеяться. И я думаю, оправданием может служить то, что в мифах и исторических преданиях, рассказанных мне в детстве отцом-настоятелем, было много такого, что даже он, человек предельно серьезный, воспринимал с юмором. Причем такое впечатление сложилось не только у меня. Это отметили дед Апо и дед Пери, которые иногда присутствовали на наших занятиях. Что их заинтересовало в моем обучении? Началось с того, что специалисты по небесной механике — первые из тех, кто был эвакуирован в нашу долину, — заметили одну мою странность. Ребята из долины и горного поселка неохотно принимали меня в свои игры, а я понимал, что если ежедневно не освежать в памяти предания, рассказанные отцом-настоятелем, то все перезабудешь, и, значит, на следующий день он будет укоризненно смотреть на меня; поэтому, даже играя с товарищами, я все время вполголоса повторял их. Дед Апо и дед Пери обратили на меня внимание вскоре после приезда в долину — в тот вечер, собрав

ребят, увлекающихся астрономией, они стали показывать расположение звезд на крохотном кусочке неба, ограниченном горами, а я, чтобы не мешать остальным, отошел в сторону и что-то бубнил себе под нос. Они подумали, что я заучиваю стихи, и спросили, что я декламирую.

Смутившись и одновременно желая подурачить чужаков, я ответил:

— Я рассказываю, как было создано наше государство! Вонючее болото было отгорожено огромными обломками скал и глыбами черной окаменевшей земли, а когда их взорвали, ливень смыл вонючую грязь и там поселились люди! — А потом присказкой отца-настоятеля, с которой начинался каждый урок (я обычно отвечал на нее односложным «угу»), решил поразить темных городских жителей: *«Итак, я начинаю свой рассказ. Было ли это на самом деле, не было ли — неизвестно, но, коль уж речь идет о старине, нужно слушать так, будто то, чего даже быть не могло, действительно было. Понятно?»*

Однако специалисты по небесной механике ответили с полной серьезностью: «Понятно» — и, сверкнув круглыми очками в темной оправе, в которых отражались звезды, спросили, причем в своей обычной манере — один говорил, а другой

беззвучно шевелил губами, как бы повторяя его слова:

— Очень интересный миф, но не противоречит ли он тому, что учат в школе? Мифу о рождении империи?

После того вечера, когда мы наблюдали звезды, я, уступая настойчивым просьбам деда Апо и деда Пери, стал рассказывать им о мифах и преданиях деревни-государства-микрокосма, которым меня обучал отец-настоятель. Я рассказывал их людям, являющимся для нас чужаками, скорее всего, потому, что жители нашей долины сразу же прониклись к ученым полным доверием. Но все равно я никогда не касался ни пятидесятидневной войны — об этом и речи быть не могло, — ни уловки с двойным ведением книги посемейных записей в связи с пересмотром поземельного налога и твердо придерживался принципа: рассказ о мифах и преданиях деревни-государства-микрокосма ограничить нашей горной впадиной.

Ученые, проявив глубокий интерес к услышанным от меня преданиям, выразили желание встретиться с отцом-настоятелем. Совершенно неожиданно для меня отец-настоятель, в последнее время на глазах превращавшийся в мизантропа, пригласил их в свой кабинет в

храме, куда допускались лишь старики долины и горного поселка. Я привел их к нему, замирая от страха.·Я знал, что, нарушив принципы, которые строго блюли в нашей долине, наболтал посторонним людям много лишнего, и боялся, как бы в беседе отца-настоятеля со специалистами по небесной механике все не выплыло наружу.

Они выглядели как настоящие ученые: головы удлиненной формы с большими залысинами, хотя им было чуть больше тридцати. Вспоминаю, что, зачарованный их внешностью, я тогда впервые обратил внимание, что и отец-настоятель на фоне полок, набитых книгами и бумагами, не уступает им своей внушительной, а не просто своеобразной наружностью, и испытал гордость за него. Он сидел, выпрямив свое могучее тело, вскинув подбородок и полуприкрыв глаза, и спокойно давал ясные и четкие ответы на вопросы ученых, чем произвел на них огромное впечатление. Дед Апо и дед Пери стали уточнять слышанные от меня мифы и предания, а отец-настоятель с достоинством отвечал:

— Да, такой вариант тоже существует, но есть и другие.

Потом, немного помолчав, с расстановкой заговорил и вместо того, чтобы подтвердить

правдивость мифов и преданий, которые он излагал мне во время наших ежедневных занятий, сказал, что они касаются лишь крохотного района, в котором мы живем, а поскольку передавались из уст в уста жителями нашего края, то всякие преувеличения в них неизбежны. Но, настаивал он, эти предания не голый вымысел, лишенный всяких оснований, они достаточно реалистичны в своей основе.

Слушая со стороны объяснения отца-настоятеля, я не столько думал о достоверности мифов, излагавшихся отцом-настоятелем во время наших ежедневных занятий, сколько о необходимости все время повторять их, чтобы тверже запомнить и никогда не забыть. Теперь я понимаю: отец-настоятель не был до конца откровенен с дедом Апо и дедом Пери, не желая обмануть доверия, оказанного ему жителями нашего края. Однако оба ученых почувствовали, что осторожность, с какой отец-настоятель говорил о преданиях, вызвана чем-то весьма важным, связанным с жизнью сообщества, обитающего в долине, и, будучи чужаками, не стали упорствовать в стремлении глубже проникнуть в их суть. Они высказали вот какую точку зрения по поводу услышанных от меня преданий: новый мир, созданный в этой

долине и после блистательного Века свободы постепенно пришедший в упадок, — не просто укрывшееся в горах поселение, а целое независимое государство и, судя по огромному количеству легенд, касающихся самых разных сторон его жизни, может быть смело назван микрокосмом. Эти рассуждения полностью расположили к ним отца-настоятеля. Я до сих пор нахожусь под впечатлением пережитого в тот день и, говоря о нашем крае, настоящее название которого избегал произносить, стал использовать слова «деревня-государство-микрокосм» как наиболее соответствующие задаче свести воедино все его мифы и исторические предания.

2

Дед Апо и дед Пери, как это свойственно настоящим ученым, относились с уважением к специалистам в других областях. Я думаю, они были способны отличить настоящего знатока от дилетанта. Они сразу же определили, что отец-настоятель, посвятивший свою жизнь изучению преданий нашего края, является глубоко эрудированным специалистом, хотя и в весьма узкой области. И их желание посещать наши занятия было вполне серьезным. Поэтому и

отец-настоятель часто приглашал их в храм. Тем не менее он не отступал от принципов нашего края и в их присутствии рассказывал мне лишь истории о периоде созидания и Веке свободы, касаться же событий после Реставрации Мэйдзи избегал и даже не упоминал о восстаниях, поднятых против властей княжества. Как я теперь думаю, предания, выявлявшие главные черты облика деревни-государства-микрокосма, которая сохранила свою независимость в борьбе с всесильными властями, он оставлял для более подходящего случая. А тогда мне, ребенку, такая его предусмотрительность казалась смешной. Ведь именно мифы и предания нашего края убедили деда Апо и деда Пери в том, что наша деревня представляет собой еще одно самостоятельное государство и, более того, еще одну вселенную, отличную от той, в которой обитают люди внешнего мира.

В самом начале наших занятий мне временами бывало стыдно, что в долине и горном поселке бытуют такие мифы и предания, что именно на меня пал выбор отца-настоятеля и мне одному приходится обучаться у него. Этот стыд усугублялся еще и тем, что из-за муштры, которой он подвергал меня ежедневно, я был единственным

в нашем крае бледным, изможденным ребенком, не жившим нормальной жизнью. Это чувство сохранилось у меня и после того, как дед Апо и дед Пери восприняли и по достоинству оценили мифы и предания нашего края. Я стал вести себя так, будто передававшиеся из уст в уста легенды — не более чем забавные шутки. К тому же в мифах и преданиях деревни-государства-микрокосма есть сколько угодно смехотворных моментов: например, гимнастические забавы Разрушителя у огромного тополя на краю утеса, период таинственного гула, усыхание Узницы после многих лет заключения в пещере. Взять хотя бы предание о том, что при основании нашего края место, где был создан новый мир, представляло собой зловонное болото, приблизиться к которому не могли не только люди, но даже звери, — об этом, сестренка, правильнее всего рассказывать как бы в шутку.

Посмотри на отца-настоятеля — он, воспитывая меня, был не особенно строг к своему проказливому ученику, который не раз потешался над его словами. Это происходило в разгар, пользуясь терминами того времени, Великой тихоокеанской войны. Отец-настоятель излагал мне предания нашего края, противоречащие

мифологическим и историческим концепциям Великой Японской империи, а я, не испытывая ни малейших сомнений, нес в школу его «научные воззрения» и выводил из себя учителя-чужака, вступая с ним в бесконечные споры. Это заставило отца-настоятеля проявить осторожность, и он начал преподносить мне предания так, чтобы я не воспринимал их однозначно. К примеру, рассказ строился на совершенно реальном факте и одновременно содержал массу гротескных деталей. Чтобы я, ребенок, мог ежедневно в течение часа выдерживать его уроки, он уснащал свои рассказы гиперболами, и это было вполне оправданно. Собственно говоря, отец-настоятель начал обучать меня мифам еще до того, как я пошел в школу, и, мне кажется, опасался, что я попросту сбегу, если рассказ меня не заинтересует, поэтому он буквально развлекал меня мифами, в которых главным действующим лицом был Разрушитель. И я с удовольствием слушал о невероятных событиях, приключившихся с ним за долгую-долгую жизнь. Тогда мне казалось, что и сам отец-настоятель был среди тех, кто создавал мифы деревни-государства-микрокосма, повествующие о долгой жизни Разрушителя, о том, как он умирал и снова возрождался. К тому же я

чувствовал, что и сейчас, на моих глазах, жизнь продолжает творить эти мифы. А когда я узнал от отца-настоятеля, что ты принесла из пещеры Разрушителя, превратившегося в существо, напоминающее гриб, и возродила его, я ощутил, что мои детские догадки подтвердились. Да, подумал я, так оно и есть…

В детстве меня часто посещали до боли знакомые видения, которые именуют «воспоминаниями о том, что было до рождения». Вот, например, Разрушитель и созидатели вверх по реке тащат волокуши, сделанные из разобранного судна, вот они взрывают огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли; переселение в период таинственного гула, зверское убийство молодых беглецов из княжества, взявших детей в качестве заложников и укрывшихся в огромном амбаре; осада крестьянами призамкового города под предводительством Мэйскэ Камэи. Все эти события, отразившиеся в мифах и преданиях нашего края, вставали перед моим мысленным взором единой панорамой. Пристально всматриваясь в отдельные ее сцены, я различал людей величиной с горошину, творивших эти предания, наблюдал, как сияет солнце или льет дождь, а если прислушивался, то мог уловить даже та-

инственный звук. И тогда события, о которых повествовали мифы и предания, возникали вновь, как бы приближаясь ко мне во времени. А поперек этой картины, вместившей все мифы и предания нашего края, раскинулся великан Разрушитель. И при этом он, вездесущий, присутствовал во всех эпизодах, выделяясь среди участников событий, как выделяется чуть большая горошина среди остальных…

Дед Апо и дед Пери давали мне бумагу для рисования и цветные мелки — а в то время это была большая ценность, — чтобы я нарисовал картину «воспоминаний о том, что было до рождения». Это повторялось дважды. Правда, мои жалкие рисунки не шли ни в какое сравнение с возникавшими в моем воображении сложными сценами, населенными множеством людей. Раньше я воспроизводил все, что приходило мне в голову, любое причудливое видение, и специалисты по небесной механике постоянно интересовались, что я хочу изобразить. Как-то поборов застенчивость, я объяснил, и они похвалили: оригинальный у тебя замысел. А я, сестренка, вместо того чтобы признаться: да нет, какой там замысел, все это «воспоминания о том, что было до рождения», начал по своему обыкновению

дурачиться. И сказал им примерно так:

— Да что вы, разве же это картинка! Рассказы о старине, которые каждый день вдалбливает мне в голову отец-настоятель, на таких маленьких кусочках бумаги не уместить. Он хочет, чтобы я запоминал все, что он рассказывает, а я могу запомнить, только если увижу собственными глазами. Жаль, нет бумаги, чтобы все нарисовать…

Сказав так, я хмыкнул и решил, что вопрос исчерпан. Однако на следующий день после уроков специалисты по небесной механике встретили меня у ворот школы и повели к себе домой. Я перепугался, что опоздаю на занятия к отцу-настоятелю, но они сказали, что обо всем с ним договорились. Он разрешил мне некоторое время рисовать в доме деда Апо и деда Пери. Чтобы убедить отца-настоятеля, сказали они, пришлось показать ему мои рисунки. У меня, сестренка, сердце ушло в пятки от страха, но дед Апо и дед Пери успокоили меня, заверив, что отец-настоятель очень заинтересовался ими. С того дня — спасибо двум специалистам по небесной механике! — я начал рисовать на огромном листе толстой бумаги. Он был таким огромным, что на панораме, рассказывающей о мифах и преданиях нашего края, нарисовать во всю ширину листа

тело Разрушителя было очень трудно. Когда я изобразил великана размером в две циновки, он получился похожим на огромную цистерну, а не на величественного Разрушителя, который был мне так дорог, но потом дело пошло лучше. Мне хотелось в мельчайших подробностях передать каждую сцену, представляющую собой «воспоминание о том, что было до рождения», и огромный лист бумаги позволял сделать это. Чтобы посмешить деда Апо и деда Пери, которые, стоя рядом, следили за моей работой, я с особым тщанием выводил человека с глазом в заду, огромную голую женщину, заключенную в пещеру, ту же женщину, превратившуюся в карлицу… Но, продолжая работу над рисунком, я день за днем испытывал все большую внутреннюю неудовлетворенность. Пока я рисовал то, что относилось к периоду созидания и Веку свободы, дело шло хорошо. Но я не знал, как изобразить то, что происходило с периода деятельности Мэйскэ Камэи до пересмотра поземельного налога. У колен Разрушителя, занимавшего всю нижнюю часть огромной картины, я оставил место для пятидесятидневной войны. Дед Апо и дед Пери становились все более мне симпатичны, и я терзался угрызениями совести, что скрываю от них некоторые мифы и предания

нашего края. Продолжая рисовать бесчисленное множество людишек величиной с горошину, я старательно изображал то, что относилось к периоду созидания и Веку свободы, но окончить картину до того, как отец-настоятель возобновил со мной занятия, мне так и не удалось.

Отец-настоятель воспитывал меня, ребенка, в течение часа ежедневно, включая воскресенья, и сносить это было нелегко. При первой встрече с дедом Апо и дедом Пери он проявил к ним особую доброжелательность, а вот во время занятий со мной бывал нетерпелив и угрюм. Уставившись на меня своими глубоко посаженными глазами, точно спрятавшимися под огромным выпуклым лбом, который, когда отец-настоятель опускал голову, нависал, как выдвинутый ящик комода, он что-то невнятно бормотал, прожевывая пищу: терять время на еду ему было жалко. Громко и отчетливо он произносил лишь свою обычную присказку: *«Нужно слушать так, будто то, чего даже быть не могло, действительно было. Понятно?»* За этим следовало мое «угу», после чего я опять умолкал, а он начинал нудный, нескончаемый пересказ легенд нашего края. В какой-то момент отец-настоятель, подняв голову и обнаружив вдруг, что перед ним сижу я, удивленно

хлопал глазами. (Его морщинистые веки напоминали шторки затвора большого фотоаппарата!) Он тут же приказывал мне своими словами пересказать услышанное и, вскинув подбородок, терпеливо ждал, когда я начну.

Вдыхая запах, исходивший от сидевшего с печальным лицом отца-настоятеля — так пахнет обычно старая мебель, — стараясь не смотреть на его густо поросшие бурыми волосами уши, из которых, казалось мне, и шел этот запах, я зябко поеживался, ощущая разливающуюся по телу слабость. Отчаянно стремясь преодолеть ее, я припоминал что-нибудь смешное и, уже отталкиваясь от этого, начинал пересказывать легенду.

— Комик, да и только! — махнув рукой, говорил обычно отец-настоятель, стараясь этими словами оправдать свой смех.

Когда дед Апо и дед Пери присутствовали на наших занятиях, я паясничал еще нахальнее, но уже из других побуждений. Мне было стыдно учить при них предания нашего края, да и отец-настоятель перед этими настоящими учеными поневоле вел себя со мной иначе. Мой дурашливый пересказ деяний Разрушителя растревожил деда Апо и деда Пери, будто они сами окунулись в мифы и предания деревни-государства-микро-

косма. Желая, чтобы я изменил свое отношение к этому мифу, они выговаривали мне:

— Ты же знаешь, как почитают Разрушителя люди этой долины? Уже не один год ты слушаешь рассказы отца, и тебе лучше, чем остальным, должно быть это известно, правда? Почему же, когда он просит тебя рассказать о Разрушителе, ты не находишь ничего лучше, как подсчитывать, сколько экскрементов произвел он за свою жизнь? Конечно, для твоего возраста у тебя выдающиеся способности, если тебе удалось составить нужный алгоритм и произвести подсчет… На занятиях ты этот рассказ слушал с огромным вниманием, а вот остальное тебя нисколько не интересовало — даже со стороны это было видно. Поняв твое состояние, отец, чтобы скорее покончить с этим вопросом, предложил: ладно, выкладывай, что еще ты хочешь сказать о Разрушителе. Ты, немного поразмыслив, стал подсчитывать: если Разрушитель прожил более двухсот лет и стал великаном, способным перемахивать через огромный тополь, то, значит, количество испражнений, накопившихся за всю его жизнь, должно превысить четыреста тонн. Зачем тебе это понадобилось? Да, мы с твоим отцом действительно посмеялись. Но неужели

в ваших долгих занятиях для тебя важнее всего смешить людей? Мы не можем представить себе, что ты не ощущаешь всей значительности преданий о Разрушителе, которые так самозабвенно рассказывает тебе отец. Но тогда зачем же тебе отклоняться от главного и заниматься никому не нужными подсчетами?

Серьезность и в то же время доброжелательность деда Апо и деда Пери смутили меня, но все равно я таил надежду, что в отличие от ученых отец-настоятель не усмотрит в моих рассуждениях об испражнениях Разрушителя просто желание подурачиться. Такая противоречивая позиция отражала мое неоднозначное отношение к отцу-настоятелю. Вместе с тем мне хотелось показать ему, что в глубине души я чрезвычайно серьезно отношусь к своим дурачествам, хотя часто и кажется, что просто стараюсь привлечь к себе внимание. Моя непокорная и одновременно жалкая душонка беззвучно взывала к отцу-настоятелю: неужели ты не понимаешь, почему я себя так веду?

Что же касается количества экскрементов Разрушителя, то побудительным мотивом моих вычислений было то, что экскременты олицетворяли его мощь. Эту идею мне подсказали

предания о пятидесятидневной войне, о которых чистосердечно поведать деду Апо и деду Пери, хотя они и были целиком на нашей стороне, я не решался. Даже во время войны с армией Великой Японской империи люди деревни-государства-микрокосма, укрывшись в лесу и ведя партизанские сражения, оберегали от нечистот девственный лес. Они вырыли на краю леса огромные выгребные ямы, обмазали их глиной и свозили туда нечистоты. Оставшиеся в живых, приступив к возрождению нашего края, пострадавшего в пятидесятидневной войне, по склону, заросшему конским каштаном и дубками, спустили в долину нечистоты из выгребных ям и как следует удобрили почву. На этих землях разбили фруктовый сад, где обильно плодоносили мандарины, хурма, груши. Этот ставший достоянием всех жителей нашего края сад способствовал возрождению деревни-государства-микрокосма, которая после затопления долины в самом начале пятидесятидневной войны пришла в полное запустение. Правда, по-прежнему сказывалась нехватка так трудно воспроизводимых людских ресурсов.

Памятуя о выгребных ямах периода пятидесятидневной войны, я подсчитал количество

экскрементов великана Разрушителя за более чем двести лет до первой смерти и тем самым доказал, что их было вполне достаточно, чтобы повысить плодородие всех угодий в долине и горном поселке.

3

Мысль об экскрементах Разрушителя не вдруг посетила меня в тот день в присутствии отца-настоятеля, деда Апо и деда Пери. В моей детской душе ее взрастила живительная сила наших ежедневных занятий с отцом-настоятелем. Прекрасно зная, что он скрыл от меня предания об экскрементах, я считал, что именно они делали образ Разрушителя, созданный отцом-настоятелем, понятнее мне и ближе. Этот образ был расплывчат, как увиденный во сне, хотя уже давно я для себя решил, что огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли, преградившие путь Разрушителю и созидателям, поднимавшимся вверх по реке, — не что иное, как экскременты Разрушителя. С того все и началось. Но поскольку во главе молодых созидателей стоял еще совсем молодой Разрушитель, я ни разу и никому не высказывал эту мысль вслух — даже в шутку.

Посещала меня и такая, к примеру, идея: «ячмень длинноносого лешего», который люди выкапывали на опушке леса и ели в период созидания, на самом деле тоже был засохшими экскрементами Разрушителя. Или еще: вспомни появление огромного количества пресноводных крабов, точно красное море волнами накатывавшихся на долину после того, как многодневный ливень отмыл ее и уничтожил зловоние. Эти крабы, ставшие основной пищей созидателей, как мне кажется, плодились в таком огромном количестве потому, что поедали труп (хотя это и не экскременты, но в моем восприятии нечто близкое им) — огромный труп Разрушителя. В таком случае уже к началу периода созидания он должен был не только умереть, что само собой разумелось, но и успеть дорасти до великана, а это совершенно противоречило мифам о периоде созидания, которые я слышал из уст отца-настоятеля. Значит, я уже в то далекое время не просто слушал, что рассказывал мне отец-настоятель, но и активно домысливал связи между Разрушителем и бытующими в деревне-государстве-микрокосме мифами и преданиями.

Порой и сам отец-настоятель вел себя так, что посторонние терялись, хотя в его поведении

всегда была внутренняя логика. Война на Тихом океане шла к концу, когда отец-настоятель — ты, сестренка, тоже должна прекрасно помнить это происшествие — совершил из ряда вон выходящий поступок. Многие говорили, что он просто рехнулся, а старики долины и горного поселка, сложив губы трубочкой, лишь хмыкали с печальной улыбкой, как будто случившееся их нисколько не удивило. Когда же инцидент замяли, заглохли и разговоры о его безумии — словно рана затянулась естественным путем.

Косвенной причиной события, породившего слухи о безумии отца-настоятеля, послужило назначение в третий год войны нового директора школы. Прежний почитал стариков долины и горного поселка, уважал местные обычаи и нравы — это бросалось в глаза даже детям; а новый, в противоположность своему предшественнику, не успев приехать в долину, собрал всех учителей и детей в зале школы в горном поселке и выступил с речью, в которой резко осудил поведение жителей нашего края.

— У вас здесь на удивление слабо проявляется патриотизм, который сейчас, в условиях военного времени, должен от края и до края сплотить Великую Японскую империю. Как могло слу-

читься, что у вас нет даже усыпальницы? Нужно развернуть движение за подъем патриотизма. Начнем с того, что каждый месяц первого и пятнадцатого числа будем все вместе посещать храм Мисима-дзиндзя и молиться за дарование победы, за боевые подвиги наших земляков.

В тот же день состоялось первое совместное посещение храма. Я вспоминаю, сестренка, как уныло двигалось к храму растянувшееся шествие — ничего похожего на радостный подъем в праздник урожая. Вспоминаю, как под водительством директора школы и классных руководителей мы все приближались к высоко стоявшему храму, где ты, нарумяненная, каждый день сидела и, скучая, играла в камешки; и я вместе со всеми тоже хлопал в ладоши, хотя прекрасно знал, что молиться Разрушителю нужно совсем не здесь, а в лесу.

Такое настроение было не только у меня одного. Позже директор школы строго выговаривал нам, что при первом совместном посещении храма мы держались без должного благоговения, что во время сбора и во время марша не было заметно энтузиазма, что мы недостойны называться верными подданными нашей страны. А на другой день все утро мы маршировали и отрабатывали команду: «Равнение направо».

Целый месяц до следующего молебствия все уроки физкультуры были отданы под такие тренировки. Отец-настоятель из храма, стоящего в самом высоком месте долины, каждый день наблюдал, как дети, построившись в колонну, вышагивают по школьной спортивной площадке, как они кланяются, повернувшись к востоку. И у него созрело решение. Когда во время второго посещения ученики четвертого, пятого и шестого классов построились и заносчивый директор в форме, которую в то время обязаны были носить гражданские служащие, обратившись к храму, склонился в поклоне, дверь храма с треском распахнулась, и отец-настоятель сбежал по белым деревянным ступенькам вниз. Его «наряд» был продуман самым тщательным образом — даже мы, дети, тогда понимали, что подготовка его потребовала немалых усилий: всклокоченную голову украшали пальмовые листья, выкрашенные в ярко-красный цвет, а лицо скрывала тоже ярко-красная маска длинноносого лешего. Из огромных ботинок на его и без того толстенных, как при водянке, ногах торчали такие же пальмовые листья, отчего казалось, будто это ноги какого-то чудовища. Он был абсолютно голым, только все тело разрисовал красной краской.

С какой целью отец-настоятель появился в таком странном виде? Видимо, он решил поиздеваться над организованным поклонением детей долины и горного поселка богам Великой Японской империи. Я никогда не думал, что отец-настоятель, всю жизнь отличавшийся необыкновенной серьезностью, был способен на такие непристойные телодвижения, вполне соответствующие его «наряду». И вряд ли бы это вызвало громоподобный смех, если бы не директор, который самолично вмешался в происходившее на площадке перед храмом и тем придал событиям особый драматизм. Когда отец-настоятель сбегал вниз, директор, замерев в низком поклоне, стоял над ящиком для пожертвований. Услышав топот, он поднял голову и увидел, что отец-настоятель с грозным видом уже приближается к нему, готовый вспрыгнуть на ящик. Охнув, директор резко отпрянул, а его помощник и другие преподаватели, стоявшие позади, попадали, как сметенные с доски шахматные фигурки. Но тут же чувство ответственности у директора возобладало, и он двинулся наперерез. Тогда уже довольно пожилой человек, отец-настоятель сохранил, однако, силу и ловкость тех времен, когда среди ночи пугал детей дикими воплями. Точно щенка, он

пинком отбросил директора школы, чем вызвал еще один взрыв хохота. Потом спокойно отставил назад ногу в огромном ботинке и, аккуратно придерживая одной рукой маску, другой стал отбиваться от директора, который продолжал наскакивать на него. Наконец отец-настоятель спрыгнул с ящика, вернулся к храму, вошел под своды каменного тоннеля, из которого вытекал родник, и, выбравшись на другой стороне, стал подниматься по склону к Дороге мертвецов… Нам не было видно выхода из туннеля. И мы, только что от души смеявшиеся, наблюдая за схваткой, вдруг в страхе умолкли: нам показалось, что отец-настоятель, нырнув в озеро, ушел навсегда в мир иной… Но мы поняли, что отец-настоятель уходит в лес: неоднозначность восприятия свидетельствовала о силе нашего воображения, высвобожденного его танцем.

Директор школы, который во время сражения с отцом-настоятелем даже не почувствовал, что у него сломаны ребра, разумеется, не обратил внимания и на символический характер действий отца-настоятеля. А ведь наверняка он бы рассвирепел еще больше, если бы правильно понял его мысль. Получив первую помощь в школьном медпункте, директор пошел в полицейский участок,

откуда в сопровождении полицейского явился в сельскую управу. Деревенские власти решили организовать облаву на настоятеля, устроившего дебош во время молебна о даровании победы. Но едва было произнесено слово «облава», как деревенский староста и собравшиеся в уп– раве старики почувствовали себя неуютно. Эти люди при своей обычной сдержанности и даже апатии в случае необходимости могли обнаруживать завидную эмоциональность. Они стали горячо втолковывать директору-чужаку, что в нашем крае облавы непопулярны, что жители долины просто не знают, как их проводить. Тогда директор школы вызвался самолично возглавить поисковую команду, в которую войдут полицейский и добровольцы из пожарной дружины, и идти на розыски обезумевшего настоятеля. Нам в детстве, сестренка, много раз рассказывали страшные истории о том, что может случиться с человеком, вступившим в девственный лес за Дорогой мертвецов. Если он заблудится, то ему уже ни за что не возвратиться живым. Значит, настоятель, сойдя с ума и убежав в лес, просто хотел найти тихое, уединенное место и там умереть…

У директора школы оказались сломанными три ребра — от боли даже поднялась температура. Его

всячески уговаривали и в конце концов убедили в том, что ненавистный враг заплутает в лесу и погибнет, — это в значительной степени охладило его боевой пыл. Успокоившись, он пошел домой и лег в постель. И ему даже в голову не могло прийти, что дети, недавно присутствовавшие на молебне, как раз в это время засветили лампадки у алтарей Мэйскэ-сан и стали молиться за жизнь своих родных, ушедших на войну.

Через десять дней, поднявшись после болезни, директор пришел в школу, позвонил деревенскому старосте и узнал, что безумный настоятель вернулся из леса в храм и как ни в чем не бывало продолжает исполнять обязанности духовного служителя. При этом староста спокойно заметил, что можно только радоваться известию о том, как быстро человек, столько лет бывший настоятелем храма Мисима-дзиндзя в нашей долине, оправился от временного помешательства. Взбешенный директор пригрозил доложить властям о неуважительных действиях настоятеля и добавил, что попустительство таким поступкам заслуживает решительного осуждения. Чтобы доказать, сколь правильна его точка зрения в споре с недотепой старостой, он заявил, что хотел бы выслушать мнение интеллигентных

людей, эвакуированных в долину. Так дед Апо и дед Пери были втянуты в конфликт. Однако во время беседы в сельской управе они вопреки ожиданиям директора прилагали все усилия, чтобы вызволить из беды своего хорошего друга — отца-настоятеля.

Дед Апо и дед Пери, близнецы, чуть ли не с самого своего рождения посвятившие себя небесной механике, были хорошо воспитанными, образованными людьми. Именно поэтому они, при всей своей серьезности, умели радоваться комическим происшествиям. Вначале я был даже потрясен, увидев, с каким простодушным восторгом они выслушали рассказ о встрече, которую отец-настоятель устроил директору, когда тот привел школьников в храм на молебен. На следующий день после того, как отец-настоятель скрылся в лесу, у нас с ним, естественно, занятий не было, и я, только закончились уроки в школе, помчался к деду Апо и деду Пери, чтобы рассказать им о случившемся. Мне это было необходимо, чтобы решить, какую позицию я, как кровный родственник отца-настоятеля, должен занять в связи с его более чем странным поступком. Наивная радость, с какой дед Апо и дед Пери отнеслись к проделке отца-настоятеля, избавила

меня от мук и тревог, и в конце концов я сумел разделить их блаженное настроение.

Однако, сестренка, дед Апо и дед Пери не ограничились ликованием и смехом. Они поняли, что пляска в столь диковинном наряде, исполненная отцом-настоятелем, была танцем протеста, уходящим корнями в предания нашего края, и тут же стали вырабатывать план, как выручить его из грозящих ему неприятностей. Взвесив положение, они в моем присутствии распределили между собой роли защитника и обвинителя, чтобы решить, как следует поступать в сложившихся обстоятельствах. Стратегическая цель деда Апо и деда Пери состояла в том, чтобы не допустить изгнания отца-настоятеля из храма Мисимадзиндзя. Для этого, во-первых, необходимо было доказать, что отец-настоятель, несмотря на свой несколько эксцентричный поступок, вполне нормален. Засвидетельствовать это взялись дед Апо и дед Пери, длительное время общавшиеся с ним. Во-вторых, когда будет доказано, что отец-настоятель нормален, директор школы может выдвинуть обвинение в том, что срыв коллективного посещения храма и молебна является антигосударственным поступком. Как в таком случае реагировать? Ведь если директор доне-

сет о случившемся властям, отца-настоятеля не только выгонят, но и отправят в жандармерию. Условились так: на сцену выйдет дед Пери и разъяснит, что танец отца-настоятеля восходит к народным преданиям этого края. Я был слишком мал и не мог как следует осмыслить все нюансы. Но когда обсуждался второй этап и они передо мной разыграли сцену, где дед Апо выступал обвинителем — директором школы, а дед Пери — защитником отца-настоятеля, у меня, сестренка, помнится, сжималось сердце от страха, что им не удастся его спасти.

Дед Апо выдвигал такие обвинения:

— Настоятель появился в совершенно непристойном виде, начал носиться с криками и делал все, чтобы вызвать беспорядок и переполох среди преподавателей и детей, посетивших храм для совершения молебна о даровании победы в войне. Можно ли оправдать подобное хулиганство? До Реставрации Мэйдзи где-то в глуши, может быть, и полагали, что такие танцы способны умилостивить богов. Темные люди действительно верили в это. Однако Мисима-дзиндзя уже давным-давно занесен в «Книгу не облагаемых налогом храмовых владений» и испокон веков почитается всеми уважаемыми добропорядочными людьми.

Поступок, совершенный настоятелем, оскорбляет храм и его божество Котосиронуси-но-ками, это есть злое деяние, наносящее урон синтоистской религии Великой Японской империи. Причем настоятель совершил его в знаменательный день, когда дети под руководством директора школы и преподавателей молились о даровании победы в войне. Если это не антипатриотический поступок, то что тогда можно назвать антипатриотическим? В тот день школьники посетили храм, чтобы вознести молитву о победоносном завершении священной войны, о ниспослании успехов солдатам императорской армии, отправившимся на фронт из этой деревни. Никому не дано право насмехаться над святыми чувствами или препятствовать их проявлению. А настоятель храма Мисима-дзиндзя выскочил совершенно голым и начал буйствовать. Есть ли этому оправдания? — вопрошал в заключение дед Апо.

Дед Пери в ответ на сыпавшиеся одно за другим обвинения деда Апо, исполнявшего роль директора школы, лишь пренебрежительно хмыкал носом, всем своим видом демонстрируя презрение к этому инсценированному суду. Я не то чтобы потерял доверие к ним, но через какое-то время почувствовал безысходную грусть и

тоску. Вряд ли отец-настоятель, так решительно сражавшийся в дни пятидесятидневной войны в девственном лесу, погибнет у Дороги мертвецов. Но сможет ли он снова вернуться в храм, стоявший на самом высоком месте долины, в качестве его настоятеля? Не исключено, что его вообще увезут жандармы…

Однако когда собрались служащие сельской управы во главе со старостой, полицейский и старики долины и горного поселка и директор школы обратился к деду Апо и деду Пери, чтобы услышать их мнение, они произнесли заранее подготовленную речь в защиту отца-настоятеля и отстояли его. Началось с утверждения, что отец-настоятель рехнулся. Дед Апо это обвинение решительно отверг как человек, знакомый с его многолетними исследованиями местных легенд, и директор школы сразу же с ним согласился. Видимо, ему было мало того, чтобы отца-настоятеля просто признали душевнобольным и на этом основании лишили должности; директор школы решил пойти дальше — любыми средствами добиться, чтобы настоятелем занялась жандармерия. Если это произойдет, считал директор школы, то старики долины и горного поселка, которые смотрят на него как на чужака,

вынуждены будут признать его авторитет. И вот тут, когда директор школы, соглашаясь, что поведение отца-настоятеля — это поведение вполне нормального человека, поставил ему в вину непристойный наряд и танец, удар принял на себя дед Пери. Своим выступлением он наголову разбил обвинение.

— Отец-настоятель, — заявил он, — не ограничивая сферу своей деятельности исполнением обязанностей служителя храма, в течение многих лет изучает предания и обычаи этого края. И делает это на вполне профессиональном уровне. — Дед Пери подчеркнул последние слова, пустив в ход свой авторитет ученого, к чему прибегал лишь в самых крайних случаях. — Его исследования связаны с богами этого края, восставшими против прихода сюда богов Долины Высокого неба, то есть предков его величества императора, которые были изгнаны отсюда и объявлены демонами.

Директор распалился.

— Разве же укрывшиеся в горах местные боги, не признающие богов Долины Высокого неба, не есть самые настоящие демоны, разве они не духи зла, которые противятся летосчислению Великой Японской империи, ведущему начало

с эры богов? — пытался он заткнуть рот деду Пери. — Неужели человек, изучающий демонов и поклоняющийся злым богам, не является самым что ни на есть непатриотом из непатриотов? И такой человек, как это ни абсурдно, остается настоятелем храма в долине! В довершение всего сейчас, когда идет священная война и мы переживаем трудное время, он помешал детям вознести молитву о ниспослании победы и при этом еще нарядился демоном. Имеем ли мы право свести все происшедшее к простому недоразумению, касающемуся одной-единственной горной деревушки?

Дед Пери ответил на это так:

— Вы совершенно правы, настоятель изучал демонов — поверженных богов, которые скрылись в бескрайних лесах, окружающих эту долину. Он выяснил, как отражено падение богов в местном фольклоре, а потом, облачившись в соответствующий наряд, в ритуальном танце представил нам одного из этих демонов. Столь самоотверженный многолетний труд и столь смелое представление не было бы по силам человеку, страдающему душевной болезнью. Все говорит о том, что подобное предприятие требовало совершенно здоровой психики и тща-

тельного обдумывания. Настоятель облачился в наряд одного из поверженных богов этого края, обратившихся в демонов и укрывшихся в лесу, и в то утро, когда дети пришли в храм молиться о даровании победы, предстал перед ними в таком обличье. Демон вторгается во владения богов Долины Высокого неба. Что же означал его танец? Своим танцем он разоблачал низость и подлость врагов императора в священной войне, которую ведет армия Великой Японской империи в Китае, в странах Южных морей и на Тихом океане. Смысл танца подчеркивался нарочитой вульгарностью наряда. Все движения — предельно содержательны. Настоятель явился в обличье духа зла, не пользующегося популярностью в Великой Японской империи, но само здание храма не осквернил — он отступил, стремительно кружась в танце. Так он изобразил поражение в схватке с почитаемым в долине богом — хранителем храма Котосиронуси-но-ками. Высокий смысл этого ритуального танца в честь бога-покровителя, этого символического изображения схватки с невидимым противником — такие танцы приняты повсеместно — заключается в том, что бог-покровитель обратил демона в бегство на глазах у детей, пришедших в храм, чтобы

вознести молитву о даровании победы. Исполнив этот танец, настоятель удалился в лес, что должно было убедить детские сердца в ничтожестве тех, кто выступает против Великой Японской империи. И вот в это ритуальное действо грубо вмешался директор школы. Настоятель изображал схватку демона с невидимым противником в честь бога, и только бог был властен низвергнуть его. Директор школы не имел права удерживать настоятеля. В ответ тот вынужден был избить его, а это было нелегко — ведь директор школы, сознавая свой долг, изо всех сил сопротивлялся. Тем временем у настоятеля созрел план: якобы уверившись, что сам бог покровительствует противнику, он в панике бежал в лес, чем и завершил задуманный ритуал. Настоятель оставался в лесу в течение пяти дней, после чего, отмывшись от краски, вернулся в храм. Какие же антисинтоистские, антигосударственные умыслы содержали его действия? Скорее, самого директора школы следует привлечь к ответственности за то, что, удерживая в этот день настоятеля, он на глазах детей осквернил ритуал, уходящий своими корнями в народные обычаи. Исходя из характера действа, совершенного настоятелем, мы вполне можем утверждать, что человек, вступивший в

единоборство с демоном, присвоил себе права бога.

Тут директор школы понял, что остался в полной изоляции. К нам на Сикоку он был назначен по состоянию здоровья — ему был рекомендован мягкий климат (служа в Маньчжурии заместителем директора средней школы, он заболел туберкулезом и некоторое время провел в больнице). Не зная народных обычаев нашего края, он не мог опровергнуть деда Пери, аргументы которого произвели огромное впечатление на присутствующих стариков — это было совершенно ясно. И хотя то, что говорил дед Пери, попахивало неубедительной софистикой, первое сражение директор школы проиграл. Только позже, обманом перетянув на свою сторону некоторых учителей — уроженцев наших мест, он получил от них подтверждение, что подобный ритуал никогда раньше не совершался. После этого директор воспылал ненавистью не только к отцу-настоятелю, но и к деду Апо и деду Пери.

Споры, возникшие в связи с танцем отца-настоятеля, которым он встретил детей нашей долины, пришедших в храм помолиться о даровании победы, стали утихать, но, сестренка, сам отец-настоятель, выслушав подробный отчет деда Апо

и деда Пери, остался недоволен их действиями — это и мне сразу же стало абсолютно ясно. Дед Пери, предельно откровенный даже со мной, ребенком, потом с грустью спрашивал меня:

— Может быть, мы чем-то обидели твоего отца? Неужели он рассердился за то, что мы защищаем его таким необычным способом?

Так или иначе, но после того, что произошло, он перестал приглашать к себе в храм специалистов в области небесной механики. И снова принялся вдалбливать в меня мифы и предания деревни-государства-микрокосма, но, правда, теперь уже без свидетелей.

4

Я испытывал огромное уважение и даже любовь к близнецам — специалистам по небесной механике, являвшимся носителями какой-то иной, универсальной культуры, отличной от культуры нашего края, более того, я воспринимал их как олицетворение культуры в самом высоком смысле этого слова. И все же я чувствовал, что отец-настоятель в чем-то прав, выразив молчаливое недовольство тем, как они защищали его, стараясь удержать директора школы от доноса. Правда, понять, откуда у меня такое ощущение, я

был еще не способен. При этом мне казалось, что я и сам уже не принимаю с открытым сердцем самых добрых намерений деда Апо и деда Пери, и от этого мне становилось еще горше. Сейчас я мог бы так объяснить возникшую передо мной дилемму: умом я был на их стороне, а подсознательно держал сторону отца-настоятеля, на котором лежала тень Разрушителя. А косвенно это подтверждалось тем, что в меня часто вселялся злой дух, на меня находило какое-то странное наваждение.

Сам я толком не понимал истинной природы такого наваждения и поэтому не мог осознать, почему в меня вдруг вселялся злой дух. И с каких пор — я не в состоянии точно ответить, но именно эта одержимость была одним из первых воспоминаний моей жизни. В конце концов я решил про себя, что злым духом был Разрушитель. Воспоминания, которые я сейчас в себе воскрешаю, неясны и зыбки. Вначале во мне возникало лишь ощущение скованности тела и души, назвать это вселением злого духа — явное преувеличение. Если использовать сравнение, пришедшее мне на ум тогда, в детстве, такое ощущение, скорее всего, могло быть у человека, завернутого во влажную звериную шкуру. Жители горного поселка ходи-

ли в лес промышлять колонков и белок-летяг. Их освежевывали, шкурки выворачивали наизнанку, прибивали к доскам и сушили, выставив на солнце. И вот мне казалось, будто мое тело и душа втиснуты в мешок из такой же шкуры, вывернутой влажным мехом внутрь. В этом, собственно, и не было ничего мучительного или неприятного — просто страшно.

И сколько бы раз это ни повторялось, страх не исчезал. Казалось, что тебя, совсем крохотного, обнимает огромный мешок из шкуры, вывернутой влажным мехом внутрь, ты словно бы заключен в темную утробу великана…

Превращение в горошинку, упрятанную в утробу великана — я это помню совершенно отчетливо, — всегда было связано с преследовавшей меня в детстве зубной болью. Я был в полном смысле слова взращен на зубной боли. Как только она начиналась, я расковыривал вспухшую десну осколком камня и, когда оттуда фонтаном начинала хлестать кровь, с воплем терял сознание. Да, мое поведение действительно было странным. С точки зрения здравого смысла раздирать вспухшую десну осколком камня — это безумие. Но если вспомнить о вселявшемся в меня злом духе, то я только так и должен был поступать. Каждый

раз, когда у меня начиналась зубная боль, даже самая пустяковая, она загоняла меня в чрево великана. Там, заключенный в его темное нутро, я страдал от зубной боли. И когда я, громко вопя, расковыривал десну осколком камня — это тоже была одержимость злым духом…

Я заметил, что одержимость стала, если использовать сегодняшнюю терминологию, определяющим фактором, наложившим отпечаток на всю мою жизнь: примерно через полгода после того, как отец-настоятель в своем странном наряде бежал в лес, состоялся и мой выход на сцену — я совершил поступок, который прославил меня на всю долину. Ты, сестренка, должна хорошо это помнить. Даже нынешнее поколение воспринимает случившееся тогда как очередную легенду: когда я бросил изготовление бомб из обрезков металлических труб для революционной группы и, укрывшись в нашем доме, к тому времени уже наполовину развалившемся, только и делал, что спал круглые сутки, ребята из долины и даже из горного поселка приходили поглазеть на меня и при этом громко вопили: «Ну точно — длинноносый леший!»

В ночь, когда это произошло, я, собрав в кулак всю свою волю, сидел в темном доме, находя-

щемся в самом низком месте долины, где мы жили еще все вместе, правда без Солдата Цуюити, и дожидался, когда вы уснете. Поздно ночью, услыхав ровное сопение и убедившись, что все спят, я тихонько разделся догола. Потом ощупью спустился в комнату с земляным полом, где был кухонный очаг, и, приоткрыв рассохшуюся деревянную дверь, вышел во двор, залитый лунным светом. Была весна, все вокруг буйно цвело. Я направился к колодцу, вокруг которого росли абрикосы, юбы, вишни. Здесь я и должен был совершить задуманное. К голому худому боку я прижимал ящик от туалетного столика. В нем лежали румяна, оставшиеся от матери, изгнанной отцом-настоятелем из долины, — он заставлял тебя пользоваться ими, когда ты как жрица Разрушителя, подкрасившись, отправлялась в храм. Я иногда тоже забавлялся ими. Керамические баночки и бумажные мешочки были заполнены сухими спрессовавшимися порошками, источавшими резкие, но приятные запахи, и мне иногда приходило в голову, не всыпать ли их в еду вместо приправ. Но в ту позднюю ночь я, совершенно голый, вынашивал другой план — выкраситься кармином, лежавшим в ящике от туалетного столика. В небольшую выемку одного из камней,

которыми был обложен край колодца, я насыпал горку красной краски и налил немного воды. Глядя на эту лужицу, в свете луны казавшуюся темно-кровавой, я уговаривал себя: «Она такого же цвета, как багряные листья над головой. Днем она была бы ярко-красной». Окунув в нее ладонь, я стал раскрашивать свое тело, проводя полосы от шеи к груди от живота к ляжкам, от бедер к ягодицам. Закончив эту работу, занявшую немало времени, и поднявшись во весь рост, я увидел, что у меня ступни ног перепачканы так, будто я только что заколол свинью, но качать воду не стал, чтобы не разбудить спавших в доме. Пусть все остается как есть, решил я. Пройдя между двумя заборами, ограждающими соседские участки, я перескочил мощенную камнем дорогу и стал взбираться по склону к Дороге мертвецов. Полная луна стояла в зените, но ее свет едва пробивался сквозь густую зелень, и я даже ног своих не видел. Неведомая сила, вскипавшая в груди, гнала меня вперед, заставляла бежать все быстрее и быстрее. Не потому ли, думал я, что кто-то настойчиво зовет меня из леса? Нет, я решил вступить в лес по своей собственной детской прихоти. И, следуя лишь собственному замыслу, родившемуся в моей голове, разукрасил

тело красной краской. На всем пути до Дороги мертвецов мой мозг сверлила мысль: а вдруг мне встретится кто-нибудь из взрослых, которые сейчас, может, спускаются в долину, и при свете луны, сразу же узнав одного из близнецов отца-настоятеля и бродячей актрисы, окликнет: «Чего это ты задумал, мальчишка?» Я заранее решил: в таком случае нужно сделать все, чтобы меня приняли за Пересмешника. В одной из легенд нашего края рассказывается о Пересмешнике — мальчике, который лет в тринадцать перешел Дорогу мертвецов и, заблудившись в девственном лесу, прожил там больше трех лет. Каждый раз, встречаясь с людьми, пришедшими в лес на промысел, он пугал их громким раскатистым смехом. Раздевшись догола и разукрасив тело красной краской, я решил во всем повторять Пересмешника. Поднявшись достаточно высоко в горы, где можно было уже не опасаться, что встретишь кого-либо из долины, я, сестренка, вдруг почувствовал, как от одного лишь сознания, что я осмелился вступить в ночной лес, освещенный холодной осенней луной, обыкновенный детский страх сковывает мое тело. Я боялся, что меня сожрет демон, притаившийся в чаще леса. Голого, выкрашенного красной краской, он

уволочет меня туда, где собрались остальные демоны, готовые растерзать бедного мальчишку. Через двадцать лет после того случая я, сестренка, сидел во дворе ресторана «Оулд Дели», и, когда передо мной поставили жареного цыпленка, предварительно окрашенного кармином, у меня перехватило дыхание, будто я услышал далекое эхо той страшной ночи… Еще глубже под этим страхом, оставившим незаживающий след в моей душе, я отождествлял демона, поджидавшего в лесу голого, выкрашенного красной краской мальчишку, с Разрушителем. Как сложно, сестренка, все переплетено в сознании отчаявшегося ребенка, одержимого всепоглощающей идеей.

Тогда, поздней ночью, я, глубоко разочаровавшись в людях нашего края, бежал в лес. Отправляясь в путь, я не взял с собой ничего, лишь зажал в руке коробок спичек. Голый, выкрашенный в ярко-красный цвет, я искрой прорезал тьму, поглотившую дома, будто поджигал их в злобе и отчаянии. Еще только подумав о пожаре, я уже твердо знал, что никогда не решусь на такое, а спички, которые я унес из дома, стоявшего в самом низком месте долины, предназначались для поджога храма, находившегося в самом высоком ее месте… Думал ли я спалить

и жилище директора школы? Нет. Мысль о том, что жандармы арестовали деда Апо и деда Пери, послужила причиной крайнего моего отчаяния — она подогревала мою решимость бежать в лес. Нет никаких сомнений в том, что они попали в беду в результате происков директора школы. К стыду своему, я знал, что, если бы отец-настоятель не предал деда Апо и деда Пери, а директор школы ловко не воспользовался бы этим, ничего бы не случилось. Близнецы — специалисты по небесной механике в самом деле стали открыто демонстрировать директору школы полное презрение, от чего их прежде удерживало хорошее воспитание, а вот действия отца-настоятеля, в критический момент фактически отдавшего их в руки жандармов, вызвали у них лишь горестное удивление. Когда они под конвоем покидали долину, я, дрожа от стыда, провожал их взглядом и ждал, чтобы кто-либо из них, то ли дед Апо, то ли дед Пери, крикнул жандармам:

— Настоятель и есть изменник, арестуйте его!

Жандармерия была призвана разоблачать врагов внутренних и процветала только благодаря тому, что возвела свои действия в некий ритуал. Продираясь сквозь толпу — на улицу, казалось, высыпали все жители долины и горного посел-

ка, — они довели деда Апо и деда Пери до выхода из долины, все еще называвшегося горловиной. В том, что их забрали, были виноват отец-настоятель, и я, считая, что вина лежит на мне тоже, дрожал, сжавшись в комочек. Дети прорвали плотные ряды взрослых и, осыпая бранью таких близких мне деда Апо и деда Пери, шли за ними до самой полицейской машины, стоявшей за горловиной. Я, опередив всех, добежал до выхода из долины и дожидался их там. По обеим сторонам дороги еще оставались следы разрушений, произведенных во время пятидесятидневной войны. Там было одно место, где громоздились густо заросшие падубом огромные кучи камней, скатившихся по склону, — от этого дорога стала совсем узкой. Здесь я и устроился. Сжавшись и дрожа всем телом, я был охвачен неким предчувствием. И предчувствие оправдалось. Дед Апо и дед Пери, потупившись, плелись по грязи, их подгоняли с двух сторон жандармы, а они, связанные, все-таки кивнули мне, но так, чтобы люди, лишившие их свободы, не заметили этого. Подали тайный знак мне, притаившемуся у камней, поросших падубом. Головы близнецов, напоминавшие идеальной формы куб, сейчас распухли и, казалось, увеличились в полтора раза; очки они

потеряли и, наверное, ничего не видели вокруг. Перед тем как их втолкнули в машину, чтобы отвезти в жандармерию, они кивком подали знак мне, дрожащему, низвергнутому в бездну горя, как бы говоря: «Ничего не поделаешь. Не принимай этого так близко к сердцу — у твоего отца не было другого выхода». И тогда я вознес молитву Мэйскэ-сан, чтобы толпившиеся вокруг в мгновение ока превратились в мятежников и отбили у жандармов обоих специалистов по небесной механике! Точно испугавшись этого, полицейская машина и военный грузовик стремительно сорвались с места, обдав выхлопными газами мальчишек, шнырявших в толпе и вопивших: «Шпионы, изменники!..»

Правильно ли я понял это великодушие деда Апо и деда Пери, когда, дрожа от стыда и возмущения, стоял под кустом падуба? Действительно ли своим кивком они искренне прощали отца-настоятеля за невольное предательство? Близнецы — специалисты по небесной механике больше никогда не вернулись в долину, после войны я даже не смог выяснить, живы ли они, и, как мне кажется, уверовал в их великодушие только потому, что очень хотел именно так истолковать прощальный жест. И каждый раз, вспоминая о

том, как, связанные, собрав всю свою волю, они кивнули мне, я словно слышу, как один из них произносит, а другой при этом беззвучно шевелит губами, такие слова: «Ничего не поделаешь. Не принимай этого так близко к сердцу — у твоего отца не было другого выхода»…

Именно потому, что дед Апо и дед Пери кивнули мне тогда, я не мог простить отцу-настоятелю то, что он сделал. То, чего не сделать не мог. В течение нескольких дней во мне ярким пламенем вспыхивала непреодолимая тоска, пока я, раздевшись догола, не выкрасился красной краской и не отправился по склону к Дороге мертвецов.

Поднявшись выше храма Мисима-дзиндзя, я оставил мысль о том, чтобы устроить прощальный фейерверк, и выбросил в густые темные заросли коробок спичек. Выкрашенный в красный цвет, точно искра пламени, взметнувшегося над храмом, я мчался по дорожке лунного света, совсем забыв об идее поджога. Почему? Да просто как человек деревни-государства-микрокосма я не мог не отбросить эту мысль. Ведь по той же самой причине отцу-настоятелю пришлось подло изменить своим принципам, поддержать директора школы в его грязных махинациях и отдать деда Апо и деда Пери в руки жандармов. Даже я,

ребенок, считал самым что ни на есть важным, чтобы его не выгнали из храма Мисима-дзиндзя, чтобы он остался жить в нашей долине и следил за ходом истории деревни-государства-микрокосма. Но отвращение и более того — ненависть, испытываемые мной к отцу-настоятелю, гнали меня через рощи и фруктовые сады к Дороге мертвецов.

Негодование и стыд, не находя выхода клокотавшие в моем выкрашенном красной краской теле, привели меня к окончательному решению. Нужно отказаться от занятий с отцом-настоятелем, на которые он обрек меня, еще когда я не ходил в школу. Но, если я останусь в долине, отец-настоятель силой удержит меня при себе. Чтобы любой ценой не допустить этого, я и бежал в лес. С такими мыслями вспоминал я полных благожелательности специалистов по небесной механике. От побоев их лица перекосились, покрылись ссадинами и кровоподтеками, но все равно не казались такими противными, как неопрятное лицо отца-настоятеля, заросшее редкой щетиной. Я бежал в лес, чтобы никогда не видеть его лица, не вдыхать запаха его тела. И тем не менее выискивать способ изгнать отца-настоятеля из долины казалось мне чудовищным,

будто это означало предательство по отношению к Разрушителю. Отказавшись от мысли поджечь храм и лишь сверкнув, как магическая искорка, своим голым, выкрашенным красной краской телом в дорожке лунного света, я нырнул во тьму и, в кровь раздирая ноги о кусты, росшие на склоне, направился выше в лес…

Да, тот день, когда я, выкрасившись, ушел в лес, положил конец моей учебе у отца-настоятеля. Я исполнил то, что подсказало мое детское сердце, истерзанное стыдом и негодованием. Долгих пять лет после этого я ни разу не взглянул на него, не перемолвился с ним ни словом. В ту ночь отец-настоятель потерял сына — того самого, который прежде паясничанием отвечал на ежедневные занятия. Он сам понял мое состояние, и после того, как меня, до предела изможденного и ослабевшего от долгих скитаний по лесу, наконец нашли, принесли в долину и выходили, ни разу не позвал меня в храм. Хотя и платил деньги людям, которые взяли меня к себе и выхаживали. Еще целых полгода после того, как меня принесли из леса, обвинения директора, выдвинутые против отца-настоятеля и в конечном итоге послужившие причиной ареста деда Апо и деда Пери, оставались в силе. Следствие

по делу деда Апо и деда Пери продолжалось, и отец-настоятель каждый день с волнением ждал вызова на допрос. Но и позже занятия со мной не возобновились.

Поднимаясь по склону, где росли фруктовые сады, я увидел перед собой опушку девственного леса, куда с трудом проникал лунный свет, и замер, будто натолкнувшись на непроходимую стену. Я обернулся — вся долина была залита лунным светом и выглядела кувшином, наполненным белесой водой. С тех пор, сестренка, как мне показали статью одного историка, в которой говорилось, что люди из соседних мест называли наш край «погребальной урной», я стал именно так воспринимать открывшийся мне тогда ночной пейзаж, освещенный полной луной. Там, где я, перед тем как вступить в лес, остановился, обнаженный, был край огромной погребальной урны, ассоциирующейся со Страной мрака. Видимо, я очень недолго любовался матовым блеском нашей долины. В узком промежутке между долиной и девственным лесом я, точно заряжаясь силой от уходящих вдаль шатров толстенных деревьев, не мог долго оставаться в неподвижности. Что же за сила протягивала невидимые руки мне, раскрашенному красной краской, покрытому гусиной

кожей от пронизывающего холодного ветра, с израненными, окровавленными ногами? Этой силой, как я думал, мог быть только Разрушитель. Наш край со всеми его легендами представляет собой микрокосм, говорили дед Апо и дед Пери, и я чувствовал, что весь этот микрокосм до краев заполнен телом и душой великана Разрушителя.

5

В чем состояло предательство отца-настоятеля, из-за которого дед Апо и дед Пери были посажены в тюрьму? В то время, когда это произошло, я еще не был в состоянии правильно оценить суть случившегося. Но даже мне было ясно, что пойти на предательство его вынудили в ходе сложного и длительного следствия. Первым толчком послужил донос директора школы в министерство внутренних дел. По этому доносу в затянутую туманной дымкой долину прибыли на автомашине агенты отдела тайной полиции префектурального полицейского управления. Они увезли отца-настоятеля в соседний город в низовьях реки, учинили обыск в храме и конфисковали собранные им материалы, касающиеся легенд нашего края, и его собственные записки. Меня, сестренка, которого отец-настоятель готовил к

исполнению миссии летописца деревни-государства-микрокосма, случившееся буквально потрясло. С того утра и до дня его предательства, все время, пока он был в беде, я, напрочь вырвав из своего сердца неприязнь, которую питал к нему за то, что он выгнал мать, вновь ощутил наше кровное родство. Образ отца-настоятеля был для меня неразрывно связан с мифами и преданиями нашего края, которым он меня обучал, и я, в надежде спасти их и выручить его самого, хоть и сознавал свое полное бессилие, вертелся возле взрослых, пытаясь что-либо проведать. Дед Апо и дед Пери в первом сражении одержали блистательную победу, однако контрнаступление, предпринятое директором школы через полгода, поставило их самих в весьма опасное положение. К тому же все помнили, сколь упорно они боролись за отца-настоятеля. Заглянув в дом, который они снимали, с заднего двора, где раскинула свои ветви огромная темная смоковница, можно было увидеть, как оба — небритые, с мрачными, замкнутыми лицами — сидели за столом и что-то писали. Специалисты по небесной механике обращались к своим знакомым из университета с просьбой помочь отцу-настоятелю, его увезли с собой агенты тайной полиции в соседний

город, а старики долины при этом пальцем не пошевелили в защиту. Направляясь на почту, чтобы позвонить по междугородному телефону, братья скупо перебрасывались словами с таким суровым видом, что было странно — как могли так привязаться к ним дети долины.

На следующий день после того, как отца-настоятеля увезли жандармы, директор школы торжествовал победу. На утренней линейке он объявил об этом во всеуслышание. С гаденькой улыбкой на своем болезненном, одутловатом лице, почти лишенном подбородка, он заявил:

— Посещение храма для вознесения молитвы о даровании победы, которое мы предприняли с самыми чистыми помыслами, уже приносит свои плоды, в чем вы сами теперь убедились.

Сказав это, он приказал повернуться к востоку и отвесить церемониальный поклон. Потом мы прокричали хором: «Да здравствует Великая Японская империя, да здравствует его величество император!»

— Дурацким, безумным поступком был сорван молебен о даровании победы, ради которого мы с открытыми сердцами пришли в храм. Подобное бесстыдное поведение не должно поколебать нашей чистосердечной преданности (смирно!)

его величеству императору (вольно!), — снова выкрикнул он.

Многие сразу же повернулись в мою сторону — ведь я был в кровном родстве с отцом-настоятелем, на которого столь явно намекал директор школы. Но я, сестренка, беспокоился в тот момент не о себе, нет — только о тебе. А ты, отважно игнорируя взгляды окружающих, излучала безмятежность. Ты пребывала в прекрасном настроении…

Во время той утренней линейки ребята, родители которых эти полгода поддерживали директора школы, все смотрели в мою сторону. Как только нам разрешили разойтись, они кинулись ко мне. Я оказался в кольце старшеклассников, обступивших меня стеной, как бы отгородив от остальных учеников, толпившихся на спортивной площадке. Они переговаривались между собой, по-всякому прохаживаясь на мой счет, как будто меня тут не было.

— Такое дело, а он притворяется, будто это к нему не относится! Молчит себе преспокойно! Ни стыда ни совести!

Я был потрясен арестом отца-настоятеля, но все же смог сохранить самообладание, чтобы продемонстрировать полнейшее безразличие к

окружившим меня ребятам. К тому же моими противниками были крепкие старшеклассники из горного поселка, от которых трудно было ждать сострадания даже в такие минуты, когда зубная боль заставляла меня прибегать к странной операции.

В этот раз все обошлось, но, разумеется, совсем избежать наказания, в какой бы форме оно ни проявилось, было не в моей власти. Во второй половине дня директор, ездивший после утренней линейки в полицейское управление соседнего города, вернулся назад на лесовозе и снова построил на школьном дворе ребят, еще не успевших разойтись по домам. Он говорил взволнованно и очень громко. Вид у него был крайне возбужденный.

— То, что из префектуры прибыли агенты тайной полиции, — это чрезвычайно важно. Расследование идет весьма успешно. Как оказалось, сумасшедший старик настоятель пытался усомниться в святости живого бога на земле — его величества императора, потомка вечной императорской династии. Чудовищная, непозволительная крамола! Он упрямо твердит, что в этой маленькой долине и в окружающих ее лесах с самого сотворения мира обитает бог в облике

человека, который сейчас где-то укрылся, но существует в сердцах людей. А разве хорошо, что в эту нелепую, дикую выдумку слепо верят жители деревни, пусть и затерявшейся в дальних горах, в самый ответственный период истории нашей империи? Было бы, разумеется, несправедливо всех жителей деревни считать непатриотами. Но почему же ваши отцы и матери терпели в настоятелях безумца, отстаивающего заведомую чушь? Утверждающего, что испокон веков, со времен появления, дескать, этой долины, где-то здесь существует человек, достигший уже чуть ли не семисотлетнего возраста, что сейчас он скрывается в лесах и что он бессмертен. Да быть такого не может! Ведь это понятно даже школьникам, правда? До какого возраста обычно доживает человек? Вспомните, сколько лет вашим дедушкам и бабушкам. В каком возрасте человек перестает расти? Покажите мне человека, который бы рос после ста лет и был выше нашей школы!

Я вместе со всеми учениками стоял в строю и слушал бесконечные разглагольствования директора. Мне было тошно. Я понял, что отца-настоятеля вынудили при допросе рассказать о Разрушителе нашим врагам — агентам тайной полиции, прибывшим из внешнего мира, и, хотя

у него были изъяты обличающие материалы, сделал он это, конечно, только после жестоких пыток. Таких жестоких, таких невыносимых, что даже этот еще не старый и волевой человек могучего телосложения, который физической силой выделялся среди многих, вынужден был во всем сознаться. Меня охватил такой ужас, что даже затошнило. Но в какой-то момент я не смог сдержать смеха, и он достиг ушей директора. Это случилось после того, как он, назвав легенды о Разрушителе глупейшей выдумкой, провозгласил:

— Даже если до сих пор вы разделяли это заблуждение, то сейчас должны понять, что думать так — позорно и дико! Разве можно верить в то, что, кроме его величества императора, есть еще один бог на земле и он скрывается в горах?

Я стоял потупившись, но тут мои плечи начали содрогаться от неудержимого смеха. Я вдруг подумал: «Достаточно поднять голову, чтобы увидеть тополь-великан, который высится на утесе. Как же можно называть глупейшей выдумкой легенды о Разрушителе, который так долго упражнял свое тело на его могучих ветвях, что они согнулись? Разрушитель, которому перевалило за сто, продолжая расти, превратился в

великана и лишь на время покинул нашу долину. Если нелепа сама мысль о том, что в какие-то моменты он возрождался и подчинялся законам времени, по которым живет наш край (как я нарисовал на двух листах), тогда, значит, и долина, и горный поселок, и даже лес — не более чем сон? Тогда получается, что и я, стоящий среди детей на школьном дворе в долине, окруженной лесом, тоже сновидение? Но чье сновидение?» Вот тут-то я и рассмеялся. Да так, что директор школы, распаленный своими выкриками с трибуны, вынужден был заткнуться.

Приказав мне стать по стойке «смирно», директор школы наклонился и, удерживая меня одной рукой, другой стал хлестать по щекам. Он долго избивал меня. Но еще невыносимее, чем боль, было ощущение его холодной мягкой ладони. Неожиданно удары, градом сыпавшиеся на меня, стали приносить облегчение — оно было ниспослано Разрушителем. Я испытывал уже не боль, а нечто совсем иное. Будто я маленькой горошинкой спрятался в теле великана, будто меня завернули во влажную шкурку колонка или летяги — вот что мне казалось. Перед глазами этой горошинки предвечерняя долина погружалась в сумерки, ветер гнал палую листву — я

словно видел коричневатую фотографию в овальной рамке. На этом фоне крохотный директор школы, вытянув тощую руку, бил меня по лицу. Его маленькие, горящие от злобы глазки цикады стали бессмысленными, как у всякого человека, которого переполняет злоба. Наконец, точно отхаркиваясь, он рявкнул:

— Пошел домой! — и оттолкнул меня рукой, похожей на лапку жука-носорога…

Я вернулся в наш дом, стоявший в самом низком месте долины, через заднюю калитку спустился к реке, вошел в нее по колено, глубоко вздохнул и, опустив в воду голову, задержал дыхание. Так я охлаждал щеки — они у меня перед тем, как распухнуть, не столько болели, сколько пылали и чесались. Одновременно я думал о Разрушителе, который развел в этой реке рыбу, чтобы людям, построившим новый мир в долине и горном поселке, было чем кормиться. И все время посмеивался: если эта полуразрушенная огромная запруда, если эта река и струящаяся между пальцами вода не сон, как же можно считать глупой выдумкой существование Разрушителя?

На следующий день я не пошел в школу и лежал в постели, а ты, сестренка, вернулась домой с поручением от деда Апо и деда Пери. Ничем

не прикрывая своего лица в кровоподтеках, раздувшегося, будто резиновый мяч, я послушно отправился к ним. Они внимательно осмотрели мои уши, в которых застыли сгустки крови, разодранные губы, достали что-то из аптечки и принялись обрабатывать раны. Потрясенные жестокостью наказания, близнецы старались скрыть от меня выражение непереносимой муки на лицах, а я, сдерживая слезы, рассказывал о том, как смеялся над разглагольствованиями директора. Я пытался представить дело так, будто сознательно отплатил ему смехом за оскорбление, которое он нанес долине, горному поселку, всему лесу и, наконец, Разрушителю. На самом же деле я просто не смог сдержать вырвавшийся наружу смех. Не знаю, было ли это сознательным вызовом болтовне директора, но избивал он меня долго — что верно, то верно. Оба специалиста по небесной механике грустно улыбались, изобразив на своих небритых и тоже припухших печальных лицах сочувствие и восхищение. Их лица были для меня раскрытой книгой. Я на всю жизнь сохранил это в своей памяти.

Дед Апо и дед Пери позвали меня к себе потому, что им тоже удалось выяснить — правда, совсем не тем путем, к которому прибег директор шко-

лы, — о чем говорил под пыткой отец-настоятель. Хотя они понимали, что я еще слишком мал, но сочли возможным рассказать мне обо всем откровенно и подробно. Я думаю, сестренка, что, сопоставив услышанное от директора школы с одной стороны, и от деда Апо и деда Пери — с другой, сумел уже тогда правильно понять причины того, что произошло в полиции. У тайной полиции префектурального полицейского управления, безусловно, не было особой уверенности в том, что какой-то настоятель затерявшегося в горах храма действительно изобличен как заговорщик. В конечном итоге деда Апо и деда Пери сделали козлами отпущения и арестовали их, а отца-настоятеля выпустили на свободу. Выходит, в тайной полиции, явно желавшей замять дело, прислушались к мнению двух эвакуированных в долину интеллигентов и вызвали на допрос автора доноса — директора школы. Таким образом, получилось, что дед Апо и дед Пери взялись за один конец веревочки, связывавшей отца-настоятеля с властями, а директор — за другой, и в дальнейшем это привело к непредвиденным результатам.

Дед Апо и дед Пери опасались, что я буду потрясен, когда узнаю, что наговорил в полиции

отец-настоятель. В самом презираемом учреждении Великой Японской империи он счел возможным рассказать о жизни и неоднократных возрождениях Разрушителя. Разве тем самым он не нарушил одну из главных заповедей, которую сам же вдалбливал мне в голову, занимаясь моим воспитанием?

— Это из-за того, что его пытали, — отвечал я, охваченный стыдом за отца-настоятеля, сломленного полицией. Однако дед Апо и дед Пери грустно, но с поразительной убежденностью заявили:

— Обычную пытку, думается, он смог бы выдержать. Это стальной человек, хотя он и не молод. Но когда его арестовали и ему пришлось спать в камере на голом полу, у него случился приступ. Вот этим все и объясняется. Колотили по ногам, а это у него самое слабое место…

— У него же ревматизм! — закричал я со слезами в голосе, словно мне самому был нанесен жестокий удар в солнечное сплетение.

Ноги, сестренка, были единственным уязвимым местом у отца-настоятеля. Однако дед Апо и дед Пери, как настоящие ученые, стремились самым тщательным образом разобраться в мельчайших деталях и, считая, что существует еще

по меньшей мере один непроясненный момент, высказали такую точку зрения:

— Нет, ревматизм тут ни при чем. Думается, виной всему еще более мучительная болезнь — подагра. Как правило, японцы ею не страдают, но мы все же думаем, что у него именно подагра. Ведь в жилах твоего отца течет и русская кровь. Как у него раньше протекали приступы?

— Суставы на большом пальце левой ноги вспухали и очень болели. Самая страшная боль начиналась на третий-четвертый день, а после этого она быстро проходила. Но даже если бы ему угрожали, что будут бить по больной ноге, он бы все равно ничего не стал рассказывать!

Дед Апо и дед Пери, повернувшись ко мне, внимательно слушали мою пылкую защитительную речь, и их печальные лица вдруг покраснели. Больше они и словом не обмолвились о том, что случилось с отцом-настоятелем в полиции, только начали меня успокаивать, уверяя, что теперь приступы с каждым днем будут все легче. Вспоминая об этом в лесу, я, выкрашенный сверху красной краской, чувствовал, как внутри у меня все пылает от стыда и негодования.

Я был убежден, что никакие страдания, будь то ревматизм или болезнь, которую они называ-

ли подагрой, не заставили бы отца-настоятеля предать деда Апо и деда Пери — его искренних доброжелателей и защитников. Нет, он сделал это, когда самая страшная боль уже прошла и только ее тлеющие угли жгли суставы большого пальца. Получив возможность вспомнить свое прошлое и подумать о будущем, он вступил в сговор с директором школы, с которым его свели в полиции, и предал деда Апо и деда Пери. Тайная полиция, арестовав отца-настоятеля и подвергнув его допросу, смогла в общих чертах уяснить обычаи и верования нашего края, во многом не совпадающие с догматами синтоизма — официальной религии Великой Японской империи. Разумеется, можно было привлечь его к ответственности за распространение преданий о Разрушителе — боге в облике человека, не являющемся потомком вечной императорской династии. Однако состряпать против отца-настоятеля обвинение в пропаганде антигосударственных идей оказалось делом довольно сложным. По мере того как отец-настоятель приводил все новые подробности, излагая легенды о Разрушителе, вопрос о существовании в горной деревушке бога в облике человека все больше выходил за рамки, которыми хотела бы ограничить дело

тайная полиция. Видимо, заметив растерянность допрашивающих, сообразивших наконец, что происходит, отец-настоятель постарался своим рассказом еще больше закрепить произведенное им ошеломляющее впечатление. Благодаря этому полиция все больше убеждалась в неуязвимости отца-настоятеля, рассказывающего какие-то нелепые мифы и предания своего края, и позиция доносчика — директора школы — становилась все более двусмысленной. Ведь, рассылая повсюду свои доносы об антигосударственном заговоре, — даже в министерство внутренних дел, — он фактически с помощью полиции сводил личные счеты с обидчиком.

Когда растерянность полиции стала очевидной, директор школы, опасаясь обратной реакции, изменил тактику. В целях самозащиты он, не колеблясь, уговорами и угрозами постарался заключить союз со своим бывшим противником, то есть с отцом-настоятелем. Директор много раз ходил в полицию и подолгу беседовал с ним. Его новые рассуждения сводились к следующему:

— Настоятель в течение многих лет собирал легенды, бытующие в долине и горном поселке. Его деятельность можно рассматривать как этнографические изыскания, которые весьма популярны

по всей Японии среди тех, кто испытал на себе влияние Кунио Янагиты. Или даже как нечто более актуальное. Однако два специалиста по небесной механике, эвакуированные в долину, услышав от настоятеля эти мифы, трактовали их с антигосударственных позиций и даже попытались ввести в заблуждение самого настоятеля. Их главная идея состояла в том, чтобы доказать существование в этой небольшой долине еще одного государства, независимого от Великой Японской империи, и еще одного бога в облике человека, кроме ныне правящего потомка вечной императорской династии. Именно поэтому я и сам вначале неправильно истолковал своеобразные идеи настоятеля.

После того как в предательском сговоре директор школы и отец-настоятель выработали линию поведения, оставалось лишь убедить отца-настоятеля припомнить и засвидетельствовать, как дед Апо и дед Пери высказывались об услышанных преданиях. Он и привел сочувственные и восхищенные высказывания двух специалистов по небесной механике о том, что этот край, переживший расцвет и упадок, не просто заброшенная деревенька, но некое независимое государство и даже микро– косм…

Получив эти свидетельские показания, жандармы прибыли в долину и в деревенской управе учинили допрос деду Апо и деду Пери. Отец-настоятель, которого привезли из полицейского управления для очной ставки, был очень слаб и вскоре ему разрешили вернуться в храм, находившийся в самом высоком месте долины. После этого жандармы увезли с собой деда Апо и деда Пери, а они на прощание дали мне тайный знак, когда я притаился у падуба, росшего в камнях. Раздираемый не только стыдом и негодованием, но и невыразимой печалью, я целых пять дней в отчаянии обдумывал, что бы мне совершить, и наконец, выкрасившись красной краской, бежал из освещенной полной луной долины во тьму леса…

6

Оставив далеко за собой залитую лунным светом, словно окутанную туманом долину, я пробрался через фруктовые сады, небольшие рощицы и остановился на опушке мрачного леса. У меня был вывихнут палец на правой ноге. Но я очень торопился и пожалел время на то, чтобы осмотреть палец, — я просто зарыл ногу в палую листву, успокаивая боль, и немного передохнул.

На этот раз, однако, боль не позволила мне снова почувствовать себя маленькой горошинкой в теле огромного Разрушителя, под его защитой. Я был вне Разрушителя. А ведь шел именно затем, чтобы встретиться с ним. Мое красное тело с прижатыми к бокам руками, маленькое, как личинка жучка в палой листве, наклонившись вправо, замерло в неподвижности, но я знал, что нахожусь в том самом месте, которое послужит для меня отправной точкой, откуда начнется мой путь в лес. Теперь мне нужно было идти перпендикулярно мерцавшей в свете луны, едва обозначенной линии Дороги мертвецов. Вдруг, точно прозрев, я почувствовал, что понимаю, ради чего она строилась. Она была огромным алтарем, где, уходя в лес, совершали свои жертвоприношения люди нашего края. Обращенные ко мне деревья девственного леса пропускали лунный свет, и глаза, привыкнув к чередованию светлых и темных полос, стали различать родник справа и ствол огромного вяза слева. Значит, сестренка, я добрался до того места, где останавливались поднимающиеся из долины перед тем, как пересечь Дорогу мертвецов. Ну точно специально выбрал. Я оторвал взгляд от корней вяза, ползущих по земле, — они волнами вздымались под опавшей

листвой и тянулись к черному стволу, к редким веткам. Там, в их причудливом переплетении, где иссиня-черное небо при свете невидимой отсюда луны скрывало звезды, чудились лица умерших в долине и горном поселке. Другую их половину — они утонули в роднике — я, должно быть, увижу на поверхности воды, поглотившей мерцание темного неба. Ободренный молчаливым присутствием рядом со мной всех, кто умер, начиная с основания нового мира, я стал медленно подниматься к Дороге мертвецов. Вывихнутый палец сковывал движения. То, что я ощущал, сестренка, можно передать словами: «Ну точно хромой пес!» Ступив на камни, которыми была вымощена Дорога мертвецов, я неловко задел больную ногу и потерял равновесие. Камни, освещенные лунным светом, проникавшим сквозь просветы в кроне, выглядели волнующимся морем. У меня закружилась голова. Чтобы не упасть, я подался вперед, протянул руки к темной громаде леса и выставил луне голый, выкрашенный красной краской зад. И в такой позе, сестренка, пересек Дорогу мертвецов.

И вот я вступаю в мрачный, темный лес, наполненный запахами нерожденного прошлого и умершего будущего. До сих пор, сестренка, я

тебе никогда не говорил о том, что пережил тогда в лесу, а вот теперь обращаюсь к тебе, хоть ты снова куда-то исчезла. Об этом не знает ни один человек, и я лишь мечтал, что когда-нибудь все смогу тебе рассказать. Рассказать о том, как я, пробираясь сквозь черные заросли, преодолел страх в первую ночь в лесу. Помня о больном пальце и двигаясь очень осторожно, я все-таки ухитрился сразу же налететь на поросший мхом огромный камень, а потом на поваленное дерево и упал, но не спасовал — тут же вскочил на ноги и, протянув руки в непроглядную тьму, продолжал пробираться вперед, объятый непередаваемым страхом. Тем не менее я хочу похвастаться перед тобой, сестренка: в конце концов мне удалось преодолеть его, этот страх. Я двигался вперед, разгребая руками густой, точно вода, ночной воздух непроницаемо темного леса, и страх громыхал во мне, словно вложенный в грудь камень. Трудно передать все это. Разве что воспроизвести снова: раздеться догола, выкраситься в красный цвет и еще раз пережить разлившуюся во мне дрожь, от кожи до внутренностей. Но страх, охвативший меня, когда я вступил в лес, был совсем другой, непохожий на тот, вызванный сказкой, когда я бежал однажды по дороге, поднимавшейся

в горы. Меня нисколько не пугали обитавшие там дикие собаки. Пробираясь во тьме, я, голый, выкрашенный красной краской, был такой же одичавшей собакой. Если собаки и появятся, они обнюхают меня и, приняв за своего, преспокойно уйдут, думал я. Исчезла и тревога, что в глубине леса меня кто-то подстерегает, чтобы сожрать. Разрушитель, к которому я приду в конце своих блужданий по темному лесу, меня не съест — он вовсе не дьявол. Что же тогда так страшило меня? «Большие обезьяны», которых я боялся, когда, играя на Дороге мертвецов, смотрел сквозь заросли редкого подлеска, по которому брел сейчас как беспомощный слепец. Невыразимый страх охватывал меня при мысли, что я на ощупь пробираюсь по их владениям…

«Большие обезьяны». Ты тоже, сестренка, не раз, приходя играть на Дорогу мертвецов, должно быть, видела их. Запах прели от опавшей листвы, желтовато-зеленые, казавшиеся объемными, трубки света, и в них — словно в луче прожектора — пляшет пыль старой коры деревьев, летящая сверху пыльца. Таков девственный лес внизу. Будто прячась за стволами огромных деревьев, укрывшись за поросшим мхом валежником и огромными валунами, замерли «большие обе-

зьяны». А вдруг существа, представлявшиеся «большими обезьянами», — это просто замшелые камни?.. Девственный лес начинается с нагромождения этих огромных камней… Но даже если склонившиеся в поклоне существа на самом деле камни, то все равно это «большие обезьяны», только уже окаменевшие. Ведь мы, дети, воспринимали их как останки обезьян, убитых ведомыми Разрушителем созидателями, и это заронило в наши души смутное чувство вины.

Помня все это, я глубокой ночью, обнаженный, вошел в лес. Мне предстояло пройти через то место, где сгрудились окаменевшие останки «больших обезьян». И они, радуясь, что их многовековое терпение вознаграждено, схватят из засады голого, красного, ослепшего в темноте ребенка, и накажут неизвестно за что. Может быть, и тот камень, за который я задел вывихнутым пальцем, был головой предводителя этих бесчисленных «больших обезьян»? Но у меня и мысли не было вернуться назад, в долину, поэтому не оставалось ничего иного, как преодолеть нагромождение камней у опушки, где начиналось царство «больших обезьян». Можно даже сказать так: это было испытание, ниспосланное мне Разрушителем. Испытание невероятным стра-

хом, который меня обуял. Я шел в наполненной страхом тьме, стиснув зубы, чтобы не взмолиться прежде, чем меня схватят поджидающие в засаде «большие обезьяны»:

— О, большие обезьяны! Я не унаследовал крови Разрушителя и созидателей. Мои родители — чужаки: настоятель храма Мисима-дзиндзя и бродячая актриса, танцевавшая у нас на празднике урожая. Я родился в этой долине — верно, но меня не связывали кровные узы с живущими там людьми. Большие обезьяны, кровные узы не связывают меня с теми, кто в давние времена истреблял вас!

Несмотря на поднявшийся во мне страх, я удержался от этого крика в ночном лесу — ведь никто из нашего края не мог меня увидеть здесь, никто не мог меня услышать; и всякий раз, подумав так, мотал головой, как бы отгоняя эту мысль из страха, что духи могут ее прочесть. Но была и другая причина. Я вступил в лес, чтобы утвердить прямо противоположное тому, о чем взывал к «большим обезьянам», тому, что несли всплывавшие в моем сознании мысли. Сегодня я бы выразил свой план такими словами: рожденный чужаками в этом краю, не унаследовав крови созидателей деревни-государства-микрокосма, я

хотел изменить свою природу. Ради того, чтобы превратиться в истинного жителя нашего края, я готов был вступить в ночной лес, пробраться сквозь скопища «больших обезьян» и разыскать Разрушителя. Только если бы мне удалось сродниться с нашим краем, я смог бы полностью освободиться от власти отца-настоятеля, предавшего деда Апо и деда Пери.

…Двигаясь вперед в непроглядной тьме, в своих долгих блужданиях по лесу я вдруг почувствовал, что неведомая сила, противиться которой было невероятно трудно, начинает вести меня в определенном направлении. Я стал все больше отклоняться влево. Явно потому, что рельеф имел тот же уклон. Если бы я широко открытыми глазами мог видеть, что делается впереди, мне удалось бы преодолеть склон, сохраняя равновесие. Но, вытянув во тьму руки, подволакивая ногу, чтобы уберечь вывихнутый палец, я вынужден был безропотно подчиняться рельефу. Склон начал круто уходить вниз. Пылающим пальцем я ощущал, что почва становится все более влажной. К лесным запахам прибавился запах воды. Теперь на ступни налипали уже не прошлогодние листья, а стебли травы. Деревья, на которые я прежде то и дело натыкался вытянутыми ру-

ками, попадались реже. Я шел медленно, боясь снова ударить ногу об острый камень. Место, где господствовали «большие обезьяны», осталось позади. Рельеф уготовил мне множество опасных преград, но я все-таки добрался до лесного болотца. Осознав, что удалось не только преодолеть скопище «больших обезьян», но и выйти наконец к болоту, я в мгновение ока освободился от страха и по-детски ощутил почти восторг. Меня била нервная дрожь, словно от холода. «И здесь выручили дед Апо и дед Пери!» — подумал я, но эта мысль тут же обожгла стыдом: ведь отец-настоятель предал их…

Сквозь тьму мне удалось разглядеть: да, это то самое болото, что было уже обследовано когда-то ребятами под руководством деда Апо и деда Пери. Впервые после пятидесятидневной войны открыто был сформирован отряд, и специалисты по небесной механике устроили поход в лес — мы, сестренка, приняли в нем участие, — причем каждый запасся мотком цветных ниток, которые должны были связывать нас с долиной. Дед Апо и дед Пери, построив нас, шагали впереди. Поскольку время было мирное, взрослым долины даже в голову не пришло возражать против такого похода; не вызвал он неодобрения

и у стариков. Наоборот, поход укрепил доверие к деду Апо и деду Пери. Сами они больше, чем кто-либо из жителей долины и горного поселка, верили в мощь леса и стоявшую за ней мощь Разрушителя и, придавая особое значение тому, чтобы не нарушить контакта с ним, вели ребят в лес, уверенные в их безопасности. Проникшись духом легенд деревни-государства-микрокосма, они повели нас в лес и тем самым преподнесли детям урок поклонения девственному лесу, мощи Разрушителя.

Прежде чем предпринять этот учебный поход, они попытались воскресить в нашей памяти миф о девственном лесе: хотя об этом говорят многие, но в душе мало кто верит, что заблудившийся в лесу живым из него не выйдет. По их просьбе мы вспоминали и рассказывали по очереди слышанные от отцов и старших братьев легенды о людях, погибших в лесу. Поэтому каждый из нас отнесся к походу в лес со всей ответственностью и теперь сжимал в кулаке клубок цветных ниток, чтобы, перейдя Дорогу мертвецов, привязать их к деревьям. Но деревья в девственном лесу были слишком толстыми, а ветви росли слишком высоко, поэтому мы выбрали тонкие прутики азалий, густые заросли которых окружали доли-

ну. Углубляясь в лес, мы разматывали цветные нити, которые должны были помочь вернуться в долину. И вели нас дед Апо и дед Пери, тоже невозмутимо зажавшие в руках цветные клубки. Разумеется, нитки помогали чисто символически, длины их не хватило ни одному из нас, но никого это не беспокоило.

Дед Апо и дед Пери не только присутствовали на моих занятиях с отцом-настоятелем, но и интересовались легендами, которые пересказывали дети долины и горного поселка. Им хорошо был известен рассказ (кстати, значительно расходящийся с историческими фактами пятидесятидневной войны) о том, как дети долины и горного поселка, чтобы сбить с толку захватчиков, соорудили такой запутанный лабиринт, что сами в нем заблудились и по сей день играют там с ними в прятки.

— Видимо, лабиринт, о котором говорится в этом предании, существует вне времени, текущего снаружи. В таком случае заблудившиеся в нем дети навсегда остались детьми; если мы к ним попадем, они с радушием встретят своих сверстников. Но ни в коем случае нельзя отвечать на их призывы. Иначе нам самим никогда оттуда не выбраться.

Так предостерегали нас дед Апо и дед Пери. Но мы все равно только и ждали случая ответить на зов незнакомого голоса…

Отряд ребят во главе с дедом Апо и дедом Пери направился к прятавшемуся в глубине леса болоту, которое с опушки увидеть было невозможно. В выборе конечной цели был определенный смысл. Дело в том, что среди ребят из горного поселка пошли слухи о каких-то происшествиях с их отцами и старшими братьями. Слухи, будто охотники в лесу снова последнее время стали встречаться с Чудом. Дед Апо и дед Пери предложили детям проверить слухи о Чуде, и, может быть, подтвердить легенды нашего края. Ребята горного поселка и долины сначала решили, что приехавшие из Токио специалисты по небесной механике просто потешаются над ними, предлагая проверять на месте слухи, не имеющие ничего общего с наукой, даже более того — противоречащие ей.

— Чудо? Чепуха! — возмущались они так, словно им предлагали что-то постыдное.

Однако дед Апо и дед Пери, в глубине души удивляясь такой реакции, постарались изменить отношение детей к этим слухам и серьезно заинтересовать их своим предложением.

— Ваши отцы и старшие братья, промышляя в лесу, видели что-то непонятное и приняли его за Чудо, верно? Почему же вы сразу отмахиваетесь, как только речь заходит о проверке? В чем причина ваших сомнений? Вы думаете, раз опять всплыла история, упоминаемая в древних преданиях, — значит, это вздор? Да, она возникла в старые времена и дошла до нас в виде легенды. Но мы, во всяком случае, нигде больше, кроме вашего края, ничего не слышали о Чуде. Такая самобытная легенда, нам кажется, могла родиться только в этом лесу. Теперь вот поговаривают, что Чудо снова видели. Почему же вы не хотите проверить слухи на месте? По-вашему, они ненаучны? А вы заранее не настраивайтесь, что исследование, которое мы проведем в лесу, антинаучно. Вы же верите, что у Сатурна, недоступного для непосредственного наблюдения, есть кольца и целых одиннадцать спутников? Для вас это научно доказанная истина, хотя с таким же успехом можно было бы заявлять, что одиннадцать лун — это глупость!

Многих ребят, и уж меня во всяком случае, слова деда Апо и деда Пери воодушевили. Если верить в возможность исследования Сатурна, почему же не поверить в возможность исследо-

вания деревни-государства-микрокосма? Такой вопрос встал передо мной впервые, и я почувствовал, что поход послужит стимулом для моих ежедневных занятий с отцом-настоятелем. Кое-кому, правда, вскоре надоела вся эта затея, но мой пыл не угасал.

Медленно продвигаясь во тьме, я вдруг ощутил, как мои мокрые ноги понесли меня под уклон, и сразу же догадался, что спускаюсь к болоту, — это ощущение напомнило мне о маленьких радостях того похода с дедом Апо и дедом Пери и придало сил. По мере того как я спускался все ниже, невысокий, в мой рост, кустарник становился все гуще, и его гибкие ветви били меня по лицу, отчего пришлось крепко зажмуриться. Но и с закрытыми глазами я отчетливо видел простиравшееся передо мной болото и потому шел уверенно, как будто в собственном доме. С пологих склонов болота протягивали друг другу ветви, точно переплетали пальцы, неведомо когда упавшие огромные деревья. С виду они казались живыми, однако в действительности прогнили насквозь — становиться на них было опасно. Об этом строго предупреждали дед Апо и дед Пери. Поэтому, двигаясь вперед, приходилось пролезать ползком под упавшими стволами. Из

болота торчали мокрые камни, поросшие мхом, который насквозь пропитался водой, а между ними лежал такой же мокрый мелкий песок, скорей похожий на обычную грязь. Там и сям густо кустился подбел.

— Это болото ну точно ножны! — смеясь, говорили ребята постарше, но я, как и другие малолетки, тогда еще не мог сопоставить причуды рельефа с сокровенными частями женского тела…

Спуск становился круче и круче. Я, чтобы не упасть, все сильнее откидывался назад, а когда ступни увязли в песке, остановился и, подняв голову кверху, открыл глаза. Сквозь просветы было видно необыкновенно высокое небо с рассыпанными по нему сиреневатыми точками — луна уже заходила. Только теперь я убедился, что болото, затаившееся в девственном лесу, по форме действительно напоминает «ножны». Я смотрел сквозь просветы в глубокое небо и вдруг увидел нечто, по цвету и форме напоминавшее яичный желток, — сверкая и вертясь вокруг своей оси, оно медленно плыло в вышине. Когда *это* пролетало над моей головой, струившийся из него красновато-желтый свет вырвал из тьмы мои выкрашенные красной краской плечи, грудь,

руки… В небе над лесом парило космическое Чудо — вероятно, пришелец из других миров. До сих пор, подумал я, оно покоилось где-нибудь в этом болоте. Мне показалось, что терзавший мою душу стыд перед дедом Апо и дедом Пери стал понемногу отпускать меня. Ухватившись руками за ствол поваленного дерева, вырванного из тьмы этим светом, я впервые дал отдых больной ноге. Мокрый песок охладил горевший огнем вывихнутый палец, и мне стало легче. Я опустился на корточки, сгреб песок и засыпал им ногу по самую щиколотку. Пошарив вокруг, нащупал камень величиной с голову, подкатил его под себя, сел и, прислонившись спиной к поваленному дереву, закрыл глаза. И прежде чем заснуть, рассудком постиг то, что знал всегда, еще до рождения: это болото не только по форме, но и по сути своей — те же «ножны»…

7

Загадочное лесное Чудо, согласно преданию, рассказанному отцом-настоятелем, поселилось в лесу еще в период созидания, когда в долине и горном поселке был основан новый мир. Оно прибыло сюда в глубокой древности с какой-то планеты далекой галактики. Отсюда и его ди-

ковинность. Когда оно приземлялось недалеко от опушки, в девственном лесу пролегла будто вырубленная топором прямая просека, и в ней образовалось болото. Может, это был огромный метеорит? Но от метеорита его отличала способность самостоятельно передвигаться и менять свои очертания, не говоря уж о том, что оно производило впечатление чего-то одушевленного. Когда люди увидели его впервые, оно было непрозрачно, а также не имело постоянной формы и цвета. И напоминало, скорее, огромную слезу на фоне облачного неба. Но этот аморфный и бесцветный ком совершал довольно-таки осмысленные действия. Когда охотник, наткнувшись в лесу на Чудо, выстрелил в него, аморфный ком поглотил пулю вместе с ружьем, словно они были связаны.

— Бах — а ему хоть бы что! — поражался охотник.

Мужчина, на опушке девственного леса обламывавший сухие ветки на дрова, споткнулся и, как оказалось, свалился на Чудо, но даже не ушибся. При каких бы обстоятельствах ни происходила встреча с Чудом, оно ото всех требовало, чтобы ему что-нибудь рассказывали. Без этого Чудо никого от себя не отпускало. К тому же сто-

ило ему услышать человеческий голос, и оно, по утверждению очевидцев, начинало принимать самую неожиданную окраску и форму. От людей, встречавшихся ему в лесу, Чуду не нужно было ничего, кроме человеческой речи.

По поводу того, что оно всегда выглядит абсолютно гладким и принимает каждый раз новую форму, дед Апо и дед Пери говорили:

— Оно обладает сверхплотной оболочкой, которая по прочности превосходит все известные на Земле вещества. Ничто не может его ни повредить, ни замарать, ни разрушить. Его пластичность, скорее даже аморфность, указывает на отсутствие костяка. Когда Чудо зарывается в песок на дне болота, о чем упоминают многочисленные предания, то, видимо, сразу же понижается его температура и оболочка затвердевает, а на солнце температура возрастает, и гладкая оболочка размягчается, как тающий воск.

Из всех научных изысканий деда Апо и деда Пери, касающихся Чуда, наибольшее впечатление произвел на меня анализ его реакции на человеческий голос. Еще до того, как был основан наш край, с какой-то неведомой планеты в девственный лес прибыл космический корабль,

доставивший сюда этот аморфный и бесцветный ком. Неизвестно, живое ли это инопланетное существо, или сложнейший прибор — продукт высокоразвитой науки и техники, открывших путь к космическим полетам. Но так или иначе это загадочное создание из нашего леса требовало, чтобы при встрече с ним люди разговаривали. Если же они пытались уклониться от общения, то обрекались на бесконечное кружение вокруг него. Главное было — говорить, а что — не имело никакого значения. Видимо, загадочное лесное Чудо питало интерес к словам как таковым. На каждое новое слово этот аморфный ком реагировал изменением формы и оттенка. Проанализировав эти рассказы, дед Апо и дед Пери предположили следующее:

— Инопланетяне, направившие к нам загадочное лесное Чудо, считают характерной особенностью человечества, населяющего Землю, владение речью. Для изучения принципов человеческого языка они составили программу исследований, рассчитанную на весьма длительный срок. Работать в «полевых условиях» на Землю был направлен экспериментатор, способный действовать практически вечно. Это и есть наше Чудо, вбирающее слова, как промокатель-

ная бумага вбирает чернила. Именно поэтому оно вначале не имело формы и цвета. Но, воспринимая от людей все новые и новые слова, Чудо приобретало знания, и они кодировались формой и цветом. Вернувшись после завершения программы обратно на ту далекую планету, оно примет форму и цвет, полностью соответствующие понятию «слово человеческое»…

В ходе экспедиции нам так и не удалось встретиться с загадочным лесным Чудом, поэтому наиболее сильное впечатление оставило у меня то, как мы, стоя на плоской скале, окруженной кустами подбела, одну за другой пропели песни, рекомендованные министерством просвещения. Делалось это для того, чтобы Чудо, притаившееся где-то в болоте, могло прослушать самые лучшие «слова человеческие», о которых говорили дед Апо и дед Пери. Мне удалось во время нашего хорового пения уловить кое-что из разговора деда Апо и деда Пери, потные лица и шеи которых были залеплены паутиной и грязью:

— Интересно, какой формы и цвета будет в конце концов Чудо, усвоив все слова?

— Скорее всего, станет похожим на огромную слезу.

В полузабытьи, сонными глазами я увидел, что

в «ножнах» леса, где находился и я сам, то есть там, в болоте, отвоевавшем себе пустое пространство в море деревьев на глубине пятнадцати метров, — там, где, как в фокусе, концентрировались все звуки и свет, погребено отвердевшее загадочное лесное Чудо. Но это я увидел, уже проснувшись. Мне до мельчайших деталей запомнился многосложный, тяжелый сон, который, когда я заснул еще крепче, точно подсказал, что мне дальше делать в лесу. Нельзя, чтобы люди, которые придут в лес на поиски, увели меня в долину прежде, чем я завершу дело, указанное мне сновидением, ни на минуту не прекращавшимся, пока я спал. Нет, мне не следует, навалившись головой и грудью на завязшее в болоте дерево, утопив в мокром песке, похожем на грязь, вывихнутый палец, сидя голым задом на круглом камне, до бесконечности высматривать загадочное лесное Чудо. Я до конца досмотрел свой сложный, запутанный сон — значит, солнце уже высоко. Нечего выставлять напоказ перед залитым светом болотом свое выкрашенное красной краской нагое тело. Нужно поскорее скрыться во мраке леса… Но веки у меня отяжелели, мне было очень плохо. Я даже опасался, что мой исстрадавшийся организм уже не сумеет перебороть болезнь. Распухший, негну-

щийся палец ныл, боль отпускала лишь в песке, напитанном водой. Все тело ломило — наверное, у меня поднялась температура. Это была не простуда — скорее всего, болотные миазмы вызвали жестокую лихорадку. Жар парализовал меня, и я не был способен ни на что, кроме как сидеть неподвижно, не думая о деде Апо и деде Пери, не безумствуя, даже не плача. Но жар не затронул мою голову, я был еще в состоянии сообразить, что вошел в лес не позавчера, а гораздо раньше — три или даже четыре дня назад. Выходит, я проспал на болоте, прислонившись к дереву, часов семьдесят-восемьдесят и все это время смотрел свой многослойный, тяжелый сон. Я помотал головой, точно сбрасывая с себя все, что за ним стояло, широко открыл глаза, вскочил, как заяц, и, превозмогая боль в пальце, опрометью бросился в лесную чащу по красной глине. Я бежал рысцой сквозь густые заросли травы под высокими деревьями, то и дело натыкаясь на стволы и колючие кусты. Я даже мочился на бегу. И до конца освободил мочевой пузырь, лишь когда был уже далеко от залитого солнцем болота…

Подробные указания, полученные мной в бесконечно долгом сне, касались Разрушителя. Тело великана, как туша зверя, расчленено на мелкие

кусочки, и эти кусочки плоти, не тронутые грязью и разложением, сочащиеся свежей кровью, сохранившие даже костный мозг, зарыты в лесу. Я должен, собрав мясо и кости Разрушителя, восстановить его тело в первоначальном виде. Смогут ли тонкие, слабые руки ребенка поднять тяжеленное тело великана? — подумал я в страхе, но тут же получил ободряющий ответ. Нужно лишь осуществить символическое действие — пройти над всем погребенным телом Разрушителя, не пропустив ни единой косточки, ни одного кусочка его плоти и при этом воссоздавая в своем воображении его облик…

Уже в пути, приступив к выполнению своей задачи, я вспомнил небольшой ручеек, блеснувший недавно перед моим затуманенным взором на краю болота. Жар у меня усилился, выкрашенная в красный цвет кожа покрылась пупырышками и стала сухой, пересохло горло. Увидев высокий куст с сочными плодами на верхушке, я стал обрывать ягоды вместе с листьями и набивать ими рот, чтобы хоть чуточку утолить жажду терпким, сводящим скулы соком. Выдавливал воду из желтоватого мха, росшего на камнях у тропинки, а потом облизывал влажные ладони. И опять шел, шел, ни на минуту не останавливаясь, шел до

самого вечера…

На дне моего сознания, безжалостно гнавшего меня вперед, все время, пока я брел без передышки, копошилась мысль о том, сколь огромно тело великана Разрушителя, сколь необъятна территория, где погребено его расчлененное тело. Путь был проложен в моей горевшей огнем голове, точно прочерчен в лесу лучом лазера. Продираясь меж деревьев, кустов и камней, я непрестанно думал о том, что, даже если на моем пути встанет голая скользкая скала, я все равно не поверну назад. Я боялся, что малейшее отступление приведет к катастрофическому провалу порученного мне дела — собрать погребенные в лесу куски тела Разрушителя и возродить его. И когда, решив однажды сойти с той дороги, которая, как мне казалось, ведет в тупик, поскользнулся на шатком камне и кубарем скатился вниз, я понял, что это какая-то неведомая сила, перед которой я немощен, помогла мне исправить ошибку. Я стонал от боли, а мое сердце гнало меня вперед. Деревья, деревья, снова деревья, кустарник, камни… Маршрут моего движения среди них указывали мне появлявшиеся одна за другой прозрачные, сотканные из света капсулы, возникавшие в густой растительности древнего девственного

леса. Вступая в эти капсулы, я думал: даже сто лет блуждания по лесу не заставят меня почувствовать себя замурованным здесь навеки. И поэтому со спокойной душой вспоминал о детях, устроивших во время пятидесятидневной войны лабиринт, из которого они сами так и не смогли выбраться. Ощущение, испытанное мной, когда я, оказавшись в одной из таких капсул, огляделся вокруг, вызвало в памяти модель молекулы из стеклянных шаров в школьном кабинете естествознания. Если представить себя находящимся в центре, то все эти светлые капсулы, в великом множестве рассыпанные по бескрайнему густому лесу, тоже образуют некую стройную модель молекулы. В тот день у меня во рту не было ничего, кроме сока диких плодов и покрывавшей мох росы, но я шел и шел вперед, и в моем воспаленном мозгу беспрерывно звучал чей-то голос: «Иди, иди, иди не останавливаясь — только тогда ты пройдешь по всему мясу, по всем костям Разрушителя, разбросанным по лесу. Если остановишься хоть на мгновенье, возрожденный Разрушитель может остаться без мизинца или на подбородке у него окажется дыра. А если не будет голосовых связок, то вместо голоса из горла его вырвется одно лишь шипение…»

Подчиняясь этому властному велению, я, не задумываясь, следовал от одной капсулы к другой, будто двигался по цепочке стеклянных шаров. Если бы эта цепочка взметнулась ввысь, я бы так же стремительно двинулся вслед за ней в небо.

Тут я обнаружил, что светлые капсулы, тянувшиеся друг за другом цепочкой стеклянных шаров, были двух видов. Одни я спокойно проходил насквозь — это были как бы вехи на моем пути, а в другие мне ходу не было. У тех, вход в которые мне был заказан, передо мной вставали непреодолимые препятствия: дуплистые стволы огромных деревьев, толстенные лианы, которые долгие годы щедро поливал дождь и овевали ветры. Когда наступили ранние лесные сумерки, внутри одной из таких капсул, напоминающих стеклянный шар за частоколом деревьев, меня посетило видение. Продолжая быстро двигаться вперед, я прошел мимо, лишь взглянув краешком глаза. Первой привиделась мне запряженная в велосипед собака Живодера, убитого во время пятидесятидневной войны. Рыжий пес, с которого содрали шкуру, когда заготовляли шерсть для армии, с недовольной физиономией — такое выражение часто бывает у пожилых людей — за красные постромки тащил велосипед с одним

передним колесом. У велосипеда отсутствовало не только заднее колесо, но и руль, и седло, и потому упряжка легко двигалась через лес, не цепляясь за деревья и не застревая в нагромождениях камней.

«Ага, ясно!..» — машинально отметил я про себя, точно во сне восприняв бредовое видение как нечто вполне естественное, и, не останавливаясь, прошел мимо. Хотя можно было и продраться сквозь кусты к той светлой капсуле, поймать собаку Живодера, освободить от постромок и немного поиграть с ней. Но нет — надо поскорее попасть вон в ту капсулу. Если я этого не сделаю, то не смогу пройти над всем телом погребенного в лесу Разрушителя.

Отказавшись от мысли поиграть с собакой, я шел к намеченной цели, а оттуда, из капсулы, укрывшись за стеной деревьев, за мной внимательно следил человек с глазом в заду. В моей пылавшей голове, которая, казалось, не на шее покоится, а как бы плывет по воздуху, мгновенно созрело решение:

— Пусть Задоглазый сколько угодно смотрит на меня, я на него даже не взгляну!

Сказал я так, сестренка, не потому, что боялся. Просто мне было противно смотреть на эту

омерзительную личность. Видимо, то, что Задоглазый следил за мной, а тело Разрушителя было погребено в лесу, как-то связано между собой. Ведь именно Задоглазый покушался на жизнь Разрушителя, но не успел — его самого отравили, и труп бросили в лесу; после чего жители нашей долины убили Разрушителя и, разрезав на мелкие кусочки, съели. Задоглазый не принимал участия в убийстве, но не кто иной, как этот омерзительный тип, провел всю подготовительную работу, поэтому подсказанная мне во сне миссия, ради выполнения которой я, голый, выкрасившийся красной краской, бреду по лесу, утоляя голод листьями кустарника, а жажду — росой с замшелых камней, прямо противоположна миссии Задоглазого. Я прошел мимо, не обращая на него никакого внимания. Пусть человек, подготовивший убийство Разрушителя, захватил светлую капсулу, напоминающую стеклянный шар, и подглядывает за мной торчащим из зада глазом — во множестве других таких же капсул должны укрываться люди, ненавидящие Задоглазого, и они глазами, расположенными там, где положено — на лицах! — тоже следят за ним. Мне, который трудится во имя Разрушителя, Задоглазый не страшен.

Стоило лишь подумать об этом, как со всех сторон ко мне подступили стеклянные шары, и в каждом, по одному, по два, группами — легендарные соратники Разрушителя. Так я шел по лесу, где еще долго царил вечерний полумрак, и передо мной возникали призраки тех, о ком рассказывал отец-настоятель. Сейчас, сестренка, вспоминая пережитое, я могу признаться, что в светлых капсулах за стеной деревьев и кустарника видел людей, которые тогда еще ничем не были примечательны, но впоследствии превратились в легенду. Видел мальчика, совершившего самоубийство с помощью американской электрической батареи, и его мать — потом эта женщина подняла стрельбу, а когда патроны кончились, демобилизованные изнасиловали ее и забили до смерти… Я смотрел на них, сознавая свою причастность к этому позорному событию. Женщина сидела, в задумчивости понурив голову, а рядом ее сын, которого все называли электриком, возился с батареей, и разлетавшиеся во все стороны сиреневые искры освещали стволы деревьев…

Я шел без остановки и, глядя на возникавшие передо мной разнообразные видения, прилагал все силы, чтобы возродить Разрушителя. Жар усиливал жажду, но голода я совсем не испытывал.

И лишь когда над лесом опустилась ночь и поглотила светлые капсулы, я неохотно, но все же стал устраиваться на ночлег под мрачным железным деревом. Спать улегся в кучу огромных листьев этого дерева, такого старого, что, казалось, оно засохло уже сто лет назад. Зарывшись в них по самую шею, я свернулся калачиком, как личинка жука-носорога, и, зажав в руке, точно карманный фонарик, вывихнутый палец, стал засыпать. В первую ночь, пока я еще не углубился в лес, мной владел страх, но теперь, освоившись и приступив к выполнению возложенной на меня миссии, я освободился от страха и ждал лишь наступления утра, чтобы снова идти вперед. Ноздри, в которые еще недавно тек густой, как вода, запах леса, вдыхали теперь запах листьев железного дерева, плесени и моего разгоряченного жаром тела. Обратившись к теперь уже черной капсуле, напоминавшей стеклянный шар, среди тонувших во тьме огромных деревьев, я, паясничая, как в тот день, когда рассказывал об экскрементах Разрушителя, завел разговор со специалистами по небесной механике. Наша беседа развеселила меня, и я захлебывался от смеха, сотрясая кучу укрывавшей меня сухой листвы. Потом, должно быть из-за жара, я, лежа в кромешной тьме, вдруг

ощутил себя могучим великаном: мне казалось, что мой смех вызывает как бы цепную реакцию, раскатываясь гулом по всему бескрайнему лесу.

8

Так, сестренка, я провел в лесу шесть дней. В первый раз я проснулся, когда солнце стояло уже высоко, но зато потом с каждым днем поднимался все раньше и, сразу же вскочив на ноги, еще в темноте отправлялся в путь. Светлые капсулы, напоминавшие стеклянные шары, к которым я шел, излучали сияние во мраке, и двигаться по этой цепочке в правильном направлении не составляло особого труда — я носился челноком между ними, безошибочно зная, куда идти. Я не имел права пропустить даже самый маленький кусочек мяса или кости расчлененного тела Разрушителя. Когда меня отыскали и я вернулся в долину, все без конца расспрашивали, чем я питался в лесу — ведь нужно было не просто поддерживать свое существование, но и восполнять энергию, которой требовала столь бурная активность. Я упорно молчал, пропуская мимо ушей эти вопросы — вот тогда-то и поползли слухи, что в меня вселился длинноносый леший. Но к чему расспрашивать? Я в самом начале, сестрен-

ка, честно рассказал тебе все, что помнил. Как жевал листья, срывая их со свисавших ветвей, как выдавливал ладонями влагу из покрывавшего камни мха, а потом облизывал их. Больше я ничего не ел и не пил, да мне и не нужно было. Я совсем не испытывал голода.

— Любой человек, оказавшись в лесу, способен выжить таким же образом! Сто лет пройдет, двести — дети останутся детьми, старики — стариками!

Пожарные дружинники, из которых составили спасательный отряд, посмеивались:

— Да неужто? А ведь это только детеныши обезьян крабов в болоте ловят и едят живьем.

Я был убежден, что насмешки взрослых абсолютно необоснованны. Но в то же время знал, что слишком мал и не найду слов, которые могли бы их убедить. С тех пор как я вернулся из леса, мне так и не удалось найти слова, чтобы верно передать все, что пришлось пережить, что выпало на мою долю, — я точно заболел афазией, утратил способность говорить. Людям со стороны я представлялся уже не Пересмешником, как прежде, а одержимым нечистой силой — вот ко мне и пристало прозвище Одержимый длинноносым лешим. Пожарные дружинники сравнили

меня с детенышами обезьяны — они тоже живьем едят крабов, но я делал это только после пятой ночи, когда обложной дождь поглотил весь девственный лес, причем не от голода, не от жажды, а как некое ритуальное действо, которое обязан совершить человек, навсегда ушедший в лес. Я ел тех самых пресноводных крабов, что во множестве появились после ливня, хлынувшего, когда Разрушитель взорвал огромные обломки скал и глыбы черной окаменевшей земли. Чтобы воскресить праздничный ритуал Разрушителя и созидателей, я на следующее утро, как только кончился дождь, вернулся к болоту. Заночевав здесь в первый раз, я заметил ручеек, струившийся по дну заболоченной низинки; теперь там клокотал бурный поток, по обоим берегам которого копошились несметные полчища крабов. Я стал с жадностью поедать их. Именно так, мне представлялось, пожирали крабов, красными волнами катившихся по берегам реки, Разрушитель и его созидатели. На следующее утро после обложного дождя я вместе с молодыми созидателями вернулся к болоту за крабами. Стараясь высмотреть среди тех, кто разделял со мной трапезу, Разрушителя, я без конца вертел головой, но отличить Разрушителя, еще не превратившегося

в великана, от остальных созидателей так и не смог…

Пожарные дружинники, из которых был составлен спасательный отряд, кружили у болота уже несколько дней, и потому мое появление для них явилось полной неожиданностью. Увидев обнаженного, выкрашенного красной краской мальчишку, они сразу же прозвали меня Одержимым длинноносым лешим — лицо, грудь, руки у меня были перепачканы блевотиной вперемешку с непрожеванными крабами, я беспрерывно вертел головой, и мои спасители смеялись: это он боится потерять своего дорогого длинноносого лешего. Когда пожарные дружинники окликнули меня, я подскочил не хуже дикой собаки и стал изо всех сил отбиваться здоровой ногой, но они, разумеется, меня скрутили. Тогда я громко заплакал, призывая на помощь длинноносого лешего… Вдруг мне показалось, что Мэйскэ Камэи, еще молодой — лет шестнадцати, — возглавив отряд стрелков, из лесной чащи берет на прицел болото, и я закричал:

— Не стреляйте! Это пожарные дружинники!

И снова заплакал навзрыд, страдая от мысли, что мне не удалось выполнить порученную миссию…

Сестренка, после тех шестидневных испытаний лес, бесконечный, многоярусный, как микрокосм, вошел в мою плоть и кровь. И так же, блуждая, проник в него и я. Я впервые по-настоящему понял, почему дед Апо и дед Пери назвали наш край с его мифами и преданиями деревней-государством-микрокосмом. Когда меня обнаружил спасательный отряд, меня вырвало оттого, что мой желудок был забит огромным количеством сырых крабов, которых я глотал, почти не прожевывая, и я, весь перепачканный, вертел во все стороны головой. Громко плача, я изо всех сил отбивался от крепко державших меня дружинников. Жители нашей долины ре– шили, что я буйствовал от жара и голода, а я, сестренка, отвечая молчанием на их насмешки — пусть себе обзывают Одержимым длинноносым лешим! — лишь укреплялся в вере, которая до сих пор меня не оставляет. Сразу же рассказать обо всем взрослым у меня не хватило духа, но я твердо знал, что видения, которые проходили перед глазами взбунтовавшегося ребенка, имели свою внутреннюю логику, как и все пережитое мной в лесу за эти шесть дней. Я своими глазами видел мир, исполненный очевидного смысла, гораздо более реальный, чем наша жизнь в долине. С каждым

днем я все больше убеждался в этом. Многие из пожарных дружинников, насмехавшихся надо мной, ушли на войну и не вернулись, а я каждый раз, узнавая о гибели кого-либо из них, отчетливо представлял себе, как их убивали в чужой стране, очень далеко от нашего края. В короткое мгновенье перед смертью их посещали видения, в которых вмещалась вся их жизнь. И они умирали с сознанием, что и гибель в чужой, неведомой стране не менее призрачна. Разумеется, никто не услышал от них крамольных признаний…

Дед Апо и дед Пери как-то учили меня, что замкнутое трехмерное пространство имеет свое собственное время, и наш мир существует как единство пространства и времени. А я им на это, как обычно, отвечал паясничанием.

— Возьмем небесные тела, уже открытые в галактике за пределами нашей Солнечной системы, и бесконечное множество звезд, которые еще будут открыты в других вселенных. Допустим, у нас есть космический корабль, способный мгновенно преодолеть расстояние до любой из них. Среди мириадов этих небесных тел мы обнаружим миллионы планет, имеющих сходные условия с земными. И там, вероятно, обитает бесконечное множество живых существ, подобных человеку.

На космическом корабле мы будем посещать эти миллионы миров, населенных людьми или существами, подобными человеку, и увидим, что на каждой планете — свое собственное время, что каждая представляет собой единство пространства и времени. И если можно охватить одним взглядом это бесконечное множество единств пространства и времени, то и всю историю земного человечества удалось бы представить в одном временном срезе. Тогда можно было бы отобрать среди этого бесконечного множества единств пространства и времени те или иные факты и переиграть всю историю человечества… Может быть, и нынешняя история, к которой мы принадлежим, представляет собой одну из таких игр! — смеясь, говорил я деду Апо и деду Пери.

То, что я, сестренка, паясничая, придумал в разговоре со специалистами по небесной механике, позднее открылось мне как реальность во время моего шестидневного скитания по лесу. Перед глазами у меня, когда я наступал на частицы расчлененного тела Разрушителя, появлялись светлые капсулы, напоминавшие стеклянные шары, и в них я видел собаку Живодера и Задоглазого. В возникавших одна за другой капсулах я увидел и других героев легенд нашего края. При-

чем все они существовали одновременно, даже те, которым еще только предстояло попасть в легенду. Шагая день за днем мимо них, я убедился, что в этом лесу есть все, что могло обеспечить успех задуманной дедом Апо и дедом Пери экспедиции. И то, что возникало передо мной, можно было окинуть одним взглядом как некое единство бесконечного пространства и времени, о чем я говорил им, паясничая. Проходившие перед моими глазами видения подтверждали это не словами, а фактом своего существования. Именно мифы и предания деревни-государства-микрокосма, населившие этот лес, лучше всего представляют превратившегося в великана Разрушителя. Вот почему, когда я бродил по лесу и следил за бесконечно возникающими видениями, я тем самым собирал воедино, возвращая к жизни, расчлененного на мелкие кусочки Разрушителя.

После того как меня подобрала спасательная команда, я плакал и вопил, потому что мне пришлось навсегда отказаться от мысли возродить Разрушителя, отказаться от той миссии, которая была на меня возложена. Я должен был проследить в единстве все мифы и предания лесной деревни-государства-микрокосма и этим движением во времени и пространстве восстановить

в первоначальном виде мясо, кости, сухожилия, кожу, наконец, глаза, зубы, волосы Разрушителя. По крайней мере я старался это сделать… В отчаянии оттого, что мне помешали выполнить возложенную на меня миссию, я и плакал навзрыд, пока меня тащили в долину. А позже меня уже не подпускали к лесу и постоянно дразнили Одержимым длинноносым лешим…

В заключение хочу сказать еще одно. Когда четверо пожарных дружинников, как дохлую обезьяну, тащили меня за руки и за ноги через лес, напоенный дождем, я, сестренка, увидел среди деревьев и кустарника напоминавшую стеклянный шар светлую капсулу. В ней была ты, уже взрослая девушка. Твое обнаженное тело блестело, как масло, а рядом находилось существо, возрожденное тобой и выращенное до размеров собаки.

Записки пинчраннера

Глава I
Золотой век послевоенного бейсбола

1

Несомненно, это были чужие слова, и я даже помню обстоятельства, при которых они были произнесены тем, другим, но все же я воспринимаю их как слова, вышедшие из самой глубины моей души. Разумеется, поскольку слова появляются лишь в том случае, когда во взаимоотношения вступают два человека, вполне возможно утверждать, что именно мое существование явилось истинной причиной появления этих слов. Однажды некий человек, бывший инженер атомной электростанции, будто разговаривая сам с собой, но, несомненно, рассчитывая на мою реакцию, произнес громко, так, чтобы я услышал:

— Быть выбранным в пинчраннеры[40] — что может быть страшнее этого, что может наполнить сердце бóльшим честолюбием! Это муки бейсбола. Вон те дети, что играют сейчас на пло-

[40] Примечания: 40

Пинчраннер — игрок в бейсболе, задачи которого состоят в том, чтобы в критический момент стремительной пробежкой вывести команду вперед. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

щадке, — хотя они и не подбадривают своего пинчраннера, но это ничего не меняет…

— Совершенно верно, даже несмотря на то, что его не подбадривают криками ЛИ… ЛИ, что означает «лидируй», — поддакнул я. Но это было больше чем простое поддакивание. После того как бывший инженер произнес свои слова, а я откликнулся на них, между нами, разумеется, не могли еще установиться взаимопонимание и простота отношений, нет, но зато возникли узы чуть ли не кровного родства. Прежде всего мы ясно осознали, что принадлежим к одному поколению — возможно, даже однолетки, либо разница в возрасте между нами не больше чем год-два. Нам было известно друг о друге лишь то, что он и я — определить наш возраст было непросто — закончили Токийский университет, один — факультет естественных наук, другой — факультет литературы, и наше сближение было скорее результатом моей случайной реакции.

Почему принадлежим к одному поколению? Да потому, что он сразу же понял мой возглас ЛИ… ЛИ, а его слова о муках пинчраннера были восприняты мной как голос моего собственного сердца. Мы молча стояли на солнцепеке — это были последние дни весны — и, распаляя свое

воображение, прислушивались к доносившемуся из нашей далекой юности ЛИ… ЛИ… ЛИ…

Было около полудня, и дети, не похожие на наших детей, играли на спортивной площадке в бейсбол. Они играли молча, без всяких выкриков, чтобы не мешать тем, кто сидел на уроке в школе, здание которой окружало спортивную площадку. Это были вундеркинды, метившие в элиту, и физкультура не была для них настоящим уроком. Они не имели ничего общего с теми, кто рвущимися изнутри криками выражает радость движения. Как прекрасно первобытное ощущение собственного тела — неужели им не хочется носиться с громкими воплями, рвущимися из самой груди? Даже если они вундеркинды, контролируемые извне и способные сами контролировать себя изнутри. Неожиданно из класса донеслись голоса наших детей. И я, и он, в волнении ожидая, что наши дети вот-вот окликнут нас, с ненавистью убеждались в том, как умны, сообразительны, да к тому же и ловки эти молчаливые дети на спортивной площадке

— Таким, как я, только и оставалось, что быть в игре пинчраннером. У меня ведь и перчатки не было.

— Разумеется, — ответил я. В те золотые годы

после военного бейсбола, несмотря на огромную его популярность, в провинции мало кто из детей имел перчатку. Там, где я жил, владельцев таких перчаток набралось бы в лучшем случае человек девять — это были лучшие игроки. Возводились в такой ранг лишь те ребята, которым посчастливилось всеми правдами и неправдами добыть настоящую перчатку. А я, стыдливо пряча самодельную матерчатую перчатку, бегал по полю и подбирал мячи, которые не удавалось поймать этим лучшим игрокам. Мне разрешали участвовать в тренировках только ради того, чтобы не терялись мячи, которыми тоже владели лучшие игроки.

— Никогда не забуду волнения и страха, которые я испытал во время игры с приехавшей к нам командой соседней школы, и впервые родившуюся решимость встретиться лицом к лицу с реальным миром, в котором мне уготовано было жить. Я помню даже, как у меня до боли свело судорогой живот. А мозг сверлило: ЛИ… ЛИ… ЛИ… Когда твоя команда сильно оторвалась от противника, пинчраннеру ждать, что его возьмут в игру, нечего. И тогда для тебя, сидящего на скамейке, игра теряет всякий интерес: выиграет команда, проиграет — все равно. Для тебя это уже не иг-

ра, ты в ней участвовать не будешь. Но девятая подача при разнице в одно очко или подача для продления игры при той же разнице в одно очко — вот такие критические ситуации и есть настоящая игра, верно? Девятая подача, лучший игрок отбивает мяч — вот тут-то и начинаются мучения того, кто сидит на скамейке. Руководил нашей командой второй сын местного богача, только что демобилизованный и болтавшийся пока без дела; он начал бахвалиться перед тренером наших соперников своими познаниями в бейсболе, а тот ему в ответ: все это, ха-ха, пустые рассуждения, и тогда наш тренер задумал хитрый маневр. Вызывает пинчраннера. Очередь моя. Если бы я был искусным игроком и отличался могучим сложением, меня бы вызвали пинчхиттером[41] — в той ситуации это было бы лучше. А я был заурядным запасным и уныло все сидел и сидел на скамье, деревянной скамье на двоих, которую я тайком от учителя приволок из класса. Ноги, правда, у меня не устали. И вот я сломя голову понесся к первой базе. Я высоко вскидывал ноги, чтобы все думали: ох и быстрый же парень. Тот, кого я заменил, смотрит на меня волком. Почему? Да

[41] Примечания: 41

Пинчхиттер — игрок в бейсболе, которого выпускают бить вместо питчера, когда нужно срочно усилить атаку или спасти ситуацию.

потому что, когда ему удалось наконец как следует отбить мяч, вместо него на сцену, уже готовую для блестящего выступления, выхожу я — сопляк, который и бегать-то толком не умеет. Если бы мне не удалось добежать тогда до базы, он бы повсюду раззвонил, что я загробил его удар, без конца поносил бы меня, да еще притворно сочувственно вздыхал при этом! Но я сумел добежать до базы, у нас с противником сравнялось количество очков. И игру пришлось продлить, ясно? За считаные минуты я превратился в ге– роя, и, пока продолжалась игра, этому типу все-таки пришлось дать мне перчатку. То, что он сначала смотрел на меня волком, вполне естественно. Да к тому же я стою в базе пинчраннером. И в эту минуту вся наша команда, включая и того, кто раньше волком смотрел на меня, во весь голос заорала ЛИ… ЛИ… ЛИ… «Лидируй, лидируй, смелее в следующую базу!» — вот что они мне кричали. В двух метрах от базы следить за питчером[42] — предательство, обличали они меня. Меня ливнем окатывали их крики ЛИ… ЛИ… ЛИ… Голова горела, в висках стучало. Главное — сила ног и решимость; нужно приноровиться к передвижениям питчера

[42] Примечания: 42
Питчер — игрок в бейсболе, который подает мяч отбивающему.

и догадаться, что он собирается делать. Питчер хитрит — здоровенный парень, точная копия знаменитого игрока, фотографии которого не сходят со страниц «Молодого бейсболиста»! В другое время я бы высмеял его напыщенность. Но в ту минуту меня обуревал лишь страх. Бежать или стоять? Может быть, действительно лидировать? Малейшее промедление — и на пылающую голову, на обессилевшие руки и ноги обрушивается буря ЛИ… ЛИ… ЛИ… Но было во мне, охваченном страхом, и постыдное честолюбие — во что бы то ни стало добежать до базы…

Неужели он и в самом деле был так многословен? Может быть, он сказал мне лишь, что нет ничего страшнее, чем быть пинчраннером, но и нет ничего, что сильнее бы возбуждало честолюбие. Все же я думаю, что правильно передал состояние человека, жаждавшего раскрыть передо мной свою душу. Моя душа прекрасно уловила это. После нашего разговора мы оба замолчали и, стоя в углу спортивной площадки, чем-то похожей, но чем-то и непохожей на площадки тех школ, которые были построены сразу же после войны, ощущали, как нам припекает затылок горячее солнце двадцатипятилетней давности. И слышали призрачные крики ЛИ… ЛИ… ЛИ… — то

ли подбадривающие, то ли осуждающие — не разберешь.

Рядом с нами обычно стояли матери, которые, как и мы, ждали наших детей. Некоторые из них работали в барах и кабаре, и даже утром от них еще пахло вином.

Какие обстоятельства заставили их разрушить семью и найти себе занятие, которое совсем не подходило им по возрасту? Мы об этом никогда не говорили, понимая, что виной всему опять-таки наши дети, и, стараясь не смотреть друг на друга, лишь обменивались приветствиями и молча наблюдали, как по площадке носятся дети, не похожие на наших детей.

Наконец наши дети выходят из класса и идут к нам. Так заведено, что мы, отцы и матери, ждем их на противоположной стороне спортивной площадки. Выстроившись в ряд, наши дети идут медленно, маленькими шажками. Проходя ту часть спортивной площадки, где дети, не похожие на наших детей, играют в бейсбол, они поднимают руки и прикрывают ими голову. Ну точно маленькие пленные. Учитель велел защитить голову только двоим — моему сыну и сыну бывшего инженера, у которых вместо недостающей кости в черепе вставлен кусочек пластика.

Но потом и все остальные дети — и те, кто страдал болезнью Дауна, и те, кто перенес детский паралич, — восприняли указание учителя как относящееся к ним также. Беспомощно подняв над головой руки, наши дети начинают идти еще медленнее. Когда наконец они приближаются, дети, не похожие на наших детей, которые только что играли в бейсбол, уже подметают площадку. Наши дети мелкими шажками подходят к нам сквозь густое облако песчаной пыли, сощурив свои слабые глаза и неотрывно глядя прямо перед собой.

На карточке, приколотой к груди детей, значится домашний адрес и номер телефона, написаны на ней и имена родителей, мы же, отцы и матери, обращаемся друг к другу лишь по именам детей. Я, например, отец Хикари, а бывший инженер атомной электростанции — отец Мори. Вначале мне почему-то становилось не по себе при мысли, откуда возникло это имя — Мори, — но я так и не спросил, почему ребенка назвали так. Так же, как и отец Мори не спрашивал меня о происхождении имени моего сына — Хикари.

Однако в разговорах с учителями отец Мори не раз возмущенно говорил, что, когда родился его сын, молодой практикант в больнице безапелля-

ционно утверждал, что ребенок не будет видеть. В таком случае он, по всей вероятности, угадывал и мое душевное состояние, когда я давал имя своему сыну, в черепе которого недоставало той же, что и у Мори, кости[43]. И я отчетливо представил себе то ужасное чувство опустошенности, когда в муниципалитете, куда он принес письменное объяснение опоздания с регистрацией рождения ребенка, причиной чего была срочная операция, он и придумал это имя — Мори, — составленное из латинских слов «смерть» и «слабоумие»[44].

Когда наши дети подходят к тому месту, где мы стоим, они тут же забывают о существовании друг друга, хотя только что составляли единое целое, и мы тоже мгновенно теряем интерес к их отцам и матерям. И, превратившись в монолитные пары и сосредоточившись на своих детях, покидаем свое место в дальнем углу спортивной площадки, где мы ждали их. Так же было и в тот день, когда мы с отцом Мори ощутили, как вспыхнули наши души, стоило нам заговорить о пинчраннере.

---

[43] Примечания: 43
«Хикари» по-японски означает «свет».

[44] Примечания: 44
Mors. Imbecillitas.

2

В первый раз отец Мори заговорил со мной не столько ради того, чтобы вызвать во мне сочувствие, сколько продемонстрировать свою явную враждебность. Однажды апрельским утром отец Мори, который впервые проводил сына в школу и теперь пришел встретить его, откровенно вызывающим тоном сказал мне — а я к тому времени уже целый семестр ходил встречать своего ребенка:

— Я работал за границей в научно-исследовательском институте. Между прочим, там люди с такими отвратительными зубами, как у вас, уже одним этим выдавали свое социальное происхождение.

И отец Мори осклабился, обнажив свои зубы — они были слишком крупные, но прекрасной формы. Это было видно с первого взгляда, но он все равно широко растянул по-детски пухлые губы и настойчиво продемонстрировал мне великолепие своих зубов.

— Что ж, мои зубы действительно выдают мое социальное происхождение, особенно если вспомнить время, в которое мы росли, — ответил я. — К этому «социальному слою» можно отнести

всех детей, выросших в годы военных и послевоенных продовольственных трудностей. Разве это не характерно для всего нашего поколения?

Отец Мори скосил чересчур влажные для взрослого глаза и ненадолго задумался. Потом без всякого перехода неожиданно отказался от вызывающего тона.

— Да-да, вы правы.

Отец Мори так вызывающе заговорил со мной, видимо, потому, что в то утро, когда он стоял в центре спортивной площадки, точно офицер, руководящий военной операцией, я не утерпел и указал ему место для родителей, которые ожидают своих детей, обучающихся в специальном классе. Вообще-то я довольно нетерпим, но тогда не рассердился на его слова. Ведь он впервые вез одного из наших детей в битком набитом автобусе, без конца поднимался и спускался с ним по подземным переходам и наконец доставил его в школу. Потом ему пришлось отдать перепуганного ребенка чужим людям. Совершенно естественно, что отец, впервые испытывавший все это, становится агрессивным. А я уже был ветераном…

Без всяких на то оснований я почему-то решил, что отец Мори — музыкант-авангардист.

Наверно, потому, что он в самом деле был очень похож на знаменитого музыканта Юдзи Такахаси, непременного участника хеппенингов. Я, разумеется, прекрасно понимал, что отец Мори не Юдзи Такахаси, но все равно мне казалось, что он тоже музыкант-авангардист.

На следующий день вместо отца Мори пришла его мать. Отдавая ребенка, она объяснила учителю, почему сегодня пришлось прийти ей. Мать Мори, небольшого роста, похожая на индианку, в блеклой черной юбке, была убеждена, что ей нужно сказать учителю нечто особенное, и, хотя все матери, которые привели детей, дожидались очереди, чтобы поговорить с учителем, никак не могла уступить такую возможность кому-то еще, не высказавшись до конца, — она должна выложить все. Правда, и другие матери, все без исключения, вели себя так же. Но в этой маленькой черноглазой женщине была непонятная напористость, придававшая чуть ли не прелесть такому ее поведению. Сегодня утром, как обычно, ребенка должен был отвести отец, ребенок ждал этого, поэтому хотя и не скажешь, что он избегает матери, но все же… Душа его была настроена на другое, поэтому, вполне понятно, он встревожен. Нельзя ли до того, как она придет за ним после за-

нятий, постараться изменить это его внутреннее состояние? Муж случайно сломал вставные зубы, поэтому сегодня утром появляться на людях ему не хотелось…

На следующее утро отец Мори, починивший вставную челюсть, увидев меня, без всякого стеснения стал рассказывать о лечении:

— Когда нет своих зубов, начинаешь осознавать, что смерть неотвратимо надвигается. Постоянно касаясь языком пластмассовых зубов и десен, я ощущаю вкус смерти. Мори, у которого вместо недостающей кости черепа вставлен кусочек пластика, я думаю, испытывает то же самое. Подсознательно.

Я должен был признать, что необычное заболевание сына отца Мори напоминает заболевание моего сына. В противоположность тому, что говорил Толстой, мой опыт свидетельствует: так же как все счастливые семьи походят одна на другую, схожи и обрушивающиеся на людей несчастья.

— В конце концов можно привыкнуть к вставным зубам, и тогда ощущение вкуса смерти, я думаю, исчезнет? — спросил я отца Мори.

— Разве у вас тоже вставные зубы?

— Нет. У меня пока свои, изобличающие мое

социальное происхождение.

— Да, чтобы узнать, что ощущает человек, когда его настигает смерть, нет ничего более подходящего, чем лечение зубов.

Дантист, обычно снимавший мне зубной камень, казался весьма жизнерадостным человеком. Хотя при этом у него была привычка корчить такую физиономию, будто он летел в пропасть меланхолии, а бормашина, делающая пятьсот тысяч оборотов в минуту, сверлит его собственную голову. Не знаю, зачем жизнерадостный дантист строил такую мину — то ли старался подбодрить себя, и в самом деле пребывающего в глубоком унынии, то ли хотел подготовить пациента к высокой плате за лечение. Но в общем его жизнерадостность, пусть даже наигранная, вызывала чувство благодарности.

А я, после того как мне делали обезболивающий укол в десну и начинали снимать твердый зубной камень, неотторжимую принадлежность моего организма, непрестанно думал о судьбе своих разрушающихся зубов. Непрестанно думал о том, что единственное мое достояние — зубы и я должен раз в полгода подвергать себя таким страданиям — снимать зубной камень. Широко раскрыв рот, со слезами на глазах я выставлял

напоказ дурно пахнущие обломки смерти. В приемной телевизор обычно был включен, и я слушал рекламу зубной пасты — это угнетало меня еще больше. Приятный сильный голос вещал: КАК ЧАСТО МЫ ГОВОРИМ — ПРОРЕЗАЛИСЬ ЗУБКИ! НО У ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА ЗУБЫ УЖЕ НЕ ВЫРАСТУТ, А ДЕСНЫ ВСЕ БОЛЬШЕ СЛАБЕЮТ!

— Я хожу к зубному врачу только для того, чтобы снять зубной камень. И каждый раз вспоминаю «Трактат о смерти».

— «Трактат о смерти»?

— В «Трактате о смерти», — пояснил я, — подробнейшим образом описывается человеческий организм, и, вспоминая у зубного врача эти описания, я заглушаю в себе чувство страха.

Тогда я, разумеется, не мог привести по памяти нужнуюцитату, а потом выписал из этой книги и зачитал ему такие строки: «Человеческий организм состоит из трехсот шестидесяти костей, и они служат ему, как остов дому. Кости поддерживаются сухожилиями; через все тело проходят четыре главные кровеносные жилы. Мышцы, которых насчитывается пятьсот, выполняют роль глины, заполняющей каркас; они связываются шестью толстыми кровеносными жилами, от которых ответвляются семьсот тонких, пе-

реплетающихся между собой, кроме того, еще шестнадцать толстых жил обволакивают их. Но означает ли это, что так тщательно и продуманно устроенный человеческий организм не подвержен тяжким недугам? Через семь дней после того, как новорожденный покинул чрево матери, рожденные организмом черви, обитающие в восьмидесяти тысячах пор, начинают пожирать все вокруг себя». Странно, что Гэнсин[45], человек чрезвычайно начитанный, в океане книг не выискал ни строчки о зубном камне

— Вы цитировали «Трактат о смерти». Может быть, вы принадлежите к людям, которые сочли бы за благо существование загробного мира?

— Я постоянно размышляю о том, что будет после смерти. Мне это представляется как некое видение. Говоря о видении загробной жизни, я имею в виду не себя и даже не память, оставленную мной, а представление обо мне у оставшегося в живых сына. Но я знаю, что стоит мне умереть, как сын сразу же забудет обо мне. Если даже в его мозгу и будут всплывать какие-то обрывки воспоминаний, он все равно не сможет собрать их в единое целое и воссоздать для себя и других образ

[45] Примечания: 45

Гэнсин (942–1017) — один из основоположников буддийской секты Дзёдо, автор «Трактата о смерти».

покойного отца. Следовательно, мое существование после смерти оборвется, исчезнет из его физической и духовной жизни. Я, еще живой, поразительно отчетливо представляю себе все это.

— Примерно то же самое чувствую и я. Мне временами кажется, что и мной овладевают такие же мысли о загробной жизни. Особенно после некоторых статей в газетах… Например, вы читали статью о жизни одного человека в горах на острове Миядзима?

— Читал, читал! — Мне сразу же вспомнилась та статья, тогда она произвела на меня ужасное впечатление.

Мы умолкли — что было говорить… Есть газетные статьи, которые обязательно прочитывают родители наших детей. Именно к такого рода статьям принадлежала и та, о которой заговорил отец Мори. В больнице Мацудзава в течение восемнадцати лет находился, работая садовником, одинокий глухонемой. В трехлетнем возрасте он перенес детский паралич; вместе с семьей он жил в пещере на острове Миядзима, а с двадцати семи лет, когда семья покинула остров, оставшись там, стал жить один, в лесу. Однажды начался лесной пожар, не исключено, что он возник не случайно, а от костра, на котором этот человек готовил

себе еду; его поймали охотники и поместили в психиатрическую лечебницу. Восемнадцать лет он пробыл там, забытый всеми. Наконец родные нашли его, и вот через восемнадцать лет его направили в государственный отоларингологический центр и дали возможность встретиться с сестрой, живущей в Канагаве.

Вернувшись после свидания в палату, он расплакался. А немного позже, отказавшись от ухода и забот, которыми был окружен в лечебнице, неожиданно исчез. Сестра рассказывала потом: «Я только и сказала ему: значит, ты уже не на Миядзиме, где мы прожили столько лет». Его приметы: рост — сто пятьдесят девять сантиметров, вес — шестьдесят килограммов, в очках, хромает на левую ногу, одет в желтый джемпер и спортивные туфли. Возраст — сорок восемь лет, в нижней части живота — весьма странный шрам от раны, полученной в период жизни в лесу; она была даже описана в специальном медицинском журнале.

Странная рана в нижней части живота — вот и все, что узнали о нем окружающие в период его восемнадцатилетнего добровольного затворничества в лечебнице когда он был забыт и покинут всеми. И вот через восемнадцать лет, после встре-

чи с сестрой, человек, который все годы пребывания в психиатрической лечебнице находился в состоянии душевного равновесия, неожиданно словно прозревает. И уходит — уходит, чтобы вернуться туда, где за ним *охотились*…

— Эта статья — предельно конкретное, я бы даже сказал — вещественное предвидение судьбы моего сы– на, — проговорил отец Мори после длительного молчания. В садовнике психиатрической лечебницы, пребывавшем в состоянии душевного покоя, я вдруг словно бы узнал своего собственного сына. Представьте себе, что произойдет эмоциональный взрыв и он прозреет, осознав свою истинную сущность, которую до сих пор никто не смог постичь. Разумеется, после моей смерти не найдется человека, включая и мою жену, который захочет увидеть моего сына в истинном свете. И мой сын вернется в прошлое, к тем дням, когда на него еще не началась охота, на свой остров Миядзима. Но я знаю, что никогда не наступит такого дня, когда мой сорокавосьмилетний сын направится наконец в желанное место, куда повлечет его тоска. А таким желанным местом для него будет лишь то, где я окажусь после смерти. И он просто пропадет без вести. Но разве такой поступок нельзя назвать

мужественным? Ведь вместо недостающей кости черепа у моего сына кусочек пластика — может быть, это и поможет ему решиться на самое рискованное предприятие. Но каждый раз, когда меня посещает подобное видение того, что произойдет после моей смерти, мне хочется, чтобы все было иначе…

Наши дети, прикрыв голову руками, мелкими шажками подходят к нам. Разговор прерывается на полуслове. Ведь он был нужен нам лишь для того, чтобы убить время, пока мы ожидали детей.

3

Однако волнение, вызванное этим разговором, не могло исчезнуть бесследно. Но пока я, приняв в свои объятия теплое тельце сына и горя желанием защитить его трепещущее в темноте крохотное сердечко, возвращался с ним домой, волнение постепенно съежилось, как зимняя почка. Ночью же, во сне, эта почка распускалась вновь. В то время я часто видел сны, в которых моя жизнь рисовалась предельно реалистично и в каждой детали проглядывала безысходная печаль. После таких снов я просыпался с неприятным осадком, а жестокая действительность,

с которой я должен был столкнуться, восстав от сна, — зубной камень — во время моего горестного сна впивался в зубы еще сильнее, и стоило мне представить себе эту жестокую действительность, как меня охватывало глубокое уныние.

Эти сны, которые я видел после разговора с отцом Мори о человеке, вернувшемся на остров Миядзима, были какими-то смутными, и, проснувшись, я их почти не помнил. Но неприятное чувство, которое они оставляли, не исчезло до сих пор. Мужчина, которого я видел во сне, — мой сын, нет, я сам, — вернувшись на Миядзиму, беспокойно ходит взад и вперед по причалу, не зная, как добраться до своей пещеры, и все время пытается спустить штаны и посмотреть на шрам в нижней части живота, будто это карта, по которой он может найти дорогу.

Беззастенчиво рассматривая меня с ног до головы — а я, проводив сына в школу, никак не мог освободиться от неприятного осадка, вызванного сном, — отец Мори со смехом спросил меня:

— С похмелья? Ха-ха.

— Нет, отвратительный сон видел, — беззлобно ответил я, однако рассказывать, что это был за сон, мне не хотелось. — Может быть, я достиг возраста, когда сон доставляет одни неприятно-

сти. В молодости, мне кажется, даже бессонница воспринимается иначе.

— Мне тоже сон доставляет немало мучений. Наверно, это у всех в нашем возрасте. Утрата внутреннего покоя во время сна — вот что неприятно. Стоит закрыть глаза, и тебе представляется, что ты муха, попавшая в сети паука, который сосет из тебя кровь. И по мере того, как твой дух стремится вырваться на свободу, тело постепенно покидают силы!.. Может, это знамение: что-то должно случиться?

Я вновь почувствовал, что у отца Мори и у меня есть много общего, но не могу сказать, чтобы это меня обрадовало.

— Знаете, бывает, что человек, еще совсем не старый, внешне здоровый, полный сил, скоропостижно умирает во сне. Раньше мне казалось, что дело тут в предчувствии приближающейся смерти. Страх смерти не давал мне заснуть, пока я как следует не напивался на ночь. Мне тогда было уже за тридцать, ха-ха. Я без конца размышлял о смерти. Особенно по ночам. Вот почему я могу безошибочно определить, когда тот или иной человек думает о смерти. Встречу на улице школьника, совсем еще ребенка, и сразу же замечаю — он думает о смерти. То же происходит,

когда я читаю. Бергсон определил воображение как «защитную реакцию природы на осознание разумом, что смерть неизбежна». Читая это, я представлял себе человека, который лежит среди ночи с открытыми глазами и видит во тьме красные полосы, ха-ха. Помните, Хидэо Кобаяси[46] начинает свое исследование о Бергсоне с рассказа об огромном светлячке, который в день смерти матери летал за ним по пятам. С тех пор, думая об этом человеке, я вижу преследующего его огромного светлячка. Я с детских лет преклонялся перед Хидэо Кобаяси потому, что он разбирался в атомной физике. И вдруг Хидэо Кобаяси прекратил свою работу над творчеством Бергсона и занялся Мотоори Норинагой[47]. Как вы помните, Кобаяси начинает свой рассказ с описания вишни, посаженной на скромной могиле Норинаги. Когда я прочел это, мой сон превратился в навязчивую идею. Но разве мог я искать спасения у Хидэо Кобаяси? Если даже мы не гибнем тысячами в страшной бойне, то все равно умираем — поодиночке. Так уж устроен мир, согласны? Но пока

[46] Примечания: 46

Кобаяси Хидэо (1902–1983) — японский критик и литературовед.

[47] Примечания: 47

Мотоори Норинага (1730–1801) — выдающийся японский ученый-просветитель.

что смерть, не найдя решения, отошла на задний план. Возникли новые проблемы. Они начались с того, что сослуживец из нашей лаборатории дал мне желтые таблетки снотворного, сказав, что они лучше всякого алкоголя. Приняв их, я уснул, а когда на следующее утро проснулся, подушка от слез и слюны была мокрой, как половая тряпка, хоть выжимай; я лежал, уткнувшись в нее носом, и чуть не задохнулся, но поднялся в сладостном умиротворении. Меня охватило чувство безграничного и в то же время зыбкого счастья.

Я проснулся с головокружением, но во мне еще звучало высшее блаженство — наверно, поэтому сон не сохранился в памяти, но то, что я испытал после таблеток, было потрясающе. Я тщетно противился возвращению в мир из этого высшего блаженства, поэтому, наверно, и лил слезы. Впоследствии я думал об этом не сохранившемся в памяти сне как о какой-то новой проблеме, но, прочитав книгу латиноамериканского писателя Кастанеды, я увидел, что он пишет примерно о таком же испытании, выпавшем на его долю.

Кастанеда, узнав от индейцев народности яки, что цветы одного из видов мексиканского кактуса вызывают галлюцинации, с их помощью погружался в бездонные глубины бессознательного.

Когда он находился во власти сна, вокруг него собирались индейцы и наблюдали за ним. После пробуждения начиналась рвота, болела голова, бешено колотилось сердце; еще не проснувшись окончательно, он приподнимался, шатаясь, и заползал в канаву с водой, вырытую у дома, и только после этого приходил наконец в себя — так отвратительно было для него возвращение из мира сна в реальный мир. Не исключено, я видел такие же сны, как и он, они-то и освобождали меня от страха смерти. Но все-таки во второй раз я за таблетками не пошел. И Кастанеда бежал от индейцев, и я тоже бежал от своего сослуживца, снабдившего меня таблетками, из страха, что если буду продолжать смотреть эти сны, то окажусь всецело в его власти.

Отец Мори, сжав свои не по возрасту сочные губы, пристально, точно оценивая, смотрел на меня. Он с самого начала понимал, что я страстно желаю заполучить хотя бы одну такую таблеточку, и теперь явно испытывал удовлетворение оттого, что поверг меня в уныние такой концовкой своего длинного повествования — уж не знаю, говорил ли он правду или лгал. Но тут и сам он пришел в замешательство, увидев мое разочарование.

— Прочтите «Автобиографию» Юнга[48], и, я вас уверяю, проблема сна будет вами решена! — посоветовал он.

Я уже имел случай убедиться, что отец Мори сведущ в специальных областях и к мнению этого начитанного человека стоит прислушаться. Поэтому я, последовав его совету, прочел Юнга и испытал чудесное чувство освобождения. «Автобиография» Юнга позволила мне достичь примирения между сосуществующими во мне сознательным и бессознательным. Читая «Автобиографию», я добился по крайней мере того, что горестные сны перестали усугублять ужас реальной жизни. Мне удавалось, заснув, видеть грань между сном и реальностью. И когда я просыпался, в моем сознании не было смешения сна и реальной жизни. Разумеется, осадок все равно оставался, но, спустив ноги на пол, я уже ощущал себя в реальности.

Помимо всего прочего, особую радость доставила мне мысль одного йога о «дородовой коллективности бессознательного», а с йогом этим Юнг встретился во сне. Бессознательность «потустороннего» носит коллективный характер.

---

[48] Примечания: 48

Карл Густав Юнг (1875–1961) — швейцарский психолог и философ-идеалист.

Отсюда осознанность «посюстороннего» как чего-то лишенного коллективности. Еще один сон Юн– га — летающая тарелка, снабженная линзой волшебного фонаря, а ведь «мы постоянно думали, что летающие тарелки есть наша проекция. Однако сейчас мы превратились в их проекцию. Волшебным фонарем я проецируюсь как К. Г. Юнг. Но кто управляет этими аппаратами?».

Я сам даже и не собирался решать вопрос: *В чьих руках этот аппарат?* Мне было радостно и без этого. Юнг решительно заявляет: «Смысл моего существования заключается в том, что жизнь поставила передо мной вопрос. Или же это я сам как раз и есть вопрос, обращенный к миру. И я должен дать на него ответ».

Испытывая глубокую радость, я вместе с тем грезил вот о чем. НЛО направляют на Землю лучи, и на ней проецируемся мы: я и мой сын. Я мысленно — согласно системе, усвоенной из школьного курса физики, — провожу пунктирную линию вверх от моего отражения к источнику света, потом от отражения моего сына, и оказывается, что источник света один и тот же. Итак, я грезил о «дородовой коллективности бессознательного», которая обволакивала меня и сына.

С душевным трепетом я поверил в это. Просто

не мог не поверить. Хотя лучи шли от одного источника света, все равно — факт оставался фактом — на Земле были две самостоятельные проекции. И я осознал, что меня и сына смерть настигнет не вместе, а каждого в отдельности.

Примерно через неделю после того, как я, разбуженный Юнгом, испытал это совершенно новое чувство, отец Мори не пришел за своим сыном, что случалось крайне редко. Вместо него появилась похожая на индианку мать Мори, с тонкими ногами, выглядывавшими из-под черной юбки. Взгляд ее был задумчиво устремлен вниз. Мы с ней всего лишь однажды перекинулись несколькими словами. И то, что она сказала, поразило меня:

— Вы, наверно, знакомы с телевизионной дивой Ооно? Она очень дурная женщина, мой муж вступил с ней в связь! Если вы встретите ее, то передайте, чтобы она оставила его в покое! — выпалила она, и ее глаза — два карих пятна на огромных белках — неподвижно уставились на меня.

— Я только слышал имя — Ооно Сакурао, — ответил я уклончиво, и мать Мори, не дожидаясь, что я скажу дальше, повернулась ко мне спиной и быстро направилась к кучке родителей в углу

двора, ждавших наших детей.

Мать Мори, с черными как смоль прямыми волосами, скрученными на затылке узлом, на первый взгляд своим несколько старомодным видом напоминала поколение наших матерей, но ее смуглое лицо с пористой кожей, когда она, чуть наклонив голову, смотрела немигающими глазами в сторону, казалось удивительно современным, гораздо более современным, чем лица остальных женщин, стоявших на площадке.

Было, правда, совершенно ясно, что ее маленькая фигурка несет на себе печать человека; пережившего несчастье, общее для матерей наших детей. Мать Мори беспрерывно дрожала, точно маленькая птичка, и отвергала любую попытку заговорить с ней.

4

— Ну, как Юнг? — спросил появившийся утром отец Мори, глядя на меня со своим обычным вызывающим бесстыдством и стараясь уловить мою реакцию. — Интересно? То, что вам нужно?

— Конечно, интересно. Меня очень заинтересовали сны самого Юнга, меня они потрясли, но скорее эмоционально. Сны об НЛО.

— Пресловутый волшебный фонарь, — сказал

отец Мори с чувством, изобразив на своем лице подобие улыбки. Взгляд его, казалось, был устремлен в себя.

— Разве вы посещали лекции по психологии и философии? Вы же окончили физический факультет.

— Я бывший физик-атомщик. Служил на атомной электростанции — стоит ли подробно распространяться о том, что это за работа? Ваше прошлое мне хорошо известно; однажды я вам, как писателю, даже письмо послал. Хотя ответа и не получил. Правда, я отправил вам ругательное письмо, и поэтому отсутствие ответа меня не удивило. Но, с другой стороны, наш протест мы буквально сунули вам под нос и вы не могли не обратить на него внимания.

— О! Вот оно что! Припоминаю. Действительно, я как-то получил письмо от служащих атомной электростанции. Я и в самом деле на него не ответил. Это было года три-четыре назад, да? Но я думаю, что содержание письма не требовало ответа. Честно говоря, я помню его очень смутно…

— Я не собираюсь снова ругать вас. Вы получаете, наверно, много подобных посланий?

— Получаю. Ругательные письма бывают в основном двух видов — на которые просто отве-

тить и на которые, как на ваше письмо, ответить невозможно, на них я и не отвечаю. Но порой я получаю такие письма, которые просто повергают меня в отчаяние.

— Что же это за письма?

— Мне этот разговор ужасно неприятен, — ответил я.

Дело в том, что меня уже больше шести лет преследует один юноша, которого я в глаза не видел. Время от времени я слышу, как он, пьянея от ненависти, задыхаясь, шипит в телефонную трубку:

— Убью! Я — **Дохлая обезьяна**! Почему я один должен мучиться еще столько лет? Я убью тебя!

Однажды после того, как он весь день изводил меня телефонными звонками — звонил раз двенадцать, и я неизменно молча клал трубку, — он позвонил в тринадцатый и пропищал тоненьким голоском:

— Слушай, ты, чеши в психиатричку.

Но самым главным оружием **Дохлой обезьяны** были письма, он меня прямо-таки терроризировал ими. В письмах, нацарапанных твердым карандашом на небрежно вырванных листках из блокнота — их невозможно было прочесть, не поднеся к свету, — содержались такие слова:

«Я хочу, чтобы ты знал — у тебя и твоей жены дурная кровь, вот вы и родили идиота. Мне нет, наверно, необходимости уничтожать вас своими собственными руками. Ведь если сказанное мной проникнет в ваши души, у вас будет лишь один выход — всей семьей покончить с собой». Такие письма приходили регулярно несколько раз в неделю.

Дохлая обезьяна с гордостью писал, что его отец «принадлежит к элите — служит в крупнейшей в Японии сталелитейной компании» — и он, «младший ребенок из хорошей семьи», еженедельно подвергается тщательному осмотру психиатра. Знаете, моя мать, чтобы исцелиться от болезней, уже много лет переписывает сутры и, стремясь помочь моей жене, заболевшей неврозом от писем **Дохлой обезьяны**, преодолеть недомогание, стала ежемесячно посылать ей специальный журнал-пособие. Однако никто не рассматривал упорные враждебные действия **Дохлой обезьяны** как антисоциальные, правда за исключением меня и моей жены.

Дохлой обезьяной он сам назвал себя по телефону и, видимо, гордился этим и даже в одном из писем рассказал, почему он назвал себя именно так. **Дохлая обезьяна** была галлюцинацией

наркомана из «Человека с золотыми руками» Нельсона Олгрена[49] — когда его лишали наркотиков, ему казалось, что сзади в его шею вцепилась дохлая обезьяна. Отправитель писем заявлял, что он как раз и есть та самая **Дохлая обезьяна,** которая сзади намертво вцепилась в мою шею.

«Сообщаю тебе, что освободиться от моих объятий ты сможешь, лишь убив меня или передав в руки полиции. И я буду твоей **Дохлой обезьяной** до того дня, пока сам не решусь убить себя. Вцепиться в человека и мучить его до тех пор, пока он не погибнет, совсем не трудно для того, кто достаточно уверен в себе. Тем более если вдуматься в трансцендентную природу действий **Дохлой обезьяны**. Знай, до тебя я заставил дрожать от страха одну девушку. Потом я вцепился в тебя, и теперь ты в руках **Дохлой обезьяны,** у которой за плечами уже немалый опыт».

Сообщить в полицию? Но там и так знали, что этот юноша действительно посылал студентке одного университета, с которой состоял в кружке, именуемом «Исследовательское общество ту-

---

[49] Примечания: 49

Нельсон Олгрен (1909–1981) — американский писатель, публицист и журналист, ставший одной из ключевых фигур реалистического направления в литературе США середины XX в.

ризма», любовные письма, вкладывая в каждый конверт лезвие безопасной бритвы, но, поскольку он объяснил, что у него не было намерения причинить зло, дело оставили без последствий. К тому же, что бы ни сделал «ребенок из хорошей семьи», по собственной воле посещающий психиатра, полиция будет к нему снисходительна.

Однако почему **Дохлая обезьяна,** не углядев смысла в том, чтобы цепляться за тонкую шейку бедной девушки, решил вцепиться в мою шею? Ежегодно я прочитывал до восьмидесяти его писем, но так этого и не понял. Он требовал, чтобы «во искупление» я с его помощью посмотрел в глаза реальности. То, что мой сын неполноценный, он узнал либо из вывешенного в муниципалитете списка детей, определенных в специальные классы, либо из информационного листка попечительского совета. Интуиция подсказала **Дохлой обезьяне,** что писатель, являющийся отцом такого ребенка, — самый подходящий объект, чтобы вцепиться ему в шею. Как это ни печально, следует признать, что он обладал незаурядной интуицией. Действительно, все эти годы страдала не только **Дохлая обезьяна**.

— Неужели юноша видел смысл жизни лишь в том, чтобы мучить вас? Вряд ли. Может быть,

мотивом, побудившим его писать свои странные письма, была страстная мечта, которую он хотел с вашей помощью воплотить в реальность, и он пришел в негодование, когда вы отказались ему помочь? Взять хотя бы случай со студенткой, которую он заставил дрожать от страха, — разве исключено, что он просто-напросто влюбился в эту бедную девушку?

— Он говорил, что хочет стать критиком. Семья его тоже этого хотела. После множества писем, в которых он всячески поносил нас с женой, вдруг приходит разорванный на клочки черновик с просьбой помочь ему войти в литературный мир.

— Вы его слишком ненавидите, и поэтому, скорее всего подсознательно, рассказывая о нем, изо всех сил стараетесь скрыть, что он хотел стать писателем. А ведь, если рассматривать происшедшее с этой точки зрения, у вас с ним много общего.

— Вы хотите сказать, что **Дохлая обезьяна** и я проецируемся из одного источника НЛО?

— Там в этом убеждены, — наслаждаясь моим гневом, прокомментировал отец Мори. — Этот юноша мечтал, в один прекрасный день совершив некое превращение, отнять у вас вашу

литературную работу, и тогда уже вам пришлось бы посылать ему полные ненависти письма. Более того, он хотел бы лишить вас не только работы, но и той жизни, которую вы ведете в своей семье. Вот почему он постоянно говорит вам гадости про вашего ребенка, про вашу жену, что, казалось бы, не имеет никакого отношения к его литературным амбициям. Скорее всего, вы не освободитесь от **Дохлой обезьяны,** пока не поменяетесь с ним местами, ха-ха. Поэтому бессмысленно из года в год проклинать его. Не будь **Дохлой обезьяны,** вы, наверно, подыскали бы себе кого-нибудь другого и день и ночь пылали бы ненавистью. Возможно, эта **Дохлая обезьяна** и есть спроецированный волшебным фонарем облик ненависти, скопившейся у вас внутри, ха-ха. Заявление протеста, которое я писал вам, возникло из необходимости спроецировать скопившуюся во мне ненависть, и совершенно случайно объектом были выбраны вы. Правда, мне и в голову не приходило, что вы выбросите мое письмо.

— Разумеется, я его не выбросил. Просто убрал подальше, в книжный шкаф, к тем письмам, на которые нет желания отвечать.

— Вот, значит, почему я не перешел к угрозам,

несмотря на то, что вы мне не ответили. Ведь если бы я хотел угрожать врагу, то хоть я и не **Дохлая обезьяна,** но тоже могу привести в трепет десятки миллионов людей, ха-ха. Потому что я человек, который теоретически способен изготовить небольшую атомную бомбу, ха-ха.

Изготовить атомную бомбу, пусть и небольшую! Это уже выходило за рамки разговора, который могли бы вести средних лет мужчины, дожидавшиеся наших детей на школьной спортивной площадке под пасмурным майским небом. Я подумал, что такое, скорее, могла бы сказать всегда погруженная в свои мысли и казавшаяся от этого нервнобольной жена отца Мори. Неужели кто-то мог подумать, что этот похожий на музыканта-авангардиста ученый-атомщик способен привести в трепет даже собственную жену?

Не имея на то никаких оснований, я вдруг осознал, что, скорее, сам отец Мори постоянно находится в зловещей тени, отбрасываемой этой похожей на индианку маленькой женщиной, словно сжавшейся от напряжения — не только духовного, но и физического. Разве он, человек солидный, стал бы угрожать небольшой атомной бомбой, если бы не это давление, которое он

непрерывно испытывал? Я вспоминаю, что как раз в тот день отец Мори — неважно, в каком смысле, — впервые употребил слово *превращение*.

5

Помню и еще один день, когда как-то под вечер меня навестили отец Мори с сыном. Отец Мори сначала несколько раз прошел туда и обратно вдоль покрытой нежной молодой листвой и потому просматривавшейся насквозь живой изгороди, пытаясь определить, что делается в доме. Мужчина небольшого роста в надвинутой на самые глаза шляпе, по форме напоминающей китайскую, каждый раз меняя направление, замирал перед домом, потом снова шел дальше. Чуть отодвинув штору и наблюдая за ним, я размышлял о причине странных движений мужчины и вдруг понял, что это отец Мори, ведущий за руку самого Мори. Если наших детей, начавших двигаться в определенном направлении, заставляют изменить его без должного объяснения словами и жестами, они, следуя телесной и духовной инерции, сопротивляются этому. И, неосторожно потянув ребенка за руку в другую сторону, можно вывихнуть ему запястье.

Инерция бытия наших детей, растолстевших от малоподвижной жизни и неумеренного питания, — сила колоссальная. Я не стал дожидаться, пока отец Мори решится ступить на вымощенную кирпичом дорожку, ведущую в дом, и вышел встретить их. При этом я будто бы в поисках опоры взял за руку сына, подняв его с любимого места — за холодильником, у теплой задней стенки.

Стоявший у низкой деревянной калитки отец Мори, увидев, что из дому вышел я с сыном, растерялся, но его первые слова, так же как и вызывающая улыбка, слегка тронувшая глаза и рот, были подчинены стремлению скрыть свое смущение.

— У вас такой вид, будто вы приняли меня за **Дохлую обезьяну**.

— Я ничуть не напуган, скорее испытываю к **Дохлой обезьяне** отвращение.

— Я уже говорил однажды, что это, возможно, не более чем одно из проявлений вашего отвращения к действительности. Разумеется, наше неожиданное вторжение тоже вполне могло вызвать ваше отвращение, ха-ха.

Я открыл калитку и стал наблюдать спектакль, как мой сын и Мори обнаруживают друг друга. Они не разговаривали между собой, не рассмат-

ривали один другого. Лишь исподволь раздували жар взаимного интереса, тлевший в их груди, подобно подернутым пеплом углям, и жар все усиливался, и наконец кончиками пальцев они потрогали карманчики джемперов друг друга — тогда их бесстрастные, похожие лица осветились приветливой улыбкой.

— Скажи «здравствуй», — сказал я сыну.

— Здра-а-авствуй.

— Скажи «здравствуй», — сказал и отец Мори своему сыну.

— Здра-а-авствуй.

— Прошу вас, — пригласил я в дом отца Мори после того, как мы заставили наших детей поздороваться.

— Нет-нет, давайте поговорим здесь. Вы уже нашли и перечитали то письмо?

— То? Нет, я еще не рылся в письмах. Но саму пачку достал. Стоит посмотреть на эту огромную пачку протестов и ругательных писем — от одного их количества тошно становится.

— Вы правы — вы ведь человек, который в течение многих лет публикует написанное… И тем не менее я надеюсь, что за сегодняшний и завтрашний день вы отыщете и прочтете написанное мной письмо, хотя, как мне кажется,

прочитав его заново, опять рассердитесь. Никуда не денешься, я писал это письмо, питая к вам неприязнь, ха-ха.

Отец Мори пришел, чтобы предложить план примирения после этого письма, но, чувствуя, что он может оказаться для меня унизительным, боялся, как бы я не обиделся. Но в конце концов отбросил колебания и заговорил, будто о чем-то постороннем:

— Помните, моя жена обращалась к вам по поводу Ооно. Она считает, что все, кто имеет отношение к средствам массовой информации, связаны в единую семью… И вот я подумал, что, если, рассердившись на мое письмо, вы возьмете и напишете статью и кое на что намекнете мне в отместку, Ооно может оказаться в неловком положении. Даже если в беседах с издателями вы только упомянете мое имя рядом с Ооно — одно это уже может повредить ей. Я фигура малозаметная, так что мне безразлично, а Ооно — личность известная. Хотя, с другой стороны, я человек, пострадавший во время аварии на атомной электростанции, что привело меня к группе Ооно, а это стало началом нашей близости, так что и мое имя тоже может попасть на страницы какого-нибудь реакционного еженедельника.

— О сплетнях я не пишу. И разговоров такого рода с издателями не веду.

— Но вы, наверно, специально сказали моей жене неправду, утверждая, что ничего не знаете об Ооно? Вы сразу же заподозрили подвох в ее вопросе, я в этом уверен.

— С Ооно-сан я, разумеется, знаком. Но нужно ли было говорить об этом вашей жене? Между тем, как вы знакомы с Ооно-сан, и тем, как знаком с ней я, существует принципиальная разница, согласны?.. Может быть, лучше зайдем в дом — там и поговорим?

Мы с отцом Мори устроились друг против друга в моем кабинете, а расположившиеся на полу наши дети хотя и не переговаривались между собой, но занялись одной и той же работой — рисованием. Жена принесла детям бумагу, карандаши и сладости, а нам — чай и тут же удалилась, поскольку отец Мори ее полностью игнорировал.

— Я узнал от жены, что вы сказали ей, будто не знакомы с Ооно. Наверно, о ней не стоит говорить и вашей жене тоже?

Ооно Сакурао, находясь на студенческой стажировке в Испании, потратила это самое лучшее в жизни время впустую, хотя и она сама, и многочисленные ее приверженцы считали иначе.

Во всяком случае, не совершив еще ничего особенного, она получила широкую известность среди журналистов как активная общественная деятельница. Целью ее жизни было снять кинофильм. Она училась у Луиса Бунюэля[50], но по замыслу ее фильм должен был превосходить все созданное им. Однако, еще не приступив к работе над фильмом, она была захвачена организацией различных народных движений. Но и это тоже, как она считала, входило в подготовку к созданию фильма, к которому вот-вот должна была приступить, — она окружила себя молодежью, готовила ее духовно, эмоционально, физически. Смысл жизни она видела не только в организации различных движений, но и в том, например, чтобы пригласить в Японию поэта, эмигрировавшего в Мексику после войны в Испании, и организовать ему лекционную поездку по стране. Впрочем, на телевидении она получила известность вовсе не благодаря созданию чрезвычайно актуального фильма, рассказывающего о движении за эмансипацию женщин, а благодаря совсем другой работе. И хотя у нее прахом пошло лучшее в жизни время, держала она себя с достоинством,

[50] Примечания: 50

Луис Бунюэль (1900–1983) — франко-испанский кинорежиссер, классик сюрреализма.

правда иногда несколько комичным, и на митингах, на экране телевизора представала блестящей кинозвездой. Телевизионная дискуссия, в которой я увидел Ооно Сакурао, была посвящена годовщине драматического возвращения на родину солдата — об этом знают все, — который в рядах японской армии воевал в странах Южных морей, а потом даже после капитуляции, не зная, что война окончилась, не сложил оружия и в одиночестве двадцать пять лет продолжал воевать психологически. Дискуссия началась после того, как на экране прошли кадры: яма, в которой жил солдат, сцены восторженных встреч по всей стране, — и Ооно сразу же сморщилась, сказав, что ей нехорошо. Рассказывая о солдате испанцу, ведущему настоящую борьбу в изгнании, значительно более долгом, чем то, которое пережил солдат, пропустивший окончание войны, она побледнела — ей снова стало нехорошо, — я это видел собственными глазами.

— Я действительно считаю Ооно женщиной незаурядной. Наблюдая за ней, я убедился, что она обладает особыми данными, необходимыми для телевидения, для митингов.

— Только наблюдали? А ноги вы разве ей не мыли?

— Но это…

— Ну конечно, вы ей всего-навсего вымыли ноги, — сказал отец Мори, наслаждаясь моим замешательством.

Это произошло в вечер приема по случаю завершения лекционного турне того самого испанского поэта; те, кто участвовал в организации лекций, после окончания официальной части приема устроили скромную встречу, чтобы отблагодарить молодежь, взявшую на себя всю тяжесть организационной работы. Во время приема загрохотал гром и пошел проливной дождь. Был разгар лета, и от сорокаградусной жары и стопроцентной влажности страдали кожа, сосуды, слизистая оболочка — начиная с полости рта и кончая легкими, — даже человеческие эмоции, казалось, умерли, но теперь дождь возрождал их к жизни. От станции метро до места, где должна была состояться вторая встреча, мы шли улицей, по которой неслись потоки воды, и женщины забрызгали ноги. Совершенно случайно вышло так, что в крохотном туалете я вымыл ноги будущей киносценаристке, с трудом протиснувшей в него свое крупное тело. Мы пошли туда вместе, потому что оба были пьяны.

— А вообще, откуда мне знать, что вы ограни-

чились только этим? Совершенно случайно я впервые переспал с Ооно как раз после той попойки. Во время встречи я внимательно изучал вас, а вы, наверное, даже и не помните, что я там тоже был. Здорово же вы можете набраться, да и я хоть не такой мастер по части выпивки, но все же…

— Нет, вы-то, по-моему, как раз из тех людей, которые, оставаясь трезвыми, наблюдают за такими пьяными, как я, например. Вернувшись после той встречи домой в стельку пьяным, я ничего не помнил, за исключением того, что мыл ноги какой-то крупной женщине, а вы даже спали с ней, так что объективно я прав.

— Я тоже был пьян. И поскольку впервые стал близок с ней напившись, естественно, никакого удовольствия мы не получили, в дальнейшем связь с Ооно всегда имела неприятный привкус. Я уже говорил, что, став жертвой облучения в результате несчастного случая на атомной электростанции, я повел борьбу с государством, Ооно же — организатор группы, которая поддержала меня. Наши любовные отношения базировались на нездоровой психологической основе. Я и с самого начала не отдавался целиком борьбе, а потом, влюбившись в Ооно, и вовсе стал ходить на собрания и митинги только для того, чтобы

увидеться с ней. Но я оправдывал себя тем, что влюбился не в какую-то заурядную женщину, а был покорен сильным характером Ооно.

— Действительно, это женщина с характером.

— Да. Именно в ее характер я и влюбился, а спать с ней стал уже, так сказать, в развитие этого, но добились мы лишь того, что больно ранили друг друга — в этом и состояла наша близость. И причиной была наша первая встреча. Близость с этой женщиной впервые заставила меня испытать страх, что я становлюсь импотентом.

Наши дети, полностью вычеркнув из своего сознания существование друг друга, но при этом стараясь согласовать даже свои движения, играли, как бы слившись в единое целое. И рисовали на обрывках бумаги картинки, состоявшие из множества точек. Ни отцу Мори, ни мне, хотя рядом сидели наши дети, не было нужды стесняться столь рискованных тем.

Отец Мори во время той второй встречи опасался, что Ооно Сакурао даст себе волю и напьется до бесчувствия.

В ту ночь почему-то не было ни одного из молодых ребят, именовавшихся личной гвардией Ооно, которые составляли ее постоянное окружение. Наверное, сама Ооно послала их проводить

испанского поэта. Весть о том, что Ооно, которая напилась в ознаменование окончания длительной работы по организации лекционного турне, висевшего на ней огромной тяжестью, заставила одного писателя мыть ей в туалете ноги, распространилась с быстротой молнии. Под утро, когда встреча окончилась, отец Мори взял такси, чтобы отвезти Ооно. Однако, как только такси тронулось, Ооно стало нехорошо, и ему пришлось заехать в находившийся неподалеку мотель. До этого дня отец Мори встречался с Ооно довольно часто, но им еще ни разу не приходилось ночевать в одном номере. Увидев, что к будущей киносценаристке, которую стошнило в ванной, вернулась бодрость, отец Мори понял, что теперь пора перейти к более решительным действиям. Во всяком случае, именно так, несколько упрощая, утверждал он.

Я по собственному опыту знаю, что сила, побудившая отца Мори сделать все эти красноречивые признания, родилась благодаря моей профессии. Если ты писатель, то тебе часто приходится встречаться с людьми, которые приходят к тебе, чтобы рассказать о пережитом, о мечтах, о жажде событий в своей жизни. Превратив меня в слушателя, они надеются, что я сумею проникнуть в

самое существо их жизни, хотя рассказ их — они это сознают — далек от совершенства. Ведь их слушатель — писатель.

В том же роде был и рассказ отца Мори. У него было свойственное учившимся на физическом факультете несколько высокомерное отношение к литературному факультету (наше детство пришлось на годы преклонения перед наукой и техникой — началом послужила трагедия атомной бомбардировки, а завершением — присуждение Нобелевской премии профессору Юкаве[51] — и в то же время переоценка силы воображения, силы слова).

— Я бы хотел использовать вас как экран волшебного фонаря, источником света которого служит мое подсознание; на экране отражусь я, неведомый сам себе. На вашем экране я соединю в одно целое то, что ощущается мной пока лишь как обрывочные предчувствия и грезы, а я хочу увидеть всю картину целиком. Разве сила воображения писателя, умение использовать возможности слова не помогают мне в этом?

Тут мы заметили, что наши дети, не говоря ни слова, неуверенно задрали вверх головы и на их

---

[51] Примечания: 51

Хидэки Юкава (1907–1981) — физик-теоретик и первый японский ученый, удостоенный Нобелевской премии.

лицах застыл вопрос. Мы повели их в уборную, и наши дети, став по обеим сторонам унитаза, помочились, налив при этом на пол.

— Менять ночью простынку и водить сына в уборную всегда было моей обязанностью. И каждый раз меня поражает его восставшая плоть.

— Меня тоже. Но, когда я потом размышляю, в чем тут дело, мне представляется, что это служит двум целям. Первая цель такова: мой сын родился с дыркой в черепе, как мне кажется, чтобы ею для воздействия на человечество мог воспользоваться космический посредник, и ночью, когда мы, обнаженные, предаемся мыслям о смерти, мой сын употребляет восставшую плоть как антенну. Эта информация накапливается в нервных клетках сына в виде шифра, напоминающего наследственный код. В один прекрасный день шифр разгадают, и он превратится в информацию. В ночной тьме, объявшей Токио, в телеобъектив посредника из космоса попадет крохотная светлая точка — антенна.

Вот что происходит, пока мы меняем мокрые простынки, выбираем клеенку и стелем новую простынку. Ха-ха!

— А другая цель?

— Другая?.. Как показал случай с Ооно, я посте-

пенно превращаюсь в импотента, и восставшая плоть сына — это как бы компенсация…

В тот день еще один мой посетитель, сам Мори, все время молчавший, перед уходом неожиданно поднял крик. Когда я сказал отцу Мори, беспокоившемуся по поводу обмоченного пола в туалете, ничего, мол, страшного не произошло, Мори, голая попка которого была покрыта гусиной кожей, стал вдруг каким-то механическим голосом выговаривать себе: *Нельзя этого делать, так мочиться на пол нельзя!*

6

Моя жена встретила отца Мори неприветливо — у нее не было причин питать к нему симпатию, поскольку мать Мори в тот день, когда приводила своего сына в школу, ей тоже пожаловалась, что Ооно и отец Мори продолжают свою отвратительную связь. Правда, это не вызвало сочувствия к ней ни моей жены, ни остальных матерей. Мать Мори, когда собеседница, оглушенная потоком ее слов, пыталась вставить хоть словечко, грубо перебивала ее и снова заводила речь о том, что муж и Ооно строят против нее злые козни, но, когда собеседница, стерпевшая и это, все-таки начинала что-то говорить, мать Мори, опустив

голову и дрожа всем телом, отворачивалась и не обращала больше на нее никакого внимания.

— Глаза вылупит, как птица, и уставится на кончик своего носика, а вокруг рта торчат волоски, словно пыль какая-то! — передавала мне жена слова одной из матерей, вдовы, служившей в ночном кабаре.

Кожа на лице у матери Мори была смуглой и казалась закопченной, а вокруг рта густо росли волоски, и капельки слюны, попадавшие на них, когда она разговаривала, напоминали белую пыль. Для матерей наших детей, которым всегда хотелось поговорить о своем тяжелом положении, откровения матери Мори не были чем-то из ряда вон выходящим, поэтому с такой злобой корить ее не было оснований.

Но вот однажды моя жена, присутствовавшая вместе с сыном на практических занятиях, где дети учились делать покупки, вернулась домой на час позже обычного и, возбужденная, горячо заговорила об отце Мори. Даже сын, раскрасневшись, повторил несколько раз, употребив, разумеется, выражения жены:

— Выдающийся человек, ученый, специалист! Выдающийся человек, ученый, специалист!

Наши дети под руководством преподавателя

и преподавательницы, в сопровождении следовавших за ними метрах в пяти отцов и матерей, отправились на практические занятия «Как делать покупки». Дети, которые могут по-настоящему платить деньги и делать покупки, должны войти в магазин и купить что-либо, а те, кто на это не способен, пусть попытаются хотя бы войти в магазин без сопровождения родителей. Это был супермаркет с автоматическими дверьми. Ими-то и защемило руку мальчику из самого младшего класса. Не столько от боли, сколько из страха, что оказался в ловушке, он поднял невообразимый крик. Слишком медлительный и неповоротливый учитель и всегда неумеренно суетливая учительница оказались бессильны что-либо сделать. Служащий супермаркета — тоже. Тогда отец Мори, стоявший в стороне от сбившихся в кучку родителей и, казалось, безучастно смотревший куда-то в сторону, начал действовать и освободил ребенка.

Когда работа была закончена, около двери валялись инструменты, деревянные бруски для столярных работ, одеяло; все это отец Мори заставил принести из супермаркета, но было такое впечатление, что, работая, он вытаскивал нужный ему инструмент из своих собственных

карманов. Когда автоматические двери были вынуты из пазов, ток отключен и ребенок благополучно высвобожден из зажавших его дверей, вся грудь у него была залита кровью. Однако это была не его кровь, а кровь, лившаяся из раны отца Мори. Он поранился, когда, начав работу, всунул руку между створками, чтобы не поранился ребенок.

На следующий день созвали специальное собрание, чтобы рассказать о случившемся родителям, не присутствовавшим при происшествии, и одновременно выразить благодарность отцу Мори. Жена всячески уговаривала меня пойти. Но я не пошел, представляя себе, какой шум поднимет там отец Мори в присутствии директора школы и старших преподавателей. Как я и предполагал, отец Мори ругался со школьной администрацией и родителями одновременно, но ругань его ни к чему не привела — об этом рассказала жена, позвонив во второй половине дня по телефону, установленному в специальном классе, где учились наши дети. «Из-за того, что обстановка чрезвычайно напряженная и от голода ребенок проявляет беспокойство, хорошо, если бы ты пришел за сыном, потому что я собираюсь дослушать спор до конца». Жена была на редкость

сдержанна и в то же время взволнованна.

Когда я пришел в школу, немногие оставшиеся еще там отцы и матери, прижав к себе детей, толпились в дальнем конце класса, они напоминали группу беженцев. Не только сами дети, но и отцы и матери тоже выглядели измученными от голода и бесконечных споров. Отец Мори один стоял у доски и что-то говорил. Директор школы и старшие преподаватели, в общем, администрация школы, в неестественных позах расположились на деревянных скамьях, предназначенных для детей. Представьте себе, что вдруг в разгар сражения, итог которого неясен — победа или поражение? — появляется человек, и неизвестно, кто он — враг или друг, — таким взглядом встретил меня директор школы. В классе было холодно, но он сидел багровый, от него чуть ли не пар валил. Именно он, видимо, и был объектом нападок отца Мори. У всегда уверенной в себе преподавательницы покраснели скулы, и она укоризненно смотрела на отца Мори; другой преподаватель, ответственный за случившееся, сидел, скорчившись на слишком низкой для него школьной скамье, всем своим видом он старался показать, что готов пасть ниц перед отцом Мори.

— …Наши дети занимают центральное место в

школьном коллективе! Но они не господствуют над детьми, не являющимися нашими детьми, как только что превратно истолковал положение директор школы. Они лишь занижают центральное место! Если бы это было не так, школьной администрации вряд ли имело бы смысл принимать в школу наших детей и создавать из них специальный класс. Какой же урок извлекли наши дети, узнав, что автоматические двери супермаркета таят опасность? Им стало ясно — если автоматическая дверь прижмет им руку, то ни служащие супермаркета, ни преподаватели не придут им на помощь, — разве это мыслимо? Через час после того, что произошло, в памяти наших детей не останется ничего, кроме удушающего страха. Действительно ли наши дети смогут начать самостоятельную жизнь, получив в этом классе необходимые для жизни знания? Как мне представляется, педагоги должны объяснить детям, начинающим после окончания школы самостоятельную жизнь: вот каков реальный мир, в котором вы живете; сказать им: обратите внимание именно на это! Но возможно ли такое обучение? В состоянии ли педагоги сделать это для наших детей? Не кажется ли вам, что наших детей здесь учат примитивно, занимаются

лишь физическим воспитанием, чтобы в будущем они, как беспомощные идиоты, покорно прозябали в той жизни, которая им уготована? В обществе будущего, когда система обучения станет целенаправленной, наши дети смогут научиться и вещам более сложным, к примеру, ха-ха, как совершить самоубийство. Если по-настоящему заботиться о наших детях, то для того, чтобы нейтрализовать силы, которые в обществе будущего станут осуществлять селекцию, необходимую научить их с оружием в руках защищать себя! Но сегодняшний мир все глубже утопает в мерзости, и количество детей, подобных нашим детям, неизбежно будет стремительно расти, и в результате наши дети, которые будут повсюду попадаться на глаза, станут объектом народной ненависти, как символ загнивания общества будущего. Станут объектом ненависти, как малые народы и дискриминируемые классы, вынужденные пребывать в постоянном страхе! Но угнетаемые народы и классы в конце концов восстают, а наши дети… учит ли их школа средствам самообороны?

— Это противоречит самой сути школьного образования. По-вашему, учащиеся этого специального класса после окончания школы должны

поселиться в собственном автономном районе и вооружиться чуть ли не атомной бомбой — что за странные идеи? Ведь это же идет вразрез с принципами школьного образования. Я директор школы, в течение многих лет занимаю этот пост и считаю, что *образование — это обучение гармонии природы и общества и в духовном, и в физическом плане.*

— Хорошо, в таком случае я не стану требовать, чтобы наших детей учили средствам самозащиты. В конечном счете этим должны заниматься родители наших детей, у себя дома, втайне от посторонних. Мне бы не хотелось, чтобы в тот момент, когда детей будут обучать владению винтовкой, по тайному доносу в класс ворвалась моторизованная полиция и дети после недолгого сопротивления были схвачены, а вместе с ними были схвачены и преподаватели! Ведь обучающиеся в обычных классах дети, не являющиеся нашими детьми, мастера тайных доносов, ха-ха! Так что, подводя итог, я повторяю прежний тезис: наши дети занимают центральное место в школьном коллективе!

— Как осуществить это на практике? — спросила моя жена с серьезно-задумчивым видом.

Отец Мори, на мгновение смешавшись, замол-

чал и, неприязненно посмотрев на мою жену, розовым языком облизнул губы и поморщился, будто почувствовал вкус соли. Своими манерами он чем-то напоминал мать Мори. Родители наших детей часто похожи друг на друга. Например, во время близости с женой мне иногда чудится, что я вступил в кровосмесительную связь.

— С помощью музыки! У всех наших детей прекрасный слух. И всех их нужно сделать музыкантами. Обучение должно быть организовано так, чтобы основной упор делался на музыку! Вот я захватил с собой записки одного индийского музыканта. Прочитав их, можно легко понять, для какой роли в обществе и для выполнения каких социальных функций должна готовить школа наших детей! (Сказав это, отец Мори продемонстрировал, что это не случайно пришедшая ему в голову мысль, а плод длительных раздумий; он вынул из кармана рекламный поясок с пластинки и, все еще пылая от возбуждения, сначала чуть ли не прокричал несколько строк по-английски, а потом прочел их перевод.) «I am always afraid when I play, I pray I can do justice to my guru, to my music…» («Играя, я всегда испытываю благоговейный страх и молюсь, уповая, что смогу воздать должное моему гуру, музыке. В нашей му-

зыке я ощущаю все богатство Индии. Уже в одной раге воплотилось все духовное богатство нашего народа, история непрерывной борьбы за существование. Это музыка, возникшая из молитв в наших храмах, из самой жизни на берегах Ганга, протекающего по земле священного Бенареса. Звуки существуют везде. И в детстве меня наполняли звуки, игравшие множеством оттенков. Наша музыка объясняет мне весь процесс жизни, начиная с детских лет и кончая смертью…»)

– **Что такое гуру?! Что такое Индия, что такое раге?** Объяснять эти непонятные вещи таким голодным, таким усталым, таким бессловесным детям, не соображающим, что происходит, да вы в своем уме, в своем уме! Ты…

Сидевшая до того момента с перепуганным лицом одна из матерей, смуглая и плотная, похожая на небольшую цистерну, подняла крик, размахивая руками. Ее ненакрашенные губы сверху были темными, как ржавое железо, но изнутри, когда она вдруг раскрыла рот, оказались ярко-красными — будто вспыхнул огонь, разорвавший тьму. Она была вдовой, все называли ее «мать Са-тян». Часто видели, как эта похожая на небольшую цистерну женщина, накрасившись, надев парик, который вдвое увеличивал голову, садилась в

электричку и направлялась на работу — глаза ее, будто в них растопились сумерки, казались лишенными белка.

— Ты предлагаешь уничтожить дискриминацию, которая, как ты говоришь, состоит в том, что наших детей помещают в особый класс и по-особому к ним относятся, и предлагаешь ликвидировать эту дискриминацию, а ведь ты сегодня первый раз пришел на собрание — разве ты надежный человек! Мы поверим тебе, а ты и в следующий раз возьмешь и не явишься на собрание? Да и вообще, что за чушь ты несешь?! Сделать наших детей музыкантами, а что будет с глухонемыми, как мой Са-тян? Значит, и в самом особом классе ввести дискриминацию? Хватит дискриминации! Помолись лучше, чтобы самому не попасть впросак из-за своего **Гуру-гуру!** Тебе бы только любоваться роскошной задницей телевизионной дивы. *Сексуальный маньяк!*

Директор школы проворно, как обезьяна — недаром он был преподавателем физкультуры, — выскользнул из класса. И собрание само собой прервалось, матери повели детей в уборную.

— Ваши слова в этой аудитории неуместны! Мамаша Са-тян, вы бы хоть немного подумали! — воскликнула классная руководительница,

пытаясь утихомирить матерей, а заодно и отца Мори, едва не вцепившегося в своих противников. У учительницы было одно желание: чтобы и мать Са-тян поскорее замолчала, и отец Мори избавил ее от новых разглагольствований.

Я стоял в дальнем конце класса, стараясь не привлекать внимания отца Мори, и ждал, пока жена с сыном вернутся из уборной. Вместо того чтобы утихомириться, мать Са-тян завладела учительницей и начала требовать перестройки существующей ныне системы преподавания — видимо, это было связано с глухотой Са-тян. Это была ее излюбленная тема. Учитель, согнувшись пополам, будто собираясь пасть ниц перед отцом Мори, неотрывно смотрел глубоко посаженными блестящими глазами, как тот, обескураженный, поправляет бинт на своей левой руке, пораненной вчера в борьбе с дверью. Наконец решившись, он подался вперед, чтобы заговорить с отцом Мори, но тот, всем своим видом демонстрируя, что не хочет вступать с ним в беседу, обратился ко мне, хотя до этого даже не взглянул в мою сторону.

— Мы с Мори больше в эту школу ни ногой. Я пытался предложить реорганизацию не только особого класса, но и школьной системы в целом,

однако перспектив нет никаких, так что мы с Мори в эту школу больше ни ногой. И теперь никто никогда не будет считать наших детей избранными…

Пройдя мимо учителя, втянувшего голову в плечи как побитая собака, отец Мори направился к сыну, который, обмочившись, тихо сидел на своем месте. Отец Мори стал хлопотать над ним, а мы с женой и сыном покинули класс.

— Отцу Мори после этого скандала путь в школу действительно закрыт. Что он теперь будет делать?

— Наверно, постарается найти гуру, чтобы сделать Мори музыкантом.

— Ты думаешь, он шутит? Мне кажется, он говорил серьезно, совершенно серьезно.

— Конечно, серьезно, конечно, серьезно! — сказал сын.

Это случилось зимним вечером, через девять месяцев после описанных событий. С последней почтой пришло два письма. Одно — от **Дохлой обезьяны** в самодельном конверте, заклеенном липкой лентой, на нем стояло мое имя без «господин» или «сан». В конверт были вложены три извещения о невыдержанных экзаменах на должность: от Кредитного банка Асакуса, издательства

«Ридерс дайджест» и от какой-то компании, занимающейся оценкой экзаменационных тестов для поступающих в университет.

Другое письмо — от отца Мори, с тех пор ни разу не показавшегося в школе. Оно было написано на фирменном бланке лаборатории атомных исследований в Калифорнии. Я читал его с надеждой очиститься от грязи, в которой вываляло меня письмо **Дохлой обезьяны**. Внезапно я понял, что болезненно переживаю отсутствие отца Мори.

Отныне я буду писать вам бесчисленные письма, причем не только письма в обычном понимании этого слова, а посылать вам все, начиная с исследовательских записей и кончая своими произведениями, ха-ха! Буду непрерывно звонить вам, без конца рассказывать о себе — на такую мысль меня натолкнула **Дохлая обезьяна,** о которой я услыхал от вас. Разрешите еще одной **Дохлой обезьяне** вцепиться в вашу толстую шею. Я понимаю, это малоприятно, но вы сами знаете, как трудно отделаться от **Дохлой обезьяны,** ха-ха!

Однако мне кажется, что, став вашей **Дохлой обезьяной,** я в то же время превращаю вас в свою **Дохлую обезьяну**. Ведь из всех желающих стать **Дохлой обезьяной** я вам самый близкий по духу,

хотя я и окончил физический факультет, а вы литературный. Беспрерывно imput (вводя) в вас информацию, я хочу повлиять на слова, которые будут output (выводиться) из вас. Когда вы начнете думать обо мне круглые сутки, я смогу воздействовать на ваше тело и сознание. Дело в том, что моя информация предназначена не только для того, чтобы доставлять вам страдания. Возможно, когда-то она вас и порадует. И если мне удастся проникнуть в вас, не превратитесь ли вы в моего писателя-невидимку?

Почему вы мне нужны как писатель-невидимка? Потому, что мне необходим человек, который сделает «протокольную запись» моих мыслей и действий. Мы с Мори затеваем одну авантюру, и если нам не удастся найти такого человека, и я сам, и Мори будем восприниматься как плод больного воображения. Замышляемая нами авантюра в полном смысле слова фантастична, и если «протокольную запись» будет делать полиция, то сочтет все это бредом.

Я жду начала нашей авантюры с надеждой, но, честно говоря, и со страхом. Я не прошу мне помогать, но хочется верить, что, разговаривая со способным все понять человеком, я добьюсь его сопереживания, понимания того, что произойдет

с моим сознанием и телом. Ведь писатель-невидимка и нужен, чтобы рассказать обо мне и Мори, если затеянное мной рискованное предприятие повлечет за собой нашу смерть.

Я заговорил о смерти — с недавних пор у Мори перед сном стало портиться настроение. И не потому, что он уже давно не ходит в школу. С вашим сыном, наверно, происходит то же самое? Ведь и Мори, и ваш сын — наши дети. У Мори никогда прежде не портилось настроение, за исключением тех дней, когда он бывал болен, а теперь портится. Особенно если перед тем, как ему ложиться спать, я начинаю шутить. И тут я вспомнил. Когда умирал дедушка, я, чтобы как-то подбодрить его, стал ласкаться к нему, а он рассердился. Старик — перед смертью, наши дети — перед тем, как заснуть. Разве их может радовать обещание возрождения-пробуждения? Это, вероятно, и можно назвать беспредельным погружением в смерть, погружением в сон. Вот почему, когда и старики и дети в такие минуты становятся удивительно серьезными.

Какую авантюру затеваем мы с Мори? Я рассчитываю, что мое и его сознание и тело станут совершенно новыми. В этом только и состоит то рискованное предприятие, надежды на которое

возлагаю я, а может быть, и Мори тоже!

В чем состоит главное желание человека? Заново перестроить свое сознание и тело. Если мечтать о вечной неизменности сознания и тела в загробном мире, тогда исчезает отчаяние безысходности. И, лишь преодолев такое отчаяние, впервые удается испытать радость от мысли о ничто после смерти. Замерев у кровати недовольного Мори, я чувствовал, как застывают мои шутовские жесты, стоило в мою голову закрасться мысли: а смогу ли я научить его этому ничто, которое нужно встретить с распростертыми объятиями.

Наверно, и вы часто думаете об этом? Вы, несомненно, делаете это как отец одного из наших детей! *Разве вы не такой? (Нет, вы, несомненно, такой!)*

Глава II
Нанят писатель-невидимка

1

Иногда себе и другим я говорю и, наверно, буду говорить, вторя леди Макбет:

These deeds must be thought
After these ways; so, it will make us mad.
О делах подобных размышляй,
Не то сойдешь с ума.

Как писатель-невидимка, я, разумеется, знаю, что в цитате из «Макбета» опущено «not», «not» в «must not be».

Я вписал «not», исправив перевод отца Мори на японский язык: «О делах подобных не размышляй, не то сойдешь с ума». Зачем он сделал такую ошибку? Все, что я теперь пишу, — это слова, навеянные опытом и грезами отца Мори. Возможно, такая неточность в цитате и переводе объясняется желанием отца Мори позлить писателя-невидимку. Задача писателя-невидимки заключается в том, чтобы взять за основу чужие

слова, — это несомненно, но вместе с тем он обязан, занося эти слова на бумагу, пропустить их через свое сознание и тело. В процессе этой работы я проникну в самое нутро отца Мори, до мельчайших деталей узнаю все его секреты, на какое-то время стану им самим, но все это приведет к обратному — позволит отцу Мори захватить мой мир.

Когда я впервые произнес эту фразу леди Макбет? К примеру, когда читал в газете заключенное в рамку сообщение из-за границы. Оно сопровождалось бледной фотографией, на которой был изображен летательный аппарат, похожий на огромную круглую игрушку из пластмассы, а в нем восседал мой старый приятель Малькольм Мориа. Только высокий лоб сохранился от прежнего его облика, когда он был худым и стройным. Очки в толстой темной оправе и усы, казалось, были призваны скрыть меланхолию. Подпись под снимком гласила: МАЛЬКОЛЬМ МОРИА (38 ЛЕТ), БЫВШИЙ ПРОФЕССОР ТЕХНОЛОГИИ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ КАЛИФОРНИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, У РЫЧАГОВ УПРАВЛЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНО СПРОЕКТИРОВАННОЙ И ИЗГОТОВЛЕННОЙ ИМ ЛЕТАЮЩЕЙ ТАРЕЛКИ. Несомненно, это он, несомненно! — воскликнул я.

Безусловно, это был профессор. Мы вместе работали в калифорнийской лаборатории, а теперь он, значит, уже бывший профессор. Двухместная тарелочка диаметром 2,7 метра снабжена восемью роторными двигателями по двадцать четыре лошадиные силы каждый, развивает скорость до двухсот семидесяти километров в час. В течение месяца предполагалось завершить испытательные полеты, а к будущему лету летающую тарелочку должны принять эксперты управления воздухоплавания и аэронавтики Соединенных Штатов, и она будет продаваться за десять тысяч долларов.

Корреспондент либо сотрудник газеты, правивший статью, сдержанно иронизировал над дальнейшими планами Малькольма, но и я тоже полагал, что вряд ли у него все пойдет гладко. Насколько я знаю Малькольма Мориа, он не мог рассматривать изготовление летающих тарелок как бизнес. Для него летающие тарелки не являлись *товаром*. Скорость двести семьдесят километров в час — просто смешно, — разве способна эта черепашья скорость открыть путь к туманности Андромеды? Тогда ради чего он создал *лже*летающую тарелку — как некий символ?

То, о чем я собираюсь рассказать, произошло во время моей командировки в лабораторию атомных исследований Калифорнийского университета. Во время обеда я и Малькольм с подносами в руках, отыскивая свободное место, столкнулись нос к носу и сразу же увидели два незанятых стула рядом. Малькольм схватил меня за руку и чуть ли· не силой усадил, а потом нырнул в толпу студентов и исчез. Вскоре профессор Малькольм вернулся с двумябольшими стаканами пенящегося молока и, сам кипя, как молоко, заговорил:

— Ешьте и слушайте! Жители горных районов вашей страны на вершинах вырубали лес и ставили там огромные деревянные самолеты, верно? Стремление аборигенов сохранить в виде символа летательный аппарат резко контрастирует с извращением идеи полета в цивилизованном обществе. Может быть, это отражает присущую коллективному воображению всех рас и племен идею истинного полета, идущую от богов?

Я растерялся, мне действительно приходилось слышать подобное, но я должен был внести в его слова поправку: рассказ относился к одному из горных племен Новой Гвинеи.

— Я слышал об этом от дяди-пилота, воевавше-

го на Тихом океане, который лично столкнулся с таким фактом. Японская армия вместо сбитых самолетов выставляла на аэродроме деревянные. Разве это не произрастает из того же корня, что и деревянные самолеты жителей горных районов?

— Об этом я тоже слышал. Все это действительно так и было, но рассказ о горных племенах Новой Гвинеи — это все же нечто иное. Хотя, возможно, вы правы, и деревянные самолеты взамен погибших в бою, о которых вы говорите, были не только ухищрением, чтобы ввести противника в заблуждение, но и неким символом.

— В таком случае вы должны понять и мое желание выставить в Калифорнийском аэропорту в качестве символов летающие аппараты для богов, которые прилетят из космоса на своих летательных аппаратах, и совершить с богами обмен. Меня, чья работа связана с космосом, буквально захватила идея убедить человечество, стоящее на краю пропасти, создавать подобные символы, чтобы покрыть ими весь земной шар.

Позже Малькольм Мориа действительно показал мне множество чертежей своего летательного аппарата и процитировал мне того самого Юнга. «Мы постоянно думали, что летающие тарелки есть наша проекция. Однако сейчас мы превра-

тились в их проекцию. Волшебным фонарем я проецируюсь как К. Г. Юнг. Но кто управляет этими аппаратами?» Малькольму было бы легко ответить на вопрос Юнга: волшебным фонарем оперируют боги, прилетевшие, чтобы наблюдать гибель земного шара, ха-ха. Я достал старую рождественскую открытку с изображением летательного аппарата, напечатанную самим М.М., и отправил по указанному в ней адресу воодушевляющую телеграмму:

These deeds must be thought
After these ways; so, it will make us mad.

Чтобы осуществить свою мечту, Малькольм Мориа оставил должность профессора Калифорнийского университета и приступил к изготовлению и продаже летательных аппаратов, снабженных восемью роторными двигателями по двадцать четыре лошадиные силы каждый, первобытных с точки зрения мирового уровня развития технологии, который он сам неустанно повышал. Я почувствовал, что теперь можно ожидать какой угодно авантюры. И мое предчувствие все отчетливее и отчетливее обретало черты реальности.

Но сначала сон. Наша с Мори авантюра, которая

приснилась мне, состояла в том, что я, выступая в качестве советника некоего старика, которого называют **Патроном,** заставлю его стать диктатором Японии. По этому случаю мы с Мори организуем праздничное шествие. Нечто вроде факельного шествия нацистских штурмовиков 30 января 1933 года, приветствовавших Гитлера после его встречи с президентом Гинденбургом. Глядя на огненную реку, слушая грохот десятков тысяч военных сапог, **Патрон** стоит у окна номера «люкс» на двадцатом этаже отеля «Кэйо плаза», он пританцовывает, то улыбаясь, то плача, то громко смеясь!

Облик **Патрона,** несомненно, возник под влиянием реальной личности, в честь которой проводилось упомянутое факельное шествие. Это было комично. Во сне **Патрон** не был просто политическим властелином одной лишь нашей страны. Он стоял у окна, являя собой символ не столько народа Японии, сколько всего человечества. В Коране есть такая строка: «Абрахам! Ты поверил своим снам! В них и вправду есть ясное знамение!» **Патрон** в моем сне взывал ко всему человечеству: «Люди! Все верьте снам всех! В них и вправду есть ясное знамение! И все ваши сны сливаются в мою фигуру, которая, объяв весь

земной шар, возносится, словно на картине Блейка[52], в небо!» Мы с Мори старались превратить **Патрона** в символ господства над человечеством. Не правда ли, грандиозный сон, ха-ха.

Я на следующий день долго объяснял Мори всю грандиозность моего сна. Я ведь привык целыми днями разговаривать с Мори. Как и большинство родителей наших детей. Я разговаривал с ним и о вещах, ему доступных, и о вещах, совершенно ему недоступных. Дело в том, что недоступное его пониманию теперь покроется тонким налетом моих слов, подобно тому, как даже в закупоренном подземном хранилище накапливается пыль, и в один прекрасный день слова эти, возможно, самовоспламенятся и заполыхают. Во всяком случае, Мори не отвергает моих слов. Переданные с помощью удивительного механизма слуха в подземные хранилища его мозга, они скапливаются там, как песок в песочных часах.

В связи с этим я подумал вот о чем: призывы из космоса, обращенные к древней Земле, где еще не существовало жизни, оседали на нее в виде космической пыли посланий, подобно песку моих слов в глубине ушных раковин Мори, и

---

[52] Примечания: 52

Уильям Блейк (1757–1827) — английский поэт, художник и мистик раннего романтизма.

эта мельчайшая пыль, смысл которой оставался непознанным, все накапливалась и накапливалась и в конце концов самовозгорелась живым смыслом, в результате чего и зародилась жизнь, зародился наш далекий предок — амеба. Причем не исключено, что в космической пыли посланий содержались и зародыши цивилизации, определившие появление в нас молекул ДНК, что в конце концов и привело нас к нынешнему атомному веку.

Я понимаю, что перехожу рамки, отведенные писателю-невидимке, но все же мне хочется сделать собственную приписку в виде вопроса. Не снимает ли с себя ответственность **отец Мори** в первую очередь как физик-атомщик и просто как индивид, утверждая, что нынешняя атомная цивилизация продиктована из далекого космоса волей, накапливающейся подобно космической пыли, и представляет собой единственно возможный путь, извне продиктованный планете, именуемой Земля, а следовательно, Homo sapiens по собственному желанию изменить ничего не может? Возможно, именно поэтому **отцу Мори** не оставалось ничего иного, как бежать вместе со своим сыном в сон, в чем и состоит основная уязвимость его построений?

Знаете, я не хочу, чтобы вы спешили понять меня, ха-ха. Мне ясно, что вы сразу же начнете мне возражать, но поймите, я собираюсь рассказывать лишь о своих снах, хотя и это небезопасно. Правда, мне кажется, что не только рассказывать о своих снах, это-то безусловно, но даже и просто видеть сны опасно. Разве мало людей, которые, подобно братьям Иосифа, бросили бы сновидца в рев, сказав, что его сожрали хищные звери? Рассказывая Мори свой сон о факельном шествии, в котором участвовали мы с Мори, я предлагал ему свое толкование. Я наблюдал, как Мори, который сидел рядом, даже не пытался вникнуть в смысл произносимых мной слов, внимательно прислушивался к их звучанию и время от времени повторял одно из них, а я все рассказывал и рассказывал, стараясь и для себя уяснить их смысл. Я пытался, уйдя в свой сон, размышлять о его смысле, и мне необходим был спутник, который помог бы идти правильной дорогой, — для меня Мори как раз и был таким реально существующим спутником.

Что было причиной того, что в своем сне, хотя и очень смутно, я увидел празднество по случаю захвата власти **Патроном,** столь схожее с факельным шествием 30 января 1933 года после прихода

к власти Гитлера?

— Я, Мори, во сне хотел, чтобы мы с тобой изобразили **Патрона** человеком, наконец добравшимся до огромной власти, а у сна своя логика — вот и возникла ассоциация **Патрона** с Гитлером. Если бы рассказать об этом **Патрону,** он бы рассмеялся. К нему я не питаю особой вражды, а Гитлера глубоко ненавижу.

Но сон есть сон. У сна особая логика. Как же мне удалось в процессе сна преодолеть такое противоречие, а, Мори? Но ведь ты был вместе со мной? Ха-ха, тогда рассказывай, как все это было. Давай подумаем о Гитлере — но уже не из сна, — который в конце концов едва не стал настоящим Антихристом. Что это значит? В самом начале «Войны и мира» Анна Павловна Шерер говорит, что Наполеон и есть самый настоящий Антихрист. О таком Антихристе и идет речь. Это тот самый Антихрист, который придет до того, как явиться истинному Христу, и повсюду будет говорить, что божий день уже настал. Он будет говорить о неизбежности веро– отступничества, появления неправедных, мертворожденных детей. Он будет говорить, что все пойдут за сатаной и будут творить ложь, распутство и всякий обман. Но действительно ли Наполеон был Анти-

христом? Всем известно, что в конце концов он потерпел поражение. Истинный Христос так и не явился, чтобы наказать Наполеона и тех, кто следовал за ним, и божий мир не воплотился в реальность. Гитлер тоже хотел стать Антихристом, но и ему это не удалось, он провалился, правда, Мори? Гитлер посеял семена огромных бедствий, и они проросли, но Гитлера уничтожил отнюдь не Христос. Не бог, а люди. Так что и логически можно доказать, что Гитлер не смог стать Антихристом, правда? Ха-ха. Но, может быть, явление истинного Христа снова отдалилось, потому что Антихрист, именуемый Гитлером, был уничтожен, еще находясь в пеленках? Следовательно, ценность того, что люди своими собственными силами уничтожают тех, кто стремится стать Антихристом, сопоставима с явлением Христа. Может быть, Христос раздражен тем, что ему никак не удается явиться? Ха-ха. Борьба людей, уничтожающих Антихриста до его появления, превращается в борьбу за жизнь без помощи бога. Но ее необходимо вести, Мори.

Итак, если вернуться к моему сну, я не знаю, как согласовать его с логикой реальности, но, видимо, **Патрон** был для меня Гитлером и я рассматривал его как Гитлера, все еще имеющего возможность

превратиться в настоящего Антихриста. Он стоял, пританцовывая, улыбаясь, плача, громко смеясь, у окна двадцатого этажа отеля «Кэйо плаза», глядя на реку огней, слушая дружный топот военных сапог, эхом отражающийся от трех стоящих друг против друга небоскребов на одной из центральных площадей города. Но, Мори, дойдя до этого места в своем рассказе, я вспомнил следующий эпизод сна, о котором забыл — точно внезапно сдвинулся фокус объектива фотоаппарата, приблизив место событий, — и я увидел, что пританцовывали, улыбались, плакали, громко смеялись мы с тобой, а не **Патрон**. Мы уже давно помогали **Патрону** захватить власть и даже участвовали в шествии, но в последнюю минуту, кажется, взбунтовались против него. Причем я и ты, Мори, в линзе с измененным фокусным расстоянием оба были высокого роста, подобающего тем, кто предпринимает подобные действия. Даже если отказаться от версии, что **Патрон** — Антихрист, все равно мне кажется, что сон не совсем лишен смысла, правда Мори?

Записывая все это, писатель-невидимка считает, что события, о которых рассказывается как о сне, хотя и являются не настоящим сном, а вымыслом, названным сном, в основном соот-

ветствуют действительным снам, которые видел отец Мори. Именно поэтому я без всяких колебаний записываю как сон повествование, которое отец Мори называет сном.

Мне ничего не было сообщено о **Патроне** — действующем лице сна, но существующем, кажется, и в действительности. Я, правда, подозреваю, что уже на том этапе, о котором рассказывал отец Мори, он заранее предчувствовал многое, о чем еще не было сказано, — будь то из области реальной жизни или из толкования снов. Что означают слова для писателя-невидимки? И настоящие сны отца Мори, и так называемые сны, лишь именуемые снами — точнее определить их не в моих силах, — и неумело сделанные отступления, хитро задуманные для того, чтобы увести рассказ в сторону, — все они, пронизывая мое сознание и тело, имеют равную ценность. Причем слова отнюдь не безразличны к правде и лжи — какова же их природа? В какой взаимосвязи находится эта природа с моим сознанием и телом?

2

День за днем я тянул лямку жизни, сознавая, что это не настоящая жизнь; поскольку человек сознает это, он находится во взвешенном

состоянии и, продолжая вести подобную жизнь, оправдывает себя тем, что существа его такая жизнь не затрагивает. Я говорю так, исходя из собственного, хотя и не слишком богатого, опыта.

Действительно, хвастать тут нечем. Хотя я и начал свой рассказ в несколько высокопарной манере — как-никак рассказ обращен к писателю, — скованность моя исчезла, ха-ха, и я в конце концов начну откровенно рассказывать о взаимоотношениях с женой, о взаимоотношениях с бывшими товарищами по атомной электростанции. Конечно, взвешенное состояние есть взвешенное состояние, и для того, кто находится в нем, не существует принципиальной разницы, где висеть — на турнике на заднем дворе или в космическом пространстве. Говоря «на заднем дворе», я имел в виду задний двор атомной электростанции — ходили слухи, что из хранившихся там подземных цистерн просачиваются плутоний и стронций–90 и вместе с цезием достигают грунтовых вод, но лучше оставим это в стороне. В течение десяти лет после моего ухода со службы атомная электростанция выплачивала мне деньги за секретность, так что, как только об этом заходит речь, я сразу же замолкаю.

Не знаю, странно ли это или, наоборот, есте-

ственно, но десять лет назад, после того как я подвергся облучению на атомной электростанции, я мог думать только о себе, о своей болезни, и ни о чем другом. Потому-то я и надеялся, что жена тоже будет думать только обо мне, но, разуверившись в этом, перестал обращать на нее внимание. Я весь сосредоточился на жалости к себе. Я не думал, что облучение приведет к быстрой смерти. Ожоги, вызванные радиацией, начали зарубцовываться, но опасность смерти оставалась вполне реальной. Хотя я был несведущ в радиационной медицине, по специальности я все же физик-атомщик. И понимаю, что такое радиация. Но все-таки я верил, что, поскольку радиация не нож или железная палка, убить меня она не может.

Размышляя о смерти, я представлял ее как неявное, но упорное вмешательство потусторонних сил — так обычно думают дети, осознав, что они существуют. Только я продолжал так думать, и став взрослым. С того дня как я узнал, что рано или поздно неизбежно умру, я без всяких на то оснований твердо верил, что умру не из-за какого-то глупейшего несчастного случая, нет, моя жизнь будет унесена лишь после того, как вмешаются потусторонние силы, сложно и запутанно пред-

определяющие нашу судьбу. Кто же еще один отвратительный враг, прибавившийся к тому глупейшему случаю, послужившему причиной моего облучения? Мне и это было ясно. Чудовищная злокачественная опухоль, вызванная канцерогенным веществом — плутонием, — обнаружится у меня через несколько лет. В космосе, возможно, существует еще более ужасный враг, но у нас нет другого выхода, как ждать, пока с ним столкнутся космонавты, прыгавшие, как кенгуру, по Луне, ха-ха. Именно рак я считал болезнью, в которой замешаны потусторонние силы, и стоило мне подумать о нем, как страх раздирал мою душу и я весь покрывался холодным потом. Жена как-то принесла в палату настоящую губку, которыми сейчас уже никто не пользуется, — наверно, она надеялась на эту диковинную губку, как на амулет, обладающий магической силой, ха-ха, и нежно стала проводить ею по моему лбу, носу, щекам. Я хотел сказать ей, чтобы она оставила меня в покое, но даже на это не хватило сил. Так силен был мой страх, усугубленный бессилием. Если бы мне сказали, что я ослабел, думая о радиоактивном загрязнении среды, грозящем в будущем человечества, я тогда охотно согласился бы с этим. Не сумев успокоить мои страхи и

побороть бессилие, жена печально посмотрела на меня, но я все равно не мог передать ей свои ощущения. Настойчиво думая о будущем раке, вызванном плутонием, я втаптывал в грязь чувства жены. Разумеется, такой эгоизм должен был вот-вот обернуться против меня!

Через два года, когда родился Мори, я наблюдал обратную картину — теперь уже жена не обращала внимания ни на что другое, кроме своей тоски. Я смотрел на нее печальными покрасневшими глазами, потом откровенно злобными глазами, наконец, безразличными глазами… Как воспринимала жена мои взгляды, было ясно — я со стороны наблюдал за ней. Но я чувствовал, что успокаиваться нельзя, и проник в закрытое сердце жены, с изощренной хитростью использовав в качестве отмычки тот несчастный случай двухлетней давности, явившийся причиной моего облучения. Наш ребенок, Мори, находился в специальной палате университетской клиники, и мне не хотелось пробуждать ее материнский инстинкт. Я чувствовал: чтобы расколоть закрытую раковину, у меня один путь — вернуться в то время, когда я сам запер себя в раковине и не хотел вылезать из нее.

Перечитывая написанное мной, писателем-

невидимкой, я почувствовал, что последний абзац недостаточно убедителен. Видимо, потому, что отец Мори не хочет рассказывать всю правду о ненормальности, обнаруженной у Мори при рождении. Но поскольку отец Мори и в своих письмах, и в телефонных разговорах со мной умолчал об этом, я как писатель-невидимка ничего не могу поделать. Отец Мори не говорит об этом подробно, возможно, потому, что мой сын страдает тем же, чем страдает Мори.

Правда, я не могу утверждать, что и сам хорошо понимаю, насколько нарушилось внутреннее равновесие моей жены, когда родился ненормальный сын. Жена не видела ребенка в момент его появления на свет — лишь услышала испуганный возглас медсестры!

Только через пять лет я стал постепенно ощущать, как наполняется слабой электрической энергией психологическая цепь, замкнувшаяся внутри ее. Когда родился второй, совершенно нормальный ребенок, я случайно услышал, как жена говорила сиделке: нужно было иметь немалое мужество, чтобы после того снова забеременеть и девять месяцев трястись от страха. Зачиная ребенка, я и в мыслях не имел, что и второй ребенок может быть ненормальным, а

жена вместо радости все это время испытывала лишь тревогу и страх.

К какой я прибег уловке, чтобы расколоть раковину, в которую заперлась жена? Я упорно пичкал ее всевозможными небылицами не только о своих бывших сослуживцах по атомной электростанции, но даже о жертвах атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, стремясь внушить мысль, что ненормальность в черепе Мори связана с тем, что я подвергся облучению. Я договорился до того, что появившиеся из-за плутония раковые клетки, которых я так боялся, вероятно, дали метастазы в череп Мори. Жена поверила. Каков был результат? Ее твердое решение — ни в коем случае не иметь больше детей. И жена упустила случай, родив следующего, здорового ребенка, совершить самоочищение.

Говоря жене все это, я прекрасно знал, что лгу. Но потом меня и в самом деле обуял страх, что раковые клетки, которые, якобы исчезнув из моего организма, переродились в опухоль в голове Мори, действительно поразят меня. К тому же я был вынужден постоянно поддерживать и без конца повторять эту ложь — вот почему я и нахожусь во взвешенном состоянии.

По своей натуре жена — человек, логически

мыслящий, но склонный к нелепым выводам. Если еще какая-то женщина родит от меня неполноценного ребенка, это нанесет ущерб здоровью человечества, считала она и, взяв на себя миссию защитника всемирной справедливости, начала препятствовать моим связям с женщинами, ха-ха.

Я и в глазах Ооно Сакурао предстал чуть ли не импотентом, возможно, под влиянием собственной лжи и твердой убежденности жены, опирающейся на эту ложь. Когда знаешь, что ложь есть ложь, оказываешься во взвешенном состоянии. Это аксиома. И поскольку моя жена взяла на себя великую миссию следить за моими связями с женщинами, исходя из стремления освободить будущее человечество от дурной наследственности, она, видимо, действительно была далека от мелкой женской ревности, ха-ха.

Поступок матери Мори на спортивной площадке, где мы ждали наших детей, теперь предстал передо мной, писателем-невидимкой, совершенно в новом свете… Действительно, она тогда честно и открыто обвиняла Ооно Сакурао в безнравственности, будто говорила об угрожающем миру продовольственном кризисе. И я в самом деле воспринял тогда ее слова не как проявление

мелкой женской ревности — в ее словах скрывалась хотя и не понятная мне тогда, но огромная страсть человека, захваченного всепоглощающей идеей. Да и сам отец Мори, как видно, ясно осознавал это. Какими бы ни стали сейчас их супружеские отношения, рождение наших детей заставило родителей, хотели они того или нет, достичь глубокого взаимопонимания в главном.

Сейчас я хочу пояснить конкретно, как проходит моя повседневная жизнь во взвешенном состоянии. Совместная борьба, профсоюзной организации атомной электростанции и группы Ооно закончилась успешно, и я превратился в бывшего служащего, получающего прежнее жалованье, но теперь не обязанного ходить на службу. Атомная электростанция должна была на собственные средства обеспечить обследование пострадавшего от радиации сотрудника. Профсоюз проявил энтузиазм, в результате чего и администрация предприятия активно способствовала созданию для меня самых благоприятных условий. Разумеется, эти условия предусматривали обязательство хранить тайну, поэтому, рассказывая в дальнейшем о несчастном случае, особенно распространяться я не смогу. Итак, получая жалованье и ничего не делая, я

больше не должен был засиживаться допоздна, но, поскольку я работал до глубокой ночи много лет, плохо засыпаю. В час ночи я начинаю пить виски с пивом, но стоит мне чуть задремать, как во мне вскипают жизненные силы, подстегнутые алкоголем. И, пользуясь этой минутной вспышкой жизненных сил, я направляюсь к Мори.

— Мори, Мори, вставай, нужно помочиться! — взываю я к сыну.

Иногда простынка уже бывает мокрая — это зависит от его самочувствия и от того, что он ел на ужин. Тогда я веду полусонного Мори в уборную, меняю простынку, снова покрываю тюфяк полиэтиленовой подстилкой — вам тоже случалось это делать? Детям, достигшим возраста Мори или вашего сына, приходится расстилать довольно большую простынку, чтобы она была им по росту, и, когда она обмочена, можно стелить на тюфяк сухую ее часть — так что работы немного. Но при моем физическом состоянии помощь пива с виски необходима.

Писатель-невидимка не может не добавить к этому, что часто полиэтиленовая подстилка — целая проблема. Когда возникают временные перебои с полиэтиленом, раньше всего исчезают подстилки, которые достаточно велики, чтобы

прикрыть толстую попку восьмилетнего ребенка. Наконец после долгих поисков находишь то, что тебе нужно, и, боясь, что подстилки снова исчезнут, набираешь впрок столько, что остальные покупатели смотрят на тебя осуждающе. Что, мол, за странный человек, скупающий, разумеется для спекуляции, такое огромное количество полиэтиленовых подстилок. Отец Мори тоже, несомненно, сталкивался с осуждающими взглядами людей. Отцов наших детей нередко подстерегает опасность пережить стыд и унижение.

Однако нужны еще большие жизненные силы, чтобы смотреть на восставшую плоть Мори. Особенно это непереносимо для меня после истории с Ооно. Мори всегда находится во власти магии времени и, укутываясь в одеяло после возвращения из уборной, смотрит на часы, будто хочет всю свою жизнь размерить по минутам.

— Уже двенадцать минут второго! — говорит он и тут же засыпает.

Я возвращаюсь на кухню и продолжаю пить пиво с виски, чтобы нагнать сон, — остудив таким образом внутренности, я устраиваю себе очередной приступ колита.

Интересно, какие сигналы получала от вос-

ставшей плоти Мори жена? Недавно произошел такой случай — проснувшись, я увидел, что постель заволакивает утренний туман. Но это же не туристский лагерь в горах, ха-ха. Мы с Мори всегда спим, раздвинув перегородку, отделяющую постели, и обычно жена, чтобы не будить меня, забирает Мори из комнаты и помогает одеться, но в то утро, распахнув окно, она что-то делала у его кровати.

Я встал, дрожа от холода и злобы, но накричать на жену не смог. Мори лежал не шевелясь на гладко расстеленной простынке, глаза его были плотно закрыты. Он был похож на маленького умного зверька, учуявшего опасность, — спит он или бодрствует, определить было невозможно.

Жена стояла на коленях у постели Мори, низко склонившись над ним, будто отвешивала поклон. На ней была надета старомодная комбинация, задравшаяся выше колен. Я неотрывно смотрел на жену — она сидела не шелохнувшись. Я заметил, что в левой руке — моя жена левша — была зажата наполовину раскрытая золингеновская бритва, которую отец купил на память во время учебы в Германии.

3

Вы, наверное, тоже слышали толки о *Корпусе лососей*? Я находился недалеко от того исторического места, где состоялось его рождение. И я горжусь тем, что путь *Корпуса лососей* и мой жизненный путь. Однажды пересеклись. Вооружившись ружьями, они совершали свой *Великий поход* туда, где полиция была бессильна настигнуть их; я тогда как раз удил лососей перед самым закрытием лова в том году на горной речке Кумагава, в уезде Адзума префектуры Гумма, откуда начался этот *Великий поход*.

Я не сомневаюсь, что *Корпус лососей* до сих пор существует как сплоченная организация, если не развалился во время своего *Великого похода* в горах в результате внутренней междоусобицы. О том осеннем инциденте, ставшем и для меня волнующей кровь живой легендой, рассказывают, наверно, теперь члены *Корпуса лососей,* вспоминая о днях его возникновения. Возможно, именно эта акция была первым этапом его партизанской деятельности. Она осуществлялась под контролем *Корпуса лососей* как организации, имеющей четкую структуру, но в то же время слагалась из индивидуальных действий каждого члена,

выявивших его преданность общему делу.

Об упомянутом инциденте я рассказал на основе писем, самых горячих и исчерпывающих из всех присланных отцом Мори. Может быть, он все выдумал, чтобы я воспрянул духом, боясь, что после того, как он заставил меня описывать близкую мне обстановку в его неблагополучной семье, роль писателя-невидимки вызовет у меня отвращение. Не исключено, что события, рассказанные в письме отца Мори и записанные мной, являются плодом его фантазии.

Как я уже говорил, в конце лета — начале осени я ловил лососей на горной реке Кумагава. Конечно, меня нельзя назвать заядлым рыболовом, одержимым страстью к ловле рыбы в горных реках. В отличие от любой другой рыбной ловли страсть к ловле рыбы в горных реках может овладеть любым человеком, независимо от профессии, и он, отказавшись от любых удовольствий ради рыбалки, всю свою жизнь посвящает блужданию по горным рекам. Но такому человеку, как я, который родился в бедной крестьянской семье, с огромным трудом окончил физический факультет и, начав работать на атомной электростанции, прилагал неимоверные усилия, чтобы

хоть немного опередить своих сослуживцев, немыслимо целиком посвятить себя ловле рыбы в горных реках.

Однако в то лето сложились особые обстоятельства — после облучения администрация электростанции и профсоюз, отдавая дань моей самоотверженной работе, потребовали, чтобы я занимался только восстановлением своего здоровья. Кроме того, я уже не мог вернуться на прежнее место, где существовала опасность нового радиоактивного облучения, так что я был лишен возможности продолжать демонстрацию своего усердия. Вот как я очутился на летней даче, принадлежавшей атомной электростанции, и стал вести жизнь человека, занятого поправкой своего здоровья, а этим я мог заниматься за счет электростанции до конца своих дней.

Инженер, долго живший на этой даче летом прошлого года — это был пожилой человек, — оставил все необходимое снаряжение для ловли рыбы в горной реке. Я думаю, он, как и я, прежде никогда в жизни не занимался этим. Запасся он и несколькими пособиями по рыбной ловле — без всякого спроса я позаимствовал у него и снаряжение, и книги, но мук совести при этом не испытал. Можно было не опасаться, что инженер

когда-нибудь еще приедет сюда ловить рыбу. Он не подвергся облучению, а страдал нервным расстройством — он был одержим идеей, что над ним нависла страшная угроза: будет украдено ядерное горючее для реакторов атомной электростанции и похищен он, инженер, которого заставят изготовить атомную бомбу для террористской группы. Целое лето он лечился на этой даче, но депрессия его лишь усугубилась, и, когда наконец ему удалось уговорить жену и детей переехать в страну, где нет ни одного атомного реактора, он вдруг взял и повесился.

С фибергласовой удочкой для ловли рыбы в горных реках, которую оставил мне человек, обуянный страхами атомного века, я спустился по тропинке меж берез к реке Кумагава. Я не собирался, как завзятый рыболов, забросить удочку и идти вдоль реки, а выбрал удобное местечко недалеко от лесной дороги. Наловив в ледяной воде личинок ручейника, я забросил леску в омут у отмели, менявшей направление потока. И тут же вытащил бьющегося лосося! Вода в реке была прозрачной, лишь чуть подернутой белесоватой дымкой. Видимо, поток поднимал со дна песчинки. Лосось, покрытый, точно пленкой, той же белесоватой дымкой, что и вода, был весь в

черных крапинках и темно-красных полосах. В деревне, где я вырос, кетовые не водились, и я был потрясен окраской этого пятнадцатисантиметрового лосося, его свирепо торчащей вперед нижней челюстью — даже какое-то время не слышал шума реки.

С тех пор я каждый день ловил по одной рыбине, ловил на том самом месте, где поймал своего первого лосося. По субботам и воскресеньям настоящие рыбаки, добиравшиеся до Кумагавы, проворно перемещались вдоль реки, вытаскивая одну рыбу за другой, местные жители ловили на искусственную приманку и легко добивались успеха. И лишь я, оставаясь на одном и том же месте, которое настоящий рыбак, забросив пару раз удочку, сразу же переменил бы, ловил на личинку ручейника в омуте, где удить на искусственную приманку трудно. Мне ведь достаточно было поймать одну рыбину. Пока я удил, наступал вечер, бывало, шел проливной дождь. Может быть, такие изменения погоды создавали особые условия для обитавших на дне лососей и заставляли их каждый раз набрасываться на личинку, неизменно появляющуюся в одном и том же месте. Я всегда ловил только одну рыбину в день.

Однако чем больше я вникал в руководство по рыбной ловле, тем сильнее мне хотелось заняться ловом по-настоящему — однажды я надел резиновые сапоги, оставленные все тем же предусмотрительным инженером, вошел в реку и стал подниматься вверх по течению от того места, где были садки с молодью горбуши, — ни разу не клюнуло.

Неожиданно опустившийся на реку туман и сгущающиеся сумерки заставили меня, бредя по мелководью, искать подъема к горной дороге, как вдруг я столкнулся с прекрасно экипированным рыбаком, забрасывавшим удочку с искусственной приманкой в том месте, где глубоководье переходило в отмель. Его реакция, когда он меня увидел, была более чем странной, и я встревожился.

— Разве так рыбачат? Учтите, это место очень опасное — медведи! — зловеще сказал мужчина, и меня это сразу же насторожило.

Медведи — это меня очень заинтересовало. Как мне было известно, именно благодаря медведям и появилась на свет легенда, относящаяся ко времени рождения *Корпуса лососей*!

Уезд Адзума — горный, и поэтому осень наступает внезапно. Начинается с того, что в течение

пяти-шести дней идет дождь, вода в реке мутнеет и поднимается. Я уже начал втягиваться в ловлю лососей и во время огорчившего меня вынужденного перерыва пошел посмотреть на реку — она выглядела совсем иначе, чем летом. Вода затопила валежник, оползни на лесной дороге изменили русло реки, кусок берега, где раньше росли густая трава и кустарник, теперь превратился в остров, окруженный клокочущим потоком. Остров был довольно велик в длину, рассказывали жены расчищавших там землю крестьян, приходившие на мою дачу продавать овощи.

Остров был в центре внимания всех, кто жил поблизости; и вот как-то ранним утром по горной дороге, где стлался густой туман, оттуда прибежали двое юношей. Напуганные медведями, они искали спасения в гостинице, открытой только в летний сезон. Юноши рассказали, что недавно вместе с товарищами разбили здесь лагерь и ловили лосося, пока рыбная ловля еще была разрешена, но тут зарядили дожди, и они оказались отрезанными на этом острове, образованном начавшимся паводком. Мало того, кроме них, на острове остались еще медвежонок и огромная медведица, и ребята дрожали от страха. Наконец

им, двоим смельчакам, удалось переправиться через реку, чтобы связаться с властями, а на острове вместе с медведями осталось пятеро их товарищей и девушка. Случайно в гостинице как раз проходила встреча тридцати директоров охотничьих союзов Синсю. Вооруженные прекрасными ружьями, прихватив большое количество патронов, они все как один спустились к реке.

Директора охотничьих союзов переправляются на остров, и тут провожавшие их двое юношей отбирают у них ружья! Затем появляются остальные шесть человек, среди них и девушка, и уносят ружья и патроны. Директора оказались бессильны, поскольку у них и в мыслях не было стрелять в людей. Тридцать разоруженных человек получили приказ снять резиновые сапоги, которые были выброшены в реку. Ружья охотников охраняли юноши, а двое даже целились в них, так что сопротивляться было невозможно. Перейти вброд бешено мчащийся ледяной поток они тоже не могли. Таким образом, оставив в западне на острове тридцать директоров охотничьих союзов, семеро юнцов и девушка погрузили в резиновую лодку тридцать новехоньких охотничьих ружей и патроны и переправились через

реку. Говорят, их командир от имени *Корпуса лососей* даже выразил благодарность за любезно предоставленное оружие. А тридцать охотников, соорудив баррикаду из камней и валежника, ждали, когда по лесной дороге к ним прибудут люди с другого берега, — они принимали меры предосторожности на случай, если бы на острове действительно оказались медведи, ха-ха!

Я прямо с ног сбился, все это время собирая слухи о *Корпусе лососей,* все новые и новые легенды о случившемся в окрестностях реки Кумагава; семеро юношей и девушка, благодаря которым родился *Корпус лососей,* были деятельны, но малоразговорчивы — откуда появились, куда исчезли, — они не оставили ни намека, который мог бы послужить путеводной нитью.

4

Вам может показаться удивительным, что о таком из ряда вон выходящем инциденте не было сообщения в газетах. Но это говорит лишь о существовании приказа заткнуть рот прессе из-за опасения, что известие о тридцати ружьях и большом количестве патронов, попавших в руки организованной в группу молодежи, может вызвать общественное волнение. Я же имел

возможность на месте гоняться за слухами и легендами, связанными с этим событием.

Я сказал «приказ заткнуть рот», будучи уверен, что в нашей стране он действует фактически повсеместно. Невероятно большое число инцидентов не находит отражения на страницах газет. Мне, например, точно известно, что это относится к происходящему на атомных электростанциях. Я уже говорил, что до сих пор получаю пособие как бывший научный сотрудник атомной электростанции, только дав обязательство не сообщать средствам массовой информации конкретных подробностей аварии, в результате которой я подвергся облучению. Мне и впредь необходимо это ежемесячное пособие, вот почему я и вам не раскрываю всей сути происшедшего, ха-ха.

Подобное случалось, я думаю, не только со мной; я имею в виду людей, облучившихся на атомных электростанциях, которых не только руководство электростанции, но и профсоюз убеждал держать в тайне случившееся, и они молчали, получая за это определенное денежное вознаграждение. Атомные электростанции обходятся дорого, ха-ха. Они определенно разрушают окружающую среду и ежедневно вырабатываемыми радиоактивными отходами, и астрономическим

количеством отработанной горячей воды, но, несмотря на это, они активно пропагандируются как источник энергии, символизирующий надежду будущего человечества выжить. А значит, распространять слухи о том, как я, работая на такой электростанции, стал жертвой аварии, все равно что перечеркивать завтрашний день человечества. И естественно, молчание становится нашей неотъемлемой сущностью.

Приведу пример — об этом инциденте писали газеты. Он произошел совсем недавно — помните? На атомной электростанции в Тохоку инженер-электрик умер от белокровия. Он служил в компании, осуществлявшей ремонт атомных реакторов. В течение четырех лет он проверял и ремонтировал атомные реакторы. В мае прошлого года его положили в клинику, а в конце февраля этого года он умер. Мне не особенно хотелось знать подробности — достаточно уже того, что у него оказалось белокровие. Компания попыталась заткнуть рот средствам массовой информации — это естественно, но и семья умершего тоже хранила молчание. В течение своего полугодового пребывания в клинике инженер тщательно скрывал диагноз и ни словом не обмолвился о нем больным, находившимся в

одной с ним палате. Если бы случившееся выплыло наружу, он мог лишиться покровительства атомной электростанции, и тогда рассчитывать ему было бы не на кого. Он испытывал одиночество человека, который в условиях бурного использования атомной энергии в мирных целях усомнился в целесообразности строительства атомных электростанций. В состоянии ли больной вынести такое испытание? Я убежден, что множество инженеров проходит курс лечения, облучившись на атомной электростанции.

Таким образом, остается одно — говорить о подобных инцидентах в юмористических тонах; так вот, я облучился вне стен атомной электростанции. И в этом первая причина того, что электростанция и профсоюз сделали все, чтобы сохранить случившееся в глубокой тайне.

Мы мчались тогда в машине, груженной ядерным сырьем, из которого можно было изготовить двадцать бомб. Мчались по государственной автостраде втроем: водитель, его помощник и я, представитель атомной электростанции, и никакой охраны — не великолепно ли, ха-ха. И произошло то, что должно было произойти, — на нас напали похитители ядерного сырья.

Писатель-невидимка, исходя из подготовлен-

ных отцом Мори материалов, стараясь понять, на чем основываются его «юмористические тона», представил себе детали инцидента в таком виде. На атомной электростанции с помощью стержней из изотопа урана–238 в определенной пропорции с обогащенным на 3–5% ураном–235 нагревают паровой котел. В результате происходит превращение некоторой части урана–238, и в реакторе образуется плутоний. Для его выделения стержни раз в год извлекаются и подвергаются химической обработке. Ральф Лэпп[53] — один из тех, кто делал атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, а после войны стал критиком ядерной стратегии, хотя и не настаивает на полном уничтожении ядерного оружия, пишет, что ядерные стержни, заключенные в огромные свинцовые контейнеры, невероятно тяжелые, «горячие» в смысле радиации, и даже гангстеры, если похитят их, никакой пользы для себя извлечь не смогут. А вот выделенный химически на обогатительной фабрике азотнокислый плутоний, представляющий собой

[53] Примечания: 53

Ральф Лэпп (1917–2004) — американский физик, участник Манхэттенского проекта во время Второй мировой войны, впоследствии занимался вопросами ядерной политики и радиационной безопасности.

зеленую жидкость, обладает весьма слабой радиацией, и его можно перевозить на грузовике в обычных контейнерах — им гангстеры могут заинтересоваться, говорит Лэпп.

Писатель-невидимка согласен, что зеленая жидкость в контейнерах была тем самым ядерным сырьем, которого могло хватить на двадцать бомб, о чем говорил отец Мори, и считает описанный инцидент вполне вероятным! Однако если бы даже зеленая жидкость действительно была похищена, для того, чтобы изготовить из этого исходного продукта атомную бомбу, пришлось бы наладить производственный процесс по ее очистке и превращению в металл — для этого необходимы дорогостоящее оборудование и опытные специалисты. Разумеется, если грабители ядерного сырья поставили себе цель завладеть этими контейнерами, все происходило так, как описывает отец Мори.

Мы ехали в большой машине, груженной ядерным сырьем, возвращаясь с обогатительной фабрики А. на атомную электростанцию. Вырвавшись из бесконечных пробок, наша машина выехала наконец на специальную дорогу, ведущую к атомной электростанции. Тут нас и захватили. Крытый брезентом грузовичок старой

модели, который, несомненно, следовал за нами от самой обогатительной фабрики, отчаянно сигналя, будто хотел обогнать нас, начал прижимать нашу машину к обочине — какое сопротивление могли мы оказать, не имея охраны? Во-первых, я не сразу разобрался в происходящем и даже подумал, не нарушили ли мы правила движения. Вполне можно было бы предположить, что в крытом брезентом грузовичке сидит инспектор дорожной полиции. А водитель скорее всего подумал: наверно, что-нибудь неладно в кузове, где стоят контейнеры, и его машину хотят остановить, чтобы сказать об этом. После того как грузовичок обогнал нас, водитель рукой в перчатке стал подавать знаки, чтобы мы подъехали к обочине и остановились, причем делал он это твердо и уверенно.

Однако, как только мы остановились, из грузовичка выскочили какие-то личности, чей вид вызвал изумленные возгласы нашего водителя и его помощника. Вне себя, они завопили злыми голосами:

— В чем дело, в чем дело? Чего вам надо?

— Что это такое, что это такое? Чего·это вы устроили?

Брезент над кузовом преследовавшего нас

грузовичка откинулся, и оттуда молодцевато выпрыгнули человек пять-шесть, они встали в позу *жестяных людей* из «Ужасного колдуна»[54], издав при этом странный металлический скрежет. Их можно было назвать ловкими и в то же время какими-то несуразными — беспорядочно, хотя и энергично, прыгая вокруг нас, они действовали неумело, и было совершенно непонятно, чего они хотят. У всех у них в руках были старинные пики в рост человека.

— В чем дело, в чем дело? Чего вам надо?

— Что случилось, что случилось? Чего это вы задумали?

Жестяные люди пиками прижали дверцы водительской кабины, и водитель со своим помощником снова завопили голосами, в которых звучали жгучая злоба и стыд. Тут я впервые испугался, и не на шутку, из-за их странной одежды. Потом мне пришла в голову мысль, что самое ужасное произойдет, если им удастся осуществить задуманное. Наряд *жестяных людей* — старые американские шинели с капюшонами, надвинутыми на глаза, поверх шинелей привязаны тяжелые металлические листы — по всей види-

---

[54] Примечания: 54
Популярный в Японии комикс.

мости, должен был играть роль защищающей от радиации одежды; скорее всего, руководил грабителями не научный расчет, а животный страх. *Жестяные люди,* тут же взобравшиеся в кузов нашей машины, оказались, видимо, первыми в нашей стране похитителями ядерного сырья.

Теперь один из *жестяных людей* начал колотить пикой в дверцу водительской кабины. Водитель и его помощник опять закричали, растерянно и в то же время негодующе:

— В чем дело? В чем дело? Чего вы стучитесь?

— Что это такое, что это такое? Чего вы стучитесь?

— Хочет, чтобы мы открыли дверцу, — пришлось мне объяснить им. — Нижняя часть лица под капюшоном, наверное, у него повязана носовым платком, и поэтому говорить он не может. Ничего плохого делать нам он не собирается — нет нужды.

Пика продолжала барабанить по дверце, и водитель нехотя открыл ее — в кабину ворвалась уличная жара и вонь, исходившая от *жестяного человека.* Он протянул руку, огромную из-за прикрывавших ее металлических листов, и вытащил ключ зажигания. Между рукавом шинели и перчаткой проглянула потная розовая кожа.

Завладев ключом, *жестяной человек* резко захлопнул дверцу и, грохоча, побежал к своему грузовичку. Как только он вскочил на подножку, грузовичок развернулся и задом подъехал к кузову нашей машины. Водителем грузовичка был бледный мужчина в спортивной рубахе, а не *жестяной человек,* как остальные. Когда я выглянул из кабины, чтобы получше рассмотреть его, *жестяной человек* на подножке погрозил мне пикой, так что водителя удалось увидеть лишь мельком. И еще я заметил, тоже на мгновение, нарисованную на брезенте эмблему начальной школы. И подумал, что это грузовичок, на котором доставляют школьные завтраки, и мои мысли устремились в новое русло. Эмблема начальной школы как раз и явилась главной причиной того, что я сделал в дальнейшем. Не покажется ли вам это странным? Ведь в то время у меня еще не было ребенка, да я и не питал особого интереса к детям.

И все же, когда я увидел эмблему начальной школы, я совершенно явственно услышал громкие крики: ЛИ… ЛИ… ЛИ… Я испытал возбуждение пинчраннера, охваченного страхом, смешанным с горьким честолюбием.

Я еще был сотрудником атомной электростан-

ции и в тот раз отвечал за перевозку ядерного сырья, но не само нападение возмутило меня так сильно, как водителя и его помощника, — пока еще не отчетливо, но я уже предвидел огромную опасность, с которой оно связано. И мысль об этой опасности сверлила мне мозг: ЛИ… ЛИ…

Поскольку жестяные люди решили везти ядерное сырье в грузовичке для доставки школьных завтраков, то, видимо, предполагают воспользоваться летними каникулами и произвести очистку плутония в спортивном зале начальной школы. Какой-нибудь юнец, только что назначенный учителем физики этой начальной школы, будет руководить производственным процессом, но сможет ли эта компания, не имеющая никакого опыта, благополучно осуществить задуманное? Даже если все пойдет хорошо, заражение спортивного зала ядерным сырьем неизбежно. При соприкосновении с воздухом очищенный плутоний окисляется. В этом случае окись плутония распространится по всему спортивному залу. Дети будут вдыхать его, и через какое-то время в школе появятся больные раком легких.

Когда мне это пришло в голову, я сам закричал ЛИ… ЛИ… и, переступив через колени водителя

и его помощника, выскочил из кабины в дверцу, которая не была видна *жестяному человеку*. Водитель и его помощник с негодованием теперь кричали вслед мне:

— Что это с вами, что это с вами? Побледнели как полотно. Не впутывайте нас! Что это с вами, что это с вами? Побледнели как полотно. Не впутывайте нас в это дело!

Когда я подбежал, *жестяные люди* уже загрузили в свой грузовичок вожделенные контейнеры. И точно завороженные смотрели на зеленую жидкость, струйкой стекавшую с кузова на землю. По меньшей мере один контейнер оказался поврежденным.

Было уже слишком поздно, а похитители ядерного сырья стояли и строили идиотские предположения: проникнет вытекающая жидкость через их защитную одежду или нет. Ни у одного из них не было счетчика Гейгера. Заметив, что я побежал, наблюдатель с грохотом припустил за мной, остальные, смотревшие на расползающееся по земле пятно, обернулись в нашу сторону. Тут я поднял крик и, хотя до смерти напугал всех этих юнцов, сам оказался в безвыходном положении, и мне не оставалось ничего другого, как нырнуть под брезент грузовичка похитителей.

— Здесь все вокруг заражено! И грузовик, и дорога — все заражено! Вы сами тоже заражены! Если вы уедете обратно на своем грузовике, то заражен будет весь Токио! Спасайтесь, спасайтесь, спасайтесь!

С этим криком я спрятался за самым дальним контейнером, и *жестяные люди* стали колоть меня пиками, подняться в кузов они боялись. Я все кричал, а *жестяные люди* все кололи и кололи меня пиками, боль была нестерпимой, а тут еще возникла и другая боль, от ожогов. Но я безостановочно кричал металлическим голосом, не уступавшим лязгу лат *жестяных людей*.

— Здесь все вокруг заражено! Вы облучились. Я тоже облучился и весь в ожогах! Разве можно допустить, чтобы вы вернулись в Токио на своем грузовике и заразили весь город? Нельзя допустить, чтобы дети заболели раком легких! Спасайтесь, спасайтесь, спасайтесь!

Крытый брезентом грузовичок продолжал стоять на месте, а юнцы все ожесточеннее кололи меня пиками. Вдруг *жестяные люди* разом сорвались с места и побежали, издавая невероятный лязг. Боль от ожогов лишила меня сил вылезти наружу, я уже не кричал о радиоактивном заражении и, лишь едва слышно повторяя все еще

звучавшее у меня в ушах ЛИ… ЛИ… весь дрожал, точно от холода, хотя лето было в разгаре. Вот как я был облучен.

Глава III
Однако все это было в прошлом

1

Однако все это было в прошлом; я говорю «в прошлом», потому что все это безвозвратно прошло. Дело в том, что это происходило до нашего с Мори *превращения*. Теперешние же я и Мори — это я и Мори после *превращения.* Что значит *превращение*? Мне даже кажется, что я только и живу ради того, чтобы рассказать о нем, преодолев неисчислимые тяготы, выпавшие на мою долю после *превращения,* ха-ха. Однако как сложно мне рассказать о *превращении* так, чтобы убедить вас, а через вас бесчисленное множество других людей! Рассказывать же упрощенно, в общих чертах не годится. Именно поэтому до сих пор я рассказывал о том, что уже безвозвратно прошло. Это была подготовка.

И опять-таки именно поэтому мне понадобились вы — писатель-невидимка. Я, рассказывавший вам до сих пор, — это я уже после *превращения*. Мне, человеку, лишенному литературных способностей, вряд ли удалось бы придать

правдоподобие описанию событий до *превращения,* изложенных человеком после *превращения*. А чтобы понять, что представляло собой наше с Мори *превращение,* совершенно необходимо знать, что происходило до него.

До сих пор я ничего не рассказывал вам *о превращении*. Говоря о своих предчувствиях, я мельком коснулся этого, но рассказывал-то о действительно случившемся в моей реальной жизни и снах до *превращения*. Пригласить вас в качестве писателя-невидимки было для меня единственно возможным способом передать информацию бесконечному множеству людей. И роль писателя-невидимки будет постепенно возрастать. Я взял на себя обязанность поведать всему человечеству об истинном смысле *превращения,* но для этого нужно не столько говорить, сколько действовать, опять-таки в интересах всего человечества! Я в самом деле безумно занят, ха-ха.

Таким образом, поскольку роль писателя-невидимки определилась, характер этой работы, заключающейся в описании событий, субъектом которых является отец Мори, наконец стал ясен и мне, и читателям. Следовательно, комментарии, отражающие несогласие между рассказчиком, отцом Мори, и мной, записывающим его рассказ,

потребуются мне в редких случаях, как это и было до сих пор. К тому же я стал испытывать острый интерес к *превращению* или, лучше сказать, к самому отцу Мори, утверждающему, что такое *превращение* произошло. Следовательно, до тех пор пока отец Мори не умолкнет, я не откажусь от выполнения своей миссии писателя-невидимки.

Итак, наше с Мори *превращение* — каким образом оно началось? Прежде всего мне хотелось бы, чтобы в вашей памяти запечатлелся факт, что это случилось в начале весны, в день сильного снегопада. И сам факт, что в тот день был сильный снегопад, заставивший отступить весну, тоже, видимо, имел определенное значение. Проснувшись в темной комнате, я сразу же почувствовал, что снаружи все занесено глубоким снегом. Почувствовал по холоду, по доносившимся с улицы звукам, совсем не таким, как всегда. Обычно я поднимаюсь с постели с тяжелым сердцем, будто внутри у меня что-то надломилось, но в то утро или, лучше сказать, почти полдень я встал удивительно бодрым, готовым на любые подвиги.

Мори тоже был возбужден снегопадом, он встал с рассветом и смотрел на снег. Его сумеречный, ограниченный мир сознания расширился до того, что он мог уже испытывать подъем, даже

его движения, хотя и едва уловимо, изменились, став более ловкими, целенаправленными. Это-то и явилось непосредственной причиной события, случившегося во второй половине того снежного дня, то есть последнего события перед *превращением*. Действия Мори на первый взгляд могли показаться безрассудными, но, если внимательно присмотреться к ним теперь, когда все завершено, в них явственно вырисовывается причинно-следственная связь. Мори никогда не действует по своей прихоти, ему неведом метод проб и ошибок — разумеется, это немало усложняет жизнь нашим детям, ха-ха!

В тот день обстоятельства складывались для жены особенно неблагоприятно. Ее разбудил Мори, чтобы она сменила обмоченную еще на рассвете простынку, потом позвонили из группы Ооно, чтобы я выходил. Точно недовольная птица, она нахохлилась, замкнулась в себе и не удостоила даже взглядом снежные сугробы. Мне пришла в голову мысль, не воплотились ли в мою жену, собравшись вместе, все тени, сбежавшие с улицы, где стало так необычно светло, ха-ха! В одинаковых пальто, в одинаковых шапках, в одинаковых шерстяных шарфах, в резиновых сапогах, доходивших нам до колен, — в таком

виде мы вышли с Мори из дому. Встречавшиеся на прорытой в снегу узкой тропинке прохожие, чье сонное воображение, подстегнутое снегопадом, пробудилось, удивленно смотрели на нас. Вернувшись домой, они, наверно, снова вышли на улицу, чтобы насладиться снегом, и, может быть, кто-нибудь из них говорит:

— Странная пара, этот взрослый и ребенок. Совершенно одинаковые с головы до ног. Даже головы у них одинаковые, два огурца, большой и маленький, нет, это не отец и сын, а братья, и один из них — карлик.

В тот день мы с Мори шли встречать руководителя движения против строительства атомной электростанции на юге Сикоку, который прибыл на Хонсю рейсовым пароходом, а потом пересел на поезд Синкансэн — скоростной линии железной дороги. Он интересовался мной потому, что я уже десять лет был неразрывно связан с группой Ооно. «Десять лет со дня облучения» — руководитель движения обязательно употребит эти слова; во время нашей беседы он будет задавать мне вопросы о тех тяготах, физических и моральных, которые я в связи с этим испытываю. Снедаемый постоянной тоской, я не смогу передать свои истинные чувства и мысли и буду говорить самые

общие вещи. Тем более что руководитель движения из далекой провинции, чтобы доложить потом обо всем пославшей его организации, будет подробно и обстоятельно записывать мои слова. Но поскольку в прошлом я был инженером и имею опыт работы на атомной электростанции, то я обязательно скажу о неверном толковании проблем научного характера. Так что для него, руководителя движения, я ни в коем случае не окажусь человеком совершенно бесполезным.

Я ходил на самые разные митинги протеста против строительства атомных электростанций в первую очередь для того, чтобы встречаться с Ооно. Если бы я уходил из дому без убедительного предлога, порожденного нашим атомным веком — борьбы против строительства атомных электростанций, — жена бы сделала все, чтобы помешать моей встрече с Ооно. Но жена тоже человек атомного века — разве могла она возражать против борьбы со строительством атомных электростанций, одна из которых, по ее глубокому убеждению, была виновна в облучении ее мужа и разрушении в его организме красных кровяных телец, в рождении ребенка, подобного нашим детям, и лишении ее возможности производить на свет здоровых детей? Жена очень гордилась

тем, что училась когда-то на медицинском факультете; так могла ли она повернуться спиной к гражданскому движению протеста против строительства атомных электростанций, несмотря на то, что возглавляла его Ооно?

В этом причудливо переплеталось комичное и трагичное, ха-ха, но временами моя жена сама, казалось, сомневается — может быть, облучение плутонием тут ни при чем и что-то неладное произошло в ее собственном, материнском организме. Именно поэтому она, возможно, прониклась еще большей ненавистью к атомным электростанциям, стараясь убедить себя в том, что именно они повинны во всех ее несчастьях.

— Идем на платформу Синкансэн. Это та самая платформа, Мори, с которой ты ездил к бабушке.

— Да, Синкансэн!

Так переговаривались мы с Мори в толчее Токийского вокзала у выхода на платформу Синкансэн, и тут я выпустил руку Мори, которую до этого крепко сжимал. Нужно было купить перронные билеты. Я направился было прямо к окошку кассы, но, увидав, что перед ним стоит человек пять-шесть, неловко потоптавшись, повернулся и пошел в конец очереди. Я рассеянно смотрел по сторонам. В костюме, предназначенном для хож-

дения по глубокому снегу, было слишком жарко, и я находился в каком-то полубессознательном состоянии. Купив перронные билеты, я протянул один из них Мори, который, как я думал, стоит у меня за спиной, но Мори исчез!

Толчея переместилась от контроля у выхода на платформу Синкансэн вправо, к центральному входу. Я кричал громко, но мои крики мгновенно растворялись в шуме толпы.

— Мори, Мори!

Все было напрасно.

Я кричал, а толпа безжалостно толкала меня и несла за собой, и мне с трудом удавалось сохранять равновесие. Я решил остановиться у центрального входа — ведь у Мори нет перронного билета. Пока я нервно оглядывался в сторону контроля, новый поток пассажиров потащил меня к проходу на платформу линии Кёхама, Яматэ и Центральная. В конце концов мне удалось вырваться из толпы и вернуться к выходу на платформу Синкансэн, но Мори и след простыл. Судя по времени, экспресс Хикари, который я встречал, уже пришел. Не зная, что предпринять, я нерешительно, поминутно оглядываясь, прошел контроль и одним духом взбежал по лестнице на платформу, к которой прибывал

экспресс Хикари. Там уже стояли встречавшие — два молодых человека с флагом группы Ооно.

— Хорошо, что пришли! Из-за снежных заносов поезд опаздывает на целый час, — сказали они, как обычно, бесстрастно.

— Только что где-то здесь исчез мой сын. Пойду разыщу его и сразу же вернусь.

— Пропал Мори? Уж не ЦРУ ли или Американская комиссия по атомной энергии здесь замешаны?

— Не может быть! — закричал я.

— Почему? Как это «не может быть»?

Молодые люди, которые привыкли организовывать демонстрации и всегда готовы к активным действиям, захваченные дикой фантазией о существовании некоего международного заговора, тут же окликнули проходившего мимо сотрудника железнодорожной полиции. Тот стал подробно записывать в блокнот: имя пропавшего, возраст, пол, место жительства, профессию отца. Хотя Мори было уже восемь лет, чужому он ни за что не скажет своего имени, поэтому объявлять по радио об исчезновении мальчика было бессмысленно. Кроме того, пропавший Мори не проявит никакого беспокойства, что позволило бы окружающим понять — пропал именно он.

— Ему восемь лет, но… От рождения с черепом у него не в порядке… и, даже поняв, что потерялся, плакать он все равно не будет…

— Вы говорите, с черепом не в порядке — это заметно?

— Была опухоль — ее удалили! Что в этом противоестественного?

Нужно пойти в участок и проделать все необходимые формальности — как это у них все просто! Молодые люди, которым нельзя было отказать в отзывчивости, пошли туда вместо меня. Я снова вернулся к контролю у выхода к платформе Синкансэн и стал рыскать по всему вокзалу. Токийский вокзал — здание довольно простое, но для такого ребенка, как наши дети, оно представляет собой огромный лабиринт, где легко заблудиться, да к тому же отсюда можно уехать в любой район Японии.

Через час после того, как начались поиски Мори, молодые люди из группы Ооно, прихватив с собой маленького пожилого человека — руководителя движения против строительства атомной электростанции на Сикоку, — спустились с платформы. Молодые люди уже рассказали ему мою придуманную сначала только для жены историю, будто ненормальность при рождении Мори

объясняется тем, что я был облучен, — он тут же выразил готовность включиться в поиски Мори и стал расспрашивать о его приметах.

— Увидите — сразу поймете, что слабоумный. Точная моя копия, уменьшенная на треть! — ответил я грубо.

Он печально посмотрел на меня.

Мысли, терзавшие меня во время поисков Мори, продолжавшихся уже целых два часа, вспомнились мне потом, при случившемся вскоре *превращении,* и наполнились для меня новым смыслом. Меня преследовала мысль, что Мори оказался брошенным на Токийском вокзале, точно ребенок, подкинутый в камере хранения. Преследовала меня и такая идея: а вдруг Мори сел в первый попавшийся поезд и уехал неизвестно куда и попадет в руки совершенно чужих людей. Пройдет несколько недель, родственные узы, связывающие его со мной, его отцом, порвутся, и Мори превратится в совершенно другое существо, и не исключено, я найду его только по собачьему выражению глаз и странному шраму на животе…

Стоило мне представить себе, что Мори упал с платформы и его переехало поездом, как все во мне переворачивалось. К тому же у меня было

совершенно отчетливое чувство, что произошло *превращение* и мы поменялись с Мори местами: потерявшийся ребенок, брошенный всеми, заблудившийся, не понимающий, что с ним произошло, — не кто иной, как я сам. Потрясенный этой мыслью, я метался по вокзалу, и тут ко мне подбежал руководитель движения против строительства атомной электростанции на Сикоку, взывавший к каждому ребенку, который попадался ему на глаза: «Мори! Мо– ри?» — и обратил ко мне глаза, полные непереносимой боли, чистые и честные глаза пожилого человека. Каждый раз, когда на меня смотрели эти глаза, я чувствовал себя вдвойне, втройне затерянным в толпе Токийского вокзала и шептал·строку из Блейка, которую как-то прочел в романе: *Отец, куда же ты ушел, бросив меня?* Прошептав эти слова, я обратился к какому-то совершенно постороннему, неизвестно что собой представляющему человеку (ха-ха, обратился к отцу) вырвавшимся из самой груди молитвенным голосом, точно взывающий о помощи:

Father! Father! Where are you going?
O, do not walk so fast.
Speak, father, speak to your little boy,

Or else I shall be lost.

Запыхавшись от погони за человеком, который хотел бросить меня, я в конце концов начал носиться взад и вперед по Токийскому вокзалу, ха-ха, — неужели я хотел догнать убегающего father?

Что же касается настоящего Мори, то его нашли молодые люди, которые любое дело доводили до конца. Мори поднялся на платформу экспресса «Кодама» и целых три часа, никому не мешая, спокойно стоял у киоска, навалившись всей тяжестью своего усталого тела на прилавок. Толпы людей на платформе толкали его, и он нашел себе убежище в этом тихом уголке. Когда мы отправились с ним навестить бабушку, то ехали как раз на экспрессе «Кодама». Точно бестелесное существо, он без билета спокойно проскользнул через контроль на выходе к платформе Синкансэн. Молодые люди пошли в полицейский участок сообщить, что пропавший найден, а мелкий служащий, пивший чай, сказал своим товарищам:

— Я так и подумал, что это он и есть, на платформе экспресса «Кодама», да? Я его там видел.

Молодые активисты, имеющие привычку по всякому поводу заявлять протест властям, набросились на него: если заметили мальчика, почему

не удостоверились, кто он, не доложили? Они так вопили, что их чуть было не арестовали, но им удалось удрать, ха-ха.

2

В тот день я надолго задержал на вокзале руководителя движения против строительства атомной электростанции на Сикоку и даже заставил его помогать нам разыскивать Мори, но этого мало — я решил вернуться домой и не участвовать в вечернем митинге, где ему была отведена главная роль. И, что было уже совсем неприлично, я еще спросил у молодых людей, будет ли присутствовать на митинге Ооно, и получил такой ответ:

— Послушайте, папаша, ради чего вы вертитесь около нашего движения? Когда Ооно не будет с нами, вы сразу же сбежите, да? До чего же люди вашего возраста прямолинейны.

Я почувствовал, что молодежь в душе осуждает меня. Но я совсем выбился из сил, устал и Мори, и мы, шлепая по слякоти от растаявшего снега, перепачканные с ног до головы, вернулись домой. Подождав, пока жена, у которой с утра было дурное настроение, переоденет Мори, я увел его в кабинет и стал бить. Мори весь съежился

от страха, сощурился, втянул голову в плечи и, пытаясь защитить лицо, выставил вперед локти. Где и когда научился он так защищаться? Может быть, среди общих накоплений человечества, полученных нами еще до рождения благодаря наследственному коду, есть специальный пункт, предусматривающий правила защиты слабого, когда его избивают? А я, приводя Мори в ужас, пользовался самыми грязными методами — схватив за руки, пытался отвести их от лица, тыкал в грудь, чтобы ему пришлось опустить локти, и бил его по щекам.

Вас, отца одного из наших детей, наверно, с души от этого воротит, вам хочется спросить меня: для чего? — запишите мой ответ, и пусть он прозвучит, как смех сквозь слезы, ха-ха, — чтобы научить! Как иначе осознал бы Мори, что три часа его блужданий были ужасными тремя часами, смог бы понять, что должен за это понести наказание? Хотя наказание последовало только через пять часов. Я все бил и бил Мори — и никто бы меня не оправдал, — ха-ха, чтобы научить! Научить, что бросать меня и уходить, бежать так, чтобы я не мог догнать, уходить в неизвестном направлении — плохо! Ха-ха, жестокое учение с весьма сомнительными результатами!

Когда я ударил Мори первый раз, нос его стал багровым, точно внутри его вспыхнула красная лампочка, из глаз пролилось несколько слезинок, и он, будто для того, чтобы подтвердить мой удар, сам стукнул себя по той же щеке. И он не плакал. Потому что я, ударив его первый раз, пригрозил: не смей плакать! Что же я начал делать потом? Дрожа всем телом от озноба, будто во мне таяли снежные сугробы, со скрипом стискивая зубы так, что сморщился подбородок, ха-ха, я коварно и жестоко бил неумело защищающегося, не помышляющего о сопротивлении ребенка…

Я постепенно сознавал, что невидимой мне, грубой, огромной ладонью бьют не кого иного, как меня, бьют прозрачной, огромной ладонью, легко преодолевающей неумелую защиту, и, чтобы понять смысл этих ударов, я бью самого себя по щеке (но это щека Мори!), и волосы у меня встают дыбом.

— Что вы здесь делаете в темноте? — услышал я за своей спиной крик человека, у которого тоже волосы встали дыбом. Не разгибаясь, я испуганно обернулся и увидел жену, которая, перестав кричать, так и осталась с зиявшей черной ямой открытого рта. Что-то напоминающее серебристые листья ивы выделялось в темной фигуре

жены. Два глаза и лезвие бритвы в левой руке

— Сам виноват, что Мори потерялся, за что ты его бьешь? Ты же ему говорил о бабушке, вот он и пошел на платформу «Кодама». И целых три часа терпеливо ждал, что ты догадаешься об этом! Откуда такая жестокость! Что ты делаешь с ним здесь, в этой страшной темноте?

Жена кричала «в этой страшной темноте», дрожа всем телом, точно так же, как дрожали мы с Мори.

— Скажи лучше, что ты собираешься делать? С бритвой в руке? Может, ты тайком брилась?

— Ты поехал на Токийский вокзал, чтобы бросить там Мори? Ты поехал, чтобы бросить там Мори, и, чтобы создать себе алиби, решил использовать как свидетелей активистов движения против строительства атомных электростанций!

— Ничего подобного!

— Когда ты первый раз позвонил мне, что Мори пропал, ты был возбужден — думал, удалось избавиться от него! А стоило ему найтись, и в телефонной трубке я слышу унылый голос! Будешь и дальше врать?

— Я искал Мори целых три часа и безумно устал, откуда же взяться бодрости.

— Бодрости у тебя не было, наверно, потому,

что не пришла та отвратительная женщина! Нужен ты ей, чтобы с тобой встречаться! Она в это время выступала по телевизору. Так бить ребенка, которого ты собирался бросить, только за то, что тебе не удалось встретиться с той женщиной? Подонок!

После нашего возвращения, переодевая Мори, жена упорно отворачивалась от меня, когда я рассказывал о случившемся, и я подумал только, что виной всему ее дурное настроение. Но она, наверно, в течение ста восьмидесяти минут, которые отделяли первый звонок — Мори потерялся, и второй — он нашелся, беспрерывно пила виски. И теперь пьяна. Поняв это, я разозлился до того, что в глазах потемнело — такой была моя реакция на страх от неожиданного появления жены. Если вдуматься, я постоянно стеснялся жены и на этот раз, боясь, что она услышит, приказал Мори не плакать.

— Я прекрасно понимаю — ты меня ненавидишь, вот и размахиваешь бритвой. Но тебе меня не обмануть, я видел, что ты собиралась сделать в то утро. Скажи сама, что хуже — бить Мори или кастрировать его?

Не успел я это сказать, как ее глаза — два ивовых листка на одном уровне — сверкнули во тьме.

Третьим листком — золингеновской бритвой — жена начала размахивать во все стороны!

Жена, хоть и пьяная, была ошеломлена и, когда до нее дошел смысл моих слов, даже перестала размахивать бритвой. Я ее, конечно, разозлил, но у меня была и другая цель — представить ее трагедию в комическом свете и хоть немного сбить чудовищное напряжение. Совершенно обезумевшую жену я любил сейчас до умопомрачения, этим же умопомрачением можно было объяснить и мои слова.

— Я убью тебя! Хоть ты и облучен плутонием, все равно спишь с женщинами! И пусть все катится к черту! Я убью тебя!

Размахивая бритвой уже целеустремленно, жена набросилась на меня. Я повалил Мори на пол и теперь мог увертываться от мелькавшей у меня над головой бритвы. Пьяная жена, прыгая около меня, споткнувшись, ударилась о книжный шкаф.

— Ой, больно! — жалобно закричала она.

Но в нее точно бес вселился — боль только распалила ее, она развернулась и снова набросилась на меня.

Атаки жены стали чересчур опасными, но тут застонал валявшийся у наших ног Мори. Как

только я с ужасом подумал, не поранен ли Мори, жена ударила меня по уху рукой, в которой была зажата бритва. От страха, охватившего меня подобно мрачной, грозовой туче, я силой отшвырнул жену. Она и сама испугалась, что бритва сделала свое дело, и, с грохотом ударившись о стеклянную дверцу шкафа, на этот раз не завопила: ой, больно! Послышался лишь звук, похожий на всхлипывания — наверно, она пыталась втянуть кровь, лившуюся из носа. На полу стонал Мори — он трясся, напуганный нашей дракой.

Я стоял в темноте и тихо подвывал. Удар пришелся по кончику левого уха и губе, но бритва, как мне показалось, щеки не задела; брызнула кровь, и я ощутил боль, но не только от удара, а еще и оттого, что нервные волокна словно скрутились в тугой клубок. Возможно, я подвывал еще и потому, что в критический для жизни момент пытался спастись, инстинктивно повторяя то, что делал Мори. Всхлипывания жены объяснялись, видимо, тем же. Каждый из нас старался подражать стонам Мори.

С подбородка, точно из крана, стекала кровь и струилась с груди на живот, а потом на босые ноги. Я открыл рот, чтобы облизать губы, но, попав на онемевший, ставший твердым, как палка,

язык, кровь полилась по нему в горло; закашлявшись, я стал выплевывать сгустки крови. Я понял, что бритва все-таки рассекла щеку насквозь и из этой красной дыры, наверное, торчат зубы, свои и искусственные; я пошел к выключателю зажечь свет, заливая кровью все вокруг. Нужно показать рану убийце с золингеновской бритвой! Но я увидел такое, что отбило у меня охоту демонстрировать свою рану. Жена, стоявшая у стеклянной двери, куда я отшвырнул ее, опустив окровавленное лицо, занесла левую руку с бритвой, чтобы перерезать запястье на правой! Я схватил с пола под выключателем крысоловку и запустил в жену, целясь ей в руку. В бритву она не попала, но зато прищемила ей правую руку. Жена издала вопль, на который не способна ни одна крыса, и начала судорожно отжимать пружину, ха-ха. Это была особая крысоловка, изготовленная по моим чертежам, когда я работал на атомной электростанции, где крысы перегрызали трубы, по которым поступала вода для охлаждения реактора. Я стащил на атомной электростанции массу всяких вещей, но ни одна не оказалась столь полезной, как эта крысоловка.

Засунув в рот четыре пальца, высвобожденные из крысоловки, жена медленно вышла из

комнаты. Я сел на кровать, чувствуя во всем теле неприятный озноб. В книге, анализирующей стрессы, которым подвержены служащие атомной промышленности, я как-то прочел, что во время стресса происходит сужение кровеносных сосудов кожи, чтобы больше крови поступало в мозг и мышцы. Но в данном случае все было по-другому — кровь не поступала в мозг и мышцы, она лилась на пол из раны в щеке.

Все тело мое закоченело, будто я уже был трупом. Я неотрывно смотрел на все еще лежавшего на полу, прикрывавшего обеими руками кусочек пластмассы в голове и продолжавшего стонать Мори. Удастся ли мне восстановить взаимопонимание, существовавшее между нами до сих пор? А какими, собственно говоря, были наши отношения до сих пор? Я вспомнил, что Мори сам ударил себя по щеке, мне захотелось еще отчетливее вспомнить это, и я тоже ударил себя по щеке. Однако пальцы прошли сквозь рану и столкнулись с чем-то твердым, возможно с зубами, и я закричал от боли и страха. Жена вбежала на этот крик с аптечкой в руках. Свернувшееся калачиком тело стонавшего Мори даже не шелохнулось, и я, чтобы вызвать его сострадание, закричал снова…

В борьбе сумо при ранении одного из противников объявляется ничья — так и жена, забыв о стычке, стала оказывать мне первую помощь. Выйдя замуж в период прохождения стажировки в университетской клинике, она так и не стала врачом, но, я думаю, истинная причина была в другом — к тому времени она поняла, что не способна одолеть программу медицинского факультета. Разумеется, я ей этого никогда не говорил. Когда она оказывала мне первую помощь, я боялся, как бы к жене не вернулась жажда борьбы и она не начала раздирать пинцетом дыру в щеке, но жена, тщательно продезинфицировав рану, сказала тусклым голосом:

— Я положу марлю и забинтую, так что кровь больше течь не будет.

И я действительно почувствовал, что кровь, лившаяся в рот, загустела. А сам факт, что меня порезали бритвой, уже не вызывал злости. Я испытывал чувство освобождения, будто мне специально сделали кровопускание. В какой-то популярной книжке я прочел, что в Средние века, когда кровопускание было главным средством лечения, случалось, женщина, чтобы поскорее облегчить страдания, даже давила на руку лекаря, резавшего ее тело.

— Нужно, наверное, наложить швы? Пойду к врачу, — сказал я. Но тут жена завопила:

— В больницу идти нельзя!

Как раз в тот момент, бинтуя мне лицо, она распрямилась и, бурно выдыхая запах виски, продолжала вопить:

— Пусть меня арестуют, я все равно рта не раскрою!

Рана болит, кровь безостановочно течет — наверно, из-за недостатка витамина В, головной мозг не регулирует обмена веществ, а тут еще от воплей жены я окончательно растерялся, ха-ха.

— Хорошо, сегодня в больницу не пойду. Да я и не могу оставить тебя с Мори, когда ты в таком состоянии.

Жена уронила голову на грудь и в густых парах алкоголя, казалось, потеряла самое себя, но вдруг энергично вскинула голову и потребовала:

— Отдай «золинген»! Я же отдала твою крысоловку!

— Никакого «золингена» не отдам, куплю тебе безопасную бритву «Жиллетт». То, что ты разрезала мне щеку, — ладно, но я не могу допустить, чтобы ты кастрировала Мори, — сказал я и, подпрыгнув, увернулся от пинка в пах.

— Это ты поранил Мори. И мы с Мори ни за что

не простим тебе!

Готовила жена новый пинок или просто шаталась от того, что была пьяна, я не знал, но на всякий случай решил поостеречься и, чтобы не вдыхать паров алкоголя, отошел в сторону.

— Я с Мори возвращаюсь к своим родителям! А ты отправляйся на Итабаси в клинику Токийского университета и попроси у них опухоль, вырезанную у Мори! Она принадлежит тебе! И больше ничего не смей отбирать у него! Мы с Мори будем бороться!

— Не говори глупостей. Я активист гражданского движения и не допущу такого тона, — сказал я, а жена, прикрывая своим телом Мори, который лежал в прежней позе, скорчившись, снова ревниво обратила ко мне свои глаза — ивовые листики, как если бы речь зашла об Ооно. Не были ли ее неожиданные действия проявлением подсознательного стремления противодействовать Ооно?

3

Жена бросила наматывать бинт поверх марли, прижимавшей рану, и я попытался сам закрепить его, но это никак не удавалось. Не знал, где лучше завязать. Я пошел в другую комнату,

чтобы взять лыжный шлем из черной шерсти, в котором было три отверстия — для глаз, носа и рта. Я примерил его — бинт прижат, почти никакого давления на рану. Попробовал произнести «Мори, Мори» — ощутил боль от движения щеки и услышал только:

— Ёй, ёй.

Я вернулся в кабинет, жена, до этого что-то шептавшая на ухо Мори, сразу повысила голос и запричитала:

— Мори вместе с мамой, Мори уедет отсюда. Только Мори и мама вдвоем уедут отсюда. Бросим здесь сумасшедшего, который бьет Мори, и уедем вдвоем, Мори и мама!

Мори уже не лежал, скорчившись и прикрыв руками голову, — теперь он стоял. Жена, стоя на коленях, прижимала его к себе. Мори, который сейчас был на голову выше ее, поднял на меня опухшие глаза, но остался в объятиях матери.

— Мори, слышишь, Мори, вместе с мамой Мори уедет отсюда! Только Мори и мама вдвоем навсегда уедут отсюда! Оставим здесь сумасшедшего, который хотел бросить такого ребеночка, как Мори, бил его, и уедем!

Я сел на кровать и, мелко дрожа от озноба — не знаю, чем вызванного, погодой или моим физи-

ческим состоянием, — стал ждать. И при этом думал с беспокойством, что такая возможность для нас с Мори — это последний шанс.

Жена встала и, продолжая прижимать к себе Мори, склонилась над ним и попыталась вывести из комнаты, но он явно сопротивлялся этому. Жена тащила его изо всех сил, так энергично, будто решила похитить. Но Мори стоял как вкопанный — сдвинуть с места его было невозможно, жена даже еле удерживалась на ногах.

— Мори, ну что же ты? Послушай, Мори, ну пойдем же!

— Мори, Мори, — поспешил я вмешаться, но ничего вразумительного произнести не смог — слышалось только «ёй, ёй». — Мори, Мори, оставайся со мной! Мори, Мори, оставайся со мной!

Однако у меня получалось лишь «ёй, ёй, ёйиииё!». Возможно, именно тогда и наступил поворотный момент в нашей с сыном жизни.

Противясь жене, которая буквально пыталась выкорчевать его, Мори, как сторонник ненасильственного сопротивления, лишь упирался, и каждый раз, когда жена пыталась сдвинуть его, она сама едва не падала, пьяная и обессилевшая. Причем все это время Мори смотрел прямо на

меня, взывавшего: «Ёй, ёй, ёйииие!». Хотя мне было стыдно за себя в этом дурацком черном с красными полосками шерстяном шлеме, ободряемый взглядом Мори, я продолжал взывать: «Ёй, ёй, ёйииие!»

— Что ты говоришь? — Жена, повернувшись ко мне, в противоположность Мори была, казалось, потрясена моим видом, ха-ха.

– **Ёй, ёй, ёйииие!** — прокричал я и выплюнул на подушку сгусток крови.

— Мори, Мори, папа плохой!

— Папа плохой — нет!

— Мори, иди с мамой!

— Ёй, ёй, ёйииие!

— Мори пойдет с мамой — нет!

Жена отняла от Мори одну, потом другую руку, выпрямилась и сделала несколько шагов в мою сторону. Потом замерла и, точно исполняя айнский танец журавля, только изображая не летящего журавля, а угрожающего, медленно вскинула вверх непослушные руки.

— И отец, и сын полоумные, отравленные плутонием! — закричала она и с громким плачем выскочила из комнаты и побежала вниз по лестнице.

Я вынул из книжного шкафа коньяк и салями,

спрятанные туда на случай бессонницы, когда идти за виски с пивом неохота, но потом, вспомнив о ране, поставил коньяк назад и отрезал кусок колбасы.

— Ёй, ёй, ёйииё.

Мори подошел ко мне и начал есть колбасу, разложенную на перфокарте. Счистив ногтями шкурку и выковыряв каждое зернышко перца, он держал тонкий кружок в горизонтальном положении, и при этом глаза его, напоминающие темную воду, не видели ничего вокруг, кроме этого кружочка. Я не знаю ни одного человека, кроме Мори, который бы ел самую немудреную пищу, проявляя такое уважение к еде как таковой. Разумеется, я воспринимал эту короткую передышку как временное перемирие, и радость видеть Мори, жующего салями, была равносильна глотку из фляжки, когда сидишь в окопе. Одинокая воительница на первом этаже беспрерывно ходила взад и вперед — наверно, укладывала вещи. Потом сделала несколько звонков по телефону. В моем кабинете и гостиной были установлены параллельные аппараты, поэтому при повороте диска на одном из них второй позванивал. Стоило мне поднять трубку, и я бы узнал, с кем разговаривает жена, но я этого

не сделал. Мори со мной, и все шансы на победу у меня, так что суетиться нечего. А кроме того, как бы осторожно я ни поднял трубку, жена моментально это заметит, и на меня тут же обрушится ее окрик: «Нечего подслушивать, ты, полоумный, отравленный плутонием!» Ха-ха!

Когда Мори доел салями, я снял с его кровати любимое им шерстяное одеяло — старого друга, с которым он был в клинике, когда ему делали вторую операцию. Я устал, и у меня не было сил подстилать простынку — вместо этого я сводил его в уборную. Потом, не раздеваясь, мы легли с ним в мою кровать. Рана на щеке пульсировала и болела, эта боль прочно удерживала меня в *настоящем.* Боль была подобна циклическому движению. Ведь циклическое движение подразумевает бесконечное повторение — бесконечное повторение боли! Когда в детстве, стараясь заснуть, я плотно закрывал глаза, под веками появлялись самые разные фигуры — они вращались, рассыпались, снова собирались вместе, и в этом была определенная цикличность. Мне казалось, что это Мандала[55], и на ней изображено предсказание всей моей жизни, а я изо всех

[55] Примечания: 55
Мандала — буддийский магический рисунок мира.

сил старался понять его — не помню, с каких пор эти фигуры перестали появляться. Я хотел сказать Мори о том, что нашел наконец разгадку; он лежал рядом со мной на спине, обжигающе горячий, точно готовый самовоспламениться. Но тут сработал рефлекс — мне не хотелось тревожить сына, которому пришлось сегодня немало выстрадать, и я решил пойти за коньяком. Я собрался уже было встать с постели, но спящий Мори крепко вцепился мне в руку — неужели чтобы не потеряться, не превратиться в потерявшегося ребенка?

4

Я заснул. И увидел удивительный сон, весь наполненный атмосферой беды; во сне я снова испытывал смертельную усталость, причем чувство это не поддавалось никакому описанию. После облучения моя жизнь превратилась в бессрочные каникулы, и, поскольку во время бодрствования никаким трудом я не занимался, воображаемый труд во время сна, возможно, служил некоей компенсацией моего безделья. Часто я просыпался, испытывая неимоверную усталость, а самого сна не помнил, и тогда я думал, не подобна ли эта усталость тяжкому бремени

воспоминаний умирающего, перед мысленным взором которого проходит вся его жизнь. Но все это было до *превращения*. В своем рассказе я вот-вот перейду и этот рубеж, потому-то мне и потребовался писатель-невидимка. Время *превращения* уже совсем близко, так что можете смело не обращать внимания на то, что я рассказываю.

Сон был такой. Какой-то хулиган ударил меня, когда я возвращался домой. И вышел-то я на улицу, кажется, только для того, чтобы меня ударили. Во рту был неприятный привкус от раны в щеке и искусственных зубов. Когда мне ставили временный протез, у меня возникли денежные затруднения, и постоянный я до сих пор так и не сделал. Между тем десны у меня задубели и сжались, и между искусственными зубами и деснами образовались щели, и поэтому я всегда плотно прижимал зубами протез. Итак, возвращаясь домой, я засунул палец в рот и обнаружил, что два верхних коренных зуба, к которым крепился протез, отсутствуют. Я надавил на зубы языком, и они вывалились все до одного, точно поставленные в ряд костяшки японских шахмат, представляете? Как неприятно, когда весь рот набит выпавшими зубами…

Я проснулся от топота жены, взбегавшей по

лестнице. Это была наша с ней общая привычка — по комнате мы двигались вяло, медленно, но, выйдя в коридор, всегда чуть ли не бежали. Точно боялись, что на нас неожиданно нападет что-то страшное, как опухоль, которая была в черепе у Мори. Включив в комнате свет, жена заверещала:

– **Бросаю тебя и Мори и уезжаю, вот!** Раньше я не бросала вас потому, что боялась, что вы вдвоем покончите с собой. Но теперь я решилась — бросаю тебя и Мори и уезжаю, вот! Я опять вернусь к учебе, которой пожертвовала ради тебя и такого ребенка! А потом выйду замуж по-настоящему и рожу настоящего ребенка! Если бы я вышла замуж не за тебя, а за другого, то родился бы совершенно нормальный ребенок! Допустим, Мори такой из-за облучения плутонием — на этот раз я выйду замуж за человека, не облученного плутонием. И значит, ребенок будет нормальным! Если же Мори такой по чистой случайности, даже по теории вероятности следующий ребенок будет нормальным! Понял?! **Я бросаю тебя и Мори и уезжаю!**

— Но не поедешь же ты сейчас, ночью? Может быть, лучше сделать это завтра?

Я хотел ей сказать это, но мне удалось произне-

сти лишь: «ёй, ёй, ёйиии». Правда, жена, которая, по самым скромным подсчетам, была близка со мной две тысячи пятьсот раз, моментально поняла, что я хотел сказать.

— Что ты мелешь? Режиссер уже приехал за мной, даже цепи надел на колеса, опасаясь, что на дороге гололед. Он ждет меня на улице, ведь ты, чтобы помешать мне уйти, можешь обвинить его в незаконном вторжении в чужой дом. Может, встанешь и вынесешь мой чемодан? Пошевеливайся! **Бросаю тебя и Мори и уезжаю, вот!**

Оттого, что жена вот так запросто, без всякого объяснения употребила существительное «режиссер», у меня начисто исчезло желание останавливать ее. В распахнутые настежь двери прихожей лились звуки трубы, выводившей мелодию «За сотни ри[56] от моей страны».

В газетной колонке, посвященной театральной жизни, я как-то прочел сплетню, будто этот самый режиссер поставил на свой видавший виды автомобиль музыкальный клаксон. Жена была знакома с ним давно, еще в девичестве — тогда его театральная труппа преуспевала, ставила одну пьесу за другой, и про него даже говорили,

---

[56] Примечания: 56
Ри — мера длины, равная 3927 м.

что он будет способствовать возрождению японского театра.

— Бери чемодан, не копайся! **Я бросаю тебя и Мори и уезжаю!**

В комнате все было перевернуто вверх дном. Вокруг чемодана — с ним я обычно ездил за границу — горой валялись вещи, с которыми жене жаль было расстаться, и она изо всех сил пыталась втиснуть их в чемодан, но так и не смогла. Сковорода с ребристым дном — свадебный подарок однокурсников жены, однако я не припомню, чтобы мы хоть раз ели куски мяса, которые были настолько велики, чтобы жарить их на этой сковороде, ха-ха. Делая вид, что проверяю замки на чемодане, я попытался вложить в него сковороду, но тут жена, стоявшая рядом с независимым и неприступным видом, резким движением вырвала ее у меня из рук и отбросила в сторону. Не понимаю, почему именно сковорода вызвала у нее такой гнев. Разумеется, такую тяжелую вещь лучше было не класть в чемодан, и без того достаточно набитый. Чемодан был неподъемный, и рана на щеке стала болеть невыносимо, невыносимой была и боль в суставах после ночи, проведенной в неудобной позе на узкой кровати рядом с Мори.

— Что ты там копаешься? Заснул, что ли? **Импотент!**

Превозмогая боль, я исступленно тащил чемодан. Мой соперник, с которым мы десять лет назад боролись за эту женщину, все слышит, так что «импотент», пожалуй, слишком жестоко с ее стороны, ха-ха.

Режиссер, небольшого роста мужчина, стоял рядом со старым «ситроеном», который он поставил у фонарного столба. Одежда на нем была в тон машине, печальное лицо закрывали солнечные очки, хотя и так было темно,

Сразу же за калиткой я опустил чемодан на землю и, отступив на шаг, остановился. Жена, кажется, не требовала от меня, чтобы я дотащил чемодан до «ситроена»?

— Быстрее клади вещи в машину! А то он вдруг пожалеет и унесет их обратно!

Режиссер с унылым видом медленно направился ко мне. Поравнявшись с чемоданом, он вдруг сделал стремительней рывок и бросился на меня с кулаками. Наверно, они с моей женой пользуются одним и тем же методом нападения — неожиданной атакой. Но мне даже увертываться не пришлось — режиссер вдруг поскользнулся и грохнулся на мостовую. Не мешало бы ему и на

ботинки надеть цепи, ха-ха. Он тут же поднялся и с гордым видом потащил чемодан — выглядело все это великолепно.

— Можешь не бить, бросаю-то его я! **Я бросаю тебя и Мори и уезжаю!**

«Ситроен» подъехал вплотную ко мне — режиссер сделал это, чтобы через окошко бросить мне в лицо прощальную реплику:

— Полоумный!

Я вернулся в опустевший дом. Режиссер, не постеснявшийся обругать меня, был еще совсем молод, но казался стариком — мне почему-то стало тоскливо. Мой соперник выглядел пожилым человеком, да и я сам, несомненно, одряхлел не по возрасту. Но что это? Куда вдруг девалась боль в мышцах и суставах, которая мучила меня даже тогда, когда я опустил на землю чемодан? Я теперь испытывал обновление во всем организме, о котором в молодости и мечтать не мог, и в то же время сознавал невозможность такого обновления. Может быть, именно это и было болью? Если бы я не должен был думать о Мори, спавшем в моей кровати, то, наверно, так бы и стоял здесь сейчас и плакал, ха-ха.

Вернувшись в кабинет и сев на кровать рядом с Мори, я заметил, что он обмочился. Я разбу-

дил его, отвел на его кровать и укрыл одеялом. Избитое лицо Мори отекло. Из-за опухоли сразу после рождения голова его была продолговатой, и весь он был похож на маленького старичка — я отчетливо помнил это.

— Мори, спокойной ночи, — хотел я сказать ему, но получилось «ёй, ёиии».

— Мори спит! — пробормотал сын.

Потом мне захотелось пожаловаться Мори, и я стал мысленно говорить с ним, употребляя самые неожиданные даже для самого себя слова: мама уехала, она бросила нас, хотя я и любил ее больше Ооно, больше всех, ведь она была моим товарищем в борьбе с нашей горькой жизнью.

Да, но что же делать с мокрым матрасом? Жена бросила меня, и мне не оставалось ничего другого, как просто отказаться от ответа на трудные вопросы, которые стали тут же возникать, я завернулся в сухое одеяло и лег прямо на пол. То, что я испытал во сне, было ужасно. Не сновидение было страшным — все заволокла сплошная тьма, и я даже снов не мог видеть. Ужасным было то, что произошло со мной во время сна: мое тело точно вывернули наизнанку. И само тело, идя наперекор испуганному сознанию, не сопротивлялось! Оно начало исторгать из себя

другое тело такого же размера. И остановить это было невозможно.

Проснувшись на следующее утро, я обнаружил, что рана на щеке зарубцевалась, исчезли даже шрамы от ожогов, полученные в сражении с *жестяными людьми*. Вместо вставных зубов выросли собственные — чтобы убедиться в этом, достаточно было потрогать их языком. Даже не смотрясь в зеркало, я уже знал, что мое тело помолодело на двадцать лет и стало телом восемнадцатилетнего. А Мори, повзрослевший на двадцать лет и ставший двадцативосьмилетним, накинув на голову свое любимое потрепанное одеяло, пришел посмотреть, что произошло со мной. Вот формула нашего *превращения*: 38–20 = 18, 8 + 20 = 28.

Глава IV
Мы сразу же включились в борьбу

1

Символический смысл происшедшего со мной *превращения* состоял в том, что исчезли все следы плутониевого ожога. Разве это не так? В атомных реакторах выделяется Pu, никогда не существовавший на Земле, и период его полураспада равен двадцати четырем тысячам лет. Во всяком случае, он не исчезнет, пока человечество будет существовать. Я отождествляю земной шар до загрязнения этим веществом, которое человек теперь уже не в силах уничтожить, и свое тело, омолодившееся до восемнадцатилетнего возраста и еще не облученное. Возможно, некоторые скажут, что так мыслить и чувствовать — полнейшее безумие, и мое *превращение* в восемнадцатилетнего посчитают обыкновенным бредом сумасшедшего. А у меня нет желания обращаться к тем, для кого я безумец, хотя я понимаю, что мой рассказ действительно похож на бред сумасшедшего. Но я не могу забросить все и заняться детальным исследованием себя

и Мори, чтобы сообщить потом о результатах этих исследований. Если я просто расскажу о событиях, происшедших со мной и Мори после *превращения,* слова мои, несомненно, выразят истинное содержание того, что произошло с нами. А благодаря вашим запискам это смогут понять и другие. Для нас с Мори, непосредственно переживших *превращение,* хорошо уже то, что мы оказались способными на самостоятельные действия. Представляете, что испытывает человек, вновь обретший тело восемнадцатилетнего? Ха-ха, это очень приятно. Разве не свойственно всем людям горестно вздыхать: неужели и мне когда-то было восемнадцать лет? А я вздыхал с радостью — сейчас, дожив до тридцативосьмилетнего возраста, я вновь стал обладателем тела восемнадцатилетнего, ха-ха. Правда, к радости примешивалась и мука. Когда мне давным-давно было восемнадцать лет, я влюблялся так, что внутри у меня все клокотало, я испытывал муки от обуревавших меня чувств. И я предпочел бы умереть, нежели испытать их вновь. Но возродило ли и их мое *превращение*? Ха-ха. Я не могу отрицать, что в создавшемся положении мной овладело беспокойство, но стоит ли говорить вам об этом? Ведь мои слова доходят до вас, пройдя

через тело восемнадцатилетнего.

В каком направлении будет в дальнейшем развиваться мое тело, вернувшееся к восемнадцатилетнему возрасту? В направлении — семнадцать, шестнадцать, пятнадцать… ноль лет? И в конце концов я исчезну, погрузившись в плодную жидкость искусственной матки? Ха-ха. Если же предположить, что мое тело застынет на нынешней отметке «восемнадцать», то я, возможно, обрету бессмертие, вечно оставаясь восемнадцатилетним? Правда, я могу, когда захочу, покончить с собой — так что ада бессмертия я всегда смогу избежать. Благодаря вашим запискам мое *превращение* получит широкую огласку и я стану самым знаменитым человеком, объектом всеобщей зависти. Римский папа должен будет встретиться со мной и принять относительно меня какое-то специальное решение, ха-ха. Однако вполне можно предположить, что происшедшее со мной и Мори *превращение* случается с бесчисленным множеством людей — только данных об этом пока нет.

Следовательно, если *превращения* происходят на всем земном шаре, не означает ли это кризиса человечества? Правда, руководитель калифорнийской лаборатории Солк, создавший вакцину

против детского паралича, напомнил, что в китайском языке слово «кризис» состоит из первых иероглифов двух слов: «опасность» и «шанс». Не станет ли бесконечное множество *превращений,* включая и нас — меня и Мори, — явлением, символизирующим кризис человечества? Если да, то в современном мире на свет вот-вот появится Антихрист. Как нужно бороться, чтобы не допустить этого, чтобы погубить Антихриста в зародыше? Возникает вопрос: кто будет бороться? И я отвечаю: поручите это только нам, *превратившимся.*

…Вот какие мысли владели мной, они захватили меня целиком. Мне ведь стало восемнадцать лет, и у меня было такое ощущение, будто бурлящая в теле жидкость вот-вот достигнет точки кипения, будто мрачные грозовые тучи гонят меня вперед!

Как только я осознал происшедшее *превращение,* мной овладела навязчивая идея. На НЛО прилетают пришельцы из космоса и направляют проекционный аппарат на определенную точку Земли. Один источник света посылает два луча на два стереоэкрана. Используя подобную конструкцию, не составляет никакого труда, манипулируя проекционными аппаратами, совместить проекцию А и проекцию Б, произведя

взаимокомпенсированное *превращение* с разрывом в двадцать лет.

Если наше с Мори *превращение* было осуществлено таким образом, то естественно предположить, что пришельцы имели определенный план, и не исключено, что на нас с Мори возложена некая миссия. *Превращение* захватило нас со всепоглощающей силой, которой было трудно противиться. Оно произвело в наших телах направленный взрыв. И, может быть, мы вплотную подошли к такому моменту, когда должны выполнить возложенную на нас миссию. В том случае, разумеется, если наше *превращение* имеет реальный смысл! Мы, *превратившиеся* — восемнадцатилетний я и двадцативосьмилетний Мори, — надеемся, что этот момент наступит. Мы выполним свою миссию, преодолевая одну трудность за другой. Потом… да, судя по моим оптимистическим рассуждениям, я, кажется, действительно помолодел до восемнадцати лет не только телом, но и душой. Но стоит ли горевать по этому поводу? Ха-ха.

2

Каким же человеком стал *превратившийся* Мори? Я думаю, о нем можно сказать так же, как

и обо мне, — его дух остался духом до телесного превращения, и, не противореча этому, он стремительно переходит в дух, соответствующий возрасту его нового тела.

Мори после *превращения* уже не повторял за мной слова как попугай, стал молчаливым, и поэтому я теперь сужу о нем только по его внешнему виду и поведению. Природная молчаливость теперешнего, двадцативосьмилетнего Мори очень идет ему. Молчаливость его весьма выразительна. Собираясь что-либо предпринять, я рассказываю Мори, как я это себе мыслю, что намерен делать. Я приобретаю новый опыт, разумеется опыт восемнадцатилетнего, ха-ха, и рассказываю о нем. Мори впитывает мой рассказ, не произнося ни слова, ободряет меня. В такие минуты он не отрывает от меня внимательного взгляда!

В своем дальнейшем повествовании я покажу, как это происходит конкретно. Ведь и после нашего *превращения* Земля продолжает вращаться вокруг собственной оси, вращаться вокруг Солнца, чередуются приливы и отливы — все в природе зовет нас к действиям. Когда я смотрю на Мори, *превратившегося* в двадцативосьмилетнего, сердце мое наполняется бесконечной

нежностью. Никогда прежде я не встречался с таким Мори, но, поскольку именно этот Мори — настоящий, окончательный Мори, Мори, рожденный источником света, и поскольку этот Мори живет в реальности, я совершенно спокоен — скорее всего, нам с ним удастся достойно прожить свою *превращенную* жизнь и выполнить миссию, возложенную на нас космической волей.

Помимо всего прочего, я почувствовал, что Мори полностью отдает себе отчет в том, что представляют собой его тело двадцативосьмилетнего и изменяющийся в соответствии с этим телом дух. У нас не было необходимости говорить о *превращении*. Ведь как это было бы хлопотно, если бы дети, подобные нашим детям, претерпев *превращение*, не понимали, что с ними произошло. Правда? Представляете мое положение, если бы Мори, увидев меня, ставшего восемнадцатилетним, и решив, что какой-то проходимец хочет занять место его отца, пришел бы в ярость и набросился на меня с кулаками? Ведь Мори теперь обладал мускулатурой зрелого мужчины, а я был еще слабым юношей с неокрепшим костяком, не говоря уж о мускулах, ха-ха.

Вот почему я, исходя из наших отношений, строящихся на том, что *превращение* мы воспри-

нимали как нечто естественное, рассказал Мори следующее:

— Я тебе уже много раз говорил о пинчраннере, а теперь вспомнил кое-что новое. Я вспомнил яркий солнечный день после проливного дождя, мы как раз начали игру, дождавшись, когда солнце высушит лужи. Между рядами домов несся бурлящий мутный поток бурого цвета. Но игроки под яркими лучами солнца, выглянувшего после дождя, думали только о бейсболе, а я сидел на скамейке и ждал, чтобы меня выбрали в пинчраннеры. (Я и раньше часто вспоминал о страхе и честолюбии, которое испытывал, когда выбирали меня, но почему-то забыл о том, что сначала меня охватывало непреодолимое желание быть выбранным в пинчраннеры.) Малыши, которым еще ни разу в жизни не удалось посидетьна скамейке запасных, призывно кричали, будто души солдат — деревенских парней, погибших в чужих краях, откуда даже останки их не вернулись на родину. Ну, в общем, доставай из шкафа одежду, которая тебе подойдет. Сегодня холодно. А я приготовлю поесть!

Мори отошел от кровати и стал шарить в шкафу. В школу он ходил недолго, но, похоже, выработка жизненных навыков в специальном

классе в основном сводилась к обучению детей самостоятельно одеваться. Во всяком случае, в этом виде обучения он преуспел. Правда, сейчас, после *превращения*, говорить об этом немного смешно.

Я стремительно вскочил с кровати, испытывая бодрость, свойственную восемнадцатилетнему. На подтянутой фигуре брюки теперь висели мешком. В ту минуту, честно говоря, я почувствовал даже беспокойство оттого, что во мне произошла такая разительная перемена. Слой подкожного жира сделался тонким, как детское одеяльце. И это ты, толстый мужчина средних лет, ха-ха. Но думал я не только о себе. Я стал беспокоиться о Мори. Не должен ли я скрывать от посторонних *превратившегося* Мори? Хорошо еще, что в нашей стране нет воинской повинности, но, если взрослый человек, неожиданно ставший из восьмилетнего двадцативосьмилетним, не зарегистрируется в муниципалитете, это будет воспринято как пренебрежение к своим обязанностям гражданина. Но как скрыть Мори? Хуже всего прятаться в собственном доме, лучше выйти на улицу. В народ! В безвыходной ситуации партизаны тоже бросаются в безбрежное людское море, где они могут свободно плавать!

Телефонный звонок. Я потянулся было за трубкой, но вдруг весь сжался.

Постой, как я должен говорить по телефону после превращения? Но поскольку превращение произошло, нынешний я — единственно существующий я. Продолжать в том же духе, как до превращения? Это лишь насторожит посторонних, колебался я.

— Ты что, спал? Постоянно ты спишь! **Я бросила тебя и Мори и уехала!**

Телефон умолк. Набралась смелости с похмелья или опохмелилась на скорую руку и кричит дурным голосом, ногами топает от бешенства.

Хорошо! Значит, во всем мире сохранился порядок, существовавший с незапамятных времен. *Превратились* лишь мы с Мори! Снова зазвонил телефон, на этот раз я снял трубку с твердым намерением обругать в ответ жену, бывшую жену, но услышал голос совершенно незнакомого мне, постороннего человека.

— Вам известно, что тайным устроителем сегодняшнего митинга является террористская антикоммунистическая организация? Может быть, вам лучше не ходить на него?

Ответить я не успел. Действительно, в тот вечер проводился митинг против строительства

атомных электростанций. В качестве докладчика выступал руководитель движения против строительства атомной электростанции на Сикоку, за день до этого прибывший в Токио. Группа Ооно сотрудничала с этим движением. До сих пор, достоверно зная об этих связях, я не расспрашивал о подробностях. Деятельность группы Ооно контролируется руководством революционной группы — что в этом противоестественного? Я, правда, никогда не слыхал, что какие-либо организации непосредственно диктовали свою волю группе Ооно. *Пусть я не знаю, кто это звонил, но, если кто-то пытается помешать нам с Мори пойти на митинг, мы обязательно должны попасть туда,* сразу же подумал я. Действительно, у меня появилась решительность восемнадцатилетнего, ха-ха. Каким бы опрометчивым ни было решение, инициатива останется в моих руках, подумал я с оптимизмом. Более того, ждут, что появимся мы, какими были до *превращения,* а придем мы — после *превращения.* Может быть, это и гарантирует нам полное алиби?

Спустившись по лестнице, я заглянул в комнату Мори. Разбросанные в ней одежда и обувь показались мне такими крохотными словно из сказки. Значит, я уже привык к повзрослевшему

Мори после *превращения*.

— Надеюсь, ты не пойдешь один? Двадцативосьмилетний мужчина, обладающий опытом восьмилетнего?

Я сказал это, будто произносил монолог, но мой голос сорвался на пронзительный фальцет неоперившегося юнца. Мало того, я, восемнадцатилетний, боялся, что Мори бросит меня. И по привычке, которая была у меня до *превращения,* я стремительно сбежал с лестницы с энергией, свойственной восемнадцатилетнему, хотя так суетиться необходимости не было. Мори никуда не собирался!

Раньше это делал я, а маленький Мори смотрел, держа в руках длинный пакет спагетти, — теперь же он сам готовил себе еду. Грациозно склонившись над газовой плиткой, он внимательно следил за кипящей кастрюлей и мелко нарезал лук, кусочек масла уже был приготовлен. Напрягшееся тело Мори в моих брюках и спортивной рубахе, его затылок и плечи — мне показалось, что я уже видел их где-то. Да это ведь точно мое тело на закате юности! Успокоившись, я пошел в ванную. Мое лицо, которое я увидел впервые после *превращения,* не было прежним, каким я запомнил его, когда мне в первый раз исполни-

лось восемнадцать лет. Более того, в зеркале мне улыбалось именно то лицо, которое мне хотелось иметь тогда. Вот только глаза разрушали гармонию лица — в них застыла неуверенность в себе, застенчивость, проглядывало детское любопытство. Но если отвернуться от зеркала, ха-ха, своих глаз не увидишь!

3

Когда мы поели, было уже за полдень, и в четыре часа мы наконец вышли из дому, направляясь на митинг; эту вторую половину дня мы прожили спокойно и мирно, синхронизируя свои организмы с движением вселенной. Словно привыкали к разнице во времени после длительного полета.

В то послеполуденное время наши отношения с Мори напоминали отношения братьев, которые, встретившись после долгой разлуки, весь вечер пировали, порядком напились и наутро вдруг приумолкли. Исполнять роль младшего брата, который, перепив и перегуляв, чувствует себя сегодня разбитым и испытывает стыд, должен был, разумеется, я. А роль великодушного и рассудительного старшего исполнял Мори. Я собрал вещи, разбросанные по всему дому женой, бывшей женой, а Мори сидел в уголке гостиной и

слушал пластинки. Я трудился в одиночку, испытывая чувство, будто делаю это в благодарность за то, что меня, напившегося и буянившего вчера, великодушно прощают.

Слушая музыку, Мори время от времени тихо улыбался. Эта привычка была у него до *превращения*, и то, что она сохранилась и после *превращения*, радовало меня и наполняло надеждой. Ведь это значит, что ниточка, связывающая меня с Мори, и после его *превращения* все еще находится у меня в руках. Когда Мори хотелось послушать музыку, у него всегда был такой вид, будто его ждет большая радость. Потом начинала играть музыка, и он умиротворенно улыбался. И это была не деланая улыбка, которую можно изобразить на лице в любой момент, независимо от того, что слушаешь. Например, слушает он «Турецкий марш» Моцарта в исполнении Глена Гульда, либо Горовица, или Гизекинга. Каждого из них он воспринимает с особой улыбкой, причем все они взаимно дополняют друг друга, подчеркивают те места в произведении, которые и вызывают его улыбку, и сразу же можно понять, кого он слушает.

В тот день Мори, точно почувствовав необходимость восстановить гармонию между собой,

претерпевшим *превращение*, и музыкой, устроил свое тело, ставшее теперь таким большим, перед динамиками и слушал «К–331» в исполнении Горовица. От того, что этой ночью творилось в доме, проигрыватель немного расстроился, и Мори, прослушав несколько тактов, чуть увеличил скорость. Обладая абсолютным слухом, он прекрасно помнил паузы Горовица при правильном вращении диска. Меня радовало, что эта способность сохранилась у него и после *превращения*. А ведь когда дети, подобные нашим детям, вырастают, эта удивительная способность, которой они обладают с младенческих лет, исчезает. Тем более что произошел не естественный рост, а *превращение*.

Снова телефон: уборку я вчерне закончил и теперь спокойно снял трубку, но, услышав голос Ооно, неожиданно для себя сказал, что должен перейти к другому аппарату, и, упруго отталкиваясь ногами восемнадцатилетнего, взбежал по лестнице. Если Ооно не узнала моего голоса после *превращения*, можно кое-что придумать, решил я. Но *превратившийся* Мори не должен был этого слышать.

— Отец Мори дома? Кто вы такой? Я не могла бы поговорить с отцом Мори? — *Отца Мори нет. Он собрался и вместе с Мори отправился в дли-*

тельное путешествие. А мать Мори вернулась к родителям. Вчера был большой переполох — пропадал Мори. И когда отец Мори пришел домой, у них с матерью Мори вышла ссора. Может быть, они решили на некоторое время разъехаться, чтобы потом все начать заново? Меня наняли присматривать за домом, пока их нет, но я не один. Нас двое — тот, что слушает сейчас в гостиной музыку, он мне вроде как за старшего брата, — мы вдвоем и будем присматривать за домом. Отец Мори должен нам позванивать, но мы связаться с ним не имеем возможности. Мать Мори тоже может связываться с нами. Но ее связь с нами и связь отца Мори имеют разный смысл, ха-ха. (Молчание.) — Кто вы такой? Я тоже слышала, что с Мори вчера случилось ужасное происшествие. Хорошо еще, что нашелся. Все-таки я не понимаю, зачем отец Мори отправился с ним в длительное путешествие? Кто вы такой? — *Я кто? Единственный ученик отца Мори, так будем говорить. А тот, кто слушает музыку, — его приятель, старинный. С отцом Мори мы вместе работали и развлекались, но я младше, так что «ученик» — самое подходящее слово, мне восемнадцать лет, ха-ха. С сегодняшнего дня мы будем присматривать за домом, записывать,*

кто звонил, какая корреспонденция пришла. Вот что я за человек, ха-ха. (Молчание.) — Ах так? Значит, с сегодняшнего утра вы отвечаете на телефонные звонки? Скажите, пожалуйста, не было ли сегодня довольно странного звонка насчет митинга, на который отец Мори тоже должен был пойти? Угрожающего — такой звонок я имею в виду. — *Был, был. Интересно, кто же это звонил? Сказали, что на сегодняшнем митинге лучше не присутствовать. И никакого объяснения, с чем связан этот звонок. Ясно, что звонили от политической группировки, враждебной той, которая устраивает сегодняшний митинг.* — Сегодняшний митинг организован теми, кто выражает чаяния широких народных масс, озабоченных проблемой загрязнения окружающей среды атомными электростанциями, и, хотя в его подготовке и принимала участие молодежь, принадлежащая к определенной политической группе, не она является непосредственным организатором этого митинга. Выходит, некоторая часть руководства враждебной группировки, куда входят и молодые люди, участвующие в нашем движении, вмешивается даже в проведение этого митинга. (Молчание.) Уж не их ли угрозы заставили отца Мори отправиться с сыном в

путешествие? Может быть, и вчерашнее не было обычным несчастным случаем — враждебная группировка прятала Мори, чтобы как следует запугать отца Мори? Ведь в печати появилась информация о том, что в Токио с Сикоку прибывает организатор борьбы против строительства атомной электростанции. Правда, об этом сообщалось только в газете, выходящей на Сикоку, но все же. А точное время прибытия ничего не стоило выяснить в токийском отделении газеты. Не исключено, что отца Мори кто-то, — кто, нам не известно, — запугал и он предпочел вместе с женой и Мори на некоторое время скрыться. Вы действительно об этом ничего не знаете? Или отец Мори сказал вам, чтобы вы делали вид, что ничего не знаете? И тот, постарше, который вместе с вами присматривает за домом, тоже ничего не знает? Я Ооно Сакурао. — *Я с самого начала понял, что вы знаменитая Ооно-сан, ха-ха. Я знаю и о том, что вы были близки с отцом Мори. После встречи с вами отец Мори подробно рассказал мне обо всем. Рассказал, что мучился страхами: уж не импотент ли он? В ту ночь вы заснули, а он все мучился — ничего у него не получалось, помните? Ооно-сан, не хотите со мной? Мне восемнадцать лет, и я всегда готов, не хотите со*

мной? (Молчание.) — Вы не отец Мори, а? Зачем вам понадобилось изменять голос и пищать эти ужасные вещи?

…Держа в руках молчащую, словно задохнувшуюся, трубку резко отключившегося телефона, я весело смеялся — ну точь-в-точь обезьяна. Я торжествовал оттого, что этой женщине, теперь уже старше меня, мне удалось навязать разговор о малоприятном случае, имевшем место в действительности. Я же восемнадцатилетний мальчишка — что с меня взять, ха-ха. И никакие угрызений совести при этом я, конечно, не испытывал. Впервые в жизни я ощутил свободу, какую только мог себе представить. Когда в первый раз мне было восемнадцать лет, о такой свободе я и мечтать не мог.

С таким настроением я осматривал комнату, как бы прощаясь с прошлой жизнью, когда мне не нравился весь мир и я сам. Особенно внимательно — стоявшие в шкафу оттиски из «Атомной промышленности», «Металлических материалов» и докладов Американской комиссии по контролю над атомной энергией, а также статьи, например «Случаи коррозии в атомной промышленности и методы ее предотвращения». Из-за того, что я облучился при нападении *жестяных*

людей, моя карьера на атомной электростанции закончилась, но я продолжал работать, помещая статьи в сборниках докладов и сообщений. Правда, если бы о моей деятельности узнали администрация электростанции или профсоюз, они бы не пришли в восторг, ха-ха. Разумеется, своими статьями бывший инженер, находящийся на содержании электростанции, вовсе не желал навредить коллегам. И тем не менее или, возможно, именно поэтому, когда мне попалось на глаза сообщение из-за границы об аварии на атомном реакторе, происшедшей в США, в штате Иллинойс, по вине «Коммонвель Эдисон компани», я тут же затребовал материалы в отделе информации своего бывшего предприятия. «Защитим три принципа мирного использования атомной энергии — независимость, демократию, гласность!» — это была моя коронная фраза, которой я очень гордился, ха-ха. Может быть, я просто хотел выявить где-нибудь в мире еще один случай облучения, происшедшего в результате столкновения с *жестяными людьми*?

Но сейчас я вдруг понял, что материалы, хранившиеся в шкафу, стали мне не нужны. Потом я кое-как подыскал подходящую одежду для себя, восемнадцатилетнего, и Мори, двадцативось-

милетнего, чтобы мы могли выйти из дому, и спустился вниз. И подумал: а что, если после митинга мне удастся подцепить Ооно и испытать свою возродившуюся мужскую силу, ха-ха? Если бы я знал, что произойдет со мной дальше, это, должно быть, умерило бы мою радость.

4

В тот день, пока мы играли в «наведение мостов», произошло землетрясение. Игра «наведение мостов» состоит из расчерченной на клетки четырехугольной доски, в каждом нечетном ряду проделано пять, а в четном — четыре отверстия, в которые вставляются Т-образные пластмассовые фишки. Красные фишки играют против белых. Фишками строят мосты — красный и белый. Когда фишки противника препятствуют наведению моста, приходится идти в обход или перескакивать через него и двигаться дальше. Мне стоило немалого труда научить этой игре Мори до *превращения*. Это тоже делалось для его воспитания! Какого воспитания? Необходимость борьбы с чужими. Чужие будут препятствовать естественному течению жизни Мори. Что нужно сделать, чтобы все же двигаться вперед? Что необходимо предпринять, чтобы освободиться,

когда тебя приперли к стене? Иногда нужно не пропускать вперед чужих, одолевать их. Так что, пожалуй, эта игра — своего рода учебник жизни.

Сначала трудно было обучить Мори абстрактной идее строительства моста. Моста, который строится из пяти фишек путем продвижения их вперед. Моста, который удается наконец построить из двадцати пяти фишек, когда движение по прямой перекрыто и приходится идти в обход. В обоих случаях получаются одинаковые мосты — уже одно это требует высокого уровня понимания. Далее — как надо ставить свои фишки, препятствуя движению вперед моста противника; чтобы научить этому, пришлось немало попотеть. Дело в том, что Мори пытался построить фигуру не в соответствии с логикой игры, а из побуждений эстетического характера.

Но все же в конце концов Мори научился правильно ходить, и, если он получал три фишки форы и игра упрощалась, ему удавалось даже побеждать. Когда мое поражение становилось очевидным, я испытывал чувство досады, близкое к безнадежности, и прибегал к самым нечестным методам, чтобы ниспровергнуть побеждающего Мори. Уж не было ли это предварительной подготовкой к *превращению*? Теперь,

когда *превращение* действительно произошло, я с помощью этой игры пытался погрузить лот в глубину нашего *превращения*.

Мы начали с того, что по заведенной традиции поставили в лагере Мори три фишки. Постепенно он стал теснить меня, и, поскольку его атака развивалась в наиболее логичном направлении, Мори не давал мне возможности перейти в контратаку. Я проиграл. Тогда мы поставили ему две фишки. Я стал играть предельно внимательно, стараясь изолировать эти фишки и не позволить им соединиться с теми, которые ставились вновь. Однако эта операция привела к тому, что ходы мои стали элементарными, и, когда окружение было завершено, воспрепятствовать постройке моста, который Мори вел с другой стороны, оказалось невозможным. Горло у меня пересохло и саднило. Я дал Мори фору одну фишку. И попытался сразу же расстроить правильное расположение его фишек. К каким только уловкам я не прибегал — ведь мне было восемнадцать лет и я не испытывал стыда, не боялся за свою репутацию, ха-ха! Но, несмотря на все мои хитрости, с первых же ходов именно я попался на удочку: уловка — оружие обоюдоострое. Я разозлился, даже пот выступил, и

одновременно уловил другой запах, не похожий на запах моего пота, отличный от запаха юноши; я ощутил запах тела взрослого человека — тела Мори. Мори тоже был напряжен. Что же делать — может быть, теперь играть, не давая форы?

…И в это время началось землетрясение. Эти колебания вверх и вниз, как ни странно, вселяли чувство устойчивости, казалось, будто спокойно погружаешься в бездну на какой-то огромной качающейся платформе — таким было это землетрясение. По привычке я тут же начал рассказывать Мори о землетрясении.

— Это землетрясение. В движение пришел верхний слой земной коры. Если говорить о том, как это происходит, то в общем…

Повернувшееся ко мне небритое лицо Мори выражало живой интерес, но глаза при этом были совершенно спокойными! И я покраснел. Я подумал, что Мори, с таким интересом и спокойствием слушавший мой рассказ, как раз и есть тот человек, который, подобно Сократу, заставляет меня осознать свое невежество и пытается поднять меня на новую ступень знаний. В этот момент, к счастью, зазвонил телефон, и я вышел из затруднительного положения. Это снова был юнец, такой же, как тот, что угрожал мне тогда

по телефону, но на этот раз тон был предельно вежливый — наверное, какой-нибудь полный энтузиазма молодой профсоюзный функционер, старающийся придать своему голосу солидную басовитость.

— Если сила толчков достигнет восьми баллов, то Токио будет разрушен. Разумеется, будут мобилизованы силы самообороны. Воспользовавшись таким удобным моментом, они совершат военный переворот. И в Японии никто не способен предотвратить это, верно? Землетрясение, переворот — революционные силы будут раздавлены. Землетрясение — этот шанс изменения расстановки сил — смогут использовать только силы самообороны, а революционные группы использовать не смогут. Исходя из этого, сделаем следующий шаг в наших рассуждениях. Нужно создать такое разрушительное средство, которое могло бы уравновесить те силы, что придут в движение в результате землетрясения. И показать, что мы способны свободно контролировать его и приводить в действие. Другого пути нет. Могучая сила, адекватная общему количеству энергии землетрясения, не дана человеку. Успех возможен лишь в том случае, если мы ограничимся только районом Токио. Народ должен иметь одну атом-

ную бомбу, которой будет распоряжаться наша р-р-революционная группа. Это будет фактором нестабильности — нечто равное землетрясению, способному превратить Токио в руины. Вот что явится нашим козырем. Нечто подобное планирует и контрреволюционная группировка, но мы в отличие от них уже лет десять готовились к этому, так что сходство только кажущееся. Одна лишь наша группа р-р-революционная, и только наш курс правилен и в своей теоретической основе, и в своей практике. Мы надеемся, что вас не запугают грязные угрозы бандитов из контрреволюционной организации и вы пойдете на наш митинг. Мы высоко ценим активное участие в нем представителя интеллигенции, тем более что вы специалист.

— Специалист? Какой же я специалист? Я восемнадцатилетний неопытный мальчишка! — непроизвольно вырвалось у меня — впервые после *превращения* мой голос звучал естественно. Я вновь ощутил, что не только мое тело, но и даже дух стал восемнадцатилетним.

— Что? — Голос собеседника, утративший деланую солидность, звучал теперь по-молодому грубо, в нем слышалось нескрываемое беспокойство. — Восемнадцатилетний мальчишка? Зачем

вы меня дурачите? Разве вы не тот бывший специалист атомной электростанции?

— Не верите — задайте мне какой-нибудь вопрос по специальности. Я и сам хочу проверить, остались ли у меня хоть какие-то знания. Остались ли они в голове восемнадцатилетнего юнца.

— Хм! Болван!

Мой собеседник бросил трубку, употребив, как мне послышалось, непонятный диалектизм, но, подумав, я понял, что это просто старое ругательство. Ха-ха, а ведь я ему сказал чистую правду. Теперь революционная группа, откуда мне позвонили, несомненно, будет считать меня своим врагом, я ведь отказался снабдить ее сведениями об атомной энергии. Правда, мне уже угрожала враждебная ей группировка. В любом случае либо те, либо другие будут ненавидеть меня — никуда не денешься! Но фактически ненавидеть будут несуществующего тридцативосьмилетнего человека, и, следовательно, я, *превратившийся*, в полной безопасности, ха-ха.

Когда мы с Мори подошли к зданию, в котором проходил митинг, около огромного сугроба, подтаявшего было, но потом снова замерзшего, выступал какой-то странный человек лет тридца-

ти. Долго говорить ему не дали — юнцы из отряда охраны митинга с повязками *Антиполиция* на рукавах сбили его с ног. Он упал, уткнувшись головой в грязный сугроб. Это был невзрачный человек с серым лицом, казавшийся ниже ростом, чем был на самом деле, из-за сутулости, вызванной сидячим образом жизни. Но, подчиняясь непонятному раздвоению сознания, он отрастил вызывающе огромные усы. Привлеченный усами, я внимательно всмотрелся в его лицо — прекрасный высокий лоб, крупный, выдающийся вперед нос. Манера изъясняться у него тоже была непростой, сочетавшей в себе прямоту и выспренность.

— Революционная партия свергает партию своих противников — это совершенно естественно! Если она не делает этого, то никакая она не партия. Но зачем проламывать черепа железными трубами, переламывать руки и ноги и, наконец, убивать? Может быть, лучше вместо этого хватать людей, снимать с них штаны и пороть? А потом можно и отпустить. Снова хватать и снова пороть, повторяя это раз за разом. И проделывать это с лучшими студентами, в конце концов порка им надоест и они, возможно, вступят в вашу группу. Во всяком случае, такая вероят-

ность существует. Если же к вам придут люди с пробитыми головами и переломанными ногами и руками, проку от них мало. От убитых и вовсе мало толку. Вам это, должно быть, понятно? Вы ведь тоже лучшие студенты! — (Тут несколько человек из *антиполиции,* на которых он указал пальцем, подскочили к усатому с криками: *Мы не проламываем черепа, не переламываем руки и наги и, уж конечно, не убиваем! Партия наших противников, говоришь? Пороть нужно, говоришь?* — и сбили его с ног. Мужчина упал в сугроб как подкошенный, но все же встал и начал счищать с себя снег и грязь и отряхиваться, как собака, — во все стороны летели комки снега и брызги воды. Потом он отошел на несколько шагов от *антиполиции* — и возобновил свое выступление, но тут же снова приблизился к *антиполиции*.) — Я придумал прекрасный метод достижения согласия между вашими группами. Враждующие группы А и Б посылают друг другу ну хотя бы по пять человек. Таким образом, каждая из них берет заложников и, заботясь о судьбе своих товарищей, находящихся во вражеском стане, будет относиться к посланцам учтиво. Если же вы станете принимать с распростертыми объятиями посланца других групп, то поступи-

те именно так, как следует поступать умным людям. Мао Цзэдун всегда радушно встречал иностранных гостей. Неумны те, кто не видит другого пути, кроме борьбы с противником. Но вы, наверно, выступаете и против идей Мао тоже? Со временем посланцы других групп поймут, что теория и практика вашей группы не так уж отличаются от их собственной теории и практики, во всяком случае не настолько, чтобы за это пороли. И тогда они станут той движущей силой, которая поможет осуществить слияние двух групп. Согласны? А если не согласны, то с чем? (*Ты ни черта не смыслишь в организационных вопросах, в анализе нынешней обстановки в мире, реально существуют лишь революционная группа и контрреволюционная бандитская организация,* — парировала *антиполиция,* заколебавшаяся было под воздействием логики оратора, и набросилась на него с еще большим ожесточением.)

Усатый оратор, сбитый с ног в четвертый или пятый раз за то время, как мы с Мори наблюдали за происходящим, медленно, точно вставать ему совсем не хотелось, поднялся и, отряхиваясь, подошел к нам. Наверно, потому, что, кроме нас, у него не было ни одного слушателя! Сильно сощурившись, как всякий очень близорукий

человек, по какой-то причине оставшийся без очков (в данном случае причина была ясна — он несколько раз тыкался головой в сугроб), сказал:

— Революционная группа ведет борьбу, обращаясь к широким слоям народа, но особенно старается втянуть в свою орбиту интеллигенцию, верно? Вам не кажется, что она должна делать все наоборот? Сможет ли группа расширить свои ряды, если не разрушит окружающую ее ограду и не распространится за ее пределы? Никакого прока не будет оттого, что она втянет в свою орбиту незначительное число интеллигентов. Разве не должна она выпустить интеллигенцию на вольное пастбище как свободных пропагандистов проводимой группой кампании?

Сначала я подумал, что слова усатого оратора обращены ко мне. Но тут же спохватился. Он обращался к одному из тех интеллигентов, которых революционная группа пытается втянуть в свою орбиту, и считал он таковыми никого иного, как Мори! Двадцативосьмилетний же Мори, благосклонно улыбаясь, слушает усатого оратора и, казалось, безмолвно соглашается с ним, поощряет его. Улыбка Мори, будто милая шалость ребенка, не могла не вызвать улыбку и у оратора, в усах которого запеклась лившаяся

из носа кровь.

Тут подлетели юнцы из *антиполиции* и обратились к нам и оратору с разными заявлениями, причем выражение их лиц и тон в обоих случаях ничем не отличались. Мне бы хотелось, чтобы удобства ради вы передали их по-разному.

— Участники митинга, войдите, пожалуйста, в зал! *Ты и участникам митинга собираешься мешать?*

Прежде чем *антиполиция* грубо оттолкнула усатого оратора, Мори успел протянуть ему руку и решительно обменялся с ним рукопожатием. Я почувствовал, что у меня, восемнадцатилетнего подростка, запершило в горле.

5

В холле перед залом, где проводился митинг, стояли параллельно два длинных стола, между ними был узкий проход; минуя его, каждый получал пачку листовок, взамен которых вносил взнос участника митинга, — год от года расположение столов становилось все более продуманным. Скупердяев вроде меня, например, все это раздражало. Однако за себя и Мори я все-таки положил в ящик двести иен мелочью, но вдруг Мори достает из кармана брюк, до вчерашнего дня бывших

моими, бумажку в пять тысяч иен и вносит ее. Я даже вскрикнул непроизвольно: ого, ха-ха. Под потолком вдоль сцены висел лишь один лозунг. У меня создалось впечатление, что будущая киносценаристка Ооно хотела продемонстрировать свое профессиональное мастерство. **Ядерную энергию — в руки тех, кто не стоит у власти!** — вот этот многозначительный лозунг. Ни один политический строй, будь то на Востоке или на Западе, не способен на такое. Если вдуматься, то *жестяные люди* были первыми, кто, громыхая своими бесполезными доспехами, попытался реализовать этот лозунг. И воспрепятствовал им не кто иной, как я. Может быть, мне, наоборот, следовало облачиться в их снаряжение и похитить ядерное сырье? Я почему-то был убежден, что на митинг, где присутствовали и домохозяйки, но главную роль играли студенты, явились и *жестяные люди*. Но идентифицировать меня, *превратившегося,* и меня во время нападения — немыслимо.

Не успели мы сесть, как я почувствовал зуд в области сердца. Хорошо еще, что я сидел у прохода, — нерешительно, будто опасаясь побеспокоить соседей, я запустил руку под рубаху и даже вскрикнул от боли — пальцы мои кос-

нулись крупной сыпи! Хотя ко мне и вернулась неопытность восемнадцатилетнего, все же мне не могла прийти в голову мысль, что в городе на следующий день после большого снегопада расплодились гусеницы. Значит, виновата рубаха. Желая выглядеть, как подобает юноше, я надел пижонскую рубашку. Одноцветную трикотажную рубашку, которую я купил в магазине калифорнийской лаборатории — это был период моего становления как специалиста.

Когда я увидел в шкафу рубашку, меня отчего-то охватило неприятное чувство. Но — о безрассудство *превратившегося* восемнадцатилетнего! — не подумав об источниках неприятных воспоминаний, я надел рубашку на голое тело. Теперь, когда начался нестерпимый зуд, я понял секрет рубахи. Последний раз я надевал ее сразу же после возвращения из Америки, в тот день, когда пошел помочь новому начальнику переехать на новую квартиру. Стараясь заслужить похвалу, я не покладая рук таскал вещи, и с камелий, во множестве росших в саду, мне за ворот насыпались волоски гусениц. У меня начался невероятный зуд, но у окружающих мои мучения вызывали лишь отвращение, саркастические улыбки, поэтому я не попро-

сил кого-нибудь из сослуживцев стряхнуть со спины волоски. Именно с того дня и начались мои злоключения — несмотря на стажировку в Америке, начальство атомной электростанции игнорировало меня и в конце концов, назначенный ответственным за перевозку ядерного сырья, я облучился. Значит, насыпавшиеся в тот день волоски гусениц продолжают существовать. Наверно, и в самом деле в жизни человека есть злосчастные дни, ха-ха. Нестерпимый зуд на груди и животе я пытался унять, поглаживая кончиками пальцев выступившую сыпь. У меня совершенно вылетело из головы, что я вместе с Мори пришел на митинг, — какое-то огненное чудовище пожирало меня.

А в это время в зале произошла странная перемена, и это вернуло меня к действительности. Не то чтобы я почувствовал, что сюда проникла вражеская группировка. Просто все вокруг — старуха в круглых очках на огромном толстом лице со свисавшими вдоль щек·редкими неопрятными волосами, юноша в переднике от шеи до колен, как европейский мастеровой, мужчина лет сорока с козлиной бородкой и в бейсбольной кепке, — все они, ну и, конечно, студенты-активисты выглядели как-то странно. Чувствуя, что

должно что-то произойти, я напряженно ждал этого. Я внимательно посмотрел на студентку, сидевшую рядом с Мори, — она, безусловно, тоже ждала. Круглая голова, причесанная волосок к волоску, на лице резко выдаются нос и губы, под глазами темные круги — девушка неотрывно смотрела на Мори, и ни на кого другого.

Если вы спросите, продумал ли я заранее свои действия в свете этой странной атмосферы, то отвечу — нет. Я, восемнадцатилетний, увидев, как на сцену поднимаются актеры, играющие на митинге роль положительных героев, был ослеплен любовью к Ооно — вот в чем дело, ха-ха. Под многозначительный лозунг **Ядерную энергию — в руки тех, кто не стоит у власти!** к самому краю сцены вышел руководитель борьбы против строительства атомной электростанции, прибывший вчера с Сикоку; на его маленьком напряженном лице выделялись огромные глаза и нос. Еще больше вытаращив глаза, он оглядывал сидящих в зале. Вслед за ним вышло человек пять молодых людей, которых я знал, а потом и Ооно. Будущая киносценаристка тоже осматривала зал, глядя из-за пугающе огромных стрекозиных очков такими вытаращенными глазами, что приходила на ум мысль, не базедова ли у нее болезнь.

Я сразу сообразил — они оба ищут кого-то. Кого? Меня! Навеки исчезнувшего бывшего служащего атомной электростанции, меня до *превращения*! Они были так поглощены осмотром зала, что Ооно, не заметив стула, зацепилась за него подолом юбки и чуть не упала. Находившийся рядом с ней юноша бросился, чтобы поддержать своего идола. Однако киносценаристка холодно поблагодарила его и отвела руку. Сидевший в зале *превратившийся* восемнадцатилетний вдруг пришел в восторг и бешено зааплодировал. Мало того, я закричал — на таких высоких нотах, что их способна была уловить лишь собака. *Сестрица, чудесно, чудесно,* иди сюда, иди сюда! Жаль, что в зале не было собаки, понимающей человеческую речь, ха-ха!

Гремела музыка. Музыка, да к тому же Бетховен! Это была соната для струнного квартета, которую Мори слушал целый год, прежде чем перейти к фортепианным сонатам Моцарта, — она засела у меня в ушах. Первые мощные такты сонаты потрясли зал! А потом тонкие струны повели тему, и я подумал, что это тоже в духе будущей киносценаристки, что и это — спектакль, поставленный Ооно. Где-то у потолка началась густая бумажная метель. Я посмотрел вверх, где

бушевала эта метель, и увидел, что лозунг, висевший над помостом, подменен: **Ядерную энергию — в руки тех, кто не стоит у власти, но не в ваши руки, контрреволюционное хулиганье!**

Вслед за мягкой струнной музыкой — угрожающе громкие такты. Стоявшие на сцене, засыпанные бумажным снегопадом, дрожали, не зная, что предпринять. Даже Ооно — куда подевалась ее величественность? — в замешательстве закричала:

Антиполиция, антиполиция!

Я взглянул на ее дрожащие губы и почувствовал, как грудь моя сжимается от жалости и любви.

Но молодые люди на сцене продолжали стоять не шелохнувшись, а *антиполиция* даже не думала наводить порядок. Один лишь руководитель движения против строительства атомной электростанции громко кричал, что это безобразие. Неожиданно я увидел, что Мори, как и я, вставший со своего места, обнимает за плечи свою соседку и девушка прильнула к его сильному телу!

Свет в зале внезапно погас — перегорели пробки. Это тоже был спектакль, но поставленный нападающими; мгновение — и взрывом сверк-

нула вспышка, свет гас и зажигался вновь с интервалом в секунду. Вспышка была такой силы, что казалось, зал пронзает молния.

При каждой вспышке я видел, как толпа в зале приходит в движение. Картина двигающихся при свете людей застывала в моих глазах. Точно в немом кинематографе — голосов толпы, подавленных мощной музыкой, не было слышно. События в немом кино развивались — в зале уже кое-где вспыхнула драка.

Дрались, разумеется, юнцы, принадлежащие к разным революционным группам, и молодые функционеры. Остальные, а их было большинство, бежали, стараясь вырваться из пекла, где орудовали нападающие и обороняющиеся. Можно ли было в этом побоище гарантировать чью-либо безопасность, даже людей, совершенно посторонних? Свет и тьма беспрерывно сменяли друг друга. Как и следовало ожидать, мне тоже разок досталось по шее, разозлившись, я развернулся и угодил кому-то по носу. На секунду вновь воцарилась тьма, и я опасался, что получу сдачи, но вспыхнул свет, и я увидел, что в том месте, где мог находиться человек, которого я ударил, было пусто.

— Мори! — закричал я во тьму, повернувшись

в ту сторону, где только что видел его, и, сам не знаю почему, присовокупил фразу, которую обычно употребляют мальчишки: — Смоемся, пока нам не наклали, а, Мори!

Но вот новая вспышка — она не высветила Мори, который должен был стоять рядом со мной! В наступившей вслед за этим тьме, пытаясь разглядеть толпу, в которой не было видно Мори, дерущуюся толпу, сдержать которую уже было невозможно, я так усиленно моргал глазами, что слышал шорох собственных ресниц. Следующая вспышка осветила Мори и студентку, которые спокойно шли по проходу через восемь-девять рядов от того места, где я стоял. Они отличались и от большинства находившихся в зале, скованных мыслью, что они жертвы, и готовых бежать без оглядки, и от юнцов, которые носились по залу, продолжая драку. Точно отметая дурной сон, Мори медленно вытягивал перед собой руки и, легко раздвигая толпу, шел вперед. Руки *превратившегося* Мори, видимо, обладали необыкновенной силой — он без труда отбрасывал стоявших у него на дороге людей, причем те, кого он отбрасывал, даже не пытались кинуться на него.

— Мори! — завопил я что было сил, стараясь перекричать Бетховена. — Мори! Мори! Куда ты?

Вспыхнул свет — Мори не обратил никакого внимания на мои крики, на знаки, которые я ему подавал, он шел, охраняя вцепившуюся в рукав его кожаного пиджака студентку в джинсовом расклешенном платье и в длинном теплом жакете, застегнутом на все пуговицы и плотно облегавшем ее. Когда вновь стало темно, я с криками «Мори, Мори!» начал поспешно пробираться по узкому проходу между стульями, но продвинуться вперед мне не удалось. Те, кого я отталкивал, давали мне сдачи, и я, вытянув шею, как черепаха, и корчась, вопил «Мори, Мори!» — вот и все, что я мог сделать. Наконец он посмотрел в мою сторону — в его взгляде я сразу же прочел отказ, — мелькнул на прощание небритый профиль, и Мори исчез в толпе. Я остался стоять весь в поту, снова испытывая нестерпимый зуд. Я был сражен отказом Мори, вот так-то. До сих пор его многочисленные отказы я не воспринимал как отказы, но теперь понял — пришло время платить по счетам. Мори с детских лет, до *превращения*, отказывался слушаться меня, своего отца, подчиняясь туманным, неосознанным желаниям; я решительно не признавал отказов и вынуждал к послушанию…

– *Корпус лососей!* — раздался вопль, заглушив-

ший мощно звучавшую сонату для струнного квартета. — *Корпус лососей! Корпус лососей!!!*

Моим чувствам вновь был нанесен решительный удар. В открытую рану, оставленную в моей душе отказом Мори, упали слова *Корпус лососей* и закупорили ее! В вспышке яркого света, которой я едва дождался после темноты, наступившей, когда выплеснулся крик *Корпус лососей,* все повернулись к сцене.

Там началась невообразимая потасовка! Разумеется, эти люди не собирались устраивать под шумок поножовщину, ха-ха. Но дрались они как звери, на сцене было полно дерущихся и была такая давка, что даже упасть невозможно. Кто из них принадлежал к *Корпусу лососей* — не разберешь. А тут еще над головами устроивших эту потасовку юнцов пронесли на плечах будущую киносценаристку. Она болтала толстыми ногами из-под задравшейся юбки — будто разверзся бездонный зев духовой трубы!

– **Сволочье! Чертово сволочье! Ни стыда ни совести! Кончайте!** — кричал я громовым голосом, но крик мой замер в только что закупоренной ране моей души. Обратившись к разверзшей зев трубе, я, восемнадцатилетний, ринулся вперед, горя не осознанным еще желанием и злобой.

Ринулся вперед, оскалив не искусственные, а собственные молодые зубы!

6

Ринувшись вперед, я добрался до сцены и вклинился в самую гущу дерущихся, но меня сразу сбросили вниз. Я попытался снова взобраться на сцену, но мне топтали руки, били ногами по голове и плечам и каждый раз скидывали со сцены — да, захватить их позицию трудно. Я опять осторожно оперся руками о край сцены, причем руки сжал в кулаки и, избегая нацеленного на них старого ботинка, прыгал из стороны в сторону, пытаясь найти щелку, чтобы взобраться на сцену, и тут головой вниз полетел худой человек лет под сорок, видимо ветеран *Корпуса лососей*. Полетел прямо передо мной. На его побледневшем лице выделялись янтарные, как у кошки, глаза, он смотрел прямо перед собой. Наверное, потому, что перед ним вдруг оказалось мое лицо, в глазах его на миг отразилось изумление, но тут он, ударившись теменем об пол, завопил:

— Ой, больно!

Упал еще один человек — со всех сторон его пинали стоптанными ботинками, а он, продолжая лежать на полу, пытался увернуться. Не руково-

дитель ли это движения против строительства атомной электростанции на Сикоку?! Но у него на маленьком лице огромный запавший рот и вокруг множество морщин — может быть, это не он, а его отец? Однако глаза горели злобой, ноздри раздувались, от него даже пар шел — так силен был боевой дух. Действительно, руководитель движения против строительства атомной электростанции, хотя и лежал на полу, оружием, зажатым в правой руке, бил по ногам пинавших его противников. Когда он промахивался, оружие не впивалось в ногу противника, а издавало щелчок, точно кастаньеты. Вот оно что! Я ведь тоже всегда стараюсь укусить — стоило мне подумать об этом, и я сразу же догадался, что это за оружие. Раздосадованный маленький человек, которого повалили на пол, пинали ногами, не в силах подняться, вытащил изо рта вставные челюсти, зажал их в руке и кусал ими ноги противников. Ха-ха, я был потрясен — кусательная атака с дистанционным управлением. Вы когда-нибудь слышали о таком?

– **Прибыла моторизованная полиция! Не поддавайтесь на провокацию!** — раздались у меня за спиной крики множества людей. Эти крики несметной толпы заглушили лившуюся из мощ-

ных динамиков музыку и произвели нужный эффект. Побоище прекратилось. Руководитель нападавших, несомненно, отдал команду отступать. Умолкли динамики.

Погасла лампа-вспышка, освещавшая тьму, начались вопли смятения и негодования, что не было свойственно обученным активистам обеих групп, и длилось это довольно долго. Со сцены, где утихла потасовка, беспорядочно прыгали убегавшие. Это могло оказаться опасным для тех, кто стоял внизу, — ведь была полная тьма, и я, охватив руками голову, наугад бросился вперед, пытаясь вклиниться в свободное пространство на сцене. И упал со страшным грохотом.

– **Сволочь, фашист!** — раздалась ругань — кого бы вы думали? — взбешенной киносценаристки. — **Тупица! Идиот!**

Встав на четвереньки, я пополз, лавируя между топающими ногами, в направлении этого голоса. Вдруг я почувствовал страшную боль — что-то впилось мне в зад, наверно, укусила вставная челюсть руководителя движения против строительства атомной электростанции. Если бы я не двигался вперед так стремительно, широко раскрыв во тьму глаза, то одной десятой секунды опоздания было бы достаточно, чтобы

челюсть отгрызла важный орган, представляете — у восемнадцатилетнего-то, ха-ха. К счастью, все утихло, и продолжал сражаться один лишь руководитель движения против строительства атомной электростанции, поэтому я продвигался вперед, беспрерывно натыкаясь на чьи-то колени и голени, и никто не пинал меня ногами, не топтал. Чтобы не отдавили пальцы, я сжал руки в кулаки и передвигался ползком по полу. Неожиданно я наскочил плечом на перевернутый стул, и он отлетел далеко вперед, и оттуда раздался вопль «Ой!».

– **Сволочь, фашист!** — послышалась ругань.

Подходить с той стороны, откуда только что полетел стул, было неразумно, и я, чтобы выйти из положения, схитрил — перекатился несколько раз по полу и пополз дальше; сердце бешено колотилось. Я протянул руку и погладил по спине сидевшую неподвижно, как изваяние, Ооно.

— Это я! Надо выбираться отсюда! — сказал я. Вспомнив, какой у меня был голос до *превращения*, я изменил свой теперешний на басовитый.

Обняв за талию дородную киносценаристку, я помог ей подняться, и мы во тьме направились за сцену; все участники потасовки уже были в зале, и на сцене не осталось ни одного дерущегося.

Будущая киносценаристка будто ждала моего появления, она крепко вцепилась в меня и, стуча высокими каблуками, бежала рядом вприпрыжку — решительная женщина, но в то же время и немного жалкая, подумал я. Моя грудь снаружи болела от нестерпимого зуда, а внутри изнывала от сладкого волнения. Ха-ха.

Когда мы оказались у задника сцены и я стал соображать, куда идти дальше, в зале прогромыхал гром! Через все двери ворвались полицейские моторизованного отряда.

— Древние, если раскаты грома доносились слева, считали это добрым предзнаменованием. Бежим направо и сами устроим себе доброе предзнаменование!

Вскоре я неожиданно наткнулся на металлические перила винтовой лестницы. Над ней виднелся красноватый светлый прямоугольник. Пристально всмотревшись, я увидел проступающие на нем светящиеся иероглифы ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ, ЩИТОВАЯ. Мы с Ооно, как овцы, бегущие бок о бок, помчались вверх по винтовой лестнице. Красноватый светлый прямоугольник был приделан к распределительному щиту, чуть в стороне от него поблескивала дверная ручка. Мы вошли в крохотную каморку и заперли дверь. Во

тьме под нами топало множество ног — впечатление, будто начинается первый акт «Макбета». Заставив Ооно сесть на расстеленную на полу циновку, а потом и лечь на нее, я, хотя не имел на то никаких оснований — безответственный восемнадцатилетний мальчишка, что с меня взять, ха-ха, — авторитетно заявил:

— Полицейские моторизованного отряда в тяжелых металлических доспехах побоятся подняться сюда, к распределительному щиту!

Что произошло между нами? Мы переспали, ха-ха. Будущая киносценаристка вдруг раскашлялась, и я, боясь, что кашель могут услышать полицейские, зажал ей рот поцелуем, хотя с тех пор, как начались наши отношения, мы избегали поцелуев, считая их чем-то грязным. Я сделал собственное открытие — *ах, вот как это происходит у людей.* Близость с Ооно раскрыла мне глаза. Неужели это тело — тело простого земного человека? Разве человек, обладающий таким телом, не живет космической жизнью? Моя душа влилась в тело Ооно, и я познал смысл бытия. Обращаясь к космической воле, я отвечаю: *Теперь все.* Так я испытал блаженство, которого не изведал еще ни разу в жизни!

Мы оделись и, обнявшись, сидели на циновке, а

в это время внизу, в полной тьме, господствовал моторизованный отряд полиции. К распределительному щиту кто-то поднимался, потом снова спускался вниз.·Видимо, вернулся на свое рабочее место электрик, которого нападавшие либо заставили спрятаться, либо заперли где-нибудь. В зале загорелся свет, моторизованный отряд построился, участников митинга, не успевших бежать, собрали в одном месте. Одна за другой слышались команды, но совсем тихие по сравнению с доносившимися раньше воплями. В маленькое матовое окошко у самого пола комнаты, в которой мы укрылись, проник свет. Теперь, на свету, будущая киносценаристка увидела все признаки *превращения,* происшедшего с моим телом.

Она неожиданно протянула руку и, погладив меня по затылку, сказала:

— О бедняжка! Что с тобой произошло?

Она безоговорочно разрешила мне быть мной, причем мной *превратившимся,* то есть мной с телом восемнадцатилетнего (а возможно, и душой восемнадцатилетнего).

Я был не в состоянии ответить на ее вопрос, да, собственно говоря, и необходимости отвечать не было, и, снова обняв Ооно за талию, ставшую теперь мягкой и податливой, наслаждался неж-

ностью ее руки, гладившей меня по затылку и шее. Точно пытаясь сказать, как мучительно и печально *превращение,* слезинка коснулась горячей щеки Ооно, и в ответ ее глаза наполнились слезами, и они поползли к припухлостям в уголках губ. Я слизывал их красным языком восемнадцатилетнего. Ноздри щекотали лившиеся по ним слезы, но я заметил, что зуд на груди и животе прекратился. Чудесная близость с женщиной уничтожила яд гусениц.

Глава V
Чувствую, что заговорщики чуждаются меня

1

Будущая киносценаристка проявила истинную доброту к телу и душе *превратившегося*, но эта доброта была чересчур демократичной и проявлялась не только по отношению ко мне.

— Если ребят арестовали, нужно немедленно организовать их спасение, — скомандовала она себе.

Я хочу, чтобы спасали только меня. Продолжай спасать меня, превратившегося! И никакой организации не нужно, делай это одна! — готов был я крикнуть ей в ответ. Полиция сюда даже не поднялась, разве это не означает, что происшедшей здесь потасовке не придается большого значения? Наверно, построились, вышли и уехали.

— Выходит, полицейские не стали здесь искать, потому что у них металлические доспехи и они боятся, что их ударит током, сам же это говорил.

— …Разве опасность может помешать им? Конечно, если бы они действительно хотели

арестовать зачинщиков…

— Значит, по-твоему, они должны были, чтобы не ударило током, раздеться догола? Хотя, следуя твоей логике, и такое предположение вполне возможно. Нет, заняв зал, они сразу же арестовали тех, кого наметили заранее. Нужно не мешкая начать их спасение!

— Но кого власти взяли на заметку? И потом, к какой группе принадлежат арестованные — к вашей или же к нападавшим?

— Если руководители контрреволюционной группировки, совершившей нападение, и арестованы по сговору с властями, почему мы должны заниматься их спасением?

— …В таком случае, кто же из устроителей сегодняшнего митинга интересовал полицию, если сама руководительница группы Ооно спокойно прячется здесь?

— С точки зрения политических группировок я ничего не значу. Ни наши друзья, ни наши враги, ни служба безопасности не считают меня важной персоной.

— Не могу в это поверить, я всегда был убежден, что не только твоя группа, но даже *Корпус лососей* и тот находится под твоим руководством.

— Ну к чему провоцировать меня? Зачем гово-

рить чушь, не понимая сути нашего движения?

— …В таком случае тебе придется самой организовывать спасение, ведь схватили-то твоих ребят. Я давно наблюдаю за твоей группой и до сих пор не считал тебя марионеточным руководителем. Но когда на митинге произошла потасовка, я слышал выкрики *Корпуса лосо-сей*. А ведь *Корпус лососей* является боевым формированием революционной группы, в которую входите и вы? О *Корпусе лососей* я впервые услышал лет десять назад…

— Ну и что из того? Даже если моя группа и имеет отношение к *Корпусу лососей*… Сколько можно повторять эту чепуху? Я немедленно приступаю к спасению ребят. И потом, с меня довольно.

Действительно, в глубине души я взывал: *О-о, не разрушай своими словами прекрасное воспоминание о том, что было между нами, даже если и не хочешь спасти бедного мальчишку, который сейчас перед тобой.* Хоть и с запозданием, я неожиданно перешел в контрнаступление. Для чего я это сделал? Наверно, таков уж характер впечатлительного юнца.

— С меня тоже довольно. Просто я постеснялся сказать тебе такое, ха-ха!

— Ну ладно, пошли. Что бы там ни было, мне

сейчас не до шуток.

Втайне я надеялся, что электрик запер нас снаружи, но стоило мне повернуть ручку, как дверь открылась. *А как мне хотелось побыть здесь вдвоем с Ооно до завтра!* — с сожалением прокричал во мне голос восемнадцатилетнего, ха-ха.

— Рядом с распределительным щитом, по-моему, должен быть фонарь на случай аварии. — И точно в подтверждение профессионального опыта киносценаристки, рядом с рамкой из красных лампочек висел фонарь, длинный, как палка. Когда я включил его, свет попал на дверь, из которой мы только что вышли, — там был изображен череп и кости и написано: ВХОД ВОСПРЕЩЕН, ТОК ВЫСОКОГО НАПРЯЖЕНИЯ! Неудивительно, что ни полицейские, ни электрик не вошли в эту комнату. А мы, ничего не ведая, проникли сюда и занимались любовью, касаясь голыми телами проводов, по которым шел ток в десятки тысяч вольт. Может быть, благодаря току высокого напряжения все было чудесно, как никогда? Ха-ха.

Глянув на предостерегающую надпись, киносценаристка воскликнула: «Ой!» — и прижалась ко мне обессилевшим телом. И я, нежно обняв не раздражавшую меня женщину, которая, поднаторев в телевизионных дискуссиях, разбила меня в

нашем споре, а очаровательную партнершу любовных утех, стал спускаться с ней по винтовой лестнице, ха-ха. И, пока она не пришла еще в себя от потрясения, я, делая оборот за оборотом, точно шурупом, накрепко привинчивал ее к себе. Я шагал уверенно, как юноша, которому впервые в жизни исполнилось восемнадцать лет, чувствуя, что теперь каждый, наверно, признает мои права восемнадцатилетнего, ха-ха!

Вы сомневаетесь в моих словах? В изящной словесности я действительно не специалист, но, даже если вы и сомневаетесь, пишите так, чтобы ваш собственный голос сомнений был заглушен моим голосом самоутверждения, каким я веду рассказ. Разумеется, в примечаниях писателя-невидимки совсем не обязательно писать: «Но я в этом сомневаюсь».

Вы послушно записываете слова, которыми я веду рассказ. Я хочу, чтобы бесконечному числу третьих лиц, которые будут читать их, передались динамические отношения между двумя лицами — мной, ведущим рассказ, и вами, записывающим его повествование. Для третьих лиц я живу только в этих отношениях противостояния — меня, ведущего рассказ, и вас (сомневающегося, но тем не менее послушно записывающего

мои слова), — вот в чем дело. Если я внезапно исчезну из этого мира, то записанные вами слова — единственный шанс воскресить меня, вновь заставить существовать в реальном времени. Третьим лицам, которые будут читать записки, я не собираюсь рассказывать небылицы о *превращении*. Я хочу, чтобы мое существование, существование такого человека, как я, всколыхнуло силу их воображения. Я начинаю использовать вашу специальную лексику, ха-ха. Только тогда я буду существовать как реальный дух. Для этого необходимо, чтобы слова, которыми я веду рассказ, и ваше молчаливое сомнение, напряженно противоборствуя друг другу, отражались в ваших записках. Потому что тогда у третьих лиц, читателей, возникает интерес — и с этой секунды, как бы борясь с вашим сомнением, они перейдут на мою сторону. Ваши сомнения будут тем толчком, который положит начало динамичным отношениям между мной, ведущим рассказ, и третьими лицами, читающими записки.

Вот первые шаги в той области, где я специалист, ха-ха. Вы, писатели, видимо, тоже используете механизм слова, чтобы пробудить у третьих лиц силу воображения? А разве механизм не работает в соответствии с законами механики?

Раньше для меня, исследователя и специалиста атомной электростанции, слова в конце концов превращались в бесполезный мусор. Например, слова о возможности коррозии атомного реактора и выхода его из строя ничего не будут стоить, если соответствующие специалисты предпримут меры, сводящие такую опасность к нулю. Необходимость в моих словах просто-напросто отпадет.

Что же касается вас, писателей, написанные вами слова всегда должны быть тем механизмом, который пробуждает силу воображения, верно? Видимо, нет на свете такого специалиста, который мог бы превратить ваши слова в ненужный мусор. Вот почему предложенный мной механизм окажется, как я думаю, эффективным, он поможет превратить слова, которыми пользуется, ведя рассказ, бывший исследователь и специалист, в детонатор, способный взорвать силу воображения третьих лиц. Однако я снова повторяю: если вы не верите тому, что я говорю, то не делайте вид, что верите.

2

Стараясь не поскользнуться на льду, замерзшем грязном месиве — словно всклокоченная шерсть бездомной собаки, — мы вышли из боковых во-

рот и направились к входу в здание, стоявшее в конце тупика. Без всяких на то оснований я был твердо убежден, что Мори, *превратившийся* во взрослого человека, со студенткой ли, без нее ли, но сейчас, глубокой ночью, ждет меня на этой улице. Поскольку моторизованный отряд полиции оцепил весь район, ждать меня рядом со зданием, в котором проходил митинг, опасно, и он, найдя такое же укромное место, как тогда, на платформе экспресса «Кодама», несомненно, ждет меня на этой улице, раскаиваясь, что отверг мои призывы.

Я думал о Мори, но, ощущая себя защитником будущей киносценаристки, которая совсем ослабла, потрясенная тем, как близко она находилась от тока высокого напряжения, внимал ее жалобному голосу, такому тихому, что казалось, ей было больно говорить:

— …Гражданские организации, которые до сих пор вели совместную с нами борьбу, не понимают того, что их отвергает определенная часть революционной группы. Но если бы сегодня мы не подверглись нападению контрреволюционного хулиганья — сволочи, фашисты! — митинг прошел бы успешно и моей группе удалось бы повлиять на общественное мнение. Это объектив-

ный факт. Тем не менее мои теперешние ребята совсем не похожи на тех, которые были у меня семь-восемь лет назад, и даже на тех, кто входил в группу года три-четыре назад. Они всегда с энтузиазмом носятся по городу, распространяя листовки, а когда я, бывает, простужаюсь, до утра, не сомкнув глаз, дежурят у моей постели и, не выспавшись, отправляются на работу. Но при этом я не удивлюсь, если узнаю, что они втайне от меня изготовляют бомбу. Может быть, они и некоторые другие, которые к нам приходят, изготовляют не простую бомбу с часовым механизмом, а атомную. Вырыв где-нибудь подземное укрытие…

— Что значит «вырыв подземное укрытие»? Если они всерьез собираются изготовлять атомную бомбу, нужно подземное укрытие по меньшей мере величиной с теннисный корт, а разве без специальной техники его выроешь?

— …Послушные, очаровательные ребята. Если считать эти их достоинства чем-то обыкновенным, то действительно самые обыкновенные ребята. И в своей борьбе, и в своей обычной, повседневной жизни они не выходят за рамки дозволенного, но, как знать, собираясь в своем кругу, они вполне могут тайком изготовлять

атомную бомбу. Эти ребята держат меня в неведении. Я чувствую это, а потому не могу сказать им: а вдруг в один прекрасный день вы изготовите атомную бомбу, да еще меня в это дело впутаете!

Мы подошли к входу в здание — Мори нигде не было видно! У меня возникло ощущение, будто во мне разорвался снаряд! Вы подумаете, что я был во власти отчаяния, как и день назад, когда Мори, еще до *превращения,* потерялся на Токийском вокзале? Ничего подобного! Мне показалось, что внутри у меня образовалась пустота и заполнилась чем-то горячим. Ревность — вот что это было! Ревность к студентке, которая увела Мори неизвестно куда, к Мори, который отверг меня и предпочел постороннего человека!

— Что с тобой? Тебе как-то не по себе?

Под уличным фонарем будущая киносценаристка внимательно посмотрела на меня, *превратившегося,* и, поняв мое состояние, стала трогательно утешать, хотя сама еще не оправилась после пережитого потрясения.

— Куда подевался Мори, не знаю; я думал, он где-то здесь ждет меня! Это уже не тот Мори, который потерялся вчера, а Мори *превратившийся,* Мори, который в противоположность мне повзрослел, став двадцативосьмилетним… Когда я

в последний раз видел его в зале, он шел к выходу, поддерживая студентку…

— Я не совсем понимаю, что все это означает, но, если Мори, как ты говоришь, двадцать восемь лет и если он ушел со студенткой, может быть, их забрала полиция? Если мы начнем спасать остальных ребят, несомненно, узнаем и о том, что случилось с Мори.

— Нет, мне с тобой не по пути! Для тебя Мори — один из многих, а для меня Мори — единственный. Я сам займусь его поисками!

— Для меня каждый из этих ребят единственный, — печально сказала Ооно, к ней вернулись практичность и находчивость общественной деятельницы. — Садись вон в то такси и поезжай. Нужно объехать все места, где может быть Мори. А я приступлю к спасению ребят и, если получу сведения о Мори, позвоню тебе домой в любое время, даже ночью.

Эмоционально я регрессировал, *превратился* почти в младенца. Хотя, бессмысленно отказавшись от предложения Ооно, я заявил, что буду искать Мори в одиночку, шоферу такси, повернувшемуся ко мне с бесстрастным видом, я назвал адрес своего дома.

— Вы газом не будете пользоваться? Слезо-

точивым. А то студенты-террористы, спасаясь от преследования, пользуются слезоточивым газом. У пассажиров потом щиплет глаза, и они ругаются.

Мне было неприятно слушать это, но я молчал. По возрасту я действительно *превратился* в студента, способного на самые безрассудные поступки, после потасовки на митинге вид у меня был плачевный. Но проучить водителя я не мог, так как под пиджаком железного ломика у меня не было, и мне не оставалось ничего другого, как сидеть тихо и помалкивать.

— Уж не больны ли вы? Не сопите так возмущенно, а то мне страшно, — поддразнивал меня шофер. Может быть, это он так шутил?

А мне сейчас, как тогда Ооно, было не до шуток. Мной овладели печальные мысли. *Превращение произошло по моей собственной воле. Меня, ставшего после превращения восемнадцатилетним, отверг превратившийся Мори и убежал с неизвестной студенткой. Я хочу вернуться к тому, что было до превращения! Превращение — сон. Я хочу снова стать средних лет мужчиной, которому жена порезала щеку, а потом бросила!*

…Я был погружен в эти мысли, когда вылезал из машины и у дверей доставал из кармана ключ. Я

было стал вставлять ключ в замочную скважину, но на ее месте зияла дыра с неровными краями, такая огромная, что в нее мог бы войти чуть ли не кулак!

— Ого! — проворчал я, в страхе отступив от двери.

Некая революционная группа с помощью дрели и механического резца взломала дверь тайного укрытия вражеской группировки. Подобные сообщения можно встретить в газетах почти ежедневно. Где бы я мог спастись от неминуемой опасности в этом огромном ночном городе — совершенно не представляю себе. А ведь к тому же я должен был отыскать пропавшего Мори. Я стоял, не находя в себе силы переступить порог дома, застыв в нерешительности на дорожке, выложенной кирпичом; и вдруг в дыре, зиявшей вместо выломанного замка, мелькнул свет лампы, дверь открылась изнутри! Открылась передо мной, восемнадцатилетним, у которого от страха сердце подскочило к горлу. Представляете, в прихожей стоял Мори, страшно усталый Мори, у которого щеки и подбородок были покрыты щетиной, отросшей после *превращения*! Подобно тому как у меня все явственнее проступали черты восемнадцатилетнего мальчишки, так и Мори все больше

становился похожим на зрелого мужчину.

Не говоря ни слова стоявшему передо мной спокойному, рассудительному Мори, я вошел в дом и закрыл за собой дверь, но не знал, как ее запереть, и растерялся. Ведь фанерная доска вокруг замочной скважины была вырезана вместе с замком. Но тут рядом с Мори, взиравшим на мою растерянную физиономию, появилась та самая студентка и стала ловко закреплять дверь. Она присела на корточки — ноги босые, несмотря на холод, ну точно собачонка, ха-ха, — протянула в дырку от замка веревку, намотанную на рукоятку ледоруба, конец ее привязала к дверной ручке, раз, другой — дверь была закреплена как следует. Будто мне впервые в жизни исполнилось восемнадцать лет, я, весь трепеща перед студенткой, которая игнорировала меня как юнца, хотя я, теперь всего года на два-три моложе ее, был потрясен тем, как ловко управлялась девчонка со всеми предметами, какую сноровку проявляла. Но откуда взялись в моем доме ледоруб и веревка? Наверно, принесла с собой девчонка, так наглядно продемонстрировавшая, что привыкла обращаться с ними. Хоть и с опозданием, но мой неопытный мозг восемнадцатилетнего разобрался в обстановке.

— Сколько нужно храбрости, чтобы сломать ледорубом дверь! Ворваться в дом с помощью ледоруба, перебить сопротивляющихся, связать веревкой — такова, наверно, тактика группы, в которую входит эта девица? Значит, мой дом захвачен хорошо обученной профессиональной активисткой?

— Не было другого выхода — дверь пришлось ломать. Ключ-то у вас, вы и теперь держите его в руке!

Мори молчал, доверив студентке ответить за него. Взрослый Мори полностью освободился от некоторых прежних странностей, вызванных необходимостью ни на минуту не забывать о том, что он должен как-то предохранять поврежденный череп, и теперь его облик наконец соответствовал тому, что было заложено генами. Моя жена, бывшая жена, была угрюмой женщиной, небольшого роста, а ее брат — крупного телосложения, с большим открытым лицом, настоящий великан среди своих низкорослых соотечественников. Гены, казалось, перескочив через жену, бывшую жену, передались Мори. Кровь *превратившегося* Мори четко проявила это.

— Надеюсь, эта уважаемая девушка не будет

возражать, если я войду, а, Мори? Все-таки этот дом и принадлежит вашему покорному слуге, — сказал я церемонно, но в моем голосе слышались визгливые нотки возмущения тем, как вел себя теперь уже взрослый человек, которого мое возвращение и не обрадовало, и не смутило.

Сдержанно улыбаясь, Мори посмотрел на меня с любопытством и, кажется, немного растерялся. Девушка, высунувшая из-за его спины голову, опять заговорила со мной. Буравя меня острым взглядом, оскалив передние зубы — не то чтобы некрасивые, но слишком большие, — она заявила:

— Что вы заладили, как мелкобуржуазный собственник: мой дом, мой дом. Оставьте эти ваши разговоры, лучше входите и поешьте. Мы признаем право детей на равных разговаривать с отцом, но все же…

Что все это значит? Ведь отец — я, а Мори — сын?! Правда, после превращения старший и младший поменялись местами. Но неужели сын занял место отца, и наоборот? Это нелогично, наконец просто нелепо! — хотел я крикнуть в ответ, но, не зная, поймет ли девушка наше *превращение*, решил не делать необдуманных заявлений. Ощущая боль во всем теле, я медленно

наклонился, снял ботинки и вслед за Мори вошел в гостиную. Нападавшая на меня девушка, видимо, была не из тех, которые, не удовлетворившись победой, продолжают преследовать противника — она уже трудилась на кухне. Разумеется, это была та самая студентка, которая во время потасовки в зале вверила себя Мори. Сейчас на ней не было, как тогда, длинного джинсового платья. Она была в свитере и в скромной, но в то же время яркой, напоминавшей испанскую, юбке. Но когда она повернулась ко мне спиной, стыд заставил меня отвести глаза. Нижняя часть тела была совершенно голой, и лишь, как передник, прикрывало ее мое купальное полотенце — его-то я и принял за юбку. Каждое ее резкое движение, когда она, наклонившись, вынимала посуду из мойки, с того места, где я сидел, позволяло увидеть ее оголенный зад. Эмоции, теперь уже не имевшие ничего общего с возмущением, которое мгновенно улетучилось, кружили голову, заставляли колотиться сердце, я не мог заставить себя снова взглянуть в ее сторону. Мори сидел на своем обычном месте, где ребенком слушал музыку, — там, где она звучала лучше, чем во всех остальных местах комнаты, стараясь преодолеть скованность своего выросшего тела,

но весь его вид говорил о том, что душа его никакой скованности не испытывает. Желая как-то вернуть утраченный отцовский авторитет, я посмотрел на него: мол, *что это за развлечение такое?* Холодная вода моего взгляда вернулась ко мне горячим паром — Мори проявлял независимость. До *превращения* Мори был чрезвычайно чуток к малейшим сигналам, не содержавшимся непосредственно в словах, — к тому, как я себя вел по отношению к нему, к моим интонациям.

— Жаль, что я не смогла оставить эту свинину на ночь вымачиваться, — оправдывалась студентка, внося поджаренную гречневую лапшу с кусками свинины, приготовленной, похоже, в духовке. Мори сказал, что вкуснее этой свинины он ничего в своей жизни не ел.

Говорил ли он когда-нибудь такое, даже после превращения? Неужели она вкуснее подрумяненной жареной свинины, которую я покупал, когда под Новый год ездил с ним в Иокогаму? — хотел я спросить его ехидно, но в эту минуту пустой желудок, пустой желудок, не подвластный контролю восемнадцатилетнего тела, заставил меня вперить взор в поставленную передо мной миску свинины с луком и овощами и желтоватой лапшой.

— Я вас прошу впредь не называть меня «уважаемой девушкой», мне противен мужской шовинизм. Меня зовут Саёко. Договорились?.. Ну ладно, что вы будете пить? Воду? Пиво? Маленькие бутылки пива в холодильнике — ваши, так что не стесняйтесь, — и решен вопрос собственности, который так вас волнует.

— Дайте пива, Саёко-сан, — попросил я, радуясь, что подобная услуга не будет рассматриваться ею как поощрение мужского шовинизма.

Саёко отнеслась к моей просьбе вполне нейтрально и, вставая, чтобы принести пива, завела левую руку за спину и придержала расходящиеся концы купального полотенца. Увидев это, я пришел в замешательство — неужели она почувствовала мой взгляд? Ха-ха.

Жареная лапша? О, это было вкусно! Нужно, конечно, сделать оговорку: оценивал еду голодный юноша. Я ел так, как любой восемнадцатилетний, — быстро выбрал все мясо, и тут чувствительная защитница прав женщин проявила на практике свою сноровку и добросердечие. Она принесла на кухонной доске всю оставшуюся свинину, зажаренную до янтарного блеска, и нарезала. Глядя на нее, я сделал еще одно открытие. До *превращения,* даже достигнув среднего возрас-

та, я все еще считал, что тонкие длинные куски жареной свинины — это мышечные волокна, но оказалось, что это плечевая часть, нарезанная в форме гадальных палочек. Человек учится в самое неожиданное время, правда? Ха-ха. Желая похвалить жареную лапшу, я, немного преувеличивая, как это свойственно восемнадцатилетним, ну и, конечно, слегка захмелев от выпитого пива, произнес, если вдуматься, полную бессмыслицу!

— Саёко-сан, наверно, вы и ваши товарищи, изучая идеи Мао Цзэдуна, одновременно проходите курс поджаривания свинины?

Словно собрав в своих глазах весь разлитый в комнате свет, она пронзила меня этим острым лучом. Но не раскрыла рта до тех пор, пока не собрала все силы, сконцентрировав владевший ею гнев. Она сдерживала себя, не давая пересохшим губам, прикрывающим поблескивающие крупные зубы, сразу же излить на меня переполнявшую ее злость. Почему свою злость она преодолевала внутренне? Может быть, откровенно презирала примитивного юнца, к тому же еще и моложе ее?

— Я бы не стала на вашем месте дискриминировать тех, для кого приготовление жареной свинины — профессия. И нельзя проводить па-

раллели между изучением идей Мао Цзэдуна и китайской кухней. Кстати, какие вообще идеи Мао Цзэдуна вам известны?

— Хм-хм. То, что мне известно, — это научные идеи Мао Цзэдуна. Опираясь на них, китайский народ создал атомную бомбу. Я тщательно изучал их документальный фильм о ядерных испытаниях, и у меня не создалось впечатления, что участники испытаний хоть сколько-нибудь заботились о мерах по предотвращению опасности радиоактивного облучения.

— Вы уклоняетесь от предмета нашего спора. Хорошо, давайте поговорим о документальном фильме о ядерных испытаниях в Китае. Вы сопоставляли увиденное в кинофильме с медицинскими данными? Скорее всего, вы очень невнимательно смотрели кинофильм, демонстрировавшийся для иностранных журналистов, и не сравнивали его с тем, что происходило во время испытаний, проводившихся американскими исследователями в Неваде? Китайцы опираются на собственные силы, и они опередили всех настолько, что для них нет необходимости сравнивать себя с кем-либо. Слышали вы о китайцах, страдающих лучевой болезнью, видели вы их?

— Но ведь в Китае существует контроль над

средствами информации, Саёко-сан.

— Только потому, что Китай не может не считать себя в состоянии войны с контрреволюцией, от кого бы она ни исходила — от стран Юга или Севера. Однако контроль над средствами информации не имеет никакого отношения к тому, есть в Китае пострадавшие от ядерных испытаний или нет их. Разве нельзя утверждать, что контроль существует, а пострадавших нет?

— Хм-хм. Я молюсь о том, чтобы наш народ не пострадал от радиации в случае, если вашей группе или группировке ваших противников, которые, кажется, следуют маоцзэдуновскому курсу опоры на собственные силы, удастся, разумеется собственными руками, создать атомную бомбу и провести ее испытание.

— А нужно ли вообще испытание? Если истинно революционная группа получит ядерное оружие и объявит в Токио о том, что она располагает атомной бомбой, присовокупив научные данные и фотографии, одного этого будет достаточно, чтобы создалась революционная ситуация. И, поскольку такова основная задача революции, контрреволюционные бандитские организации стараются не допустить, чтобы мы первыми создали атомную бомбу. Исходя из того

же принципа, революционная группа, придерживающаяся верного курса, должна получить в свои руки ядерное оружие до того, как власти создадут свое, верно?

— Если речь идет просто о создании ядерного оружия, то, действительно, изготовить одну атомную бомбу вполне возможно при наличии достаточно крупной организации, в которую войдут ученые и специалисты. Но это будет лишь первым шагом в создании системы ядерного вооружения. Взять хотя бы проблему средств доставки атомной бомбы — как она будет решаться? Той же революционной группой, придерживающейся верного курса?

— Никакие средства доставки и не потребуются. Вполне достаточно в освобожденном районе Токио поместить атомную бомбу или хотя бы атомное устройство.

— И, грозя взорвать ее, добиться нестабильной ситуации в Токио и его окрестностях, да? Народные массы Токио склоняют голову, и революционная группа без боя овладевает городом. Такой вариант устроил бы и нападающих: им тоже выгодней, чтобы освободительная армия, не предпринимая боевых действий, просто охраняла атомную бомбу. Хм-хм.

— Для чего эти ваши «хм-хм»? Чтобы представить нас в невыгодном свете?.. Мол, смотрите сами, а мое дело сторона. Это отвратительно…

— Не утверждайте, будто мне все равно! Просто я предсказываю — план осуществления революции с помощью ядерного оружия, какая бы группа ни вынашивала его, в конце концов приведет в тупик. Давным-давно я читал о том, какой была реакция на выступление по Би-би-си вдовы Рузвельта, в котором она говорила, что, по мнению большинства американских граждан, лучше уничтожить весь мир, чем позволить Америке стать красной. Я думаю, атомная бомба действительно создаст в Токио нестабильную ситуацию. Но не будет ли это вашим поражением, если массы домохозяек из новой группы «Голос лишенных голоса» во всеуслышание заявят: чем революция, лучше погибнуть от атомной бомбы? В таком случае вы не сможете использовать свое атомное устройство! Знайте, ядерная война не способна подавить войну народную!

— При чем тут массы домохозяек? Вы до мозга костей заражены мужским шовинизмом — все желторотые юнцы таковы!

Что из этого вышло, если взглянуть объективно? Моя логика в конце концов заставила,

наверно, студентку сдаться. Если вспомнить сражение с будущей киносценаристкой, получалось, что я одержал одну победу и потерпел одно поражение, так что в нынешней моей дискуссии с женщинами — ничья. Только вот третий — Мори, — не становясь явно ни на чью сторону в моем споре с Саёко, иронически сведя брови и улыбаясь, наблюдал со стороны за словопрением «молодежи». Неожиданно я повернулся к Мори, решив наконец излить на него переполнявшую меня агрессивность…

— Ну как настроение, Мори? Хорошо позабавился с Саёко? Ты умиротворен и смотришь теперь на меня как на мальчишку? Еще в то время, когда я не мог выгнать жену — естественно, это было до *превращения,* — я думал о том дне, когда у тебя наступит половая зрелость, и предлагал жене все тебе объяснить. Но жена посмотрела на меня как на сумасшедшего. Ну что ж, теперь, после *превращения*, когда перед тобой встали половые проблемы, хорошо, что все уладилось само собой.

— Даже ненормальный не ведет себя так, омерзительный мальчишка, — сказала девушка тоном, оскорбившим мои чувства восемнадцатилетнего. — Мори, скажи этому пьяному

мальчишке, чтобы шел спать. Голодные, мы ждали его возвращения, и в благодарность за это он напился как свинья.

Я не мог забыть, как во время потасовки в зале взгляд Мори оттолкнул меня, и поэтому, нападая на него, не осмеливался посмотреть ему прямо в глаза, а, опустив голову, разглядывал свою чуть покрасневшую ладонь. И, будто на ней проступили огненные иероглифы, я прочел поступившее от Мори телепатическое сообщение: *Если немедленно не отправишься спать и будешь продолжать напиваться, разрушишь свой организм и не сможешь выполнить миссию превратившегося, ясно?* Это сообщение точно ударило меня по лбу, я вскочил, но пошатнулся и стукнулся головой о стену. Мори и студентка даже не засмеялись. Я вспомнил, что в то время, когда мне первый раз исполнилось восемнадцать лет, я и полстакана пива не мог выпить. Добравшись до кровати, я, не зажигая света, повалился на нее — простыня, в том месте, где лежала моя щека, затвердела от крови, пролитой мной до *превращения,* а сквозь штаны я ощутил влагу, сохранившуюся еще с тех пор, как Мори, до *превращения,* обмочил простыню. К этому времени я уже наполовину спал. Реальный мир,

простиравшийся за стенами нашего дома, до самых мельчайших своих частей взаимосвязан, и лишь я и Мори, претерпев *превращение,* как физическое, так и духовное, оказались абсолютно не связанными между собой.

3

До сих пор я вел подробный рассказ, но неожиданно обнаружил, что сила моих слов весьма проблематична… Я говорю так потому, что почувствовал: мои слова, которыми я описывал Мори после *превращения,* бедны и плоски. Рассказывая, я испытывал грусть, желание плакать. Когда я говорил о Мори до *превращения,* со мной такого не случалось. Я с самого начала был твердо убежден, что дети, подобные нашим детям, достойны сочувствия хотя бы потому, что они умственно отсталые. Когда моя старушка мать засветила лампадку перед божеством Сукунахикона-но-микото, чтобы поведать о ненормальности Мори от рождения и его печальном будущем, ответ в предсказании был обнадеживающим.

Однако если мои слова о *превращении* Мори не смогут описать обыкновенного взрослого человека, то, как мне кажется, третьи лица, проявившие интерес к *превращению,* будут разочарованы. Не-

ужели мне все еще не удалось понять подлинный характер Мори после *превращения?* До сих пор я много раз непринужденно говорил о себе, неопытном восемнадцатилетнем после *превращения*. Но на самом деле некоторые вещи не укладывались в моем сознании, потому что я действительно стал неопытным восемнадцатилетним мальчишкой и оказался неспособным понять всю притягательность Мори после *превращения*. Может быть, это была проблема способности одного человека коснуться души другого?

И тем не менее я буду продолжать рассказ. Потому что сам субъект моих рассказов после *превращения* живет, полный сил, в реальном мире. На следующее утро, а говоря точнее, после полудня, я проснулся на простыне, затвердевшей от моей крови и вонявшей высохшей мочой Мори, но, несмотря на то что накануне, во время потасовки, меня били, пинали ногами, валили на пол, а к тому же была еще и изнурительная забава с Ооно, я проснулся полный бодрости. Хотя мышцы у меня и болели, меня воодушевляла мысль, что все это скоро пройдет. Прекрасно, решил я, приоткрыв один глаз, нужно взорвать мой молодой организм. Подумайте только, сейчас из всех восемнадцатилетних на Земле мой восем-

надцатилетний организм самый молодой. Ведь фактически я родился на двадцать лет раньше, чем обычный восемнадцатилетний, и следовательно, я восемнадцатилетний, родившийся, когда человечество не было таким постаревшим, как сейчас, ха-ха!

Вновь возродившимся указателем того, что мой проснувшийся организм полон бодрости, было утреннее возбуждение — не стоит подробно говорить об этом, чтобы не повторяться, ха-ха. Но не хотелось бы проходить и мимо биологически связанного с этим напряжения мочевого пузыря. Передо мной встала новая проблема. Что делать, если по дороге в уборную я вдруг наткнусь на девчонку? Вчера вечером я напился и злословил по поводу того, что она спала с Мори. Вдруг она неверно истолкует мое состояние? Неужели вы, отец, испытываете влечение к возлюбленной своего сына? Противный мальчишка! Вот что она, наверно, скажет мне. Или наоборот: неужели вы, сын, испытываете влечение к возлюбленной своего отца? Так тоже она может сказать. Но вывод будет один — противный мальчишка! Скорее всего. Но пузырь все раздувается, и уже нет времени страдать от возникшей проблемы. Я сполз с кровати и стал носиться по комнате.

И тут я увидел лежащую на спине мексиканскую фарфоровую лягушку с открытым ртом.

Я даже вскрикнул от удивления — она оказалась очень вместительной! Возможно, это был ночной горшок инков? Ха-ха.

Почувствовав облегчение, я стал размышлять о душевных силах, которые позволили бы мне держать Мори после *превращения* в своих руках, — я уже говорил об этом. Исчезли ли у меня, *превратившегося* в восемнадцатилетнего мальчишку, силы воздействия на чужую душу, которыми я обладал до *превращения* благодаря своему жизненному опыту? Терзаемый сомнениями, я свернулся калачиком на кровати. Если в результате *превращения* я утратил способность воздействовать на душу Мори, какой смысл будет тогда иметь для меня *превращение*? Разумеется, *превращение* нелогично, но именно благодаря своей нелогичности оно, видимо, и таит в себе возможность способствовать справедливому решению конфликтов между людьми.

…Брошенный всеми, я лежал одинокий и беспомощный, как вдруг мне явилось знамение. Пусть я чувствую себя ни на что не годным мальчишкой, но все равно не следует сомневаться в том, что *превращение* Мори во взрослого мужчину

имеет смысл — таким было знамение. Даже в том, что имеет смысл *превращение* Мори, облеченного особой миссией! Не это ли телепатически передал мне Мори вчера ночью? И мое *превращение* нужно лишь для того, чтобы я присутствовал при выполнении им своей миссии. Тела и души всех людей на Земле — не более чем отражения, проецируемые с НЛО, и тем не менее из трех миллиардов пятисот миллионов этих отражений выбрано отражение одного Мори, на которого и возложена миссия, и, поскольку он стремится выполнить ее, я, тоже *превратившийся,* должен во имя этого, не ленясь, наблюдать происходящее, засвидетельствовать все, что увижу…

Думая обо всем этом, я неожиданно расплакался и, широко открыв рот, часто задышал, чтобы слезы не перешли в громкие рыдания… Вот что произошло — ничтожный восемнадцатилетний, лишенный опыта, необходимого, чтобы обладать силой, которая позволила бы ощущать душу другого человека, с помощью обильно лившихся слез пытался проникнуть в суть явлений. Продолжая лить слезы, я мечтал о том, чтобы спуститься вниз и поплакаться Мори. *Мори, Мори (а поскольку произошло наше превращение — папочка Мори!), открой мне, в чем состоит твоя миссия!*

Ради чего ты превратился? Не хочешь поведать мне тайну возложенной на тебя миссии — не надо. Я лягу костьми, чтобы выполнить любой твой приказ. Мори, Мори, папочка Мори! Ты меня слышишь?

Стараясь унять припадок фанатизма и сентиментальности, я не мог усидеть на кровати. Подобное стремление к движению — по-французски это· звучит «une force qui va» — толкало меня на необдуманные действия, я просто места себе не находил. Неужели, достигнув и впервые в жизни половой зрелости, я точно так же перебарывал себя? Я думаю, это была подготовка к предстоящим жизненным экзаменам. Может быть, в свои первые восемнадцать лет я как человек был совершеннее, чем во вторые? Значит, нынешний я ниже качеством? Ха-ха.

Кончилось все это тем, что я по привычке, оставшейся с тех пор, когда *превращение* еще не произошло, стремительно сбежал вниз — в гостиной Мори и студентка с грустными лицами просматривали разложенные на полу газеты.

— Читаете утренние выпуски? Думаю, в них еще не успели поместить сообщения о вчерашних событиях, — сказал я с видом знатока, нарушая их уединение.

— Вечерние! — отрезала девушка.

Мори, чисто выбритый, отчего он выглядел уверенно и в то же время привлекательно — его лицо было совсем не похоже, как мне вспоминается, на мое, и в зрелом возрасте напоминавшее детское, — без улыбки, даже, скорее, печально, протянул мне одну из газет. Следовало признать, что в отличие от студентки Мори проявил объективное беспристрастие. Чуть не закричав: «Покажи, покажи!» — я подбежал к Мори и Саёко.

4

Я увидел четыре разные газеты — хотя было уже далеко за полдень, для вечернего выпуска еще рано. Кроме того, мы получали всего лишь одну газету. Значит, не дожидаясь, пока ее принесут, они сходили в газетный киоск к железнодорожной станции. Мори и Саёко в соответствии со своим восприятием происходящего, переоценив происшедший вчера вечером инцидент, наверно, были убеждены, что все газеты будут полны им. Ха-ха, смешно!

Я предполагал, что можно рассчитывать лишь на небольшую заметку. Но не стал высмеивать серьезность, с какой они анализировали все сооб-

щения — зачем им знать мое мнение? Сообщения были трех видов, и напечатаны они были очень убористо. Чтобы продемонстрировать характер этих статей, достаточно привести один из заголовков: МЕЖДОУСОБИЦА НА МИТИНГЕ ПРОТИВ СТРОИТЕЛЬСТВА АТОМНЫХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ. ВВОД ОТРЯДА МОТОРИЗОВАННОЙ ПОЛИЦИИ. Лишь в одной газете текст был взят в рамку, как специальное сообщение: МЕЖДОУСОБНАЯ БОРЬБА ВРАЖДУЮЩИХ ГРУПП; РУКОВОДСТВО ОБЕИХ СЕКТ ХРАНИТ МОЛЧАНИЕ; СПАСЕНИЕ АРЕСТОВАННЫХ. В чем причина вражды? Хотя в потасовке участвовало человек триста, в отличие от наблюдавшихся в последнее время междоусобиц между сектами не было убитых и тяжелораненых. Легко раненные и те появились, только когда моторизованный отряд полиции стал наводить порядок. Это утверждала в беседе с корреспондентом Ооно Сакурао, которая высмеивалась в статье как одна из тех, кто занялся спасением арестованных. *Значит, она сразу же приступила к спасению ребят, неужели нисколько не отдохнула?* — закричал я про себя срывающимся голосом влюбленного восемнадцатилетнего.

Тридцать пять человек, участвовавших в по-

тасовке, были арестованы, но среди всех этих юношей и девушек, хранивших упорное молчание, не оказалось ни одного из тех, кто был внесен полицией в список активистов. Когда в прошлом случались междоусобицы, руководители и нападавших, и оборонявшихся немедленно выступали с заявлениями, на этот же раз они словно воды в рот набрали. Неужели это действительно была междоусобица враждующих революционных групп? Чем объяснить то, что в этой междоусобице ни те, ни другие не использовали своего обычного оружия — металлических ломиков и труб? Может быть, это была междоусобица, призванная, как это ни парадоксально, найти пути к объединению обеих группировок?.. А вот о *Корпусе лососей* ни в одной статье не было сказано ни слова.

В качестве представителей группы спасения на вопросы корреспондентов ответили лишь двое. Первая из них — Ооно — начала с критики мер по наведению порядка, принятых моторизованным отрядом полиции: мы, сказала она, проводили гражданский митинг, на который не оказывала непосредственного влияния какая-либо революционная группа, и целью его было отобрать ядерную энергию у властей и передать

ее в руки народа. А те, кто пришел сорвать гражданский митинг, не только фашисты и хулиганы, но и прихвостни властей, обладающих ядерной мощью, со свойственной ей определенностью подвела она итог. Вторая беседа привлекла мое внимание в первую очередь благодаря тому, что собеседник корреспондента назвал себя **Добровольным арбитром**. Это, конечно, смахивало на оригинальничанье, но звучало выразительно: **Добровольный арбитр**. Корреспондент, чтобы у читателей тоже сложилось аналогичное впечатление, описал все его действия во время инцидента. Находясь снаружи, **Добровольный арбитр,** учуяв, что вспыхнула потасовка, сразу же попытался проникнуть в зал, но был отброшен полицией. *Антиполиция*, силы которой были рассеяны, тоже ничего не могла поделать, ха-ха. Тогда он стал ждать на улице развития событий и, когда вывели арестованных, протестовал против действий полиции настойчиво, но в то же время осторожно, опасаясь, что его самого схватят за попытку препятствовать официальным лицам исполнять свои обязанности. После того как большая полицейская машина с полицейскими и арестованными уехала, **Добровольный арбитр** сделал корреспонденту заявление. **Доб-**

ровольный арбитр говорил следующее: «На разогнанном только что митинге — и среди устроителей, и среди тех, кто проник на него и учинил потасовку, — есть молодые люди, так сказать, сегодняшнее издание молодых крестоносцев, которые голыми руками, не располагая реальной силой, пытаются оказывать противодействие возрастанию ядерной угрозы в мире. А вот их стремление уничтожить друг друга наносит страшный ущерб общему делу. Я хочу выступить арбитром в их споре».

— Молодые крестоносцы? В таком случае по исторической аналогии их уничтожение предрешено, верно? — Я не мог удержаться, чтобы не пуститься в объяснения по старой привычке учить Мори, которая сохранилась у меня с прежних времен, когда еще не произошло нашего *превращения*.

— Как можно утверждать, что существование молодых крестоносцев лишено всякого смысла? Ведь эти крестоносцы из сегодняшнего дня шагнут в завтрашний. Я, разумеется, против того, чтобы ставить в один ряд революционную группу и контрреволюционные бандитские организации. Но критиковать революционную группу — ее оценка, данная **Добровольным арбитром,**

верна! — я считаю необходимым.

— Ах, значит, вот это кто… тот самый мужчина, которому ты пожал· руку, да, Мори? Чудак, который вчера выступал у зала, где проводился митинг, и не замолчал даже после того, как его несколько раз ткнули в сугроб!

— Никакой он не чудак, этот **Добровольный арбитр**. Выводы, к которым он приходит, я отвергаю, но, думаю, с некоторыми его оценками нашей деятельности следует согласиться; выступления **Добровольного арбитра** я слышала уже раз десять. Я сделалась активным членом группы немногим более года назад, а слушать его выступления начала уже давно — еще когда просто так ходила на митинги, не будучи членом группы.

— Где же тут логика, если ты выступаешь против выводов, как можно соглашаться с его оценкой вашей деятельности? Как мне представляется, точка зрения **Добровольного арбитра** состоит в следующем: обе ваши группы в своей деятельности выполняют роль молодых крестоносцев — осознав это, вы должны прекратить междоусобицу. Может быть, полная путаница в твоей голове и привела тебя в группу? Ха-ха.

— Как вы можете говорить о моей группе, ес-

ли ничего о ней не знаете? Вчера вы впервые несколько минут слушали выступление **Добровольного арбитра** — вот и все. Хотя Мори и пожал ему руку. Вы должны сейчас заняться самокритикой: «Не делай заявлений без проверки».

— Мао Цзэдун!

— Это каждому известно. Правда, Мори? Говоря, что с некоторыми положениями **Добровольного арбитра** в оценке нашей деятельности можно согласиться, я исхожу из опыта. Хотя в теории Мао Цзэдуна мне не все понятно, его мысли воодушевили меня на то, чтобы стать членом революционной группы.

— Молодые крестоносцы, и ты — одна из них!

— …Если человек на что-то решился, внешнее воздействие существенно поколебать его решение не может. Человек — система закрытая.

— Это структурализм, вернее, *лжеструктурализм*!

— …Я уверена, что неверные выводы того человека проистекают из убеждения, что нападки одной группировки на другую лишены всякого смысла. Однако для тех, кто активно работает в истинно революционной группе, весьма важны их собственные решения, поскольку человек — система закрытая. Любому человеку вначале

трудно разобраться в теории и анализе существующего положения, и поэтому он не сразу начинает активную деятельность. **Добровольный арбитр** неверно толкует сущность борьбы с контрреволюцией, во времена междоусобиц, но говорит: преодолевайте расхождения, ибо их причина — заблуждения. В своих выступлениях он приводит цитаты из классики: «Даже Хонэн[57] не все проясняет».

— Это Синран![58]

— ...Мори, почему этот мальчишка все время суетится? **Добровольный арбитр** еще говорил: «Если, не веруя, окропиться святой водой и прослушать мессу, превратишься не в верующего, а в глупца». Правда, эта мысль отдает законченной реакционностью.

— Паскаль!

— Этот мальчишка суетится как одержимый. Что он хочет сказать в конце концов? А, Мори? **Добровольный арбитр** привел эту цитату, чтобы показать смысл нашей деятельности, устремленной вперед. Если это помогает достичь истины, то можно слепо верить вождю. Пусть красные

---

[57] Примечания: 57
Хонэн (1133–1212) — один из основателей буддийской секты Дзёдо.

[58] Примечания: 58
Синран (1173–1262) — один из основателей буддийской секты Дзёдо.

охранники ничего и не понимали, но верили и шли правильным курсом Мао, значит, все было в порядке, правильно? Для истории лучше действовать с верой, чем быть аполитичным.

— Это уже какой-то диалектический Паскаль!

— Вздор! — не сдержавшись, закричала студентка, а потом, снова став по-девичьи кроткой, заявила: — Послушай, Мори, я думаю, ты действительно веришь в свои слова, в слова о *превращении,* и я тоже действительно в это верю. Ты же с самого начала говорил: *Если космической воли — неважно, в каком виде она проявляется, — не существует, зачем бы мы тогда превратились?..*

Ее слова прозвучали как гром среди ясного неба. Слова Мори, произнесенные устами студентки, потрясли тело и душу зливщегося и дерзившего восемнадцатилетнего мальчишки. Они были созвучны оставшимся в его памяти словам Ооно. *О, какая жалость! Почему это случилось? О, какая жалость! Почему это случилось?* Оказывается, пока я тратил время на грустные размышления о нашем с Мори *превращении,* лил печальные слезы, предавался унынию, полагая, что мне явилось знамение, злился и дерзил, Мори, *превратившийся,* так же как и я, попусту растрачивал свои физические и духовные силы лишь на то, чтобы

развлекаться со студенткой. Он тоже все время пребывал в глубокой задумчивости, испытывал душевные муки — впервые познавая женщину, он рассказал ей о *превращении*. Может быть, то, что он неожиданно утратил ощущение прочности и незыблемости, свойственное сумеречному сознанию неполноценного ребенка, и приобрел вдруг способность мыслить и высказывать свои мысли, и ввергло его в пучину горькой задумчивости?

Выходит, что эти слова, пронзившие, точно электрический разряд, мозг двадцативосьмилетнего Мори, погруженного в свои мысли, испытавшего душевные муки, *превратившегося* Мори, и слова Ооно, вызывающие ответную нежность, эмоциональный подъем, гармонически сочетаются. Выходит, что я, оказавшийся способным услышать обоих, как человек, который, повинуясь *превратившемуся* Мори, выполняет возложенную на него миссию, именно сейчас получил сигнал от космической воли?

Если космической воли — не важно, в каком виде она проявляется, — не существует, зачем бы мы тогда превратились? О, какая жалость! Почему это случилось? О, какая жалость! Почему это случилось?

— Все, кончаем бесплодную дискуссию и переходим к делу! Но сначала поедим. Ты же сам говорил, Мори, что *если превращение было призвано сделать из тебя пинчраннера для тех, кто не способен бежать, не знает, что необходимо бежать, то нужно немедленно начать бег.* Так давай же начнем бег. Я хочу, чтобы ты взял меня с собой и мы включились в спасение ребят. Мы обязаны восполнить то, что упустили вчера и сегодня!

Я отчетливо услыхал подбадривающие меня крики ЛИ… ЛИ… ЛИ… Эти раздававшиеся во мне крики пробуждали в моем теле и душе страстное желание бежать вперед, но вместе с тем пробуждали страх, и это в свою очередь вновь вызывало жажду бежать вперед, преодолевая страх, неразрывно связывая меня с движением, начавшимся в теле и душе *превратившегося* Мори. Сколько раз до *превращения* я рассказывал Мори об испытаниях, выпадающих на долю пинчраннера! Наверно, мои рассказы подсознательно сделались основой его существования. Это проявилось у Мори после *превращения*!

Студентка, точно приступая к первому этапу спасения, стремительно направилась на кухню, а Мори и я молча ждали еду, прислушиваясь к

раздающимся в наших телах и душах крикам воодушевления и угрозы:

ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ…

5

Возникла проблема денег. Нашу с Мори жизнь после *превращения* мы направили, как нам казалось, по верному пути, но, сколь бы странной, сколь бы переменчивой ни была наша жизнь, она неизбежно влекла за собой проблему денег… Говоря так, я хочу предварить слова, с которыми вы собираетесь обратиться ко мне. *Превращение?* Прекрасно, какой бы странной выдумкой, какой бы сумасшедшей мечтой это ни было, но, поскольку я утверждаю, что именно оно есть единственная реальность, которую я пережил, переживаю и, видимо, буду переживать, пусть это слово будет записано. Но все же как быть с деньгами? *Превращение* произошло, однако жить, питаясь туманом, невозможно. Как быть с деньгами? — не понимая существа этого вопроса, невозможно правдиво рассказать о том, что представляла собой наша жизнь.

Поэтому главное место в моем рассказе будет занимать проблема денег. Случай, поставивший

меня перед этой проблемой, как это ни прискорбно, произошел не по моей вине, виновником был высокий мужчина в полевой форме американской армии! Мори и Саёко отправились спасать своих товарищей, и, когда они уходили, я спросил у студентки, нападала или оборонялась вчера их группа, но та пропустила мой вопрос мимо ушей. Может быть, она почувствовала, что с помощью такого вопроса я пытаюсь доказать сходство ее группы с другими? И я, восемнадцатилетний слабак, не осмелившийся больше преследовать девушку своими вопросами, остался дома, сознавая унизительность своего положения и надеясь на звонок от будущей киносценаристки. Студентка, видимо, направлялась в штаб-квартиру своей революционной группы или в какое-то другое место, связанное с ней, и я не мог надеяться на то, что она возьмет меня с собой.

Оставшись один, я стал прикидывать, не удастся ли мне починить входную дверь, которую студентка сломала ледорубом. Когда Мори со студенткой ушли, мной, как всяким восемнадцатилетним мальчишкой, овладел страх — что теперь со мной будет; я боялся, что стану жертвой «ошибочной бомбардировки», и молодчики из группировки, враждебной революционной груп-

пе Саёко, смогут беспрепятственно проникнуть в дом через незапертую прихожую! Еще в те времена, когда я работал на атомной электростанции, у меня были золотые руки. Вынув из книжного шкафа несколько пустых полок, я сколотил их вместе, так как они были слишком тонкими, и отпилил кусок по размеру дыры, проделанной в двери. Потом стал приделывать к доске висячий замок, который был у нас в доме, — не знаю, для какой надобности я его когда-то купил.

Вдруг у меня за спиной раздался мужской голос:

— Эй!

«Ошибочная бомбардировка?!» — подумал я с ужасом. Стоя на коленях спиной к улице и прижав к полу доску — мог ли я в таком положении помышлять об обороне? Посетитель тоже, поскольку у меня под рукой были пила и долото, окликнул меня опасливо, не переступая порога. И все-таки, что это еще за «эй!»? Я взял себя в руки, поднялся, прихватив долото, и повернулся к высокому мужчине в военной форме, испещренной маскировочными зелеными пятнами. Он был коротко стрижен, с унылым выражением лица. Видимо, это он и кричал «эй!». Буравившие меня узкие, налитые кровью глаза были точь-в-точь

как у моей жены, бывшей жены, — ко мне явился один из ее многочисленных братьев. Поняв это, я испытал новый прилив растерянности и замешательства, даже мурашки по спине побежали. Но и у посетителя секундой позже в узких слезящихся глазах тоже появились растерянность и замешательство.

— Ты кто такой? Тот…

Все в порядке, я *превратился* — эта мысль сразу же освободила меня от растерянности и замешательства. Я успокоился — неплохо он получил за свое «эй!».

— Все нормально! Я племянник того сумасшедшего, отравленного плутонием.

— …Ну что ж, дядя дома?

— Он действительно ненормальный, и жена ему порезала щеку, вот он и прятался где-то. Я сторожу дом.

— Что же делать?! Когда он обещал вернуться?.. Неужели и больного ребенка с собой взял?

— На первый вопрос отвечу — не знаю! На второй — да!

— Что же мне делать, что же мне делать?! — задумчиво повторял высокий мужчина в военной форме, с мрачным выражением лица, на котором печаль была смешана с жестокостью, — да,

с таким встретиться один на один не особенно приятно. Несколько смущенно, что совсем не вязалось с его тяжелым дыханием, он заговорил просительным тоном:

— Послушай. Ты не знаешь, где лежит дядина личная печатка? Я пришел взять ее по поручению твоей тети. Я ее родной брат. Если бы дядя был дома, он бы, конечно, отдал мне ее. Уходя, тетя взяла с собой чековую книжку. А печатки перепутала. Может, поищешь?

— Выходит, вы надели военную форму и пришли сюда, чтобы вырвать печатку из рук отравленного плутонием ненормального, если бы он оказался дома?

— Что? — взорвался шурин, бывший шурин. Однако этот крупного телосложения человек сравнительно легко справился со вспышкой гнева. Кроме того, он был преисполнен желания выполнить поручение старшей сестры, к которой питал большое уважение. Этот тип служил в рекламной фирме, занимался торговой рекламой и был в приятельских отношениях с тем самым режиссером. Видимо, посовещавшись втроем, они направили сюда его, потому-то он и чувствовал ответственность за порученное дело. — Затевать ссору я не собираюсь. Коль скоро тебе поручено

охранять дом, значит, ты, наверно, знаешь, что дядя и тетя разъехались. И, следовательно, дядя обязан обеспечить тетю средствами к существованию — таков закон.

— У дяди разрезана щека, впредь он будет сам воспитывать своего больного сына, так что нужно еще подождать, что скажет суд во время бракоразводного процесса. К тому же, насколько мне известно, тетя уехала из дому вместе с режиссером в темных очках. Наверно, и вы об этом слышали? Одну щеку дяде разрезала тетя, по другой щеке ему съездил режиссер. Может быть, он — чуждый непротивлению *христианин атакующего плана*?

– *Что?..* Интересные вещи ты говоришь, однако. Ну ладно, закончим на этом разговор, найди и принеси печатку. Между дядей и тетей на этот счет существует полная договоренность. И дяде будет гораздо приятнее передать печатку через меня, нежели вынуждать приехать за ней тетю.

— Конечно, приятнее, чем дрожать от страха, что она и другую щеку ему раскроит!.. Но если у нее в руках окажется чековая книжка и печатка, на какие деньги он будет содержать больного сына? Ведь пособие от атомной электростанции выплачивается через банк.

— Тебе известны даже такие подробности? Значит, ты наверняка знаешь, где печатка? Принеси сейчас же. Сам подумай, на что будет жить тетя, если ты не принесешь ее.

— Конечно, я же не ребенок, — рассмеялся я.

— Меня тоже не ребенок прислал!.. Если я расскажу обо всем его товарищам по движению или корреспонденту какой-нибудь газеты, он не только печатку — что угодно отдаст. Тем более что о вчерашней междоусобной стычке уже написано в газетах. И по телевизору передавали со ссылкой на **Могущественного господина А.** Ну как?

— Ого! — растерялся я на секунду.

Пятясь шаг за шагом, я отступил в дом, потом вернулся назад — в моей правой руке все еще было зажато долото, левой протянул мужчине личную печатку. Люди, находящиеся под влиянием моей жены, бывшей жены, имеют, кажется, дурную привычку: нападать на любого, кто стоит у них на пути, — необходимо быть внимательным, предостерег я себя.

— Я скажу дяде, что вы силой отняли у меня его печатку.

— Твое дело, говори что хочешь. Эй! Мальчишка насмехается над взрослым человеком — где это видано? Ты это брось!

...Не прошло и двадцати минут, как раздался телефонный звонок, я снял трубку — не поздоровавшись, будущая киносценаристка вылила мне на голову ушат холодной воды.

— В штаб спасения арестованных поступил анонимный телефонный звонок о том, что вы передали **Могущественному господину А.** информацию, связанную с ядерными делами. И вчера, переодевшись, проникли в зал, отчего, возможно, и произошла потасовка. Уже давно ходили слухи, что контрреволюционное хулиганье, совершившее вчерашнее нападение, получает деньги от **Могущественного господина А.** ...Вы хотите, чтобы вас считали человеком, передавшим информацию **Могущественному господину А.**?

— Только что я имел дело с братом жены, или, может быть, лучше сказать, бывшей жены, в общем, с братом этой женщины, который пришел, чтобы взять у меня печатку. Он намекал на то же самое, и, когда печатка оказалась в его руках, он решил оклеветать меня — это я вполне допускаю.

— Значит, вы хотите сказать, что не связаны с **Могущественным господином А.**? Или, может быть, все же связаны?.. Через три часа я буду в

том отеле. Прежде всего нам нужно обсудить этот вопрос вдвоем! Сидеть дома, ничего не предпринимая, для вас сейчас небезопасно.

Я тут же решил принять ее предложение. Она сказала «в том отеле» — это был тот самый отель, в котором я до *превращения* так неудачно переспал с будущей киносценаристкой. Размышляя об угрозе шурина, бывшего шурина, и сопоставляя ее с информацией Ооно, я вновь приступил к починке замка на входной двери, но шурупы выпадали из моих взмокших пальцев. Обобранный до нитки восемнадцатилетний мальчишка, которого на каждом шагу подстерегают опасности, — мне ничего не оставалось, как, пошатываясь, выйти на улицу, уже не рассчитывая на помощь взрослого, здорового Мори! «Ошибочная бомбардировка» теперь мне не угрожает — я стал мишенью настоящей бомбардировки!

Глава VI
Так я встретился с могущественным господином А., то есть с Патроном

1

В сумеречной дымке от висевших в воздухе мелких капелек дождя и тумана я сел в электричку, все время опасаясь засады *антиполиции* или *Корпуса лососей* — даже кондуктор показался мне членом революционной организации служащих частной железной дороги. Он пробил протянутый билет с таким остервенением, будто проделывал дыры в моей коже! Кондуктор, несомненно, догадывался, что я и есть тот самый человек, только вырядившийся мальчишкой. Разумеется, его предположения ошибочны. Но, даже если юнцы, сбив меня с ног железными ломиками и трубами, обнаружат, что я вовсе не переряжался, а действительно стал молодым, все равно мой обновленный череп уже будет проломлен. Что же даст мне подобное запоздалое признание? Даже такой необычный Homo sapiens, как я, переживший *превращение,* не имеет запасной черепной коробки. Вспомнив прошлую стычку, которая

могла повториться в этот весенний вечер, я, еще не представляя себе, во что она выльется, боялся, как бы эта стычка не обернулась против меня — тогда не удастся, выполнить миссию, возложенную на меня космической волей, выразившейся в *превращении*. А если меня не станет, Мори придется в одиночку выполнять миссию, не знающему людей Мори — в одиночку!

Неужели на моем лице, на котором было написано одно страдание, она уловила намек на чувственность? Хорошо еще, что мы встретились у живой изгороди, скрывающей вход в отель, — на грустном лице будущей киносценаристки молнией сверкнуло отвращение; не желая входить со мной внутрь, она оттеснила меня назад, на дорожку. И, еле шевеля губами, сказала, надрывая душу восемнадцатилетнему мальчишке:

— Я с трудом выбралась к тебе, отсрочив расследование, которое ребята уже собирались начать. А ты еще смотришь на меня голодными глазами?

Мы одновременно стали раскрывать только что закрытые зонты, спицы их сцепились, и Оо-но, разозлившись, с силой тряхнула свой зонт; я отступил, и спица больно ткнула меня в пах.

— Ой, больно! — застонал я.

— Больно? — разозлилась она, и даже в темноте было видно, как покраснели ее щеки: значит, своей болью я нанес ей новое оскорбление! — Нечего мешкать, пошли. Я одна должна провести предварительное расследование, вызванное некоторыми касающимися тебя подозрениями.

— Куда мы идем?

— Куда? Естественно, в такое место, где можем спокойно побеседовать.

— Но ведь отель был бы вполне подходящим местом?

— …Вот то, что нам нужно! Видишь, где горит неоновая реклама? Сауна — все номера отдельные.

— Сауна? — спросил я, но создавшаяся обстановка не позволяла рассчитывать на обстоятельный ответ, и я поспешно последовал за гордо выступавшей будущей киносценаристкой. Как только мы вошли в отель для парочек, при котором и была сауна — все номера отдельные, Ооно с поспешностью, будто во что бы то ни стало хотела успеть обнажиться перед служителем, принесшим зеленый чай, мигом разделась, обмотала бедра купальным полотенцем и вошла в помещение, напоминающее поставленный на попа гроб из некрашеных досок, а я еще и брюк ски-

нуть не успел. Когда вслед за ней я вошел туда, она уже устроила свое плотное тело на полке такой высоты, что голова ее касалась потолка, и зло смотрела на меня, ха-ха. Вообще говоря, она привела меня в этот отель, чтобы без помех как следует расспросить, и наличие сауны, должно быть, было лишь побочной причиной выбора. Но, как только мы попали в сауну с отдельными номерами, она, по своей привычке все делать обстоятельно, не могла не воспользоваться этим. На коже, пошедшей красными пятнами, с яркостью татуировки проступали следы вчерашнего сражения. Я сидел, поджав ноги, весь в ссадинах и кровоподтеках.

В этой самой сауне и началась наша беседа, или, лучше сказать, допрос. Стоило открыть рот, как пахнущий гарью воздух, нагретый до восьмидесяти градусов по Цельсию, врывался через горло в легкие, и мы с Ооно, кашляя, выдыхали огненные струи. Нагретый до восьмидесяти градусов по Цельсию воздух не располагает к тому, чтобы выбирать выражения, и я продемонстрирую сейчас в самых общих чертах, что представляло собой устроенное мне личное дознание, сопровождавшееся поджариванием. Но, как станет ясно из дальнейшего, ни вопросы, ни ответы не были

необдуманными.

В. По имеющимся сведениям, в течение нескольких лет вы передавали **Могущественному господину А.** информацию, связанную с ядерной ситуацией, и получали за это денежные вознаграждения, значительно превышающие пособие, выплачиваемое вам атомной электростанцией. Аноним, сообщивший нам об этом факте, предложил в случае необходимости ознакомить нас с деталями. Чтобы соблюсти беспристрастность, я спрашиваю: настаиваете ли вы на том, что человек, сообщивший нам об этом, питает к вам личную неприязнь?

О. Безусловно. Я уверен, что ваш осведомитель — брат жены, бывшей жены, которая позавчера вечером, поранив мне щеку (обнаружить сейчас рану на щеке невозможно в связи с происшедшим со мной *превращением*), покинула дом.

В. Я допускаю, что в сведениях, сообщенных осведомителем, могли содержаться злонамеренные искажения, но как обстоит дело с главным фактом? Верно ли, что вы передавали информацию о ядерной ситуации **Могущественному господину А.** и регулярно получали за это денежные вознаграждения?

О. Это нельзя даже назвать информацией — я

делал сокращенные переводы статей, главным образом из периодических изданий, выходящих в Европе и Америке, касающихся ядерного оружия и ядерных исследований во всех странах мира, и в виде кратких резюме ежемесячно передавал их **Могущественному господину А.,** только и всего.

В. Согласно сообщению осведомителя, каждая передача резюме сопровождалась часовой, а иногда и двухчасовой беседой с **Могущественным господином А.** В таком случае вы не можете отрицать возможность и вероятность того, что, вольно или невольно, кроме резюме, вы предоставляли информацию и иного характера также. Далее, согласно сообщению осведомителя, у вас вошло в привычку называть **Могущественного господина А. Патроном**. Так называют лишь человека, с которым находятся в деловых отношениях.

О. Патрон (по-японски — ояката) — глава, старший человек, заменяющий отца. Следовательно, это слово можно трактовать как «опекун», «дух-хранитель». Потому я и называл его **Патроном,** мысленно делая перевод с японского «ояката». Кроме того, это слово не мое изобретение. Я перенял его у покойного товарища. Мой университетский товарищ был молодым мно-

гообещающим международником, в течение длительного времени обучавшийся в Принстоне. Он полюбил француженку, приехавшую туда на стажировку. Они отправились в Париж и поженились. После этого он стал продолжать свои изыскания в Парижском университете, но средства к существованию мог добывать лишь случайными заработками в парижских отделениях наших газет или работал переводчиком с делегациями. Бросив на полпути свои исследования в Соединенных Штатах, он лишился возможности, приехав на родину, вернуться в свой университет. Тем более не мог рассчитывать на получение должности в Токио, которая приносила бы достаточно средств для семейной жизни с француженкой. Оказавшись в таком тяжелом положении и уже совсем отчаявшись, он, работая переводчиком, случайно познакомился с **Патроном**. И получил поручение поставлять информацию о Восточной Европе и Ближнем Востоке. Разумеется, и от него тоже потребовали отбирать политические и экономические статьи во французских газетах и журналах, делать их краткий перевод и передавать в виде резюме. Подготавливая резюме о ядерной ситуации на Ближнем Востоке, он иногда прибегал к моей

помощи, поскольку я вел специальные исследования в Калифорнии. В дальнейшем **Патрон** предложил мне лично снабжать его резюме по вопросам, относящимся к той специальной области, в которой я работал. Вот и вышло так, что я стал называть его **Патроном**.

В. Осведомитель сообщил, что ваш товарищ, обвиненный в срыве передачи информации, был наказан людьми, подчиненными **Могущественному господину А.** Верно ли это?

О. Наказан — глупая выдумка. Когда начался кубинский кризис, в Париже, являющемся европейским информационным центром, пристально следили за ходом событий — не вспыхнет ли мировая ядерная война — и мой товарищ оказался в гуще событий, а через неделю после того, как кризис был ликвидирован, он повесился. Когда его жена, работавшая секретаршей на заводе «Ре– но», пришла домой обедать, он висел на спинке кровати.

В. За день до смерти, встретившись с **Могущественным господином А.** в аэропорту Орли, он получил выговор за халатное отношение к сбору и передаче информации — известно ли вам это? А если известно, то почему скрываете? — уколола меня будущая киносценаристка и, будто неожи-

данно вспомнив, что ей нужно срочно позвонить, обливаясь потом, быстро спустилась с полка́. Вид этой женщины, которая, согнувшись, шла между опаленными столбами из некрашеного дерева, зажав рукой концы тяжело свисавшего ниже пояса, пропитанного потом полотенца, олицетворял саму решительность. Дверь, плотно захлопнутую пружиной, нужно было открывать сильным толчком, из-за нестерпимого жара ей пришлось снять полотенце, обмотать им руку и, напрягшись, изо всех сил толкнуть ею дверь. Я подумал было, что она собирается пойти в номер, но будущая киносценаристка тут же вернулась с бадьей и черпаком. Я пил, точно глотал золотых рыбок, влившийся в открытую дверь свежий воздух, и вдруг почувствовал надвигающуюся опасность, но было уже поздно. Ооно вылила полный черпак на раскаленную печь! В мгновение вода превратилась в пар, и меня обдало раскаленной струей.

Изнемогая от жара, я вытащил ее наружу. В общем, для женщины средних лет она вела себя решительно, хотя и безрассудно.

Опустившись на колени, я посадил ее и прислонил к ванне, она низко опустила голову и тяжело дышала. С благоговением молодого поклонника

я проверил на себе температуру воды и душем на гибком шланге стал поливать ее вспыхнувшую багровую шею и плечи. Совсем обессилев, она лишь скорбно, другого слова не подберешь, вскрикнула «ой!», но даже не пошевельнулась. Еще не оправившись как следует и лишь придя в себя от шока, вызванного раскаленной струей пара, она выразила решимость продолжать дознание.

— Долго еще будешь обливать меня холодной водой? Движения должны быть плавными, — сказала она раздраженно. — Для такого массажа кожи и существует сауна.

— Да, совершенно верно! — ответил я и направил струю воды себе на живот, а она чуть обернулась и притянула меня к себе, ха-ха.

2

В. Значит, вы передавали **Могущественному господи– ну А.** краткую информацию об иностранных материалах или их резюме?

О. Как я уже говорил, это были статьи о ядерном вооружении, а также о мирном использовании ядерной энергии, публиковавшиеся в общих и специальных журналах Европы и Соединенных Штатов. О возможностях отсталых в ядерном

отношении стран тайно разработать ядерное оружие. Недавно и в нашей стране появились специальные журналы по вопросам ядерной энергии. Бегло просматривая их, я концентрировал внимание на таких проблемах, как аварии на атомных электростанциях, загрязнение ими окружающей среды, похищение ядерного горючего. Все эти проблемы касались того, что мне было хорошо известно.

В. Направления изысканий и исследований были указаны **Могущественным господином А.**? Или вы выбирали их, исходя из своих личных интересов?

О. Последнее. Вместе с тем я убежден, что мои интересы, базирующиеся на моем личном опыте, в конечном итоге находятся в основном русле развития ядерной ситуации в мире.

В. Какого рода беседы происходили между вами и **Могущественным господином А.,** когда вы передавали ему резюме? Желателен конкретный ответ.

О. В последние годы я собирал невероятные истории — они-то и служили темой наших бесед. Мне казалось, что **Патрон** слушает мои рассказы с удовольствием, хотя на его лице всегда была натянутая улыбка. Сколь бы невероятной ни

была рассказанная мной история, **Патрон** всегда связывал ее с действительностью. Выказав интерес к удивительному рассказу, он требовал от меня дополнительных разъяснений и, если в моих расследованиях оставались неясные места, выражал неудовольствие. Приведу пример. Летом 1966 года американский бомбардировщик Б–52 с четырьмя водородными бомбами на борту во время заправки горючим в воздухе рухнул на землю. Хозяин продовольственной лавки в городке Паломарес, на берегу Средиземного моря, пнул ногой дымящуюся водородную бомбу, упавшую на томатном поле. **Патрон** выразил пожелание выяснить, каково состояние здоровья этого человека в настоящее время. Однако в литературе, посвященной этому вопросу, говорилось, что сообщение, будто этот человек пнул ногой водородную бомбу, является недостоверным. Чтобы мой рассказ был интереснее, я игнорировал это. **Патрон** выразил явное неудовольствие.

В. Если вы собирали необыкновенные истории, основывающиеся на фактах, то, видимо, должны были, не ограничиваясь сообщениями зарубежной печати, рассказывать о работе атомной электростанции, к которой вы имели отношение, о движении против строительства атомных элек-

тростанций?.. Я особо отмечу, что на этот вопрос вы не ответили.

Мое минутное молчание объяснялось лишь тем, что я хотел всерьез вспомнить, как все было. Но будущая киносценаристка сразу же вынула блокнот для режиссерских заметок, с которым не расставалась, и начала писать. Ведь теперь мы находились в таком месте, где писать было уже возможно. От груди до бедер обернув себя купальным полотенцем и подложив под спину две подушки, она полулежала, вытянув ноги; мне все сильнее хотелось нового «дознания», и я, тоже обмотав бедра полотенцем, сел рядом.

Но, вынув свой блокнот, Ооно стала подробно записывать все прежние вопросы и ответы тоже. От этого мне стало не по себе. Я вспомнил, что действительно рассказывал **Патрону** о подоплеке несчастных случаев на атомной электростанции, где я работал, о подоплеке странных явлений в движении против строительства атомных электростанций. Я рассказывал ему невероятные истории, достойные осмеяния, но все они базировались на фактах. Когда я рассказал о нападении *жестяных людей,* в результате которого получил облучение, **Патрон** в самом деле был потрясен комизмом происшедшего и в то же время проявил

неподдельное сострадание; удалось заинтересовать его и рассказом о *Корпусе лососей,* но все это было уже очень давно.

— Вполне возможно, что **Могущественный господин А.,** пользуясь хотя бы тем, что вы иногда проговаривались, поручал другим своим поставщикам информации выяснить суть событий, чтобы определить, в каком направлении они развиваются. Предположим, вы проговорились о чем-то секретном, и он, как следует сопоставив и перепроверив полученные сведения, пригрозил сообщить об этом руководству атомной электростанции или штабу движения против строительства атомных электростанций, и вы вынуждены были покориться ему и давать все новую и новую информацию?

– *Ну, если ты уж такие предположения будешь строить…* — напал я на нее, подстегиваемый страхом. — Ладно, сведения об атомной электростанции я давал, но какая мне была необходимость поставлять информацию о движении против строительства атомных электростанций? Гражданское движение против строительства атомных электростанций связано с подпольным движением, и всю информацию **Патрон** получает непосредственно уж не знаю от кого — от

руководства ли вашей революционной группы или враждебной группировки. Что же выходит, обе они или по крайней мере одна из них — контрреволюционная бандитская организация? Vice versa, ха-ха, но ведь хорошо известно, что от **Патрона** обе группы получают деньги.

— *Разве такое мыслимо?*

– *Мыслимо!* Найдя пути к членам революционной группы, ответственным за ее бюджет, и предоставляя денежную помощь, он регулярно получает нужную ему информацию — это джентльменское соглашение.

— *Это твоя фантазия!*

— *Фантазия, опирающаяся на факты!*

— *Это клевета.*

— Разве ты не сетовала, что даже твои ребята относятся к тебе отчужденно? А отчужденность вышестоящей организации, наверно, еще большая? И разве нельзя допустить, что ваш мозговой центр действительно делает то, что ты считаешь, немыслимым?

Ооно Сакурао внимательно наблюдала за мной, ее лицо утратило всякую округлость и сделалось каким-то угловатым, как морда черепахи. Такая разительная перемена, происшедшая в ее внешности, объяснялась, возможно, воздействием

сауны или слабым освещением номера. Возникшую напряженность я попытался обратить в шутку, но мне это не удалось.

– *Позвоню и проверю,* — мрачно заявила Ооно, и я, не собираясь мешать ей, нажал несколько выключателей, вмонтированных в кровать.

Благодаря моей любезности комната ярко осветилась, в то время как соседняя оставалась темной! Кровать вспыхнула всеми цветами радуги, матовое стекло на потолке ярко переливалось, сама кровать вдруг начала двигаться.

Ооно упала на циновку, но фашистом меня, как при вчерашнем падении, не назвала. Лишь застонала, пригвоздив меня злым, осуждающим взглядом… В отеле был коммутатор, в конце концов Ооно, кажется, соединили с кем-то, но между абонентом, телефонисткой и Ооно вспыхнула перебранка. Человек, которому она звонила, входил в штаб революционной группы, и этот руководящий деятель не собирался беседовать по телефону, не уточнив имени человека, который его вызывает. Однако широко известная на телевидении Ооно Сакурао, видимо, стеснялась сказать, как ее зовут, телефонистке отеля для парочек. Но она быстро решилась и назвала свое полное имя. Тем не менее собеседнику ей удалось

сказать лишь несколько слов. Пытаясь сохранить достоинство, она прекратила разговор и вернулась ко мне; куда только подевались ее былые злость и осуждение — у нее был вид растерянного ребенка, правда довольно великовозрастного.

— Эти ребята разговаривают со мной так, будто я ничто. Значит, у них есть основания смотреть на меня свысока.

— Телефонистки, как известно, официально занимаются подслушиванием. Серьезные разговоры через них вести нельзя.

— Тогда возмущение этих ребят вполне естественно. Группа специального назначения контрреволюционной бандитской организации совершила покушение на **Могущественного господина А.,** и, кажется, небезуспешно. Но убить его так и не удалось — в общем, действия этой группы выглядят какими-то необдуманными…

Теперь уже я попытался прыжком вскочить со специально оборудованной кровати, на которой мы лежали, но свернул поясницу! Если бы не мое *превращение,* я бы уж никогда не разогнулся. Время новостей заканчивалось, я подполз к телевизору и включил его.

— Похоже, какой-то порнофильм. Покушение было совершено с полчаса назад, так что по теле-

визору еще не могут показать.

Остается одно — узнать на месте.

Когда мы спустились в холл, человек шесть горничных и служащих гостиницы, подозрительно глядя на нас, стояли кто у лифта, кто в бельевой с раскрытой настежь дверью, кто у конторки, скрытой пальмой, — таков был эффект недавнего телефонного звонка. Однако будущая киносценаристка, не отводя глаз, смело встречала взгляды окружающих. Ответом на ее вызов была реплика:

— И еще с молодым любовником! — Произнесенные тихим голосом, слова эти наглядно демонстрировали высокие нравственные принципы горничных.

— Нас позорите, а ведь вам бы самим следовало стыдиться своей профессии, — с ходу парировала Ооно Сакурао, — ха-ха!

3

Расставшись с активной деятельницей гражданского движения и оставшись один, я ничуть не испугался, хотя, поскольку на **Патрона** совершено покушение, я тоже подвергаюсь опасности, как человек, которого обвиняют в связях с ним. Я был убежден, что теперь ни *антиполиции,* ни

Корпусу лососей нет никакого смысла нападать на меня. Вряд ли они станут покушаться на меня — мелкую сошку — сразу же после того, как кому-то из них удалось ранить **Могущественного господина А.** Я сокрушался только потому, что не представлял себе, на что буду жить, если **Патрон** умрет от полученной раны, — ведь тогда я не смогу рассчитывать на ежемесячное вознаграждение за свои резюме. Пособием, которое я получал от атомной электростанции, единолично завладела жена, бывшая жена, но это ничего не меняло: я все равно должен прокормить себя, достаточно ненасытного, кроме того, я обязан материально поддерживать средних лет человека, являющегося моим сыном, а возможно, и его возлюбленную. Остроту эта проблема приобретет недельки через две, что я тогда буду делать? Мори и студентка, конечно, торопятся домой, но, опасаясь, что им не хватит денег, не стали нанимать такси и добираются на электричке. Вот почему они до сих пор не вернулись.

В последних новостях по телевизору — я как раз успел к ним — сообщалось о покушении на **Могущественного господина А.** Покушавшиеся, минуя секретаря, договорились с **Могущественным господином А.** по телефону, предназначен-

ному исключительно для личных разговоров, и появились в то время, когда секретарь ушел обедать. Вернувшись через полчаса, он обнаружил, что **Могущественный господин А.** лежит в своем кабинете с проломленным черепом. На месте преступления оставлен ледоруб, который, как полагают, был орудием нападения, обнаружены также следы крови, не принадлежавшие пострадавшему.

Ледоруб? — подумал я с замиранием сердца. Как-то, отправляясь к **Патрону,** чтобы передать резюме, я взял с собой еще не *превратившегося* Мори — наши дети никогда не мешают разговору взрослых. Телефон, по которому я договаривался о дне и часе, был тем самым внутренним телефоном, предназначенным исключительно для личных разговоров, о котором говорилось в телевизионных новостях. Но тем не менее я решительно отверг сразу же возникшее у меня подозрение, что покушавшимися были Мори и студентка. *Если наше с Мори превращение произошло ради выполнения миссии, возложенной на нас космической волей, может ли Мори предпринимать какие-либо действия, направленные на осуществление этой миссии, без меня? Даже если мне отводится роль лишь быть рядом с ним.*

Скорее именно поэтому! Я видел сон — я тогда был охвачен предчувствием, что вот-вот должно произойти превращение, — мне снилось, будто все вокруг поздравляют **Патрона** *с захватом власти, а мы с Мори в тот самый день убиваем его, и сами занимаем его место. Да, сон может служить доказательством — во сне мы с Мори были вместе! Мог ли Мори, выполняя миссию, возложенную на него космической волей, потерпеть неудачу? Да, случись такое, наше превращение было бы не более чем насмешкой над нами.* **Патрон** *остался жив, отделавшись ранением, на месте преступления остались следы крови покушавшихся. Допустим, Мори убили в момент покушения и он не выполнил возложенную на него миссию. Тогда именно мне в одиночку пришлось бы завершить эту миссию, но могу ли я это сделать? Я не считаю* **Патрона** *врагом. Я бы хотел, чтобы та же космическая воля указала мне, почему его необходимо убивать. Но все равно я обязан выполнить миссию, ради которой произошло превращение. Во всяком случае, если в нашем с Мори превращении действительно участвовала космическая воля, то покушение все-таки совершено не Мори и студенткой. Мной овладел страх оттого, что Мори так долго не возвращается домой. Почему*

нужно убивать **Патрона,** *выдающегося человека, к которому я испытываю почтение и страх?*

Однако, в то время как мой внутренний голос с такой силой выражал исходивший из самого моего нутра отказ убивать **Патрона,** я не мог понять самого себя. Я в самом деле долгое время получал от него денежную помощь, но наши отношения сводились к тому, что я передавал ему резюме и получал за это вознаграждение и никогда не осознавал, что питаю к нему почтение и страх… Но, прислушиваясь к тому, что делается у меня внутри, я не мог отмести прочь этот звучащий во мне отчаянный, решительный протест. Потрясающе, а? Вероятно, и вы, ведущий записи, неожиданно услышав от меня такое, тоже поразились. Начну рассказ с того, что за человек **Патрон,** с которым я связан не один год. Возможно, и вы подметите мой страх и почтение к **Патрону,** которых до сегодняшнего дня я не замечал? Или хотя бы запишите мой рассказ так, чтобы третьи лица смогли понять это из прочитанного. Надеюсь, вы не сочтете обременительным эту нелегкую миссию? Ха-ха.

Я сейчас снова вспоминаю, что **Патрон** с завидной легкостью очаровывал всех, кто имел с ним дело, обаяние же его крылось в тембре голоса

и интонациях. У него, старика, был уверенный звучный голос. Знаете, как некоторые преподаватели для более точной передачи студентам правильного произношения и акцентирования иностранных слов произносят их утрированно четко? Он действительно обладал чертами, благодаря которым студенты могли бы дать ему прозвище **Патрон,** но **Патрон,** по его собственным словам, лишь однажды и очень недолго преподавал язык. Это было в Шанхае перед самым поражением Японии, где он, обучая китайскую молодежь, одновременно занимался сбором информации. **Патрон,** тогда еще нестарый человек, служил в специальном подразделении, приданном японской армии в Китае, и его обязанностью была работа среди интеллигенции, и молодые китайцы это прекрасно понимали, однако они, казалось, не придавали этому особого значения. Видимо, они надеялись, что, если каждый из них не только не будет утаивать, но, наоборот, раскроет перед **Патроном** свой сложный внутренний мир, тогда и тот сделает вид, будто ничего не знает. Таким образом, между ними, скорее всего, сложились своеобразные отношения, и **Патрон** все сведения о подлинной сущности каждого из них плотно прикрывал крышкой, не давая

им просочиться наружу. Ведь если бы кто-либо из молодых китайцев вызывающе заявил: «Я из яньаньцев»[59], начались бы расспросы и неприятностей ему не избежать. То же самое касалось чунцинцев[60]. К тому времени у японской военной администрации в Китае уже была разработана подробная программа действий на случай поражения Японии. Китайские журналисты, преподаватели, поэты, писатели, зная, что у них выуживают информацию, все же посещали частную школу, открытую **Патроном,** и таким способом добывали себе плащ-невидимку. Кроме того, в школу поступала пресса всех стран мира, и ученики тоже могли получать интересующую их информацию. Личная цель **Патрона** состояла не в том, чтобы связать по рукам и ногам людей, принадлежащих к лагерю противника, а в том, чтобы в их непринужденном поведении выявить путь, по которому они пойдут после поражения, и действительно преуспел, это и послужило основой для его превращения после войны в **Могущественного господина А.** В том же русле развивались и нынешние действия **Патрона**

---

[59] Примечания: 59

Яньаньцы — имеются в виду коммунисты.

[60] Примечания: 60

Чунцинцы — имеются в виду гоминьдановцы.

— оказывать материальную помощь противоборствующим революционным организациям.

Если говорить о внешнем облике **Патрона,** то в первую очередь следует отметить одну особенность: у него была огромная голова. Фотографии, на которых было запечатлено одно его лицо, не могли передать его обаяния. Я сам вспоминаю, каким отвратительным показалось мне оно на фотографии, помещенной рядом со статьей, связанной с одним скандальным делом. В то время я еще не был знаком с ним. Выражение лица было зловещим, и в то же время казалось, что запечатленный на фотографии человек еще полон детского озорства, но это создавало обратный эффект, еще больше подчеркивая зловещие его черты. На голове **Патрона** было нечто напоминающее клобук, или шляпу без полей, — таким способом он прикрывал рану, полученную при нападении на него члена одной террористической организации. Ходили слухи, что, стреляя в **Патрона,** террористическая организация мстила ему за то, что он передал монопольное право на торговлю в Южной Корее или на Тайване компаниям группы Б, отобрав его у компаний группы А, с которыми были связаны террористы. Фотография казалась карикатурой, иллюстрировавшей

эти темные слухи.

В жизни же все части лица **Патрона,** начиная со лба и кончая подбородком, были хоть и велики, но пропорциональны, что начисто снимало зловещее впечатление, — таким было его лицо, и оно прекрасно гармонировало с огромным телом. На фотографии даже глаза — левый и правый — блестели по-разному; они казались глазами преступника, а в жизни его глаза были совсем иными. Левый глаз, прятавшийся в глубоких складках, как у ящерицы, почти ничего не видел и, укрытый веками, казался черной впадиной, а другой, хотя и горел подозрительностью и гневом, в любую минуту мог спрятаться в тень. Глаза эти легко определяли физическую и духовную ценность собеседника, но не подсказывали ему ответов.

Мог ли я, беседуя с таким незаурядным человеком, и в самом деле не проникнуться страхом и почтением? Если вы дословно записываете то, что я говорю, то теперь уже ваши слова полностью доказывают это!

Была глубокая ночь, и я, дожидаясь Мори и его спутницу, сварил рис в электрической рисоварке, поджарил мясные консервы и, начав свою одинокую трапезу, вдруг сообразил, что этими

мясными консервами — новогодним подарком от **Патрона** — снабдил меня, как и всех остальных поставщиков информации, тот самый разиня секретарь, который преспокойно обедал во время сегодняшнего покушения, ха-ха. Вот сколь разнообразно вмешательство **Патрона** в мою повседневную жизнь. Что же удивительного в том, что в ту ночь, когда на **Патрона** было совершено покушение, он не выходил у меня из головы? А что, если его влияние распространяется на всю мою внутреннюю жизнь, претерпевшую *превращение,* а я просто не осознаю этого? Под ложечкой у меня что-то противно екнуло; к этому времени я съел лишь треть своего ужина. Думая о еще не осознанном влиянии **Патрона** и основанном на этом его господстве надо мной, я по ассоциации вдруг увидел призрак своего товарища, повесившегося на спинке кровати в своей комнатушке под самой крышей многоэтажного дома в Париже. *Он тоже сначала не мог полностью проникнуть в замыслы* **Патрона,** *презирал его, считая несведущим в вопросах международных отношений, но — и здесь не было противоречия — в то же время боялся и почитал его, а к тому же, опасаясь за свое материальное благополучие и стараясь заручиться расположением* **Патрона,**

собирал информацию, делал резюме и передавал ему. Все это постепенно увлекало его в пропасть. В пропасть еще не понятных ему замыслов **Патрона**. *Лишь во время кубинского кризиса он впервые задумался над истинными планами* **Патрона,** *понял, с каким человеком сотрудничает, в какую трясину тот его увлек. Открыться в этом он не мог даже жене-француженке, вместе с которой еще в Принстонском университете специализировался по международной политике. Тогда у него возникает намерение собственными силами порвать с* **Патроном**. *Он начинает саботировать не столько сбор информации, сколько составление резюме и их передачу.* **Патрон** *приезжает в Париж. Они беседуют с глазу на глаз. По-видимому, их беседа кончилась суровым выговором* **Патрона**. *Опустошенный, он даже не находит в себе силы посетить любимые места в Париже и вешается на спинке кровати. Поскольку квартира — их единственное достояние, жена вынуждена спать в той же комнате, на той же кровати!*

В два часа ночи раздается телефонный звонок. Это та самая студентка; куда только подевалась ее выразительная лаконичность — это оружие активистки. Теперь она превратилась в паиньку-студентку, туманно сообщившую мне следующее.

Подозревая, что телефон в моем доме прослушивается, она была предельно осторожна, и это она-то, не позаботившаяся прикрыть свой зад.

— Алло! За папой и его компанией наблюдают, даже к гаражу приблизиться невозможно. Поэтому в ближайшее время встретиться у вас не удастся. Вас напугало то, что мы **совершили вдвоем?** Это естественно. Что произошло? **Что-то вроде предупреждения. Главное мы сделаем вместе с вами.** Так определено судьбой, верно? И тут уж я ничего не могу поделать. Идет мама, до свидания. Вам привет. **И пожелания здоровья!**

Выходит, покушение на **Патрона** совершили Мори и студентка вдвоем! Сначала я не мог понять, ради чего это было сделано, но выразительные слова Саёко помогли мне понять. *Как же она это назвала?* **Что-то вроде предупреждения. Главное мы сделаем вместе с вами.** *Так определено судьбой?* Значит, сегодня Мори и студентка пришли к **Патрону,** чтобы предостеречь его. А при выполнении своей миссии мы будем действовать вдвоем как люди, *превращенные* судьбой. Следовательно, ради чего совершено сегодняшнее нападение — ясно, здесь вопроса нет. Почему космическая воля приказала совершить нападение на **Патрона**? Поскольку настоящее

выполнение миссии будет осуществляться под руководством Мори — для меня и здесь вопроса нет!

Судя по телефонному звонку, полиция сейчас наблюдает за моим домом. Слова студентки убедительно подтверждали, что люди, безучастно прохаживающиеся перед домом, вели наблюдение. Как только она положила трубку, я тут же бросился гасить свет в гостиной, но тут же отказался от этой мысли. Я с трудом удержался от того, чтобы не поглядеть в щель между занавесями. Не следовало давать наблюдавшим за домом почувствовать, что телефонный звонок был призван скрыть планы покушавшихся.

Я, разумеется, не думал, что наблюдение установлено потому, что Мори и студентка находятся под подозрением. В противном случае сюда явилась бы полиция с ордером на арест и произвела бы обыск. Не на Мори со студенткой, а именно на меня поступил тайный донос в полицию. Наполовину веря доносу, наполовину сомневаясь в его достоверности, полиция решила установить за домом наблюдение. Действия полиции ловко разгадали Мори и студентка или, возможно, те, кто провожал их домой, что позволило избежать ареста.

Кто донес на меня? Разумеется, жена, бывшая жена! Она услышала по телевизору сообщение о покушении на **Патрона** и сразу же связала это покушение со мной. Разве это не естественно? Но меня радовало то, что Мори со студенткой или те, кто их охранял, ловко избежали ловушки, подстроенной женой, бывшей женой, а теперь тайное донесение жены, бывшей жены, позволит Мори и его приятельнице спастись от преследования полиции. Но, даже если будет установлено, что покушение на **Патрона** совершил Мори со студенткой, у меня есть выход, который позволит разрешить все, выход, к которому десять лет назад прибег приятель, повесившийся в своей квартире, высоко над парижской улицей. Передо мной всплыло даже видение — **Патрон,** до сих пор воспринимавшийся мной как объект страха и почтения, валяется в крови и выражение его лица такое же зловещее, как на фотографии. Поразительна быстрота, с какой меняется восемнадцатилетний, ха-ха. Меня беспокоило лишь ранение Мори, но ведь студентка пропела: **Вам привет! И пожелание здоровья!**

Подождав минут двадцать, я погасил свет в гостиной и лег спать — не на своей кровати, а на кровати Мори, уперев ноги в спинку. До утра

я несколько раз просыпался, чувствуя, что под окнами кто-то ходит — наверно, и в самом деле полиция наблюдала за домом. Руководство организации, в которую входила группа Ооно, считает меня шпионом, ее противники — сторонником вражеской группировки, а жена, бывшая жена, и ее многочисленные братья люто ненавидят и горят желанием отомстить — в общем, на меня вполне могли совершить покушение во время сна. Жизнь имеет множество разных сторон, и, если у вас, писателей, не будет сложных фасеточных глаз насекомых, охватить ее целиком вам не удастся. К примеру, если вы не будете основываться на принципе: я веду рассказ — вы записываете, ха-ха!

4

Полиция, преисполненная духа уважения к правам человека, дав мне время для сна, необходимое восемнадцатилетнему *превратившемуся*, наконец появилась, материализовавшись в виде двух джентльменов. Кажется, только тайный доносчик — жена, бывшая жена, — свирепствует, забыв о существовании такого понятия, как права человека, ха-ха. Проснувшись, я сразу же собрал всю свою волю и стал готовиться к отпору

властям. Хотя Мори уже приступил к выполнению миссии, возложенной на него космической волей, его боевой товарищ, который должен вот-вот включиться в борьбу, не имеет права расслабляться! Прежде всего я занялся утренней уборкой. Распахнув все окна, я заметил, что за пять-шесть домов от моего стоит машина, хотя на этой улице стоянка запрещена. Вся крыша соседнего гаража в грязных следах от сапог, а сами длинноволосые, наверно, промерзли до костей на утреннем холодном ветру — было самое начало весны. Это были длинноволосые, чьи сапоги и вся одежда изобличали тот нелегкий труд, которым они занимались, но все-таки они были приятнее слоняющихся по улицам обычных длинноволосых, ха-ха. Наконец раздался звонок, я вышел в прихожую — передо мной стояли двое полицейских в аккуратной форме, не похожей на потрепанную одежду сыщиков. Они напоминали победителей на соревнованиях по фехтованию, устроенных полицейским участком, или на двух болтающихся без дела полицейских, получивших из-за туберкулеза отпуск с весны до конца года. Хотя они пока молчали, каждый из них своим видом явственно демонстрировал одну из сторон принятой ими тактики: насилия и умиротворе-

ния. **Насильник** назвал мое имя и спросил, дома ли хозяин, и это придало мне, *превратившемуся,* уверенность.

— Дядя и тетя не возвращались со вчерашнего вечера. Да, а тетя, кажется, еще с позавчерашнего. У них есть и ребенок, но дядя ушел вместе с ним. Позавчера, кажется, была сделана попытка обокрасть дом, и меня позвали охранять его. Что-нибудь случилось? Объясните, пожалуйста, я ведь имею к этому дому прямое отношение. Может быть, тетя или ее братья опять порезали дядю?

— Вы племянник?.. Сторожите дом? Почему вы говорите, что дядю порезали, да еще опять?

— Хм. Допрашиваете с помощью наводящих вопросов!

— Вы рассказываете занятные вещи, — вмешался **Насильник**. — Ваш дядя вчера не вернулся домой! И сейчас его нет. Звонил?

— Нет, не звонил. Объясните наконец, что произошло! Я ведь в самом деле имею к нему отношение.

— Вы что, не смотрели телевизор? — сказал **Умиротворитель** и посмотрел на меня так, будто дал мне ключ к отгадке. Я струсил, но слова полицейского, кажется, выражали лишь только

то, что он понял — мальчишка слабо соображает. — Нет-нет, мы пришли к вашему дядюшке лишь потому, что кое у кого возникли некоторые вопросы. А вы поскорее сообщите нам, кто там кого порезал — дядя ли тетю, тетя ли дядю.

— Ха-ха-ха! И это называется не допросом с помощью наводящих вопросов?! Требуют сотрудничества добропорядочного, здравомыслящего гражданина, ха-ха-ха.

Затем последовала сцена, словно в старой кинокомедии: не успевает открыться дверь, как влетает пожарный, — так же стремительно возник между отступившими на шаг полицейскими **Добровольный арбитр**.

Вблизи лицо у него выглядело таким землистым, что впору было спросить: вы живы? Правда, выражение его не было неприятным, как у мертвеца. Наоборот, с той минуты, как мы встретились с ним глазами, все в его лице вызывало симпатию — и широкий лоб, и выдающийся вперед нос, обтянутые сероватой кожей, и усы. Когда он поднял на лоб очки в черной прямоугольной оправе, в его широко открытых глазах мелькнуло изумление, да-да, именно изумление. Из этого я понял, что **Добровольный арбитр** пришел вместо Мори и студентки, чтобы связаться

со мной, и, не исключено, Мори рассказал ему о *превращении,* и он, увидев в реальности еще одного человека, пережившего *превращение,* был изумлен и восхищен.

— У вас вокруг дома прямо заросли азалии, — начал **Добровольный арбитр,** не поздоровавшись. — Кошка окотилась, хорошо хоть, что сегодня тепло…

Полицейские, конечно, заподозрили, что его слова — зашифрованное сообщение. **Насильник** сразу же подошел к **Добровольному арбитру,** чем воспрепятствовал продолжению шифровки. Более опытный **Умиротворитель** пошел посмотреть, что делается в зарослях азалии. И тут, как назло, раздалось злобное «фыр!», и полицейский отскочил от атаковавшей его рыжей пятнистой лапы.

— Не нужно ее пугать. А то она почувствует опасность и сожрет котят. Смотрите, она уже со страха начала их жрать. Один остался. Наверно, вчера вечером здесь все время крутились и кошку без конца пугали?

— Напугали-то меня!

Говоря это с недовольным видом, **Умиротворитель** тяжело дышал. Я оказался как бы между двух огней… Нить разговора была утеряна, поли-

цейские упустили случай возобновить разговор — это не ускользнуло от внимания **Добровольного арбитра**. Повернув к полицейскому лицо, на котором, если смотреть на него под определенным углом, симметрично выделялись, как трехлопастный пропеллер, нос и две половинки усов, он, не дав им раскрыть рта, стал прощаться.

– *Благодарю вас,* простите, что доставили вам столько хлопот! *Благодарю вас,* господа полицейские! Вы нам очень помогли!

Озадаченные этой словесной эквилибристикой, полицейские попрощались и ретировались, полуразвалившаяся калитка со скрипом захлопнулась, и кошка, окотившаяся в зарослях азалии, снова издала злобное «фыр!», или, может быть, это прорычал **Насильник**? Ха-ха.

— Хорошо не поить и не кормить кошку, а? Раньше я этого не знал. Полицейские, наверно, тоже не знали…

— Дело в том, что полицейских не учат ловить кошек, — грустно, будто демонстрируя беспристрастность, сказал **Добровольный арбитр**. — Если это не ваша кошка, лучше ее, пожалуй, прогнать. Мамаша, во всяком случае, набила живот.

— Вы специалист по кошкам?

— По кошкам? Нет, я пока для этого возрастом не вышел. Разрешите войти?

Отказывать причин, разумеется, не было. Войдя в гостиную и усевшись, **Добровольный арбитр** снова стал внимательно меня разглядывать. В глазах его за толстыми стеклами очков мелькали искорки, в них светились радостное изумление и смех, наконец он воскликнул удивительно по-детски:

— Ух ты, и правда! Здорово это у вас получилось, *ну и ловкачи!*

Я почувствовал, как мое молодое лицо восемнадцатилетнего заливает краска до самой шеи.

— …Мне обо всем рассказал Мори… Да, вы и вправду здорово *изменились!*

— *Превратились.*

— Да, *превратились*. Наверно, трудно было все так пригнать друг к другу и все сделать так ловко! Вчера я ничего не заметил. Хотя раньше, до *превращения*, и встречал вас на митингах, все равно ничего не заметил. *Ловко! Здорово это у вас получилось!*

— Мори сейчас у вас? — решил я охладить его восторги, боясь, что им конца не будет. — Я слышал, он ранен?

— Он в моем фехтовальном зале «Реабилитация». Ранение несерьезное! Студентка вообще не пострадала, она сейчас ведет диспут с членами нашего клуба, а Мори сидит спокойно и слушает. Да-а, совершить такое — это достойно всяческого уважения… Так вот, я, понимаете, пришел установить с вами контакт. Пришел потому, что питаю интерес и к вашему *превращению,* и к вашим прошлым исследованиям до этого. Я занимался молекулярной биологией, но на полпути бросил; в общем, ни исследователя, ни вообще чего-либо путного из меня не вышло!

Говоря это, **Добровольный арбитр** нахмурил брови, и на его землистом лице пролегли две горестные морщины. Мне вдруг показалось, что эти морщины прорезали мою душу — ведь я тоже забросил свои исследования на полпути, и, наверно, наши горькие мысли должны совпадать.

— О нашем *превращении*… Мори сам вам рассказывал или сделал это каким-то иным способом? В общем, когда вам сообщили об этом, вы поверили? И продолжаете верить теперь?

— *Разумеется! Сейчас верю вдвойне, разумеется!*

Добровольный арбитр дал наконец волю распиравшему его смеху и громко рассмеялся,

перемежая смех горестными вздохами:

— *Не верить… этому… никак… хха-хха-хха… невозможно!*

С удивлением я наблюдал за тем, как **Добровольный арбитр,** отсмеявшись наконец, вытирает платком слезы и слюну.

— Куда ранен Мори?

— В голову…

— В голову?!

— Ой… он же мне сказал, чтобы я вам не говорил. Нечаянно подвел его.

— Ранение, видимо, серьезное? Раз он сказал, чтобы вы молчали…

— Нет, рана пустяковая, его обеспокоило лишь то, что ранен в голову… И главное, просил ведь меня не говорить, а я подвел его.

— Рана на затылке? Или где-то еще?

— Я, правда, не специалист, но продезинфицировал рану, забинтовал, она, как вы и предполагали, на затылке. Когда я увидел рану, она не кровоточила и я касался пальцами запекшейся крови, но мне показалось, что старая рана на голове снова открылась. То же сказал и сам Мори, но его это особенно не беспокоило. Получить удар ледорубом по голове — когда я это услышал, меня всего передернуло.

— Ледорубом? Но ведь им был вооружен именно Мори?

– *Совершенно верно!* Сначала Мори ударил ледорубом **Могущественного господина А.,** и студентка подумала было, что они спокойно ретируются, но вместо этого Мори протянул ледоруб **Могущественному господину А.** и тот, хотя все лицо у него было в крови и он почти ничего не видел, взял ледоруб, а Мори спокойно ждал, пока ему не нанесут удар. **Могущественный господин А.** замахнулся ледорубом, но не удержался и, падая, содрал Мори кожу на голове. *Мори замечательный человек!* Коль уж судьба столкнула меня с таким человеком, я ни за что на свете не оставлю его, буду служить ему верой и правдой! Мой фехтовальный зал «Реабилитация» призван наставлять на путь примирения бывших членов враждующих группировок, которые до этого готовы были убить друг друга, но… ведь истинные боевые ненасильственные действия, ведущие к примирению, воплотились именно в том, что совершил Мори!

— Как по-вашему, Мори сделал все, что задумал? Или же это предупреждение о следующих, более решительных действиях? Студентка говорит — второе. И меня это сильно тревожит.

— Как вы можете? Как вы можете говорить, что замысел Мори ограничивается покушением? Неужели вас пугает участие в его дальнейших планах? В таком случае лучше сразу откажитесь! И сидите тихо и помалкивайте! Вы задались целью оскорблять Мори?

– *Что?* Почему вы так говорите? *Я, и вдруг оскорбляю Мори?*

Мы, точно боевые петухи, напружинили ноги и, привстав, уставились друг на друга; еще чуть-чуть — и мы бы бросились друг на друга. Я оказался, разумеется, первым петухом, утратившим боевой дух, я вспомнил о происшедшем несчастье и, снова усевшись как следует, стал оправдываться перед **Добровольным арбитром,** тоже севшим спокойно.

— Теперь я понимаю это совершенно отчетливо — мое потрясение, смятение из-за ненормальности, обнаруженной у Мори при рождении, **Могущественный господин А.** пытался использовать, чтобы тиранить меня. Он хотел умертвить Мори и сделать меня своим рабом до конца дней — вот в чем состояла его тирания… Если вспомнить, что я тогда испытал, то покушение Мори можно считать возмездием. Но, с другой стороны, мне удалось избежать капитуляции и намерение **Мо-**

гущественного господина А. тиранить меня так и осталось пустым намерением, следовательно, по таблице взаимных расчетов, существующей в нынешнем мире, нападение на **Могущественного господина А.** было несправедливым. Поэтому, я думаю, Мори и отдал ему ледоруб. Хотя действия Мори, нарушившие систему расчетов, существующую в нынешнем мире, должно быть, имели определенную причину… Да, я полагаю, если проследить за ходом рассуждений, то удар ледорубом по наиболее уязвимому месту на его черепе весьма символичен. Я говорю о тирании, задуманной **Могущественным господином А.** в момент рождения Мори, — именно теперь я понял истинный смысл всего этого. Хотя и продолжаю называть его **Патроном**… Но неужели вы серьезно думаете, что я могу презирать Мори? Несмотря на то, что после превращения я всего лишь неопытный, неосторожный, эгоцентричный мальчишка?

– *Нет, что вы!* — извиняющимся тоном возразил **Добровольный арбитр,** и на его землистом лице проступил ржавый румянец. И тут же продолжал заносчиво, показывая всем своим видом, что я не отношусь к людям, которые неодолимо влекут его к себе: — Мы иногда совершаем ошибку, сами того не желая, показывая презрение к

уважаемому человеку, верно? И всей своей жизнью нам не искупить этой ошибки, проживи мы не одну жизнь, а две или три. Даже вам, хоть вы и вступаете в борьбу после *превращения.*

Глава VII
Всестороннее изучение Патрона

1

В день, когда родился Мори с недостающей костью в черепе, я отвез его в университетскую клинику и в течение девяти часов ждал в приемной, рассказывал я **Добровольному арбитру**. Чего я ждал, говорите? Сообщения: порожденное вами маленькое чудовище благополучно испустило дух, ха-ха. На следующее утро я позвонил из приемной по телефону-автомату. Кому, говорите? Не жене и не приятелю — **Патрону,** вот кому. И рассказал ему об этом необычном событии, случившемся со мной, — рассказал в том же стиле, в каком я сообщал ему основное содержание удивительных историй, которые я извлекал из зарубежной прессы и переводил. **Патрон** проявил невероятный интерес. После двух-трех его вопросов мне стало ясно, что ненормальность новорожденного он считает результатом моего облучения плутонием. Честно говоря, я был потрясен. Возможность связать такой ниточкой взаимозависимость ненормального ребенка со

мной заставила меня взглянуть на все по-новому. Впоследствии это привело к характерному для ядерного века лжесвидетельству, данному мной жене, бывшей жене. Вот так-то **Патрон** бросил тень на мою жизнь. Разумеется, главный нейрохирург клиники объяснил случай с ребенком физиологическими причинами. Я сказал об этом **Патрону**, и у него тут же пропал интерес к ребенку, но он заставил записать номер телефона специальной клиники и приказал в течение дня перевезти туда ребенка — там сделают все необходимое. Я не выразил никакого протеста, только заволновался. И в глубине души подумал: отдать собственного ребенка на растерзание чужим людям, и к тому же сделать это по наущению **Патрона**! Это приведет к тому, что в дальнейшем и мое тело, и моя душа окажутся целиком в его власти. Черные мысли не выходили у меня из головы, но в то же время я испытывал и покой — меня согревает на своей груди могущественный человек, на которого можно положиться! Весь тот день меня снедала тоска, я ничего не предпринимал и, когда прошло уже больше половины назначенного **Патроном** времени, заставил себя пойти за такси — ничего другого не оставалось, но, дойдя до стоянки, сел в него один и поехал в

турецкую баню неподалеку от клиники.

Почему люди моего поколения, будь то мужчины или женщины, попав в трудное положение, сразу же ныряют в сауну или турецкую баню? Ха-ха. Разумеется, в тот момент я еще думал о том, что должен вовремя вернуться в клинику. Пока я лежал на скамье для массажа и девица-банщица сосредоточилась на моей спине, я рассеянно смотрел себе под нос. Тут девица оторвала зад от скамьи и, вильнув бедрами раз-другой, скинула туфли. Потом поставила на скамью ногу у самой моей головы и сильно согнула ее в колене. Я нахально скосил глаза в сторону и увидел лучшее, с чем мне доводилось сталкиваться в жизни! Худой, трогательный живот… Тут я даже забыл, что банщица из соседнего номера наблюдает за мной сквозь бамбуковую штору.

Потом… больше ничего не было. Я лежал, вытянувшись во весь рост, рядом с девушкой, и вернулся в клинику, когда уже было поздно выполнять указания **Патрона**; от старшей сестры я узнал, что ребенок активно сосет молоко. Тогда я попросил главного нейрохирурга сделать операцию, и если бы меня спросили, откуда у меня взялось такое мужество, то, должно быть, ответил бы так: *Я сделал то, чего мне до сих*

пор решительно делать не следовало! У меня болезнь, источником которой является Америка двадцатого века, — я облучен плутонием, а теперь у меня еще и болезнь, источником которой была Америка шестнадцатого века, — сифилис. Наука, почерпнутая мной благодаря всей моей деятельности, состоит в следующем. Действие лучше, чем бездействие! **Патрон** *дал мне испить полную чашу соблазна убить младенца, и я сам заставлю себя, бежавшего куда глаза глядят, испить полную чашу и буду всю жизнь прижимать к своей груди неполноценного ребенка! Я сделаю это потому, что до сих пор даже не предполагал, что способен на такое!*

Если вспомнить об этих осложнениях, возникших между мной и **Патроном** при рождении Мори, то можно легко понять Мори, который, обретя благодаря *превращению* свободу и физическую силу, необходимые для активных действий, «отблагодарил» за угрожавшее ему убийство в те дни, когда из-за опухоли, вылезавшей из дырки в черепе, он не мог даже повернуться в постели. На этом я закончил свой рассказ, и **Добровольный арбитр** ответил мне вполне разумно:

— Объясняя свое нападение, Мори приводил аргументы, выходящие за рамки житейской

логики, — вот почему, нанеся удар, он спокойно, не помышляя о сопротивлении, ждал ответного удара **Могущественного господина А.** Достойна восхищения сила духа и отвага человека, который отдал ледоруб теряющему сознание, окровавленному старику и ждал, пока удар обрушится на его голову. Нужно еще помнить, что это Мори, у которого недостающая кость черепа заменена кусочком пластика. Услыхав ваш рассказ, я теперь совершенно ясно понимаю, почему Мори, совершая именно это покушение, не взял вас с собой. Разумеется, оно лишь первое, но…

2

— Почему вы с таким уважением относитесь к *превратившемуся* Мори, безоговорочно верите не только в его *превращение,* но и в мое? — спросил я **Добровольного арбитра,** чтобы как-то выразить ему свою симпатию.

— Как же я могу сомневаться в Мори? Разве вы сами сомневаетесь в его *превращении*?.. Я даже думаю, что *превращения,* сродни тому, что случилось с вами, постоянно происходят в мире. Совершенно случайно мне удалось встретиться с двумя такими людьми, я счастливец…

Я недоверчиво прислушивался к необычной

аргументации, к которой прибегал **Добровольный арбитр** в своей речи; он пытался обосновать свою теорию, что в мире существуют коренные аномалии, одним из примеров которых является *превращение.*

По словам **Добровольного арбитра,** нынешняя цивилизация на земном шаре приближается к космическому концу, и поэтому космические силы, которые получают все большее ускорение по мере движения к этому концу, естественно, вызывают искривление, деформацию всех сторон жизни на Земле. В результате возникают явления, которые в обычном представлении выглядят фантастическими. Вот как вкратце можно изложить построения **Добровольного арбитра**:

— История нашей Земли, вся история человечества как конечного ее этапа во времени есть не более чем средство выполнения причудливой программы космической воли. Такого рода шутливая фантастика (лучший ее представитель — Курт Воннегут) появляется нередко. По-моему, в фантазиях каждого человека лежит общечеловеческая основа. Поэтому я думаю, что в таких фантазиях, возникающих у писателей-фантастов, есть определенный смысл. Я тоже в конспективной форме изложил свои мысли

по этому вопросу. Пока я писал свой конспект, я вновь уверовал в то, что судьба человечества предопределена, ха-ха-ха. По моим предположениям, земной шар — крохотная деталь огромной космической конструкции и она по ленточному транспортеру направляется в предназначенное ей место космоса! Галактика и есть тот самый ленточный транспортер, который посылает Землю в предначертанное планом место, и на конечном этапе она превращается в стартовую площадку, откуда Земля запускается в заданном направлении с заданной скоростью. Затем эта деталь в виде почти идеального шара, на котором зародилось человечество, занимает свободное место в космосе — конструкция завершена! Однако на подготовительном этапе эта деталь, именуемая Землей, чуть деформирована. Для ее исправления требуются сверхкрохотные мастеровые, немыслимые в космических масштабах, и не только люди, но и звери, птицы, рыбы и даже насекомые… Не знаю, как лучше назвать это — исправлением или подгонкой, во всяком случае, последней шлифовкой явились, я думаю, проводившиеся повсеместно на земном шаре ядерные взрывы. К настоящему времени взрывы в пустынях и на атоллах в океанах завершились.

Теперь очередь за ядерными взрывами в крупных городах, то есть в таких местах, где, за исключением двух случаев, ядерных взрывов еще не было. Вот тогда-то Земля — деталь, доведенная до необходимых стандартов, — будет запущена с галактической стартовой площадки и плотно войдет в завершенную конструкцию. Если говорить о форме этой огромной конструкции, то ее прекрасно отражают система мира Птолемея и карта звездного неба Данте. Разумеется, я не обладаю нужными способностями, чтобы объяснить все возникшие загадки, ха-ха. Когда дойдет до осуществления этого космического проекта, придется дать новую оценку Галилео Галилею, если, конечно, у человечества останется время, чтобы это сделать, ха-ха-ха. Галилей был не только пионером, путем опытов выработавший новый взгляд на Вселенную, но, как стало ясно из его показаний на процессе по обвинению в ереси, он, как католик, не выступал против абсолютной конструкции, основывающейся на карте звездного неба Данте. Знаменательно, что в его словах и делах не было противоречий! *И все-таки она вертится.* Галактика вращается с неимоверной скоростью. Это движение вовлекло в свою орбиту крохотную деталь огромной конструкции, начи-

ная от неподвижного неба наверху и кончая адом в преисподней. Если вдуматься в это, то удастся гармонично соединить Галилея, кающегося в ереси, и Галилея, являющегося реформатором представлений о Вселенной; его душевный покой был глубок и всеобъемлющ. Галилей сам пишет об этом: *Если подвергнуть испытанию хотя бы одну из аксиом, с которой соглашаются все, и реально оценить знания, которые удалось получить, то выяснится, что не понимаешь ни одного из бесконечного количества выводов, к которым приходишь.* Ха-ха-ха.

Я молчал. Разве мог такой человек, как я, изучавший физику в школе и университете, высмеивать человека, точно цитирующего Галилея, хотя рассуждения его и были безумными? А **Добровольный арбитр** с несколько смущенным видом продолжал:

— …Разумеется, я принадлежу к людям, которых не может не привести в негодование проект завершения сверхогромной космической конструкции, выстрелив отшлифованной деталью-Землей, согласно предначертанию космической воли. Что касается меня, я против процесса шлифовки детали-Земли. Я думаю, что ваше с Мори *превращение* является существенным элементом

сопротивления шлифовке детали-Земли, а это и моя цель также. Именно *превратившиеся* люди станут ядром такого сопротивления! Да и само *превращение* благодаря искривлению, деформации, которые несет с собой всевозрастающая скорость по мере приближения к завершающей стадии, возможно, является еще одним выражением космической воли. Подобно тому, как действию неизбежно сопутствует противодействие. Согласны с этим, отец Мори?

«Согласны с этим?» — спросил он меня, но это не был вопрос, на который можно было ответить немедленно. Однако я, восемнадцатилетний *превратившийся,* дал четкий и определенный ответ, будто только и ждал его вопроса:

— Я все выясню. Более того, может быть, я и *превратился* ради того, чтобы выяснить это? *Я все выясню!*

— Мужество, обретенное вами после *превращения,* — огромное подспорье! И в первую очередь для Мори! — сказал **Добровольный арбитр**. Его туманная речь, речь грезящего наяву человека, сразу же зазвучала иначе, став конкретной речью практического деятеля. Сильный человек. — Итак, на этот раз полицейские мирно удалились, но, я думаю, сопоставив донос вашей жены и

случившееся с **Могущественным господином А.,** они будут обязаны установить за вами наблюдение. Телефон, несомненно, прослушивается. Стоит нам выйти, и следом за нами увяжется хвост. А уж если наша полиция за кем установит слежку, ни за что не упустит своей жертвы, если, конечно, на полпути ее планы не изменятся…

Я стал анализировать свое положение после *превращения.* Поскольку моя жена, бывшая жена, донесла на меня, человека средних лет до *превращения,* обвинив в покушении на **Патрона,** мне, теперь восемнадцатилетнему *превратившемуся* мальчишке, останусь ли я дома или выйду на улицу, опасаться ареста нечего. Ведь наша полиция, как ее называет **Добровольный арбитр,** не располагает людьми с богатым воображением, которые бы оказались способны заподозрить, что восемнадцатилетний мальчишка и есть тот самый тридцативосьмилетний мужчина, и арестовать его, ха-ха.

Однако не исключено, что, когда я отправлюсь туда, где скрывается раненный в голову зрелый мужчина, следующая за мной по пятам полиция препроводит его в участок. И хотя именно я — тот, кто способен засвидетельствовать, что этот человек — мой сын и решительно не может быть

тем, о ком идет речь, убедить полицию мне не удастся, если только не заставлю ее поверить в наше с Мори *превращение*.

— Навещать сейчас раненого Мори — чистая авантюра. Что же мне предпринять?

— Самым естественным для вас было бы связаться с секретарем **Могущественного господина А.** Вы должны выразить соболезнование… ну и, кроме того, из тактических соображений ваш звонок тоже будет весьма полезен. Для той борьбы, которую мы будем вести в дальнейшем, помогая Мори, необходимо всесторонне изучить **Могущественного господина А…** Из вашего дома звонить не следует — телефон прослушивается. По-моему, лучше дойти до телефона-автомата.

Предложив мне это, **Добровольный арбитр,** даже и мысли не допуская, что я могу возразить, быстро вскочил на ноги и глазами сделал мне знак следовать за ним.

3

Мы вышли на улицу. В такой ясный и нежаркий день, когда почки на деревьях начинают просыпаться от зимней спячки, а воздух прозрачен, работа сыщика не столь уж удручающа. На первом же перекрестке **Добровольный арбитр,**

шепнув *идите прямо,* повернул направо, махнув мне рукой — то ли он расставался со мной, то ли пошел купить сигареты. Там, где я жил раньше, были крестьянские поля и улицы еще не проложили как следует, поэтому, свернув в переулок, выбраться обратно на главную дорогу было не так-то просто. Но объяснить ему это времени не было — не мог же я кричать бодро удаляющемуся с поднятой рукой человеку: «Если повернете налево, там тупик!» Ха-ха.

Через некоторое время, когда, по моим предположениям, он уже должен был столкнуться с нашей полицией, я услышал за своей спиной топот огромных башмаков, какие носят при плоскостопии. Я тоже припустил было вперед, ха-ха. **Добровольный арбитр,** догнавший меня, когда я уже совсем запыхался, тоже тяжело дышал, лицо его посерело, глаза за казавшимися бездонными стеклами очков торжествующе и в то же время умиротворенно улыбались.

— За мной увязались сразу двое, ха-ха-ха! А когда упустили, стали громко обсуждать ситуацию: может, бросить все и отправиться выяснять его личность? И при этом очень волновались, потому что я убежал у них из-под самого носа. В общем, взял инициативу в свои руки, ха-ха-ха!

Беззаботный человек. А я, вытаскивая у телефона-автомата из кармана мелочь, заколебался. **Добровольный арбитр,** с которого ребячество как ветром сдуло, сказал:

— …Ваш звонок **Могущественному господину А.** совершенно необходим. Будет странно, если вы сделаете вид, что не знаете о случившемся! Там не известно, насколько вы связаны с Мори и студенткой, и вам придется вести разговор невинным тоном — это малоприятно, прекрасно понимаю, но ничего не поделаешь. Если, конечно, вы действительно хотите помочь Мори, который ранил **Могущественного господина А…**

Я набрал тот самый номер, по которому Мори с приятельницей договаривались с **Патроном** о встрече. Секретарь тут же снял трубку, будто ждал моего звонка. Он сразу же понял, что звоню я, поэтому говорить голосом, каким он был у меня до *превращения,* необходимости не было. Доказательством того, что он ждал моего звонка, было переданное мне заранее подготовленное сообщение.

— …А, это вы? **Патрон** хотел в ближайшие два-три дня встретиться с вами. Да, он ранен, но не серьезно, покушавшиеся — желторотые юнцы. Если вы так тревожитесь за **Патрона,** можете

навестить его в любое время. В какой день вы сможете встретиться с **Патроном**?

— Я обязательно проведаю **Патрона,** а вот день и час…

— Хорошо, может быть, решим так: как только у вас будет свободная минутка, сразу же приходите прямо в палату **Патрона**. Я буду находиться там постоянно, и, когда вы вызовете меня в приемную, с пропуском вопрос будет тут же улажен…

— Большое спасибо.

— Секретарь понял, что последней частью вашего разговора заинтересовалась полиция, и вынужден был поспешно положить трубку, — сказал **Добровольный арбитр** с печальным видом стратега и тактика, анализирующего неблагоприятное сообщение.

— Вы хотите сказать, что **Патрон** и выполняющий его волю секретарь защищают меня от полиции?

— Именно так, принимая во внимание текст информации, переданной полицией прессе. Если, конечно, полиция и секретарь, находясь в сговоре, не пытаются поймать вас в ловушку… Но **Могущественный господин А.,** поскольку он и в самом деле могущественный, вряд ли опустится до того, чтобы устраивать вам ловушку, прибег-

нув к услугам самого неавторитетного института власти! Скорее всего, **Могущественный господин А.** действительно хочет увидеться с вами. Он, безусловно, догадывается, что вы как-то связаны с покушавшимися на него Мори и его подругой.

— Вы думаете?.. Но в таком случае мне тем более необходимо поговорить с Мори прежде, чем я встречусь с **Патроном**! Если мне не будет известен истинный смысл нападения, я не смогу избрать верную тактику, чтобы помочь Мори!

Так, откровенно беседуя, я шел беззаботно с **Добровольным арбитром** по улице, ведущей к станции частной железной дороги, как давным-давно, когда мне первый раз в жизни было восемнадцать лет, брел, не зная куда, со своим школьным товарищем. **Добровольный арбитр** был мрачно-задумчив, словно его заботила новая проблема, и вдруг резко вскинул свою крупную голову и посмотрел назад. И не столько для того, чтобы узнать, не идут ли за нами сыщики, а чтобы отпугнуть их. Отпугнуть таким способом — разве могло это хоть как-то подействовать на нашу полицию? Я сначала даже растерялся, не поняв назначения преувеличенно серьезных действий **Добровольного арбитра**. Действий этого неудавшегося биолога, который был мо-

ложе, чем я до *превращения*, и намного старше, чем я после *превращения*. Человека, которого невозможно было сравнить с обычным биологом по масштабам его деятельности во имя спасения человечества. Это был человек, в котором сосуществовали способное на самые неожиданные поступки тело и погруженная в мысли душа… Фраза, которую наконец произнес **Добровольный арбитр,** показала, что, пока мы шли, он все время обдумывал взаимоотношения между мной, Мори и **Патроном**.

— Если вы спросите Мори, что побудило его совершить нападение на **Могущественного господина А.,** то узнаете, что он совершил покушение не только в отместку за то, что **Патрон** хотел умертвить его при рождении. Я могу лишь предполагать, но, по-моему, это предупреждение о том, что последует дальше. Вы должны пойти к **Могущественному господину А.** лишь после того, как Мори раскроет вам суть дальнейших действий, тогда это будет иметь совсем другой смысл. Мешать Мори, препятствовать ему ни в коем случае не следует, да фактически это и невозможно.

— Вы совершенно правы, — сказал я и услыхал в своем голосе интонации мальчишки, не

воспользовавшегося неожиданно быстрым и точным ударом партнера по мячу!

Мы подошли к железнодорожной станции и зашагали, теснимые толпой нерадивых студентов, опаздывавших на занятия. Мы опасались, что в таком месте сыщики вот-вот положат нам руку на плечо. Я открыл было рот, чтобы спросить: *Куда же нам теперь идти, если мы не можем немедленно встретиться с Мори?* Но **Добровольный арбитр,** словно закончив обсуждение плана дальнейших действий, сказал шепотом, чтобы окружающие не подслушали:

— Поскольку обе враждующие революционные группы материально зависят от **Могущественного господина А.,** давайте выясним, что думает о нем рядовой член, любой из них. Ребята, находящиеся сейчас в фехтовальном зале «Реабилитация», принадлежали прежде и к той, и к другой группе, но их подозревали в намерении дезертировать и поэтому не посвящали в подробности. Вы не знаете подходящего человека?

— Может быть, Ооно Сакурао? Я с ней знаком по движению против строительства атомных электростанций… Если она что-либо знает — думаю, расскажет.

— Ооно Сакурао! Прекрасно! — с горячностью,

какой я от него и не ожидал, согласился **Добровольный арбитр**. — Она человек железный!

— Железный?.. Что-то я этого не заметил, да и нельзя сказать, что она оказывает влияние на революционную группу, стоящую во главе движения.

— Нет, она человек железный, давний участник движения! — сказал **Добровольный арбитр,** подбирая наиболее сильные выражения. В голосе его звучало восхищение. — Она была единственным членом группы среди учащихся известной женской гимназии. Решив, что она любовница руководителя, враждующая группировка схватила ее. Устроили ей допрос. Требовали, чтобы она открыла тайник, где скрывается руководитель. В то время даже желторотые члены революционной группы соблюдали нормы этики — ее не изнасиловали, хи-хи-хи. Просто поиздевались. Во всяком случае, это было время, когда существовала этика, заставлявшая блюсти чистоту. Ее увезли лечиться в Европу, но, как только она вернулась, сразу же приступила к организации гражданского движения — сильный у нее характер… В любой группировке можно найти людей, которые относятся к ней с большим уважением. — **Добровольный арбитр** весь дрожал,

глубоко задумавшись, словно забыв о своих странных умозаключениях.

Мною тоже почему-то овладело мрачное настроение, а когда я позвонил будущей киносценаристке, она, точно была где-то рядом и слышала наш разговор, ответила мне грустным голосом. Она как раз отправляла на отдых в горы — там дача ее богатых родителей — *тех ребят,* которых до сегодняшнего утра держали под арестом, и организаторов движения за их спасение. Я объяснил ей, что не один, а с **Добровольным арбитром** и что за нами увязались два сыщика, и она согласилась выйти к нам. Местом встречи Ооно назвала корейский ресторанчик в Синдзюку. Соглашаясь на предложенное ею место встречи, я исходил из того, что, мне хоть и придется все это время смотреть ей прямо в лицо, лицо ее будет скрывать чад жарящегося мяса. Жалкая попытка восемнадцатилетнего избежать новых унижений. Вряд ли она, ветеран гражданского движения, не предусмотрела всех практических деталей. Кроме того, она хотела побыстрее накормить **Справедливца** — так сказала Ооно. **Справедливцем** она называла руководителя движения против строительства атомной электростанции на Сикоку. Я удивился, но она объяснила мне, что, прочтя

сообщение в сегодняшних газетах, поняла: будет полезно приютить у себя **Справедливца,** такого праведного человека, и даже привести его на встречу с нами. Мы с **Добровольным арбитром,** не читавшие сегодняшних утренних выпусков, вдруг болезненно ощутили свою неинформированность и, перед тем как сесть в электричку, накупили оставшихся в киоске газет.

Просмотрев их, мы убедились, что там нет ни одной статьи, в которой сообщалось бы что-то новое о покушении на **Патрона** по сравнению с новостями, которые передавали вчера вечером по телевидению. Видимо, особо контролировались сообщения о характере ранения **Патрона** и его теперешнем самочувствии. От репортеров держали в тайне даже то, о чем сказал мне по телефону секретарь. Однако в одной статье в экономической газете я обнаружил сообщение, что именно **Патрон** является закулисным руководителем концерна, контролирующего треть атомных электростанций в Японии и обладающего монопольным правом на строительство атомных электростанций в Южной Корее. Я почувствовал себя обманутым, и это было очень неприятно. *Зачем же тогда я так старался? Ведь если* **Патрон** *в самом деле крепко держит*

в своих руках атомные электростанции в Японии и за ее пределами, то моя роль сводилась к тому, чтобы быть мальчиком на побегушках, помогающим ему удерживать власть в своих руках. Когда **Патрон** *начал переговоры, имеющие целью убедить Канаду при посредничестве японского концерна продать Южной Корее атомный реактор, я отбирал критические статьи, появившиеся в европейской прессе. Причем собирал эту нужную* **Патрону** *информацию за смехотворно малую плату… Получая свое мизерное вознаграждение, преисполненный благодарности, я полагал, что* **Патрон** *совершенно бескорыстно, лишь из добрых побуждений ежемесячно платит мне деньги, и безропотно снабжал его информацией. Но оказалось, что я был не более чем дешевой рабочей силой и за нищенское вознаграждение выполнял действительно чрезвычайно важную работу.*

Чем больше размышлял, тем острее чувствовал, что все это задевает и мои интересы, наносит ущерб мне, и в голове вертелась отчаянная мысль, что вот-вот во мне вспыхнет злость и эта злость, которую невозможно сдержать, может оказаться сродни той, которую испытал мой товарищ, повесившийся в Париже. Отчаянная и

в то же время всепожирающая ненависть — она вспыхнула лишь на мгновение, но жизнь товарища была кончена.

— Ооно знает об интересе **Могущественного господина А.** к строительству атомных электростанций — это и приносит ему огромные выгоды, потому-то она и решила привести на встречу с вами руководителя движения против строительства атомной электростанции на Сикоку. — **Добровольного арбитра** решение Ооно привело в восхищение.

— Руководитель движения против строительства атомной электростанции на Сикоку приехал на тот самый митинг, где вы выступали у входа в зал. Потом он вместе с Ооно занимался спасением арестованных ребят… Но все же этого недостаточно, чтобы судить о ее жизненной позиции.

— Покушение на **Могущественного господина А.** для нас явилось полной неожиданностью, хотя все знали, что он имеет самое непосредственное отношение к секретам атомных электростанций. В этой ситуации нам ничего другого не остается, как принять случившееся словно должное, правильно? А Ооно стремится, приведя сюда руководителя движения против строительства атомной электростанции, вовлечь нас в актив-

ную деятельность, понятно? Ооно видит смысл жизни в том, чтобы своими действиями повседневно создавать нестабильную обстановку. Ее жизненная позиция определяется сложившейся ситуацией. Это все не так просто!

— Вы столько сил отдаете вашей деятельности **Добровольного арбитра,** а сколько забот, связанных с фехтовальным залом «Реабилитация»!.. Теперь же вы укрываете человека, совершившего покушение на **Патрона**. Значит, и ваша жизненная позиция определяется сложившейся ситуацией… Выходит, в этом смысле ваши жизненные принципы совпадают с жизненными принципами Ооно.

Серое лицо **Добровольного арбитра** неожиданно порозовело. Мысленно он уже вырабатывал свое отношение к Ооно Сакурао, с которой мечтал встретиться.

И вот в топорщившемся, точно доспехи, желтом, как гиацинт, пальто, вздернув плечи и пиная длинные полы, вошла Ооно Сакурао. А на руководителе движения против строительства атомной электростанции были светло-коричневые хлопчатобумажные брюки и куртка со стоячим воротником. Кто бы мог сказать, что это тот самый человек, который сражался вынутыми

изо рта вставными челюстями, ха-ха.

— Собирались обсуждать план неотложных действий, а теперь преспокойно попиваете пиво? — сердитым окриком приветствовала нас будущая киносценаристка. — Вы с таким удовольствием хрустите маринованной редькой, будто единственная ваша цель — пить пиво!

Но мы были вынуждены, дожидаясь их, пить пиво — несмотря на то, что я после *превращения* стал быстро пьянеть, да и **Добровольный арбитр** плохо переносил алкоголь. Не закажи мы хотя бы пива, не удалось бы сидеть здесь и читать газеты, которые мы принесли с собой. Мужчина, наружностью напоминающий лесного клопа, стоял у перегородки, отделяющей кухню от зала, раздраженно обозревая помещение, где сейчас, кроме нас, никого не было.

— И отец Мори здесь? Вы уже превратились в молодого, почему же такой вид жалкий? Не мешало бы хоть побриться.

— Я могу одолжить вам бритву, — подал голос **Добровольный арбитр**.

— Хм, у вас что, привычка такая — таскать с собой бритвенные принадлежности?

— Когда ко мне в фехтовальный зал «Реабилитация» пришел Мори и я отправился на встречу

с вами, то понимал, что дома буду не скоро, вот и прихватил с собой бритву, — сказал **Добровольный арбитр,** явно адресуясь к Ооно, а **Справедливец** потрогал свой гладко выбритый подбородок. В общем, присутствие телезвезды Ооно подействовало на всех нас.

Я побрился на ощупь в уборной, в крохотном закутке между умывальником и писсуаром. Направо от входа было зеркало, к которому был прикреплен ароматизатор воздуха, но мне было противно смотреть на свое жалкое лицо.

Когда, побрившись, я вернулся к столику, трое, усевшись плотным кружком, что-то горячо обсуждали. Над газовой жаровней, вделанной в стол, поднимались огонь и чад от горящего жира. Официант, пребывавший до этого в состоянии крайнего раздражения, стряхнул оцепенение и услужливо подал бутылки пива, выражая готовность угодить известной телевизионной звезде.

4

Руководитель движения против строительства атомных электростанций на Сикоку, чье лицо с чересчур крупными чертами выражало спокойное воодушевление, говорил с какими-то извиняющимися интонациями на характерном

для Сикоку искаженном кансайском диалекте[61].

— …Это, я думаю, означает, что к императорской семье тянется множество нитей — вот что я думаю! А что до этих могущественных людей или закулисных деятелей, то их и здесь, в столице, и у нас, в провинции, не перечесть. И все они чем-то заняты. Нам, людям здравомыслящим, понять, что они делают, ох как трудно! А вот то, что они действуют своекорыстно, — это нам ясно. Подобное своекорыстие недопустимо. С этим надо бороться. И нет ничего важнее этого! На вершине огромной горы непомерно разросшегося своекорыстия вырисовываются неясные миражи. Посмотришь на них какое-то время — и увидишь, как они колышутся, извиваются, протягивая нити к императорской семье! Между ними и императорской семьей нерасторжимая связь — это уж точно. Критиковать бессмысленно! Будет такая критика, не будет ее — все равно протягиваются нити к императорской семье, это факт, и от него никуда не денешься. Если ты выступаешь против могущественных людей, закулисных деятелей или чудовищ и их колдовство тебя не обмануло,

---

[61] Примечания: 61
Кансайский диалект — диалект Западной Японии.

то всегда видно, как над их головами тянутся нити, множество нитей! Как протягиваются нити к императорской семье!

Говоря это, **Справедливец** устремил свой взор в пространство, будто в густом чаду от жарящегося мяса он увидел, как тянутся эти нити.

— …Взять хотя бы **Могущественного господина А.,** тайного властелина атомных электростанций. Стоит присмотреться внимательнее к этому деятелю — чем он занимается, никому не ведомо, — сразу же увидишь эти нити! Преследовать тех, кто стремится к получению монопольных прибылей, невероятно трудно, тотчас возникнут бесчисленные препятствия, даже если удается привлечь на свою сторону члена парламента от оппозиционной партии. Зная, что закулисный деятель, о котором мы говорили, связан со строительством атомных электростанций, понимаешь, что наше движение может быть разгромлено и начнется строительство на Сикоку самой крупной атомной электростанции; это вполне вероятно, если вспомнить о связях этого деятеля с императорской семьей. Когда построенная электростанция начнет функционировать, заражая окружающую среду отработанной водой, для осмотра ее прибудет императорская семья!

Что произойдет в тот день и в тот час? Тогда все японцы, обратившись к югу Сикоку, где она будет построена, преклонят колени! Это выльется в грандиозную демонстрацию силы духа императорской семьи, помноженной на силу атомной электростанции, — сто с лишним миллионов коленопреклоненных перед телевизорами!

— Как же можете вы, практик, рассуждать столь пессимистически? — вставил слово **Добровольный арбитр**, явно пытаясь прощупать позицию Ооно.

— Вы считаете **Справедливца** пессимистом? Но ведь он прекрасно понимает масштабы трудностей и, не предаваясь сверхнадежде и сверхотчаянию, ведет борьбу… Разве это не равносильно тому, что делаете вы как арбитр, сознавая существование расхождений между группировками?

Лишь один я выпадал из их тесного кружка и, раздражаясь оттого, что на покрытой жиром решетке газовой жаровни подгорают, сворачиваясь, кусочки мяса, печенки, сердца, не отрывал от них глаз, что так не отвечало важности происходившей рядом со мной дискуссии.

— Еда — дело второстепенное, во всяком случае сейчас! — досадливо поморщившись, сказала будущая киносценаристка и величественно

и щедро, в свойственной ей манере, ухватила палочками кусков шесть дымящегося мяса и положила их **Справедливцу**.

Вслед за ней и остальные протянули палочки, я тоже взял кусочек жареного мяса и печенки, а Ооно, подцепив с тарелки сырое мясо, приготовленное для жарки, бросила его на решетку. Если жарить столько мяса в один прием, оно обязательно подгорит. Мясо должно быть слегка подрумянено, и, съев его, нужно положить на решетку новую порцию — ровно столько, сколько съедено, тогда получится вкусное мясо. А она совершенно не соблюдает законов корейской кухни, хотя раз десять ходила со мной сюда. Укоризненно думая об этом, я жевал сухое, как подметка, мясо и жесткую печенку и при этом старался не смотреть на решетку, над которой снова начал подниматься чад. Но тут Ооно надменно приказала:

— Будьте любезны, нельзя ли включить вентилятор на полную мощность? А то от чада просто дышать невозможно!

Официант покорно выполнил ее приказ.

Справедливец ел жареное мясо, не только не соблюдая порядок, принятый в корейском ресторане, но и вообще забыв о хороших манерах, и

тем не менее мне было приятно на него смотреть. Перед нами стояли маленькие тарелочки с тарэ, густым соевым соусом к жареному мясу, и с карамисо — пастой из соленых соевых бобов к свиным ножкам, и этот пожилой маленький человечек, подхватив палочками сразу несколько кусков мяса и обмакнув их в тарэ и карамисо, отправлял все это в рот. Потом старательно жевал, глядя прямо на говорившего, жевал своими искусственными зубами, пока не прожевывал как следует. Остальные, видя, как он злоупотребляет острой приправой, хотели было остановить его, но он ел с таким достоинством, что они не решились ничего сказать. При этом у него был такой вид, будто еда для него — дело второстепенное…

— Вы назвали меня пессимистом? — говорил **Справедливец** с набитым ртом. — Но проанализируйте положение с ядерным оружием, положение со строительством атомных электростанций во всем мире. Я думаю, в такой ситуации самое верное — быть пессимистом! Хотя люди, как правило, оптимисты. Вон официант, который регулировал вентилятор. Посмотрите, какой у него торжествующий вид. Через двадцать-тридцать лет он умрет, а сейчас стоит с заносчивым видом, даже не представляя себе, сколь он зауря-

ден. Так кого же обеспокоит собственная смерть, невозможность иметь детей и внуков из-за радиоактивного заражения, вызванного ядерной бомбой и атомными электростанциями? Портит ли это аппетит даже нам, людям, которых особенно беспокоят эти проблемы? Нет, мы продолжаем есть с неукротимой жадностью!

Он прав. Лишь одна Ооно, слушая **Справедливца,** задумалась над его словами и рассеянно обкусывала передними зубами свиную ножку, где и мяса-то почти не было. А для остальных она положила на решетку целую гору мяса. Но тут разговор вдруг переключился на меня. По всему было видно, что говоривший без умолку **Справедливец** знает от Ооно подробности моего *превращения*.

— Однако такой человек, как отец Мори, наверно, не может не учитывать то положение, в котором он сам оказался, да и проблему в целом? Может быть, ваш взгляд на мир отличается от моего. Во всяком случае, вы не отдаете себе отчета в существовании нитей, которые тянутся к императорской семье! Эти нити нужны тем, кто исповедует идею гармонии традиционной японской культуры. Вы, естественно, стоите на противоположных позициях. Императорская

семья вам ни к чему!

— Действительно, *превратившиеся* Мори и отец Мори отвергают так называемый естественный порядок, господствующий в нашей стране, — подтвердил **Добровольный арбитр**. — Правда, я еще не могу понять смысла слов **Справедливца** об отношениях между императорской семьей и отцом Мори.

— Представьте себе, что в существующей вечно императорской семье произойдет *превращение*! Отец Мори и императорская семья — вы представляете разницу в масштабах, в самом смысле, который заложен в вашем существовании и существовании императорской семьи?

— То есть, если говорить о борьбе, мы с Мори должны навязать императорской семье происшедшее с нами *превращение*, это вы хотите сказать, папаша? Ха-ха. И, чтобы заразить их *превращением*, отправиться в Оутияма?[62]

— Я не хотел дразнить вас, отец Мори. Я думаю, одной горячей воды, сбрасываемой атомными электростанциями, достаточно для того, чтобы нарушить естественный порядок. Ведь эта горячая вода будет сбрасываться в астрономических

---

[62] Примечания: 62
Оутияма — императорский дворец.

количествах, верно? И если естественный порядок будет таким образом нарушен, это неизбежно приведет к *превращениям*. Я действительно так считаю… Однако те, кто форсирует строительство атомных электростанций, утверждают, что вечно существующий естественный порядок не будет нарушен. В довершение — осмотр этих электростанций императорской семьей, и атомная электростанция будет воспринята всеми как чудо. Так будут думать сто с лишним миллионов японцев, прильнувших к телевизорам. Вот для чего существуют нити, ведущие к императорской семье!

— Значит, папаша, вы призываете двух *превратившихся*, меня и Мори, устроить демонстрацию против торжественного открытия атомной электростанции? Ха-ха.

— Эти ваши «папаша», да и вся ваша манера говорить объясняются не чем иным, как желанием доказать, что *превращению* подверглись не только ваше тело, но и ваш дух. К чему это представление?.. Мы же собираемся действовать сообща, не так ли? Никаким «папашей» называть его не нужно — **Справедливца** так и следует называть **Справедливец**. Все должно быть функционально.

— Стоит мне выпить пива, и я сразу становлюсь ужасно болтливым. А в сущности, я могу сказать одно: я — это я и я сижу здесь. Вот это я и хочу сказать, а все ненужные разговоры прекращаю, потому что они ни к чему. В самом деле ни к чему. Я не хочу снова услышать от своих товарищей по борьбе, когда вернусь к себе на Сикоку: пустая болтовня!.. — сказал **Справедливец**.

— Нет, надо получше узнать друг друга — это непременное условие для ведения совместных действий, — сказал **Добровольный арбитр**; слова его были совершенно не к месту — он лишь хотел подыграть Ооно, но она его игнорировала.

Я понял, что она собирается посвятить нас в свой план. Таков жизненный принцип активистов гражданского движения — если вступить с ними в разговор, то они до тех пор не прекратят его, пока не договорятся с тобой о каких-то конкретных действиях (даже если они сводятся к пусканию мыльных пузырей, ха-ха). План действий, который собиралась предложить мне и **Добровольному арбитру** Ооно Сакурао, пришедшая к нам вместе со **Справедливцем,** в конечном итоге сводился к следующему. Она решила потребовать от руководства разъяснений по поводу финансирования вышестоящей революционной

организации **Могущественным господином А.,** что, кстати, давно уже было для всех секретом полишинеля. Она, как глава своей группы, имеет право потребовать таких разъяснений. Вот почему она все время настаивала на том, чтобы ее связали с руководством, хотя и безрезультатно!

Теперь ей и ее союзникам не остается ничего другого, как самим направиться прямо в штаб революционной группы (хоть и не на броневике, а на «фольксвагене» — его одолжил приятель, поклонник будущей киносценаристки) и спросить у руководства, что оно думает насчет **Могущественного господина А. Справедливец** как представитель того района, где идет борьба против строительства атомной электростанции, пойдет вместе с ней. Кроме того, в этом деле будем участвовать и мы с **Добровольным арбитром,** а, следовательно, за нами увяжутся и два сыщика, приставленные к нам властями.

Это, видимо, послужит немаловажной гарантией ус– пеха всей операции и нашей безопасности — поскольку за нами будут наблюдать сыщики, руководители революционной группы не смогут схватить нас и подвергнуть допросу.

Эмоциональность этой женщины, одно время работавшей у Луиса Бунюэля, приводила порой к

совершенно невероятным с точки зрения логики, даже сюрреалистическим поступкам — она вдруг заявила, что было бы нечестным не спросить также и у контрреволюционной бандитской группировки, что там думают относительно проблемы **Могущественного господина А.** Человек, покушавшийся на **Могущественного господина А.,** то есть совершивший то, что логично было бы ожидать от этой группировки, скрывается в фехтовальном зале «Реабилитация», принадлежащем **Добровольному арбитру**. Поэтому, если **Добровольный арбитр** и отец покушавшегося (хотя *превратившись*, отец стал моложе сына, ха-ха) будут в числе тех, кто требует встречи с руководством этой организации, оно не посмеет игнорировать их требования, утверждала Ооно. Далее, если их беседа примет нежелательный оборот, Ооно призовет на помощь сыщиков, заявив, что подвергается насилию со стороны контрреволюционной бандитской группировки, и те придут на защиту ее естественных гражданских прав. Не допустить такого оборота событий — в интересах любой организации.

— Прежде всего необходимо, по-моему, водрузить на автомобиле флаг или хотя бы лозунг, наглядно отражающий характер наших действий,

но, к сожалению, у нас нет времени подготовить их… — сказала Ооно, и тут **Добровольный арбитр,** сидевший до того с безучастным видом, вдруг воодушевился, ха-ха.

Из рюкзака, где лежали те самые бритвенные принадлежности, он вытащил белое полотнище. Разложив его на газете, расстеленной на столе, он написал на нем: «ВСТРЕЧА ПО УСТРАНЕНИЮ ПРЕПЯТСТВИЙ К ПРИМИРЕНИЮ» и пошел прикреплять лозунг к машине. Увидев это, официант принес известной телевизионной звезде Ооно цветную бумагу. Фломастером **Добровольного арбитра** она каллиграфически вывела черные иероглифы: «ДОЛОЙ ЛЮБОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЯДЕРНОГО МОГУЩЕСТВА, ЗАПРЕТИТЬ АТОМНЫЕ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ». Ха-ха, похоже, жизненные принципы этой женщины действительно отличаются последовательностью. Счет она протянула мне.

— Поскольку вы получали помощь от **Могущественного господина А.,** то будет вполне естественно, если вы уплатите этими грязными деньгами.

Заплатив по счету и догоняя Ооно, которая отправилась на бой, решительно пиная полы своего длинного пальто, я, в свойственной во-

семнадцатилетнему юнцу манере, принялся, иронизировать над **Справедливцем**:

— Ну, папаша, вы даете! Нет, одеты вы неподходяще. Наверно, это Сакурао приискала вам одежонку на молодежной распродаже?

— Я купил эту одежду, когда меня послали за границу из Осаки по программе обмена профессорами, и у меня нет оснований стыдиться того времени, когда я вместе с коллегами рассчитывал траектории ракет…

Я, желторотый восемнадцатилетний, получил по заслугам от руководителя движения против строительства атомной электростанции, провинциального **Справедливца,** ха-ха.

5

Из садика, в глубине которого располагался корейский ресторан, мы вышли на угол широкой улицы, там стоял зеленый «фольксваген». К кузову машины было ловко прикреплено полотнище — и машина, и полотнище удивительно сочетались с воинственным видом Ооно Сакурао, стоявшей рядом наподобие Нио — Стража ворот[63]. **Добровольный арбитр** подвесил на

[63] Примечания: 63

Нио — Страж ворот — одно из божеств буддийского пантеона.

тесемках небольшой плакат, точную копию лозунга, ха-ха. Не для того ли он затеял всю эту жалкую демонстрацию, чтобы сесть рядом с Ооно, управляющей машиной? Пока **Добровольный арбитр** не удостоверился, что мы со **Справедливцем** устроились сзади, он стоял с отрешенным видом, но, едва машина тронулась, превратился в рьяного помощника водителя.

— У сыщиков было вполне достаточно времени, чтобы раздобыть автомобиль. Я решил сразу прикрепить полотнище, чтобы они поняли, что мы поедем на машине! Так что теперь продолжать слежку за нами они тоже будут из машины — это ведь наша полиция!

— Куда мы сначала? К моим знакомым? Правда, они сторонятся меня… Насколько мне удалось выяснить у моих ребят, помощь **Могущественного господина А.** предназначалась для того, чтобы революционная группа собственными силами изготовила атомную бомбу! Они говорят, что, когда работа достигнет заключительной стадии, он начнет переговоры о предоставлении суммы, не идущей ни в какое сравнение с пожертвованиями, сделанными до этого. То же самое, видимо, предусматривалось в отношении контрреволюционной бандитской организации. Так в чем же

заключались планы **Могущественного господина А.,** на что рассчитывали получившие эти деньги руководители обеих групп, и революционной, и контрреволюционной?.. Мой собственный опыт не позволяет мне поверить в такое сумасбродство, и поэтому я хочу по крайней мере выяснить, каковы их логические построения.

— Чтобы определить значение употребленного вами слова «сумасбродство», нужно уяснить, к чему вы его относите, к тому, что: а) революционная организация создает собственную атомную бомбу или б) расходы по ее изготовлению оплачивает **Могущественный господин А.**

— Что? Ваши неожиданные «а», «б» — для меня это слишком сложно. Я машину вести не могу… Да, конечно, «б».

— Подобных случаев можно привести сколько угодно! Для людей, которых называют могущественными, ничего невозможного не существует! **Патрон** дает деньги двум враждующим, готовым задушить друг друга группам, но ведь это же классический прием, хоть и совершенно идиотский!.. Слушая вас, я думал, что вы имеете в виду «а». Вы пригласили меня в Токио на митинг протеста против строительства атомных электростанций и отнеслись ко мне очень тепло. Но сумасброд-

ство вашей молодежи как раз и состоит в том, что, выступая против строительства атомных электростанций, она в то же время собирается изготовлять собственную атомную бомбу. Молодежь убеждена, что создание атомной бомбы — дело правое, и всячески стремится к этому, но вместе с тем она ведет борьбу против строительства атомных электростанций. Разве это не сумасбродство?!

— Ваше возмущение вполне естественно, **Справедливец**... Действительно, есть и такая молодежь, но ведь она идет за своими лидерами. Значит, все-таки возможно создание атомной бомбы силами небольшой группы. А, отец Мори?

— Я уже говорил, что небольшой группе по силам создание атомной бомбы, если не учитывать проблему доставки.

— Но неужели кто-то из молодежи и впрямь работает над созданием атомной бомбы? Какие тут могут быть оправдывающие обстоятельства? Это же просто аморально!

— Почему аморально? — спросил **Добровольный арбитр**. — Если действительность такова, что сверхдержавы монополизировали ядерное оружие, то и слаборазвитые страны имеют право завладеть ядерным оружием, создать неста-

бильную обстановку. Далее, раз уж государство монополизировало ядерное оружие, превратив свой собственный народ в заложника, то приходится удивляться, что группы или отдельные люди сопротивляются этому и даже создают собственное ядерное оружие?.. Будем говорить конкретно: представьте себе, что люди, принадлежащие ко второму или третьему поколению жертв атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, от имени своих погибших родных создадут ядерное оружие — найдется ли хоть кто-нибудь в нашем современном мире, кто осудит их?

— Вот вы о чем! Если такого рода релятивистская точка зрения бытует даже среди участников движения против строительства атомных электростанций, то тогда, может быть, все, о чем я недавно говорил, чистое безумие? Возмущаться можно сколько угодно, но атомная бомба-то создается?! Кто же из молодежи занимается этим, на каком подземном заводе?!

Добровольный арбитр молчал. Но спина молчащего человека лучше всего выдает его мысли. Я почувствовал, что **Добровольный арбитр** по роду своей деятельности имеет доступ к определенной информации. Но он считал, что, сообщив нам эту информацию, он потеряет свое лицо как

Добровольный арбитр.

— Что касается молодых ребят, создающих или, во всяком случае, пытающихся создать атомную бомбу, то о них, **Справедливец,** лучше всего спросить у отца Мори. Ведь он — жертва нападения юнцов, стремившихся побыстрее заполучить атомную бомбу.

— Жертва?

— Жертва — это, пожалуй, слишком сильно сказано… Кроме того, не установлено, к какой группе они принадлежали. Но факт остается фактом — люди в жестяных доспехах пытались украсть ядерное сырье, когда его везли с обогатительной фабрики.

— Так это вы — тот самый специалист, который оказал решительное сопротивление ядерному ограблению? В то время я находился в Соединенных Штатах, но об этом сообщалось и в Бостоне, в газете «Крисчен сайенс монитор». Я был потрясен. Ваш поступок послужил моральным основанием для развертывания движения против строительства атомной электростанции на Сикоку… Так это были вы?

— Да, это была душераздирающая история, — весьма холодно сказала будущая киносценаристка, что меня даже возмутило.

— Хотите поссориться?

— При чем тут ссора — просто любые действия могут критиковаться, разве не так? — вмешался в разговор **Добровольный арбитр,** чтобы защитить Ооно. — Молодежь революционной группы пыталась экспроприировать ядерное сырье у монопольно владеющих им властей. Логически — я об этом уже говорил — их действия вполне можно оправдать, верно? Представляете — исследователь-специалист, которого нельзя даже назвать сторожевым псом властей, пренебрегая опасностью облучения, с риском для жизни охраняет ядерное сырье. Разве это не означает, что весь персонал атомной электростанции, включая самых мелких служащих, входит в ядерную систему, предусматривающую монополию властей? Если, разумеется, посмотреть на происшедшее глазами молодых ребят, совершивших нападение. К тому же этот исследователь-специалист отнюдь не был представителем властей. Нападавшим и в голову не приходило, что при похищении ядерного сырья им будет оказано сопротивление. Нападение окончилось неудачей, а исследователь-специалист подвергся облучению. Да, неутешительный итог. Если посмотреть на случившееся глазами революционной группы…

— Вы тоже участвовали в ядерном ограблении? — спросил я у **Добровольного арбитра** уже не в шутку.

— Ну что вы?! — с ходу отверг мое предположение **Добровольный арбитр,** но именно эта поспешность и зародила во мне подозрение, что он-то и был одним из тех *жестяных людей,* а его землистая кожа — результат облучения.

— В Токио есть одно местечко, где укрылась группа, обладающая изрядной политической фантазией, достаточной логикой и настоящей любовью к человечеству. — Так начала Ооно Сакурао — кто знает, не было ли это темой некоего иллюзорного фильма, которому так и не суждено быть завершенным, ха-ха, — Если в один прекрасный день она объявит, что создала атомную бомбу, то мгновенно изменится вся наша страна. Во всяком случае, городские жители, которые спокойно ходят по улицам, поглощают пищу, даже не помышляя о смерти, испытают колоссальный страх — это уж несомненно. Может быть, тогда даже **Справедливец** перестанет быть пессимистом…

— Полнейшая чепуха! Выискивать позитивные моменты в создании атомной бомбы, какой бы смысл в это ни вкладывался, — это полная мо-

ральная деградация, и ничего более!

— Подобные обобщения наивны, вам это не кажется?.. Моя позиция во время встречи и беседы с руководителями группы будет такова: если революционная группа, руководствуясь четкими принципами, собственными силами создает атомную бомбу, у меня нет причин выступать против. Это одно. А другое — я буду выступать против субсидирования программы создания ядерного оружия **Могущественным господином А.** И хочу, чтобы они считались с моей позицией, как с данной мне свободой вероисповедания.

Краем глаза я заметил, что **Справедливец** сжал губы, напоминавшие листья хурмы, и широко раскрыл невидящие глаза, источавшие, однако, жгучую ненависть к окружающему миру. Я не мог не заговорить с ним:

— Папаша, вы утверждали, что от **Могущественного господина А.** протянулись нити к императорской семье. Но если некая группа в Токио, создав атомную бомбу, примется угрожать правительству и финансовым кругам, то разве не может она вплотную подобраться к императорской семье? Нельзя же предположить, что обе группы, субсидируемые **Патроном,** будут применять с таким трудом созданную ими атомную

бомбу в интересах императорской семьи? Я этого понять не могу, папаша!

Тут **Справедливец,** отбросив ненависть к реальности, посмотрел на меня своими большими, чистыми глазами, снова превратившись в несгибаемого борца, горящего желанием до конца выполнить свою миссию.

— От таких людей, как **Могущественный господин А.,** всегда тянутся нити к императорской семье! Это необычайно важная деталь! Держа в руках эти нити, **Могущественный господин А.** старается внушить молодым революционерам идею самостоятельного создания атомной бомбы! Причем одновременно каждой из враждующих, сражающихся между собой групп! *Добрая душа, добрая душа!* Единственное, что необходимо **Могущественному господину А.,** — это заполучить в свои руки сверхмощную энергию, каковой и является атомная бомба, и делать с ней все, что он захочет, чтобы утвердить свою власть. Одна бомба — хорошо, две — еще лучше. Сверхнапряженность, которую создает существование этих бомб, повлияет на положение в стране. Поднимется невообразимый смерч, который вознесет императорскую семью в абсолютную высь! А молодые революционеры прямо из себя выходят,

чтобы опередить **Могущественного господина А.** Но это никуда не годится. Даже если обратиться к истории культуры…

– **Справедливец** такой опытный боец, почему же выводы его столь пессимистичны? — снова раскритиковал его **Добровольный арбитр,** но тот не стал с ним спорить.

– *Такие-то дела,* — подытожил **Справедливец,** вертя морщинистой шеей. — Сверхнапряженность — вот его цель. Но его противники не задумываясь поддержат любую сверхмощную энергию и сверхнапряженность, лишь бы они были направлены в противоположную сторону. И нужно искать таких людей!.. Может быть, ваше с Мори *превращение* и есть *необходимый для этого импульс?*

— Если это так, то Мори, совершив покушение на **Могущественного господина А.,** должен теперь быть предельно осторожен, — сказал **Добровольный арбитр**. — Я чувствую, что Мори — это человек, чьи действия управляются неким мощным источником излучения.

Тут мое молодое тело и молодой дух уловили тот самый крик: ЛИ… ЛИ… ЛИ…

Глава VIII
Всестороннее изучение Патрона (продолжение)

1

Когда наша машина на торговой улице Одзи попала в пробку и почти перестала двигаться, я от нечего делать придумал такую шутку: а что, если ребята из революционной группы, устроившие где-то здесь неподалеку свою базу, захотят провести под Токио, в горах Асукаяма, испытания сверхминиатюрной атомной бомбы? Но вслух ничего не произнес — атмосфера в машине становилась все более напряженной. А **Справедливец,** который, несомненно, дал бы отпор любой шутке, касающейся атомной бомбы, заснул. Лицо **Справедливца,** спавшего, склонив голову на грудь, было лицом утомленного, стоящего на пороге смерти пожилого человека. Ссохшаяся головка южноамериканского колдуна. Маленькая головка, маленькое личико, торчат только огромные уши и нос. Пока я не сообразил, что лицо его словно ссохлось из-за того, что он вынул изо рта вставную челюсть, смотреть на него мне было

неприятно, ха-ха.

Наш «фольксваген» въехал в узкую, запруженную машинами улочку и стал с трудом пробираться вперед, но тут нам сделали знак двое полицейских, и мы остановились на более широкой части улицы, у отделения страховой компании. Один из полицейских всунул морду в маленькое окошко «фольксвагена». На мгновение я сжался от страха, не имея возможности удостоверить свою личность так, чтобы это удовлетворило полицейского. Проснувшийся **Справедливец** тоже заволновался, но, вместо того чтобы сжаться, широко открыл глаза в кровавых прожилках и вставил в рот искусственную челюсть, отчего лицо его не перестало казаться ссохшимся. Он все еще пребывал в полусне — как-никак пожилой человек.

Но **Справедливцу** не пришлось выражать протест. Полицейский не успел и слова вымолвить, как Ооно протянула ему водительские права, а к ним еще и удостоверение телевизионной компании. И сделала это с особым выражением лица и поворотом тела, выставляя себя напоказ, как и подобает телезвезде.

— За нами следует полицейская машина, вот у них вы сможете все узнать, — начал перего-

воры **Добровольный арбитр**, намекая на то, что мы действуем под надзором полиции. — С представителем средств массовой информации мы направляемся в одну из групп студенческого движения, чтобы кое-что предложить, — только и всего. Ни с какой партийной группировкой мы не связаны. Разумеется, никакого оружия мы с собой не везем!

Наверно, из следовавшей за нами машины и в самом деле поступил сигнал. Над низкой крышей «фольксвагена» полицейские обменялись несколькими словами; тем двоим, что остановили нас, что-то приказали, и на колени Ооно полетели документы. В этой сцене проявился артистический дар Ооно, подумал я. Действительно, она проявила талант постановщицы, ха-ха, — наш «фольксваген» снова двинулся вперед.

— Охраняющая штаб *антиполиция,* должно быть, засекла нашу машину. Я думаю, она уже донесла о необычном обхождении с нами полицейских. Они, наверно, уже поняли, что мы не контрреволюционная банда, вооруженная гранатами, которая собирается напасть на них.

— Было бы хорошо, если бы молодые активисты, охраняющие штаб, не поверили своей газете,

будто враждебная им группировка блокируется с полицией. Ведь если они в это верят, то наше положение может стать просто угрожающим!

— Нет, их наблюдатели, увидев плакат, сразу поймут: это работа **Добровольного арбитра,** и не станут бросать бомбы в нашу машину, — сказал **Добровольный арбитр** со спокойной уверенностью.

— Значит, вы и раньше не раз появлялись здесь, прикрепив к машине плакат, чтобы произносить свои увещевательные речи?.. Смелый вы человек.

— Я уже давно этим занимаюсь — привык, — засмущался **Добровольный арбитр.**

Наша машина медленно двигалась вперед, провожаемая враждебными взглядами прохожих, толпившихся перед лавками галантерейщиков и рыбных торговцев, лотки которых занимали полтротуара, и, сделав на перекрестке — чрезвычайно опасном, только и жди аварии, — поворот, а затем, проехав еще метров пятьдесят, оказалась на незаасфальтированном участке, похожем на пустырь, где не было ни души. Ряд деревянных оштукатуренных домов, не разрушенных ни войной, ни послевоенными стихийными бедствиями, но все равно не пригодных для жилья,

и посередине — трехэтажное здание, похожее на клинику; по торцу его поднималась металлическая лестница, но все входы на этажах были заколочены. На крыше виднелась надстройка, похожая на голубятню, откуда за нами обеспокоенно наблюдали юнцы в касках; лица у них были замотаны полотенцами.

— Немного вперед и останавливайтесь. Надо полагать, вы и бомбы с собой прихватили? Проедете дом — сразу останавливайтесь, — приказали нам.

— Я сойду здесь одна, а машина пусть остановится в конце пустыря. Оттуда будут наблюдать за мной, и, если заметят что-нибудь подозрительное, тогда уж не взыщите, придется связаться с полицейскими, которые следят за нами! — отозвалась Ооно.

С трудом извлекши свое чересчур крупное тело из маленького «фольксвагена», будущая киносценаристка, пиная носками туфель полы пальто и щеголяя столь неуместными здесь темными очками и лиловой сумочкой, направилась к зданию, где находится штаб. **Добровольный арбитр** тронулся с места. Причем на довольно большой скорости, будто за ним гнались. **Справедливец** сразу прильнул к заднему окошку и стал наблю-

дать, а я, глядя прямо перед собой, старался не вспоминать рассказ о страданиях, которые причинила Ооно одна из группировок в те времена, когда она была еще ученицей колледжа.

Однако Ооно с тех пор прошла огонь и воду и научилась прекрасно сражаться, ха-ха. Через некоторое время она, вызвав из дома, похожего на потрепанный военный корабль, подлатанный желтовато-серыми досками, одного из руководителей революционной группы, уже направлялась с ним к машине. Когда **Справедливец,** даже засопев от радостного возбуждения, объявил об этом, я тоже обернулся и посмотрел назад — рядом с бодро вышагивающей Ооно семенил невысокий человек. Если бы не темные очки, его можно было бы принять за мелкого чиновника районной управы. Этот ничем не примечательный человек и шедшие сзади него на расстоянии пяти-шести шагов молодые парни в рабочей одежде, с касками на головах удивительно гармонировали друг с другом. С первого взгляда было ясно, что юнцы прячут под топорщившимися куртками железные трубы.

— Решили поговорить в закусочной, где питается эта группа. Условие такое: с нашей стороны — я и еще один человек. Нужно, чтобы пошли вы,

отец Мори. **Справедливец,** когда речь зайдет о ядерных делах, сделает разговор невозможным, а **Добровольному арбитру** я хочу поручить машину… Поезжайте и возвращайтесь через час.

— Что вы, что вы?! Через полчаса! — вскричал измененным голосом, хотя и удивительно дружелюбно, человек в темных очках. А я вдруг подумал, что мне и полчаса провести с обладателем такого голоса неприятно…

— Отец Мори, поторапливайтесь, — приказала Ооно, и нам с **Добровольным арбитром** и **Справедливцем** не оставалось ничего другого, как подчиниться.

Разговор между членом руководства и Ооно я записал в ее блокноте для режиссерских заметок и, ничего не изменив, передаю вам в виде вопросов и ответов. Поскольку член руководства является одним из лидеров революционной группы, обозначим его Ли — первыми буквами слова «лидер». Ли не снял свои темные очки и в закусочной, может быть, для того, чтобы скрыть до смешного беспокойно бегающие глаза? Вытягивая верхнюю губу, он говорил быстро и невнятно. Ему было около тридцати; говорят, он жил на средства жены-фармацевта. На нем был хороший галстук и даже золотые запонки. Неужели одеж-

да тоже одно из звеньев тактики саморекламы лидера революционной группы, необходимое для привлечения широких масс?

В закусочной, расположенной так, что вход в нее просматривался с похожей на голубятню наблюдательной вышки, не было ни одного посетителя, даже официантки куда-то исчезли. Ли и будущая киносценаристка взяли себе кофе, а молодые парни, расположившиеся по обеим сторонам двери, — молоко; они принялись не спеша запивать им сладкие булочки, которые достали из карманов топорщившихся курток. Я тоже решил взять молоко. Я ведь в таком возрасте, когда легко поддаются влиянию столь внушительно выглядящих людей, ха-ха.

О. *Поступили сведения, что революционная группа получила денежную помощь от* **Могущественного господина А.** *Об этом сообщалось даже в телевизионных новостях. Утверждают, что аналогичную денежную помощь от* **Могущественного господина А.** *получала и контрреволюционная бандитская организация. Я не вхожу непосредственно в революционную группу, но действую в ее системе. Участники движения, которое я возглавляю, — ученики колледжей, абитуриенты, студенты, простые*

горожане — все потрясены. Если бы революционная группа действительно не получала денежной помощи, она бы сразу же опровергла клевету, вы согласны? Я прошу сообщить мне официальную точку зрения руководства, которую я могла бы передать членам моей группы. Я уже несколько раз звонила по этому поводу руководству, но со мной не пожелали разговаривать. Я считаю подобные методы фашистскими.

Ли. *Называть нас фашистами — это уж чересчур. Что касается вас лично, то анализ нынешнего положения в вашем гражданском движении показывает, что вы всецело находитесь под влиянием именно нашей группы. Но содержание ваших личных выступлений по телевидению, как нам кажется, значительно расходится с нашим основным курсом. Хотя я сам телевизор вообще не смотрю. Не стоит ли вам при нашем содействии выступить разок с самокритикой?*

Итак, сообщения средств массовой информации по своей сути безответственны и бессмысленны — вот почему выступать с протестом мы не считаем нужным. Мы действительно иногда используем средства массовой информации, но лишь в тактических целях.

Поскольку же мы не собираемся высказывать

официальную точку зрения, касающуюся отношений с **Могущественным господином А.,** *то и разговор об этом может носить лишь гипотетический характер. Да, действительно,* **Могущественный господин А.** *всегда с готовностью поддерживает нашу деятельность. Что плохого в том, что мы используем эти деньги для революционной политической борьбы, основанной на научном анализе современного положения? Разумеется,* **Могущественный господин А.** *— подонок из правой международной террористической организации. Вообще-то говоря, он мелкая сошка (смех). Но деньги есть деньги. Каков бы ни был их источник, если они идут на поддержку политической деятельности революционной группы, которая основывается на революционных принципах и опирается на правильный анализ современной обстановки, значит, средства использованы правильно, и это как бы очищает их. Нападать на нас только потому, что наша прогнившая политическая система, основанная на власти капитала, осуждает предоставление нам средств* **Могущественным господином А.,** *— значит ставить все с ног на голову и с фактической, и с логической точки зрения.*

Даже если **Могущественный господин А.** *одновременно снабжает средствами контрреволюционную бандитскую группировку, нас это совершенно не интересует. Было бы* too much[64] требовать от **Могущественного господина А.,** *чтобы он не субсидировал ни одну партию или группу, помимо нашей. Действительно, разве* **Могущественный господин А.** *не главная фигура в этой прогнившей, основанной на власти капитала системе? Как я уже отмечал, он подонок из правой международной террористической организации. А можно ли ждать от такого человека революционной логики?*

О. *Я хотела бы знать, что думает руководство революционной группы о революционной логике.*

Ли. *Применять эту логику произвольно, по собственному желанию, нельзя. Но подобные разговоры, носящие гипотетический характер, представляют собой бесконечное повторение одного и того же, они нерациональны, поэтому оставим их и подведем итог: будь то* **Могущественный господин А.,** *будь то любой другой — если мы получаем от них средства, то используем их, основываясь на революционных*

---

[64] Примечания: 64
Too much — слишком *(англ.).*

принципах в полном соответствии с научным анализом современной обстановки.

О. *После того как в печать просочились слухи о том, что контрреволюционная бандитская группировка получает денежную помощь от* **Могущественного господина А.,** *ее члены или просто сторонники совершили, на него покушение. Что вы об этом думаете? Если бы действительно возникла необходимость расправиться с* **Могущественным господином А.,** *то революционная группа непременно должна была опередить их — вот почему средства массовой информации и стали утверждать, что именно вы запятнали себя получением материальной помощи от* **Могущественного господина А.**

Ли. *По-моему, я вам уже доказал, что нам не было никакого резона совершать покушение на* **Могущественного господина А.** *Какой смысл вопреки логике без конца задавать одни и те же вопросы? Подонок из контрреволюционной террористической организации нашей страны совершил покушение на подонка из правой международной террористической организации, причем убить его не удалось и покушавшемуся пришлось бежать, бросив оружие. Оставим этот печальный фарс на совести террористов. Стоит*

лишь подумать о мотивах покушения. Контрреволюционная бандитская группировка перестала получать денежную помощь от **Могущественного господина А.,** *разочаровавшегося в ней, и от отчаяния решилась на покушение. Наша революционная разведка подтвердила это. В печатном органе нашей группы мы поместили подробный комментарий.*

Во время беседы будущую киносценаристку переполняли стыд за этого деятеля из руководства и злость на себя, оттого что она не могла побороть этот раздражавший ее стыд, поэтому злость ее все росла. Ее тридцатилетний собеседник наслаждался собственным красноречием, что вполне характеризовало его умственные способности, не замечая при этом, как изменилось отношение к нему Ооно. А усердие, с которым я вел запись, только распаляло его красноречие. Смех! Но было видно, что его несколько стесняет присутствие двух молодых ребят, которые, аккуратно доев свои сладкие булочки, внимательно прислушивались, опустив головы, к рассуждениям одного из своих лидеров.

О. *Поскольку я участвую в движении за возвращение ядерной энергии в руки народа, то отнюдь*

не выступаю против того, чтобы революционная группа создала атомную бомбу. Но то, что деньги на производство бомбы поступают от **Могущественного господина А.,** *а в обмен на это его информируют о ходе производства бомбы, беспокоит меня. Не получится ли, что в последний момент революционная группа, обладающая атомной бомбой, будет использована* **Могущественным господином А.** *в своих целях?*

Ли. *Я не уполномочен высказываться о нашей стратегии и тактике в вопросе о ядерном оружии. Могу лишь сказать, что на любом этапе нашей деятельности нас не сможет использовать подонок из правой международной террористической организации. Кто из нас — мы или он — исходит из революционных принципов и действует в соответствии с научным анализом современной обстановки? Разве это сразу не ясно?*

О. *Я хочу задать еще один вопрос. Что произойдет, если контрреволюционная бандитская группировка завершит создание атомной бомбы раньше, чем революционная группа?*

Ли. *Мы не фашисты и никогда никому не угрожаем, но должен вам заметить, что ваши сомнения оскорбительны. Я хочу рассказать вам правдивую историю, хотя она и может*

показаться выдумкой. Контрреволюционная бандитская группировка обычно не вырабатывает стратегии и тактики. Поэтому довести начатое дело до конца она не в состоянии. Лет десять назад эта группировка сколотила и вооружила ружьями так называемый Корпус лососей — довольно странное, я бы даже сказал — смешное формирование. В то время она уже получала материальную помощь от **Могущественного господина А.** *Корпус лососей бродил по горам в районе Тохоку, именуя это Великим походом. Не дурацкая ли затея? Члены его начали погибать от случайных взрывов, дезертировать; тогда стали казнить тех, кто пытался бежать, а оставшиеся со временем постарели и уже непригодны как бойцы. Из-за большой влажности ружья тоже вышли из строя, и Корпус лососей распался, так ни разу и не завязав бой с властями. Такой бессмысленный окольный путь, избранный контрреволюционной группировкой, — не для нас. Мы, исходя из принципов, основывающихся на научном анализе обстановки, ни в коем случае не допустим промаха ни в стратегии, ни в тактике. Почему же мы уступим первенство?*

Соблюдая договоренность будущей киносценаристки с противной стороной, я ни разу не

вмешался в беседу, но, когда был упомянут *Корпус лососей*, так разозлился, что у меня даже в глазах потемнело (не различая букв, я все равно продолжал делать заметки, ха-ха).

– *Корпус лососей* долгое время не могли захватить ни полиция, ни силы самообороны, — сказал я. — Поэтому я не верю, что он распался. Члены его, конечно, постарели, но они регулярно тренируются, преисполненные надежды, что когда-нибудь они перейдут к активным действиям. Да и постарели они самое большее на десять лет.

— Наше соглашение нарушено, и я прекращаю беседу. **А ты, сопляк, чего разорался?** — угрожающе повернулся ко мне **лидер,** но его вытаращенные глаза за темными стеклами очков не испугали меня.

Двое молодых ребят в рабочей одежде тут же встали справа и слева от своего **лидера** и, запустив руку за борт пиджака, в упор уставились на меня горящими злобой, но в то же время совершенно ледяными глазами. Сердце у меня сжалось, и я уже собрался было последовать за Ооно, которая, широко шагая, удалялась из закусочной.

Но тут **лидер** в темных очках откинулся назад и, заложив ногу на ногу, сказал:

— Заплати-ка за всех! Гонорар за интервью

— три тысячи иен!

Я не понял, серьезно ли он говорит или издевается, но положил на стол сдачу, полученную в корейском ресторане. После этого вышел на улицу, где уже сгущались сумерки. Открывшийся моим глазам пейзаж показался мне странным. Я заметил, что на улице, вдоль которой выстроились жилые дома, мастерские и та самая *база,* на улице, где не видно ни одной собаки, хотя вся она была загажена, сверкало множество глаз. Даже мостовая приняла совсем иной вид, казалось, мышцы вот-вот вздыбят кожу огромного осьминога и по ней пробежит цветная волна. Это могло произойти в любую минуту. Меня охватило чувство, будто мое внутреннее *превращение* стремительно прогрессирует: страх, что прямо сейчас, на этой улице я превращусь в ребенка, был осязаемым — ведь, случись такое, это было бы моим концом. По мягкой, вздыбившейся мостовой, чуть наклонившись вперед, шла Ооно. И не широким шагом, с обычным для нее гордым видом, а понуро, точно девушка с разбитым сердцем. Я наблюдал за этой женщиной, физически и духовно вернувшейся к тем временам, когда ее, ученицу колледжа, подвергли унизительной пытке.

2

Добровольный арбитр доложил, что они со **Справедливцем** обнаружили следовавшую за нами нашу полицию, но будущая киносценаристка пропустила его слова мимо ушей. Она настолько была похожа на девушку с разбитым сердцем, что даже **Справедливец,** крайне интересовавшийся позицией руководства в отношении ядерных дел, сморщив свои толстые губы, лишь молча смотрел на профиль Ооно, ни о чем не расспрашивая ее. Наблюдая за выражением их лиц, я задавал себе вопрос, через какие же испытания должен был пройти этот начинающий стареть математик, чтобы проникнуться таким состраданием.

Однако Ооно потребовалась совсем недолгая передышка, и вскоре она пришла в себя. Первым делом она вывела машину на скоростную автостраду, чтобы перейти к следующему этапу намеченного ею плана, и только после этого заговорила о состоявшейся беседе. Через какое множество испытаний пришлось пройти и этой женщине, чтобы проникнуться духом беззаветного гражданского служения?

— …Неужели этот тип принадлежит к высшему руководству революционной группы? А может,

и нет? Я был лучшего мнения о студентах и лидерах, вышедших из студенческой среды. Мне приходилось встречаться с молодыми руководителями, людьми действительно достойными.

— Разумеется, он не принадлежит к высшему руководству. Хотя и входит в секретариат. Я его видела лишь однажды, когда он принимал участие в съезде профсоюза киноработников и выступал там от имени деятелей культуры. Насколько мне известно, настоящие руководители совсем не такие, как он. Они деятели с размахом, надежные, с острым умом. Они естественно влились в революционное движение и так же естественно ведут его — вот что их отличает, вот чем они замечательны. И эти молодые люди, сражаясь с контрреволюционными бандитскими группировками и властями, погибают, превращаются в калек.

Ооно замолчала, будто испытывая невыразимую горечь и печаль. У нее был такой вид, точно она, вспоминая недавнюю, столь безуспешную беседу, обдумывает новый план действий. «Фольксваген», казалось непосредственно связанный зубчатой передачей с движением ее мысли, то стремительно рвался вперед, то резко тормозил — внутри у нас все холодело. Следовав-

шей за нами машине тоже приходилось нелегко. Но все-таки ей удавалось не отставать от нас, что говорило о высоком водительском мастерстве нашей полиции, ха-ха.

Мы молчали, машина мчалась вперед, и вдруг **Добровольный арбитр** прыснул:

— Пс-с… — При этом даже шея у него побагровела.

Мы со **Справедливцем** удивленно уставились на него. Ооно с невозмутимым видом смотрела прямо перед собой. Вращая глазами, спрятанными за толстыми стеклами, на которых проступали расходящиеся, как в водовороте, круги, **Добровольный арбитр** пытался унять приступ смеха, и это, видимо, доставляло ему невыносимые страдания — опустив голову, он тыльной стороной ладони утирал слезы, бежавшие по обеим сторонам его крупного носа, и слюну.

— Устал, наверно! — заступился за него **Справедливец,** обращаясь к Ооно, сидевшей с ледяным выражением лица.

Когда мы, приближаясь к месту назначения, съехали со скоростной автострады, Ооно, что-то молча обдумывавшая, предложила изменить тактику.

— Я вынуждена была слушать софистику этого

бюрократишки, лишенную элементарной логики… Но все-таки я хочу еще кое-что разузнать — может быть, стоит поехать на одно из собраний руководства враждебной группы? Собрания, на которых будет сообщено о покушении на **Могущественного господина А.,** должны состояться и в университетах, где влияние этой группы велико, — даже афиши уже расклеены. Поехали туда. Если мы им скажем: покушение на **Могущественного господина А.,** от разговора с нами им не отвертеться.

— Я согласен, у нас появится шанс взять реванш за то безобразие на митинге, — с воодушевлением сказал **Добровольный арбитр**. Но поскольку и он тоже был практиком, то, разумеется, призвал удвоить внимание. — Я хочу напомнить, что надеяться на следующую за нами нашу полицию, когда мы проникнем на территорию университета, не приходится… Не исключено, что участники недавнего побоища, увидев Ооно-сан и **Справедливца,** обойдутся с нами как со шпионами.

— Они вполне могут нас избить — в отместку за то, что тогда получили. — Говоря это, **Справедливец** взглянул на меня и Ооно — может быть, он опасался, что его необычный способ ведения боевых действий не остался незамеченным, ха-ха.

— Я войду первым на территорию университета и ус– тановлю контакт с комитетом по проведению собрания. На митингах и собраниях, проводимых любой из групп, я всегда появляюсь в качестве **Добровольного арбитра,** поэтому меня они не выгонят. В худшем случае обойдутся со мной как в прошлый раз. А если ко мне выйдут те, кто знает, что Мори действительно находится в фехтовальном зале «Реабилитация», вы сможете беспрепятственно въехать на территорию университета и все будет в порядке.

— В таком случае, поехали в университет Отяно-мидзу.

— Нужно как можно быстрее въехать на территорию университета, чтобы преследователи не успели нас задержать. Если мы проникнем туда на машине, наша полиция последовать за нами не сможет. Но, если она догадается, что мы хотим оторваться от нее, она, возможно, перейдет к насильственным действиям.

На перекрестке Суругадай наша машина замигала сигналом поворота, собираясь направиться к станции Отя-но-мидзу, и в ту же секунду нас вдруг стала обгонять, откровенно игнорируя правила уличного движения, грязная малолитражка! Это на ней утром приезжали ко мне домой двое

полицейских, демонстрировавших две тактики — мягкость и твердость, — машину ловко вел **Умиротворитель**. На заднем сиденье устроилась моя жена, бывшая жена, которая смотрела на меня во все глаза!

Что я увидел? Лишь то, что моя жена, бывшая жена, с таким видом, будто сомневается, действительно ли это ее муж, что-то упорно втолковывает своим спутникам. Когда Ооно резко свернула в сторону, чтобы избежать столкновения с обгонявшей нас машиной, и нажала на тормоз, нас стукнуло сразу несколько машин.

— Не нужно поворачивать, едем прямо, может, удастся ускользнуть?! — закричал я, но на забитом машинами перекрестке под трель полицейского свистка изменить направление было уже невозможно.

— Тут повсюду моторизованная полиция, вон стоят три полицейские машины. Разве у них под носом нарушишь правила? — крикнула в ответ Ооно. Неужели она думает, что моторизованная полиция обратит внимание на нарушение правил уличного движения, если нашу машину занесло?

— Собрания, на которых предполагается сообщить о покушении на **Могущественного**

господина А., видимо, будут проводиться очень широко, — сказал **Добровольный арбитр,** а я тут же сообщил:

— В той машине ехала моя жена вместе с преследующими нас полицейскими.

Через некоторое время Ооно, слушавшая меня с рассеянным видом, вдруг усмотрела в моих словах особый смысл. По ее мнению, после тех угроз жены, бывшей жены, которые последовали несколько дней назад, события приняли неблагоприятный оборот.

— Что же она теперь собирается делать?

— Жена вне себя от нашего *превращения* и будет как безумная убеждать всех, что я есть я; тогда меня заберет полиция. А в присутствии жены говорить то, что я сказал полицейским у себя дома — будто я студент, ее родственник, — бессмысленно. Сейчас я действительно выгляжу восемнадцатилетним юнцом, но жена, мне кажется, все равно будет истошно вопить, мол, это я, и никто другой. Она решит, что я просто загримировался, и попытается содрать грим с моего лица!..

Не успел я договорить, как мы увидели слева от себя цепь полицейских, полукругом растянувшихся на некотором отдалении от универси-

тетских ворот. Прижавшись к самому тротуару, наша машина медленно двигалась вперед; полицейские были уже совсем близко.

— Даже если мы прорвем цепь у моста, нас все равно задержат. — Будущая киносценаристка отказалась от мысли проникнуть в университет на машине.

Тогда **Справедливец,** который сидел затаив дыхание, вдруг предложил:

— Остановим машину у самых ворот, и я выступлю с протестом перед студентами, распространяющими листовки! Они сорвали митинг против строительства атомных электростанций и мой протест сочтут противозаконным! Начнется свалка, и тут подоспеет моторизованная полиция. А вы воспользуетесь этим и проникнете в университет…

— Мы сделаем это вместе! Одному **Справедливцу** устроить потасовку не под силу.

— Нет-нет, я пойду один. У меня есть основания заявить протест в связи со срывом митинга. Что же получится, если такой человек, как вы, выступающий в качестве арбитра, ратующего за ненасильственные действия, без всяких оснований применит насилие? Как можете вы, **Добровольный арбитр,** всерьез предлагать та-

кое?!

Я безмолвно наблюдал за **Справедливцем** — он вынул изо рта вставную челюсть и спрятал в карман куртки; машина остановилась, и, пока **Добровольный арбитр** выходил из нее и опускал спинку сиденья, **Справедливец,** шамкая морщинистым ртом, смотрел на меня каким-то далеким взглядом, идущим, казалось, из глубины черепной коробки. Потом повернулся к Ооно и улыбнулся ей — не то наивно, не то смущенно. Затем **Справедливец** присел, нагнул голову и выскочил из машины. Я, не двигаясь, смотрел ему вслед, и **Добровольный арбитр** поторопил меня:

— Хотите, чтобы супруга схватила вас?

Я понял, что мешкать нельзя, и, весь напрягшись, тоже выскочил из машины. За воротами шириной метров в десять, в глубине двора, наискосок направо находилось здание. Двери были широко распахнуты. Там расположились юнцы в касках, нижняя часть лица у них была замотана полотенцем. Они разом обернулись в нашу сторону — видимо, **Справедливец** уже что-то крикнул и, продолжая кричать, остановился напротив них, а потом стал прыгать, размахивая руками. Первым побежал **Добровольный арбитр**. Я — за ним. Подбежав к воротам, мы ухватились за

столб и, развернувшись, понеслись к левой арке. Следившие за нами двое полицейских и жена, бывшая жена, привлеченные криками **Справедливца,** направились в его сторону и подошли вплотную к нему. А мы влетели на территорию университета. При этом у нас было такое чувство, будто, убегая и бросив на произвол судьбы **Справедливца,** мы совершаем непростительное предательство. Ведь он подпрыгивал потому, что разгадавшие его замысел студенты, которые охраняли вход в университет, тут же подлетели к нему и стали тыкать ему в бока железными трубами! Но я бежал изо всех сил, не отставая от **Добровольного арбитра**. Меня гнало вперед выражение глаз жены, бывшей жены, которые будто говорили, что во мне она видит нечто удивительное, отвратительное и вместе с тем комичное; жены, которая вместе с «твердым» и «мягким» полицейскими пыталась преградить мне путь. Весь ее облик был каким-то диковатым: на ней была черная кофта и яркая юбка; она недвусмысленно давала понять, что решила начать новую жизнь, ха-ха.

Я вбежал во внутренний двор и намеревался миновать безучастно, казалось, наблюдавших за мной студентов, но тут меня схватили, я упал и

завопил от боли. Мой вопль был воплем от удара, в котором материализовался взгляд моей жены, бывшей жены, ха-ха. **Добровольный арбитр** тоже получил жестокий удар и рухнул рядом со мной на выложенную камнем дорожку — его лицо, которое он, лежа, повернул ко мне, выражало лишь удивление — почему я кричу? Но я мог наблюдать за ним лишь мгновение — верзила, поваливший меня, начал бить меня ногами по голове, животу, даже в пах попытался пнуть. К нему присоединились его приятели, студенты в шлемах, с замотанными полотенцами лицами; они стали методично истязать меня, а я вопил изо всех сил, призывая на помощь жену, бывшую жену, — единственного человека, кто мог спасти меня, ха-ха.

3

Попав в плен, мы с **Добровольным арбитром** были препровождены в комнату, которую, законно или незаконно, занимал факультетский комитет самоуправления. Мои глаза, кажется, не пострадали, и, хотя в них все еще мелькали темные и светлые пятна, мне открылась удивительная картина: не только все четыре стены, но даже пол и потолок комнаты были исписаны

иероглифами. Прежде чем продолжать свой рассказ, я хочу по порядку изложить, что я испытал, когда меня брали в плен.

1. Я лежал, скрючившись на вымощенной каменной дорожке во внутреннем дворе, и меня пинали ногами, причем спортивные ботинки с твердыми носками целились мне в висок, под ложечку, в пах — то есть именно в такие места, куда старались не попасть в драках даже самые отъявленные хулиганы в пору моей первой молодости. Я вынужден был отчаянно защищаться, но все равно отчетливо помню, как жестоко они меня избивали. Когда я вновь вспоминаю об этом, мне кажется, что это было повторение кадров документального фильма о войне во Вьетнаме. Есть ученые, которые бесстрастно оценивали физическое насилие как средство передачи информации, но, даже если серьезно утверждать такую чепуху, все равно, естественно ли — пусть даже и в наш век массовой информации — появление таких модных видов насилия? Это были кадры о том, как солдаты войск южновьетнамского правительства пинали тяжелыми военными башмаками схваченных солдат Фронта освобождения и сидевшие на полу пленные, со связанными за спиной руками, скрестив ноги,

пытались коленями защитить живот и бока, но их колени старательно отводили в сторону и били ногами именно в эти места. Крупным планом показывались лица истязуемых, понимающих, что негодовать и ругаться бессмысленно, не имеющих сил молить о пощаде; единственное, что было написано на этих лицах, — отвращение к страданиям, которым их подвергают. Я думаю, что у меня было такое же выражение лица, когда, валяясь на вымощенной камнем дорожке, я пытался защититься от ударов. Если тот, кто совершает насилие, оказался жертвой моды нашего ве– ка — моды на жестокость, то, наверно, и тот, кто подвергается этому насилию, тоже жертва моды? Я подумал об этом, потому что, когда лежал лицом в пыли на вымощенной камнем дорожке, в мое поле зрения попал **Добровольный арбитр,** которого окружили несколько человек и пинали ногами, — у него было точно такое же выражение, хотя ему бы уже следовало более или менее привыкнуть к подобным передрягам.

2. Пока нас с **Добровольным арбитром** вели, после того как, повалив на вымощенную камнем дорожку, основательно избили, я постепенно успокоился, словно происходящее было всего лишь дурным сном — такое ощущение возникло

у меня при виде студентов, безучастно наблюдавших за нами. Они сновали у входа в здание, окружавшее внутренний двор, останавливались порой, чтобы перебросится несколькими словами, и не проявляли ни малейшего интереса к тому, что делали со мной и **Добровольным арбитром**. Все это зафиксировалось в моей зрительной памяти. Может быть, потому, что, когда я валялся на вымощенной камнем дорожке, активно владеть я мог только зрением и мое сознание следовало за ним. Все это вспоминается сейчас, как кадр из фильма Кокто. Или, возможно, из другого фильма, сценарий к которому написал Сартр? Во всяком случае, фильма того времени. Точно умершего везут на адском мотоцикле. И во всем этом не было даже намека на нравственность. Если уж говорить о нравственности, то эта раскрашенная во все цвета радуги нравственность студентов, безучастно наблюдавших за происходящим, должна восприниматься как нечто прекрасное. Потому что в сравнении с этим многоцветным миром мой мир и мир нападавших на меня монохромны. Мне стало страшно: ведь с точки зрения тех, кто обитает в этом многоцветном мире, мы — *люди-невидимки,* и, уверенные в том, что нас увидеть все равно невозможно, они сохраняли

спокойствие, даже когда буквально на их глазах зверствовали негодяи, пинавшие беззащитных людей ногами в пах.

Итак, нас с **Добровольным арбитром** привели в комнату, сплошь исписанную иероглифами. Хорошо еще, что мне, восемнадцатилетнему, не отбили внутренности, ха-ха. В комнате, где шпингалеты на окнах были закручены проволокой, стекла прикрыты досками и щели заделаны клейкой упаковочной лентой, в глубине, напротив двери, стояло два деревянных стула, на которые нас и усадили. Когда им удалось устроить такую почти что тюремную камеру? Если эта комната предназначена для повседневных допросов, то есть от чего прийти в уныние. Сопя распухшими носами, мы уселись рядом, а студенты, пришедшие поглазеть на пленных, расположились у нас за спиной. Неожиданно штук двадцать-тридцать железных труб, прислоненных к стене, упало на пол. Я услышал, как мы с **Добровольным арбитром** одновременно вскрикнули: «Ой!» Я услышал это собственными ушами, из которых сочилась кровь. В Италии эпохи Возрождения существовала *пытка, когда жертву мучили тем, что демонстрировали ей орудия экзекуции*. Неужели металлические трубы служили той же цели? Я

пытался сдержать возглас «ой!», но у меня не хватило на это душевных сил.

Фактически после того, как нас взяли в плен, с нами обращались не так грубо. Во всяком случае, к нам не применили излюбленной пытки, когда железными трубами наносят множество коротких ударов, отбивая внутренности, но не повреждая при этом кожу. Дело в том, что мы превратились из обычных пленных в весьма необычные личности. Это произошло благодаря словам **Добровольного арбитра,** который, сохраняя железное самообладание, произнес их в тот момент, когда его, повалив на землю, начали избивать ногами. Все-таки он молодец — его бьют ногами в живот, в пах, а может быть, и в висок, а он улучил момент и сообщил, что я родственник того, кто совершил покушение на **Могущественного господина А.,** а самого героя прячет он, **Добровольный арбитр**. Вот почему, хотя студенты, ждавшие, что произойдет дальше, и рассматривали нас с **Добровольным арбитром** как пленных, мы в то же время были для них и потенциальными гостями на торжественном собрании, посвященном полугибели **Могущественного господина А.**

Молча наблюдавшие за нами студенты бы-

ли похожи не на активистов революционной группы, а на обыкновенных детей, пассивно ожидающих развития событий. Когда перед тобой тридцать детишек, разве отличишь одного от другого? Если эти детишки не наши дети, ха-ха. Вот так было и теперь. Тем более что все они в одинаковых касках, а лица замотаны полотенцами, так что видны лишь глаза и нос, — как я мог узнать тех, кто бил меня ногами? Хотя все то время, пока меня швыряли и избивали, пока я увертывался от ударов, я все время думал о мести. Я испытывал жгучую ненависть — пусть то, что делал каждый из них, он делал как член организации, но насилие-то реализовывалось именно индивидом, и к этому индивиду я должен был вернуть насилие, но не представлял себе, когда и как мне удастся это сделать. К тупой боли, которая пронизывала все мое тело, теперь примешивалась и ненависть.

Сообщив то, что он хотел сообщить, **Добровольный арбитр** умолк, всем своим видом показывая, что от него не добьются ни слова до тех пор, пока сказанное им не будет передано руководству и оно даст ответ. Словом, как ни били его ногами, то, что он должен был сказать, он сказал, и все. Я взглянул на **Добровольного арбитра** новыми гла-

зами. Губы у меня были разбиты и опухли, и мне тоже не хотелось говорить. Молчали и наблюдавшие за нами студенты, но все они, начиная с тех, которые считали нас шпионами и стояли за продолжение самосуда, и кончая теми, которые хотели приветствовать нас как людей, имеющих отношение к храбрецу, — все ждали грандиозного шоу. Они молчали, по-детски разглядывая нас, но внутренне были удовлетворены.

Разумеется, я не могу сказать, что они вовсе не направляли нам своих посланий. Направляли непроизвольно, своей вонью, ха-ха. Страшной вонью, которая плыла поздним вечером в холодном предвесеннем воздухе огромного здания. Беспрерывно и горячо к чему-то стремясь, они постоянно спешат и даже не имеют времени помыть свое дурно пахнущее тело, восхищался я ими.

Член руководства, который вошел в комнату, растолкав своих товарищей, явно спасовал перед повисшей в воздухе вонью, что он и продемонстрировал с завидной прямотой. Это был толстоватый, среднего роста человек в скромном пиджаке, конечно, без шлема и без повязки на лице — точная копия того партийного бюрократишки. Расположившись передо мной и

Добровольным арбитром, он снял очки и стал протирать их, с задумчивым видом насупив брови. Потом медленно повернулся к **Добровольному арбитру** и сказал ему низким хриплым голосом:

— Я вас знаю. А вот молодой человек, кто он вам — ученик?.. Может, прямо у него и спросить?.. Что ты за человек? Ты кто? Кем ты приходишься нашему бойцу?

Юнцы, до сих пор молча стоявшие у нас за спиной (даже когда они пинали нас ногами, ни один из них не издал ни звука), завопили: **Ну?** — в их голосах был затаен замысловатый юмор. Воспользовавшись их дурацким, неуместным смехом, я определил линию поведения. Я решил убедить их, что являюсь отцом Мори, *превратившийся* Мори — мой единомышленник, а я, как человек, тоже переживший *превращение,* сотрудничаю с ним в начатом им деле. Я опасался, что если не смогу доказать даже этому бюрократишке, что наше *превращение* — факт, и попытаюсь спасти свою репутацию, назвавшись двоюродным братом Мори, то мы не сможем выполнить миссию, возложенную на нас, двоих *превратившихся*. Мне было невыгодно, чтобы *превратившегося* Мори они называли наш боец.

— Я считаю несправедливым, что вы называете его наш боец. Неужели вы не знаете даже имени того, кто совершил нападение на **Могущественного господина А.**? Его зовут Мори. Теперь я могу назвать и себя — отец Мори. Я полностью полагаюсь на него, и я действительно отец Мори.

— То, что он назвал себя отцом, понимайте в переносном смысле, — вмешался сидевший рядом со мной **Добровольный арбитр**; он говорил, неловко шлепая вспухшими губами. Ну что за человек — действительно прирожденный посредник.

— Никакого переносного смысла в моих словах не содержится, — нелюбезно обрезал я его. — На нынешнем этапе нашей с Мори жизни мы не можем позволить себе употреблять слова, имеющие переносный смысл. Мы находимся на этапе после *превращения*! Это новое слово *превращение* понимайте как слово, пророчащее будущее человечества, оно вскоре покроет весь земной шар! Если вы люди, способные думать о революции, то обратите внимание на это слово… Известно ли вам, что человеку, совершившему покушение на **Могущественного господина А.,** двадцать восемь лет?

— Что за чушь он несет, — растерялся допраши-

вавший меня бюрократишка и, позволив юнцам, стоявшим за моей спиной, снова прокричать издевательское **Ну!,** продолжал: — Сразу же после удачного покушения на **Могущественного господина А.** мы получили донесение об успехе операции.

— В таком случае вам, наверно, должно быть также известно, что ему двадцать восемь лет? Это Мори. А я, восемнадцатилетний, отец Мори! Конструктивная беседа между нами возможна только после того, как вы осознаете факт *превращения*!

— Конструктивная беседа — это ладно. Я спрашиваю о другом — кто ты?! Кто ты? Я могу спросить и иным способом, но, по-моему, тебя уже достаточно били ногами, а? Поступай ризонабли[65]. Кто ты?

Этот чертов бюрократишка не столько спрашивал меня, сколько подстрекал солдат у меня за спиной. Послушных солдат, насмешливо кричавших **Ну!** каждый раз, когда он замолкал.

— Я вам уже сказал — отец Мори. А тот, кто вместе со студенткой — кажется, она из вашей группы — совершил покушение на **Могуще-**

---

[65] Примечания: 65
Reasonably — благоразумно *(англ.)*.

ственного господина А., — мой сын Мори. Мне кажется, я с самого начала пытался поступать ризонабли.

— Я туповат и поэтому хочу уточнить основные цифры. Вам восемнадцать лет, а вашему сыну двадцать восемь? Следовательно, вы родились, когда ему было десять лет, каким же образом вам удалось родиться? Из грыжи, которую вырезали сыну?

В этой мысли я неожиданно уловил нечто позволяющее мне счастливо использовать его непонимание. Поняв, что допрашивающий меня толстоватый, среднего роста бюрократишка не так зауряден и туп, каким пытался казаться, я ждал, пока утихомирятся его солдаты, неистово вопившие **Ну!.**

— Раньше мне было тридцать восемь лет, и я был отцом восьмилетнего Мори. Если вы хотите уточнить основные цифры, исходите из этого. Потом произошло мое и Мори *превращение,* я помолодел на двадцать лет, а Мори на двадцать лет повзрослел. Простая арифметика.

— Революционеры выступают против любой дискриминации, потому и только что употребленное вами слово я не стану использовать

против вас. Вы сказали «эпилепсия»[66]? Это из-за нее у вас с головой не все в порядке? Мы, революционеры, не дискриминируем даже душевнобольных…

— Ты спутал эти слова вполне сознательно, так что твои действия и есть дискриминация. У меня тоже достаточно опыта по этой части. То, что я объясняю, — предельно просто. Если есть желание меня понять! Мори пошел выполнять задуманное дело вместе со студенткой из вашей группы. Но дело это совершалось лишь во имя осуществления миссии, возложенной на него *превращением*, а вовсе не для того, чтобы показать разницу между вашей группой и враждебной вам группировкой. Мори не ваш боец!.. Вы, кажется, уже пытались разобраться, что представляет собой **Могущественный господин А.**? Вы даже устраиваете собрание в честь человека, совершившего на него покушение, но даже это ничего не изменило — ваши представления о **Могущественном господине А.** остались весьма туманными, верно? Кем является для вас **Могущественный господин А.**? Почему на него нужно было совершать покушение? Если такая необ-

[66] Примечания: 66

По-японски «превращение» и «эпилепсия» звучат одинаково, но пишутся разными иероглифами.

ходимость существовала, почему вы *не сделали* этого до Мори?

Говоря это, я смотрел в глаза допрашивающего меня бюрократишки — не зря говорят, если хочешь силой духа удержать собаку от нападения, не отводи от нее взгляд, ха-ха. Вокруг его толстого носика появились красные пятна, темные очки как бы зеркально отражали мой взгляд, на лице разлилось холодное безразличие. Безразличие к тем мукам, которые я вскоре должен был испытать. А тут стоявшие у него за спиной юнцы, обессилевшие уже от смеха, теперь прониклись ко мне еще большей враждебностью, беззастенчиво источая ужасную вонь. В любую минуту они могли подскочить к своим металлическим трубам и устроить мне сотню внутренних кровоизлияний. И тут **Добровольный арбитр** ловко взялся за свое ремесло:

— Не провоцируйте отца Мори, перестаньте подстрекать молодых ребят. Отец Мори действительно родственник покушавшегося на **Могущественного господина А.** Если он вбил себе что-то в голову — пускай себе. Раз он с такой начинкой в голове полезен для движения… Отец Мори полезен. Предположим, вам удастся, обманув бдительность властей, доставить

в университет Мори; тогда заявление, которое он сделает на собрании, будет переводить отец Мори. Он единственный человек, который может это сделать!

— Боец Мори уже прибыл в университет, — как о чем-то ничего не значащем сказал допрашивающий меня бюрократишка. — Из-за раны на голове говорить ему действительно трудно, и во время выступления он нуждается в помощнике… Боец Мори, преодолев все трудности, выполнил свой долг, но он и в самом деле неразговорчив.

– **Согласны!** — завопил безумный хор, и доски, которыми были забиты окна, задребезжали! Юнцы, оравшие все это время грубыми, хриплыми голосами и утомившиеся, стояли теперь с растерянными лицами, они показались мне отвратительными подонками! Потом… безрассудство восемнадцатилетнего… Не сдерживая яростного возмущения бюрократишкой, который пытался, используя Мори, привлечь на свою сторону молодежь, я очертя голову бросился на него с кулаками! И при этом кричал, пронзительным голосом:

– **Верните моего Мори!** *Не смейте называть Мори* наш боец! **Верните Мори!**

Но успел ли я все это прокричать? Голова, в

которую целились мои кулаки, неожиданно нырнула вниз, вместо нее возникли две совершенно одинаковые заводные куклы, которые отбросили меня назад! Я стукнулся затылком о доски, которыми были забиты окна, и упал на пол, подтвердив этим эффективность удара. Сознание я не потерял, но боль ощутил сполна и сделал вид, что лишился чувств. Источником энергии, питавшим насилие этих солдат, было нечто огромное, не поддающееся измерению, как в том фильме о боях в дельте Меконга, оно выплескивалось наружу в отвратительном выражении их искаженных ненавистью лиц, и это нечто полностью исключало всякое сопротивление.

4

Некоторое время я притворялся, что нахожусь без памяти… Для других это выглядело так, если бы я действительно лишился чувств, ха-ха. Меня постарались привести в себя, но такими методами, перед которыми бледнеют слова «жестокий» или «принудительный», и заставили снова, уже по-настоящему, лишиться чувств. В конце концов мне удалось избежать смерти от побоев только благодаря изворотливости **Добровольного арбитра**. Он оценил обстановку и

начал действовать. Прежде всего он добился того, что меня оставили лежать на полу. Далее, как человек, прятавший бойца Мори, он настоял на своем праве увидеться с героем. Наконец все покинули камеру, оставив одного охранника.

Я лежал на полу, налипшая на ней давнишняя и свежая грязь пропиталась кровью, которая струилась из носа и ушей. Я лежал на мятых, перепачканных листовках, пахнувших типографской краской. Усугубляя жестокую физическую боль, меня мучило и нечто иное — страшное предчувствие. В ушах звучала строка из Библии, правда несколько измененная: «Прежде чем пропоет петух, ты трижды отречешься от себя, *превратившегося*». Причем «ты» относилось не ко мне, а к Мори. Мной овладел ужас — а вдруг Мори забыл о миссии, ради которой произошло наше *превращение*, переметнувшись в лагерь тех, кто называет его наш боец?!

Я полагал, что покушение на **Патрона,** совершенное Мори, было первым шагом в выполнении возложенной на нас миссии, и решил действовать, чтобы выполнить ее до конца, и вот, избитый до полусмерти, валяюсь теперь здесь. А вдруг это просто театр одного актера и этот актер — я? Может быть, все гораздо проще: в сту-

дентке Мори нашел прекрасного партнера для чувственных наслаждений и в благодарность за это, выполняя ее приказ, совершил покушение на **Патрона**? Это прекрасно сочетается с тем фактом, что после покушения именно студентка доложила о случившемся.

Но тогда его действия противоречат задачам нашего *превращения,* вот и вышло так, что Мори ранен, а по его следу гонится полиция; я же мечусь, как слепой кутенок. Как знать, не погибнут ли двое *превратившихся,* так и не выполнив миссию, возложенную на них космической волей?

От чудовищной безысходности меня охватил леденящий страх и я стал медленно терять сознание… Однажды такое уже случилось со мной, на следующий год после рождения Мори. Был нестерпимо жаркий летний день. Помню, я лежал ничком на застеленной кровати, когда жена, бывшая жена, сообщила мне, что сказал ей врач о будущем нашего ребенка. Выслушав, я так же, как и сейчас, начал медленно терять сознание. Заметив неладное, жена, бывшая жена, принялась тормошить меня, но я, весь в поту, не мог пошевелить ни рукой ни ногой и, уж конечно, не мог повернуться к жене, бывшей жене, лицом. Я погружался тогда в состояние, подобное смерти,

превращаясь в нечто еще более безжизненное, чем труп. И на этот раз нависший во тьме над моей головой страх, рожденный всепоглощающей безысходностью, умертвил меня, и я снова превратился в нечто еще более безжизненное, чем труп.

Когда я, лежавший как мертвый, собрался с силами и открыл наконец глаза, то увидел склонившуюся над моим лицом — теперь я лежал на спине — забинтованную голову Мори, заплаканного Мори… Из перегревшегося компьютера моего мозга, делавшего отчаянные усилия, чтобы прояснить сознание, поползла сверкающая фиолетовая лента, на которой проступали иероглифы: «Когда я воспринял твою мысль: «Прежде чем пропоет петух, ты трижды отречешься от себя, *превратившегося*», я вышел на улицу и горько заплакал». Неужели этот горький плач Мори означает, что он действительно трижды отрекся от себя, *превратившегося*? Прежде чем пропел петух?!

Но вот мое тело и дух сбросили с себя оцепенение смерти: заблокированные нервные каналы, подобно телефонным проводам, снова начали функционировать, и тогда я увидел, как на моем залитом слезами, измученном лице стало

появляться нечто очень важное, главное. Оно рассеяло владевшие мною подозрения, растворило неприятный осадок, оставшийся после них в душе. Тело и дух *превратившегося* Мори, привыкнув к новым условиям, обрели покой. Я ощутил всепоглощающее умиротворение, печаль и милосердие — все это воспринималось как призыв к успокоению. Мной овладело такое чувство, будто я еще совсем ребенок, который долго шел по страшной ночной дороге, добрался наконец до дома, и теперь ему хочется прижаться к коленям отца и выплакаться. Я глубоко вздохнул, и первое рыдание вырвалось у меня из груди.

Когда я пришел в себя настолько, что мог наблюдать за происходящим, то осознал, что лежу на столе, а студентка, печально глядя на меня, стирает с моего тела кровь и грязь. Из-за плеча внимательно смотревшего на меня Мори высунул голову **Добровольный арбитр**, всем своим поведением давая понять, что мы уже не пленные.

– **Справедливец** мертв! Убит или погиб в результате несчастного случая, но так или иначе **Справедливец** мертв! — хриплым голосом сообщил он мне…

— Убит или погиб в результате несчастного

случая? Это же совсем разные вещи! — закричал я в ответ, но горло мое еще не слушалось меня, ибо недавно я был мертв, превратившись в нечто еще более безжизненное, чем труп, и потому я смог издать лишь писк шестилетнего ребенка.

— Но… Как сказать иначе?.. Он сказал, что хочет в туалет, и его вывели в коридор, а он вдруг побежал. **Справедливец** был настоящим смельчаком; хотя годы, проведенные в тюрьме, и подорвали его здоровье, ежегодно он сотни раз организовывал демонстрации против строительства атомных электростанций, и студенты, которые преследовали **Справедливца,** никак не могли нагнать его. Тут **Справедливцу** удалось взобраться на бетонную ограду в дальнем конце университетского двора. Яркий луч прожектора высветил его фигуру, и преследователи, которых к этому времени собралось человек пятьдесят, в один голос закричали **Ах!.** Ведь за оградой был обрыв высотой метров в восемьдесят, и внизу проходила электричка. Однако **Справедливец,** которого это **Ах!** только подстегнуло, оглянувшись назад, перешагнул через колючую проволоку, натянутую над оградой, и, теперь уже сам вскрикнув **Ах!,** исчез…

Добровольный арбитр замолчал и сощурил

глаза, скрытые за толстыми стеклами очков, и, сморщив свой торчащий нос, рыдал, издавая похожие на кашель звуки. Тут я понял, что и слезы Мори вызваны смертью **Справедливца**.

– *Все рухнуло!* — отчаянно завопил я. — *Как воспримут его земляки, что их руководитель движения против строительства атомной электростанции на Сикоку упал с ограды в дальнем конце университетского двора и погиб! И все, к чему он стремился, рухнуло! Все рухнуло, все рухнуло!* — Я всхлипнул еще раз-другой, а потом зарыдал уже по-настоящему, издавая какое-то странное кваканье из-за того, что у меня перехватило горло.

— Хватит рыдать! Мы, живые, должны продолжить то, что оставил нам покойный, мы должны собрать воедино все осколки, — с показной бодростью заявила студентка, пытаясь скрыть, что она и сама потрясена смертью **Справедливца**.

В ответ в моей душе прозвучали невысказанные слова Мори, переданные мне с помощью пальцев правой руки, которыми он дотрагивался до моего бока, когда я лежал с закрытыми глазами. И раньше, до *превращения*, когда Мори мычал что-то нечленораздельное, его пухлые пальчики всегда бегали по моему телу и исходившие от

них магнитные волны позволяли мне понимать его мычание. *Совершенно верно, если все рухнуло — это плохо. Почему плохо? Потому, что мы, оставшиеся в живых, охвачены леденящими душу печалью и страхом. А эти леденящие душу печаль и страх несет ветер, который вырывается из преисподней. В одной синтоистской молитве говорится: «Тот, кто пришел к границам Страны мрака, оставив жить в стране Высокого неба ребенка со злым сердцем, тот вернется к леденящим душу печали и страху».*

Думая о людях далеких времен, придумавших эту молитву, понимаешь, что и в ту эпоху, и в том мире были леденящие душу печаль и страх. А ведь мы уже не в той эпохе и не в том мире, когда еще существовало единство нации. Мы ведь живем в такую эпоху и в таком мире, где все аморфно, все рушится. И самое главное сейчас — осознать, что это плохо, когда все рушится. Мы должны стать теми, кто восстановит рухнувшее, воскресит его.

— Отец Мори, вы долго еще будете притворяться мертвым? — сказала студентка, положив на меня вычищенный пиджак. — Контакт с мертвецом невозможен, даже если Мори и дотрагивается до вас.

Она утверждала это, хотя между мной и Мори, прикасавшимся рукой к моему живому телу, только что установилась связь. Приподнявшись и слезая с рабочего стола, я почувствовал тупую боль в затылке, но боль в суставах почти сразу же прошла — вот что значит тело восемнадцатилетнего, ха-ха. Я надел пиджак и вышел в открытую дверь — у стены полутемного коридора, освещенного слабой лампочкой без абажура, жались солдаты. Они казались приклеенными к ней бумажными фигурками. Я удивленно заморгал и только тогда понял, в чем дело. Левое веко вспухло, и я мог видеть только правым глазом, отчего объемность исчезла.

— Ну так что же нам делать? Чего вы от меня хотите?.. Или, может быть, я просто пленный и ничего делать не должен?

— Мори собирается доложить о покушении на **Могущественного господина А.** и хочет, чтобы вы передавали его мысли!

— Чтобы я взобрался на трибуну и ради этих подонков, которые били и пинали меня, стал выполнять роль посредника, передающего слова Мори? Ничего себе работенка, а?! Ну что ж, я соглашусь на нее, но только при двух условиях. Во-первых, если вы проследите за тем, чтобы моя

жена, бывшая жена, не проникла в зал. Если ее не выставят за дверь, в зале начнется невообразимая свалка. Эта женщина будет выделяться среди вашей аудитории, так что заметить ее нетрудно.

— Это та самая, которая под охраной полиции черт знает что вытворяла у ворот университета? Немедленно свяжусь с организаторами собрания, — сказала студентка и вышла в коридор, давая тем самым понять, что она единственная среди нас, кому разрешено свободно покидать комнату.

— Второе условие? — напомнил **Добровольный арбитр**.

— Оно касается не передачи мыслей Мори, а моих собственных мыслей. Прежде всего я хочу рассказать о том, каким человеком был убитый вашими молодчиками **Справедливец** — ученый и общественный деятель.

Мои слова вызвали протест **Добровольного арбитра,** хотя смерть **Справедливца** глубоко опечалила его.

— Если начать с этого, то рассказа Мори уже никто слушать не будет. Вместо этого над нами, как я думаю, учинят самосуд… Да и вообще, есть ли необходимость в том, чтобы рассказывать здесь о **Справедливце**? Сможете ли вы убедить

этих людей, что он был прекрасным человеком и его не следовало убивать? Да еще на собрании группы, члены которой убили его?.. До сих пор я изо всех сил пытался доказать, что гибель любого общественного деятеля непоправима, и сейчас я признаю, что потерпел в этом полное фиаско…

Мог ли неопытный восемнадцатилетний мальчишка сопротивляться? И я поклялся, что последую совету **Добровольного арбитра**. Но рыдания, вызванные моими чувствами к **Справедливцу,** не прекращались. Погибнув, разбившись насмерть, **Справедливец** взмыл ввысь огромным призрачным змеем! Его идея о нитях — где они находятся, он точно не знал, — тянущихся к императорской семье, идея, на которой он настаивал при жизни, после его превращения в призрачного змея стала предельно ясной. Во имя своей удивительной идеи он отдал жизнь. От этого призрачного змея мне уже никогда не освободиться — я усмотрел в этом еще один знак, наполняющий особым смыслом мое *превращение,* и меня охватила жажда борьбы. Может быть, потому, что гибель **Справедливца** означала, что все рухнуло, все разбито вдребезги.

Глава IX
Двое превратившихся анализируют будущее

1

Мое тело, использованное как динамик, усиливало и воспроизводило электромагнитные волны, излучаемые мозгом Мори, — так проходило его выступление в тот вечер. На нас с Мори обрушивался, тяжело надвигаясь, как подземный гул, могучий хор голосов: **согласны, вздор.** Всеми силами противясь ему, Мори беззвучно посылал мне еле ощутимые электромагнитные волны, но все равно настоящим докладчиком, выступление которого следовало зафиксировать, был Мори, а записали его вы, оставшийся в тени писатель-невидимка. Один я, терзаясь мучительной болью в суставах, до хрипоты кричал весь тот вечер, совершенно надорвав свои голосовые связки.

Ну ладно, хватит об этом, ведь функции писателя-невидимки изобрел я. Что же касается выступления в тот вечер, то мне захотелось вновь заставить звучать свой голос из жажды самовыражения, свойственного восемнадцатилетнему.

Тогда я записал на магнитофоне выступление Мори и теперь посылаю вам кассету. Вы должны воспроизвести ее так же, как делали это раньше.

Писатель-невидимка без всяких изменений записывает прослушанную кассету, которую прислал ему отец Мори. Он лишь выбрасывает неясные по смыслу междометия, повторы, вызванные смущением человека, говорящего в микрофон, исправляет ошибки и оговорки. Во всем этом, возможно, сказывалось влияние стилистики писателя-невидимки. И если отцу Мори, стремящемуся до малейших нюансов передать характер выступления, сказать, что требовать идентичности общего стиля записок и выступления, записанного на магнитофон, нельзя, то ответ будет таким: отец Мори до сих пор получал копии записок каждой главы, сделанных писателем-невидимкой, читал их, обсуждал их и, естественно, оказался под влиянием стиля писателя-невидимки. И коль скоро это влияние существовало, оно должно было проявиться и в его собственном выступлении. И обратное: я сам, записывая слова отца Мори, испытал на себе его духовное и физическое влияние.

Воспроизведенный магнитофоном голос действительно принадлежит отцу Мори после

превращения, это почти что по-детски писклявый голос юнца. Кажется даже, что голос помолодел гораздо заметнее, чем само тело. Но, возможно, это объясняется неисправностями магнитофона. Однако мог ли такой специалист, как отец Мори, допустить небрежность? А может быть, в его планы входило поразить писателя-невидимку своим писклявым голосом? К тому же этот писклявый голос в записанном на пленку выступлении в разных местах звучит совершенно по-разному.

Мы приветствуем всех самоотверженно сражающихся членов революционной группы. За исключением тех, кто самоотверженно сражается, все человечество, по космическим меркам, не более чем пустая оболочка цикады. Можно ли приветствовать эту мертвую, пустую оболочку? У нас нет желания приветствовать ничто. Мы можем по-настоящему приветствовать только живые существа. Вполне естественно, что воля, обитающая в самых далеких уголках космоса, пожелав послать приветствие, сосредоточилась на вашей планете. Потому что здесь обитают сражающиеся живые существа. Но мы не можем послать свое приветствие в космос. Потому что мы не можем осознать, что приветствия из космоса исходят от сражающихся

живых существ. Как грустно, когда на истинное приветствие не можешь ответить таким же истинным приветствием!

Мы приветствуем также и всех самоотверженно сражающихся членов враждебной вам группы. *Salute!* Основания для этого приветствия те же самые.

Вздор? Почему? Если приветствие в адрес вашей группы не вздор, то почему же вы считаете вздором приветствие противостоящей вам группе? Логика, лежащая в основе этого, тождественна. Если приветствие в ваш адрес — вздор, зачем же тогда так болезненно относиться к приветствию в адрес противостоящей вам группировки, ведь оно тоже тогда явилось бы вздором? Тем самым вздором, который вы столь бессмысленно сейчас скандируете! **Миротворческий вздор Добровольного арбитра?** С критикой политики умиротворения мы согласны. Единственный путь развертывания борьбы — ее обострение! Но в стремлении **Добровольного арбитра** к умиротворению есть и ценные моменты. И эти моменты вы должны изучать.

Боритесь! Убивайте друг друга! С помощью самого гуманного, с космической точки зрения, оружия — дубинками, железными трубами,

ломами! Междоусобная борьба между вами и противостоящей вам группировкой — вот действия, символизирующие истинную революцию. По мере приближения к истинной революции вы будете все решительнее убивать друг друга! Когда будут уничтожены родители, принимайтесь за братьев! Но, может, эффективнее было бы изменить порядок и, прежде чем убивать родителей, уничтожить братьев? С космической точки зрения эффективность такого порядка очевидна. После того как братья уничтожат братьев, у тех, кто останется в живых, должно хватить сил на то, чтобы пойти убивать родителей. Какая же это будет революция, если не вы убьете родителей, а родители убьют вас? Если же братья примутся убивать братьев, убитые передадут оставшимся в живых свою революционную волю! Революция — это долг оставшихся в живых перед убитыми!

Чем отличается братоубийство от истребления контрреволюционных бандитов? Чем братоубийство отличается от убийства врагов? Чем отличается? Я не имею в виду жалкое бюрократическое насилие и убийства, которые еще принято называть **допросами** или **линчеваниями,** нередкие и сейчас в ваших группах. Мори говорит об

анализе символической модели, определившей из космоса жизнь человечества. Братья, казалось бы, должны, направляясь в будущее человечества, всегда идти почти одним и тем же путем. Но, поскольку два брата — это два различных человека, для них бессмысленно избирать абсолютно одинаковый жизненный путь. И, если может существовать их единство во имя улучшения модели, оно достижимо только путем разделения на две половины их тела и последующего их комбинирования. Пусть врачи и биологи, преодолев реакцию отторжения, успешно проведут такую операцию. Тогда будут жить — каждый сам по себе — брат, состоящий из левой половины первого и правой — второго, и брат, состоящий из правой половины первого и левой — второго. А вдруг они опять захотят вести самостоятельную жизнь — тогда снова начнется братоубийство новообразованных братьев? Иного выхода, видимо, нет. Если они вообще способны выдержать подобную операцию во имя последней революции человечества. Подобные символические действия, прокладывающие человечеству путь в будущее, даже столь наглядные, как братоубийство, увидеть из космоса в большинстве случаев невозможно. Разумеется, если это действия сим-

волические, аналогичные модели должны были существовать и в древности. И действительно, вспомните о двух братьях, сражавшихся, как настоящие революционеры: божестве рыбного промысла — Умисатибико и божестве охоты — Ямасатибико. Почему они ненавидели умиротворение, почему портили снасти друг друга? Почему один из них, потеряв в море крючок, был вынужден отправиться во дворец морского царя? Почему морской царь даровал младшему брату силу космического масштаба? Почему старший брат, побежденный силой младшего, обеднев и ожесточившись, попытался напасть на него, но утонул? И потомки этого брата, живущие на юге Кюсю, по сей день исполняют ритуальные танцы, изображая его гибель, — это символические действия, связывающие древность с современностью и будущим!

Для того чтобы революция, справедливо определенная как братоубийство, стала последней революцией человечества, то есть для того, чтобы революционеры, убившие своих братьев и сумевшие убить в конце концов своих отцов, не оказались в положении убитых, необходимо проанализировать положение во всем космосе. Для нас, землян, время, отведенное на осуществление

революции, как и вечное движение, не является бесконечным! У нас не будет времени на новую революцию, которая бы исправила старые ошибки! Прежде развитие шло столь медленно, что можно было ждать, пока ошибки будут исправлены, и уже тогда поднимать революцию на новый этап. Но у вас после вашей революции не будет времени даже на культурную революцию. Для победы революции, которая бы в кратчайший срок могла решить все задачи, ваши идеи должны перерасти в идею всемирной революции. Вы должны обратить взор к идее всекосмической революции!

Вдумайтесь, вам никогда не приходилось сталкиваться с явлением, способным подтолкнуть ваше тело и душу в сторону космоса? Например, когда американцы с космического корабля спустились на поверхность Луны? Не посетило ли вас безумное предчувствие, когда Никсон, столь бессильно и комично покинувший впоследствии пост президента, разглагольствуя о мире и покое на Земле, заявил, что со дня сотворения мира это были грандиознейшие в истории человечества дни? Если бы космонавты поставили на поверхности Луны пластиковый купол, наполнили его кислородом и разожгли костер… то, когда бы он разгорелся, там и сям в кратерах

появились бы, наверно, маленькие огоньки. Крохотные огоньки — «ответный подарок». Чтобы зажечь их, лунные живые существа величиной с вирус использовали бы все свои технологические возможности. Благодаря этому обмену приветствиями между огромным и крохотными кострами человечество могло бы, видимо, познать все, что происходит в космосе. Разве земляне не послали космический корабль к Луне, стремясь изыскать благоприятную возможность для окончательной революции, которая бы распространилась и на порядок в космосе? Не испытали ли вы этого предчувствия в тот день, когда произошло прилунение, оказавшееся в конце концов совершенно бескорыстным? Ведь вы так чутки к истинной революции! Лунный…

Хватит о Луне? Эти ваши **вздор, согласны,** от которых земля дрожит, пусть и привычный для вас способ обмена мнениями — нам он ничего не говорит. Только последний писклявый выкрик кого-то из вас был первой серьезной реакцией с того момента, как началось выступление. **Хватит о Луне!** В этом выкрике было заложено содержание, заложена мысль! Ведь Мори и завел разговор о Луне, чтобы спровоцировать такой выкрик. Пока ваши тела и души ползают по поверхности

Земли и вы вопите свое **вздор, согласны,** слова Мори не проникнут в ваше сознание — вот в чем дело! Но если ваши тела и души, пусть от страха, откроются космосу, то нечто космическое, присутствующее в каждом из вас — космических живых существах, — всплывет на поверхность, как вырастают из влажной земли ледяные иглы. Ведь планета по имени Земля — тоже частица космоса, вы забыли об этом? Взгляните вверх! Обратите взоры к небу! **Хватит о Луне!** — не было ли это выкриком человека, который наконец посмотрел вверх, снедаемый беспокойством? Пусть хотя бы один или двое еще раз крикнут: **Хватит о Луне!** Без заключенных в этом крике ростков космического взаимопонимания не удастся перебросить мостик к пониманию смысла слов Мори. Сколько бы я ни бился как посредник — все равно ничего не получится. **Хватит о Луне!** Ты крикнул это веселым голосом, не отдавая себе отчета, что в твоих беззаботно смеющихся глазах в то же время был и страх перед космосом.

Что означало покушение на **Могущественного господина А.**? *Это покушение было первым этапом наших действий и лишь указало на существование проблемы* **Могущественного господина А.** *Действия первого этапа заклю-*

чались в том, чтобы поставить эту проблему, нанеся **Могущественному господину А.** *удар, который заставил бы его осознать надвигающуюся смерть. Избежав смерти, он, видимо, захочет побыстрее разрешить свою проблему* **Могущественного господина А.,** *которой он отдал всю жизнь. Тогда мы перейдем ко второму этапу, и, если сумеем сражаться как следует, эта проблема будет ликвидирована. Что она представляет собой? Это проблема, поставленная перед всем человечеством теми, кто стремится господствовать над миром. Проблема* **Могущественного господина А.** *в любом ее проявлении должна быть ликвидирована!*

Какой смысл распространяться о таких простых вещах, говорите? Значит, вы считаете, что заумные слова лучше, чем простые, лишь потому, что они заумные? Даже вы, революционеры, так считаете?! Сила простых слов именно в их простоте. Есть ли в мире, населенном людьми, более важная проблема, чем проблема господства одних людей над другими? Разве революция не призвана уничтожить строй, при котором один человек господствует над другим человеком? Разве можно преодолеть неуверенность, вкладывая заумный смысл в слово «революция»? Может

быть, слово «революция», слово совершенно простое, вселяет в вас страх? Мори изъясняется по-настоящему простыми словами, лишенными всякой зауми. Откровенный смысл его простых слов есть одно из проявлений воздействия космической воли!

Каковы конкретные методы, при помощи которых **Могущественный господин А.** *стремится установить господство над людьми? Атомная бомба. Две атомные бомбы, созданные двумя небольшими группами для* **Могущественного господина А.** *Обязанность, возложенная на вашу группу* **Могущественным господином А.,** *состояла в том, чтобы изготовить одну из бомб. И междоусобная борьба, в которой погрязли обе ваши группы на этапе изготовления атомной бомбы, тоже запланирована* **Могущественным господином А.**

Это не междоусобная борьба? Действительно, роль, которую вы выполняли, согласно программе **Могущественного господина А.,** и в изготовлении атомной бомбы, и в уничтожении противной группировки, выходила за рамки обычной междоусобной борьбы. Тайные отряды ваших групп, придумавшие себе устрашающие названия, сами определяют цели своей

деятельности и, используя собственную разведывательную сеть, разыскивают, преследуют и в конце концов, настигнув, убивают того, кого намечено уничтожить. Уже убито несколько десятков человек. Искалечены сотни. Поскольку эти действия соответствуют революционным принципам братоубийства, я не собираюсь критиковать их как таковые, так что оттачивайте технику убийства! К тому же вы, да и враждебная вам группировка, совершая многочисленные убийства, не только не скрываете этого, но, наоборот, всячески афишируете свои действия. А средства массовой информации тут же подхватывают и распространяют ваши сообщения. Вы трубите о справедливом возмездии и решительных действиях, а враждебная вам группировка называет это «трагическими и бесчеловечными убийствами». Vice versa![67] Какая бы группа ни совершила нападение, сообщается об этом всегда одинаково. Причем простые люди видят в нем только одну сторону — ужас и бесчеловечность! В нашем обществе такое восприятие почти достигло стадии массовой истерии. Я не знаю, как далеко вы продвинулись в изготовлении

[67] Примечания: 67
И наоборот! *(лат.)*

атомной бомбы, но, во всяком случае, и вашей, и враждебной вам группе удалось обучить общество страху

Лучше всего оценил достигнутое вами **Могущественный господин А.**! Предположим, где-то в Токио группа людей в ближайшем будущем изготовит одну, а может быть, и две атомные бомбы. Вокруг этого мгновенно поднимется пропагандистская шумиха. Начнется запугивание простых людей атомной бомбой. Стратегия и тактика группы, первой завладевшей ядерным оружием, будь то ваша группа, будь то враждебная, будь то обе группы одновременно, станут одинаковыми: та группа, которая объявит, что обладает ядерным оружием, прежде всего потребует от населения покинуть Токио и его окрестности. Это требование будет подкреплено страхом, в котором вы уже успели воспитать людей благодаря преподанным вами урокам зла и бесчеловечности, то есть благодаря уже существующему мнению, что ваша группа способна на любые жестокости. Жители указанного вами района сразу же начнут массовую эвакуацию, точно подхваченные катящимся снежным комом заранее подготовленной массовой истерии. Это произойдет благодаря тщательно продуманной

предварительной пропаганде. Разумеется, нельзя допустить, чтобы к тому моменту, как наступит последний этап, когда ядерный взрыв станет неизбежным, город покинули все жители поголовно. В первую очередь необходимо оставить пожарных. Дело в том, что, поскольку в городе останутся нетранспортабельные тяжелобольные, полностью прекратить подачу электроэнергии невозможно и любое короткое замыкание в опустевших жилых домах может вызвать пожар. Нужно, конечно, оставить полицию. Ведь, когда начнется массовая эвакуация, пустые дома, естественно, подвергнутся грабежу. Полицейские должны будут патрулировать улицы столицы после эвакуации. Какого рода полицию и в каком количестве следует оставить? Этот вопрос должны будут обсудить между собой оперативный штаб группы, захватившей город под угрозой ядерного взрыва, и правительственный штаб контрмер. Я думаю, для этого вполне подойдет моторизованная полиция, которая до сих пор не допускала того, чтобы ваши демонстрации выходили за определенные рамки. Однако если среди полицейских моторизованного отряда найдутся люди, которые откажутся выполнять свой долг лишь на том основании, что им неприятно

оставаться в городе, где находится кустарно изготовленная неопытными людьми бомба, которая может взорваться в любую минуту, и не захотят поддерживать порядок, подчинившись захватчикам, прибегшим к ядерной угрозе, то создастся весьма серьезное положение. Правительственный штаб контрмер, воспользовавшись этим, предложит, возможно, ввести в действие силы самообороны. Переговоры, призванные не допустить этого, окажутся первым серьезным испытанием для штаба ядерной стратегии и тактики. И ради этого я также предлагаю вам оттачивать словесное мастерство.

Итак, будем исходить из того, что тем, кто прибег к ядерной угрозе, удалось убедить правительственный штаб контрмер и в столице все-таки останется небольшое количество людей — пожарные, предельно ограниченное число полицейских, санитары и водители транспортных средств, приданных больницам. Однако в этом случае в столицу могут просочиться уголовные элементы, прежде всего из правых организаций, да и просто многочисленные банды головорезов и хулиганов, которыми движут самые различные цели. Вплоть до «адских водителей», совершенно не связанных с политикой. Проникнут туда,

наверно, и ударные отряды сил самообороны, чьей задачей будет спровоцировать нарушение соглашения между теми, кто прибег к ядерной угрозе, и правительством. Даже если официальная полиция в конце концов и примет меры по отношению к этим нарушителям соглашения, все равно прежде всего решить, как реагировать на это, должны вы. Тогда-то и пригодится та широкая известность, которую приобрели ваши боевые отряды в процессе своей кровавой практической деятельности!

Хладнокровные, знаменитые боевые отряды революционной группы, применившей ядерную угрозу, будут патрулировать столицу на реквизированных автомобилях, водрузив на них знамя революционной группы и привинтив номерные знаки, изготовленные штабом стратегии и тактики. Если они натолкнутся на пожарные, полицейские машины или машины с красным крестом, предусмотренные условиями соглашения, ничего не произойдет. Но, встретившись с нарушающими соглашение не– легальными бандами головорезов, они сразу же завяжут уличный бой. Мрачная известность, приобретенная вашими боевыми отрядами, подорвет во время сражения боевой дух противника. Среди всех

народных боевых отрядов, существовавших со времен Мэйдзи[68], пожалуй, только ваши боевые отряды и боевые отряды враждебной вам группы внушают такой почтительный страх! Террористические банды, гангстерские организации — смешно даже говорить о них.

Через три недели после фактического захвата столицы главной проблемой будут выброшенные на улицу при эвакуации собаки и обезьяны, а также мыши, оставшиеся без отбросов. Страшный голод и инстинктивная агрессивность этих животных заставят их атаковать любого, кто не успел покинуть столицу. Ваши боевые отряды или боевые отряды враждебной группы должны будут контратаковать этих мелких животных. Ваши боевые отряды и боевые отряды враждебной группы издавна не только дают клички своим противникам, с которыми они беспощадно расправляются, по названиям таких мелких животных, но и мучают и убивают их, словно этих бессловесных тварей. Этот опыт, видимо, окажется весьма эффективным в операциях по истреблению настоящих мелких животных! Все это четко зафиксировано в программе **Могуще-**

---

[68] Примечания: 68
Эпоха Мэйдзи — 1868–1912 гг.

ственного господина А.

2

Почему мы боремся с выработанной **Могущественным господином А.** *программой господства над людьми? Поскольку тела и души двух превратившихся нацелены на свержение* **Могущественного господина А.,** *наше превращение неизбежно должно прийти в столкновение с его программой. Он хочет господствовать над всеми людьми, включая и нас, — так чего же нам избегать этого столкновения? Если в результате столкновения нам суждено погибнуть, то, как люди превратившиеся, согласно космической воле, мы все равно должны быть первыми, кто возьмет на себя уничтожение программы и господства над людьми* **Могущественного господина А.** *Да, мы и уничтожим ее!*

Ёросии? (хорошо?), а мне показалось, что вы закричали **«юродивый»**. Значит, в сегодняшнем вашем хоре я уже дважды услыхал имеющее смысл сообщение! Слово «юродивый», снабженное пояснением «святой безумец», можно встретить в переводных русских романах. Мне почудилось, что вы назвали меня и Мори юродивыми, и я полностью прозрел. Хотя и не могу

сказать, что до сих пор был в полусне. Просто сегодня меня слишком много били, пинали ногами, и поэтому сейчас, когда я передаю слова Мори, в моем теле и душе словно еще зияют дыры сна!

Сейчас мне послышалось слово «юродивый», и я полностью прозрел, правда, я тут же понял, что ошибся. Но в тот самый миг, когда я ослышался, до меня дошел сигнал космической воли. Психологи и тяжелобольные стараются в оговорках собеседника выискать истинный смысл высказывания. Для меня тоже отношения между нами, двумя *превратившимися,* и остальными людьми озарились космическим светом. Наша жизнь с Мори после *превращения,* воплощающая активную, полную энтузиазма деятельность, сливается с вашей революционной волей, подобно тому, как сливаются в одну две дороги. Вы не верите в нашу чистосердечность. Хорошо, но, если вы будете отвергать и наш пыл, ваше революционное будущее окажется весьма проблематичным! Нынешняя роль двух *превратившихся* сродни роли не ищущих легкой жизни юродивых, которых жители описанных Достоевским провинциальных городов России безжалостно мучили. Когда вам придет в голову мысль стащить нас с Мори с трибуны и избить железными трубами, вспом-

ните о юродивых и попытайтесь сдержать себя, ха-ха! Передавая мысли Мори, я, разумеется, не сомневаюсь в вашем добросердечии. Я говорю о нас двоих, неизменно прислушиваясь к вам!

Могущественный господин А. *в свою программу господства над людьми ввел атомную бомбу в качестве оружия, которое, будучи спрятано в одном из районов Токио, должно служить угрозой для правительства; совершенно естественно, что его самые честолюбивые в истории человечества замыслы потребовали и самого мощного оружия. Почему* **Могущественный господин А.** *избрал вашу и враждебную вам группу? Думали ли вы об этом, обсуждали ли это в своей группе, изготовляющей атомную бомбу? Почему* **Могущественный господин А.,** *всегда с предельной направленностью использующий денежные средства, выделил вашей и враждебной вам группе ассигнования для производства атомной бомбы и обещал предоставить вам еще бо'льшие суммы? Прежде всего нужно сказать о том, что им были соответствующим образом оценены ваши научные возможности. Но эта сторона дела имеет второстепенное значение. Ведь речь идет не о разработке первой в мире атомной бомбы, и к тому же в качестве ядерного материала*

вы используете уже обогащенное сырье. Кроме того, вам не нужно, чтобы атомная бомба была компактной. Так что ваш подземный завод изготовит всего-навсего одну атомную бомбу, и этого вполне достаточно. Бывшим студентам физического факультета, которым после беспорядков пришлось, не доучившись, оставить университет, я думаю, хватит и научных, и технических знаний. Далее, таких студентов можно найти не только среди членов вашей революционной группы, причем сделать это нетрудно, если учесть финансовые возможности **Могущественного господина А.** *Следовательно, причина того, что выбор пал на вашу и враждебную вам группировки, как уже говорил Мори, заключалась в том, чтобы с помощью средств массовой информации создать у населения мнение, будто обе ваши группы готовы на все, вплоть до взрыва атомной бомбы в Токио. Убедить людей в этом помогут бесчисленные акты насилия, приводящие к многочисленным жертвам. Теперь давайте еще раз поговорим об угрозе правительству и жителям крупнейшего города. Итак, первое затруднение, которое может возникнуть при реализации угрозы. Население, которому угрожают, сомневается в том, действительно ли те,*

кто им угрожает, решатся взорвать атомную бомбу и вместе с огромным городом взорвать самих себя. Второе: население игнорирует ядерную угрозу, поскольку окажется не способным представить себе, что произойдет, если атомная бомба действительно будет взорвана. И отсюда — противодействие правительственному штабу контрмер, уступившему угрозе. Если два этих фактора способствуют сопротивлению, организовать массовую эвакуацию населения огромного города не удастся. Массовая эвакуация возможна только при условии, если внутренняя сила, существующая в народе, поддавшемся общей истерии, вызовет эффект снежной лавины. В противном случае создать неустойчивое положение, воспользовавшись ядерной угрозой, будет невозможно. В подобных условиях правительство, справившись с замешательством, использует это как рычаг в переговорах.

Однако обе группы, избранные **Могущественным господином А.** *для реализации ядерной угрозы, уже многие годы ведут войну не на жизнь, а на смерть. Это и поможет разрешить проблему. Ваша и противоборствующая группы способны на любое кровавое дело, даже на то, чтобы взорвать себя ядерной бомбой! Такое сообщение вернее все-*

го проникает в сознание инертных обывателей, чье воображение трудно чем-либо потрясти! С точки зрения **Могущественного господина А.,** *для того, чтобы подготовительный этап программы его господства над людьми прошел успешно, вы и враждебная вам группа должны денно и нощно пылать отвагой и страхом, ревностно калечить и убивать людей и сами терять своих товарищей — убитыми и ранеными.*

Разве можно городить такое? Совершенно естественно — молодые, мужественно отдавшие свои жизни члены вашей и враждебной вам группы! Можем ли мы, двое *превратившихся,* шутить над тем, что вы убиваете своих товарищей? Мы и не возлагаем на вас ответственности за убийство товарищей, с глубокой скорбью признавая, что в конечном итоге их убийство составляет одно из звеньев программы **Могущественного господина А.**

Как будет выполняться разработанная **Могущественным господином А.** *программа господства над людьми после того, как одной или двум группам удастся создать атомную бомбу? Допустим, первый этап реализации ядерной угрозы пройдет успешно, и столица окажется под властью одной или двух групп.* **Первый сценарий**

Могущественного господина А. *Предположим, в столице удалось создать одну или две атомные бомбы, но представим себе, что в результате катастрофы они взорвутся или неудача политических переговоров приведет к ядерному взрыву, при котором погибнут и сами угрожающие, — можно ли в подобном случае считать, что деньги в свою программу* **Могущественный господин А.** *вкладывал напрасно? Нет. Нестабильная социальная обстановка, которую вызовет огромная энергия ядерного взрыва, окажется небезвыгодной для* **Могущественного господина А.** *Он не забыл, что поражение нашей страны в прошлой мировой войне создало для него благоприятные условия! С того времени, как будет объявлено, что группа завладела атомной бомбой, и до момента взрыва возникнет пауза, разумеется если взрыв не произойдет слишком рано. Смогут ли оказавшиеся в полной растерянности жители столицы и руководители правительства, неожиданно столкнувшись с таким экстремальным положением, эффективно использовать время до взрыва? Вряд ли.*

А вот **Могущественный господин А.,** *располагая необходимой информацией, окажется способным быстро и правильно реагировать на*

события. Прежде всего он лично сообщит высшим правительственным чиновникам о том, что заявление об обладании ядерным оружием соответствует действительности, а также о мощности бомбы. Потом предложит осуществление неотложных мер по предотвращению бедствия. Обеспечение функционирования правительства после эвакуации, место временного размещения жителей столицы — как решить эти проблемы? Поскольку к этому времени предложенная им программа стараниями репортеров станет всеобщим достоянием, **Могущественный господин А.** *превратится во влиятельного советника правительства. Далее, отъезд императорской семьи. Императорская семья эвакуируется, что сопровождается грандиозным пропагандистским спектаклем — императорская семья ищет спасения от бедствия вместе с жителями столицы. Тут происходит ядерный взрыв. Смута, которая начнется после третьего атомного взрыва, переживаемого японцами, будет подобна смуте после поражения во Второй мировой войне, а на новых визитных карточках* **Могущественного господина А.** *появится строчка: истинный защитник императорской семьи.*

Если я скажу про себя: «В течение многих

лет», вам, возможно, это покажется странным — ведь это говорит мальчишка моложе вас, но я, будучи до *превращения* человеком средних лет, действительно в течение многих лет поддерживал отношения с **Могущественным господином А.** Однако на существование связей между **Могущественным господином А.** и императорской семьей открыл мне глаза убитый вами математик, руководитель движения против строительства атомной электростанции на Сикоку. Видимо, когда перед вами находится человек, которого вы жаждете убить, вы рисуете в своем воображении то, что должно, по вашему мнению, рисоваться ему, и его глазами пытаетесь взглянуть на реальный мир и на себя, нападающих. **Вздор?** Вот как? **Не канючь?** Ладно, но именно мои слова выражают то, что вы действительно хотели бы выразить. **Заткнись?** Нет, так не пойдет! Я ведь передаю послание Мори. Разве вы собрались здесь не для того, чтобы выслушать выступление Мори? **Нам не нужны твои слова?** Это действительно верно, вам необходимы слова Мори — потому-то я и нахожусь здесь в качестве посредника!

Второй сценарий. *Какова будет программа* **Могущественного господина А.** *в случае, если*

обстановка сложится иначе и начнутся политические переговоры, между теми, кто применил ядерную угрозу, и правительством? Давайте рассмотрим два возможных варианта: изготовлена одна атомная бомба и изготовлены одновременно две атомные бомбы — по одной у каждой из групп. Однако в реальной обстановке различие между этими двумя вариантами проявится лишь на начальном этапе, в дальнейшем же ситуация будет развиваться идентично. Две враждующие группы, одновременно объявив об обладании ядерным оружием, начнут операцию угрозы. Затем обе группы, захватившие город, не используя пока атомные бомбы, начнут уничтожать друг друга с помощью всех видов обычного оружия. Последний бой революции и контрреволюции — как ни взгляни на это — выльется в невиданное до сих пор сражение, оно закончится лишь после того, как одна из групп будет полностью уничтожена!

Если же атомную бомбу удалось создать лишь одной группе, то, как только она сообщит о том, что обладает ядерным оружием, остальные группировки немедленно заявят, что и они тоже владеют ядерным оружием, значит, и в этом случае дело кончится уличными сражениями

между силами революции и контрреволюции. Далее, какая бы группа ни победила в уличных сражениях, она, используя собственную, или захваченную атомную бомбу, или, может быть, сразу обе бомбы — собственную и захваченную, — перейдет к реализации ядерной угрозы. Ситуацию, которая может возникнуть в том случае, если одна из групп, оказавшись в безвыходном положении в ходе уличных сражений, решит, что, чем капитулировать и отдавать будущее контрреволюционной группировке, лучше погибнуть всем вместе, можно включить в уже рассмотренный нами **первый сценарий**. *Конкретное вмешательство* **Могущественного господина А.** *в происходящие события начнется лишь после того, как, согласно* **второму сценарию,** *атомная бомба будет контролироваться одной группой, уничтожившей другую группу, и ядерная угроза вступит в следующую фазу.*

Революционная война с применением ядерного оружия, которую начнете вы или враждебная вам группировка, будет не просто войной с губернатором столичной префектуры или даже с японским правительством. Это будет сражение, в котором вашими противниками будут также Соединенные Штаты и Южная Корея, заключив-

шие военный союз с Японией. Вполне естественно, что партнером в переговорах вы избрали японское правительство, но для тех, кто прибег к тактике ядерной угрозы, несомненно, чрезвычайно выгодно разрешить **Могущественному господину А.** *как закулисному политическому деятелю, имеющему большой вес в Соединенных Штатах и Южной Корее, выступить в качестве посредника. Во всяком случае, все будут с нетерпением ждать появления на сцене* **Могущественного господина А.** *Так будет разворачиваться революционная война, основывающаяся на ядерной угрозе, нужно только ясно сознавать опасность, что в любую секунду благодаря стараниям* **Могущественного господина А.** *наступающие и обороняющиеся могут поменяться местами, а также что не только энергия ядерного взрыва, но и энергия всего вашего движения сконцентрируется в руках* **Могущественного господина А.** *И, воспользовавшись этим, в момент наивысшего подъема революционных сил* **Могущественный господин А.** *свяжется с императорской семьей! Вы даже не представляете себе, насколько легче во всеяпонском масштабе выстроить сюжет, где развязкой окажется не революционное, а контрреволюционное сражение, основой которого будет все то же*

ядерное оружие, война за возрождение абсолютной, реакционной монархии! Вы можете начать революционную войну только после того, как осознаете связь, существующую между нашим народом и императорской семьей!

Мятеж, народное восстание? Вы взываете к этому в простодушной надежде, но на этапе политики террора в отношении враждебной группировки не только поредели ваши ряды, вы еще и отвратили от себя все другие организации, стремившиеся к совместной борьбе. Не говоря уж о прочих левых группировках, с вами не станут вести совместную борьбу даже профсоюзы: они не смогут достичь *с вами* взаимопонимания. Хотя некоторые из профсоюзных организаций находятся под вашим влиянием и, случается, даже организуют самочинные забастовки вопреки решениям вышестоящей организации, после того как вспыхнет революционная ядерная война, продажная верхушка профсоюзов будет изо всех сил отбиваться от посторонних, в результате чего мелкие самостоятельные группировки не смогут примкнуть к общей борьбе. Можно ли в таком случае говорить о стихийном мятеже неорганизованных народных масс?

Более пятнадцати миллионов человек будут

жить в постоянном страхе, что в любой момент их уничтожит атомная бомба, они люто ее ненавидят, эту бомбу. Все свое имущество они бросили, и оно вот-вот превратится в радиоактивный пепел. Принять необходимые меры для обеспечения жильем и едой пятнадцати миллионов человек, сделавшихся бродягами, не удастся, какими бы действенными ни были советы **Могущественного господина А.** Да и мыслим ли такой огромный лагерь беженцев? **Мятеж, народное восстание?** Вы, разумеется, питаете надежды именно на это.

Но сможет ли мятеж принять тот же революционный характер, что и ваша война?

Пусть народный мятеж — стихийное восстание — распространится за пределы столицы, создав и там нестабильную обстановку. И когда восстание обретет мощь, оно сформирует внутри себя руководящее ядро. Не исключено, что это руководящее ядро сможет взять под свое командование большую часть сил самообороны. Руководители народного мятежа и лидеры мятежных соединений сил самообороны, объединившись, станут той силой, которая, минуя правительство, сможет вынудить оперативный штаб ядерной угрозы сесть за стол переговоров. Но как только они начнут переговоры, руковод-

ству тех, кто использовал ядерную угрозу, сразу же станет ясна одна деталь: все партнеры в переговорах — это марионетки **Могущественного господина А.**! *Программа его господства получила конкретное воплощение.*

3

Однако до самого последнего момента **Могущественный господин А.,** *видимо, не появится на переговорах, они так и будут вестись на уровне марионеток, заседание будет следовать за заседанием. Когда удастся достигнуть соглашения (поскольку* **Могущественным господином А.** *почва была тщательно подготовлена, рано или поздно соглашение подпишут), в столице будет образовано временное революционное правительство. В соответствии с требованием оперативного штаба ядерной угрозы представители народа, поднявшего мятеж, дадут указание жителям столицы немедленно возвращаться в город. На этом этапе, разумеется, атомную бомбу не станут вывозить из города. Однако будет достигнута договоренность, что, пока жители столицы не получат приказа вторично эвакуироваться, атомная бомба не будет взорвана и обращаться с ней будут предельно осторожно!*

Добровольное возвращение в столицу ее жителей после демонстрации мощи ядерного оружия действительно явится огромной победой тех, кто применил ядерную угрозу. Они смогут доказать всем в стране и за рубежом, что в их руках находится пятнадцать миллионов заложников. Благодаря такому развитию событий происходящая революция получит право гражданства не только в рамках страны, но и в международном масштабе.

Права гражданства революции в международном масштабе? Разве это не само собой разумеется? — говорите вы. Однако право гражданства революции в международном масштабе, о котором сказал Мори, совершенно необходимо. Что будет представлять собой Токио с точки зрения международной политической географии на том этапе, когда столица, покинутая жителями, окажется в руках группы, обладающей ядерным оружием? На чем будет настаивать представитель Южной Кореи на конференции, созванной оборонительным союзом Японии, Соединенных Штатов и Южной Кореи, где будет обсуждаться создавшаяся обстановка? Если те, кто применил ядерную угрозу, совершат революцию в Токио, Южной Корее тогда будет угрожать нападение

и с Севера, и с Юга. Почему же представителю Южной Кореи, стоящей перед такой угрозой, не настаивать на том, чтобы применить в Токио тактическое ядерное оружие? Ведь к тому времени плотность населения там будет меньше, чем в пустыне, это будет огромный призрачный город, а на Корейский же полуостров ядерный пожар не распространится, если атомную бомбу тех, кто применил ядерную угрозу, уничтожат другой атомной бомбой.

Если вдуматься, именно в этом кроется самая большая опасность для дела, задуманного теми, кто применит ядерную угрозу. Однако в случае, если оборонительный союз Японии, Соединенных Штатов и Южной Кореи изберет такой путь действий, возможен **третий сценарий. Могущественный господин А.** сообщает войскам самообороны, оставшимся на стороне правительства, место, где спрятана атомная бомба — ведь оно ему хорошо известно, — и необходимость использования тактического ядерного оружия отпадет. Тогда и одной обычной ракеты будет достаточно, чтобы уничтожить атомный завод. Таким образом, **Могущественный господин А.** станет спасителем Токио!

Итак, как будет действовать **Могущественный**

господин А. в случае, если переговоры, в которых примут участие те, кто применил ядерную угрозу и руководящее ядро народного мятежа, в том числе и мятежные соединения войск сил самообороны, помогут вернуть в столицу пятнадцать миллионов ее жителей? Именно тогда **Могущественный господин А.** сможет протянуть нить к императорской семье. Он и тут останется в тени, лишь тщательно подготовив благоприятную почву для сложных политических интриг. Чего достигнет этим **Могущественный господин А.**? Разумеется, даже самая тщательная подготовка не позволит точно определить последующее развитие событий; главное, чего достигнет **Могущественный господин А.,** — это то, что само развитие событий будет выглядеть со стороны совершенно стихийным. Когда все это произойдет, нестабильность, порожденная атомной бомбой, будет служить уже не делу революции, а осуществлению программы господства над людьми, разработанной **Могущественным господином А.**

Вздор? Вы собираетесь единодушно отвергнуть·сказанное Мори до того, как он расскажет о конкретной· причине, заставившей его прийти к такому выводу?! Я не могу безропотно согла-

ситься с этим. Вы серьезно проанализировали программу революции, программу, которая получит новый импульс после того, как вам удастся изготовить атомную бомбу? Неужели вы решились, не обдумав все как следует, не осознав, какой станет революция после того, как вы завладеете ядерным оружием, положиться во всем на своих руководителей, а самим остаться бессловесными послушными бойцами? А бывают ли вообще такие руководители, которые имели бы конкретный план действий и на которых можно было бы переложить всю ответственность? В настоящую минуту работа над атомной бомбой в вашей группе, видимо, близка к завершению? Может быть, мой вопрос наивен, но неужели вы так и не собираетесь выяснять у своих руководителей, каким курсом они поведут вас завтра, завладев атомной бомбой? Мне хочется теперь крикнуть вам то же, что вы только что кричали мне. Однако **вздор,** эту вашу реплику, над которой даже не посмеешься — мол, хоть и горькое, но лекарство, — я тоже не приемлю.

И последнее, что сделает **Могущественный господин А.** *На этапе, когда те, кто применит ядерную угрозу, и руководящее ядро народного восстания сформируют временное правитель-*

ство, императорская семья будет немедленно возвращена из эвакуации. Независимо от того, будет после этого использоваться атомное убежище в Оутияма или нет, решение вернуть императорскую семью в ее резиденцию вместе с возвращающимися в Токио беженцами окажется самой крупной ставкой в игре **Могущественного господина А.** *Сколько сражений пришлось ему выиграть, чтобы как следует подготовить почву! Тем более что такую подготовку нужно было вести во всемирном масштабе. Ведь правительство и различные консервативные силы планировали отправить императорскую семью на Кюсю, Сикоку, а может быть, даже в Соединенные Штаты. Добившись реализации своего замысла — поселить пятнадцать миллионов беженцев и императорскую семью в городе, где находится атомная бомба, —* **Могущественный господин А.** *воспользуется* **четвертым сценарием**!

Нестабильность, в которой оказались пятнадцать миллионов человек, начиная с того момента, как было сообщено об атомной бомбе, и вплоть до массовой эвакуации и последующего возвращения в столицу, будет ликвидирована. Однако это не будет осуществлением лелее-

мой вами мечты о революции, а сведется к еще большему укреплению связей с императорской семьей! Тогда впервые **Могущественный господин А.** *открыто появится на сцене как человек, который спланировал и осуществил все, начиная от ядерной угрозы и кончая массовой эвакуацией и массовым возвращением и последующим переворотом, произведенным восставшими войсками сил самообороны. Стоя на руинах мечты о революционном движении и ее практического воплощения, он, использовавший юнцов, поднявших народный мятеж и восстание, и сумевший взять под свой контроль даже собственноручно изготовленную ими атомную бомбу, устроит смотр войск самообороны — тех, что совершили переворот. И вот тогда он отдаст команду «На караул перед императорской семьей!» — и зазвучат десятки тысяч фанфар…*

Идиотство? Таков единодушно подведенный вами итог откровениям Мори? **Идиотство?!**

Записанные на магнитофонную ленту выступления двух *превратившихся* окончились этим выкриком отца Мори, который как эхо прозвучал в ответ на прокатившийся по залу крик сотни человек, отозвавшихся на слова Мори. Сказанное Мори и отцом Мори и так нельзя было назвать

точно сформулированным, реакция же зала, выразившаяся в слове **Идиотство,** привела к тому, что двое *превратившихся* и вовсе потеряли охоту продолжать выступление. Или, может быть, существовала какая-то иная причина?

Началась свалка: Мори и меня больно кольнул выкрик **Идиотство!,** вынудивший нас замолчать, мы чуть не заплакали, ха-ха, но я не утверждаю, что побоище вспыхнуло именно из-за этого. Если уж говорить о потасовке, то она началась с той минуты, как двое *превратившихся* начали говорить. Более того, наше выступление все время шло под аккомпанемент потасовки, но мы не поддавались.·Мы даже не имели возможности выступать, оставаясь все время на трибуне. Нас то и дело стаскивали вниз, в гущу слушателей. Толкали, тянули из стороны в сторону, давали подзатыльники, а мы упорно продолжали говорить.

Однако фарс — выступление в кольце жарко дышащей толпы в сопровождении выкриков хором — превратился в жестокое побоище именно в тот момент, когда в ответ я бросил им их же **Идиотство!** И даже те, что, единодушно вопя вместе со всеми, все же прислушивались к нам, тут же замкнулись в скорлупе. Все собравшиеся

в зале члены группы словно превратились в неприступную стену вражды — пожалуй, это можно было бы назвать материализовавшейся жестокостью. **Дза-дза, дза, дза, дза, ган!** — мне показалось, что я слышу овеществленный звук, хотя окружающая нас стена безмолвствовала.

…В следующее мгновение среди юнцов, превратившихся в орудие убийства, неожиданно появилось шесть человек средних лет. Одинакового телосложения, они, заслонив нас спинами и образовав оборонительное кольцо, напустились на пышущих злобой мальчишек.

— Вы уже убили одного сегодня! У вас на уме что — только убивать?!

Заметив, как конвульсивно дергается рот у одного из этих шестерых мужчин с загорелой, но дряблой кожей, я поймал его мысль: а ведь это я сегодня убил человека. И я понял, что та же мысль владеет всеми ими. Они, из последних сил сдерживая возбужденно вопивших студентов, с огромным трудом вывели нас из зала. В какой-то момент к ним присоединился и **Добровольный арбитр** и, защищая нас с Мори, стал пробиваться с нами сквозь толпу. Вместо того чтобы поблагодарить наших спасителей, я сказал, обращаясь к Мори:

— То, что нам чудом удалось спастись от верной смерти, доказывает, что *превратившая* нас космическая воля внимательно наблюдает за нашими действиями.

Продолжая бежать с задумчивым лицом, Мори лишь покосился на меня, но по движению его губ я, как и во время выступления, воспринял еле уловимые электромагнитные волны.

– **Разумеется, за нами постоянно наблюдают! Именно поэтому, чтобы спасти нас, и прислали** *Корпус лососей!*

Глава X
Одиссея корпуса лососей

1

Я не хочу сказать, что он постоянно волновал меня, но стоило мне вспомнить о нем, и, подобно мыслям о смерти, он мгновенно всплывал из глубин подсознания — призрачный *Корпус лососей*.

По мере того как развивалась предпринятая *Корпусом лососей* операция по спасению нас с Мори, меня все сильнее обжигал страх перед оставшимися теперь у нас за спиной членами группы. Я думаю, те же чувства испытывали Мори и **Добровольный арбитр**. Да и сами шестеро из *Корпуса лососей*! Они дышали тяжело, как могут дышать скованные страхом, начинающие уже стареть люди, — видимо, их страх и передался нам. Я говорю «начинающие стареть», хотя с виду им было всего лет по сорок пять, но стоило их тяжелому, прерывистому дыханию пахну́ть нам в лицо, как мы ощущали запах смерти. Может быть, они страшно одряхлели от тягот *Великого похода*.

Судорожно глотая воздух, мы, пробежав между

зданиями, через низкую арку проникли в одну из дверей и прошли по узкому коридору, который оказался подземным переходом, заканчивавшимся ступеньками; мы поднялись по ним и вышли наружу, в ночь. Это был дальний конец университетской территории, через железные ворота виднелась городская улица. Обессилевшие бойцы *Корпуса лососей* присели на корточки, чтобы отдохнуть, то же самое сделали я, Мори и **Добровольный арбитр**.

Я, *превратившийся* восемнадцатилетний, раньше ос– тальных справился с одышкой, и беспокойный дух восемнадцатилетнего погнал меня к запертым воротам. Сквозь металлические прутья, увитые диким виноградом, я взглянул на дорогу. Может быть, за нами наблюдают полицейские, заранее прибывшие сюда, чтобы арестовать нас, или участники собрания, а может быть, и члены враждебной группировки?

Неожиданно по пустой улице у самого моего носа пронесся «ситроен» на такой скорости, что, казалось, он вот-вот развалится, превратившись в груду железа, которая рассыплется по мостовой. В машине, глядя прямо перед собой, сидела жена, бывшая жена, в черной каске! За рулем был великан — агент рекламного бюро. Выслеживающие

нас полицейские, члены революционной группы и контрреволюционной группировки давно вернулись домой, и только моя жена, бывшая жена, командуя братом, понукая его, бдительно патрулирует университет, беспрерывно кружась вокруг него. В это мгновение я почувствовал жалость к жене, бывшей жене, которая, из пустой вражды ко мне, в страшной ярости оттого, что я существую на свете, носится весь вечер в машине, и мне впервые удалось до конца постичь истинный характер запутанных отношений, существовавших между мной, женой и Мори, хотя теперь, после *превращения,* это уже мне было ни к чему. Последние несколько лет, когда в темноте я пытался приласкать жену, она вдруг спрашивала, словно ее это страшно заботило: *а как там он? Как чувствует себя наш ребеночек?* А я, злясь, точно маленький, отвечал: *с ребеночком все в порядке, если хочешь, пойдем посмотрим,* ха-ха. Вот тут-то и выявляется смысл запутанности наших отношений — жена, бывшая жена, хотела, чтобы вместо меня около нее был Мори, а я хотел превратить Мори в себя, чтобы с женой был близок Мори-я!

Прежде чем «ситроен» жены, бывшей жены, развернувшись на противоположной стороне

университетской территории, промчался назад, мы, убедившись, что улица пуста, быстро перелезли через ворота. Распростившись с четырьмя бойцами из *Корпуса лососей*, мы пересекли дорогу и торопливо направились в спускавшуюся вниз боковую улочку. Оставшиеся с нами двое из *Корпуса лососей* были ужасно худыми, даже изможденными, но после короткой передышки ворота одолели ловко и сейчас шли проворно — чувствовалась многолетняя тренировка.

Тот, что повыше, круглоголовый, с большими залысинами, смотрелся щеголем — на нем была поразительно чистая альпинистская куртка. Он прямо и высоко держал голову — ни дать ни взять чиновник, совершающий инспекционную поездку, в общем — **Способный чиновник**. Другой был в старом плаще, из-под которого выглядывала рубаха без галстука, — он знал, что такой вид для него самый подходящий. Сухие волосы, сухая бледная кожа, большой рот, что-то собачье в чертах лица — **Собачья морда**.

— Чего мы так суетимся, ищем кого-нибудь, что ли? — обратился я к ним.

— Что? — повернулся **Собачья морда,** но ответил мне **Способный чиновник,** тревожно хмуря брови, резко выделявшиеся на выпуклом лбу,

и в то же время равнодушно глядя поверх моей головы:

— Мы никого не ищем. Суетимся, чтобы нас нашли!

Услышав такой ответ, **Собачья морда** улыбнулся, словно испытывая гордость за своего товарища, лишний раз продемонстрировавшего свои способности.

— Они надеются, что так легче будет нас найти их приятелям, которые накормят и приютят нас, — объяснил **Добровольный арбитр**.

— А не найдут ли нас приспешники **Могущественного господина А.** раньше, чем их приятели?

— Похоже, вы боитесь этого **Могущественного господина А.,** как черта из дурного сна, — сказал **Собачья морда**.

— Из сна?! — закричал я. — Черт из дурного сна?..

Тут я подумал: мы, двое *превратившихся,* только что обратили их внимание на угрозу, исходящую от **Могущественного господина А.,** а они говорят о каком-то черте из дурного сна. Меня колотила дрожь, я даже растерялся: если так несерьезно относятся к нему сами люди из *Корпуса лососей,* то кто же в состоянии оказать сверхнасилию

Патрона настоящее сопротивление?

В это время Мори, в свете уличных фонарей казавшийся бронзовым, повернул ко мне лицо с блестящими скулами и послал мне сообщение. *Именно поэтому было необходимо наше превращение. Если двое превратившихся не расскажут, что представляет собой* **Могущественный господин А.,** *всем людям на Земле он будет представляться всего лишь чертом из сна, а когда они увидят его истинный облик, окажется, что уже слишком поздно, и этот черт из сна сожрет их. Именно поэтому мы и превратились. И, превратившись, обязаны отдать все силы борьбе!*

— О, машина подошла! — закричал **Добровольный арбитр** радостным голосом.

Мы вскочили на ходу в подъехавший сзади и продолжавший медленно двигаться за нами микроавтобус. Он тут же набрал скорость и помчался вниз, к широкой улице — им искусно, но несколько театрально управляла будущая киносценаристка! А рядом с ней, на круглом сиденье для гида, примостилась Саёко.

— Держитесь крепче! Нам нужно оторваться от машины матери Мори!

Времени усесться как следует у нас уже не было, мы кое-как втиснулись в проход и, толкая друг

друга, ухватились за поручни и спинки сидений.

— Наверно, догоняя нас, они поехали по противоположной стороне? Машина у них мощная! Посмотри-ка, они не поворачивают обратно?

— ...Едут впереди. «Ситроен» может хорошую скорость развивать, прямо летит! — доложила студентка, сохраняющая хладнокровие в самых критических ситуациях.

Ооно снизила скорость, и мы, до сих пор падавшие друг на друга в проходе, смогли ползком добраться до сидений, ха-ха.

— Куда теперь?

— Куда угодно!

— О'кей, — согласилась будущая киносценаристка.

2

Наш микроавтобус проехал приморский промышленный район и поднялся на скоростную автостраду. И, уже мчась по ней в потоке грузовиков, совершающих междугородные рейсы, всякий раз, когда мы догоняли, а потом и обгоняли идущую впереди машину, я втягивал голову в плечи, вспоминая черную каску жены, бывшей жены. О возможностях нашего микроавтобуса **Добровольный арбитр** говорил с неподдельным

восхищением. Принимая это как должное, Ооно пояснила, что этот автобус использовался для натурных съемок в Африке и у него усиленный двигатель, так что, сказала она, ни одна легковая машина с нами тягаться не сможет. Я снова удостоверился в тесных связях Ооно с кинематографистами — да, она мастер доставать все необходимое.

Может быть, и не стоило бы об этом говорить, но бесконечный, немыслимо тяжелый день, выпавший на мою долю, не способствовал возбуждению аппетита, хотя у меня с утра крошки во рту не было. Лишь тряска автобуса успокаивала мои измученные тело и душу. Так же чувствовал себя, я думаю, и Мори. Не менее обессилевшим казался и **Добровольный арбитр,** не отрывавший от Ооно глаз. Двое из *Корпуса лососей* устроились на заднем сиденье и настороженно молчали, подавленные сознанием того, что едут вместе со столь выдающейся деятельницей, принадлежащей к враждебной группе.

Я тоже молча разглядывал темное небо, куда пристально смотрела управлявшая машиной будущая киносценаристка, и увидел, как прямо передо мной черные как деготь тучи вдруг разорвались и оттуда выглянула луна, осветившая

причудливые, похожие на пагоду облака. Разрыв в тучах тут же сомкнулся… но я подумал: одно то, что я на мгновение увидел разрыв между тучами, есть знак — за нами постоянно наблюдает, как говорил Мори, *превратившая* нас космическая воля. Я повернулся, чтобы удостовериться, что и Мори это увидел, но тут заговорила смотревшая прямо перед собой Ооно:

— Если вы не спите, отец Мори, то послушайте, что я вам скажу… О-о, вы уже, наверно, знаете, что **Справедливец** убит?.. Зачем нужно было убивать такого чудесного, прямодушного, такого старательного человека? *Фашистская сволочь!* Им никогда не смыть с себя позора убийства **Справедливца**. Даже если им удастся смыть с себя позор убийства сотен тысяч!

— То, что убит человек, конечно, печально, но правильно ли будет так упрощать создавшуюся политическую обстановку? Стоит ли, превознося одного человека, противоборствующую группировку называть фашистской?

— *Замолчи, девчонка! Хватит трепаться!*

— Вам не кажется, что кричать как раз и означает вести себя *по-фашистски?* Если вы не измените своего поведения, я начну с вами борьбу! Посмотрите, кто в машине — Мори, мой друг. *Корпус*

лососей — боевой отряд моей группы. **Добровольный арбитр,** как обычно, должен сохранять нейтралитет… Вам придется сражаться вдвоем с этим чокнутым мальчишкой! — парировала Саёко.

– *Заткнись, дрянь! Хватит трепаться!* Если вы все друзья фашистов, я выведу машину на ту сторону, где идет встречный поток, и мы погибнем смертью героев. На чьей стороне будут большие потери? Подсчитай в своей дурацкой башке! *Ну как, хочешь разбиться? Тварь!*

Студентка, которая до этого кричала, вцепившись в спинку водительского сиденья, притихла. Потом заговорила как ни в чем не бывало:

— Только и можете ругаться: *фашисты.* Конечно, на вас все это плохо подействовало — и машину вон как ведете, и кричите. Убили **Справедливца,** вот вы и обезумели от горя.

— …Я-то знаю о **Справедливце**… Но откуда ты могла узнать, что он умер? Ведь тебя задержала полиция, и ты была отрезана от всех источников информации, — сказал я.

Будущая киносценаристка, не отвечая прямо на мой вопрос, на миг обернулась к сидевшим в микроавтобусе и стала рассказывать о том, что произошло. Словно опьянев от глубокой тоски и

печали, она говорила уже совсем другим голосом, не имевшим ничего общего с недавним бешеным криком, — так она обычно говорила на митингах и по телевидению.

— Сразу же после того, как отец Мори и **Добровольный арбитр** вбежали на территорию университета, я подала машину вперед, но мотора не заглушила! Я решила подъехать поближе к цепи полицейских, топавших в бешенстве ногами оттого, что упустили Справедливца и его товарищей, — поближе к полицейскому, вышедшему вперед, чтобы остановить мою машину, будто послушавшись его знака остановиться! Мое поведение произвело на них благоприятное впечатление. Бежать уже было невозможно, и мне пришлось заглушить мотор и, не говоря ни слова, открыть дверцу. Вдруг из-за спины полицейских с криком: *Поймала наконец эту гадину!* — подлетает ко мне мать Мори — кожа на лице задубела, и оно стало похоже на маску. Стараясь защититься, я захлопнула дверцу. Но она ударилась головой об ее острый угол и потеряла сознание. Мать Мори, которую подхватил полицейский, чтобы она не упала — все это было ужасно, — взял на руки какой-то верзила, злобно смотревший на меня совершенно такими же, как

у матери Мори, глазами, и отнес к полицейской машине. Этим окончилась моя очная ставка с матерью Мори. Не понимаю, почему тогда на ней не было черной каски? Молодые полицейские стояли в растерянности, не зная, можно ли смеяться над этим представлением, а я, вылезая из машины, рассмеялась! Полицейские вздохнули с облегчением. Затем я притворилась, что ничего не понимаю, и спросила, что произошло, а когда мне задали встречный вопрос, кто эти люди, что вбежали на территорию университета, сказала все как есть. **Справедливец** хочет с помощью ненасильственных действий выразить протест по поводу того, что его избили во время митинга против строительства атомных электростанций, а **Добровольный арбитр** и восемнадцатилетний мальчишка помогают ему в этом. Только, мол, я не знаю, откуда взялся этот мальчишка. У меня собираются самые разные молодые ребята, и я им поручаю ту или иную работу, не уточняя даже имени и университета, где они учатся. После этого я достала свою визитную карточку и протянула полицейскому. Самому на вид простодушному из всех, что меня окружали. У вас, разумеется, знают, кто такие **Справедливец** и **Добровольный арбитр,** сказала я. Неопознанным остается лишь

мальчишка, симпатизирующий левым, — на том мы и поладили. Почему? Потому, видимо, что они гонялись за третьим — человеком среднего возраста, отцом Мори. А мальчишка им был ни к чему. И в самом деле, увидев бегущего мальчишку, они и представить себе не могли, что это человек среднего возраста, а мать Мори, утверждавшая, что он как раз и есть отец Мори, вырядившийся молодым, была без чувств и возразить мне не могла. В это время из университета прибыл шпион и сообщил, что **Справедливец** и двое других схвачены студентами и им здорово достается. Таким образом, уже полностью отпали все еще существовавшие у полиции подозрения, что **Справедливец** и его товарищи намерены выступить перед собранием актива с докладом о покушении на **Могущественного господина А.** Атмосфера стала доброжелательной, и, возможно решив выудить у меня какие-то дополнительные сведения, они·даже предложили мне пойти выпить чаю. С вашими товарищами такое стряслось, вы, наверно, обеспокоены? — сочувствовали они. Полицейские сопровождали меня, но никакого серьезного разговора не заводили. Лишь молодой полицейский, получивший от меня визитную карточку, сказал, что ему нравятся

мои выступления по телевидению. Когда мы пили чай, мне показали фотографию, незадолго до этого сделанную с помощью телеобъектива, — на ней был бегущий мальчишка, а вовсе не мужчина среднего возраста. Полицейские были настолько любезны, что постарались предотвратить мою встречу с матерью Мори, подогнав мою машину к кафе, и отпустили на все четыре стороны.

— Члены нашей группы не вступают с властями ни в какие переговоры, и поэтому их так легко не освобождают.

— *Прекрати! Девчонка, хватит трепаться!*

Мчась рядом с неотесанными водителями тяжелых грузовиков, Ооно время от времени вспыхивала, вскидывала голову и начинала ругаться с выразительностью, которую она усвоила, изучая режиссуру в Европе. **Добровольный арбитр** придумывал способ избежать смертельной опасности, которая грозила нам при малейшей ее оплошности. Он заговорил, вежливо обращаясь к студентке:

— Пойди, пожалуйста, сядь с Мори и позаботься о нем. Он ведь ранен в голову, а ему пришлось преодолеть столько непосильных трудностей.

— Я отказалась от личных чувств и действую как член коллектива, а теперь вдруг одна должна

идти к Мори — разве это справедливо?

— *Прекрати, дрянь! Опять начала трепаться?!*

Ооно так гаркнула на студентку, что та послушно поднялась со своего места и пошла к Мори. Вид напряженных ляжек девушки, выглядывавших из-под джинсовых шорт, когда она проходила мимо меня, приседая, чтобы удержаться на ногах при резких поворотах машины, запах ее тела привели меня в трепет… но дело здесь не в эротике, это был тот самый ужасный запах, который я вдыхал, пока был пленником.

— Ну, так каким же образом дошло до тебя сообщение, что **Справедливец** убит? Неужели, схватив нас, члены группы устроили пресс-конференцию по случаю зверского убийства?

— Никакой пресс-конференции мы не проводили! — громко заявил сидевший сзади **Способный чиновник** из *Корпуса лососей*. В отличие от меня и **Добровольного арбитра** он совсем не выглядел усталым и мог говорить громким голосом. — Это был несчастный случай, достойный сожаления несчастный случай, и никто не рассматривает его как военную победу. Кроме того, виновные в этом несчастном случае должны быть привлечены к ответственности в рамках студенческой

организации группы. Это произошло в результате тактического промаха. Когда виновных привлекут к ответственности, можно будет провести и пресс-конференцию.

— Даже если кого-то и привлекут к ответственности, покойного к жизни, разумеется, не вернешь?! А потом, разве вы когда-нибудь признаете, что в вашем движении могут быть несчастные случаи, вызванные тактическим промахом?

– *Что?!* — Оба из *Корпуса лососей* на мгновение умолкли, а потом **Способный чиновник,** выражая точку зрения своего товарища, продолжил: — Наоборот, мы всегда признаём факты несчастных случаев, возникших в результате тактических промахов, и выступаем с самокритикой. Привлечение к ответственности за несчастные случаи, вызванные тактическими промахами, было необходимым и неизбежным особенно в то время, когда наша боевая группа делала свои первые шаги и немало ее организаторов погибло из-за несчастных случаев, вызванных глупейшими оплошностями…

— Говоря «наша группа», вы, наверно, имеете в виду *Корпус лососей*? И поскольку речь идет о *Корпусе лососей,* я вам верю. Но я не убежден, что

революционная группа студентов тоже признает свои промахи.

Говоря это, я повернулся к ним, чтобы посмотреть, какое впечатление произведут на них мои слова: *Корпус лососей*. Но я увидел лишь, как студентка любовно и серьезно дотрагивалась пальцами до головы Мори, который смотрел прямо перед собой, глубоко утопая в сиденье, и я поспешно отвернулся.

— …Совершенно верно, речь идет о *Корпусе лососей*, — честно подтвердил **Способный чиновник** после минутного колебания. — При несчастных случаях, нередких в начале нашей деятельности, виновные всегда привлекались к ответственности… Конечно, разбирательство проводится внутри нашей революционной группы, объединенной общим курсом и целями, и полностью распространить наш «стиль» и на студенческие организации весьма нелегко… Исходя из существующего опыта, я могу сказать, что это практически невозможно.

— Вы говорите о случившемся так невозмутимо, словно о чем-то абстрактном. И это когда речь идет о только что убитом **Справедливце**?! Все, о чем вы говорили, невозможно не только практически, это совершенно невозможно даже

теоретически! Почему серьезные, думающие ребята *абсолютно все становятся фашистами?* — раздраженно заговорила Ооно. И я снова понял, что необычная для нее грубость, с какой она кричала на Саёко, вызвана терзающей ее душу безысходной тоской. — …Вечером мне позвонил полицейский — тот, которому я вручила свою визитную карточку. Он сказал мне, что **Справедливец** упал с ограды в дальнем конце университетской территории, попал под электричку и умер страшной смертью. Нужно пойти опознать его, сказал полицейский. У меня сердце обливалось кровью — я тут же позвонила своим ребятам, поехавшим на мою дачу в горах, и рассказала, что фашисты убили **Справедливца**. И вот какой была их первая реакция: ни в коем случае не ходить в полицию, во всяком случае одной, сказали они мне. Пока руководство не проанализирует нынешнее положение в группе и не даст оценки случившемуся, такой эмоциональный и импульсивный человек, как я, пойдя в полицию, выскажет там недостаточно продуманную мысль, и это может привести к серьезным осложнениям. Особенно остерегайся буржуазной прессы, сказали они. Они даже ничего не сказали толком о случившемся… *По-*

чему абсолютно все становятся фашистами? Абсолютно все молодые ребята нашей страны?! Они по очереди подходили к телефону, стараясь уговорить меня, но я, не послушав их уговоров, все же пошла опознавать труп. Однако увидела только руки — единственное, что осталось от превратившегося в кровавое месиво **Справедливца**. Они были отрезаны чуть выше локтя, и пальцы крепко сцеплены. Так, сцепив руки над головой, отвечает на приветственные крики зрителей победивший атлет. Именно так. Увидев эти крепко переплетенные пальцы, я убедилась, что это **Справедливец,** и никто иной. Незадолго до этого, перед началом митинга, **Справедливец** нашел в своем блокноте, заполненном расписанием демонстраций и митингов, чистый листок и подсчитал для меня, сколько горячей воды будет выбрасывать в день атомная электростанция мощностью в десять миллионов киловатт. Я хорошо запомнила форму его напряженных пальцев, крепко зажавших короткий карандаш…

Рассказывая об этом плачущим голосом, Ооно резко вскидывала голову, чтобы смахнуть слезы. Но это ей никак не удавалось, и пришлось подъехать к обочине. Остановив машину, будущая киносценаристка, не в силах сдержать скорбь,

охватившую ее, когда она своим рассказом о смерти **Справедливца** воскресила пережитое, оперлась о руль и разрыдалась. Мы не знали, что делать. Нас спас отличающийся практичностью **Способный чиновник** — обняв плачущую женщину за плечи, он отвел ее на заднее сиденье, а сам сел за руль и направил машину к круглосуточно работающей закусочной для водителей грузовиков, светившейся неоновой вывеской. Ооно оставалась в микроавтобусе, поставленном на огражденной стоянке, а мы, чтобы не умереть с голоду, пошли перекусить.

Вид у нас был весьма странный, особенно странно выглядели я, **Добровольный арбитр** и Мори, голова которого была забинтована, — тем не менее мы пошли в закусочную. Ничего другого нам просто не оставалось. Опасение, что, увидев такую странную компанию, хозяин тут же сообщит в полицию, отметалось не признающим логики пустым желудком — сейчас главное поесть, а там будь что будет! Когда мы открыли дверь, нас буквально отбросили назад слепящий свет и оглушительный шум — мы замерли у порога под устремленными на нас взглядами посетителей. Однако девушка у кассы и глазом не моргнула, будто в нашем необычном виде не

находила ничего особенного.

— Потерпели аварию? В туалете есть аптечка! Как это ужасно!

— Аварию? Да, аварию! Действительно ужасно! — **Добровольный арбитр** мгновенно оценил обстановку; говорил он глухим голосом, насупившись, показывая этим, какие ужасные страдания мы испытываем. — В ночных новостях о дорожных катастрофах нас здорово ругали. В машине, которая столкнулась с нами, один человек погиб!

Добровольный арбитр проявил себя как человек находчивый и решительный! Люди, занятые, как он, практической деятельностью, даже если практическая деятельность сводится к тому, что во время бесполезного выступления их бьют и валят с ног, ха-ха, прошли в своей жизни огонь, воду и медные трубы. Благодаря разглагольствованиям **Добровольного арбитра** наша компания именно из-за своего необычного вида превратилась в самых дорогих гостей закусочной у скоростной автострады. Сидевшие там водители грузовиков ни словом не обмолвились в наш адрес, когда мы уселись в дальнем конце. Взглянув на наши раны, они почтительно и в то же время удивленно уставились на слабаков, ставших

жертвой насилия. Все они были молодыми ребятами, и щеки их пылали, хотя они и не выпили ни капли вина, а часы, висевшие рядом с кошкой, приносящей счастье, и талисманом Бога огня из храма в Нарите, показывали уже десять минут четвертого…

Итак, наконец мы в таком месте, где вдоволь еды. Я раскрыл меню с ощущением, будто ничего не ел целую тысячу лет, но разбитые пальцы заледенели, точно шершавый листок меню был холодным снежным комом.

— Давайте возьмем комплексный обед из китайских блюд! В таком месте это, пожалуй, самое безопасное, — энергично предложил **Способный чиновник**.

— Я бы съел еще и колобков из крабов, — с неменьшей горячностью сказал **Собачья морда,** и студентка, соблазнившись, с готовностью поддержала его:

— Я тоже хочу колобков!

Заказав еду, мы, сидя за круглым столиком, ждали, пока нам ее принесут; **Способный чиновник** спохватился и налил всем чаю; после нервной вспышки Ооно разговор у нас не клеился. По радио прозвучали слова: Свет Луны коснулся твоего затылка! — и **Способный чиновник,** подняв к

потолку глаза, заявил:

— Стремление к двусмысленности.

— Да, обскурантизм, — с завидной серьезностью поддержал его **Собачья морда**. Неужели они готовы были без конца критиковать песню и манеру исполнителя? Ха-ха.

Тут **Способный чиновник** перевел на меня свои мигающие глаза.

— Откуда ты узнал о существовании *Корпуса лососей*? — задал он, видимо, давно мучивший его вопрос.

— Когда *Корпус лососей* на реке Кумагава в префектуре Гумма реквизировал охотничьи ружья, я как раз был поблизости — ловил лососей. Я тогда чисто случайно не встретился с *Корпусом лососей*.

— Мы их реквизировали у директоров охотничьих союзов. — **Способный чиновник** собрал в мелкие морщинки лоб с большими залысинами и обменялся взглядами с **Собачьей мордой** — они понимающе ухмыльнулись друг другу.

Издав простодушный смешок, совсем не свойственный людям, которым уже за сорок, они снова посерьезнели.

— Ружья, которые мы тогда реквизировали, были хорошего качества, но разных образцов

— и старых, и самых новейших. Из-за этого и возникли проблемы. Только освоишь ружье одной марки, как тебе дают другое — опять все начинай сначала. Это все время приводило к многочисленным жертвам. Жертвам несчастных случаев в результате тактических ошибок. Это был для нас самый тяжелый период.

— Лучше бы мы добыли одни старые ружья — тогда все были бы вооружены одинаково. Для дела это гораздо лучше, а то, как получишь оружие поновее, сохранить хладнокровие бывает трудно.

— Я иногда размышляла о том, какой смысл заключен в названии *Корпус лососей,* наверно, речь идет совсем не о тех лососях, которых ловил отец Мори? — осторожно спросила студентка. — Если это самое обычное слово, известное каждому революционеру и бойцу вашего корпуса, то так и скажите, только не смейтесь надо мной.

— Лосось — пресноводная рыба, принадлежащая к семейству кетовых. Рыбаки ловят лососей, все время двигаясь вдоль горной реки, мы тоже все время передвигаемся, за это одна из газет префектуры Иватэ прозвала нас *Корпусом лососей*... Однако, поскольку это прозвище звучало как-то легкомысленно, власти не придали нам ника-

кого значения. Если бы они всерьез восприняли сообщение газеты и устроили облаву на горных реках, нам бы пришлось туго…

— Ведь карта районов деятельности *Корпуса лососей* взята из книги «Места лова на горных реках», которая продается где угодно. Попади она в руки властей, они бы своего шанса не упустили. Вот тогда нам было бы худо, это уж наверняка.

Собачья морда, быстро прикончив принесенный комплексный обед, пододвинул к себе тарелку с колобками из крабов, и я подумал, что вот таким по-студенчески жадным заглатыванием еды он и испортил себе желудок — отсюда и серый цвет лица, и болезненный взгляд.

— Кое-кто действительно обнаружил взаимосвязь между маршрутом нашего похода и названием *Корпус лососей,* например **Могущественный господин А.** Через продуктовую лавку в городке, известном как центр ловли рыбы в горных реках, он уже давным-давно установил с нами связь.

Опять этот **Могущественный господин А.**!

— Я уж думаю, не я ли первым рассказал ему о *Корпусе лососей*… Но с какой целью решил он установить с вами связь?

– **Могущественный господин А.** использует

все! Хочет господствовать над всеми! — сказал **Собачья морда,** подняв лицо с налипшими вокруг губ кусочками колобков.

— Но если *Корпус лососей* совершал свой поход в глухих районах на северо-востоке, для чего он мог использовать вас, даже установив с вами связь?

— Местом действий *Корпуса лососей* действительно были горные реки, но, поскольку это — современное партизанское формирование, он мог растворяться и среди жителей городов, — разоткровенничался **Собачья морда**. — Способность хорошо вооруженного *Корпуса лососей* активно смешаться с населением, оставаясь недосягаемым для властей, доставляла полиции немало хлопот. Однако *Великий поход* китайской революции и наш *Великий поход,* естественно, отличались друг от друга. Наш поход носил, скорее, ритуальный характер. Поскольку он являлся определенным символом, ритуалом, не все солдаты *Корпуса лососей* должны были участвовать в нем. Число участников похода *Корпуса лососей* было сравнительно невелико. Но они беспрерывно выполняли этот ритуал. Вот почему каждый наш солдат отождествлял себя с коллективом. Солдаты в любое время спускались с гор и про-

никали в города, а потом снова возвращались в отряд, в место сбора, которое сообщалось им совершенно секретно. Избежать любопытных глаз было сравнительно нетрудно — кто удивится, если на рассвете или вечером увидит поднимающегося в горы человека, снаряженного для рыбной ловли в горной реке? Обеспечен был *Корпус лососей* и материально благодаря тому, что солдаты, спускаясь с гор, работали и, добыв необходимые средства, возвращались обратно. В общем, *Корпус лососей* — это, так сказать, открытый партизанский отряд, не имеющий ничего общего с закрытыми формированиями, страдающими болезненным стремлением никуда не выпускать своих членов.

— В таком случае почему революционная группа не использует методов *Корпуса лососей*? — не удержавшись, сказала студентка, но **Собачья морда** игнорировал ее вопрос, и вместо него ей ответил **Добровольный арбитр**:

— Обычно, когда одного из членов партизанского отряда, укрывшегося в горах, посылают вниз, у всех остальных возникает подозрение, что он может предать их. Такое подозрение, сочетаясь с непреодолимым желанием дезертировать, которое испытывают они сами, разъедает ядом

их души. Именно ради освобождения их от этого яда я и веду движение, направленное на то, чтобы между всеми группами было достигнуто взаимопонимание на основе самокритичного анализа деятельности каждой из них. Партизаны должны, растворившись в народе и апеллируя к нему, освободить самих партизан.

— Апеллируя к народу, освободить самих партизан — что это еще за партизанские стратегия и тактика? — обратился **Собачья морда** к **Способному чиновнику,** тем самым нелюбезно выражая **Добровольному арбитру** полное несогласие с ним. — Плавание партизан в народном море, а не растворение в нем, подобно мылу. В противном случае партизаны вообще исчезнут!.. Другими словами, поскольку центростремительная сила концентрирует партизан вокруг ядра отряда и члены его осознают существование такой силы, нет никакой нужды убеждаться в их преданности, да и предательств не происходит. Именно в этом, мне кажется, и состоит особенность партизанского движения. Что касается *Корпуса лососей,* то центростремительная сила сохранилась благодаря беспрерывно продолжавшемуся походу, хотя число его участников было не так уж велико.

— Но разве *Корпус лососей* в конце концов не рассеялся подобно туману? — спросил в ответ разозлившийся **Добровольный арбитр**.

Услышав это, двое из *Корпуса лососей,* вытянув по-гусиному шеи, презрительно посмотрели на вопрошающего и переглянулись — удовлетворенная улыбка появилась на их лицах. Они начали громко хохотать, прерывисто дыша, точно задохнулись от быстрого бега! Их вызывающее поведение привлекло внимание водителей грузовиков, которые, казалось, вовсе забыли о нашем существовании, — атмосфера начала накаляться.

Способный чиновник откашлялся и, точно отметая устремленные на нас взгляды водителей, резко выпрямился на стуле. Не стирая с лица улыбки, он перевел на **Добровольного арбитра** свои круглые птичьи глаза и ответил ему так:

– *Корпус лососей* не рассеялся подобно туману. Именно поэтому я не могу подробно рассказать о его нынешнем походе… Однако мы привлекли внимание этих людей, давайте лучше уйдем отсюда. Материальное положение *Корпуса лососей,* я уже сказал, великолепно, так что заплатим мы.

— В этом, по-моему, нет необходимости, — заметил его товарищ.

У кассы стояла Ооно Сакурао и величественно расплачивалась.

Справившись со своим горем, вызванным смертью **Справедливца,** она вспомнила, что должна заплатить за нас, и, как руководитель нашей группы, покинула машину и пожаловала сюда.

3

Мы поднялись и пошли к выходу, а **Способный чиновник,** самый находчивый из нас, поблагодарил будущую киносценаристку, но она, как и в прошлый раз, игнорировала его и предложила нам с **Добровольным арбитром** зайти в туалет и привести себя в порядок. «У нас здесь не столько едят, сколько пользуются этим заведением», — зло бросила девушка у кассы. Выражая простодушное восхищение заботливостью Ооно, **Добровольный арбитр,** глядя на свое отражение в зеркале туалета, сказал, обращаясь к самому себе: она даже полотенце для нас приготовила. Слова его не имели ко мне никакого отношения. Я в это время сидел на унитазе и услышал его голос за дверью. Правда, его отражавшееся в зеркале лицо, как и мое, выглядело ужасно, и радостного выражения на нем не появилось.

Студентка выбрала место, с которого хорошо было видно всех, — усевшись на подлокотник и опершись руками о сиденье, она принялась провоцировать нас на спор.

— Куда мы поедем теперь? Кто-то знает, куда мы направляемся, а другие должны молча подчиняться — это недемократично! Я до сих пор работала связной, а теперь меня никто не посвящает в наши планы. Это не только недемократично, но еще и проявление мужского шовинизма! Вас двоих, наверно, направило сюда командование *Корпуса лососей* для наблюдения за Мори, этим мальчишкой и **Добровольным арбитром**? Но в таком случае не смейте обращаться со мной как с объектом наблюдения! Я тоже член революционной группы! Если вы решили отстранить меня, будто я не имею никакого отношения к нашему движению, это уже совсем нечестно, бюрократизм какой-то!

Студентке доброжелательно, но с некоторым недоумением ответил **Способный чиновник** — ее обвинения были для него совершенно неожиданными.

— Разве мы относимся к тебе бюрократически? Это не в наших правилах. Если думать о перспективах революции, важно не то, как раз-

вивалось движение до сих пор, а то, как оно будет развиваться в дальнейшем. Особенно это важно знать молодым членам группы. Мы относимся к тебе с уважением и ни в коем случае не намерены тебя отстранять… Мы составляем здесь меньшинство и не собираемся вести за вами наблюдение. Мы добровольцы, присоединившиеся к вам для обеспечения дальнейших действий двух *превратившихся* — Мори и отца Мори. Мы обязаны сосредоточить все свое внимание на Мори. Почему же тебе кажется, что ты, участвующая в борьбе вместе с Мори с самого покушения, будешь отстранена?

После этих слов **Способного чиновника** студентка, ища поддержку, перевела взгляд на Мори. Следуя за ее взглядом, я тоже взглянул в ту сторону. Мори, свернувшись на сиденье, спал. Руками он старательно прикрывал раненую голову, как и до *превращения,* когда у него там был вставлен кусочек пластика. Глядя на Мори, я подумал: все же ему необходимо объяснить, что я, *превратившись,* стал моложе его, но все равно остаюсь его отцом. И я спросил, обращаясь главным образом к тем двоим из *Корпуса лососей*:

— Почему вы все-таки вызвались охранять Мори? Ведь в вашем возрасте уже трудно поверить

рассказу о *превращении*.

— Да ясно почему! На нас произвело огромное впечатление ваше недавнее выступление. Оставим в стороне вопрос о том, верим мы в *превращение* или не верим. Все шестеро из *Корпуса лососей,* находившиеся тогда в зале, были потрясены вашей речью, которую вы буквально прокричали, словно слившись с Мори. Мы согласились с вами и решили сотрудничать.

Веря ему только наполовину, я решил пока воздержаться от окончательных выводов, но тут **Собачья морда,** стараясь, чтобы я понял истинный смысл сказанного **Способным чиновником,** глядя мне прямо в глаза, принялся убеждать меня:

— Что удивительного в том, что именно на нас, находившихся среди этих юнцов, вернее даже, только на нас, ваши слова произвели огромное впечатление? Откровенно говоря, больше всего нам понравились ваши мысли о программе господства над людьми **Могущественного господина А.** У нас ведь есть опыт, который даже не снился этим молокососам. Перед самой капитуляцией Японии **Могущественный господин А.** на военном самолете вывез из Шанхая в Хиросиму золото, серебро, бриллианты, а тут атомная

бомбардировка. Все его приятели погибли, уцелели лишь сокровища и сам **Могуществен– ный господин А.** — он принадлежит к тем людям, кому удалось извлечь выгоду из самого мрачного, самого ужасного, что только может создать человечество. Видимо, поэтому он и решил теперь сам вызвать к жизни сверхмощную силу, которая однажды уже столкнула его лицом к лицу с мраком. Вот почему эта программа господства над людьми ужасна. Мы вовсе не считаем ваши мысли о **Могущественном господине А.** химерой.

Собачья морда говорил о пережитой **Могущественным господином А.** атомной бомбардировке так, будто повторял заученный урок. Такую тактику обычно применяли дружки Саёко — повторяя хорошо известные собеседнику вещи, они старались сблизить позиции, но я, честно говоря, раньше над тем, что сообщил **Собачья морда,** не задумывался и поэтому пришел в смятение. Воспользовавшись моим молчанием, в разговор вмешалась Саёко, задав весьма существенный вопрос:

— Почему **Могущественный господин А.,** бывший в Хиросиме очевидцем колоссального зла, не придумал равносильного этому злу добра?

— По формальной логике так и должно было

случиться, — ответил **Способный чиновник**. — Возможно, наступит время, когда совершенное **Могущественным господином А.** будет оцениваться как величайшее благо. Сценарии **Могущественного господина А.,** о которых говорилось в выступлении, если только они будут претворены в жизнь, вполне можно рассматривать как колоссальное добро. Буквально все аспекты сценариев. Они вполне достойны Нобелевской премии мира. Лишь когда это добро воплотится в реальность, господство **Могущественного господина А.** над людьми вступит в завершающую фазу.

— Однако! — подхватил **Собачья морда**. — Вот почему нельзя утверждать, что **Могущественный господин А.** с самого начала стремился к колоссальному добру. Видимо, возвращаясь к опыту пережитой атомной бомбардировки, **Могущественный господин А.** не рассматривает порожденную ею нестабильность обстановки как зло. Разумеется, он не настолько наивен, чтобы считать происшедшее благом. Атомная бомбардировка указала **Могущественному господину А.** на безграничное расширение масштабов того, что может свершить человек. Если другие способны на столь грандиозные дела, то и он в силах совершить то же — ведь все это сделали такие же,

как и он, люди; в общем, у него открылись глаза. Человек, который так реагировал на атомную бомбардировку, способен придумать что угодно. Ядерный взрыв по своей грандиозности равноценен всему, чего достигло на сегодняшний день человечество. А все прочее уже выходило бы за земные рамки. Но **Могущественный господин А.** в своих честолюбивых помыслах не стремился к космическим масштабам. Он только хотел господствовать над людьми на Земле.

Слушая **Собачью морду,** я заметил, что спящий Мори корчится в мучительных судорогах. Я понял, что судорога — признак острой потребности в самовыражении. Это пришли в движение кровь, мышцы, суставы, кости — весь организм Мори, пытающийся передать голос его духа. Я услышал в себе свой собственный голос, резонирующий с его беззвучным криком. *Вот как? Поскольку наше превращение произошло благодаря воле — силе на космическом уровне, мы обладаем мощью колоссального масштаба, превосходящей мощь честолюбивых помыслов* **Могущественного господина А.**

Осознав этот прозвучавший во мне крик, я понял смысл действий Мори, сразу же после *превращения* напавшего на **Патрона,** — ну что ж,

в таком случае я снова его преданный товарищ. Поддерживаемый этой уверенностью, я утратил последние сомнения в том, что ветераны славного *Корпуса лососей* по собственной воле решили охранять двух *превратившихся*. И тут я понял, что именно эти двое — наши первые товарищи — откроют всему человечеству суть *превращения,* которое до сих пор было скрыто, ограниченное лишь Мори и мной. Я не колеб–лясь завел с ними дружеский, откровенный разговор о стратегии и тактике.

— Для **Патрона** я делал главным образом резюме статей о ядерной ситуации за рубежом, но порой передавал ему и данные, связанные с Хиросимой и Нагасаки. Однако он ни разу и словом не обмолвился, что пережил атомную бомбардировку. В чем тут дело? Может быть, этот факт будет иметь определенное значение для стратегии предстоящей борьбы?

— Со мной **Могущественный господин А.** ни разу не заводил разговора об атомной бомбардировке, — ответил **Собачья морда**. — Я только слышал от людей, что после поражения, в период оккупации, он рассказывал, будто пережил атомную бомбардировку. Во всяком случае американцы, с которыми мне приходилось ча-

стенько встречаться, вспоминали об этом. В тот период еще существовал контроль над сообщениями о Хиросиме и Нагасаки, и американец рассказывал мне все это только для того, чтобы показать, как человек, переживший атомную бомбардировку, опередил всех в гонке за прибылями в международном масштабе. Тогда уже было совершенно ясно, что движущей силой замыслов **Могущественного господина А.** станет именно тот факт, что он пережил атомную бомбардировку. Я узнал об этом от одного американца, когда работал переводчиком на торговых переговорах о монопольных прибылях, которые хотел получить **Могущественный господин А.**; в свое время этот американец уже вел с ним подобные переговоры.

— Мой товарищ считается в Японии выдающимся специалистом в области английского языка и поэтому много раз ездил в Америку в качестве переводчика **Могущественного господина А.,** — пояснил **Способный чиновник,** переглянувшись с **Собачьей мордой,** они дружески улыбнулись друг другу. — Даже во времена боевого похода по горным рекам он, будучи солдатом *Корпуса лососей,* ездил переводчиком за границу, вот какие у нас есть люди. **Могуще-**

ственный господин А., разумеется, знал, что ты принадлежишь к *Корпусу лососей*? Ведь когда ты поехал с ним в Атланту, он установил связь с «Черными пантерами» через тебя, правильно?

— Связь с ними оказалась на поверку бесполезной — пороху у них не хватает… Насколько я понимаю, план **Могущественного господина А.** в период подписания мирного договора с Америкой состоял в том, чтобы превратить Хиросиму и Нагасаки в открытые города и сконцентрировать в них банки всего мира на манер швейцарских. Он считал, что, поскольку два этих города уже подвергались атомной бомбардировке, вряд ли они станут объектами новой ядерной атаки. Следовательно, вкладывать деньги в банки Хиросимы и Нагасаки безопаснее, чем в швейцарские. Во время предварительных переговоров по этому вопросу он даже предложил вариант демонстрации ядерной угрозы — пусть, мол, самолет без опознавательных знаков совершит ядерное нападение на Швейцарию. Американец задал встречный вопрос — подобает ли говорить о новой атомной бомбардировке человеку, который сам пережил ее, на что **Могущественный господин А.** ответил: именно поэтому я ее и предлагаю!

— Сам план провалился, но определенное воздействие он оказал, свидетельством чему может служить колоссальная система противоядерной защиты швейцарских банков, — сказал **Способный чиновник**. — Со стороны может показаться, что все замыслы **Могущественного господина А.** гибнут на полпути. Но это лишь видимость — за кулисами тайно достигается выгоднейшая сделка.

— Интересно, что за переговоры вел с американцем **Патрон,** при котором вы были переводчиком?

— Переговоры, казалось закончившиеся неудачей, служили лишь камуфляжем для тайной сделки, например поставки в Японию заводов, производящих индивидуальные атомные убежища, которые можно использовать как жилые дома.

— Возможно, в таком случае это имело прямую связь с той информацией, которую я поставлял **Патрону**.

— Совершенно верно. К тому же **Могущественный господин А.** делал все для того, чтобы мы не встретились. Трудно теперь оценить, что сделали сообща все люди, которые независимо друг от друга работали на **Могущественного**

господина А.

— Мой университетский товарищ был агентом-связным Патрона в Европе — сразу же после кубинского кризиса он покончил с собой. Он был моим старинным приятелем, но даже я не знал точно, какую именно работу он делал для **Патрона**…

— Нам тоже известно о нем! Он подготавливал базы в Европе для *Корпуса лососей*.

Мы вновь почувствовали, как на нас надвигается угрожающая тень **Патрона**. Все замолчали, обдумывая то новое, что услышали друг от друга.

Будущая киносценаристка, которая, продолжая вести машину, видимо, прислушивалась к нашему разговору, сказала:

— Отец Мори, чтобы сохранить силы для совместных с Мори действий, вам бы тоже следовало вздремнуть, пока он спит… До сих пор вы делали все, чтобы защитить Мори от *Корпуса лососей*, но, поскольку теперь вы поняли, что и они будут бороться вместе с вами, охраняя Мори, можете спокойно поспать.

— Верно. Всем спать! Но где? Может быть, мы могли бы заехать на автобусе в мотель? — сказал **Добровольный арбитр,** видимо совсем отупевший от постоянного недосыпания.

— А почему нельзя поспать в самом автобусе? Как сейчас спит Мори? Можно укрыться одеялами, которые лежат на багажных полках. Осторожно опустите спинку, чтобы не разбудить Мори, и накройте его одеялом. Я буду тихонько вести машину, и в ней будет тепло, а уж если начну клевать носом и ехать станет совсем опасно, тогда придется остановиться. Отопление, правда, работать не будет.

Мы начали укладываться спать, студентка укрыла Мори одеялом и вернулась на сиденье рядом с водителем. Она, наверно, решила помогать Ооно вести машину и заменить ее, если та начнет засыпать! Меня тронуло это. Девушка обладала всеми качествами, которые так необходимы практическому деятелю. Засыпая под мягкое покачивание машины, я подумал с беспокойством, а был ли я когда-нибудь, подобно ей, солью земли и вообще смогу ли когда-нибудь стать таким же, как она…

4

Я видел сон. Сон? Вы можете даже усомниться, мол, как по заказу, но я действительно видел сон. Мне кажется, в нем метафорически выражались отношения между реальным миром, в котором

жили мы с Мори после *превращения,* и космической волей. Должен ли я скрывать этот вещий сон? Ведь я все это время вел рассказ о снах или о том, что весьма походило на сон, ха-ха! Надеюсь, вы не истолкуете мой смех превратно и не подумаете, что я собираюсь говорить о смешных вещах? Я смеюсь над своим нетерпением поскорее поведать о сне, еще более отчаянном, чем самое отчаянное время в моей двойной жизни, порожденной *превращением*. То, что я собираюсь рассказать, — это сон о зловещих призраках, но я надеюсь, что вы воспримете его с полной серьезностью.

Вначале во сне очертания реального мира, в котором пребывали мы с Мори, были совершенно четкими и можно было точно уловить истинную сущность нашей жизни. Мы с Мори были солдатами *Корпуса лососей*. Причем мы как раз совершали *Великий поход* по горным рекам. Все солдаты были в маскировочной военной форме и в серебристых очках для подводного плаванья. Камуфляжная раскраска служила не столько для того, чтобы затеряться среди зелени, сколько для того, чтобы резко выделяться в повседневной жизни. На темно-сером фоне, словно подернутом молочной пеленой, расплывчато проступали

какие-то розовые разводы; хотя и затуманенные молочной белизной, они явно напоминали узоры вытащенного на мелководье из чистой, хотя и чуть замутненной воды лосося, — такой была наша боевая форма. Осмотревшись, я увидел весь наш огромный корпус в одинаковой одежде и вспомнил лосося, своей окраской напоминавшего только что распустившуюся вишню, однажды я видел такой сделанный под водой снимок.

Одетые в маскировочную форму солдаты совершают поход, широко растянувшись по берегам горной реки — до самого редколесья на склонах холмов. Движутся они проворно, но размеренно. Они идут, напевая высокими голосами, еще более чистыми, чем журчание реки: ЛИ… ЛИ… ЛИ… Эти ЛИ… ЛИ… ЛИ… должны взбодрить товарищей, удовлетворить собственную тайную гордость. Эти ЛИ… ЛИ… ЛИ… отличались от тех криков, которые настигали меня, когда я, помешанный на бейсболе мальчишка, замирал на базе, привлекая к себе всеобщее внимание! Благодаря одному этому новому хору ЛИ… ЛИ… ЛИ… мы с Мори, только что влившиеся в *Корпус лососей,* ясно осознали, каких идеальных людей собрал он в своих рядах. И мы тоже шли, радостно выкрикивая ЛИ… ЛИ… ЛИ… В бойцах, шагавших бок о бок с

нами, мы беспрерывно узнавали самых разных людей, с которыми сталкивались в жизни. А, и ты тоже здесь! — неподдельно удивлялись мы и восклицали:

— Значит, ты и в самом деле боец *Корпуса лососей*!

Колонна двигалась, будто проецируясь на стереоэкран, поэтому мы с Мори беспрерывно обнаруживали среди солдат наших старых знакомых.

Образы этих дорогих мне людей переполняли мою погруженную в сон душу, успокаивали ее, символизировали мое полное освобождение. Осколки моего прошлого, нашедшие приют в их существовании, словно говорили мне: *Нет, твоя жизнь до сих пор не была так уж безнадежно плохой.* Разумеется, это чувство разделял со мной Мори. Мы мужественно шли с ним вперед. Мне казалось, что, взглянув за стереоэкран, я увижу в колонне, напоминавшей косяк лососей цвета распустившейся вишни, и нас — себя и Мори, — смело идущих вперед.

Вдруг на стереоэкране показался повесившийся в Париже товарищ с обмотанной бинтом шеей. Он шагал опустив голову, по мелководью, заросшему водорослями, глаза его метали фиолетовые

искры. За ним следовала похожая на сестру милосердия его жена-француженка. Она уже знала о его смерти, но, как ни странно, держалась так, будто совершенно не ощущает этого…

Участвовал в походе и **Справедливец**. Из-за неумения врача, собиравшего по кускам его растерзанное тело, он двигался, как кукла, скрепленная в суставах гвоздями, руки его были сцеплены на груди. Весь его облик, казалось, говорил о том, что, совершая *Великий поход,* он решает новую математическую проблему. Делая вид, что не замечает фиолетовых искр, сверкавших и в глазах **Справедливца,** за ним покорно следовала Ооно Сакурао. Без ее помощи двигавшаяся вперед пожилая кукла-солдат упала бы навзничь. Как только объявлялся привал, **Справедливец** прятался с Ооно в зарослях ивы, и они не спеша, как и подобает в их возрасте, предавались любви, ха-ха.

Я заглянул в прошлое с проницательностью ясновидца — потасовка на митинге, выхваченная из мрака яркой вспышкой и выглядевшая фарсом, обернулась огромным беспорядочным сражением *Корпуса лососей,* стремящегося разрушить принимающий все бо'льшие масштабы, охватывающий все новые области замысел

Патрона господствовать над людьми. Вспомните мужество **Справедливца,** сражавшегося своими вставными челюстями, которыми он манипулировал точно кастаньетами!

Однако теперь это было уже не то символическое сражение, а подлинная наступательная операция *Корпуса лососей*. И все солдаты воинственно кричали ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… призывая свергнуть самого могущественного и самого отвратительного врага — **Патрона**.

Тут, вскрикнув, я проснулся. Это было мучительное пробуждение — сон, знаменовавший наше с Мори духовное освобождение, неожиданно наткнувшись на глухую стену, рассыпался. Острые шипы кошмара, проникнув из сна в действительность, оставили в моем пробудившемся теле и духе страшные раны. *Не вселилась ли космическая воля, сотворившая наше с Мори превращение, и в самого Патрона, по прихоти которого Корпус лососей совершал свой Великий поход? Что же будет с нами, если он в самом деле есть та самая космическая воля, предопределившая наше с Мори превращение?*

От холода и ужаса пронзившей меня мысли я дрожал, плотно закрыв глаза, но тут почувствовал прикосновение к щеке, намокшей от

стекавших по стеклу капелек воды занавески и понял, что нахожусь не у врат космического ада, а в микроавтобусе, вместе с Мори. Отогнув край занавески, я выглянул наружу — внизу вдалеке виднелся порт Иокогама, а наш автобус стоял у сломанной ограды, окружавшей жилой массив на холме. Предрассветное небо было темно-серым, подернутым молочной пеленой, а высоко над портом пелена эта уже слегка розовела. Из-за холма доносился грохот, напоминавший землетрясение, — там, наверно, проходила автострада. Из моего сознания еще не исчезла машина жены, бывшей жены, и ее брата-великана, обгонявшая тяжелые грузовики. Плотно прикрыв занавеску, я вернулся в холодную тьму и некоторое время прислушивался к сонному дыханию Мори, к сонному дыханию спящих в микроавтобусе товарищей… Да, забыл сказать, в моем сне в *Великом походе Корпуса лососей* участвовали и вы, писатель-невидимка, и ваш сын, ха-ха.

Глава XI
В токио прибывают ряженые

1

Наверно, я должен продолжать свой рассказ, стараясь не погрязнуть в мельчайших деталях. Но все эти мелочи представляются мне чрезвычайно важными — ведь в то время, пока я рассказываю о них, а вы записываете, Мори и я, *превратившись*, живем полной жизнью, и, если я вдруг умолкну, вам, мне кажется, тоже станет неуютно.

К тому же я не убежден, что буквально все сказанное мной записывается без малейшего пропуска. Неухоженный лес моих слов вы вырубаете по своему усмотрению и превращаете его в стилистически обработанный, где легко дышится. Я так и предполагал, что в этом и проявится связь моих слов и ваших записок. Именно поэтому я и говорил обо всем так подробно, опасаясь, как бы вы в своих записках не опустили те места, которые позволят понять, что та или иная мелочь имеет глубокий смысл. Однако я надеюсь, вы записали то, о чем я веду рассказ, не выбирая, что оставить в нем, а что из него выбросить.

Таким образом, вам, возможно, потребуется еще несколько десятков тысяч иероглифов, пока мы дойдем до действий, которые проявят космический смысл нашего с Мори *превращения*. И не окажется ли так, что, пока я говорю, а вы записываете, завершающие действия, к которым мы должны перейти, окончатся провалом? Ведь реальное существование двоих *превратившихся,* меня и Мори, обеспечивается только вашими записками.

Я уже однажды отмечал, что как писатель-невидимка, записывая слова ведущего рассказ отца Мори, я испытываю на себе его влияние. Но, я думаю, и отец Мори все глубже ощущает влияние этих записок. Например, интерес к слову, который он обнаруживает. Его интерес сродни тому, который возникает благодаря опыту лишь у тех, для кого обращение к слову — профессия.

Во всяком случае, повторное упоминание о наших отношениях, состоящих в том, что мы совместно несем бремя написанных слов, несомненно, полезно. Писатель-невидимка не прервет своих записок до тех пор, пока отец Мори не скажет, что ему наконец удалось выявить истинный смысл своего и Мори *превращения*. Писатель-невидимка требует, чтобы отец Мори

не прекращал рассказа до того момента, пока не скажет, что истинный смысл их *превращения* выявлен. Если же, несмотря на это, отец Мори односторонне прекратит связь со мной, новой обязанностью писателя-невидимки будет найти его — хоть из-под земли вытащить — и заставить сказать, какова была миссия, возложенная *превращением* на него и Мори.

Я это обещаю. Но я придумал встречный план, на случай, если окажусь не в состоянии произносить слова. Поскольку мы совместно несем бремя слов, написанных вами самопроизвольно, то, если я окажусь не в состоянии произносить их, вы должны будете прислушиваться к словам, продолжающим самопроизвольно возникать в вас, и записывать их. И должны будете выявить в своих записках истинный смысл *превращения* моего и Мори. Если в ближайшее время я окажусь не в состоянии произносить слова, будучи арестован или убит, причиной явятся реальные действия, к которым мы с Мори приступим. О наших действиях в самом общем виде сообщит пресса, поэтому вам будет нетрудно произнести слова вместо меня, а потом записать их. Опыт у вас в этом немалый, ха-ха.

Итак, когда я вновь открыл глаза, снаружи

раздавался невообразимый грохот: **бум, бум, гр-р-р-гр-р-р-р.**

Внезапно проснувшись, я даже растерялся от этого грохота. Рядом с нашим микроавтобусом был установлен компрессор, и рабочие отбойным молотком долбили бетонное полотно дороги.

И все же непосредственной причиной, вызвавшей мое пробуждение, был не грохот. У меня, полусонного, перехватило дыхание от другого звука, возникшего в микроавтобусе. Это был печальный голос самозабвенно молившегося **Добровольного арбитра**. Но мое молодое тело *превратившегося* не просыпалось, видимо, дольше других. Все проснулись раньше меня, но старались не шелохнуться, пока **Добровольный арбитр** молится.

Я тоже, открыв глаза, стал прислушиваться к молитве, пытаясь вникнуть в ее смысл, хотя грохот **бум, бум, гр-р-р-гр-р-р-р** мешал мне — мое помолодевшее после *превращения* сердце трепетало при мысли, что своей молитвой **Добровольный арбитр** пытается скрыть охватившую его тревогу. И это тот самый человек, который не терял присутствия духа, когда его избивали и пинали ногами, не терял присутствия духа, корчась от боли. Пожалуй, то, что я слышал, была не

молитва, а, скорее, жалоба. Казалось, он от всего сердца говорит председателю космического трибунала: будь внимателен при выборе свидетелей на суде человечества. И требует: приближается день, когда деталь-Земля будет направлена на свое место в окончательной конструкции, продли же существование человечества хотя бы на четыре-пять тысяч лет! Кажется, уже назначено заседание апелляционного суда, и те, кто прибудет на него из космических далей, выступят в качестве судей и вызовут одного-единственного свидетеля с Земли. Кто бы при таких обстоятельствах не стал молиться, тем более **Добровольный арбитр!** — *Не ошибись в выборе!* Не ошибись в выборе представителя Homo sapiens, который будет выступать в качестве свидетеля на космическом трибунале! *Не ошибись в выборе* — не возьми на эту роль ту, что ведет телепередачи для женщин!

– **Фу-у!** — выдохнула Ооно, и микроавтобус освободился от молитвенного заклятия… — Я полностью согласна с главным в вашей молитве. Только вот вы говорите, что нельзя ошибиться в выборе, а сами, называя представителя человечества, ошибаетесь. **Фу-у!** Простите, но я действительно выступаю в телевизионных

программах для женщин и в самом деле знаю множество людей, выбор которых в качестве представителей человечества был бы ошибкой! **Фу-у, хха-ха-ха-ха!**

— …Снаружи такой страшный шум — я думал, меня никто не услышит, — смутился **Добровольный арбитр**.

— Во всяком случае, простите мне мой нелепый смех!.. Ну что ж, давайте подниматься! В утренних газетах уже, несомненно, появились самые диковинные статьи о **Могущественном господине А.**

— Только занавески не отдергивайте! — поспешно воскликнула Саёко, сидевшая рядом с водителем. — Пока мы отсюда не уедем…

Не знаю почему, но все мы, потягиваясь после сна, послушно последовали предостережению Саёко, показавшемуся нам уместным. В полной тьме заработал двигатель автобуса, предусмотрительная в практической деятельности будущая киносценаристка, прогрев как следует мотор, попросила студентку быстро отдернуть штору на ветровом стекле, и машина сразу же тронулась. Автобус сильно качало, отчего мой сектор обзора все время смещался вверх и в стороны — я увидел светлеющее небо и величественную,

точно на открытке, Фудзи. Эта впечатляющая картина и беспрерывный грохот — **бум, бум, гр-р-р-гр-р-р-р** — вызвали у меня бессмысленный смешок — хм! — точно выдохнул воздух. Когда микроавтобус проворно преодолевал ремонтировавшийся участок, чтобы выехать на шоссе с того места, откуда раздавалось **бум, бум, гр-р-р-гр-р-р-р,** за ним, перескакивая через развороченные куски бетона, погнались рабочие.

Точно рулевой, ведущий корабль в шторм, Ооно расправила плечи и, когда автобус выбрался на шоссе, сразу же прибавила скорость. Ловко управляя машиной, она через плечо посмотрела на нас с победоносным видом.

— Эти типы сегодня с раннего утра начали ремонтные работы, чтобы выманить из-за ограды наш автобус — в общем, прибегли к маленькой хитрости! — воскликнула она. — Артисточки в автобусе отдыхают, решили они, и удастся заснять сценку, как они голые скачут по кучам мусора! Им же нужно будет, решили они, воспользоваться находящейся рядом уборной и сходить за газетами, не будем им мешать, очень любезно с их стороны. Они и грохотали с таким усердием, чтобы поскорее разбудить актрис!

— Вон из бульдозера выскочило двое в касках с

кинокамерами! — в тон будущей киносценаристке закричал **Добровольный арбитр**.

Однако студентка, до сих пор бывшая на стороне Ооно, поддакивать ей не собиралась! — она была девушкой принципиальной.

— Может, они и рассчитывали задержать за оградой наш автобус, но зачем утверждать, что они собирались фотографировать бегущих голых актрис? Высмеивать рабочих — мелкобуржуазный предрассудок, да и выдумывать каких-то голых женщин — значит подыгрывать мужскому шовинизму.

— В этом ты права. Просто настроение у меня было плохое, и мне захотелось немного улучшить его. — Ооно была сегодня удивительно миролюбива.

— Ладно, хватит об этом… Вы сегодняшние газеты видели? В них и в самом деле помещены диковинные статьи!

Это заявили двое из *Корпуса лососей,* а студентка прошла по проходу и протянула Мори газету, как бы призывая остальных молчаливо согласиться с тем, что первым ее должен прочесть Мори.

Лицо Мори, уткнувшегося в газету, было небритым, но выглядело так, будто он специально

отпустил бакенбарды и бородку, которые только придавали ему мужественность. Оно совсем не походило на лицо только что *превратившегося*. У него было обличье человека, в юношестве пережившего «кризис идентификации» и наконец впервые точно осознавшего, ради чего он рожден на этой земле, мягкое и печальное лицо человека, стремящегося выполнить возложенную на него миссию.

Через некоторое время Мори поднял глаза и посмотрел на меня в упор. Я весь сжался, когда он глянул на мое заспанное лицо восемнадцатилетнего, но в его взгляде я увидел сочувствие. Такие родные мне глаза Мори светились неподдельным азартом. С нами может произойти самое ужасное, говорили его глаза, но все равно, в каком бы критическом положении мы ни оказались, будем радоваться, хотя бы тому, что грядущие события обещают нам немало интересного. Точно так же горели глаза Мори до *превращения*, когда он однажды залез в слишком горячую ванну, в другой раз — когда его укусила огромная собака или когда он как-то свалился с дерева. Глядя в его глаза, я сказал себе: *Как и тогда, Мори, смирившись с грядущими невзгодами, надеется и на какую-то радость, более того, он бросает вызов, и я на*

этот раз готов пойти вместе с ним на любое, самое рискованное предприятие!

Я протянул руку, взял у Мори газету и пересказал остальным содержание статьи.

– **Патрон** находится в клинике. С его родины в Токио прибыло человек пятьдесят крестьян. Приехали, разумеется, навестить **Патрона**. Они все вырядились кто во что горазд и расположились под окнами клиники. Автор статьи настроен весьма иронично, он насмехается над ними, мол, наряды одних уходят корнями в национальную традицию, другие — в костюмах актеров уличного театра, некоторые даже нарядились Чарли Чаплином и Санэмори[69], причем этих персонажей — сразу по двое. Но больше всего эти ряженые похожи на беженцев. Администрация клиники попыталась выгнать их, но заступился **Патрон** — таков, мол, их местный *обычай,* и им разрешили остаться. Судя по этому маленькому снимку, *обычай* довольно странный, ха-ха! — рассмеялся я, но тут призыв к действию, который я уловил во взгляде Мори, обрел для меня совершенно конкретные черты.

---

[69] Примечания: 69

Санэмори — демон Ашура в одной из пьес Дзэами (1363–1443) для театра Но.

2

Когда газета, обойдя всех, снова вернулась к студентке, она, взглянув на снимок, воскликнула:

— Почему так низка сознательность японских крестьян, почему они так вульгарны? Жизнь у них печальная, нищенская, любой может обмануть их, как это ужасно! Как далеко им до революционного крестьянства.

— Хм?! — все остальные, кто был в автобусе, не решались безоговорочно согласиться с ней.

— Что? Я не права?! Зачем они устроили этот отвратительный маскарад, ведь случай для этого совсем неподходящий?

— Именно по этому случаю они и устроили маскарад, — принялся объяснять **Способный чиновник** с видом лектора подготовительной школы или женского колледжа. — Костюмы крестьян действительно выглядят вульгарно. Судя по снимку, все это и в самом деле весьма прискорбно. Но если ряженые начнут представление, они, я думаю, всех зевак вокруг рассмешат, да и сами будут от души смеяться. Это ведь ряженые из родных мест **Могущественного господина А.** В статье написано, что на его родине во время празднеств, молебнов, ритуалов изгнания злых

духов принято танцевать, вырядившись именно в такие одежды. Они и сейчас прибыли в Токио, чтобы изгнать злых духов.

— Но в статье почему-то написано, что они очень напоминают беженцев. А про то, что они, танцуя, изгоняют злых духов, не говорится ни слова. Если бы они действительно приехали для этого, хотя, разумеется, изгнание злых духов совершенно антинаучно, я бы, уж так и быть, согласилась, пусть рядятся на время церемоний. Но ведь они додумались в своих безумных нарядах приехать в Токио на экспрессе, ха-ха, пятьдесят человек сразу, представляете! Какая была в этом необходимость?

— Они его безумно боятся — вот в чем дело. Не вырядившись, они бы не посмели даже приблизиться к такому страшному человеку, как **Могущественный господин А.** Да уж одно то, что надо было добираться до Токио, да еще на экспрессе Синкансэн — уже это их пугало. И чтобы хоть как-то подбодрить себя, они вырядились, призвав на помощь силы потустороннего мира.

— Я сама из провинции, но не настолько глухой, чтобы там сохранились подобные обычаи.

— Глухая провинция или не глухая — определить это по одним внешним признакам невоз-

можно, — хмыкнул, побагровев, **Способный чиновник,** повернувшись к **Собачьей морде**. — Помнишь, мы это называли «образом жизни гольца».

— Из книги «Места лова на горных реках», которую мы использовали в качестве карты похода *Корпуса лососей,* мы узнали о некоторых особенностях жизни гольца. У рыболова, написавшего эту книгу, был довольно своеобразный, хотя и несколько странный стиль, и мыслил он так же своеобразно. Он утверждал, что всем горным рекам сопутствуют подземные. Обе реки соединяются между собой протоками. Гольцы мечут икру в подземных реках, там вырастают и там же умирают. В реке, протекающей на поверхности, обитает лишь ограниченная популяция гольцов, которые поднимаются в нее из подземной реки. Доказательством может служить то, что даже после землетрясения, когда обвалы засыпают горные реки, как только вода снова пробьет себе новое русло, в ней сразу же можно ловить гольца. Значит, жившие в подземной реке гольцы выплыли на поверхность.

— В то время мы определяли *Корпус лососей* как партизанское формирование, которое под существующим обществом создает свое собственное,

соединенное с ним протоками… Но революция возникает именно в существующем обществе, и партизаны должны выполнять роль детонатора. В этом смысле теория *Корпуса лососей,* действующего подобно гольцу, полностью себя оправдывает.

Если принять такую точку зрения, то и ряженые, думается мне, действуют так же. Разве под существующим в их местах микрообществом не создали они подобное подземным водам некое особое общество? А теперь, воспользовавшись ранением **Могущественного господина А.,** вынырнули наружу. Если из каждого «подземного» протока вынырнут по двое — по трое, то наберется необходимое количество ряженых. Достаточно даже по одному человеку от поселка. Ведь и в наш век, когда существующее на поверхности общество, например токийское, погребено под слоем цивилизации и ряженым нет в нем места, в обществе, подобном подземным водам, еще есть такие места, где, словно гольцы, рождаются, растут и умирают ряженые. **Могущественный господин А.,** зная это, может быть, сам вызвал этих людей. И даже денег дал им на дорогу, чтобы они все вместе могли приехать.

— Ради чего?! — раздраженно воскликнула

студентка.

— Мы — я и Мори — думаем, что так оно и есть, *Корпус лососей* прав! — перебил я Саёко. — То, что **Патрон** вызвал ряженых, служит тайным призывом к нам с Мори, *превратившимся,* — вот что я думаю. Мори, ставший после *превращения* двадцативосьмилетним, и я — восемнадцатилетним, безусловно, отличаемся от людей, естественным образом достигших такого возраста. Более того, двое *превратившихся* — Мори и я — обязаны влиться в эту группу ряженых. И раз уж нас позвали, мы примкнем к ней, и таким образом нам представится возможность проникнуть к **Патрону.**

Почти незаметным движением Мори остановил студентку, которая была готова вцепиться в меня. Может быть, он хочет, чтобы я рассказал всем о рождающемся у меня в голове плане действий? Получив поддержку Мори, я начал разъяснять свой план:

– **Патрон,** безусловно, человек могущественный, администрация клиники делает все, что он только пожелает, и для нее не составляет никакого труда скрывать от прессы действительное состояние его здоровья. Об этом, правда, нигде не говорилось, но, мне кажется, что после

покушения Мори и Саёко он может умереть в любую минуту. Ему и самому это известно, и мне представляется, он решил сделать последнюю ставку — воспользоваться силой, влитой в меня и Мори *превращением*. Я не думаю, что такой испытанный боец, как **Патрон,** не почувствовал в нападавшем на него Мори сверхъестественной силы. А если учесть еще, что моя жена, бывшая жена, с завидной энергией повсюду распространяет о нас самые невероятные слухи, у **Патрона** не могла не сработать интуиция. Он сообразил, что происшедшее со мной и Мори способно опрокинуть существующий в мире порядок. Та же интуиция подсказала ему, что наше с Мори фантастическое существование он, возможно, сумеет использовать. Вот почему, мне кажется, **Патрон** с нетерпением ждет нас.

— Возможно, он и в самом деле ждет вас, но ждет, расставив ловушку, чтобы арестовать обоих, — хладнокровно заметила будущая киносценаристка.

— Неужели вся эта комедия с ряжеными всего лишь хитрость, ловушка и **Патрон** хочет использовать их вместо полиции? Нет, я думаю, он не такой человек. Но даже если это и ловушка, чувствую, что воля, сотворившая наше *превращение*,

заставляет нас войти в нее… Если же **Патрон** собирается использовать наше *превращение* для осуществления своей программы, мы обязаны воспользоваться этим в собственных целях и разрушить последний честолюбивый замысел **Патрона** установить господство над людьми. На нынешнем этапе, когда мы начинаем борьбу, лучше всех о *превращении* знаем именно мы, и это ставит нас в выгодное положение.

— Верно, — сказал **Собачья морда,** оскалившись, словно был готов вцепиться зубами в любого из нас. — Если противник попытается использовать в своих интересах силу вашего *превращения*, вы всегда сможете, взорвав себя, сами уничтожить свою силу! И легкая победа уплывет из рук **Могущественного господина А.**!

— …Я уже думал обо всем этом, но ребята из революционных групп слишком твердолобы. И, всерьез поверив в *превращение* Мори и отца Мори, изо всех сил будут пытаться перетянуть их на свою сторону. Если же им это не удастся, они скорее уничтожат их, чем отдадут врагам, — сказал **Добровольный арбитр**. — Поэтому, я думаю, Мори и отцу Мори следует поскорее приступить к выполнению миссии, возложенной на них *превращением*. Медлить нельзя. Я согласен, что вы

должны влиться в группу ряженых и вступить в противоборство с **Могущественным господином А.**

Мори, охваченный воодушевлением, молчал и только широко улыбался — его улыбка говорила: **Значит, наши действия одобрены!**

— Но тогда прикрыть их мы не сможем, — грустно сказал **Способный чиновник** — не то что **Собачья морда,** предлагавший нам с Мори взорвать себя.

— Нет, почему же, если моя жена, бывшая жена, в погоне за нами проберется в клинику, я бы хотел, чтобы ее, пусть даже силой, убрали оттуда; это будет самым существенным прикрытием, в котором мы нуждаемся. В своей черной каске она вполне может сойти за ряженую, и ей будет нетрудно смешаться с ними!

Все рассмеялись, кроме Мори. Я же сказал это, потому что испытывал острое беспокойство, а вовсе не для того, чтобы повеселить окружающих.

— Мори и отцу Мори не хватает выразительности, чтобы тоже стать похожими на комедиантов, вам необходимо вырядиться! Я поеду на телевизионную студию и привезу театральные костюмы… А вам, прежде чем проникнуть в клинику, необходимо подготовиться — поесть

и отдохнуть как следует. Я уже продумала, как переодеть Мори и отца Мори — костюмы должны соответствовать *превращению* каждого из них, то есть нужно подчеркнуть, что один помолодел, а другой постарел.

3

Через три часа Мори и я, направляясь к клинике, где расположились ряженые, благодаря фантазии будущей киносценаристки были действительно облачены в великолепные наряды.

Мори был наряжен старцем, достигшим после *превращения* чуть ли не столетнего возраста. Грязновато-желтые седые космы висели почти до пят, того же цвета были борода и усы, вместо бровей — два заячьих хвоста. От всего прежнего его облика остались только весело сверкавшие темные глаза. На нем была длинная серого цвета шерстяная накидка, в руках — изогнутая и перекрученная, как корень индийской смоковницы, металлическая палка. На ногах — парусиновые туфли, к которым были привязаны дощечки — точная имитация деревянных башмаков!

Что же касается меня, то я напоминал огромного детеныша кенгуру! В своем одеянии я походил на большущую тряпичную куклу, когда-то

розовую, а теперь затасканную и ставшую грязно-мышиного цвета. На голове красовался розовый капор с оборочками — жаль только, что из него выглядывало лицо восемнадцатилетнего, ха-ха.

Ряженые, сидевшие рядом со зданием клиники, тоже приложили немало усилий, чтобы вырядиться почуднее, и теперь внимательно наблюдали за мной и Мори, когда мы на противоположной стороне улицы вылезли из автобуса и переходили через дорогу. Наверно, они отдали должное совершенству нашего наряда, ха-ха.

Достаточно было одного взгляда, чтобы заметить, как группа ряженых, подчиняясь какой-то мощной центростремительной силе, сжимается, сплачивается. При нашем появлении двое ряженых — с виду охранники — приготовились выскочить нам навстречу. Они были в черных резиновых костюмах, в противогазах и вооружены чем-то вроде огнеметов. Наверно, стекла в их масках запотели, поэтому, чтобы лучше нас рассмотреть, они изо всех сил вытягивали шеи, ха-ха.

Лавируя между машинами, мы с Мори дошли до середины мостовой и остановились, издали рассматривая ряженых. В псевдодеревянных башмаках старика идти было трудно, да и наряд,

который был призван превратить взрослого человека в младенца, почти что исключал саму возможность передвижения, и, чтобы двигаться вперед, приходилось предпринимать неимоверные усилия, ха-ха. Была еще ранняя весна, на город опустилась вечерняя свежесть, но мы с Мори обливались потом и тяжело дышали, дожидаясь, пока схлынет поток автомобилей. Сидевшие в машинах удивленно смотрели на старца и огромного детеныша кенгуру. Сначала при виде таких странных калек на их лицах появлялись растерянность и негодование, а потом, присмотревшись, они начинали понимающе улыбаться, видимо решив, что это съемки телевизионной программы *Удивительное в Камере!*

Когда наконец у нас с Мори появилась возможность перейти дорогу и мы быстрым шагом направились к группе ряженых, вперед вышли те, кто был уполномочен вести дипломатические переговоры, а двое в резиновых костюмах — как я догадался, в защитной одежде для разбрызгивания ядохимикатов — с еще большим рвением занялись охраной. Сначала «дипломаты» показались мне детьми с непропорционально огромными головами, но потом я увидел, что это пожилой мужчина с грустным лицом и тол-

стенная женщина, которая беспрерывно жевала что-то, выуживая еду из пластмассовой посудины. Они не были выряжены, но, наверно, их и так считали ряжеными — мужчина вполне мог играть роль карлика, женщина — страдающей нездоровой полнотой. Уже само по себе то, что они, с точки зрения обычных людей, были уродами, превращало их в шутов. Им не было нужды рядиться, не было нужды отпускать шутовские реплики, и, наверно, поэтому они могли, не выходя из образа ряженых, выполнять миссию дипломатов, уполномоченных вести переговоры.

– **Эй, эй, приятели!** — закричал карлик, с достоинством демонстрируя всем своим видом, что он глава делегации. Попятившись, он все же сохранял полное самообладание. — **Эй, эй, приятели! Что это у вас за вид такой?**

Я рассмеялся! Неожиданный приступ смеха напал на матерчатую куклу! Мори, тряся длинными волосами, скрывающими все его тело, точно бамбуковая штора, тоже смеялся, широко раскрывая спрятанный, как у вьюна, под усами и бородой рот. До *превращения* мы с Мори частенько вот так от души хохотали…

Карлик в темно-коричневом пиджаке, поправ-

ляя толстыми пальчиками галстук и ничего не говоря, наблюдал, как мы смеемся, а потом вдруг сморщился и издал странный звук, будто чихнул. За этим последовал неудержимый, заливистый хохот! Мы были так потрясены, что утратили способность смеяться, а побагровевший от смеха карлик спрятался за спинами сидевших товарищей. Видно, что до него и самого дошла комичность собственных слов. Может быть, этот шут вовсе не так прост?!

Толстуха, оставаясь на месте, продолжала рыться пальцами в крепко прижатой к огромной, точно гора, груди посудине, время от времени что-то вылавливала там и отправляла в рот. Похоже, в банку концентрата она налила холодной воды из-под крана, лапша размякла, и теперь она поедала это месиво. Негодуя на нашу невежливость, своими выпученными, крокодильими глазами толстуха продолжала испепелять нас с Мори даже после того, как мы перестали смеяться. Остальные ряженые, хранившие гробовое молчание, делали вид, будто не замечают нас, хотя не заметить нас было невозможно.

Тут толстуха вытерла перепачканные пальцы о плечо, закрыла банку крышкой и спрятала ее за пазуху. Потом прокричала нам:

– **Ну что ж, присаживайтесь,** — и подбородком, перерезанным тремя или четырьмя складками, надменно указала место, где нам надлежало сесть!

Так, без особого труда мы присоединились к ряженым. Мы с Мори пробрались в самую гущу толпы, расталкивая персонажей уличного театра, которым увлекалась демобилизованная молодежь в годы расцвета бейсбола после войны, расталкивая разбойников, злых чиновников и девушек из бара. Псевдодеревянные башмаки Мори прошлись по ногам одного из ряженых, обутого в соломенные сандалии, но он лишь покачал головой с выбритым на ней полумесяцем, раскрашенным краской. Ряженый сидел, тоскливо понурившись, но угрюмым выглядел не он один.

Устроившись на куске поролона, расстеленном на асфальте, — наверно, это постарался секретарь **Патрона,** подумал я, — мы с Мори очутились рядом с мужчиной и женщиной, у которых было забинтовано все тело. Из просветов между бинтами торчали обрывки шерстяных ниток. И тут я вспомнил. Один парень из нашей деревни, отбывавший трудовую повинность на верфях в Курэ, пострадал во время бомбежки и вернулся домой — все тело в ожогах было

забинтовано с ног до головы. Мать размотала бинты, и посыпались жирные черви… Может быть, подобно тому парню из нашей деревни, эти мужчины и женщины в День поминовения усопших олицетворяли души всех погибших от атомной бомбардировки — новый лик бога чумы и злотворных микробов. Среди окружавших меня ряженых я узнал солдат, погибших в странах Южных морей, солдат отрядов смертников с повязками вокруг головы, моряков, нашедших смерть на дне океана, которые преспокойно сидели рядом с Чаплинами. Были там и души сгоревших во время воздушных налетов — кожа их была покрыта сажей, на головах, стриженных ежиком, половинки футбольных мячей… Я непроизвольно протянул руку, чтобы вытащить шерстяного червя, но замотанная бинтами спина слабо оттолкнула мою руку. Движение спины выдавало мрачную злость, охватившую этого человека, и такое чувство испытывал не он один. Сидевшие молча люди были явно усталы, раздражены, отвращение ко всему переполняло их. Но тем не менее дезертировать никто не собирался. Они сидели в напряженных позах, всем своим видом показывая, что не успокоятся до тех пор, пока не устроят праздничного веселья, и только

после этого скинут свои наряды.

Настроение их мгновенно передалось и мне, один лишь Мори сохранял спокойствие; чтобы развеваемые ветром космы не мешали окружающим, он прижал их к груди, а лицо, выражение которого скрывали борода и усы, обратил к небу. Я чувствовал, на Мори вполне можно положиться, и верил, что, если только смогу научиться его выдержке, мы, двое *превратившихся*, без труда выполним все то, что, согласно возложенной на нас миссии, обязаны совершить!

Ряженые, включая теперь и нас, сидели у левой стеклянной стены главного корпуса клиники, а за стеклом, являя собой полный контраст нашей странной и неопрятной внешности, толпились чистенькие дети, ожидавшие приема у врача. Среди них происходило весьма характерное движение. Там крутились какие-то личности, скрываясь за толпой детей, они без конца фотографировали ряженых. Фотографировали огромным «Поляроидом», нетерпеливо вытаскивая моментальные снимки! Это, несомненно, были секретари **Патрона**. Также несомненно было и то, что их задача сводилась к одному — через определенные промежутки времени фотографировать ряженых и сравнивать свежие снимки со

сделанными ранее. Как раз сейчас они обнаружат разительное отличие новых снимков. И красным карандашом с эмблемой фирмы **Патрона** обведут аккуратным кружочком нас обоих. Терпение, которое проявлял Мори, ни на минуту не терявший самообладания с того самого момента, как мы проникли в группу ряженых, было наконец вознаграждено!

4

Тем временем в группе ряженых произошли заметные перемены. Я почувствовал, что их мысли и чувства, до сих пор весьма пестрые, слились вдруг в единое целое и сосредоточились уже не на стеклянной стене клиники, а на чем-то совершенно ином. Туда же обратил свое лицо с желтоватой бородой и бровями и Мори.

Там опять шел допрос очередных пришельцев, допрос, который так комично и быстро завершился при нашем появлении, но на этот раз пришельцы не были, подобно нам, чужаками, а просто, отлучившись куда-то, теперь возвратились обратно. Взгляды всех были прикованы к колеснице, которую с трудом волокли двое ряженых в масках чертей. На велосипедном прицепе — теперь его редко увидишь в Токио

— был укреплен огромный, раза в два больше, чем сам прицеп, деревянный помост, а на нем — еще более огромная львиная голова с необыкновенно уродливой мордой — вот что это была за колесница. Оживленный спор с масками чертей, стоявшими по обеим сторонам колесницы, вели двое ряженых — пожарный и чиновник пожарной охраны. Я было подумал: как натурален их наряд, но оказалось, они и в самом деле из управления пожарной охраны, ха-ха. Карлик и толстуха, рядом с которыми стояли те самые охранники в черных резиновых костюмах, с интересом прислушивались к спору.

Снедаемый любопытством, свойственным восемнадцатилетнему, я, расталкивая ряженых, стал пробираться вперед, но покуда смысла спора уловить не мог. Пытаясь проникнуть в его суть, я разглядывал колесницу. Голова льва, во всяком случае по размерам, выглядела вполне внушительно. Уродливой же морда казалась из-за того, что нижняя челюсть была сильно опущена вниз. Пасть льва — киноварь и золото, которыми она была выкрашена, облезли — была набита голыми куклами. Здесь были и Кинтаро[70], и самые раз-

[70] Примечания: 70
Кинтаро — персонаж японских сказок.

ные соломенные куклы, и все они были голыми. Разумеется, пупсы тоже были голыми, ха-ха. И вот этими самыми разными голыми куклами — старинными, и самыми современными, вплоть до роботов, хотя уже и достаточно потрепанными и грязными, — была набита пасть льва, а иные просто свисали, зацепившись за клыки нижней челюсти. Вокруг головы льва торчали пятицветные бумажные флаги, точь-в-точь такие, которые висят на храмах Дзидзо — божества-покровителя детей и путников, — были свалены в кучу кукольная одежда и маленькие одеяльца.

Спорившие, видно, никак не могли договориться и распалялись все сильнее, наконец двое в вырезанных из дерева масках чертей откинули их назад, обнажив потные крестьянские лица. От этого речь их стала более разборчивой, но смысл по-прежнему оставался весьма туманным.

— Это мошенничество в государственном масштабе, нам нужно обратиться к сэнсэю[71]! Почему вы говорите, что по таким пустякам не нужно беспокоить тяжелобольного сэнсэя?!

– **Дурачье!** Повторяете все время «сэнсэй, сэнсэй», не можете, что ли, назвать больного по

---

[71] Примечания: 71

Сэнсэй — вежливое обращение к старшему, уважаемому человеку.

имени?

— Разве это пустяки? Почему с нами здесь обращаются как с шантрапой? С нами, законно избранными членами муниципалитета?

— Брось болтать! В таком виде в Токио приехали, какие вы еще там члены муниципалитета? **Дурачье!** Хватит языком трепать! Не увиливайте от ответа!

— У нас ее сжигали испокон веку со времен наших предков, понятно? Она сама тихонько сгорает, и все в порядке. Нам любезно сказали, чтобы мы приехали за разрешением в пожарную управу, мол, обязательно получите, вот мы и притащили колесницу, а тут на тебе — запрет. Это, по-вашему, пустяк? Зачем было обещать, мол, за разрешением дело не станет? Мы приехали, а вы нам запрещаете?

— Вот и видно, дурачье вы и есть! И правильно, что запрещают. Если все разрешать и ничего не запрещать, какой тогда толк ехать за разрешением? Тащились в такую даль, ни стыда ни совести!

— Ну что, теперь тебе понятно? — подошел к черту, казавшемуся благоразумнее своего товарища, чиновник пожарной охраны.

– **Вон оно что!** Запрещение запрещением, а мы,

значит, можем свободно сжечь колесницу. Вот здорово! — неожиданно воскликнул черт.

– **Что ты мелешь?** Ты тоже ничего не понял! — снова возмутился чиновник пожарной охраны. Ха-ха.

— Если рассмотреть этот вопрос с нашей точки зрения, — вмешался карлик, — то ничего не поняли как раз вы! **Вы понимаете сами, что говорите?**

– **Мы,** — добавила толстуха, — **все на том стоим.**

— Но в Токио живет десять миллионов человек, которые придерживаются противоположной точки зрения. Вы должны это учесть также. С точки зрения этих десяти миллионов вы ведете себя глупо. Шуточное ли дело — в таком непотребном виде, скопом приехали в Токио да еще колесницу надумали сжечь. Неужто вам непонятно что это наша работа — охранять десять миллионов граждан города Токио!

— Ведь мы же молимся о благополучии **Могущественного господина А.**

— Для того чтобы молиться о благополучии одного человека, кем бы он ни был, вовсе не нужно такой толпы, да еще в непотребном виде — ни стыда у вас нет, ни совести. Ты же благоразумный

человек, пойми, что я тебе говорю!

— Прослушав вашу замечательную речь, мы хотим, чтобы вы выслушали и нас — от имени десяти миллионов человек мы хотим освободить вас от бремени ваших забот!

– **А ты в самом деле считаешь, что прав?** — угрожающе спросил карлик. — Мы привезли голову льва, чья раскрытая пасть ведет в ад, и мы должны сжечь ее в Токио! В самой гуще десяти миллионов его жителей!

— Я уже сто раз говорил — сжигать колесницу в городе нельзя!

– **Ну что за чепуху вы все несете?** — сдвинув огромную каску на затылок, подпел чиновнику пожарной охраны молчавший до сих пор пожарный.

Пожарные нервничали все сильнее, а карлик разговаривал с ними, точно с пьяными, и держался с большим достоинством. Тут вступил в разговор лжеблагоразумный черт, прикрыв маской лицо.

— Сжечь такую малюсенькую штуку, нашли о чем говорить! Неужели десять миллионов человек могут испугаться этого? — снова заспорил он.

Второй черт, которого только что обругали, на-

меренно или нет, вдруг распахнул соломенный плащ и показал спрятанную под ним небольшую канистру — красную, с маркой «Esso»!

— Оболью керосином и подожгу! За десять минут сгорит дотла!

— Что, что, что такое? Я конфискую керосин!

Подчиняясь приказу начальника, пожарный подлетел к черту и, как тот ни увертывался, надвинул ему на лицо маску и стал гоняться за ним, колотя по висевшей у черта через плечо канистре: **бум-бум, бум-бум!..** Тут же подоспел отряд моторизованной полиции — где он только прятался? — и достаточно было одного удара щитом полицейского, чтобы черт свалился на мостовую. У него отобрали канистру, содрали маску и соломенный плащ и оставили в одном нижнем белье лежать на асфальте. Он лежал на правом боку, обхватив руками голову, видневшееся из-под локтей загорелое лицо приняло землистый оттенок.

Ряженые в один голос произнесли: **Фу!** Этот возглас можно было принять за выражение возмущения и протеста, но, обернувшись, я разглядел, что они просто смеялись! Пораженный, я поискал глазами Мори и увидел, что у стеклянной стены в некотором отдалении от группы

смеющихся ряженых стоит старик, а рядом с ним секретарь **Патрона**.

Глава XII
Двое превратившихся ссорятся между собой

1

Жмурясь и отводя глаза в сторону, будто ослепленный обликом подбежавшего к нему великовозрастного младенца, секретарь **Патрона** сказал, щеголяя своей компетентностью, которую он выказывал каждый раз, когда я приносил резюме:

— Я сразу же узнал вас, когда вы присоединились к этим ненормальным. **Патрон** сказал, чтобы я привел вас к нему в палату. По всей клинике расставлены полицейские, но ничего, как-нибудь выйдем из положения. **Патрон** уже несколько раз приглашал к себе этих ненормальных и заставлял их устраивать синтоистские пляски кагура. В таком виде, да еще в моем сопровождении вы вполне сойдете за новых исполнителей кагура.

Не дожидаясь ответа, секретарь повел нас прочь от главного входа. Мы с Мори, чувствуя себя неловко в своих нарядах, покорно пошли за ним, а наши *превратившиеся* души ликовали!

— Предположим, нам удастся обмануть бдительность полиции и проникнуть в клинику, но не окажемся ли мы потом в затруднительном положении? — заискивающе спросил я.

— Я точно следую приказу **Патрона**... Во всяком случае, если с ним что-либо случится, меня уже это не будет касаться! Патрон, считайте, кончился! Цепляется еще за какие-то давно ушедшие в прошлое химеры. Прежнего **Патрона,** хладнокровного, до мозга костей реалиста, не существует! Обхаживать каких-то сумасшедших крестьян... Кто угодно подтвердит, что это отклонение от нормальной психики.

— Каким же образом вы улавливаете желания этого ненормального старика?

— Сам удивляюсь! — сказал секретарь, презрительно взглянув на меня — что, мол, пристаешь.

Когда стеклянная стена кончилась, мы повернули за угол и пошли вдоль больничного корпуса. За изгородью была проложена дорожка, потом снова шла изгородь, а за ней — другой корпус, из окон которого на нас во все глаза смотрели больные — может быть, потому, что ряженых, сидевших перед клиникой, они еще не видели, нас с Мори встретили настороженными взглядами; *даже страдая тяжелыми недугами, имеете ли*

вы право так открыто издеваться над нами? — подумал я, чувствуя себя неуютно. Нырнув в служебный вход клиники, я наконец облегченно вздохнул, хотя наступил самый критический момент — чтобы добраться до палаты **Патрона,** нужно было пройти трех полицейских.

Когда мы наконец попали в огромную палату, старик с забинтованной головой, лежавший на кровати, метрах в пяти от нас, не поворачиваясь, лишь скосил в нашу сторону полузакрытые глаза, стараясь получше рассмотреть наши наряды. В лице **Патрона,** которое всегда было прекрасным, мужественным лицом современного человека, появилось старушечье выражение. Да, оно действительно превратилось в лицо древней старухи. Увидев **Патрона,** я телепатически передал Мори: *Это же беременная старая карга; что с ним произошло?!*

Мы с Мори стояли не шевелясь — ничего другого нам не оставалось, а **Патрон,** еще сильнее скосив глаза, внимательно рассматривал нас. Секретарь, который привел нас сюда, и другой секретарь, находившийся в палате, не получая указаний **Патрона,** предпринять что-либо самостоятельно не решались. Вдруг раздалось громкое фырканье, и я подумал, не спряталась

ли где-то здесь собака. Фырканье раздалось снизу — за вздувшимся животом **Патрона** на корточках сидел обладатель массивной лысой головы, внимательно следивший за каждым движением **Патрона**. Помнится, я уже видел однажды эту массивную голову. Это был нефтепромышленник, чуть ли не самый крупный в Японии, владелец нефтеналивных судов — после войны они с **Патроном** стали чемпионами по части сколачивания капитала посредством темных финансовых махинаций. Скривив свои толстые губы и глядя на нас с Мори, он громко сопел.

Будто сопенье было тайным знаком, **Патрон,** поняв, что это явились мы с Мори, тихонько засмеялся и хрипло, чего я никак не ожидал от него, поскольку голос его всегда был твердым и чистым, произнес:

— Хха-хха-хха, занятную штуку ты удумал. Так тщательно все рассчитал, столько сил положил, хха-хха-хха, необыкновенный человек. В тот раз, когда ты пришел, чтобы избить меня, я решил, что это ты просто переоделся, хха-хха-хха, а сейчас вы еще чуднее вырядились и пришли вдвоем, я в самом деле могу подумать, что произошло что-то поистине необыкновенное или что вы задумали нечто сверхъестественное. Слушай, а

в самом деле, в прошлый раз это все-таки был ты или же здесь сейчас не ты, а кто-то другой? У меня даже в глазах рябит от этого вашего оригинального наряда. Отдайте-ка вашу палку, а то я подумаю, что вы пришли еще раз избить меня, хха-хха-хха.

Патрон умолк — голос у него был слабый, как писк комара, — из-под ворота пижамы выглядывала багровая кожа, под которой едва заметно билась жилка. Как только **Патрон** замолчал, нефтепромышленник, восприняв его слова как указание, широким шагом обошел кровать — и могучими бицепсами, и здоровым цветом лица этот хорошо сохранившийся пожилой человек являл собой полную противоположность. **Патрону.** Брезгливо надув губы, он отобрал у Мори металлическую палку и стал ее изучать. Лысая, прекрасной формы мощная голова, огромное лицо, на котором застыла скорбь. Секретари, неслышно ступая, долго расставляли у кровати **Патрона** два стула: *так — слишком близко, так — слишком далеко, и вообще, не будет ли* **Патрону** *неприятно, что эти двое сядут рядом с ним?* — колебались они, в общем, в отличие от нефтепромышленника их движения были значительно менее решительными.

— Ты садись вот тут, — указал на стул **Патрон**

и, наблюдая, как мы с Мори усаживаемся, слегка прикрыл глаза и облизнул кончиком бледного языка свои искусственные зубы. Я сидел так близко, что мне была видна даже их внутренняя сторона. — Хха-хха-хха, мне больно говорить, и я уж подумываю, не замолчать ли мне до самой смерти? Но все же существуют слова, которыми следует завершить земное существование, — вот только не знаю, какие из них выбрать, хха-хха-хха. Какими были первые в моей жизни осмысленные слова? Поскольку все мои родные умерли, а это было давным-давно, я не могу выяснить, что это были за слова, хха-хха-хха.

За полуприкрытыми веками **Патрона** мелькнули налитые кровью, казалось, пылавшие глаза — в какое-то мгновенье они наполнились слезами, которые затем просочились на морщинистые, точно у черепахи, веки. Между моей головой и головой Мори протянулась сухая, точно отполированная, без единого волоска рука и промокнула марлей слезы. Просто удивительно, до чего опытный санитар — оставаясь в тени, он был ведущей фигурой там, где явно назревал скандал. Его розоватая, непомерных размеров рука выглядела рукой борца, выдающегося борца, он двигался необычайно проворно и целеустремленно. Если

бы Мори или я сделали хоть малейшую попытку причинить **Патрону** вред, он бы легко свернул нам шею. Стоило представить себе это, и меня всего пронизывала мысль, что жизнь моя в опасности, ха-ха.

— Я скоро умру, но не потому, что ты или твой товарищ разбили мне голову. Обследуя меня после ранения, врачи обнаружили рак. Если бы ваше нападение не запоздало, оно могло бы обернуться для меня благом, хха-хха-хха, — сказал **Патрон** теперь уже менее хрипло и, приоткрыв один глаз, посмотрел на меня, а когда взглянул на Мори, глаз его торжествующе сверкнул. — …Старики, пережившие атомную бомбардировку, часто болеют раком — оказывается, и у меня прогрессировал рак легких, опухоль дала уже метастазы в спинной мозг, и теперь боли заглушают морфием. У меня уже давно бывали боли, но… — Из глаз **Патрона,** оборвавшего фразу на полуслове, полились слезы, и санитар-нефтепромышленник проворно отер их — потом он снова громко засопел и замер в выжидательной позе. — …Теперь, когда я, умирающий старик, оглядываюсь вокруг, то и в самом себе, и в том, что меня окружает, вижу лишь зло и жестокость… И мне, старику, жутко умирать, сознавая

это, умирать без надежды, без благодати… Как страшно — ведь я прожил большую жизнь. Хха-хха-хха, — снова хрипло засмеялся **Патрон,** но на этот раз его смех сопровождался рыданиями!

Мы с Мори сидели молча и следили, как двигается между нашими головами рука нефтепромышленника, а оба секретаря, даже тот, который столь цинично отзывался о хозяине, заплакали.

— Хха-хха-хха… это ужасно. Как мне хочется, чтобы этот отвратительный, беспощадный рак переродился в нечто противоположное… Конечно, рак есть рак, и, когда он в последней стадии, здесь уж ничего не поделаешь… Но я вынашиваю план, как сделать так, чтобы этот ужасный рак обернулся чем-нибудь грандиозным, сверкающим, как огромный фейерверк. И тут я вспомнил о тебе. Переодевшись, ты пришел и напал на меня, благодаря чему у меня и обнаружили рак… Хха-хха-хха, когда я узнал сегодня, что ты снова явился сюда со своим товарищем, мне захотелось использовать эту вашу «оригинальность»… И все же, что у вас за вид? Что с вами произошло? Хха-хха-хха… Прежде всего для чего ты или твой товарищ, загримировавшийся под тебя, совершил на меня нападение? Чтобы сообщить мне, что у меня рак? Хха-хха-хха. Что-то произошло…

или ты просто уверовал, что произошло действительно что-то необычное, и это вынудило тебя, хха-хха-хха, к столь странным действиям?.. Вы гораздо больше годитесь для изгнания злых духов, чем те ряженые с моей родины, которые сидят сейчас перед клиникой. Хха-хха-хха, ну так что же ты собирался делать? Наверно, нечто намного более интересное, чем снабжать меня резюме, да? Хха-хха-хха… Так что же?.. Что ты собирался сделать?

Как только **Патрон** задал этот вопрос и его хриплый голос умолк, меня всего пронзил жгучий страх! Опасаясь, что Мори вдруг заявит: **Мы пришли, чтобы сделать это,** и бросится на **Патрона,** а протянувшаяся сзади могучая рука свернет ему шею, я дотронулся до колена старика и, задыхаясь, заговорил:

— Я и мой сын Мори *превратились*. Однажды утром, после невыносимо тяжелой ночи, мы *превратились*. Помните, мне было тогда тридцать восемь лет. За ночь я помолодел на двадцать и стал восемнадцатилетним мальчишкой! Я понял это, посмотрев на себя в зеркало, понял, ощупав свое тело. Ощущение своего тела, которое стало жить новой жизнью, заставило меня поверить в то, что мне в самом деле восемнадцать

лет. Я же обладаю опытом человека, которому однажды в жизни уже было восемнадцать. Когда моему телу стало восемнадцать лет, то не только мои чувства, но и дух, очистившись, устремились туда же, назад к восемнадцатилетней душе! Благодаря инерции памяти в эффекте *превращения* есть некоторая неравномерность — что-то устремляется вперед, что-то возвращается назад… Важно само по себе то, что сын Мори претерпел *превращение* одновременно со мной, но в противоположном направлении! Он был умственно отсталым восьмилетним ребенком, а стал и физически и духовно крепким, цветущим двадцативосьмилетним мужчиной! Я думаю, это было *превращение,* стимулом которого послужила наша близость отца и сына.

(**Патрон** тихонько повернул в мою сторону голову и, пока я говорил, внимательно следил за мной прищуренными, точно подернутыми красным туманом, глазами. В своем мозгу, клетки которого плавились от жара и лекарств, он, казалось, подбирал нужные слова. Но у него это никак не выходило, и он, напряженно пытаясь ухватить мысль, свел брови и, если бы он сейчас и мог вымолвить что-то своими сухими посиневшими губами, то, наверно, сказал бы, перемежая

речь тихими смешками, такие слова: *Твоя супруга, ах нет, она ведь говорила, что вы расстались, значит, бывшая жена, да? Так вот, она сообщила моему секретарю, что ты просто-напросто вырядился молодым, а сына нарядил человеком старше себя. После этого ты совершил на меня нападение. Поскольку вы и сейчас наряжены, я не могу проверить, правду ли ты мне сказал. Твоя супруга, или бывшая жена, заявила также, что ты, боясь, как бы тебе как следует не досталось от ее братьев, взяв с собой переодетого сына, скрылся. Хотя она была в курсе того, что ты совершил на меня нападение, объяснить мотивы не смогла.*)

— Мори и я, побуждаемые силой, которая вызвала наше физическое и духовное *превращение,* действуем сейчас на ощупь, словно в тумане… Да нет, словно в тумане действую один я, восемнадцатилетний мальчишка! Мори, *превратившийся* во взрослого мужчину, прекрасно осведомлен не только о том, где находится космическая воля, совершившая наше *превращение,* но и о миссии, которую должны выполнить *превратившиеся*. Сразу же после *превращения* Мори совершил на вас покушение — ясно, что он сделал это по приказу космической воли, выполняя миссию, возложенную на него *превращением*! Моя жена,

бывшая жена, утверждает, что я, переодевшись, напал на вас, и вы наполовину верите ей, наполовину сомневаетесь в правдивости ее слов, но, уверяю вас, она ошибается. Мори, не говоря мне ни слова о приказе космической воли, совершил на вас покушение. Если бы жена, бывшая жена, услышала то, что я сейчас говорю, она бы, несомненно, сказала, что я, пытаясь возложить вину за свои преступные действия на умственно отсталого ребенка, перерядился сам, перерядил его и вместе с ним попытался скрыться! Она действительно так думает и поэтому преследует меня, сговорившись с братьями и полицией. Но на самом деле все не так. Если бы Мори после *превращения* посвятил меня в суть приказания, данного ему космической волей, я бы тоже, несомненно, участвовал в покушении. Однако Мори, видимо, стремясь как старший уберечь меня, восемнадцатилетнего, не допустил этого. Родительские чувства повзрослевшего Мори — вот в чем суть. Хотя настоящий отец — как раз и есть восемнадцатилетний, которого он оберегал…

(Хха-хха-хха, слабо рассмеялся **Патрон**. Его красные глаза под морщинистыми веками тоже смеялись. Может быть, лекарства, которые давали **Патрону,** действовали то возбуждающе,

то успокоительно? Теперь к нему вернулась агрессивность, и он, наверно, хотел сказать так: *Хха-хха-хха. Говоря о превращении, происшедшем благодаря космической воле, ты почему-то рассказываешь не о космическом импульсе, а о том, что творится в твоем собственном доме. Скажи мне, что представляет собой космическая воля, совершившая превращение, о котором ты говоришь? Почему по ее приказу на меня совершено нападение? Во всяком случае, я имею право спросить об этом. Хха-хха-хха.*)

— Я думаю так: космическая воля, совершившая наше *превращение,* передает свои приказы достигшим зрелости телу и духу Мори. И Мори точно знает, что представляет собой космическая воля, являющаяся источником этих приказов. Поэтому я должен, участвуя в действиях Мори, помогать ему. Я твердо знаю лишь то, что из-за своей юношеской взбалмошности способен неверно понять космическую волю, ошибочно истолковать ее приказ, поэтому, веря в существование космической воли, обязан повиноваться действиям Мори. И сюда я тоже пришел вслед за Мори. Я ничего не знаю о выработанном им плане действий! Однако мне известно, что Мори находится в непосредственной связи с космиче-

ской волей, и я повинуюсь его действиям. Это, конечно, не означает, что космическая воля может как угодно помыкать Мори. В главном он свободен, я, в общем, тоже могу действовать по собственному усмотрению. Ведь это было бы просто невежливо, если бы космическая воля, которая, не спрашивая нашего желания, не входя в наши обстоятельства, *превратила* нас, еще бы и навязывала нам свои приказы. Ни я, ни Мори не можем разрешить космической воле подобное неуважение к нам!.. Говоря «не можем разрешить», я имею в виду то, что у нас есть способ выразить космической воле свое несогласие. Мы с Мори можем перехитрить космическую волю. Мы можем сделать так, что космический компьютер, приведенный в действие для того, чтобы совершить наше *превращение,* окажется бесполезным! Иначе говоря, мы с Мори можем совершить самоубийство и тем самым сведем на нет усилия космической воли.

(Высказав это уверенным тоном, я вдруг вскрикнул оттого, что кто-то изо всех сил сдавил мне запястье! Но кто? Не кто иной, как Мори, вложив страшную силу в свою правую руку. Мори крепко сжимал мне запястье, все сильнее и сильнее; первый раз он сдавил его, когда я заявил, что если

космическая воля будет отдавать нам приказы, то проявит этим неуважение по отношению к нам, но в тот раз боли я почти не почувствовал. Вначале я испытал даже радость оттого, что мою левую руку, лежавшую на мускулистой ноге *превратившегося* Мори, крепко сжала его правая рука. И спокойно продолжал разговаривать с **Патроном**. Но тут я ощутил боль и попытался отбросить руку Мори, но восемнадцатилетнему мальчишке это оказалось не под силу. А после моих слов, что мы можем перехитрить космическую волю, совершив самоубийство, боль сделалась невыносимой и я вынужден был замолчать, обливаясь липким потом. Я укоризненно взглянул на Мори, но за бутафорской желтоватой бородой и усами уловить выражение его лица не смог. И только когда я замолчал, давление его руки сразу же ослабло. Причинив мне боль, рука Мори стала потом нежно поглаживать меня. Так в действиях правой руки Мори я усмотрел его критическое отношение к моим словам.)

— В действиях Мори, сразу же после *превращения* совершившего на вас нападение, содержался космический смысл. Ведь нападение было сопряжено с колоссальной опасностью, оно могло перечеркнуть наше *превращение*! Вашей охране

ведь ничего не стоило избить до смерти или застрелить Мори. Наконец, просто арестовать его.

Быть арестованным — что для Мори может быть страшнее! В полиции он бы, несомненно, хранил молчание; он же имеет право не отвечать на вопросы. Однако если бы власти вдруг решили установить его личность, выяснить возраст и биографию, то никакие фактические подтверждения, никакие научные выкладки не помогли бы доказать, что Мори и есть тот самый настоящий Мори!.. *Превратившись,* он стал новым человеком, а заниматься выяснением личности в масштабах земного шара невозможно. Даже если бы я заявил, что прихожусь ему отцом, и добровольно согласился, чтобы занялись выяснением моей личности, удалось ли бы мне убедить власти, что восемнадцатилетний юнец является отцом человека зрелого возраста, преступление которого доказано?

Кроме того, что стало бы с миссией, возложенной на нас *превращением,* если бы Мори был убит или арестован и ниточка между мной и им прервалась? Ведь только через Мори я могу услышать призывы космической воли, совершившей наше *превращение*. И я бы сделался подкидышем в космическом масштабе! Восемнадцатилетним

подкидышем, только что пережившим *превращение,* я был вынужден бродить из конца в конец Вселенной в поисках ответа на вопрос: что есть я, кем должен стать? И это теперь, когда мы вдвоем отвечаем за судьбы человечества?

(Внутреннее беспокойство заставило меня умолкнуть на полуслове. **Патрон** засмеялся — ххахха-хха, — а нефтепромышленник недоуменно хмыкнул. Секретари перестали всхлипывать и, слушая мои разглагольствования, сочувственно улыбались. Неужели Мори, сжимая мою руку, старается подбодрить меня?! Моему восемнадцатилетнему телу и духу он, как тогда во сне, передал благожелательное ЛИ... ЛИ... ЛИ!.. Я вновь обрел уверенность и утвердился в стремлении доказать, что мы с Мори, *превратившиеся,* избраны пинчраннерами человечества в решающий момент его жизни. Доказать всем тем, кто смеется нам в лицо, иронически хмыкает! Я не собираюсь задавать себе вопрос, за какие наши качества мы были выбраны пинчраннерами. Если мы — выдающиеся игроки, превосходящие всех людей на свете, то как постоянные члены команды уже давно должны были выйти на матч по спасению человечества. Мы не имеем права терять веру в свои силы, колебаться. Выбранные

пинчраннерами, мы стоим в базе, дожидаясь благоприятного момента. Получая указания тренера — космической воли, мы с Мори напряженно думаем: бежать немедленно или чуть переждать. Мы сами обязаны выбрать момент, когда бежать! ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ…)

— Я, как один из ваших помощников, которые выполняли для вас одну и ту же работу, не зная друг о друге, долго служил вам! Все это время я не задумывался над тем, как связано мое дело с вашими реальными замыслами. У своих помощников вы не будили желания задумываться. Однако моя крохотная работа, слившись с работой остальных, приносила конкретные плоды! Причем наша деятельность противоречила чаяниям людей, ради которых, как нам казалось, работали мы, ваши помощники!.. Используя нас, вы создавали систему господства над людьми. Ваши действия были весьма искусны. Например, вы финансировали ядерные исследования, проводившиеся революционными группами студентов. Если бы эти махинации выплыли наружу, никто бы серьезно не отнесся к ним — *крохотной группе изготовить атомную бомбу? Смехотворная детская болезнь левизны.* А когда атомная

бомба была бы изготовлена, все бы ахнули от ужаса и им бы ничего не осталось, как склонить голову перед неизбежностью. Я сам, не ведая, что творю, участвовал в реализации этого плана! Космическая воля послала вам, создателю системы господства над людьми, протест. Поскольку на Земле нет силы, способной разрушить ваши замыслы, у космической воли не было другого способа, как действовать самой… Однако здесь возникло непредвиденное обстоятельство. Оказалось; что вы больны раком и уже обречены. Зачем нужно было совершать на вас нападение, когда вы все равно умрете? Космическая воля вполне могла ничего не предпринимать, чтобы уничтожить вашу систему господства над людьми, а просто ждать! Зачем же она совершила наше *превращение* и противопоставила нас вам? Разве все это не бессмысленно?

— Нет, это не бессмысленно, — откашлявшись, сказал **Патрон** впервые за сегодняшний день ясным голосом. — Меня ждет ужасная смерть, и я теперь не в состоянии изучать резюме, связанные с проблемами космического масштаба, хха-хха-хха. Мне только хочется сделать одно замечание. Ты говоришь, что космическая воля, совершив ваше *превращение,* направила

его острие против меня. Вопрос в том, как к этому отнестись. Допустим, космическая воля действительно существует, но почему своим объектом она избрала именно меня? Ответа на такой вопрос не существует. Почему я родился на планете Земля, входящей в нашу Вселенную — одну из бесчисленного множества вселенных? Задайте этот вопрос, и ответить на него вы не сможете, хха-хха-хха. Тогда можно сформулировать так: поскольку я родился именно здесь — ничего не поделаешь, вот и все. Мне остается одно — подумать, что же мне предпринять, если, как ты утверждаешь, посланцы космической воли выступают против меня. Хха-хха-хха, ведь действительно ты или твой сын сразу же после *превращения* напали на меня. Откровенно говоря, я думал, что ты сошел с ума и, притворившись еще бо'льшим сумасшедшим, чем был на самом деле, совершил на меня покушение. Хха-хха-хха.

…В результате мне был нанесен удар по голове, я потерял сознание, и врачи, обследовав меня, обнаружили, что я болен раком в последней стадии. До этого я обращался к врачу, только когда у меня болела грудь или спина, чтобы он сделал мне обезболивающий укол! Хха-хха-хха… (**Патрон** снова заплакал.) Я считаю, что если, как

ты утверждаешь, космическая воля существует и своим объектом избрала меня, то именно она послала сигнал, сообщающий время, когда все мои счеты с жизнью будут сведены. Хха-хха-хха. (На этот раз он смеялся.) *Превратившиеся* — ты и твой сын — пришли сюда, чтобы помочь мне свести счеты с жизнью. В самом деле, если бы не руководство космической воли, ни один человек на Земле такого бы не придумал, хха-хха-хха.

Во всяком случае, с моей точки зрения, это совсем не бессмысленно. Как только я решил свести счеты с жизнью и, готовясь к этому, стал подбирать человека, которому смог бы поручить это, появляешься ты со своим сыном. **Нет, все это определенно имеет смысл!**

В это время пришла сестра, чтобы поставить **Патрону** клизму, я смущенно стал приподниматься, но стоявший за моей спиной верзила положил мне руку на плечо. Причем с такой силой, что мне показалось, будто на плечо упал какой-то огромный предмет, тяжелый и твердый. Может быть, это был превентивный удар, продиктованный опасением, что я собираюсь напасть на **Патрона**? Увидев наш с Мори наряд, сестра изумилась, но, взглянув на нефтепромышленника, вздрогнула и чуть не заплакала от страха. И

пока была в палате·, больше ни разу не взглянула ни на нас, ни на него.

Уже некоторое время в палату доносился, непрекращающийся топот множества людей, идущих по дорожке вдоль· больничного корпуса. Причем дорожка кончалась тупиком. Поэтому все они скапливались на ней, не имея возможности пройти вперед. Огромная толпа не кричала, не шумела, но все росла. Слышалось лишь глухое перешептывание. До меня долетали все эти звуки, а одновременно на старушечьем лице **Патрона,** до сих пор совершенно безразличном к шуму, доносившемуся с улицы, выразилось раздражение — виной тому была, вероятно, и обострившаяся боль. Нефтепромышленник тут же уловил это, но, поскольку он должен был наблюдать за мной и Мори, остался на месте. Он мотнул массивной головой, подавая знак, и остававшийся в палате секретарь подошел к окну посмотреть, что делается снаружи.

— Ваши земляки, сэнсэй, заняли всю дорожку, идущую к новому больничному корпусу. Там что-то, похоже, начинается… Все стоят спокойно и наблюдают. Может, прогнать их?.. Вы дали указание, сэнсэй, чтобы с ними обходились помягче, вот они и распоясались, и теперь нужно…

Патрон игнорировал слова секретаря, принадлежавшего к тому типу людей, которые начинают оправдываться еще до того, как их потребуют к ответу, и обернулся ко мне, понимая, что без меня ему не обойтись. Независимо от того, какие у **Патрона** были основания искать во мне поддержку, я был рад, что он отошел от темы нашей дискуссии — как наивен *превратившийся* восемнадцатилетний, ха-ха.

— Доложи конкретно, что они собираются делать и что делают сейчас. Ты, я надеюсь, лучше, чем он, поймешь, что там творят ряженые, ххахха-ххa.

Под недобрым бдительным взглядом подавшегося в мою сторону нефтепромышленника, у которого от напряжения на огромном лице выступили капельки пота, похожие на шарики нефти, я подошел к пылавшему злобой секретарю. Зрелище, которое я увидел, заставило меня, повернувшись к Мори, послать ему молчаливый призыв. *О, я уже однажды видел такое же прекрасное зрелище! Это были фрески, которые покрывали стены столовой калифорнийской лаборатории! Фрески, созданные одним мексиканским художником! На них изображалась вся история жизни калифорнийских индейцев,*

начиная с появления конкистадоров, искавших Эльдорадо, и кончая эрой господства американцев. Но радость, которую я испытываю сейчас, несравненно глубже, обширнее радости, вызванной просто воспоминаниями о тех фресках! Будь у меня время, я бы рассказал тебе, Мори, как безгранична эта моя радость...

Зрелище показалось мне схожим с теми мексиканскими фресками благодаря его композиционному построению. Окно в палате **Патрона** обрамлял выступающий вперед бетонный наличник, и толпа казалась вставленной в раму. На идущей вдоль ограды дорожке толпились ряженые, окружившие колесницу, а по обеим ее сторонам стояли зрители. Все были возбуждены, предвкушая празднество, в котором собирались принять участие. Над толпой, из окон стоявшего напротив корпуса, свешивались больные, санитарки, а на газоне у изгороди, спиной к нам, в ожидании замерли полицейские моторизованного отряда. Можно без преувеличения сказать, что открывавшийся взгляду вид действительно напоминал горизонтальную фреску Риверы[72].

Перед самой колесницей, глядя в нашу сторо-

[72] Примечания: 72

Диего Ривера (1886–1957) — мексиканский художник, представитель социалистического реализма и муж Фриды Кало.

ну, с величественным видом стояли карлик и толстуха, по обеим сторонам от них — охранники в черных костюмах. Они были до предела напряжены. Карлик и толстуха, выступающие в качестве руководителей, провозгласили начало празднества. Ряженые, до этого поникшие, разом оживились и распрямили плечи. Глядя на толпу сверху, с довольно большого расстояния, я понял — то, что казалось мне, когда я находился в гуще ряженых, беспорядочным сборищем, на самом деле была структурно оформленная, хотя и несколько хаотичная, группа — разнообразные костюмы ряженых воспроизводили историю их родных мест. Это, несомненно, была их собственная история, но в то же время и история всего человечества, что и вызвало мою столь глубокую радость.

— Ряженые собрались вокруг колесницы, которую они привезли с собой в Токио, — доложил я **Патрону,** напомнившему о себе кашлем. — Когда мы были с ними, ряженые олицетворяли главным образом военные и послевоенные бедствия, хотя среди них были и Чаплины, а вот смотрю сейчас и вижу там Сарудахико, Амэ-но удзумэ-но

Микото[73] и даже полководцев и финансового магната Сумитомо. Видимо, подобные наряды имеют какой-то особый смысл для людей из тех мест, но наряду с этим они воскрешают историю всего человечества. Есть среди них ряженые в нарядах, которые описаны в «Фудоки»[74], есть даже император Мэйдзи и Эйнштейн…

— В общем, деревенское шествие, в котором принимают участие ряженые, начиная с костюмов времен «Фудоки» и кончая Эйнштейном? Наверно, среди них есть и Санэмори? Хха-хха-хха. У них все так тщательно продумано, что эффект от праздника будет весьма внушительным, хха-хха-хха.

Эта тирада **Патрона** прервала мой рассказ, но тут мое внимание привлекло новое зрелище. Среди толпы, окружившей ряженых, я увидел походившую на замерзшую птицу жену, бывшую жену, в черном платье с красным платком на шее и великана брата, охраняющего ее. В некотором отдалении от них, но в таком месте, чтобы не упустить их из виду, стояла Ооно Сакурао в

---

[73] Примечания: 73

Божества синтоистского пантеона.

[74] Примечания: 74

«Фудоки» — историко-географический памятник древней Японии «Описания Земли и нравов». (VIII в.)

желтом пальто. Ее толкали со всех сторон, и она сама без конца наступала на ноги окружающим. Рядом с ней были двое из *Корпуса лососей* — они смотрели вверх, на здание клиники, надеясь увидеть Мори. Когда я заметил их, мне показалось, что вся эта глазеющая толпа — участники закончившегося потасовкой митинга против строительства атомных электростанций, и здесь сейчас снова собрались две враждующие революционные группы. В таком случае и присутствие моторизованной полиции необходимо, ха-ха.

Не видно было только **Добровольного арбитра,** но мои глаза, упорно рыскавшие по толпе, в надежде, что кто-кто, а **Добровольный арбитр** должен здесь обязательно быть, вдруг на мгновение выхватили из толпы маленькое личико человека в светло-коричневом хлопчатобумажном костюме — серьезное лицо **Справедливца**! Я весь задрожал от радости. *Мори, то, что* **Справедливец** *умер, неправда, если начнется схватка, этот пожилой математик вытащит свои вставные челюсти и будет всех подряд кусать ими, будет мужественно сражаться, посмотри туда!* — закричал я беззвучно и тут же потерял из виду **Справедливца** и снова отыскать его уже не мог.

— Не окажется ли этот праздник настолько чудотворным, что он уничтожит вирус рака? Хха-хха-хха, ты тоже ряженый и, несомненно, должен знать, о чем они будут молиться, хха-хха-хха. Может быть, они захотят отправить меня в безвозвратную даль и уничтожить, как вредное насекомое? Хха-хха-хха.

О чем будут молиться, не знаю. Возможно, им и самим это как следует неизвестно. Они говорили, например, о защите десяти миллионов человек. Ясно лишь то, что ряженые вокруг колесницы своими нарядами образуют некий микрокосм… Если мы с Мори, двое *превратившихся*, вольемся в этот микрокосм, он станет более напряженным — вот что мне представляется. А если бы еще и вы влились! — сказал я и еле удержался, чтобы не продолжить: в этом своем наряде *беременной старой карги.*

— Неужели я, страдая раком и находясь на пороге смерти, могу выступать ряженым? — возмутился **Патрон,** и это было вполне естественно, ха-ха.

Я вернулся на свое место, так и не получив возможности еще раз убедиться, действительно ли это был **Справедливец**. Однако недовольство **Патрона** продолжалось недолго, он только понял,

что вести бесконечные споры со мной, человеком, одержимым химерами, бессмысленно, и, будучи реалистом, решил, что наступила удобная минута, чтобы кое-что предложить нам, двум *превратившимся*. Я снова оказался под надзором нефтепромышленника, а **Патрон** сделал мне следующее, более чем конкретное, предложение:

— Ты и твой сын должны выслушать мой план до конца. Или вы не хотите меня слушать? Если вы собираетесь уйти отсюда, не дослушав моего рассказа, то из-за недавнего нападения на меня у вас возникнут серьезные осложнения с полицией, о которых ты сам только что говорил; так что вам стоит меня послушать, если, конечно, ваше *превращение* — факт, ххха-ххха-ххха.

— Разумеется, выслушаем, — ответил я и почувствовал на своей руке одобрительное пожатие Мори. — *Разумеется, выслушаем!*

— Мой план — тебе, видимо, он известен — связан с идеей ядерного вооружения студентов, ххха-ххха-ххха. У меня здесь имеется кое-что для воздействия на студенческие группы!

Патрон тяжело дышал, как регбист, прикрывавшая его простыня двигалась вверх и вниз. Он дотрагивался пальцами до своего вспухшего живота, подпиравшего подбородок. На мгновение я

подумал: *Не прячет ли он там готовую атомную бомбу?!* — и пришел в ужас оттого, что вырвавшийся оттуда страшный яд, обезвредить который невозможно, прольется на весь Токио!.. В это время нефтепромышленник, поняв указание, сделанное **Патроном** движением головы, поводя могучими, как у Нио, плечами, направился было к кровати, но, задев за стену металлической палкой, которая была у него в руках, вскрикнул от неожиданности и, присев, положил ее на пол. Продолжая приседать, он приблизился к кровати и, будто перезаряжая старинный фотоаппарат, запустил обе руки под одеяло, которым был укрыт **Патрон**. От напряжения он нахмурился и крепко сжал губы. Потом из живота умирающего **Патрона,** будто извлекая плод беременной старой карги, вытащил вспухший кожаный саквояж!

– *...Пятьсот миллионов наличными.* Я хочу, чтобы вы употребили эти деньги для ведения работы в студенческих группах, причем должен быть взят курс на слияние заводов обеих групп, изготавливающих атомные бомбы. Ваше дело — купите ли вы на эти деньги обе группы и заставите их слиться или, наоборот, руками одной уничтожите другую. Во всяком случае, если останется одна группа и будут объединены

оборудование и ядерное сырье, за пять-шесть недель удастся создать атомную бомбу… Затем под руководством тех, кто ответствен за общественную безопасность, при моем содействии *будут арестованы все, кто тайно изготовлял атомную бомбу!*

Потрясенный, я смотрел на живот **Патрона,** выглядевший так, будто по нему проехал каток. И тут я начал смеяться. Я так смеялся, что чуть было не упал со стула. Да как же мне было не смеяться? Из живота *беременной старой карги,* врага, к которому, выполняя указания космической воли, нам удалось наконец подобраться, родилось чертово дитя, несущее человечеству неисчислимые бедствия. Появились антихристовы пятьсот миллионов иен. *Мог ли я не смеяться?!*

2

— Для осуществления своего плана я избрал именно тебя потому, что ты человек, готовый бессмысленно смеяться, невзирая на место и время. Ты — прирожденный шут, — издевался надо мной **Патрон,** наблюдая налитыми кровью, тусклыми глазами, как я безудержно хохочу. — В отличие от пережитой мной атомной бомбардировки Хиросимы пережитая тобой атомная

бомбардировка — комедия… Но я не обращаю на это внимания, ведь ты сейчас смеешься у постели старика, которому прекрасно известно, что он умирает от рака.

— Простите, — сказал я, но, неосторожно взглянув на плоский живот **Патрона,** снова фыркнул.

— Если ты такой комедиант… комедиант, способный утверждать, что восемнадцатилетний *превратившийся,* бывший до этого тридцативосьмилетним, вместе со своим двадцативосьмилетним сыном, бывшим до этого восьмилетним, действует на благо человечества, то полиция не заподозрит, что эти деньги имеют ко мне отношение, даже если они и будут обнаружены, — объяснял **Патрон,** не мне, продолжавшему смеяться, а нефтепромышленнику, несомненно, доставившему сюда эти деньги, который снова оказался у нас за спиной. — Но поскольку именно этот человек должен будет действовать в критический момент, он и появился здесь, эта странная личность, в не менее странном наряде, ххa-ххa-ххa.

Наконец мне удалось справиться со смехом, и теперь уже беззвучно смеялся **Патрон**. Глаза он прикрыл морщинистыми веками и сложил на плоском животе костлявые руки, пальцы кото-

рых казались невероятно длинными — на них почти не было плоти. Не знаю почему, я внимательно следил за тем, как на его лице, где-то у покрасневших ноздрей, у полуоткрытого рта со сверкающими искусственными зубами, у мочек ушей, рождается смех. В этом смехе **Патрона** я видел не просто насмешку над нашими нарядами — это был отвратительный смех человека, издевающегося над всеми людьми, вообще над всем, с чем он сталкивался в своей жизни, над всем, что ему пришлось пережить. И поэтому мне теперь было не до смеха.

— Таким способом вы хотите передать информацию полиции, и тогда эти несколько сотен миллионов, предназначенных заводам, оснащенным необходимым для изготовления атомной бомбы оборудованием и ядерным сырьем, заводам, которыми руководит группа талантливых студентов физического факультета, вынужденных уйти в подполье в результате беспорядков в университете, послужат тому, чтобы вы могли взять контроль над всем происходящим в свои руки. Средства массовой информации назовут то, что делают студенты, *величайшим после войны антигосударственным заговором,* а все японцы сплотятся, проникшись ненавистью к группам,

создавшим подпольные заводы. И тут вы превратитесь в благородного спасителя сплотившегося народа! Ведь вы окажетесь тем, кто раскрыл заговор, целью которого было либо свершение революции при помощи ядерной угрозы, либо уничтожение всех жителей Токио, включая императорскую семью. И вы умрете блистательной смертью национального героя, которого еще не знала история человечества, смертью величайшего японца нашего времени. Вместо того чтобы одиноко умереть от рака в ненависти и печали… Вы станете национальной гордостью, день вашего рождения превратится в национальный праздник, невинные дети по· всей стране будут распевать в вашу честь гимны, на всеяпонском празднестве наследный принц возложит хризантемы у вашего портрета. И вы станете **Патроном всего народа нашей страны**. Ваш образ истинного героя ядерного века обойдет весь мир, станет достоянием всего человечества…

Мои слова не вызвали у **Патрона** никакой реакции, кроме слабой улыбки, а в это время ожидающие празднества ряженые, о которых я чуть раньше докладывал **Патрону,** подняли под окнами бесстыдный и веселый гомон, готовясь то ли к танцам в память умерших, то ли к обря-

ду очищения. Я замолчал — сцепленные руки **Патрона,** теперь вытянутые вдоль одеяла, чуть дрожали, и я подумал, что шум за окном, видимо, не мешает ему спать. Но на лице **Патрона** снова появилась еле заметная улыбка, и он снова заговорил, и голос его звучал еще тише, чем если бы он беззвучно касался языком своих вставных зубов.

— Ну так как, согласен? Люди, отвечающие в своих группах за финансы, выплатят тебе комиссионные, пятьдесят миллионов, — не делай такого лица, хха-хха-хха, обычная практика, существующая во всем мире, хха-хха-хха.

Спровоцированный его улыбкой, я заколебался! *В самом деле, может, и вправду взяться! Пока он до недавних пор был беременной старой каргой, я, опасаясь его идей, считал величайшим преступлением помогать ему в осуществлении честолюбивых планов. А у него из брюха явились деньги, огромные, но всего лишь деньги. Смех. Взяв на себя поручение* **Патрона,** *я смогу контролировать то, что в результате этого произойдет в мире. В конце концов обязательно настанет черед двух превратившихся. Этот больной раком старик, видя, как рушатся его ядерные планы, все равно умрет как герой. Но это не явится кон-*

цом. Двое превратившихся будут располагать не только моим техническим умением и теоретическими знаниями, но и огромными деньгами! И поскольку наше превращение· произошло благодаря воле — силе космического масштаба, это естественно, что единственную силу космического масштаба, которую знает человечество, а именно силу ядерного взрыва, получат двое превратившихся?

…Думая об этом, я ощущал, как мое левое запястье все сильнее сжимает правая рука Мори. Не в силах терпеть боль, я попытался высвободиться, но железная рука Мори не выпускала моего запястья. Я взвыл, взвыл и Мори, из последних сил терзавший мою руку.

Теряя сознание от невыносимой боли, я вспомнил первое в своей жизни страдание. Еще ребенком я понял, что правой рукой могу сделать что угодно, а потом, поняв, что и левой рукой могу сделать что угодно, заставил их сражаться. Мать, увидев мои окровавленные руки, привязала каждую отдельно к столбу на кухне. *Может быть, потому, что мне не удалось довести до конца сражение своих рук, я всю свою жизнь нахожусь во взвешенном состоянии, ничего не сумев завершить,* подумал я, вопя от боли.

Патрон, теперь открывший покрасневшие от возбуждения глаза, с нетерпением ожидая моего ответа, смотрел на меня, исходившего криком, будто насмехаясь: какие у тебя есть шансы обеспечить свое существование, кроме как капитулировать и быть у меня на побегушках. И я, обратившись то ли к космической воле, то ли к **Патрону,** крикнул, изо всех сил напрягая голос:

— СОГЛАСЕН! — И тут же, пнув ногой кровать, бросился на стоявшего сзади противника!

Я с трудом вытащил голову, оказавшуюся между ног нефтепромышленника, которого я боднул в пах, за секунду до того, как на меня обрушился новый удар, я увидел сражающегося Мори. Мори, который в тот миг, как я бросился на стоявшего сзади нефтепромышленника, отпустил мою руку и, схватив валявшуюся на полу металлическую палку, стал избивать **Патрона**. Потом я увидел мужественное лицо Мори в тот момент, когда он, выбив окровавленной палкой стекло и искоса взглянув на преследующих его секретарей, выпрыгнул наружу, прижав к груди кожаный саквояж с пятьюстами миллионами иен! Схватившись с могучим противником, я с трудом удерживал его, чтобы тот не бросился на помощь **Патрону,** — то, что я увидел, заставило

меня трепетать от волнения, так не подходящего *превратившемуся* мальчишке родительского волнения: ради того, чтобы хоть на мгновение увидеть героические действия Мори, стоило растить и воспитывать его! И я закричал, надрывая грудь и горло: ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… Закричал изо всех сил: ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ…

Отброшенный огромным ботинком нефтепромышленника, я упал на осколки оконного стекла, а когда с трудом поднялся на ноги, увидел в центре площадки, освобожденной галдящей толпой, пылающую колесницу. Ряженые, все до одного, вытащили спрятанные под одеждой бидоны с керосином и лили его в огонь. К полыхавшей колеснице бежал, преследуемый полицейскими, Мори. Размахивая полураскрытым саквояжем, с развевающимися лохматыми волосами, Мори, сопровождаемый криками ряженых, криками толпы, взобрался на изгородь и прыгнул в горящую колесницу! Когда он бросился вниз головой в бушующее пламя и тело его еще летело в воздухе, уже загорелись волосы и сыпавшиеся из саквояжа деньги. Последний честолюбивый план **Патрона,** теперь мертвого, с отвисшей челюстью — я увидел его через плечо склонившегося над

ним нефтепромышленника, — превратился в пепел. И в горящего Мори. Меня снова повалили на осколки стекла, набросились полицейские — я был весь в крови, как новорожденный, и кричал изо всех сил сквозь рыдания: ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ… ЛИ…